ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2020. № 11

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Владивосток Долгопрудный Екатеринбург Казань Кемерово Красноярск Курск Магнитогорск Москва Новосибирск	Петрозаводск Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Смоленск Сыктывкар Улан-Удэ Челябинск Чжэньцзян (Китай) Чурапча Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	94 %	

Дата выхода в свет 30.11.2020

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 11

Impact factor RSCI 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Science Index (Rus) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

Языкознание

Грибер Ю. А. Русские термины сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в многоязычной лексикографической репрезентации словаря «EwaGlos» 9

Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Почти «прямой маршрут»: идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша 31

Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. «Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: мифология на службе номинации (вепсские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра) 53

Ильина Ю. Н. Глаголы со значением ‘изменить выражение лица на обозначающее негативные эмоции’ в словаре диалектоносителя 67

Никонова Е. А. К вопросу о жанровой типологии текстов СМИ 79

Семёнова Н. В., Григорьева Н. О., Полежаева Ж. Ю. Грамматическая семантика сложноподчиненного предложения с союзом непосредственного следования ***едва*** 98

Шулежкова С. Г., Михина О. В. Болгаристика вчера, сегодня, завтра (к выходу в свет книги Slawistik. —Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.) 112

Юрьева Н. М. Посреднические речевые действия взрослого в рассказывании истории ребенком: к гипотезе об интерактивной природе повествования в речевой деятельности ребенка 132

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Ай Хуэйжун. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях 154

Аминева В. Р. Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков: особенности функционирования и поэтика 177

Власова О. А. «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии: перспектива диалога 193

Гимранова Ю. А., Седова Е. С. Интертекстуальные отсылки к повести А. К. Дойла «Этюд в багровых тонах» в современной литературе (на примере рассказов Н. Геймана «Этюд в изумрудных тонах» и Я. Вагнер «Этюд в лиловых тонах») 211

Минеева И. Н., Пашкова Т. В. Топос «Карьяла» в билингвальной поэзии А. Волкова 228

Нужная Т. В. Ориентальный пейзаж в романе Ж. де Нерваля «Путешествие на Восток» 242

Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта 254

Устиновская А. А. Перевод как форма литературной коммуникации в поэзии Серебряного века: три лирических версии стихотворения Поля Фора 269

Фарафонова О. А. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века 281

Исторические науки. Этнография. Этнология

Бакулов В. Д., Егоров А. А., Клочков В. В., Назарова В. С. Политические клубы и пресса в России и Англии в 20—30-е годы XIX века: российское общественное мнение о партии тори 297

Белянин Д. Н. Медицинская помощь переселенцам во время следования в Сибирь в 1906—1914 годах 315

Богатырева О. Н. Защита прав беженцев в Латинской Америке: эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984—2014) 335

Данилова Н. К. Ритуальная одежда народа саха: ***танаалай сон*** (историческая память и семантика) 362

Зориктуев Б. Р. К вопросу о двух монгольских государствах в начале XIII века 379

Кононова Т. Л. Земские сельские народные библиотеки Курской губернии и их читатели (конец XIX — начало XX веков) 396

Кореневский А. В., Николаева Н. Д. Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «переяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого 410

Мамяченков В. Н., Власова Н. Ю., Анисимов А. Л. Денежные доходы и расходы колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы) 423

Нестеров А. Г., Третьяк И. Р. «Одноглазый дракон» Ли Кэюн в исторической и художественной литературе Китая эпохи Сун (X—XIII века) 436

Полынов М. Ф. Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984—1985 годы) 448

Райнхардт Р. О. Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824—1825) 466

Федорова В. И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков: социально-демографическая динамика 477

Филиппова В. В., Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Захарова Н. Е., Местникова А. Е. Анабарский регион Якутии в XX — в начале XXI веков: особенности этнокультурного ландшафта 495

АВТОРАМ 509

CONTENTS 513

Языкознание
Linguistics

Екатерина Андреевна Никонова, канд. филол. наук (Москва)
Жанна Юрьевна Полежаева, канд. филол. наук (Кемерово)
Лидия Владимировна Енина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Надежда Михайловна Юрьева, д-р филол. наук (Москва)
Надежда Олеговна Григорьева, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Наталья Борисовна Граматчикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Наталья Владимировна Семёнова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Нина Григорьевна Зайцева, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Ольга Викторовна Михина, канд. пед. наук (Магнитогорск)
Ольга Юрьевна Жукова, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Светлана Григорьевна Шулежкова, д-р филол. наук (Магнитогорск)
Юлия Александровна Грибер, д-р культурологии (Смоленск)
Юлия Николаевна Ильина, канд. филол. наук (Сыктывкар)

Грибер Ю. А. Русские термины сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в многоязычной лексикографической репрезентации словаря «EwaGlos» / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 9—30. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-9-30.

Griber, Yu. A. (2020). Russian Conservation Terms for the Wall Paintings and Architectural Surfaces in the Multilingual Lexicographic Representation of the Dictionary "EwaGlos". *Nauchnyi dialog, 11:* 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-9-30. (In Russ.).

УДК 811.161.1'374.26:75+81'374.82
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-9-30

Русские термины сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в многоязычной лексикографической репрезентации словаря «EwaGlos»[1]

© Грибер Юлия Александровна (2020), orcid.org/0000-0002-2603-5928, Researcher ID AAG-4410-2019, SPIN 8214-8269, доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет» (Смоленск, Россия), y.griber@gmail.com.

Рассматриваются принципы отбора русских терминов сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в многоязычной лексикографической репрезентации иллюстрированного словаря «EwaGlos», который позволил впервые в отечественной и мировой практике привести в систему сложившиеся в русском языке термины этой сферы и согласовать их с терминологическими системами четырнадцати других языков: английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, болгарского, хорватского, турецкого, польского, румынского, венгерского, японского, арабского и персидского. Представлены результаты количественного анализа русских терминов на нескольких уровнях: (1) структурном (с точки зрения количества компонентов), (2) частеречном (с точки зрения распределения частей речи, реализующих терминологические функции), (3) этимологическом (с точки зрения происхождения терминов и основных путей обогащения терминологии), (4) морфологическом (с точки зрения морфемной структуры терминов-слов), (5) синтаксическом (с точки зрения моделей построения терминов-словосочетаний), (6) лексическом (с точки зрения стратификации терминов и типов терминологического наименования), (7) логико-семантическом (с точки зрения таксономии терминов, гипо- и гиперонимических отношений).

Ключевые слова: русский язык; термин; лексикография; многоязычный словарь.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов (проект № 19-2-017242).

1. Введение

В конце XX века одновременно в разных странах началась активная работа по систематизации и лексикографической репрезентации национальных терминологий сферы охраны и восстановления культурного наследия. Были реализованы крупные словарные проекты на французском [Mora et al., 1977; Petit et al.,1991; Petit et al., 2005], итальянском [Dizionario …, 2003; 2010; Nimmo, 2001; Paolini et al., 2005], испанском [Diccionario …, 2008; Martínez Cabetas et al., 2003], английском [CAMEO; Xarrié, 2005; 2006a; 2006b], немецком [Katalog …, 2012], хорватском [Matulić, 2012] и других языках.

К этому времени относятся и первые успешные попытки систематизации терминов культурного наследия и реставрации на русском языке [САРТ, 1990; ТРАН, 2011], которые позже были дополнены небольшими по объему учебными словарями [ОКРКО, 2012; СТРПМИ, 2014] и более узкими глоссариями, как правило, посвященными какому-то одному аспекту реставрации: химии в реставрации [ХР, 1990], реставрационным и живописным материалам [РЖМ, 2013], реставрации мебели [РСР, 2016]. Значительный вклад в систематизацию терминологии внесли утвержденные и введенные в действие в 2016—2018 годах Центральными научно-реставрационными проектными мастерскими государственные стандарты, определяющие основные термины сферы сохранения объектов культурного наследия в русском языке. В общей сложности в них вошло 482 термина, распределенных на 6 частей: 60 общих понятий, характеризующих состав и содержание научно-проектной документации [ГОСТ Р 56891.1–2016]; 69 терминов, определяющих виды объектов культурного наследия и категории их историко-культурного значения [ГОСТ Р 56891.2–2016]; 55 понятий, которые используются в сфере сохранения объектов культурного наследия — произведений монументальной живописи, монументальной скульптуры, декоративно-прикладного искусства и малых архитектурных форм, являющихся произведениями искусства [ГОСТ Р 56891.3–2016]; 43 термина, связанных с историческими территориями и историко-культурными ландшафтами, включая произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства [ГОСТ Р 56891.4–2016]; 152 понятия, которые используются в деятельности по сохранению деревянного зодчества [ГОСТ Р 56891.5–2017]; 103 термина, касающихся определения типологических и технологических особенностей памятников каменного зодчества [ГОСТ Р 56891.6–2017].

Все эти национальные словарные проекты привели в систему сложившуюся в области сохранения объектов культурного наследия

терминологию. Они помогли установить для каждого понятия один стандартизованный термин, допуская изменения приведенных определений за счет добавления производных признаков и перечисления объектов из объема определяемого понятия. Однако современная ситуация поставила руководителей словарных проектов перед новыми вызовами. Заметно выросли темпы мобильности и количество совместных исследований, выполняемых международными коллективами. Коренным образом изменился формат обработки данных и имеющейся информации, который потребовал сделать в систематизации терминологии следующий важный шаг — согласовать термины разных языков друг с другом.

Еще пять лет назад наиболее известными многоязычными справочными изданиями в сфере охраны и восстановления культурного наследия считался словарь П. Мора, Л. Мора и П. Филипот, который в 1977 году был издан на французском языке [Mora et al., 1977] и в последующие декады переведен на английский, румынский, итальянский и испанский [Mora et al., 1984, 1986, 1999; La conservación …, 2003]. Значительный вклад в международную стандартизацию терминов сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей вносили также двуязычные англо-немецкие справочники и нормативы [Apelt, 1987; DIN 55943; DIN EN 15898:2011; DIN EN 16572:2015; DIN 18195-1:2011-12; Restauratoren-Fachwörterbuch …, 2013], словарь сферы охраны памятников на трех языках: немецком, английском и французском [Glossarium Artis …, 2008], глоссарий реставрации книг и глобусов на четырех языках (немецком, английском, французском, итальянском) [Kuhn, 1985] и, главным образом, словарь терминов сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей «EwaGlos» [EwaGlos, 2015], который разрабатывался, опираясь на успешный опыт создания иллюстрированного глоссария по сохранению памятников из камня [Illustrated …, 2008], и включал термины на одиннадцати языках: английском, немецком, французском, итальянском, испанском, болгарском, хорватском, турецком, польском, румынском и венгерском.

Термины русского языка были представлены лишь в нескольких изданиях, наиболее значимые из которых — двуязычный русско-английский глоссарий иконописных, богословских и реставрационных терминов [РААРГИБРТ, 2001]; пятиязычный учебный словарь по архитектуре, градостроительству и реставрации [АГРД, 2013]; шестиязычный словарь основных терминов по сохранению архивов и библиотек [Glossary …, 1988]. В специализированные многоязычные словари, систематизирую-

щие терминологию сферы охраны и восстановления объектов и территорий, имеющих историческое, культовое и культурное значение, термины на русском языке включены не были, и это существенно снижало качество машинного перевода и информационного поиска. Как следствие, русскоязычные научные и профессиональные тексты этой сферы часто имели только локальную известность (см. подр.: [Девель, 2016; 2019]).

В такой ситуации особую актуальность приобрела разработка русскоязычной версии иллюстрированного словаря «EwaGlos»[1] [EwaGlos, 2020], который позволил впервые в отечественной и мировой практике привести в систему сложившиеся в русском языке термины охраны и восстановления архитектурных объектов и согласовать их с терминологическими системами четырнадцати других языков: английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, болгарского, хорватского, турецкого, польского, румынского, венгерского, японского, арабского и персидского. Таким образом, всего в словарь вошли термины на пятнадцати языках. Одиннадцать языков относились к четырем разным группам (славянской, германской, романской и иранской) индоевропейской семьи, четыре других входили в финно-угорскую (венгерский), тюркскую (турецкий язык), японо-рюкюкскую (японский) и семитскую (арабский) семьи (табл. 1).

Цель статьи заключается в том, чтобы представить принципы отбора и количественный анализ вошедших в словарь терминов русского языка на нескольких уровнях: (1) структурном (с точки зрения количества компонентов), (2) частеречном (с точки зрения распределения частей речи, реализующих терминологические функции), (3) этимологическом (с точки зрения происхождения терминов и основных путей обогащения терминологии), (4) морфологическом (с точки зрения морфемной структуры терминов-слов), (5) синтаксическом (с точки зрения моделей построения терминов-словосочетаний), (6) лексическом (с точки зрения стратификации терминов и типов терминологического наименования), (7) логико-семантическом (с точки зрения таксономии, гипо- и гиперонимических отношений).

1 В проекте под руководством Ю. А. Грибер (автор настоящей статьи) приняли участие преподаватели-социологи и переводчики «Лаборатории цвета» Смоленского государственного университета, а также представители научных и образовательных учреждений в России и за рубежом. Электронная версия словаря размещена на сайте лаборатории: ewaglos.herokuapp.com/. Скачать книгу можно по адресу: color-lab.org/publikacii/.

Таблица 1

Характеристика языков

Русский	RU	Индоевропейская семья, славянская группа, восточная подгруппа
Болгарский	BG	Индоевропейская семья, славянская группа, южная подгруппа
Хорватский	HR	Индоевропейская семья, славянская группа, южная подгруппа
Польский	PL	Индоевропейская семья, славянская группа, западная подгруппа
Английский	EN	Индоевропейская семья, германская группа
Немецкий	DE	Индоевропейская семья, германская группа
Французский	FR	Индоевропейская семья, романская группа
Итальянский	IT	Индоевропейская семья, романская группа
Испанский	ES	Индоевропейская семья, романская группа
Румынский	RO	Индоевропейская семья, романская группа
Персидский	FA	Индоевропейская семья, иранская группа
Венгерский	HU	Финно-угорская семья
Турецкий	TR	Тюркская семья
Японский	JP	Японо-рюкюская семья
Арабский	AR	Семитская семья

2. Принцип отбора терминов

Отбор терминов проводился членами международного консорциума из семи различных стран и включал несколько этапов (см. подр.: [Ewaglos, 2020, с. 6—7]). В общей сложности над проектом работало около 70 специалистов, представляющих разные поколения и дисциплины, некоторые — носители двух и более языков.

Сначала эксперты-носители разных языков отбирали в текстах научных и научно-популярных статей, опубликованных в национальных профильных журналах, наиболее часто встречающиеся термины.

Далее на основе частотных списков на разных языках в режиме мозгового штурма был составлен единый список наиболее важных терминов сферы сохранения монументальной живописи и архитектурных поверхностей, в который вошли 200 единиц. Отбор проводился с учетом современного состояния культурного наследия, а также общепринятых современных (а не исторических) методов и материалов обработки. Кроме этого, в список были включены термины, настолько широко употребляемые непосредственно при проведении работ, что их практически никогда не объясняют, например, *ремонт кромки, выравнивающая штукатурка, кирпичная мука* или *песок*. Термины должны

были быть самостоятельными и не пересекаться друг с другом по значению.

Определения и комментарии составлялись на основе одно- и мультиязычных словарей терминов реставрации и консервации, согласовывались на английском языке, а затем переводились на родные языки привлеченных исследователей и дорабатывались в соответствии с национальными особенностями использования.

3. Структура словарных статей

Согласно принятой концепции, словарь строился по тематическому принципу и включал четыре раздела:

Раздел 1. Технические приемы декоративно-прикладного искусства (Строительство. Дизайн поверхности. Строительные приспособления)

Раздел 2. Условия (Причины и процессы разрушения)

Раздел 3. Вмешательства (Документация и исследования. Превентивная консервация. Сохранение. Реставрация)

Раздел 4. Материалы

Внутри тематических групп термины следовали в логической последовательности. Все словарные статьи имели одинаковую структуру и содержали следующие информационные зоны:

— термин на русском языке;

— определение термина на русском языке;

— комментарий, раскрывающий для пользователя смысл термина и поясняющий, в каком контексте он обычно используется;

— изображение, поясняющее термин;

— варианты и синонимы русского термина; соотносительные термины, согипонимы;

— эквивалентные дескрипторы каждого термина на 14 языках: английском, немецком, французском, итальянском, испанском, болгарском, хорватском, турецком, польском, румынском, венгерском, арабском, персидском и японском;

— определение эквивалентного понятия на английском языке;

— комментарий, раскрывающий для пользователя смысл эквивалентного английского термина и поясняющий, в каком контексте он обычно используется;

— источники, в которых значение рассматриваемого термина объясняется более подробно.

Перекрестные ссылки в конце словарных статей использовались для связи терминов, которые имели сходное значение, давали дополнительную

информацию, а также для различения терминов, значения которых иногда ошибочно смешивают.

Общий корпус русскоязычного словаря составили 2940 базовых терминов (по 196 на каждом из языков). Длина каждой словарной статьи ограничивалась объемом в 730 знаков:

КАМЕННАЯ КЛАДКА (RU): Mauerwerk (DE); Maçonnerie (FR); Zidanje (HR); Budownictwo (PL); Duvar (TR); Fal (HU); Zidărie (RO); Зидария / Градеж (BG); Muratura (IT); Fábrica (ES); 組積造 (JP); بنّایی (FA); البنـــاء (AR).

Определение. Строительная конструкция, состоящая из блоков, уложенных в определенном порядке. Блоки могут быть природными или искусственными, изготовленными из натурального камня (бутового или тесаного), необожженного кирпича-сырца (самана), кирпича, бетона. Блоки соединяются между собой с помощью строительного раствора, цемента и / или арматуры.

Комментарий. При возведении раствор может не использоваться (сухая кладка). Каменная кладка выполняет прежде всего несущую, конструктивную и оградительную функции, но при этом может включать и декоративные элементы. Каменная кладка уже представляет собой поверхность с архитектурной отделкой, однако может также использоваться как основа для стенной росписи или штукатурки.

→ *Кирпич-сырец (саман),* → *кладка из тёсаного камня,* → *кирпич,* → *штукатурка,* → *бутовая кладка.*

MASONRY (EN). Definition. The art and craft of building which creates structures from building blocks (masonry units). These blocks can be extracted or manufactured, and include stone (rubble or ashlar), adobe, brick, and concrete. They are also bonded together with mortar, and possibly grout and / or reinforcement.

Comment. Building is carried out either without mortar (dry wall) or with mortar. Above all, masonry has a static, structural, and protective function, and it may also incorporate decorative elements. Masonry provides an architectural surface in itself, but it can also serve as a support for wall paintings or decorative surfaces made of various plasters or renders.

→ *Adobe,* → *ashlar stone masonry,* → *brick,* → *plaster,* → *rubble masonry.*

В дополнение к печатной версии словарь имеет электронный информационно-поисковый модуль [EwaGlos]. Формат представления электронной версии регламентируется стандартом ГОСТ 7.0.91-2015 (ИСО 25964-1:2011) [ГОСТ 7.0.91-2015]. Электронный словарь создан на платформе Django, которая хорошо подходит для описания многоязычных тезаурусов

с иерархией терминов на разных языках. Электронное представление осуществляется на языке программирования Python с использованием базы данных PostgreSQL, что существенно оптимизирует как процесс его постоянного пополнения, так и поиск по запросам с различными задачами выборки.

4. Количественный анализ русских терминов в многоязычной лексикографической репрезентации словаря «EwaGlos»

Структурный анализ терминов русского языка. С точки зрения формальной структуры (см. подробнее: [Даниленко, 1977, с. 45]) представленные в словаре термины сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей включают термины-слова (однословные термины) (например, *аэрозоль*) (50 %) и термины-словосочетания — бинарные (например, *акриловая живопись*) (36 %) и многокомпонентные термины (например, *быстро сохнущее масло*) (14 %).

Похожая формальная структура характерна и для большинства других языков. Соотношение этих единиц в 10 из 11 исследуемых индоевропейских языков оказалось похожим и характеризовалось небольшим преобладанием (51—52 % от общего количества) однокомпонентных единиц в английском, русском и хорватском языках или, наоборот, многокомпонентных терминов (51—54 %) в итальянском, румынском, французском, польском, болгарском и испанском. Статистически значимой оказалась структурная специфика терминов немецкого языка, в котором количество терминов-слов (85 %) значительно превосходило число терминов-словосочетаний. Минимальное количество терминов-сочетаний в немецком языке объясняется тем, что в нем существенно чаще, чем в других исследуемых языках, используются сложные слова, в которых определяющие (первые) компоненты достаточно часто берут на себя функцию прилагательных.

Частеречный состав терминов русского языка. Основной частеречный состав терминов русского языка составляют существительные (72 %). В словарных статьях на русском языке они либо выступают на правах однословной единицы в функции вокабулы (заглавного слова) и формируют, таким образом, отдельную словарную статью (29 %), либо используются в качестве главного компонента в составе именных бинарных и многокомпонентных терминосочетаний (43 %), служивших самостоятельным цельным заголовочным элементом при составлении словарной статьи.

Характерная для технической терминологии глагольность как категория действия выражается в форме отглагольных существительных с суффиксами *-ниј* (с вариантами *-тиј, -ениј, -аниј*: *вдавливание, наложение,*

восстановление, раскрытие и др.), *-к(а)* (*лессировка, маркировка, насечка* и др.), *-ций* (*карбонизация, деформация, инфильтрация* и др.), *-аж* (*дренаж*), *-ок* (*подмалевок*); которые составляют пятую часть (20 %) всех терминологических единиц и совмещают в себе значение действия и абстрактной предметности. Этот результат согласуется с данными проведенных ранее исследований словарей терминологии (см. напр.: [Иванов, 2004, с. 291—292]) и объясняется номинативным характером терминов, который является одним из их ключевых признаков.

Чаще других используется суффикс *-ний(е) / тий(е)*, который не только подчеркивает сохранение акциональных свойств основы, но и указывает на протяженность и длительность процесса (ср.: [Пазельская, 2009, с. 65—91]).

Прилагательные, которые присутствуют в качестве структурного компонента почти в четверти всех терминов (23 %), чаще всего характеризуют материал (*кирпичный*), размер (*тонкий*), способ (*бесконтактный*), консистенцию (*жидкий*), стадию (*подготовительный*), цвет (*белый*), назначение (*имитационный*). Причастия (2 %), предлоги, союзы (по 1 %) и наречия (менее 1 %) встречаются крайне редко.

Структура терминов-слов русского языка. С точки зрения морфемной структуры (рис. 1) однословные термины на русском языке включают:

— корневые (непроизводные) термины, основа которых совпадает с корнем (*гипс, интонако, лак* и др.) (34 %);

— аффиксальные (производные) термины, основа которых, помимо корня, содержит один или несколько аффиксов (*аппликация, добавка, запись* и др.) (63 %);

— сложные термины, включающие несколько корневых морфем, которые пишутся слитно или через дефис (*кирпич-сырец, фотодокументация* и др.) (2 %).

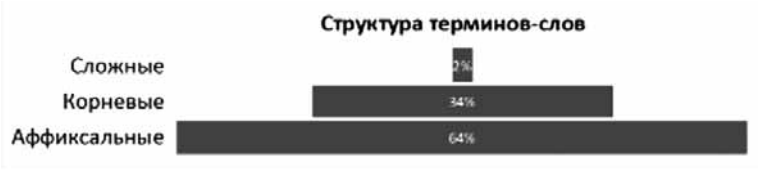


Рис. 1. Структура терминов-слов

Структура терминов-словосочетаний русского языка. Бинарные термины русского языка по структуре представляют собой субстантивные словосочетания, образованные по двум основным моделям: прилагательное +

существительное (например, *акриловая живопись*) (60 % от общего числа терминов-словосочетаний, отобранных для словаря) и существительное + существительное (например, *отбор проб*) (13 %) (рис. 2).

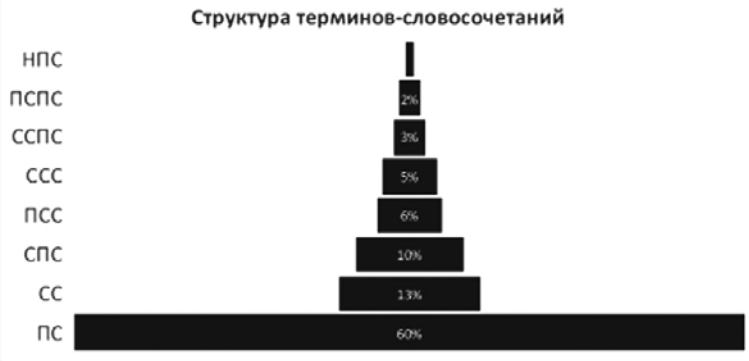


Рис. 2. Структура терминов-словосочетаний: прилагательное + существительное (ПС), существительное + существительное (СС), существительное + прилагательное + существительное (СПС), прилагательное + существительное + существительное (ПСС), существительное + существительное + существительное (ССС), существительное + существительное + прилагательное + существительное (ССПС), прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (ПСПС), наречие + прилагательное + существительное (НПС).

Многокомпонентные термины образованы по шести различным моделям, наиболее распространенные из которых следующие: существительное + прилагательное + существительное (например, *маркировка отбивочным шнуром*) (10 %), прилагательное + существительное + существительное (например, *неинвазивные методы исследования*) (6 %) и существительное + существительное + существительное (например, *сокращение содержания солей*) (5 %).

В большинстве случаев многокомпонентные словосочетания представляют собой не термины, а терминоиды (см. подр.: [Гринев, 1993, с. 31—32, 48]) и используются для наименования недостаточно устойчивых и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ и дефиниций.

Происхождение терминов русского языка. По происхождению более половины (53 %) терминофонда словаря сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей составляют исконные русские термины. Более трети (19 %) терминов с исконно-русской этимологией представляют собой термины-слова, остальные входят в состав терминов-словосочетаний.

Основу заимствованной лексики (56 %) составляют термины с латинской и греческой этимологией, половина которых (27 %) пришли в русский язык через другие языки, чаще всего — через немецкий (например, *гипс, цемент*), французский (например, *казеин, пигмент*), польский (например, *гонт*), и в соответствующих европейских языках имеют ту же форму (ср.: нем. *Gips, Zement*; фр. *caséine, pigment*; польск. *gont*).

Пятая часть (20 %) заимствованных терминов сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей попали в русский язык из итальянского в XVII—XVIII веках под влиянием экстралингвистических причин. Благоприятную среду для заимствования терминов и их интеграции в профессиональный язык создало большое количество контактов с мастерами из Италии, которая исторически занимала ведущее положение в сфере реставрации. Направляемый экстралингвистическими факторами процесс заимствований поддерживался частнолингвистическими импульсами, исходящими изнутри языка. Заимствования попали в язык вместе с новыми явлениями и процессами, которые требовали номинации. В русском языке этого времени не было эквивалентов для переводных терминов, так как в языке отсутствовали сами понятия.

Отмеченные заимствования, как правило, имеют максимальную «глубину» распространения, охватывая практически все европейские языки (ср.: *казеин* (рус.) *casein* (англ.), *Kasein* (нем.), *caséine* (фр.), *kazein* (хорв.), *kazeina* (польск.)., *kazein* (тур.), *kazein* (венг.), *cazeină* (рум.), *казеин* (болг.), *caseina* (ит.), *caseína* (исп.)), однако разную «степень искусственности» [Янь Ланьлань, 2014, с. 27] и ассимиляции. Термины, заимствованные из древних языков, а также из французского, немецкого, голландского, польского, успешно ассимилированы русским языком, приобрели русские суффиксы и окончания (например, *анкеровка*, *гигроскопичность, стратиграфия*). Термины итальянского происхождения, как правило, представляют собой материально заимствованные иноязычные термины, переданные с помощью транскрипции и транслитерации. Они сохраняют свою исконную форму и по отношению к русскому языку воспринимаются как чужеродные (например, *арричьо, джорната, импасто, интонако, понтата, сграффито, стукко, секко*).

Стратификация терминов русского языка. Большинство терминов-слов представляют собой узкоспециальные термины, обозначающие специфические для сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей предметы, процессы, состояния, величины, режимы и свойства.

Лексика в составе бинарной и многокомпонентной терминологии исследуемой сферы, кроме узкоспециальных, включает общеупотребитель-

ные, общенаучные и межнаучные (межотраслевые) термины, которые образуют различные по лексическому составу термины-словосочетания:

— словосочетания, в которых все компоненты — это слова специального словаря, в котором каждое слово может употребляться самостоятельно (3 %);

— словосочетания, в которых один компонент (один или несколько терминов) являются узконаучными, а остальные — общенаучными или общеупотребительными словами (48 %);

— словосочетания, полностью состоящие из общенаучных или общеупотребительных слов (49 %).

Общенаучная лексика чаще всего выражается отглагольными существительными с семантически ослабленным значением (например, *изменение, упрощение, содержание, исследование* и др.) и существительными неглагольного происхождения, частично утратившими свою лексическую полнозначность (например, *характеристика, материал, результат* и др.).

7 % всех терминов содержат метафоры — лексемы литературного языка, которые используются в переносном значении. В большинстве зафиксированных случаев термины-метафоры сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей концептуально связаны с жизнью и бытом человека: изготовлением одежды (*шов, кромка, белая вуаль, декоративные аппликации, штукатурный намет*), едой и ее приготовлением (*известковое молоко, известковое тесто, кирпичная мука, мраморная мука, декоративная глазурь*), ведением хозяйства (*жидкое стекло, компресс*), природой (*леса, гнезда*). По результатам проведенных ранее исследований, именно эти сферы служат базой и для строительной терминологии, источником которой является так называемая народная терминология строительного дела (см. подр.: [Нургалиева и др., 2016, с. 396—405]). В обоих случаях перенос значения чаще всего осуществляется на основе внешней аналогии и сходства формы, в отдельных терминах — на основе сходства функций (например, в термине *жертвенная штукатурка*: жертвенная штукатурка имеет большую пористость и должна работать как компресс, собирая из кладки влагу и растворенные в ней соли; через несколько лет после нанесения ее структура полностью разрушается из-за насыщения солями и ее удаляют («жертвуют»)) [Шилин, 2009, с. 184]).

Большинство зафиксированных в русской терминологии метафор повторяются почти во всех других европейских языках, ср.: *белая вуаль* (рус.), *white veil* (англ.), *Weißschleier* (нем.), *voile blanc* (фр.), *bijela koprena* (хорв.), *biały woal* (польск.), *fehér fátyol* (венг.), *voal alb* (рум.), *бял воал* (болг.), *velo bianco* (ит.), *velo blanquecino* (исп.).

Анализ логических отношений между понятиями в отражении лексики русского языка. С точки зрения отношений между понятиями терминологическая система словаря сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей является комбинаторной и полииерархической (см. подробнее [ISO 860:2007]), при этом внутри понятийных полей хорошо заметны вертикальные связи в форме так называемых «родо-видовых лестниц» [Суперанская и др., 2019, с. 143], образованных согипонимами в пределах более широкого значения.

Уточняющие дифференциальные признаки согипонимов часто «выносятся» из содержания в форму. В этом случае термин представляет собой словосочетание, включающее родовой термин в качестве главного слова. В некоторых случаях подобные цепочки могут быть достаточно протяженными (например: *штукатурка — декоративная штукатурка, жертвенная штукатурка, наружная штукатурка, подготовительная штукатурка, выравнивающая штукатурка; кладка — бутовая кладка, каменная кладка, кирпичная кладка, кладка из натурального камня, кладка из тесаного камня; живопись — акриловая живопись, масляная живопись, монументальная живопись, трафаретная живопись).* Таким образом, терминофонд во многих случаях строится по гнездовому принципу.

Интересно, что в русском языке наблюдается разрушение некоторых гнезд, характерных для большинства европейских языков. Например, английским терминам *direct incision / indirect incision* (ср.: *incision directe / incision indirecte* (фр.), *incisione diretta / incisione indiretta* (ит.), *incisión directa / incisión indirecta* (исп.)) соответствуют исконные русские термины *вдавливание* (перенос подготовительного рисунка с картона на свежую штукатурку с помощью надавливания остроконечным грифелем или иглой на контуры рисунка [EwaGlos, 2020, с. 79]) и *прорись* (процарапывание подготовительного рисунка на оштукатуренной поверхности [Ibid., с. 78]).

5. Заключение

Анализ русскоязычных терминов сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в многоязычной лексикографической репрезентации словаря «EwaGlos» на нескольких уровнях (структурном, частеречном, этимологическом, морфемном, синтактическом, логико-семантическом) показывает, что терминология этой сферы в изученных разносистемных языках характеризуется высокой степенью сходства на уровне ее структурной, семантической, морфологической и синтаксической организации, что свидетельствует о тенденции к формированию единого терминологического фонда.

Интернационализация и унификация терминологии сферы охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей в международном масштабе происходят, главным образом, благодаря ее пополнению на основе латинских, греческих и итальянских заимствований, а также в результате активного обмена научной информацией между специалистами через печатные и электронные средства коммуникации.

Проведенная систематизация сложившейся в русском языке терминологии сферы охраны и восстановления архитектурных объектов и ее согласование с терминологическими системами четырнадцати других языков (английским, немецким, французским, итальянским, испанским, болгарским, хорватским, турецким, польским, румынским, венгерским, арабским, персидским и японским) имеет важное теоретическое и практическое значение как для российской, так и для мировой науки и практики.

Принципиально новая база данных, содержащая дефиниции и комментарии к терминам на русском языке, позволит оптимизировать процессы обработки и поиска информации; существенно улучшить качество машинного перевода профессиональных текстов, посвященных проблемам сохранения культурного наследия; усовершенствовать процессы классификации информационных ресурсов; расширить поисковые запросы путем включения синонимичных, общих и частных терминов.

Стандартизированная терминология повысит эффективность связей и сотрудничества между работающими на объектах профессионалами разного профиля, а также сможет помочь многопрофильным специалистам и преподавателям во время подготовки их публичных выступлений.

В такой функции словарь будет способствовать развитию межнационального сотрудничества государственных ведомств, связанных с реставрацией учреждений, университетов, а также строительных фирм, торговых центров и строительной промышленности.

Источники и принятые сокращения

1. АГРД — *Архитектура*. Градостроительство. Реставрация. Дизайн : учебный русско-украинско-англо-немецко-французский терминологический словарь-справочник / под общ. ред. Г. А. Чеснокова, Н. Н. Латыниной. — Воронеж : Воронежский государственный архитектурно-строительный университет 2013. — 303 с.

2. *ГОСТ Р 56891.1–2016*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 1. Общие понятия, состав и содержание научно-проектной докуметнации. — Москва : Стандартинформ, 2016. — 8 с.

3. *ГОСТ Р 56891.2–2016*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 2. Памятники истории и культуры. — Москва : Стандартинформ, 2016. — 10 с.

4. *ГОСТ Р 56891.3–2016*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 3. Произведения искусства. — Москва : Стандартинформ, 2016. — 10 с.

5. *ГОСТ Р 56891.4–2016*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 4. Исторические территории и историко-культурные ландшафты. — Москва : Стандартинформ, 2016. — 10 с.

6. *ГОСТ Р 56891.5–2017*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 5. Деревянное зодчество. — Москва : Стандартинформ, 2018. — 12 с.

7. *ГОСТ Р 56891.6–2017*. Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 6. Каменное зодчество. — Москва : Стандартинформ, 2018. — 10 с.

8. *ГОСТ Р 7.0.91-2015* (ИСО 25964-1:2011). Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Тезаурусы для информационного поиска [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/1200129056.

9. *ИСО 860:2007*. Терминологическая работа. Гармонизация понятий и терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:860:ed-3:v1:ru.

10. ОКРКО — *Основы* консервации и реставрации культурных объектов : учебный терминологический словарь / сост. И. В. Куприянова. — Барнаул : АГАКИ, 2012. — 16 с.

11. РААРГИБРТ — *Русско-английский* и англо-русский глоссарий иконописных, богословских и реставрационных терминов / сост. Е. Н. Хрущева. — Москва : ВХРНЦ, 2001. — 152 с. — 5-7196-0773-0.

12. РЖМ — *Федосеева Т. С.* Реставрационные и живописные материалы : терминологический двуязычный словарь-справочник / Т. С. Федосеева. — Москва : Валент, 2013. — 136 с. — ISBN 978-5-93439-440-1.

13. РСР — *Жилина Е.* Реставрация. Словарь столяра / Е. Жилина, С. Жилин. — Москва : Форум, 2016. — 144 с. — ISBN 978-5-00091-208-9.

14. САРТ — *Словарь* архитектурно-реставрационных терминов / под общ. Ред. И. А. Игнаткина. — Киев : Издательство УСХА, 1990. — 148 с.

15. СТРПМИ — *Овчинникова Л. И.* Словарь терминов по реставрации произведений монументального искусства / Л. И. Овчинникова. — Томск : Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2014. — 40 с. — ISBN 978-5-93057-590-3.

16. ТРАН — *Плужников В. И.* Термины российского архитектурного наследия : архитектурный словарь / В. И. Плужников. — Москва : Искусство–XXI век, 2011. — 424 с., ил. — ISBN 978-5-98051-087-9.

17. ХР — *Никитин М. К.* Химия в реставрации / М. К. Никитин, Е. П. Мельникова. — Ленинград : Химия, 1990. — 304 с. — ISBN 5-7245-0274-7.

18. *Apelt M. L.* English-German dictionary, art history — archaeology. Englisch-Deutsches Wörterbuch für Kunstgeschichte und Archäologie / M. L. Apelt. — Berlin : E. Schmidt, 1987. — 253 p. — ISBN 978-3503022595.

19. *CAMEO* : Conservation & Art Material Encyclopedia Online. [Electronic resource]. — Access mode : http://cameo.mfa.org/wiki/Main_Page.

20. *Diccionario* de restauración y diagnóstico / C. Giannini, R. Roani, G. Lanterna, M. Picollo, A. Viñas. — Donostia : San Sebastián, 2008. — 221 p. — ISBN 9788496431010.

21. *DIN 18195-1:2011-12* : Bauwerksabdichtungen. — Teil 1 : Grundsätze, Defiitionen, Zuordnung der Abdichtungsarten ; Waterproofig of buildings. — Part 1 : Priciples, defiitions, attribution of uralstsing type. — 2011. — 12 p.

22. *DIN 55943* : Farbmittel, Colouring materials — Terms and defiitions. Matieres uralsts — Termes et defiitions. — 2001. — 19 p.

23. *DIN EN 15898:2011* : Erhaltung des kulturellen Erbes — Allgemeine Begriffe. Conservation of cultural property — Main general terms and defiitions. —2011. — 25 p.

24. *DIN EN 16572:2015* : Erhaltung des kulturellen Erbes-Glossar für Mauermörtel, Putzmörtel und Gipsmörtel zu Verwendung am kulturellen Erbe. — 2015. — 30 p.

25. *Dizionario* del restauro e della diagnostica / C. Giannini, R. Roani, G. Lanterna, M. Picollo. — Firenze : Nardini editore, 2003. — 224 p. — ISBN 88-404-4065-8.

26. *Dizionario* del restauro. Tecniche, diagnostica, conservazione / C. Giannini, R. Roani, M. Picollo, G. Lanterna, D. Tapete. — Firenze : Nardini editore, 2010. — 210 p. — ISBN 9788840441894.

27. EwaGlos — *Электронный словарь* EwaGlos. Европейский иллюстрированный словарь терминов охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ewaglos.herokuapp.com.

28. EwaGlos 2015 — *EwaGlos* : European illustrated glossary of conservation terms for wall paintings and architectural surfaces : English definitions with translations into Bulgarian, Croatian, French, German, Hungarian, Italian, Polish, Romanian, Spanish and Turkish / ed. By A. Weyer, P. Roig Picazo, D. Pop, J. Cassar, A. O zköse, J.-M. Vallet, I. Srša. Petersberg : Michael Imhof Verlag, 2015. — 448 p. — ISBN : 978-3-7319-0260-7.

29. EwaGlos 2020 — *Европейский* иллюстрированный словарь терминов охраны и восстановления монументальной живописи и архитектурных поверхностей / под ред. Ю. А. Грибер. — Москва : Согласие, 2020. — 268 с. — ISBN 978-5-907038-42-4.

30. *Glossarium* Artis. Band 8. Das Baudenkmal / Le Monument Historique / The Historic Monument : Specialized and systematic dictionary / ed. By R. Huber, R. Rieth. — Berlin : De Gruyter, 2008. — 334 p. — ISBN 978-3598111136.

31. *Glossary* of basic archival and library conservation terms : English with Equivalents in Spanish, German, Italian, French, and Russian / ed. By C. Crespo Nogueira. — München : K. G. Saur, 1988. — 151 p. — ISBN 9783598202766.

32. *Illustrated* Glossary on Stone Deterioration Patterns : English-French version. — Paris : ICOMOS-ISCS, 2008. — 86 p. — ISBN 978-2-918086-00-0.

33. *Katalog* der Schadensbilder: Spuren und Phänomene an Kunst und Kulturgut. — Bern : Berner Fachhochschule Hochschule der Künste, 2012. — 248 p. — ISBN 978-3-9522804-1-6.

34. *Kuhn H.* Wörterbuch der Handbuchbinderei und der Restaurierung von Einbänden, Papyri, Handschriften, Graphiken, Autographen, Urkunden und Globen in deutscher, englischer, französischer und italienischer Sprache / H. Kuhn. — Hannover : Schlütersche, 1985. — 66 p. — ISBN 978-3877062142.

35. *La conservación* de las pinturas urals / Mora P., Mora L., Phillipot P., Vernaza C. — Bogotá : Universidad Externado de Colombia ; ICCROM, 2003. — 700 p. — ISBN 9789586167635.

36. *Martínez Cabetas C.* Diccionario técnico Akal de conservación y restauración de bienes culturales / C. Martínez Cabetas, L. Rico Martínez. — Madrid : Akal, 2003. — 1128 p. — ISBN 978-8446012276.

37. *Matulić B*. Temeljni pojmovi konzervacije-restauracije zidnih slika i mozaika [Basic terms of conservation-restoration of Wall paintings and Mosaics] / B. Matulić. — Split : Naklada Bošković, 2012. — 187 p. — ISBN 978-953-263-205-7.

38. *Mora P.* Conservarea picturilor murale / P. Mora, L. Mora, P. Phillipot. — Bucharest : Meridiane, 1986. — 438 p.

39. *Mora P.* Conservation of Wall Paintings / P. Mora, L. Mora, P. Phillipot. — London : Butterworths, 1984. — 494 p. — ISBN 978-0408108126.

40. *Mora P.* La conservation des peintures mural / P. Mora, L. Mora, P. Phillipot. — Bologna : Editrice compositori, 1977. – 540 p.

41. *Mora P.* La conservazione delle pitture murali / P. Mora, L. Mora, P. Phillipot. — Bologna : Editrice compositori, 1999. — 474 p. — ISBN 88-7794-183-9.

42. *Nimmo M.* Pittura Murale : proposta per un glossario / M. Nimmo. — Lurano : Associazione Giovanni Secco Suardo, 2001. — 32 p. — ISBN 9788890074103.

43. *Paolini C.* Glossario delle Techniche Artistiche e del Restauro / C. Paolini, M. Faldi. — Firenze : Edizioni Palazzo Spinelli, 2005. — 415 p. — ISBN 9788887411096.

44. *Petit J.* Encyclopédie de la Peinture : formuler, fabriquer, appliquer / J. Petit, J. Roire, H. Valot. — Paris : Puteaux, 2005. — 487 p. — ISBN 9782905519337.

45. *Petit J.* Glossaire des peintures et vernis : des substances naturelles et des matériaux synthétiques / J. Petit, H. Valot. — Paris : Champs-sur-Marne, 1991. — 127 p. — ISBN 9782905430052.

46. *Restauratoren*-Fachwörterbuch : A conservator's dictionary. — München : Callwey, 2013. — 448 p. — ISBN 978-3766720719.

47. *Xarrié M.* Glossary of Conservation I / M. Xarrié. — Barcelona : Balaam, 2005. — 180 p. — ISBN 84-89321-01-9.

48. *Xarrié M.* Glossary of Conservation II / M. Xarrié. — Barcelona : Balaam, 2006a. — 192 p. — ISBN 84-89321-02-7.

49. *Xarrié M.* Glossary of Conservation III / M. Xarrié. — Barcelona : Balaam, 2006b. — 192 p. — ISBN 84-89321-03-5.

Литература

1. *Гринев С. В.* Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — Москва : Московский Лицей, 1993. — 309 с. — ISBN 5-88564-052-1.

2. *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — Москва : Наука, 1977. — 248 с.

3. *Девель Л. А.* Лексикографическая поддержка международного сотрудничества в сфере сохранения культурного наследия (реставрация) / Л. А. Девель // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2016. — № 2. — С. 161—165.

4. *Девель Л. А.* Проект двуязычного англо-русского словаря по сохранению культурного наследия (химия в консервации/реставрации) / Л. А. Девель // Современная наука. Актуальные вопросы теории и практики. — 2019. — № 9—2. — С. 145—148.

5. *Иванов А. В.* К проблеме частеречного отбора терминов для словаря лингвистической терминологии / А. В. Иванов // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : сборник статей / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. — Казань : Издельство Казанского университета, 2004. — С. 291—292.

6. *Нургалеева Г. М.* Метафорика терминосистемы текстов строительного дискурса в фокусе дисциплины русского языка как иностранного в строительном вузе / Г. М. Нургалеева, О. В. Фролова // Педагогический журнал. — 2016. — Том 6. — № 5А. — С. 396—405.

7. *Пазельская А. Г.* Модели деривации отглагольных существительных : взгляд из корпуса / А. Г. Пазельская // Корпусные исследования по русской грамматике : сборник статей / под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. — Москва : Пробел, 2009. — С. 65—91.

8. *Суперанская А. В.* Общая терминология : Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильев. — Москва : URSS, 2019. — 246 с. — ISBN 978-5-397-06750-8.

9. *Шилин А.* Кирпичные и каменные конструкции. повреждения и ремонт / А. Шилин. — Москва : Горная книга, 2009. — 214 с. — ISBN: 978-5-98672-155-2.

10. *Янь Ланьлань*. Терминология живописи в русском языке (структурный и функциональный аспекты) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Янь Ланьлань. — Москва, 2014. — 334 с.

Russian Conservation Terms for the Wall Paintings and Architectural Surfaces in the Multilingual Lexicographic Representation of the Dictionary "EwaGlos"[1]

© Yulia A. Griber (2020), orcid.org/0000-0002-2603-5928, Researcher ID AAG-4410-2019, SPIN 8214-8269, Doctor of Culturology, Professor, Department of Sociology and Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University» (Smolensk, Russia), y.griber@gmail.com.

The principles of the selection of Russian terms of the sphere of conservation and restoration of wall paintings and architectural surfaces in the multilingual lexicographic representation of the illustrated dictionary "EwaGlos" are considered. It allowed for the first time in domestic and world practice to bring into the system the terms of this sphere that have developed in Russian and harmonize them with the terminological systems of fourteen others languages — English, German, French, Italian, Spanish, Bulgarian, Croatian, Turkish, Polish, Romanian, Hungarian, Japanese, Arabic and Persian. The results of a quantitative analysis of Russian terms at several levels are presented: (1) structural (in terms of the number of components), (2) part of speech (in terms of the distribution of parts of speech that implement terminological functions), (3) etymological (in terms of the origin of terms and main ways of terminology enrichment), (4) morphological (from the point of view of the morphemic structure of terms and words), (5) syntactic (from the point of view of models of constructing terms and phrases), (6) lexical (from the point of view of stratification of terms and types of terminological names), (7) logical-semantic (from the point of view of the taxonomy of terms, hypo- and hyperonymic relations).

Key words: Russian; term; lexicography; multilingual dictionary.

Material resources

AGRD — *Arkhitektura. Gradostroitelstvo. Restavratsiya. Dizayn: uchebnyy russko-ukrainsko-anglo-nemetsko-frantsuzskiy terminologicheskiy slovar'-spravochnik* [Architecture. Urban planning. Restoration. Design: educational Russian-Ukrainian-

1 The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation provided by the Presidential Grants Foundation (project No. 19-2-017242).

English-German-French terminological glossary]. (2013). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitelnyy universitet. 303 p. (In Russ.).

Apelt, M. L. (1987). English-German dictionary, art history — archaeology. In: *Englisch-Deutsches Wörterbuch für Kunstgeschichte und Archäologie*. Berlin: E. Schmidt. 253 p. ISBN 978-3503022595. (In Germ.).

CAMEO: Conservation & Art Material Encyclopedia Online. Available at: http://cameo.mfa.org/wiki/Main_Page. (In Engl.).

Diccionario de restauración y diagnóstico. (2008). Donostia: San Sebastián. 221 p. ISBN 9788496431010. (In Spain.).

DIN 18195-1:2011-12: Bauwerksabdichtungen, 1: Grundsätze, Defiitionen, Zuordnung der Abdichtungsarten; Waterproofig of buildings, 1: Priciples, defiitions, attribution of urals ts ing type. (2011). 12 p. (In Germ.).

DIN 55943: Farbmittel, Colouring materials — Terms and defiitions. Matieres urals ts — Termes et defiitions. (2001). 19 p. (In Germ.).

DIN EN 15898:2011: Erhaltung des kulturellen Erbes — Allgemeine Begriffe. Conservation of cultural property — Main general terms and defiitions. (2011). 25 p. (In Germ.).

DIN EN 16572:2015: Erhaltung des kulturellen Erbes-Glossar für Mauermörtel, Putzmörtel und Gipsmörtel zu Verwendung am kulturellen Erbe. (2015). 30 p. (In Germ.).

Dizionario del restauro e della diagnostica. (2003). Firenze: Nardini editore. 224 p. ISBN 88-404-4065-8. (In Ital.).

Dizionario del restauro. Tecniche, diagnostica, conservazione. (2010). Firenze: Nardini editore. 210 p. ISBN 9788840441894. (In Ital.).

EwaGlos — *Elektronnyy slovar' EwaGlos. Evropeyskiy illyustrirovannyy slovar' terminov okhrany i vosstanovleniya monumentalnoy zhivopisi i arkhitekturnykh poverkhnostey* [EwaGlos — Electronic dictionary EwaGlos. European illustrated glossary of conservation terms for wall paintings and architectural surfaces]. Available at: http://ewaglos.herokuapp.com. (In Russ.).

EwaGlos 2015 — *EwaGlos: European illustrated glossary of conservation terms for wall paintings and architectural surfaces: English definitions with translations into Bulgarian, Croatian, French, German, Hungarian, Italian, Polish, Romanian, Spanish and Turkish.* (2015). Petersberg: Michael Imhof Verlag. 448 p. ISBN: 978-3-7319-0260-7.

EwaGlos 2020 — *Evropeyskiy illyustrirovannyy slovar' terminov okhrany i vosstanovleniya monumentalnoy zhivopisi i arkhitekturnykh poverkhnostey* [European illustrated glossary of conservation terms for wall paintings and architectural surfaces]. (2020). Moskva: Soglasie. 268 p. ISBN 978-5-907038-42-4. (In Russ.).

ISO 860:2007. Terminologicheskaya rabota. Garmonizatsiya ponyatiy i terminov [Terminological work. Harmonization of concepts and terms]. Available at: https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:860:ed-3:v1:ru. (In Russ.).

GOST R 56891.1–2016. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 1. Obshchiye ponyatiya, sostav i soderzhaniye nauchno-proektnoy dokumetnatsii [Conservation of cultural heritage sites. Terms and definitions, 1. General concepts, composition and content of scientific and project documentation]. (2016). Moskva: Standartinform. 8 p. (In Russ.).

GOST R 56891.2–2016. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 2. Pamyatniki istorii i kultury [Conservation of cultural heritage sites. Terms

and definitions, 2. Historical and cultural monuments]. (2016). Moskva: Standartinform. 10 p. (In Russ.).

GOST R 56891.3–2016. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 3. Proizvedeniya iskusstva [Conservation of cultural heritage sites. Terms and definitions, 3. Work of art]. (2016). Moskva: Standartinform. 10 p. (In Russ.).

GOST R 56891.4–2016. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 4. Istoricheskiye territorii i istoriko-kulturnyye landshafty [Conservation of cultural heritage sites. Terms and definitions, 4. Historical territories and historical and cultural landscapes]. (2016). Moskva: Standartinform. 10 p. (In Russ.).

GOST R 56891.5–2017. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 5. Derevyannoye zodchestvo [Conservation of cultural heritage sites. Terms and definitions, 5. Wooden architecture]. (2018). Moskva: Standartinform. 12 p. (In Russ.).

GOST R 56891.6–2017. Sokhraneniye obyektov kulturnogo naslediya. Terminy i opredeleniya, 6. Kamennoye zodchestvo [Conservation of cultural heritage sites. Terms and definitions, 6. Stone architecture]. (2018). Moskva: Standartinform. 10 p. (In Russ.).

GOST R 7.0.91-2015 (ISO 25964-1:2011). Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Tezaurusy dlya informatsionnogo poiska [System of standards for information, library and publishing. Thesaurus for information search]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/1200129056. (In Russ.).

Glossarium Artis. Band 8. Das Baudenkmal. The Historic Monument: Specialized and systematic dictionary. (2008). Berlin: De Gruyter. 334 p. ISBN 978-3598111136. (In Germ.).

Glossary of basic archival and library conservation terms: English with Equivalents in Spanish, German, Italian, French, and Russian. (1988). München: K. G. Saur. 151 p. ISBN 9783598202766.

Illustrated Glossary on Stone Deterioration Patterns: English-French version. (2008). Paris: ICOMOS-ISCS. 86 p. ISBN 978-2-918086-00-0. (In Franc.).

Katalog der Schadensbilder: Spuren und Phänomene an Kunst und Kulturgut. (2012). Bern: Berner Fachhochschule Hochschule der Künste. 248 p. ISBN 978-3-9522804-1-6. (In Germ.).

KhR — Nikitin, M. K., Melnikova, E. P. (1990). *Khimiya v restavratsii* [Chemistry in restoration]. Leningrad: Khimiya. 304 p. ISBN 5-7245-0274-7. (In Russ.).

Kuhn, H. (1985). *Wörterbuch der Handbuchbinderei und der Restaurierung von Einbänden, Papyri, Handschriften, Graphiken, Autographen, Urkunden und Globen in deutscher, englischer, französischer und italienischer Sprache.* Hannover: Schlütersche. 66 p. ISBN 978-3877062142. (In Germ.).

La conservación de las pinturas urals. (2003). Bogotá: Universidad Externado de Colombia; ICCROM. 700 p. ISBN 9789586167635. (In Spain.).

Martínez Cabetas, C., Rico Martínez, L. (2003). *Diccionario técnico Akal de conservación y restauración de bienes culturales.* Madrid: Akal. 1128 p. ISBN 978-8446012276. (In Spain.).

Matulić, B. (2012). *Temeljni pojmovi konzervacije-restauracije zidnih slika i mozaika.* Split: Naklada Bošković. 187 p. ISBN 978-953-263-205-7. (In Croaz.).

Mora, P., Mora, L., Phillipot, P. (1977). *La conservation des peintures mural.* Bologna: Editrice compositori. 540 p. (In Ital.).

Mora, P., Mora, L., Phillipot, P. (1984). *Conservation of Wall Paintings.* London: Butterworths. 494 p. ISBN 978-0408108126. (In Engl.).

Mora, P., Mora, L., Phillipot, P. (1986). *Conservarea picturilor murale.* Bucharest: Meridiane. 438 p. (In Croaz.).

Mora, P., Mora, L., Phillipot, P. (1999). *La conservazione delle pitture murali.* Bologna: Editrice compositori. 474 p. ISBN 88-7794-183-9. (In Ital.).

Nimmo, M. (2001). *Pittura Murale: proposta per un glossario.* Lurano: Associazione Giovanni Secco Suardo. 32 p. ISBN 9788890074103. (In Svizz.).

OKRKO — *Osnovy konservatsii i restavratsii kulturnykh obyektov: uchebnyy terminologicheskiy slovar'* [Fundamentals of conservation and restoration of cultural objects: educational terminology dictionary]. (2012). Barnaul: AGAKI. 16 p. (In Russ.).

Paolini, C., Faldi, M. (2005). *Glossario delle Techniche Artistiche e del Restauro.* Firenze: Edizioni Palazzo Spinelli. 415 p. ISBN 9788887411096. (In Ital.).

Petit, J., Roire, J., Valot, H. (2005). *Encyclopédie de la Peinture: formuler, fabriquer, appliquer.* Paris: Puteaux. 487 p. ISBN 9782905519337. (In Franc.).

Petit, J., Valot, H. (1991). *Glossaire des peintures et vernis: des substances naturelles et des matériaux synthétiques.* Paris: Champs-sur-Marne. 127 p. ISBN 9782905430052. (In Franc.).

RAARGIBRT — *Russko-angliyskiy i anglo-russkiy glossariy ikonopisnykh, bogoslovskikh i restavratsionnykh terminov* [Russian-English and English-Russian Glossary of iconographic, theological and restoration terms]. (2001). Moskva: VKhRNTs. 152 p. 5-7196-0773-0. (In Russ.).

Restauratoren-Fachwörterbuch: A conservator's dictionary. (2013). München: Callwey. 448 p. ISBN 978-3766720719. (In Germ.).

RSR — Zhilina, E., Zhilin, S. (2016). *Restavratsiya. Slovar' stolyara* [Restoration. Dictionary of carpenter]. Moskva: Forum. 144 p. ISBN 978-5-00091-208-9. (In Russ.).

RZhM — Fedoseyeva, T. S. (2013). *Restavratsionnyye i zhivopisnyye materialy: terminologicheskiy dvuyazychnyy slovar'-spravochnik* [Restoration and painting materials: terminological bilingual glossary]. Moskva: Valent. 136 p. ISBN 978-5-93439-440-1. (In Russ.).

SART — *Slovar' arkhitekturno-restavratsionnykh terminov* [Dictionary of architectural and restoration terms]. (1990). Kiyev: Izdatelstvo USKhA. 148 p. (In Russ.).

STRPMI — Ovchinnikova, L. I. (2014). *Slovar' terminov po restavratsii proizvedeniy monumentalnogo iskusstva* [Dictionary of terms for the restoration of works of monumental art]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta. 40 p. ISBN 978-5-93057-590-3. (In Russ.).

TRAN — Pluzhnikov, V. I. (2011). *Terminy rossiyskogo arkhitekturnogo naslediya: arkhitekturnyy slovar'* [Terms of the Russian architectural heritage: architectural dictionary]. Moskva: Iskusstvo–XXI vek. 424 p., il. ISBN 978-5-98051-087-9. (In Russ.).

Xarrié, M. (2005). *Glossary of Conservation I.* Barcelona: Balaam. 180 p. ISBN 84-89321-01-9. (In Spain.).

Xarrié, M. (2006a). *Glossary of Conservation II.* Barcelona: Balaam. 192 p. ISBN 84-89321-02-7. (In Spain.).

Xarrié, M. (2006b). Glossary of Conservation III Barcelona: Balaam. 192 p. ISBN 84-89321-03-5. (In Spain.).

References

Danilenko, V. P. (1977). *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience of linguistic description]. Moskva: Nauka. 248 p. (In Russ.).

Devel, L. A. (2016). Leksikograficheskaya podderzhka mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere sokhraneniya kulturnogo naslediya (restavratsiya) [Lexicographic support for international cooperation in the field of cultural heritage conservation (restoration)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma state University named after N. A. Nekrasov], *2:* 161—165. (In Russ.).

Devel, L. A. (2019). Proekt dvuyazychnogo anglo-russkogo slovarya po sokhraneniyu kulturnogo naslediya (khimiya v konservatsii / restavratsii) [Project of a bilingual English-Russian dictionary for the preservation of cultural heritage (chemistry in conservation/restoration)]. *Sovremennaya nauka. Aktualnyye voprosy teorii i praktiki* [Modern science. Current issues of theory and practice]*, 9—2:* 145—148. (In Russ.).

Grinev, S. V. (1993). *Vvedeniye v terminovedeniye* [Introduction to terminology]. Moskva: Moskovskiy Litsey. 309 p. ISBN 5-88564-052-1. (In Russ.).

Ivanov, A. V. (2004). K probleme chasterechnogo otbora terminov dlya slovarya lingvisticheskoy terminologii [On the problem of partial selection of terms for the dictionary of linguistic terminology]. In: *Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: sostoyaniye i perspektivy: sbornik statey* [Russian and comparative Philology: status and prospects: collection of articles]. Kazan': Izdelstvo Kazanskogo universiteta. 291—292. (In Russ.).

Nurgaleyeva, G. M., Frolova, O. V. (2016). Metaforika terminosistemy tekstov stroitelnogo diskursa v fokuse distsipliny russkogo yazyka kak inostrannogo v stroitelnom vuze [Metaphorics of the term system of construction discourse texts in the focus of the discipline of Russian as a foreign language in a construction University]. *Pedagogicheskiy zhurnal* [Pedagogical journal]*, 6 (5A):* 396—405. (In Russ.).

Pazelskaya, A. G. (2009). Modeli derivatsii otglagolnykh sushchestvitelnykh: vzglyad iz korpusa [Models of the derivation of verbal nouns: a view from corps]. In: *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike: sbornik statey* [Corpus-based research on Russian grammar: a collection of articles]. Moskva: Probel. 65—91. (In Russ.).

Shilin, A. (2009). *Kirpichnyye i kamennyye konstruktsii. povrezhdeniya i remont* [Brick and stone structures. damage and repair]. Moskva: Gornaya kniga. 214 p. ISBN: 978-5-98672-155-2. (In Russ.).

Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyev, N. V. (2019). *Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatelnost'* [General terminology: Terminological activity]. Moskva: URSS. 246 p. ISBN 978-5-397-06750-8. (In Russ.).

Yan Lanlan. (2014). *Terminologiya zhivopisi v russkom yazyke (strukturnyy i funktsionalnyy aspekty).* PhD Diss. [Terminology of painting in the Russian language (structural and functional aspects). PhD Diss.]. Moskva. 334 p. (In Russ.).

Енина Л. В. Почти «прямой маршрут» : идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша / Л. В. Енина, Н. Б. Граматчикова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 31—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52.

Enina, L. V., Gramatchikova, N. B. (2020). Almost “Direct Route”: Ideological Meanings in the Construction of the Factory Identity of Uralmashplant Workers. *Nauchnyi dialog, 11:* 31-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52. (In Russ.).

УДК 811.161.1’42:334.716.4-057.51(470.54-25)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-31-52

Почти «прямой маршрут»: идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша[1]

© **Енина Лидия Владимировна (2020),** orcid.org/0000-0003-2073-9948, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), Enina.lidia@gmail.com.

© **Граматчикова Наталья Борисовна (2020),** orcid.org/0000-0002-2585-7399, ResearcherID T-5823-2017, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), n.gramatchikova@gmail.com.

Статья посвящена исследованию заводской идентичности на материале автобиографических текстов работников Уралмаша, написанных в 1967—1984 годы. Новизна исследования заключается в теоретическом подходе к идентичности как дискурсивному концепту, который структурирован систематически повторяющимися темами в личных нарративах. Основное внимание уделяется идеологическим смыслам в автобиографических текстах. Установлены их ритуальная и интегративная функции, реализующиеся в анализируемых текстах. Показана ведущая роль идеологических смыслов при описании строительства завода и конструировании образа врага и исходящей от него угрозы для завода и коллектива. Рассматриваются способы включения в тексты воспоминаний темы жертв политического насилия в 1930-е годы и восстановления их имен в заводской биографии. Доказывается, что введение темы жертв политических репрессий, а также ритуальных формул идеологической лояльности, воспроизводимых наивными авторами с невольными искажениями и отклонениями от норм письменной литературной речи, имеет своим результатом, кроме прочего, «коррозию» советского официального дискурса и является одним из факторов, которые привели к «перформативному сдвигу», характерному для позднесоветской эпохи. Проанализированный текстовой материал ранее не выступал объектом исследования.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А «Первостроители как перформативный проект: конструирование дискурсивной идентичности уральских рабочих в текстах 1930-х и 1970-х».

Ключевые слова: идентичность; идентификация; дискурсивные практики; автобиографический текст; Уралмаш.

1. Предисловие

Вынесенная в заголовок метафора «прямой маршрут» была выбрана, чтобы подчеркнуть сопоставление текстов Фонда первостроителей Уралмаша с книгой Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Эта книга — одна из немногих в советской литературе, которая описывает тяжелый опыт пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях. Когда читаешь «Крутой маршрут», невольно обращаешь внимание на то, что автор, описывая многих и многих встреченных на своем пути, указывает, являются ли они большевиками (коммунистами) или беспартийными; что для автора съезды партии становятся вехой в личной истории. Кроме того, собственная принадлежность к партии подчеркнута в авторском предисловии — воспоминаниях «рядовой коммунистки» [Гинзбург, 1990, с. 4]. Мы столкнулись с таким же способом характеризации заводчан, начав изучать написанные примерно в то же время, что книга Гинзбург, воспоминания работников Уралмашзавода. Судьбы этих заводчан можно назвать счастливыми — они выжили в революционные катаклизмы и годы Великой Отечественной войны, их миновали политические репрессии, поэтому нельзя сказать, что они прошли «крутой маршрут» Евгении Гинзбург, их маршрут по партийной дороге выглядит «прямым». Можно принять за дань времени одинаковые идеологические клише в таких разных автобиографических историях. Но при многократном перечитывании текстов фонда мы обнаружили, что включения идеологических смыслов имеют свою неявную закономерность во внутреннем пространстве текстов. В этой статье мы предлагаем свое исследовательское видение обращения к идеологическим смыслам, их роли в письменных воспоминаниях работников завода «Уралмаш».

2. Заводская идентичность: подход к исследованию

Проблема исследования идентичности решается лингвистами поразному. Мы будем исходить из конструктивистского понимания идентичности [Бергер, 1995; Брубейкер, 2012; Лаппо, 2013]. Идентичность прежде всего рассматриваем как феномен, формирующийся в дискурсе и вследствие этого имеющий динамический, «плавающий», постоянно воссоздаваемый характер. Исследователи дневникового письма давно сказали, что «одна из особенностей дневниковых практик именно в том и состоит, что в ней (может быть, в большей степени, чем в других жанрах) идентичность постоянно (ре/пере/де) конструируется в процессе письма. Нарративное

я — это субъект в процессе; оно никогда не готовое; оно расщепленное, изменчивое, противоречивое. Дневник — не способ самоописания, а средство самописания, “воспроизводства себя”» [Савкина, 2008, с. 288]. Изменчивость, противоречивость, политематичность (само)идентификаций присутствуют не только в дневниках, но и в других автобиографических жанрах, сосредоточенных на изложении своей версии прожитого. Мы будем пользоваться понятием «идентификация», чтобы акцентировать внимание на множественности и незаконченности процесса конструирования идентичности [Голубев, 2016; Козлова, 2005; Сандомирская, 2013 и др.]. Принципиальными положениями для исследования являются как несводимость идентификаций к непротиворечивой целостной идентичности индивидуального или коллективного субъекта, так и отказ рассматривать идентификации только в свете оппозиции «свой — чужой». Применительно к автобиографическим текстам это означает, что мы видим идентичность как дискурсивный концепт, включающий в себя многообразие тематических направлений идентификации [Енина, 2016]. Подчеркнем, что дискурсивный концепт мы отличаем от концепта как элемента когнитивного пространства, индивидуального или коллективного [Красных, 2002], как части языковой картины мира [Шмелев, 2002]. Дискурсивный концепт формируется и существует в определенном дискурсе. При анализе дискурсивного концепта не выявляется связь с ментальными структурами биографического автора.

Основной теоретический подход к нашему исследованию связан с дискурс-анализом. Мы опираемся на понимание дискурса как относительно устойчивого поля смыслов и знаков, упорядочиваемых группами дискурсивных практик. Такое понимание дискурса лежит в концепции дискурса, предложенной Мишелем Фуко [Фуко, 1996]. Одним из важнейших понятий в его концепции является понятие дискурсивных практик, которое позволяет подчеркнуть, что речь идет о включенности индивидов в процесс коммуникации, что это всегда практические действия, совершаемые по сформулированным или неписаным правилам, даже не всегда осознаваемым. Дискурсивные практики фиксируют способы передачи актуальных смыслов в текстах. Главные свойства дискурсивных практик в любом дискурсе — повторяемость, стабильность и надиндивидуальность [Чепкина, 2011].

Конструирование дискурсивной идентичности рассматривается на материале автобиографических текстов о строительстве Уралмаша, которые по инициативе Музея истории Уралмашзавода собирались в течение 1967—1984 годов и теперь хранятся в нем под названием «Фонд первостроителей Уралмаша», являясь частью Фонда воспоминаний работников

УЗТМ [Фонд…]. Авторы воспоминаний — работники Уралмашзавода — люди, различающиеся происхождением, образованием, профессией и социальным статусом; профессиональных литераторов среди них нет. Большинство авторов текстов ориентировались на специально разработанную «Анкету участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г.»; подробнее об анкете см.: [Граматчикова и др., 2020].

Совокупность текстов Фонда первостроителей Уралмаша выступает нашим объектом исследования и рассматривается как дискурс, в котором посредством личных нарративов конструируется заводская идентичность уралмашевцев. Тематика автобиографических нарративов множественна: есть стабильно повторяющиеся темы — идеологическая, профессиональная, темпоральная и пространственная[1]. Эти тематические направления структурируют выделенный дискурсивный концепт «заводская идентичность». В отдельных текстах появляются темы семьи, бытового устройства района (соцгорода) «Уралмаш», досуга и некоторые др. Эти темы также важны для (само)идентификации авторов, но их позиция для дискурсивного концепта заводской идентичности — периферийная.

Завершая характеристику теоретических оснований, подчеркнем, что наше исследование выполняется в русле отказа от фактологического или биографического прочтения автобиографических текстов: мы не выявляем достоверность сведений и не обращаемся к другим документам для установления жизненной траектории авторов.

3. Ритуальная функция идеологических практик

Для заводской идентичности активность практик идеологической идентификации возможно объяснить тем, что в позднесоветский период формулы официального советского дискурса стали выполнять ритуальную функцию — обязательное воспроизведение речевых действий в определенной ситуации. Так, А. Юрчак, отталкиваясь от мысли Дж. Остина, что в любом высказывании присутствует две составляющих — констатирующая и перформативная, утверждает, что в позднесоветский период употребление формул советского дискурса и необходимое цитирование лидеров КПСС большей частью выполняло ритуальную перформативную функцию, одновременно создавая и поддерживая идеологическую реальность [Юрчак, 2014, с. 164; Енина, 2019].

В текстах воспоминаний маркерами идеологических смыслов выступают прямые идентификаторы (член партии, коммунист, комсомолец), со-

1 Роль темпоральных и пространственных идентификаций в конструировании заводской идентичности раскрыта в статье: [Граматчикова и др., 2020].

ветская терминология (социализм, коммунизм, стахановец), имена партийных деятелей (Ленин, Орджоникидзе, Куйбышев), цитаты из речей лидеров партии и советских газет, демонстрация классовых характеристик или партийных должностей коллег.

В нашем дискурсе ритуальная перформативная функция идеологической (само)идентификации особенно заметна по текстам освобожденных профсоюзных и партийных работников, так как они имели большой опыт публичных выступлений и хорошо владели официальным языком. Некоторые из них передали в музей тексты своих докладов на заводских собраниях или свои публикации, подготовленные к юбилейным датам для местных газет. Эти тексты максимально приближены по смыслу и по форме к официальному советскому дискурсу. Так, Н. Г. Калюш, который называет себя «главный технический инспектор профсоюза рабочих машиностроения», пишет: *Наша бригада <…> первая из всех бригад электромонтажной группы объявила себя ударным коллективом «Октябрь», взяв повышенные производственные обязательства, повышение квалификации всех членов коллектива, повышения своей культуры. Вот, что писала заводская многотиражная газета «Сталинец» (впоследствии переименованная «За уральский блюминг», а затем «За тяжелое машиностроение* [Калюш, 1969, с. 1]. Затем он цитирует строки из газеты, описывающие взятые на себя бригадой обязательства, завершая эту часть текста словами: *Вот так мы работали, так жили, так боролись за трудовую дисциплину, за повышение наших знаний, за укрепление нашей Родины!* [Там же, с. 2]. Включенная в автобиографию газетная статья придает достоверность словам автора и одновременно производит перформативный эффект — ритуально поддерживает идеологическое соответствие трудовых достижений целям Родины. Ритуальность идеологических смыслов подчеркивается и тем, что они присутствуют в первой композиционной части автобиографических текстов и в некоторых случаях завершают текст. Расположение идеологических смыслов в сильных позициях текстах говорит о дискурсивной освоенности авторами правил построения публичных текстов.

Больший интерес для нас представляют тексты, написанные менее искушенными в политических речах авторами, потому что в таких текстах формулы официального дискурса соседствуют или взаимодействуют с практиками повседневной речи.

Многие исследователи обращаются к изучению сложившихся способов субъективации «советского человека» [Сандомирская, 2001; Ушакин, 2013; Фитцпатрик, 2008; Штудер, 2011 и др.]. Одним из таких способов (само)идентификации, распространившимся в 1930-е годы, стало под-

тверждение не только своей партийной принадлежности, но и своей идеологической состоятельности, верности Партии. Очевидно, что практика (само)идентификации по идеологическому основанию требуется при ответе на вопросы предложенной анкеты, и прямые идентификаторы выполняют (само)описательную функцию для авторов текста, которая сопрягается с положительной ценностной характеристикой. Например, С. Н. Сомов озаглавил свои воспоминания так: *Как я стал членом Коммунистической партии*. Однако фактически заданной теме посвящен один абзац из текста длиной в три школьных тетради: *В 1919 году на дивизионном собрании я был принят в члены партии… с тех пор я и связал свою жизнь с коммунистической партией и кодексом моей жизни было и есть всегда — служение ей, выполнение верным членом партии всех задач возложенных на меня* [Сомов, без даты, с. 24]. Здесь фиксируется присоединение к символическому целому и переход к новому, в том числе моральному, измерению своей жизни.

Идеологическая идентификация позволяет дискурсивно выделить человека из потока памяти о профессиональном окружении: *Депо железнодорожного цеха находилось у 3-го километра. Здание построенное из плах и теса, паровозы были старые, отоплялись углем.* ***Начальник депо был Кац не помню его имя, а начальник ж-д отдела был старый коммунист 1919 г, участник гражданской войны тов. Андрюхин*** [Чернов, 1981, с. 2]. Интересно, что автор на самом деле не называет имен обоих работников, но старого коммуниста память высвечивает ярче.

Отсутствие идеологической однородности маркируется, но при этом не становится негативной характеристикой для коллег, профессиональная близость оказывается важнее: *Смена наша токарей была* ***комсомольская****, правда мастер был* ***б/п*** (беспартийный. — *Л. Е., Н. Г.*) [Аникеева, 1968, с. 4].

Ритуальная функция идеологической идентификации приближает авторский текст к нормативной идеологической позиции официального дискурса. Однако одновременно с этим сближением идеологически «правильный» смысл нередко размывается из-за несоответствия формы письма строгой литературной и идеологической норме.

Мы сохраняем в цитируемых текстах авторскую орфографию, пунктуацию и стилистику. Письменные тексты «простого человека» могут вызвать улыбку, а то и смех у просвещенного читателя. И. В. Шалина, посвятившая свою монографию исследованию просторечия как типа лингвокультуры, определяет речевую манеру носителя просторечия так: «пишет, как говорит» [Шалина, 2009, с. 44]. Действительно, многих авторов проанализированных нами воспоминаний можно отнести к этому типу куль-

туры: в их записях обнаруживаются многочисленные орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические отклонения от литературного языка. Разумеется, эти ошибки не являются намеренными и не замечаются пишущим. Изучая эти тексты в постсоветскую эпоху, мы обретаем более широкую оптику, выходя за пределы анализа намерений автора. С позиции дискурс-анализа нам важно зафиксировать, как идеологически правильный смысл воплощается в «ошибочной» письменной форме речи. Результатом расхождения между правильным идеологическим содержанием и неправильной письменной речью является «коррозия» официального советского дискурса, его ненамеренное и почти незаметное раскачивание. Это и есть незаметное участие «простых людей» в «перформативном сдвиге», характерном для официального советского дискурса позднесоветского периода, о котором пишет А. Юрчак.

Один из обязательных идеологических ритуалов — обращение к образу В. И. Ленина, хотя часто ленинские слова воспроизводятся неточно: *Этот человек говорил о Ленине. Ленин сказал, что земля будет отдана крестьянам, буржуев не будет. Я тогда впервые слышал имя Владимира Ильича Ленина* [Бакиров, с. 3]. А в тексте другого автора, также упоминающего Ленина, разговорное фразеологическое сочетание «*так оно и вышло на этот раз*» придает высказыванию добавочный смысл однократности. Возможно, авторский замысел и состоит в том, чтобы подчеркнуть величие ленинской цитаты о закономерности победы над капитализмом: *По определению В. И. Ленина народ сбросивший оковы капитализма способен творить чюдеса в истории своей жизни — так оно и вышло на этот раз* [Серяпин, 1966, с. 9]. Однако, несмотря на идеологически верный пересказ слов Ленина, такая фраза не могла быть опубликована ни в заводской многотиражке, ни в книге об истории Уралмаша по причине того, что вызывает незапланированный комический эффект. Речь идет о том, что отклонение от орфографических и пунктуационных правил, от стилистических и грамматических норм, перефразирование классических цитат, невольная трансформация идеологического смысла — все эти дискурсивные практики не позволяют текстам полностью соответствовать официальному советскому дискурсу.

4. Строительство Уралмашзавода как дискурсивное событие: идеологические причины, цели, руководители

В дискурсе Фонда первостроителей Уралмаша начало строительства завода размыто во времени. Точностью обладает только идеологически мотивированная дата, связанная с локальными событиями гражданской

войны. 15 июля 1919 года войска Красной Армии заняли Екатеринбург и оттеснили армию Колчака в сторону Омска. Это событие было названо «День освобождения Урала от Колчака», получило статус советского праздника и к 1922 году стало официальным местным нерабочим днем. В связи с этим такие события, как основание завода (15 июля 1928 г.) и его пуск (15 июля 1933 г.), были приурочены к этой дате. К 1970-м годам то, что дата основания завода приурочена к событиям гражданской войны, практически забыто в официальном дискурсе, но в дискурсе Фонда эти практики именования событий сохраняют актуальность: *В девятую годовщину освобождения Урала от Колчака, 15 июля 1928 года, была произведена закладка Уралмашзавода. Этот день был избран не случайно: завод рождался на земле обильно политой кровью красноармейцев из прославленной дивизии Азина, очистившей центр Урала от белогвардейцев* [Копытов, 1968, с. 1]. Несмотря на выраженную локальную идентификацию уралмашевцев, заводская идентичность должна иметь крепкие связи со страной в целом. Интеграция Уралмашзавода со страной обеспечивается с помощью практик идеологической идентификации.

Во-первых, причины строительства обосновываются идеологически, для чего используются публицистические клише и их вариации: *по решению партии и правительства; по воле партии и советского народа; по призыву партии советского правительства* и под. Во-вторых, идеологически оформляется цель строительства: *с огромным подъемом взялись за выполнение плана первой пятилетки и Решений ЦК ВКП (б) по строительству Уралмашзавода* [Серяпин, 1966, с. 1]. Это знакомый дискурсивный ход при описании модернизации страны, о чем пишет социолог Борис Дубин: «Идеология модернизации в советском варианте выступает в формах государственно-централизованной мобилизации, требующей со стороны индивида унифицированной идентификации с символическим целым, предельно общим коллективным “мы”. Ось структурации этого целого — вертикаль иерархического господства-подчинения» [Дубин, 2010, с. 198]. В дискурсе вершиной иерархии предстает партия как коллективный субъект, причем исторически точное обозначение *ВКП (б)* используется наравне с современным для авторов *КПСС*.

Коллективный субъект практически не персонифицируется в руководителе партии, хотя в публицистике это довольно стандартный метонимический прием [Чудинов, 2018]. В дискурсе первостроителей нет упоминаний ни Сталина, ни Хрущева, ни Брежнева.

Управляющий строительством А. П. Банников — человек, которого многие авторы знали лично, — в воспоминаниях описывается по-

человечески тепло и высоко оценивается профессионально, а его партийная принадлежность фиксируется нечасто. Возможно, идеологические формулы в этом случае оказываются слишком узкими для личной памяти. В текстах его имя связывается с символическим целым Партии, подчеркивается, что строительство завода продолжалось благодаря Банникову и заводской парторганизации: *А. П. Банников и, тогда еще небольшая партийная организация выиграли это неоткрытое сражение. Банников добился встречи с Куйбышевым и Орджоникидзе и получил от них добро на финансирование стройки* [Архипов, 1981, с. 6]. Главным представителем партийного коллективного субъекта выступает имя Серго Орджоникидзе, который в период строительства Уралмашзавода был наркомом тяжелой промышленности. В 1955 году на площади Уралмашзавода был открыт памятник Серго Орджоникидзе, так что его имя официально включено в историю Уралмашзавода и закреплено местом памяти.

И еще два имени из партийного пантеона принимают на себя связующую роль с партией и страной в целом. Первое имя — А. М. Горький. Это имя многократно упоминается в текстовых фрагментах о том, «как Горький прислал телеграмму» на открытие завода. По словам работника Музея истории Уралмашзавода С. С. Агеева, сама телеграмма отсутствует в архиве музея, поэтому остается неизвестным, была ли она прислана на открытие завода или ее текст только был публикован в центральной прессе. Зато слова из нее активно повторялись в заводских праздничных докладах и плакатах. Приведем ее полностью: «Горячий привет строителям Уралмашстроя! Вот пролетариат-диктатор создал ещё одну могучую крепость, возвёл ещё одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик. С каждым месяцем, с каждым годом рабочая энергия всё более мощно и грандиозно воплощается в жизнь, творя чудеса трудового героизма. Ещё два, три года усилий — и вы, товарищи, явитесь непобедимыми для всех врагов, которые уже и теперь боятся нас. Прекрасную жизнь строите вы, счастлив сказать вам это от всей души! Желаю вам доброго здоровья, неиссякаемой бодрости духа, крепкой дружбы. Ваш всей душой М. Горький» [Горький, 1956]. В дискурсе первостроителей этот текст цитируется не полностью, воспроизводится только второе предложение, иногда теряется приложение диктатор к слову *пролетариат*. А выражение отец заводов стало устойчивым и превратилось в клише. Широкое распространение слов Горького выполняет важную функцию: дискурсивно закрепляет связь уральского завода с историей страны.

Второе имя — М. И. Калинин, это имя так же, как и имя Серго Орджоникидзе, закреплено местом памяти — вблизи от центральной проход-

ной Уралмашзавода находится улица Калинина. В следующем фрагменте встреча с Калининым описывается как яркое событие жизни. Сегодня, когда имя уже не излучает партийный свет, неизбежно возникает контраст между обыденными словами Калинина и яркостью воспоминания: *Самое хорошее впечатление мне запомнилось это когда в 1933 году к нам на Уралмашзавод приезжал Михаил Иванович Калинин. Я имела счастье говорить с ним, была очень рада когда он подошел ко мне к молодой девчонке-работнице. В 1933 году по коридору завода машины не ходили. Михаил Иванович ехал на лошадке, поравнялся со мной, кучер остановил лошадку и Калинин подошел ко мне, я сидела около цеха и ела французскую булку. Михаил Иванович поздоровался и спросил где и кем я работаю, я ответила в инструментальном цехе фрезеровщицей, а что здесь сидишь, ответила, что у нас обеденный перерыв, а почему не в столовой обедаешь, я стесняюсь в столовой обедать, он говорит, что ни в коем случае нельзя в сухомятку есть, нужно хотя бы чаем припивать, а то желудок будет болеть, вот так девочка. Ну досвидания. Еще погрозил пальцем, что нельзя есть всухомятку* [Бояршинова, 1983, с. 2].

Коллективный субъект «коммунистическая партия», который направляет строительство и руководит строительством завода, в текстах конкретизируется посредством отсылок к партийным органам рангом значительно ниже: *Решением* (заводского. — *Л. Е., Н. Г.*] *комитета ВЛКСМ я был рекомендован в Механический № 1 в качестве слесаря бригадира комсомольской бригады сборщиков* [Аникеев, 1983, с. 1]. В дискурсе наблюдается стяжение партийной иерархии: партия и правительство и сразу заводская парторганизация, что передает прежде всего высокую значимость для авторов заводской партийной, в том числе комсомольской, организации, от которой работник зависит гораздо больше, чем от высших партийных органов.

Роль заводской партийной организации нередко сводится к контролирующей функции в профессиональной деятельности: *В строительстве водоснабжения на пром-площадке завода хочется отметить роль тов. Павлова А. Т., Балакшина М. П. и Ступникова М. З. —* ***именно они под неослабленным контролем, — тогда молодой партейной организации****, вложили, так много инженерного труда, чтобы успешно проложить все подземные трассы к строющемся цехам завода и жилым домам поселка* [Серяпин, 1966, с. 13].

Идеологически «правильным» подается даже весь производственный процесс: *Чертеж поступил в цех. Он попадает в руки комсомольцу и дальше идет по комсомольским рукам — в плановое бюро, в эскизное отделе-*

ние, к модельщикам, к фрезеровщикам. Даже на складе и там он попадает в руки комсомольцам. Это единый комсомольский конвейер [Жуков, с. 44].

В то же время в фонде есть записи, авторы которых сосредоточены исключительно на описании трудового процесса, принципах работы инженеров и рабочих и их достижениях при решении профессиональных задач, идеологическая составляющая в таких текстах отсутствует. Ярким примером такого изложения является самостоятельно переплетенная книга А. П. Осипова «Записки старого уралмашевца». По всей видимости, некоторые заводчане переписывались между собой на тему сбора воспоминаний для музея, так как в фонде есть письма, направленные руководству музея, в них есть собственные воспоминания и критика чужих. Так, оценки сугубо профессиональных качеств коллег, упоминаемых в записях, при игнорировании заслуг партии вызывают цензурирующие замечания от товарищей как отступление от ожидаемого, нормативного изложения о строительстве завода. А. Х. Карлин начинает свое письмо, адресованное «Совету Музея УЗТМ», словами: *Мною получено письмо гражданина Осипова на 12 страницах вкотором он напоминает мне о памяти* [Карлин, 1976, с. 1]. Далее Карлин высказывает возмущение в отношении того, что в тексте А. П. Осипова нет упоминаний о *партийной, комсомольской и профсоюзной организации*: *И мне очень жаль, что гр. Осипов не назвал ни одного передовика. Не вольно возникает мысль кто же в те времена завоевал три переходящих знамени? А монтажная контора — ее коллектив был передовым на УМС трижды краснознаменным.* ***Чья же была организующая роль в коллективе? Разумеется партийной, комсомольской и профсоюзной организации. По письму гр. Осипова партийной организации не было, не было ее партийного влияния на весь ход монтажно-строительных работ*** [Карлин, 1976, с. 3]. В этом заочном диалоге мы видим две версии того, кто оказывал большее влияние на строительство завода. С точки зрения дискурс-анализа в этом случае мы обнаруживаем конкуренцию профессиональных и идеологических практик, участвующих в конструировании дискурсивного концепта «заводская идентичность». В анализируемом дискурсе в целом идеологические практики количественно превалируют.

В дискурсе строительство завода прочно связано с идеологическим смыслом выполнения задач, поставленных руководством партии и страны. Партия как коллективный субъект наделяется руководящей и контролирующей функцией. В дискурсивных практиках описания строительства Уралмаша отступлений от советских идеологических клише не наблюдается. Но значимым является и то, что в ряде текстов нет отсылок к идеологи-

ческим практикам. Это не говорит о явной или скрытой оппозиционности советскому официальному дискурсу. Скорее, отсутствие идеологической составляющей свидетельствует о более высокой значимости профессиональной самоидентификации для конкретного автора.

5. Враги народа и «кривое горе»

Советская идеология, как и любая другая, сформировала образ врага, как внутреннего, так и внешнего. По мысли Л. Гудкова, «как бы семантически ни различались те или иные виды образов или топики “врагов”, их главная функция — нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы» [Гудков, 2005, с. 14]. Во многих текстах фонда о врагах не упоминается вовсе, и воспоминания посвящены исключительно социалистическим достижениям или заводской повседневности. Иными словами, в 1970—1980-е практики конструирования врагов не являются центральными для заводской идентичности. Тем не менее практики конструирования образа врага занимают заметное место в дискурсе Фонда первостроителей Уралмаша.

По временным характеристикам образ врага связан с периодом строительства и первых лет работы завода. Воспоминания писались в 1970—1980-е годы, и авторы, рассказывая о прошлом, часто употребляют клише текущего для них момента и пишут *КПСС* вместо *ВКП (б)*, *коммунист* вместо *большевик*, *Уралмаш* вместо *Уралмашинстрой* и пр., то есть современные авторам практики говорения побеждают прошлый речевой опыт. Но если тематизируется образ врага, то обнаруживается крайне интересная закономерность, заключающаяся в том, что неизменно сохраняется язык советских газет 1930-х: *агенты империализма, классовые враги, предатели родины, враги народа*. Можно сказать, что такие рассуждения основаны не на личном опыте, поэтому идеологические формулы являются полностью присвоенными из официального дискурса. *Теперь, спустя полвека, мало кто знает, что агенты французского империализма, сгруппировавшиеся в «Промышленную партию» задержали строительство и Уралмашзавода на 2 года, как они сами потом утверждали на суде. Они затевали бесконечные изменения проектной мощности, приостанавливали строительство и пытались законсервировать его, предлагали перенести его в другой город. ... в 1930 году эти трудности были позади* [Архипов, 1981, с. 6.].

Тематические фрагменты, в которых сконструирован образ врага, исключают личные переживания; угроза представлена исходящей от врагов, направленной на завод и коллектив в целом; враги не персонифицируются:

Враги народа засевшие на Уралмаше пытались разрушить и уничтожить наш завод. Они подожгли кузнечнопрессовый цех, нанесли большой материальный урон заводу. Но они не смогли уничтожить волю, мужество здорового коллектива уралмашзавода. Враги с помощью рабочих были пойманы с поличным, которые понесли заслуженное накозание, были расстреляны как подлые предатели советского народа, как агенты иностранного империализма [Чернов, 1981, с. 6].

Многие авторы завершают свои истории 1933—1934 годами. Если на этом месте их текст не заканчивается, то они переходят к воспоминаниям о работе завода в военные годы. Такой скачок от одного периода к другому, с одной стороны, продиктован заданными анкетой вопросами, а с другой — свидетельствует, что идеологически неоднозначная тема арестов работников завода в 1930-е годы не обсуждается, а вызывает к жизни практики умолчания. Елена Рождественская, занимаясь исследованием нарратива жертв насилия, объясняет это психологическими причинами: «Следствием травматичного жизненного опыта становится фрагментация рассказов. Физическое и психическое разрушение среды и самих рассказчиков отражается в нарушенном чувстве целостности и непрерывности. Пережитая жизненная история фрагментирует, разрывает сознание этих людей и взаимосвязь между различными фазами жизни. Целые этапы жизни тонут в непроговоренности» [Рождественская, 2009, с. 110]. Наши авторы воспоминаний не являются жертвами, напротив, им повезло, политические репрессии их не задели, они остались в группе идеологически благонадежных, но травматичные воспоминания есть и у них.

В монографии «Кривое горе: память о непогребенных» Александр Эткинд пишет, что ошибочно думать об отсутствии в публичном пространстве памяти о репрессиях 1930-х годов, и показывает, как эта память растворяется в научных работах, на первый взгляд далеких от темы политического насилия и посвященных средневековью, в популярных кинофильмах, в том числе трагедиях С. Козинцева и комедиях Э. Рязанова, в песнях В. Высоцкого, стилизованных под лагерный колорит и пр. — все это и есть «кривое горе», подспудное формирование механизмов памяти и скорби о политическом насилии в советском обществе [Эткинд, 2016].

Попытки проговорить травматичный опыт приобретают особую ценность на фоне практик умолчания о политическом насилии. В нашем дискурсе встречаются редкие мемораты о близких коллегах, которые были арестованы, обвинены во вредительстве, расстреляны или отправлены в лагеря, а в 1950-е реабилитированы. Можно выделить три способа включения темы жертв политического насилия в текст воспоминаний.

Первый — иногда в текстах при перечислении соратников присутствуют и имена репрессированных. Эти имена оказываются внутри списка, никак не выделены, о том, что это жертвы репрессий, мы можем понять только исходя из внедискурсивного контекста. Но даже сам факт включения имен жертв политического насилия в историю строительства завода есть робкая попытка выразить скорбь по соратникам. Второй способ — имена репрессированных не только названы, но и сопровождены позитивной моральной или профессиональной характеристикой, опять же без упоминания о факте ареста и реабилитации человека. Третий способ — названо имя, дана позитивная характеристика, и сказано об аресте и о судьбе после осуждения.

Наиболее полно третий способ представлен в подробных воспоминаниях А. П. Осипова, этим людям и их вкладу в строительство завода посвящено несколько страниц. В отличие от практик конструирования образа врага, практики описания жертв политического насилия содержат разговорную эмоциональную лексику: *В это время был арестован Шах Музафаров, а спустя незначительное время за ним ушел и А. И. Таганов.* ***Из рук валилась работа*** *при мысли, что этих людей уже нет на заводе.* ***Как их было жаль****. Но работа продолжалась и шла своим порядком* [Осипов, 1975, с. 117]. Но нельзя не заметить, что аресты вписаны в повседневность, они становятся в череду жизненных неудач и тем самым не получают статуса исключительного события: *Был арестован В. И. Попов, собирался уходить С. Г. Климашевский. И вот я снова на ТЭЦ, но уже в должности начальника тепломонтажной группы УКСа. Из моих близких товарищей здесь никого уже не было. Шах Музафаров и Андрюша Таганов — арестованы и куда-то высланы. Володя Усков работал в «Котлотурбине», простудился на охоте и умер от туберкулеза. Уехал НРЗБ в Орехово-Зуево и там тяжело заболел. Перевели под Москву на какой-то завод Мишу Борисова, а через некоторое время по каким-то обстоятельствам он сам решил уйти из жизни. После непродолжительной работы и ухода с ТЭЦ А. В. Жеденева, сменилось уже несколько начальников ТЭЦ* [Там же: с. 121—122].

Приведем фрагмент из текста А. Н. Чернова, в котором упоминается Л. Л. Авербах, советский критик, член Союза писателей СССР, парторг Уралмашзавода, неоднозначно оцениваемая историками личность: *Попутно с этим несколько хочеться сказать в отношении Авербаха. Он работал с начало парторгом ЦК на заводе, а впоследствии партком перминовали в районый комитет партии и он был его первым секретарем. Работал в этой должности недолго с 1934—1937г. В 1937 году был арестован и расстрелян, а впоследствии либеритирован, оправдан, оправдан посмер-*

тно. Авербах был человек высокой культуры, высокообразованный, спыльчивый, скоро отходящей и по своей натуре был добрый, если кого в горяче обидет, то когда отойдет пожалеет и извинится [Чернов, 1981, с. 7].

Дискурсивная неразработанность темы репрессий подтверждается выбором страдательных конструкций *был арестован, расстрелян, оправдан*, которые позволяют избежать указания на субъекта, производящего арест, на причины ареста, его цели. Это тем более заметно по сравнению с разработанностью идеологического описания события строительства завода.

6. Выводы

В дискурсе фонда первостроителей Уралмаша выделен дискурсивный концепт «заводская идентичность». Одним из ведущих тематических направлений, участвующих в формировании этого концепта, является идеологическая тематика. Стабильная повторяемость идеологических смыслов связана с реализацией ритуальной функции, ставшей необходимой для позднесоветского дискурса в целом, и с интегративной функцией, актуализирующей связь с партией и страной как символическим целым. Дискурсивные практики описания строительства завода прочно связаны с идеологическим смыслом достижения целей и выполнения задач, поставленных руководством партии и страны. Идеологическая идентификация может переплетаться с профессиональной и служить для позитивной оценки коллег. Практики, конструирующие образ врага, содержат идеологические формулы из языка газет 1930-х годов, образ врага и исходящая от него угроза носят абстрактный характер, личные переживания в таких тематических фрагментах не фиксируются. Перечисленные практики идеологической идентификации метафорически понимаются нами как «прямой маршрут», соответствующий линии партии, в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша.

Вынесенная в заголовок метафора «почти прямой маршрут» позволяет нам подчеркнуть, что в привычных повторениях идеологических смыслов нередки невольные перефразирования ленинских цитат и не запланированные автором многочисленные ошибки при передаче идеологических смыслов, что ведет к размыванию строгих идеологических клише. Также к элементам эрозии официального советского дискурса мы относим способы включения темы жертв политических репрессий, потому что об этом не принято было говорить публично. Но благодаря личной памяти коллег имя человека дискурсивно возвращается в историю завода и его коллектив, будучи в прошлом исключенным из нее по политическим / идеологическим причинам. В позднесоветский период точное воспроизведение идеологиче-

ских маркеров, клише и одобренных тем — система, требующая специальных компетенций. Наши авторы ориентируются на знакомые и доступные их коммуникативному опыту дискурсивные практики советского официального дискурса, но полностью им соответствовать не могут в силу разных причин, установление которых не входило в наши задачи в данной работе.

Источники

1. *Аникеев Ф. П.* Воспоминания : рукопись. — 1983. — 7 с. / Ф. П. Аникеев // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

2. *Аникеева М. С.* Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны : рукопись. — 1968. — 12 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

3. *Архипов А. В.* Были Уралмаша : машинопись. — 1981. — 77 с. // А. В. Архипов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

4. *Бакиров Б. У.* Рукопись. — [без даты]. — 11 с. / Б. У. Бакиров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

5. *Бояршинова С. И.* Воспоминания : рукопись. — 1983. — 4 с. / С. И. Бояршинова // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

6. *Жуков С.* Первенец (записки комсомольца-строителя) : машинопись. — [без даты]. — 48 с. / С. Жуков // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

7. *Калюш Н. Г.* [Без названия] : машинопись. — 1969. — 10 с. / Н. Г. Калюш // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

8. *Карлин А. Х.* Письмо Совету музея УЗТМ : рукопись. — 1976. — 10 с. / А. Х. Карлин // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

9. *Копытов Г. Т.* Воспоминания члена производственно-бытовой коммуны УМС : машинопись. — 1968. — 19 с. / Г. Т. Копытов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

10. *Осипов А. П.* Записки старого уралмашевца : машинопись. — 1975. — 125 с. / А. П. Осипов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

11. *Серяпин А. А.* Воспоминания о развитии водоснабжения на УЗТМ : рукопись. — 1966. — 15 с. / А. А. Серяпин // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

12. *Сомов С. Н.* Как я стал членом коммунистической партии : рукопись. — [без даты]. — 59 с. / С. Н. Сомов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

13. *Фонд* первостроителей Уралмаша : 1967—1984 (хранится в Музее истории Уралмашзавода, Екатеринбург).

14. *Чернов А. Н.* Воспоминание написанное Ветераном Комсомола, Партии и Труда : рукопись. — 1981. — 40 с. / А. Н. Чернов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

Литература

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Медиум, 1995. — 323 с.

2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Высшая школа экономики, 2012. — 408 с.

3. *Гинзбург Е. С.* Крутой маршрут : Хроника времен культа личности / Е. С. Гинзбург. — Москва : Советский писатель, 1990. — 608 с.

4. *Голубев А.* Экс-позиция письма : о правилах чтения чужой переписки / А. Голубев, С. Ушакин // XX век : Письма войны. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 8—21

5. *Горький А. М.* Приветствие Уралмашстрою [Электронный ресурс] / А. М. Горький // Собрание сочинений : в 30 т. — Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1949—1956. — Режим доступа : http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-304.htm (дата обращения 20.06.2020).

6. *Граматчикова Н. Б.* Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша / Н. Б Граматчикова, Л. В. Енина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 55—75. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75.

7. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Л. Гудков // Образ врага. — Москва : ОГИ, 2005. — С. 7—79.

8. *Дубин Б.* О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования) / Б. Дубин // Классика после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре : сборник статей. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 197—207.

9. *Енина Л. В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159—167.

10. *Енина Л. В.* Зачем нужны цитаты из советских газет в автобиографических текстах? / Л. В. Енина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — № 3. — С. 49—55.

11. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 544 с.

12. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с.

13. *Лаппо М. А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо. — Новосибирск : НГПУ, 2013. — 180 с.

14. *Рождественская Е.* Словами и телом: травма, нарратив, биография / Е. Рождественская // Травма:пункты : сборник статей. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 108—132.

15. *Савкина И. Л.* Теория и практики автобиографического письма / И. Л. Савкина // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 4. — С. 284—289.

16. Са*ндомирская И. И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. — Wien, 2001. —286 с.

17. *Ушакин С.* Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. — 2013. — № 3. — С. 221—258.

18. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 336 с.

19. *Фуко М.* Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — Москва : Касталь, 1996. — С. 47—97.

20. *Чепкина Э. В.* Журналистский дискурс: анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — Т. 89, № 2. — С. 76—85. Journalistic discourse: practices analisys

21. *Чудинов А. П.* Российская лингвополитическая персонология : исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 14—31. — DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

22. *Шалина И. И.* Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. И. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. — 444 с.

23. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

24. *Штудер Б.* Сталинские партийные кадры : практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / Б. Штудер, Б. Уинфред; пер. с нем. И. А. Золотарёва. — Москва : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцына : РОССПЭН, 2011. — 246 с.

25. *Эткинд А.* Кривое горе = Warped mourning : Память о непогребенных / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.

26. *Юрчак А.* Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.

Almost "Direct Route": Ideological Meanings in the Construction of the Factory Identity of Uralmashplant Workers[1]

© Lidia V. Enina (2020), orcid.org/0000-0003-2073-9948, PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language and Stylistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), Enina.lidia@gmail.com.

© Natalia B. Gramatchikova (2020), orcid.org/0000-0002-2585-7399, ResearcherID T-5823-2017, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, PhD in Philology, Senior Researcher, Center for Literary History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), n.gramatchikova@gmail.com.

The article is devoted to the study of factory identity based on the material of autobiographical texts of Uralmash workers written in 1967—1984. The novelty of the research is in the theoretical approach to identity as a discursive concept, which is structured by systematically recurring themes in personal narratives. The main focus is on ideological meanings in autobiographical texts. Their ritual and integrative functions are established, which are realized in the analyzed texts. The leading role of ideological meanings in describing the construction of a plant and in constructing the image of the enemy and the threat posed by it for the plant and the collective is shown. The ways to include memoirs of the theme of victims of political violence

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00553A "First Builders as a Performative Project: Constructing the Discursive Identity of Ural Workers in Texts from the 1930s and 1970s".

in the 1930s in the texts and to restore their names in the factory biography are discussed in the article. It is proved that the introduction of the theme of victims of political repression, as well as ritual formulas of ideological loyalty, reproduced by naive authors with involuntary distortions and deviations from the norms of written literary speech, results, among other things, in "corrosion" of the Soviet official discourse and is one of the factors that led to the "performative shift" characteristic of the late Soviet era. The analyzed text material has not previously been the object of research.

Key words: identity; identification; discursive practices; autobiographical text; Uralmash.

Material resources

Anikeev, F. P. (1983). Vospominaniya: rukopis' [Memories: manuscript]. 7 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Anikeeva, M. S. (1968). Vospominaniya Anikeevoy Marii Semenovny: rukopis' [Memories of Maria Semyonovna Anikeeva: manuscript]. 12 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Arkhipov, A. V. (1981). Byli Uralmasha: mashinopis' [Were Uralmash: typescript]. 77 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Bakirov, B. U. Rukopis' [Manuscript]. 11 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Boyarshinova, S. I. (1983). Vospominaniya: rukopis' [Memories: manuscript]. 4 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Chernov, A. N. (1981). Vospominanie napisannoe Veteranom Komsomola, Partii i Truda: rukopis' [Remembrance written by the Veteran of the Komsomol, Party and Labor: manuscript]. 40 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Fond pervostroiteley Uralmasha: 1967—1984. Muzey istorii Uralmashzavoda, Ekaterinburg. [Uralmash Pioneer Fund: 1967—1984. Uralmashplant History Museum, Yekaterin-burg]. (In Russ.).

Kalyush, N. G. (1969). Mashinopis' [Typescript]. 10 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Karlin, A. Kh. (1976). Pis'mo Sovetu muzeya UZTM: rukopis' [Letter to the Council of the UZTM Museum: manuscript]. 10 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Kopytov, G. T. (1968). Vospominaniya chlena proizvodstvenno-bytovoy kommuny UMS: mashinopis' [Memoirs of a member of the UMC industrial and household commune: typing]. 19 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Osipov, A. P. (1975). Zapiski starogo uralmashevtsa: mashinopis' [Notes of an old Uralmash worker: typescript]. 125 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Seryapin, A. A. (1966). *Vospominaniya o razvitii vodosnabzheniya na UZTM: rukopis'* [Memories of the development of water supply at UZTM: manuscript]. 15 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Somov, S. N. Kak ya stal chlenom kommunisticheskoy partii: rukopis' [How I became a member of the Communist Party: a manuscript]. 59 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

Zhukov, S. Pervenets (zapiski komsomoltsa-stroitelya): mashinopis' [Firstborn (notes of a Komsomol-builder): typescript]. 48 p. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley* [Archive of the Uralmashplant History Museum. First Builders Foundation]. (In Russ.).

References

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovanie realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moskva: Medium. 323 p. (In Russ.).

Brubeyker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki. 408 p. (In Russ.).

Chepkina, E. V., Enina, L. V. (2011). Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: practices analisys]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], *89 (2):* 76—85. (In Russ.).

Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov [Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], *9 (1):* 14—31. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31. (In Russ.).

Dubin, B. (2010). O nevozmozhnosti lichnogo v sovetskoy kulture (problemy avtobiografirovaniya) [On the impossibility of the personal in Soviet culture (problems of autobiography)]. In: *Klassika posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kulture: sbornik statey* [Classics after and next: sociological essays on literature and culture: collection of articles]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 197—207. (In Russ.).

Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], *6:* 159—167. (In Russ.).

Enina, L. V. (2019). Zachem nuzhny tsitaty iz sovetskikh gazet v avtobiograficheskikh tekstakh? [Why do we need quotes from the soviet newspapers in autobiographical texts?]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy*

obrazovaniya, nauki i kultury [Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], *3:* 49—55. (In Russ.).

Etkind, A. (2016). *Krivoye gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Memory of the unburied]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.).

Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moskva: ROSSPEN. 336 p. (In Russ.).

Fuko, M. (1996). Poryadok diskursa [Discourse order]. In: *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moskva: Kastal. 47—97. (In Russ.).

Ginzburg, E. S. (1990). *Krutoy marshrut: Khronika vremen kulta lichnosti* [Cool route: Chronicle of the times of the personality cult]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 608 p. (In Russ.).

Golubev, A., Ushakin, S. (2016). Eks-pozitsiya pis'ma: o pravilakh chteniya chuzhoy perepiski [The ex-position of the letter: about the rules of reading someone else's correspondence yusch]. In: *XX vek: Pis'ma voyny* [20th Century: Letters of War]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 8—21. (In Russ.).

Gorkiy, A. M. (1949—1956). Privetstvie Uralmashstroyu [Greetings to Uralmashstroy yusch.]. In: *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vol.]. Moskva: Gos. izdvo khudozh. lit. Available at: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-304.htm (accessed 20.06.2020). (In Russ.).

Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2020). Vremya i prostranstvo vospominaniy zavodchan v konstruirovanii kollektivnoy identichnosti pervostroiteley Uralmasha [Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *7:* 55—75. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75. (In Russ.).

Gudkov, L. (2005). Ideologema «vraga»: «Vragi» kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokulturnoy integratsii [The ideologeme of the "enemy": "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism of sociocultural integration]. In: *Obraz vraga* [Enemy image]. Moskva: OGI. 7—79. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moskva: Evropa. 544 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moskva: Gnozis. 284 p. (In Russ.).

Lappo, M. A. (2013). *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk: NGPU. 180 p. (In Russ.).

Rozhdestvenskaya, E. (2009). Slovami i telom: travma, narrativ, biografiya [With words and body: trauma, narrative, biography yusch]. In: *Travma:punkty: sbornik statey* [Trauma: points: collection of articles]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 108—132. (In Russ.).

Sandomirskaya, I. I. (2001). *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [A book about the Motherland. Experience in analyzing discourse practices]. Wien. 286 p. (In Russ.).

Savkina, I. L. (2008). Teoriya i praktiki avtobiograficheskogo pis'ma [Theory and practice of autobiographical writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], *4:* 284—289. (In Russ.).

Shalina, I. I. (2009). *Uralskoe gorodskoe prostorechie: kulturnye stsenarii* [Ural urban vernacular: cultural scenarios]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. 444 p. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2002). *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitelnost'* [Russian language and non-linguistic reality]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 496 p. (In Russ.).

Shtuder, B., Uinfred, B. (2011). *Stalinskie partiynye kadry: praktika identifikatsii i diskursy v Sovetskom Soyuze 1930-kh gg*. [Stalinist Party Cadres: Identification Practices and Discourses in the Soviet Union in the 1930s]. Moskva: Fond Prezidentskiy tsentr B. N. Yeltsyna; ROSSPEN. 246 p. (In Russ.).

Ushakin, S. (2013). Razlozhenie totalnosti: obyektalizatsiya pozdnego sotsializma v post-sovetskikh biokhronikakh [Decomposition of Totality: Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], *3:* 221—258. (In Russ.).

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoye pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p. (In Russ.).

Жукова О. Ю. «Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: мифология на службе номинации (вепсские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра) / О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 53—66. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-53-66.

Zhukova, O. Yu., Zaitseva, N. G. (2020). “Forest Nose”, “Nose of Wind”, “Curse of Water”: Mythology at the Service of the Nomination (Vepsian Names for Diseases Emanating from Forest Spirits, Water and Wind). *Nauchnyi dialog, 11:* 53-66. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-53-66. (In Russ.).

УДК 811.511.11’37:61+398.41
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-53-66

«Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: мифология на службе номинации (вепсские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра)[1]

© Жукова Ольга Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0001-9527-7982, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН); доцент кафедры прибалтийско-финской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), olgazhukovaveps@mail.ru.

© Зайцева Нина Григорьевна (2020), orcid.org/0000-0002-8335-2137, доктор филологических наук, руководитель сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН) (Петрозаводск, Россия), zng@ro.ru.

Рассматриваются вепсские обозначения некоторых болезней, по поверьям, насылаемых на человека тремя действующими стихиями — лесными духами или лесовиками (*mec*), водой (*vezi*) и ветром (*tullei*) — за непослушание, плохое поведение в лесу, на воде, на природе. Авторы отмечают, что все названия — это сложные слова с мифологической подоплекой, представляющие интерес в отношении принципов номинации. Указано, что первые компоненты таких слов обычно называют «субъект воздействия»; вторые компоненты — это именования «результата воздействия»: *-/nena* ‘нос; букв. острие воздействия’, *-/išketiž* ‘воздействие, удар’, *-/tegend ~ -/tegotiž* ‘направленное наказание, деяние’, *-/ehtind* ‘насылание болезни’. Представленные результаты анализа свидетельствуют,

1 Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

что лишь компоненты *-/kibu, - /kibuine* ‘боль’ и *-/pagan* ‘поганый; языческий’ (< русское *поганый*) нейтральны и, очевидно, их активизация обусловлена распространением христианства. Подчеркивается, что, скорее всего, по этой причине *-/pagan* стало достаточно часто замещать все прочие части сложных наименований болезней. Поднимается вопрос о том, что исследуемые вепсские названия болезней, кроме того, можно рассматривать в качестве своеобразного морального кодекса поведения древних вепсов, поскольку они иллюстрируют наказания, которые могли насылаться стихиями леса, воды и ветра за неподобающее поведение человека.

Ключевые слова: вепсский язык; номинация; этимология; мифология; фольклор; языковые контакты.

1. Введение

Мифология занимает существенное место в жизни любого народа. Язык также не обходится без ее воздействия. Среди различных способов номинации выделяются модели, основой для которых послужили представления о некоторых мифологических персонажах и явлениях, мотивирующие названия болезней. И если у этнографов, фольклористов, работы которых связаны с народными болезнями, лечебной магией и т. д., описываются и изучаются, прежде всего, способы лечения болезни и сама болезнь, которая может восприниматься «…как некое живое существо, приставшее к человеку» [Пашкова, 2017, с. 14], то лингвист свое непосредственное внимание направляет на участие данных элементов в создании словесных образов, в номинации.

Сосредоточимся в данной статье на материале одного из прибалтийско-финских языков уральской языковой семьи, а именно рассмотрим вепсские слова, отражающие мифологические поверья о том, что болезни человека могут быть следствием сверхъестественного воздействия стихий — леса, воды и огня. Вепсы, потомки древней веси, издавна проживали совместно с восточными славянами (русскими) на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами (рис. 1). Они почти одновременно с русскими приняли православие, и в дальнейшем их сосуществование отразилось на всех уровнях языка. Три стихии, рассматриваемые в данной статье, также схоже репрезентируются и в фольклоре, и в мифологии, и в этнокультуре названных народов.

Как свидетельствуют исследования по вепсской мифологии [Винокурова, 2015, с. 250—254, 279—290, 434—437], три названные стихии — лес, вода и ветер — особенно тесно вовлечены в мифологическую сферу жизни вепсов, связаны со многими обрядами и поверьями, основной мотив которых — воздействие на здоровье человека, своеобразное «насылание» на него различных болезненных состояний в наказание за плохое поведение в лесу, на воде, за нанесение вреда природе.

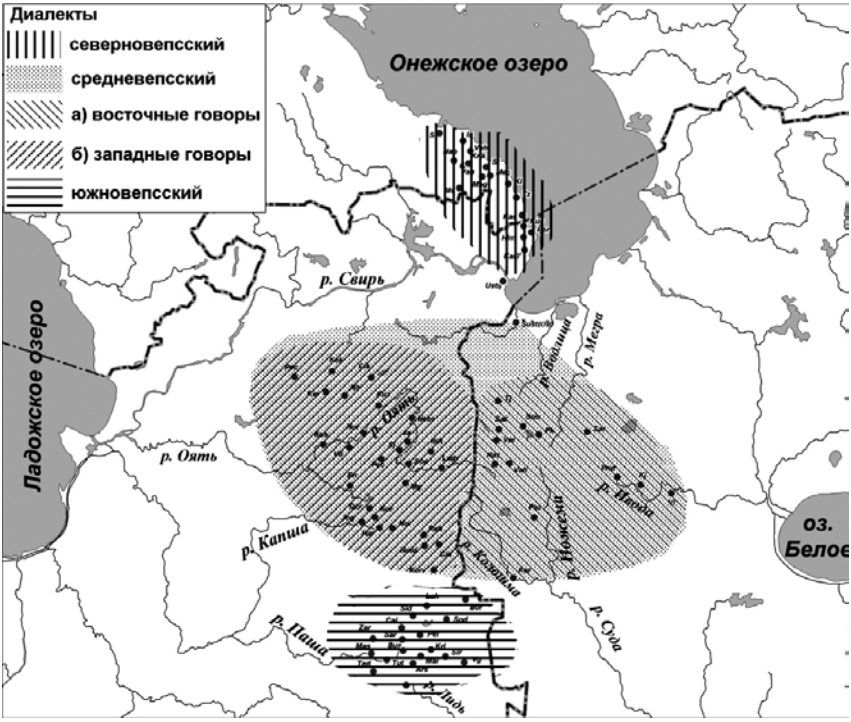


Рис. 1. Современное расселение вепсов и расположение диалектов вепсского языка: карта

2. Субъекты воздействия

Мес ‘лес’

Лес у вепсов, как и у соседнего русского народа, да и в целом в славянской этнокультуре, считается местом «обитания хозяина леса и других мифологических существ» [СД, 3, с. 97].

Вепсская лексема *mec* ‘лес’ (финское *metsä*) является праприбалтийско-финской и, по мнению этимологов, может обладать балтийской этимологией. Уже у самой лексемы *metsä* в этимологических словарях, кроме основной семантики ‘лес’, фиксируются также значения с мифологической подоплекой: ‘хозяин леса, лесовик; черт; ад, преисподняя’ и т. д., свойственные аналогам этого слова в большинстве родственных языков [SSA, I, с. 163], что свидетельствует об их древности. Анализируемое слово входит в состав фразеологически связанных выражений: *must mec* ‘черт, дьявол’ (букв. ‘черный лес’), *mäne mecale* ‘иди к черту’ (букв. ‘иди на лес’),

ni mecad en kule ‘ничего (ни черта) не слышу’ (букв. ‘ни леса не слышу’) и т. д. [СВЯ, 1972, с. 323].

Ряд вепсских лексем с общим значением ‘болезнь, вызванная или насланная лесом, лесными силами, лесовиками за проступки’ опираются на мифологическую составляющую в семантике структурного элемента *mec* ‘лес’: *meca/nena* ~ *mecan/nena*, *mec/kibu*, *mec/kibuine*, *mec/pagan*, *mec/tegend*, *meca/išketiž* и т. д. Далее им будет уделено специальное внимание.

Vezi ‘вода’

Воду в народной культуре вепсов [Винокурова, 2015, с. 456—459], как и у славян, считают средой обитания «нечистой силы и душ умерших людей» [СД, т. I, с. 386]. Но в отличие от лексемы *mec* ‘лес’, о которой речь шла выше и которая в языке вепсов уже сама по себе приобрела отчасти мифологизированный оттенок в семантике, у слова *vezi* (вода) подобное явление не отмечается.

Прибалтийско-финские этимологи признают древность слова *vezi* (финское *vesi*), обладающего соответствиями в ряде языков, от прибалтийско-финских до самодийских и даже, возможно, индоевропейских, что считают результатом древнего языкового родства [Häkkinen, 2007, с. 1476— 1477; SSA, III, с. 429].

В языке вепсов, как, впрочем, и в иных родственных языках, слово *vezi* широко используется как составная часть сложных слов в именовании растений, предметов, явлений, связанных непосредственно с водой без какого-либо мифологического подтекста, например: *vezi/hein* ‘осока, болотная (букв. ‘водная’) трава’, *vezi/hir* ‘водяная крыса’, *vezi/korend* ‘стрекоза’ (букв. ‘водяное коромысло’), *vezi/lind* ‘водоплавающая (букв. ‘водная’) птица’, *vezi/lač* ‘ушат для питьевой воды’ и т. д. [СВЯ, 1972, с. 628—629]. В других единицах со структурным элементом *vezi*, сконструированных посредством привлечения словообразовательных суффиксов или методом словосложения, выявляются мифологемы, например: *vedehiine* ‘водяной, хозяин воды’, *vezi/ižand* ‘хозяин воды’, *vezi/turžas* ‘водяной’, *vezi/ehtind* ‘болезнь от воды’, *vezi/tegotiž* ‘болезнь от воды’, *vezi/pagan* ‘болезнь от воды’ и т. д.

Tullei ‘ветер’

Этнографы утверждают, что в вепсской мифологии ветер (*tullei*) персонифицировался «в виде некоего *незримого* существа» [Винокурова, 2015, с. 435]. В славянской культуре ветер предстает то как «огромный, сильный человек, сидящий на поваленном дереве», то как «четыре человека с огромными губами и усами» или как «дед в изорванной шапке» и т. д. [СД, I, с. 359]. Вепсских же преданий, описывающих ветер как персону, имеющую определенность очертаний, фигуру, записать не удалось.

Тем не менее, и в вепсском фольклоре ветер, хоть и незримо, также предстает активным действующим существом во время, например, свадебного обряда, унося у девушки «белую волюшку»: *i tuver tulleihut-se vedouzi minun vouktan da voudeižen-se, i tuver tulleihut i vöb voudeižen lagediš da soiš-ni päliči, pimediš da pihkuiš-ni päliči* ‘и свежий ветерок подхватил мою белую да волюшку, и свежий ветерок несет волюшку через гладкие болота, через темные ельники’ [Жукова, 2015, с. 78]. В поминальных плачах ветер охарактеризован как обладающий силой столь большой, что он может расколоть могилку надвое: *puhoudaške pohjas poludespei, sötei tulleihudem, hougeidaške nece korged koumeine kahthe čomha poludehe* ‘подуй с северной сторонушки, милый мой ветерок, расколи эту высокую могилу на две стороны’ [KKK, 2012, с. 148].

Подчеркнем, кроме того, что эпитет *sötei* букв. ‘кормилец’, применяемый к слову *tullei* (ветер) — *sötei tulleihudem* — в приведенном отрывке из обрядового плача, свидетельствует и об одушевлении образа ветра, так как этот атрибутив обычно характеризует живые существа. В плачевой традиции данный эпитет часто используется с терминами родства. Образованный от глагола *sötta* ‘кормить’, он и несет основную его семантику, хотя в языке фольклора слово приобрело еще и эмоционально-положительное значение ‘милый, хороший’ [Жукова, 2015, с. 58].

Появление мифологических значений у дериватов слова *tullei* обусловлено тем, что ветер воспринимался как полезная сила в жизни вепсов, особенно во время сенокоса, жжения срубленного леса при подсечном земледелии и т. д. Существуют рассказы о том, что ветер можно было призвать или свистом, или особыми выкриками [Винокурова, 2015, с. 435]. Вепсы считали, что ветер тесно связан с духом леса и может насылать на человека те же болезни, что и дух леса. Сама лексема *tullei* ‘ветер’, как и лексема *vezi* ‘вода’, не мифологизирована, но данная основа входит в состав сложносоставных названий болезней, происхождение которых объясняется сверхъестественными причинами, например: *tul’l’až/nena, tul’l’až/kibu* ‘болезни от ветра’.

Любопытно, что северные вепсы (Прионежский район Республики Карелия) ветер называют иным словом — *d’ol*, которое является своеобразной северновепсской инновацией [ЛАВЯ, 2019, с. 220—221], и оно не вовлечено в сферу мифологии. С чем это связано? Можно предположить, что смена более древней и широкоупотребительной лексемы *tullei* на новую редкую лексему *d’ol* в языке северных вепсов на каком-то этапе привела к утрате и самой мифологизации образа ветра на этой территории.

Три стихии, обозначенные лексемами *mec* ‘лес’, *vezi* ‘вода’, *tullei* ‘ветер’, выступают субъектами воздействия, вызывают события, насылающие

болезнь на человека за различные проступки. Все эти имена употребляются в названиях болезней чаще всего в форме генитива единственного числа с окончанием *-n* (*meca**n**/išketiž* ‘болезнь от леса’) или его усеченной основы (*tul’l’až/nena* ‘болезнь от ветра’), хотя в сложном слове могут выступать и два номинатива одновременно (*vezi/ehtind* ‘болезнь от воды’).

Вторые части сложных слов, участвующие в создании словесного образа болезни, именуют собственно болезнь как результат воздействия стихии или духов этой стихии, разгневанных тем, как люди обращаются с природой.

3. Именования результата воздействия

-/NENA ‘нос’

-nena: *mecan/nena, meca/nena* букв. ‘нос леса, лесной нос’; *tul’l’až/nena* букв. ‘нос ветра’ — название болезней, которые насылаются на человека за непослушание, плохое поведение лесными духами и ветром.

Вторая часть этих названий — *nena* имеет прибалтийско-финское происхождение; ее главное значение ‘нос’, а также ‘острие, кончик’ и т. д. В этимологическом словаре финского языка у слова *nenä* особо отмечено также и мифологическое значение ‘некая болезнь от плохой силы’ [SSA, II, с. 213].

В вепсском языке слово *nena* употребляется в составе фразеологических словосочетаний: *kantta nena* ‘таить зло’ (букв. ‘нести нос’), *panda nena* ‘заупрямиться’ (букв. ‘положить нос’), *pidada nena* ‘упрямиться’ (букв. ‘держать нос’) [СВЯ, 1972, с. 356], *otta nenaha* ‘обидеться, рассердиться’ (букв. ‘взять в нос’) [Čomin sanutud, 2019, с. 67] и т. д., а также может быть корневой частью некоторых лексем с семантикой сердитости, упрямства: *nenagata, nenagatakse* ‘упрямиться, сердиться’, *nenakaz* ‘упрямый’. Эти примеры, на наш взгляд, могут служить свидетельством пути зарождения, появления мифологизированного значения у лексемы *nena.* Позднее оно могло закрепиться и еще более мифологизироваться.

В названии болезни *mecan/nena* проявляется ‘сердитый нрав сил природы’. Западные вепсы, жители Приоятья, утверждают, что именно лес или леший напускает на человека болезнь *meca/nena*. Они говорят: *Mecas lajitoi, ka tartub mecanena, mecamehid ala johtutele* ‘Если в лесу ругаешься, так пристанет лесная болезнь, леших не вспоминай’ [СВЯ, 1972, с. 323]. Для избавления от недуга *mecan/nena* вепсы обращались к «знающему человеку», который прибегал к помощи заговоров. Помимо того, больному советовали пойти в лес и просить прощения у духа — хозяина леса за свои действия, слова или мысли.

В материалах финского лингвиста Л. Кеттунена (записи были сделаны в первой половине XX века, см. электронный ресурс [VVS]) встречается и трехкомпонентное наименование данной болезни: *metsa/m(**e**?)hen/n'ena.* Первая часть композита — сложное слово *meca/mez*', буквально 'лесовик; лесное существо', в форме генитива *metsa/m(**e**?)hen*. Слово *metsames*(~ *z*) приводится Л. Кеттуненом и как отдельное слово в значении 'черт, леший' в ряде пунктов всех групп вепсов. Можно предположить, что хозяин леса, лесовик мог называться этим сложным словом, однако затем основное значение для его называния сосредоточилось на части слова *mec*.

Название болезни *mečän/nena* 'болезнь, насланная гневом лесного духа' широко распространено и в карельском языке [KKS, II, с. 297]. Истоки толкования идентичны для вепсского и карельского мировосприятия. Исследовательница карельских народных названий болезней Т. В. Пашкова при объяснении появления в сложном наименовании болезни части *-nenä* придерживается точки зрения авторов словаря славянских древностей [Пашкова, 2008, с. 11—12]. В славянской мифологии считалось, что «*нос* — часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее 'агенты'» [СД, III, с. 435], и таким образом возникает болезнь. Как считали карелы, мир человека и чужой, другой мир — лес — сосуществовали по своим правилам, и когда человек нарушал их, лес или его хозяева, по представлениям людей, насылали на человека болезнь [Иванова, 2012, с. 68]. Подобное объяснение вполне применимо и к возникновению вепсского наименования названной болезни, поскольку культуры вепсов и карелов издревле соприкасались, взаимодействовали и взаимопроникали на всех уровнях.

Стихия ветра (*tullei*), по поверью, также могла вызывать болезнь, вторым компонентом названия которой выступает -/*nena*: *tul'l'až/nena* (букв. 'нос ветра). Слово построено по той же модели — генитив + номинатив. Однако в этом случае в первой части названия болезни представлен не полный генитив (*tul'l'aižen*), а его усеченная форма — *tul'l'až-*. Этот способ построения новых слов с сокращенной формой генитива также имеет место в языке вепсов, например: *tul'l'až/vehor'* 'вихрь, сильный ветер', *Äniž/rand* 'Онежский край, Прионежье', *vepsläiž/verod* 'вепсские обычаи'. Сама лексема *tul'l'až/nena* распространена более на территории средневепсского ареала и практически не употребляется у южных вепсов.

Как свидетельствуют записи экспедиций, при болезни *tul'l'až/nena* вепсы кланялись на три стороны и трижды произносили заговор: *Ižandeižed, emägeižed, mahuded, veduded, sohuded, puhuded, peinuuzimtullei, keskpeitul-*

lei, peilaskimtullei, kaikide tullide tullei, prost'kat mindei, en-ik midä sanuin libo dumein. 'Хозяева, хозяюшки, земли, воды, болотца, деревца, восточный ветер, полуденный (южный) ветер, западный ветер, всех ветров ветер, простите меня, если что-то сказала (неправильно) или подумала'[1]. Заговор фиксирует обращение к ветрам всех сторон: восточному (*peinuuzimtullei*), южному полуденному (*keskpeitullei*), западному (*peilaskimtullei*), а также и к главному ветру или хозяину ветров, букв. ко «всех ветров ветру» (*kaikide tullide tullei*). Отметим, что вепсы практически совсем не сохранили названия сторон света [ALFE, I, с. 349—384], а в диалектном словаре вепсского языка можно обнаружить лишь некоторые единицы — отголоски существования данного пласта лексики.

-/*Išketiž* 'удар'

В южновепсском регионе бытует сложносоставное именование болезни *meca/išketiž* (букв. 'удар леса'), вторая часть которого — отглагольная лексема *išketiž*. Семантика производящего глагола *iškta* 'ударить' предопределила значение отглагольного существительного *išketiž* 'удар'. В языке южных вепсов у этого существительного развилось и мифологическое значение 'удар, болезнь от нечистой силы' [СВЯ, 1972, с. 150]. В данном случае обе части сложного слова *meca/išketiž* связаны с мифологической семантикой, указывая на отрицательное воздействие на человека.

Название болезни *meca/išketiž* ранее использовалось чаще. Оно, как и название *meca/nena* было зафиксировано Л. Кеттуненом и размещено впоследствии в его материалах на электронном ресурсе [VVS], но обе эти лексемы не содержали ни толкования, ни перевода.

-/*Tegend*, -/*tegotiž* 'деяние'

Сложное слово *mec/tegend* (букв. 'сделанное лесом наказание, отрицательное деяние леса') также отражает ситуацию, в которой лесной дух делает что-то отрицательное, наказывает отрицательным воздействием, вызывая заболевание. В качестве второй части сложного слова выступает отглагольное существительное -/*tegend* (< *tehta* 'делать'). Отглагольное существительное *tegend* употребляется в качестве наименования болезни вместе со словом *mec* — *mec/tegend*, которое и определяет действующую силу, то есть лесной дух, лесовик, хозяин леса, вызывающий, «делающий» болезнь.

У южных вепсов (Бокситогорский район Ленинградской области) чаще используется название болезни *vezi/tegotiž* 'что-то болезненное, сделанное водой' (букв. 'водное деяние'). Здесь реализована несколько иная словообразовательная модель — с отглагольным существительным *tegotiž* (< *teh-*

1 Запись заговора осуществлена О. Ю. Жуковой в средневепсской (западные вепсские говоры) д. Азмозеро (Подпорожский район Ленинградской области) в 2018 году.

ta ‘делать, сделать’), которая еще более мифологически нагружена: слово практически не встречается в повседневном значении ‘удар’, оно функционирует в значении ‘болезнь от колдовства’ [СВЯ, 1972, с. 564]. Именно это слово входит в структуру сложного наименования болезни *vezi/tegotiž*, где субъектом действия выступает вода, а не лес. И здесь называется та же неопределенная причина болезни — ‘болезнь от воды’ [СВЯ, 1972, с. 629].

-/*Ehtind* ‘насылание’

В наименовании болезни *vezi/ehtind* ‘болезнь от проклятия за ругань, плохое поведение на воде’ (букв. ‘насылание воды’) действующей силой, субъектом является вода (*vezi*), а отглагольное существительное *ehtind* (< *ehtta* ‘успевать; созревать, поспевать’) называет результат воздействия. В диалектном словаре вепсского языка в качестве одного из значений глагола *ehtta* выделено значение с пометой «суеверное»: ‘заболеть (от проклятия, ругани)’. В русских говорах есть народное название болезни *доспешка* ‘болезнь, припадок’ [Даль, т. 1, с. 438], см. также *доспешка* ‘внезапная болезнь от ушиба, от неизвестной причины или «от нечистой силы»’ [СРНГ, вып. 8, с. 144], что может идти в одном семантическом русле возникновения наименования болезни *vezi/ehtind*. Вепсское название лишь указывает, что данная болезнь наслана именно водой.

-*Kibu, -kibuine* ‘боль’

Лексема *kibu* не передает семантику сверхъестественного и имеет значение ‘боль, болезнь’. В принципе она могла бы быть использована в качестве второй части сложных слов с любым из названных выше действователей или субъектов, то есть *mec-, vezi-, tullei-*, и была бы понята всеми вепсами в мифологическом значении, поскольку «мифологизированы» первые компоненты именований болезней. Но отметим, что все же чаще она употребляется с именами *mec* и *vezi.*

Термин *mec/kibu, mec/kibuine* (*kibuine* — диминутив от *kibu*) ‘болезнь, боль от лесного духа’ употребляется чаще всего в восточновепсском и северновепсском ареалах. Само общевепсское слово *kibu* ‘боль, болезнь’ этимологи связывают с прилагательным *kipakka* ‘вспыльчивый, жестокий, строгий’, считая это гнездо слов дескриптивным [SSA, I, с. 368].

В средневепсском ареале слово -*kibu,* объединившись с основой *tullii*, называющей стихию ветра, образует названия болезней, насланных ветром — *tullii/kibu, tul’l’až/kibu* букв. ‘болезнь от ветра’.

-/*Pagan* ‘поганый, нечистый’

Pagan выступает в качестве второго компонента сложных слов, именуя разные болезни, которые сопровождаются кожным зудом, а первый компонент называет то, от чего, по мнению носителей языка, пришла эта болезнь

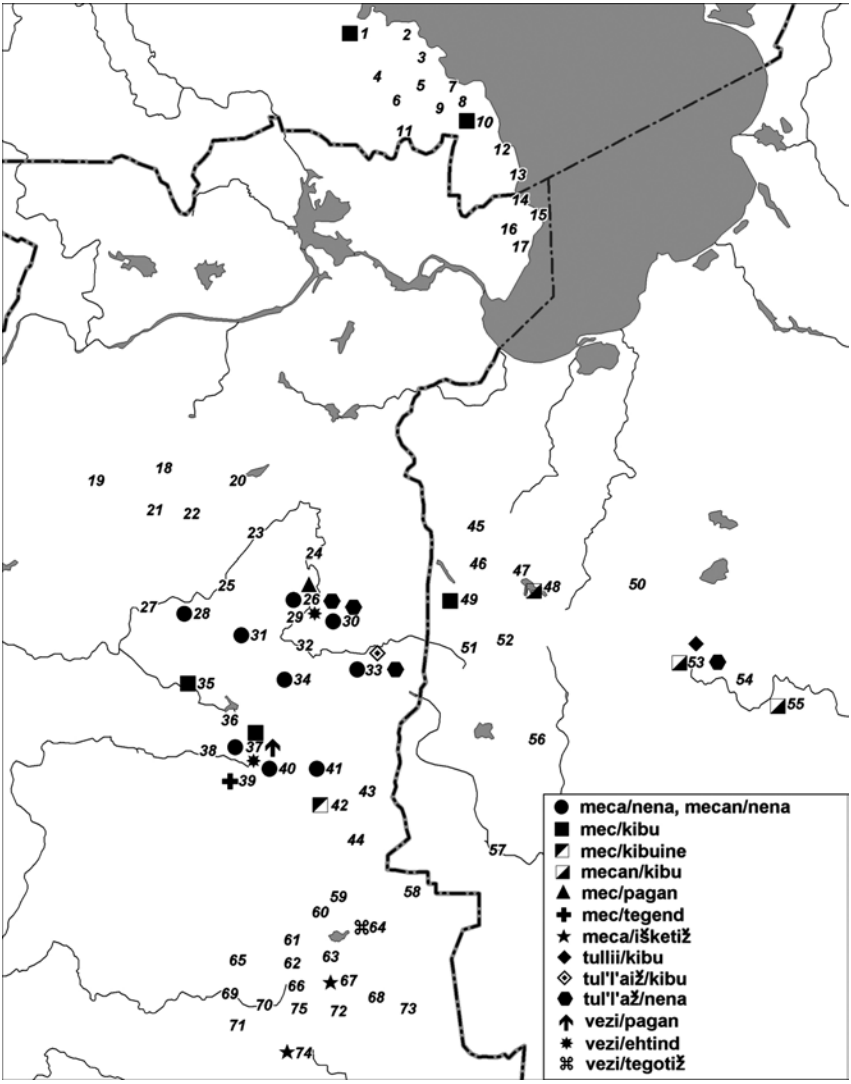


Рис. 2. Названия болезней, насылаемых лесными духами, водой, ветром: карта.

к человеку, напр.: *vezi/pagan* ‘болезнь от воды’, букв. ‘водная зараза’, *soba/pagan* ‘болезнь от одежды’, букв. ‘бельевая зараза’, *kül’bet’/pagan* ‘болезнь, полученная в бане’, букв. ‘банная зараза’ [СВЯ 1972, с. 388]. По поверьям, из-

бавлялись от недуга, обращаясь к «знающему человеку», который произносил заговор на воду для дальнейшего промывания ею пораженных покровов.

Полагаем, что вторая часть данных сложных слов -/*pagan* — это отголосок влияния христианства, поскольку слово является древнерусским заимствованием в прибалтийско-финских языках, а в языке-источнике *поганый* — это не только ‘нечистый, грязный’, но также и ‘языческий’ [Фасмер, III, 1987, с. 294—295; SSA, II, с. 294].

И прилагательное *pagan*, и существительное *pagan* известны всем говорам вепсского языка. Они выражают различные значения, среди которых и ‘поганый’, и ‘несъедобный’, и ‘плохой, дурной’, и ‘зуд, чесотка’ [СВЯ, 1972 с. 388], поэтому появление слова *pagan* в составе наименований болезней вполне объяснимо. Наиболее употребительны лексемы *mec/pagan* ‘болезнь, насланная лесным духом’ и *vezi/pagan* ‘болезнь, насланная водой, водной стихией’.

4. Заключение

Хотя анализируемые наименования, связанные с мифологическим осмыслением болезней, не столь широко распространены в среде вепсов в настоящее время, их присутствие на вепсской территории исключительно важно с точки зрения истории духовной культуры народа. В бытовании лексем хоть и просматривается определенная ареальная дистрибуция (рис. 2), тем не менее они понимаемы во всех диалектных ареалах, что свидетельствует о правепсском происхождении этих наименований.

Но прежде всего этот пласт лексики характеризует отношения человека и природных сил. Вепсов в прибалтийско-финском мире считают детьми природы, а их главная пословица, которая известна в разных редакциях всем вепсским ареалам: «*Mec om eläb olii, se kaiken kuleb i kaiken nägeb»* ‘Лес — живое существо, он все слышит и все видит’ — подтверждает эту идею. Идею одушевления природы постоянно используют писатели, которые обращаются к вепсскому материалу. Так писатель-вепс В. А. Пулькин пишет: «…каждая травиночка малая живет, радуется и печалится. Потому как в ней душа есть…» [Зайцева, 2011, с. 72].

Очевидно, анализируемые лексемы возникли еще в дохристианский период, а в дальнейшем один из компонентов сложносоставных слов стал замещаться заимствованием *pagan* < *поганый*, и мифологическая составляющая семантики стала размываться.

Источники

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Красный пролетарий, 2006. —Т. 1—4.

2. *Рогозина В. В.* Čomin sanutud : образные выражения на вепсском языке / В. В. Рогозина, Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Petroskoi : Periodika, 2019. — 95 с. — ISBN : 978-5-88170-335-6.

3. СВЯ — *Зайцева М. И.* Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1972. —745 с.

4. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

5. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Санкт-Петербург, 1965—2016. — Вып. 1—49.

6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. 1—4.

7. *Häkkinen K.* Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. — Juva : WSOY, 2007. — 1633 p.

8. ККК — *Зайцева Н. Г.* Käte-ške käbedaks kägoihudeks : обернись-ка милой кукушечкой : вепсские причитания / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2012. — 223 с.

9. KKS — *Karjalan* kielen sanakirja. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1968—2005. — Vol. I—VI.

10. SSA — *Suomen* sanojen alkuperä. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992—2000. —Vol. I—III.

Литература

1. *Винокурова И. Ю.* Мифология вепсов : энциклопедия / И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : ПетрГУ, 2015. —521 с. —ISBN 978-2-8021-2786-5.

2. *Жукова О. Ю.* Вепсские обрядовые причитания : от поэтики жанра к поэтике слова / О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. —157 с. — ISBN 978-5-9274-0648-7.

3. *Зайцева Н. Г.* В начале пути / Н. Г. Зайцева // Вепсская литература : материалы и исследования. — Москва : Литературная Россия, 2011. — С. 71—83. — ISBN 978-5-7809-0136-5.

4. *Иванова Л. И.* Лесной нос : архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала / Л. И. Иванова // Труды Карельского научного центра РАН. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2012. — № 4. — С. 68—73.

5. ЛАВЯ — *Лингвистический* атлас вепсского языка / под ред. Н. Г. Зайцевой. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2019. — 573 с. — ISBN 978-5-4469-1395-4.

6. *Пашкова Т. В.* Народные названия болезней в карельском языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Т. В. Пашкова. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2008. — 22 с.

7. *Пашкова Т. В.* Народная медицина карелов : опыт комплексного исследования : автореферат диссертации … доктора исторических наук / Т. В. Пашкова. — Петрозаводск, 2017. — 32 с.

8. ALFE — *Atlas* Linguarum Fennicarum, 1925. — Helsinki : Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja, 2004—2010. —Vol. I—III.

9. VVS — *Kettunen L.* Vepsän verkkosanasto [Electronic resource] / L. Kettunen. — Access mode : http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/ (accessed 10.08.2020).

"Forest Nose", "Nose of Wind", "Curse of Water": Mythology at the Service of the Nomination (Vepsian Names for Diseases Emanating from Forest Spirits, Water and Wind)[1]

© **Olga Yu. Zhukova (2020),** orcid.org/0000-0001-9527-7982, PhD in Philology, Junior Researcher, Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS); Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University" (Petrozavodsk, Russia), olgazhukovaveps@mail.ru.
© **Nina G. Zaitseva (2020),** orcid.org/0000-0002-8335-2137, Doctor of Philology, Head of the Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS) (Petrozavodsk, Russia), zng@ro.ru.

Vepsian designations of some diseases, according to popular beliefs, sent to a person by three active elements — forest spirits (*mec*), water *(vezi*) and wind (*tullei*) — for disobedience, bad behavior in the forest, in the water, in nature are considered. The authors note that all names are complex words with a mythological background that are of interest in relation to the principles of the nomination. It is indicated that the first components of such words are usually referred to as "subject of influence"; the second components are the naming of the "result of the action": *-/nena* 'nose; letters. edge of impact', *-/išketiž* 'impact, blow', *-/tegend ~ -/tegotiž* 'directed punishment, deed', *-/ehtind* 'sending illness'. The presented analysis results indicate that only the components *-/kibu*, *-/kibuine* 'pain' and *-/pagan* 'rotten; pagan' (< paganyi (nasty) Russian) are neutral and, obviously, their activation is due to the spread of Christianity. It is emphasized that, most likely, for this reason *-/pagan* has become quite often replaced by all other parts of complex names of diseases. The question is raised that the studied Vepsian names of diseases, in addition, can be considered as a kind of moral code of behavior of the ancient Vepsians, since they illustrate the punishments that could be imposed by the elements of the forest, water and wind for inappropriate human behavior.

Key words: Vepsian language; nomination; etymology; mythology; folklore; language contacts.

Material resources

Dal, V. I. (2006). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moskva: Krasnyy proletariy. 1—4. (In Russ.).

Fasmer, M. (1986—1987). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moskva: Progress. 1—4. (In Russ.).

Häkkinen, K. (2007). *Nykysuomen etymologinen sanakirja* [Etymological dictionary of modern Finland]. Juva: WSOY. 1633 p. (In Finn.).

KKK — Zaytseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (2012). *Käte-ške käbedaks kägoihudeks: obernis'-ka miloy kukushechkoy: vepsskie prichitaniya* [Käte-ške käbedaks kägoihudeks: turn around like a cute cuckoo: vepsian lamentations]. Petrozavodsk: KarNTs RAN. 223 p. (In Russ.).

1 The article was prepared within the framework of the state assignment of the KarRC RAS.

KKS — *Karjalan kielen sanakirja* (1968—2005). [Dictionary of the Karelian language]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. I—VI. (In Finn.).

Rogozina, V. V., Zaytseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (2019). *Zhukova Čomin sanutud: obraznye vyrazheniya na vepsskom yazyke* [Čomin sanutud: figurative expressions in Vepsian]. Petrozavodsk: Periodika. 95 p. ISBN: 978-5-88170-335-6. (In Russ.).

SD — Tolstoy, N. I. (ed.) (1995—2012). *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1—5. (In Russ.).

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (1965—2016). [Dictionary of Russian folk dialects]. Sankt-Peterburg.1—49. (In Russ.).

SSA — *Suomen sanojen alkuperä* (1992—2000). [The origin of Finnish words]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. I—III. (In Finn.).

SVYa — Zaytseva, M. I., Mullonen, M. I. (1972). *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian]. Leningrad: Nauka. 745 p. (In Russ.).

References

ALFE — *Atlas Linguarum Fennicarum, 1925* (2004—2010). [Linguistic Atlas of the Baltic-Finnish languages]. Helsinki: Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja. I—III. (In Finn.).

Ivanova, L. I. (2012). Lesnoy nos: arkhaicheskie predstavleniya karelov o bolezni i magicheskie lokusy rituala [Forest nose: archaic Karelian ideas about disease and magical loci of ritual]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian scientific center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk: KarNTs RAN. 4: 68—73. (In Russ.).

LAVYa — Zaytseva, N. G. (ed.) (2019). *Lingvisticheskiy atlas vepsskogo yazyka* [Linguistic Atlas of the Vepsian language]. Sankt-Peterburg: Nestor — Istoriya. 573 p. ISBN 978-5-4469-1395-4. (In Russ.).

Pashkova, T. V. (2017). *Narodnaya meditsina karelov: opyt kompleksnogo issledovaniya:* author's abstract of Doct. Diss. [Folk medicine of Karelians: experience of complex research: author's abstract of Doct. Diss.]. Petrozavodsk: PetrGU. 32 p. (In Russ.).

Pashkova, T. V. (2008). *Narodnye nazvaniya bolezney v karelskom yazyke*: author's abstract of PhD Diss. [Folk names of diseases in the Karelian language: author's abstract of PhD Diss.]. Petrozavodsk: PetrGU. 22 p. (In Russ.).

Vinokurova, I. Yu. (2015). *Mifologiya vepsov: entsiklopediya* [Veps mythology: an encyclopedia]. Petrozavodsk: PetrGU. 521 p. ISBN 978-2-8021-2786-5. (In Russ.).

VVS — Kettunen, L. *Vepsän verkkosanasto* [Web vocabulary]. Access mode: http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/ (accessed: 10.08.2020). (In Finn.).

Zaytseva, N. G. (2011). V nachale puti [At the beginning of the journey]. *Vepsskaya literatura: materialy i issledovaniya* [Vepsian literature: materials and research]. Moskva: Literaturnaya Rossiya. P. 71—83. ISBN 978-5-7809-0136-5. (In Russ.).

Zhukova, O. Yu. (2015). *Vepsskie obryadovye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova* [Vepsian ritual lamentations: from the poetics of the genre to the poetics of the word]. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2015. 157 p. ISBN 978-5-9274-0648-7. (In Russ.).

Ильина Ю. Н. Глаголы со значением ‘изменить выражение лица на обозначающее негативные эмоции’ в словаре диалектоносителя / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 67—78. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78.

Ilyina, Yu. N. (2020). Verbs with the Meaning ‘Change Facial Expression to Denoting Negative Emotions’ in Dictionary of Dialect Speaker. *Nauchnyi dialog, 11:* 67-78. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78. (In Russ.).

УДК 811.161.1’28(470.22)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78

Глаголы со значением ‘изменить выражение лица на обозначающее негативные эмоции’ в словаре диалектоносителя[1]

© **Ильина Юлия Николаевна (2020),** orcid.org/0000-0002-1409-1148, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар, Россия), juli_il1@mail.ru.

Материалом для статьи стал авторский словарь жителя Усть-Цилемского района Республики Коми. Автор статьи останавливается на характеристике глаголов, объединяемых в группу на основе общего значения ‘изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции’. Новизна исследования видится в том, что рассматриваемая группа диалектных глаголов ранее не привлекала внимание исследователей. Автор отмечает, что форма заглавного слова глаголов в авторском словаре обусловлена как устройством памяти человека, так и самим их лексическим значением, в котором заключен качественный оттенок перфектного значения. Подчеркивается, что глаголы или не зафиксированы в «профессиональных» диалектных словарях, или в них отмечены их другие значения. Автор исходит из того, что словари, составленные непрофессиональными лексикографами, представляют ценность в определении лексического состава говора и уточнении значений диалектизмов. Сделан вывод о разной степени активности в памяти диалектоносителя глаголов данной группы: слово *истравиться* несколько раз зафиксировано в вариантах словаря и оказывается используемым для большого числа ситуаций, другие лексемы оказываются менее частотными и более конкретными в своей отнесенности к описываемым обстоятельствам. Доказано, что глаголы имеют прозрачную внутреннюю форму, в том числе специально описаны мотивировочные признаки слов, тематически относящихся к средствам одного кода — кулинарно-гастрономического.

Ключевые слова: наивная диалектная лексикография; печорские говоры; семантико-мотивационный анализ.

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

1. Введение

Наивная лингвистика, уже — наивная диалектная лексикография, в последние годы стала предметом пристального научного интереса лингвистов. В 2012 году состоялась Международная научная конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык», которая обозначила основные направления изучения этого феномена. Так, отдельный блок составили доклады, посвященные народным представлениям о лексике и лексической системе, в том числе о семантике и происхождении отдельных лексических единиц, о способах толкования слов и лексикографической практике диалектоносителей [Гаврилова, 2013].

Самостоятельным лексикографическим опытам носителей языка посвящены работы Е. В. Шевченко, Е. Д. Казаковой (Е. Д. Бондаренко), А. Т. Хроленко и др. Исследователи характеризуют словник, структуру словарных статей, способы толкования «местных» слов с учетом прагматических аспектов лексикографической практики диалектоносителя (установок составителя словаря, представлений о предполагаемом адресате и пр.). Авторский словарь диалектоносителя может выступать также в качестве источника информации о лексическом составе говора в подтверждение, дополнение и уточнение сведений, которые представлены в словарях, подготовленных и опубликованных профессиональными диалектологами.

В результате одной из фольклорно-диалектологических экспедиций Сыктывкарского университета в Усть-Цилемский район Республики Коми филологам оказался доступен рукописный словарь местных слов. Его автором является Леонид Федорович Соловьев, 1934 года рождения, — житель с. Замежная Усть-Цилемского района, которое находится на левом берегу реки Пижмы, притоке Печоры. В наших руках имеются фотокопии словаря и аудиозаписи устных комментариев к нему, которые хранятся в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина.

2. Характеристика словаря диалектоносителя

Жители Усть-Цилемского района, мысля себя русскими, одновременно активно заявляют о своей еще одной особой идентичности: они — «усть-цилема». Одной из опор самостоятельности, выделенности группы на фоне других является в том числе ее особый язык, ярко маркированный главным образом на уровне лексики (ср. одно из слов-символов усть-цилемской «говори» — *чейно бат*). Стремясь сохранить местные слова, Л. Ф. Соловьев в 2001 году начинает составлять такой словарь на страницах ежедневника (в котором также ведет и дневник наблюдений за пого-

дой, событиями личной и сельской жизни и пр.)[1], а позже, в 2018 году, он с корректировками переписывает его в специальную отдельную тетрадь, делая записи более аккуратными и удобными для чтения[2].

Л. Ф. Соловьев дает название перечню слов, атрибутированных им как местные, при этом в каждой редакции словаря оно свое. В первой редакции словарь называется «Старинная пижемская лексика», во второй редакции, помимо названия «Лексика местного изречения — говора», на титульном листе написано: «1976 год, 2001—2018 гг. Леонид Федорович Соловьёв». Как кажется, отличные друг от друга названия словаря свидетельствуют об изменении представления Л. Ф. Соловьева о его читателях. В первом случае автор ориентируется на «своих»: он делает запись слов для сохранения местной памяти. Отсюда — указание в названии словаря на временную (*старинная*) и территориальную отнесенность: *пижемская*, то есть не *цилемская* (относящаяся к деревням по реке Цильме, также притоку Печоры, еще один «микрорайон» Усть-Цилемского края). Во второй редакции словаря автор в качестве аудитории, для которой предназначен его труд, видит собирателей, людей из научного круга, которые проявили интерес к его записям. Отсюда в названии — элементы научного описания: использование термина *говор*, поясняющего словосочетание *местное изречение*, а также указание на годы составления словаря и авторство.

Словник словаря Л. Ф. Соловьева формируется преимущественно из лексических единиц, которые представляют человека в бытовой и хозяйственно-промысловой сферах, в его физической и интеллектуальной деятельности, в его отношениях с другими людьми. При этом часто это номинации характеристик и действий человека, выходящих за рамки нормы и вызывающих отрицательную оценку [Крысин, 2018].

3. Морфологическая и словообразовательная характеристики глаголов

В данной статье остановимся на группе глагольных лексем, называющих изменение выражения лица человека на такое, которое свидетельствует об испытываемых им негативных эмоциях. Естественное выражение лица является привычным, нейтральным и поэтому специально лексическими единицами не фиксируется, а перемена в выражении лица на непри-

1 Первая редакция словаря Л. Ф. Соловьева уже стала предметом описания в статье Т. Н. Бунчук [Бунчук, 2008].

2 Л. Ф. Соловьев может быть отнесен к особой категории носителей диалекта — «информантов», чья рефлексия над местными языковыми явлениями становится более интенсивной вследствие встречи с полевиками-исследователями [Мищенко, 2012].

вычное, напротив, маркируется, и слова закрепляются в словарях. В словаре Л. Ф. Соловьева данную группу составляют четыре глагола: *искулибачиться*, *испирожиться*, *истравиться* и *иступыриться*. Все глаголы, кроме глагола *испирожиться*, зафиксированы в обеих редакциях словарей; лексема *испирожиться* отмечена только во второй редакции словаря.

В памяти носителя языка слова существуют в той форме, которая связана с определенной (частотной, типичной или лучше всего запомнившейся) ситуацией их использования. Так, заглавное слово для рассматриваемых глаголов представлено в записях Л. Ф. Соловьева формой прошедшего времени единственного числа мужского (*искулибачи-л-ся, истрави-л-ся, иступыри-л-ся*) или женского рода (*испирожи-л-а-сь*). Переживания, называемые данными глаголами, приписываются как мужчинам, так и женщинам. Семантика глаголов — изменение внешнего облика человека — позволяет предположить, что их заявленная автором как заглавное слово форма прошедшего времени реализует перфектное значение в статально-перфектной разновидности. В самом лексическом значении этих глаголов заключен качественный оттенок перфектного значения (наличное состояние, являющееся результатом действия, которое отягощено качественной характеристикой объекта), грамматическая категория времени ее поддерживает [Маслов, 1987].

Рассматриваемые глаголы образованы по одной словообразовательной модели: «глагол + приставка *из*– и постфикс *–ся*». Данная модель реализует так называемый чрезмерно-кратный способ действия, который выражает отрицательно оцениваемую крайнюю степень (меру) кратного проявления действия, характерного для данного субъекта.

4. Семантическая и мотивационная характеристика глаголов

Охарактеризуем особенности толкования каждого глагола Л. Ф. Соловьевым, выявим мотивационные модели формирования их значений.

4.1. Глагол *истравиться*

Глагол *истравиться* фиксируется в словаре Л. Ф. Соловьева трижды со следующими толкованиями: ‘сморщился, искулибачился’, ‘сконфузился, неловко себя чувствует’ и ‘искажение лица от испуга’. В каждом из объяснений глагола, с одной стороны, есть общий смысловой компонент ‘изменить естественное выражение лица’, с другой — прямо или косвенно названа причина нового состояния (например, испуг или смущение). Здесь обнаруживают себя типичные для диалектного слова (и уже — слова в интерпретации наивного лексикографа) особенности: размытый характер границ значений и склонность толкователя к детализации смыслов, свя-

занные в данном случае, вероятно, с воспоминаниями о конкретных ситуациях, в которых человек проявил себя описанными в объяснениях глагола способами.

Нужно отметить, что глагол *истравиться* получает фиксацию в «профессиональных» диалектных словарях в значении — ‘испортиться (применительно к пищевым продуктам)’ [СРГНП, с. 296; СРНГ, вып. 12, с. 264]. Очевидно, что общим признаком для номинации состояния кого- или чего-либо словом *истравиться* является заметное окружающим изменение качества предмета с признаваемого нормальным на неправильное и потому отрицательно оцениваемое.

В одном из вариантов объяснения глагола *истравиться* автор словаря использует такой способ толкования слова, как указание синонимов, причем одновременно литературного (*сморщился*) и диалектного (*искулибачился*) синонима. Ср. запись в первой редакции словаря: *Истравился — искулибачился — это сморщился значит*; во второй редакции словаря: *Истравился — сморщился, искулибачился*.

4.2. Глагол *искулибачиться*

Глагол *искулибачиться* является в записях Л. Ф. Соловьева вокабулой самостоятельной словарной статьи: *Искулибачился — искривился, хочет плакать вот-вот*. Как видим, в предлагаемых в авторском словаре значениях глаголов *истравиться* и *искулибачиться* есть одинаковый смысловой компонент — ‘исказиться, стать другим (неправильным)’, а отличие обнаруживается в интерпретации случившегося. В объяснении глагола *искулибачиться* указывается не переживаемая эмоция, ставшая причиной искривленного выражения лица (испуг или смущение), а последовательность действий: искривился — заплакал (— успокоился и имеет нормальное, привычное выражение лица). Идею предшествования состояния, называемого глаголом *искулибачиться*, именно плачу (слезам) Л. Ф. Соловьев отмечает и в устном объяснении значений слов из своего словаря: «*Искулибачился — ооо! захунькал*[1]» [ФА СГУ, АФ 03438-36].

Глагол *искулибачиться* не отмечен в диалектных словарях, однако в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» зафиксированы однокоренные с ним лексемы: существительное *кулебака* и прилагательные *кулебачливый /-ой* и *кулебаковатый*.

В словарной статье для субстантива *кулебяка* после «пищевого» значения слова: ‘пирог с рыбой, обычно открытый, в который рыба кладется целиком или крупными кусками’ — приведен сравнительный оборот *как*

1 Хунькать — ‘плакать, хныкать’ [СРГНП, 2005, с. 407—408].

кулебяка, который реализует значение «антропологическое» — ‘о негладком, морщинистом, рябом лице’ и ‘об обладателе такого лица’: *Шадровита, небаска, как кулебака* [СРГНП, с. 360—361]. Основанием для подобного сравнения является форма пирога и неровности на его поверхности — в результате развивается значение ‘лицо с дефектами в виде морщин, ямок, шрамиков’ и метонимическое значение ‘человек с таким лицом’.

В других русских говорах слово *кулебака* также является отрицательно-оценочным наименованием кушания или человека. Так, в вологодских говорах слово *кулебака* имеет значение ‘неудачно испеченный пирог’, в пермских говорах — ‘неудачно приготовленное кушание’ или ‘некрасивый, безобразный человек’ (*Свадьбу смотрела, да жених-от такой небаской, кулебяка*) [СРНГ, вып. 16, с. 55].

Лексемы *кулебачливый/-ой* и *кулебаковатый* в печорских говорах образуют сочетания со словами, называющими бытовую емкость и человека соответственно. *Кулебаковатой* называют бочку ‘неправильной формы, с неодинаково выгнутыми сторонами’, *кулебачливым* — человека ‘со сморщившимся от старости, озабоченности, обиды лицом’ [СРГНП, с. 361]. Таким образом, особенности формы и внешней организации, рельефа, контура кулебяки стали основой формирования значений прилагательных и сравнительного оборота *как кулебяка*.

Обращает на себя внимание включение в «профессиональное» толкование лексемы *кулебачливый/-ой* указания на причину изменившегося выражения лица: старость, озабоченность, обида. При этом в одном из приводимых в словарной статье контекстов можно увидеть еще одну причину перемены в лице, которая не учтена в дефиниции, но отсылает к объяснению слова *искулибачиться* в авторском словаре Л. Ф. Соловьева, — плач: *Про тово, кто плацет, говорили кулебачьливый*.

4.3. Глагол *испирожиться*

Смысловая связь между изменением выражения лица, называемым глаголом *искулибачиться*, и плачем косвенно обнаруживает себя в следующем глаголе рассматриваемой группы — *испирожиться*. Объяснение данного слова в авторском словаре диалектоносителя неподробное, недетализированное: ‘гримаса недовольства’. Вместе с тем мы обратили внимание на то, что вокабула *испирожилась* (номер 434 в словаре) соседствует с вокабулой *разхныкалась*, толкуемой как ‘хочет плакать’ (номер 435 в словаре). Принимая во внимание, что порядок следования слов в словаре Л. Ф. Соловьева свободно-ассоциативный, мы можем предположить в таком соседстве лексем возникшую ассоциативную связь: *испирожилась* — значит исказила лицо в желании заплакать (*разхныкаться*) от отсутствия удовлетворенности чем-либо.

Можно привести еще одно свидетельство того, что глаголы *искулибачиться* и *испирожиться* в памяти носителей печорских говоров соположены. Марфа Ананьевна Дуркина, жительница с. Трусово Усть-Цилемского района Республики Коми, 1934 года рождения, — человек, так же, как и Л. Ф. Соловьев, подмечающий «местные» слова и выражения и записывающий их, на вопрос «А такое слово говорили — *испирожился*?» ответила так: *Говорили. Искулибачилась — испирожилась. Такой вид какой ле сделаешь, что это будто ты кака ле больна, а сама здорова. Я-то так понимаю. Еще скажут: ну там вся искулебачилась да испирожилась да… к одному относится вроде* [ФА СГУ, АФ 03436-6].

Вероятно, притягивающим друг к другу лексемы *искулибачиться* и *испирожиться* началом являются эксплицируемые на основе анализа их прозрачной внутренней формы мотивировочные признаки этих слов, которые тематически относятся к средствам одного кода — кулинарно-гастрономического: *кулебака — искулебачиться* и *пирог — испирожиться*. Пища входит в ближайшее, домашнее, окружение человека, и это обеспечивает естественность и удобство ее использования в качестве инструмента познания действительности.

Глагол *испирожиться* зафиксирован в «Словаре русских говоров Низовой Печоры», однако не в значении, относительно точно совпадающем с тем, что находим в автословаре Л. Ф. Соловьева (‘гримаса недовольства’), а в значении ‘стать старым, никуда негодным’ (*Кулебяцьливу то банку вспоминать не будете испирожилась ся*) [СРГНП, с. 294]. Напомним, что в близком последнему значении в «профессиональном» диалектном словаре зафиксировано слово *истравиться* — ‘испортиться’ [СРГНП, с. 296; СРНГ, вып. 12, с. 264]. Таким образом, в отличие от специалиста в области диалектной лексикографии наивный составитель словаря последовательно сужает значения слов при их объяснении, делая ведущими и смыслоразличительными те признаки, которые важны в контексте межчеловеческих отношений, в житейских ситуациях, свидетелем которых он становился.

4.4. Глагол *иступыриться*

Наконец, еще одним глаголом из лексической группы с общим значением ‘изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции’, который включен в авторский словарь Л. Ф. Соловьева, является глагол *иступыриться*: *Иступырился — нахмурился, насупился, грозный вид*. Как кажется, это «местное» слово может быть рассмотрено как однокоренное к литературному разговорно-сниженному глаголу *топыриться* в значении ‘упорствовать, упрямиться’ [БТС, 2000, с. 1332]. Семантическую связь между ними можно увидеть в том, что в лексеме *топыриться*

реализуется идея ментального мотива поведения человека — держаться своего, а слово *иступыриться* обозначает обусловленные ей внешние изменения (наморщить лоб, сдвинуть брови). Корни слов *-тупыр-* и *-топыр-* в таком случае представляют собой фонетические варианты. Возможность такого предположения базируется на нескольких основаниях. Взаимозамену *о* и *у* допускает лабиализованный характер артикуляции обеих гласных, который является существенным дифференциальным признаком, отличающим их от других гласных фонем русского языка. Известно, что подобное дублирование *о* и *у* в корнях слов обнаруживается в языке с достаточной степенью регулярности: ср. известные и русскому языку слова-дублеты со славянским корнем — *строгать* и *стругать* или иноязычные по происхождению — *ноль* и *нуль*, *тоннель* и *туннель*, *банкрот* и *банкрут*.

5. Выводы

Таким образом, лексемы, зафиксированные диалектоносителем в авторском словаре, могут быть рассмотрены через представление их парадигматических связей. Отдельную группу лексем, выявленных в словаре «старинной пижемской лексики» Л. Ф. Соловьева, образуют четыре глагола, объединенных общим значением ‘изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции’.

Самым активным в памяти составителя словаря, судя по количеству упоминаний в нем — три раза в разных частях словаря, является глагол *истравиться*. За ним следует глагол *искулибачиться*, который встречается в обеих редакциях словаря (как и слово *иступыриться*) и выступает в качестве синонима при объяснении *истравиться*. Только в одном, позднем — переписанном и отредактированном автором, варианте словаря зафиксирован глагол *испирожиться*.

Все глаголы представлены в словаре в самой «функциональной» с точки зрения его автора грамматической форме — форме прошедшего времени мужского (*истравился*, *искулибачился*, *иступырился*) или женского (*испирожилась*) рода. Объяснить главенство данной формы можно, с одной стороны, ориентированностью словаря диалектоносителя на прошлое: отобранное им слово призвано показать, как говорили раньше, поэтому называемые такими словами действия отнесены в прошлое; с другой стороны, особенностью лексического значения данных глаголов: в их лексическом значении заключен качественный оттенок перфектного значения, которое преимущественно характерно для форм прошедшего времени совершенного вида от глаголов непереходных при обозначении ими состояния субъекта действия в момент высказывания.

Объяснения слов, которые приводит Л. Ф. Соловьев, разного типа: указание синонимов, как литературных, так и диалектных (с использованием слова *значит* или без него: *истравился — сморщился, искулибичился*); описание именуемого состояния в контексте развития ситуации с обозначением ее предыдущего (*искажение лица от испуга*) или последующего (*хочет плакать вот-вот*) этапов.

В толкованиях автора словаря очевиден общий смысловой компонент, позволяющий объединить глаголы в одну группу, — идея изменения выражения лица, которое свидетельствует об отрицательной оценке происходящего и переживании негативных эмоций. Эта идея выражена следующими словами в объяснениях: *искривился*, *сморщился*, *нахмурился*, *искажение*, *гримаса*. Кроме этого, объяснения глагольных лексем содержат указания на детали, позволяющие развернуть актуальный для носителя диалекта контекст их употребления. Приложимым к большему числу ситуаций (от смущения до испуга) является слово *истравиться*, остальные глаголы более определенно соотнесены в сознании диалектоносителя с конкретными обстоятельствами, которые вызывают изменение выражения лица: *искулибачиться* — хотеть плакать, *иступыриться* — иметь грозный вид, *испирожиться* — быть недовольным.

Глаголы имеют очевидное словообразовательное строение и прозрачную внутреннюю форму. Обозначения *кулебака* и *пирог* выступают производящими основами для слов *искулебачиться* и *испирожиться*. Основанием для подобного развития значения является форма пирога и неровности на его поверхности, осмысляемые как неровности и искривления на лице человека. В основу именования изменения выражения лица словом *истравиться* положен признак перемены качества объекта на худший, непригодный для использования, отклонившийся от нормы.

Обратим внимание на представленность рассмотренных глагольных лексем, выявленных в словаре диалектоносителя, в «профессиональных» диалектных источниках. Только глаголы *истравиться* и *испирожиться* зафиксированы в «Словаре русских говоров Низовой Печоры», глагол *искулибачиться* не отмечен ни в одном из известных диалектных словарей, но имеет прочные смысловые связи с отраженными в них однокоренными диалектными единицами (*кулебака*, *кулебаковатый*, *кулебячливый*), не имеет словарного закрепления глагол *иступыриться*. Это может быть связано с разными причинами: большой сложностью учета всего лексического состава говоров; невысокой частотностью употребления данных лексем в речи, связанной с процессом разрушения диалектных систем, их сближением с системой литературного языка, и т. д. Однако указанный факт

еще раз свидетельствует об осмысленной и не раз доказанной научной ценности разных форм народной лингвистики для представления словарного состава того или иного говора, выявления / подтверждения тенденций формирования и развития смысловой структуры слова, реконструкции традиционных представлений о мире.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1534 с.

2. СРГНП — *Словарь* русских говоров Низовой Печоры / науч. ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический ф-т СПбГУ, 2003—2005. — Т. 1—2.

3. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965—2016. — Вып. 1—49.

4. ФА СГУ, АФ — Фольклорный архив СГУ им. Питирима Сорокина, Усть-Цилемское собрание, аудиофонд.

Литература

1. *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. Д. Бондаренко. — Екатеринбург, 2016. — 371 с.

2. *Бунчук Т. Н.* Старинная пижемская лексика, собранная Л. Ф. Соловьевым: к вопросу о языковом сознании диалектоносителя / Т. Н. Бунчук // Русское слово: литературный язык и народные говоры : материалы Всероссийской научной конференции (Ярославль, 25—27 октября 2007 г.) / отв. ред. Т. К. Ховрина. — Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2008. — С. 84—90.

3. *Гаврилова К. А.* Конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык» / К. А. Гаврилова // Антропологический форум. — 2013. — № 18 online. — С. 423—443.

4. *Казакова Е. Д.* Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект / Е. Д. Казакова // Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19—21 ноября 2012 г. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 26—28.

5. *Крысин Л. П.* Человек как объект оценки средствами русской устно-разговорной речи / Л. П. Крысин // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2018. — № 3 (34). — С. 9—33.

6. *Маслов Ю. С.* Перфектность / Ю. С. Маслов // Теория функциональной грамматики : введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Москва : URSS, 1987. — С. 195—209.

7. *Мищенко Д. Ф.* Профессия : информант / Д. Ф. Мищенко // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19—21 ноября 2012 г. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 39—41.

8. *Хроленко А. Т.* Народная филология: природа, формы, эвристические возможности / А. Т. Хроленко // Русский язык в школе. — 2015. — № 5. — С. 66—73.

9. *Шевченко Е. В.* Толкование значения слова как форма выражения метаязыкового сознания диалектоносителя / Е. В. Шевченко // Вестник Омского университета. — 2011. — № 1. — С. 152—155.

Verbs with the Meaning 'Change Facial Expression to Denoting Negative Emotions' in Dictionary of Dialect Speaker[1]

© **Yulia N. Ilyina (2020),** orcid.org/0000-0002-1409-1148, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University" (Syktyvkar, Russia), juli_il1@mail.ru.

The material for the article was the author's dictionary of a resident of the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The author of the article dwells on the characteristics of the verbs grouped on the basis of a common meaning 'to change a neutral facial expression to denoting negative emotions'. The novelty of the research is seen in the fact that the considered group of dialectal verbs has not previously attracted the attention of researchers. The author notes that the form of the headword of the verbs in the author's dictionary is conditioned both by the structure of a person's memory and by their very lexical meaning, which contains a qualitative shade of perfect meaning. It is emphasized that the verbs are either not recorded in "professional" dialectal dictionaries, or their other meanings are noted in them. The author proceeds from the fact that dictionaries compiled by non-professional lexicographers are valuable in determining the lexical composition of a dialect and clarifying the meanings of dialectisms. It is concluded that the verbs of this group are differently active in the memory of the dialect speaker: the word *istravitsya* is recorded in the vocabulary variants several times and turns out to be used for a large number of situations, other lexemes turn out to be less frequent and more specific in their relevance to the described circumstances. It has been proven that verbs have a transparent inner form, including specially described motivational features of words that are thematically related to the means of one code — culinary and gastronomic.

Key words: naive dialectal lexicography; Pechora dialects; semantic and motivational analysis.

Material resources

BTS — Kuznetsova, S. A. (ed.). (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint. 1534 p. (In Russ.).

FA SGU, AF — *Folklornyy arkhiv SGU im. Pitirima Sorokina, Ust'-Tsilemskoe sobranie, audiofond* [Folklore archive of SSU im. Pitirim Sorokin, collection of Ust-Tsilma, audiofond]. (In Russ.).

SRGNP — Ivashko, L. A. (ed.). (2003—2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of the Nizovaya Pechora]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy f-t SPbGU. 1—2. (In Russ.).

1 This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00593 "Facets of the spiritual heritage of Ust-Tsilma: folklore, book learning, language (new sources)".

SRNG — Filin, F. P., Andreeva-Vasina, N. I. et al. (eds.). (1965—2016). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moskva; Leningrad; Sankt-Peterburg. 1—49. (In Russ.).

References

Bondarenko, E. D. (2016). *Naivnaya lingvistika dialektonositeley: etnosotsiolingvisticheskiy aspekt: PhD Diss*. [Naive linguistics of dialect carriers: ethnosocial linguistic aspect. PhD Diss.]. Yekaterinburg. 371 p. (In Russ.).

Bunchuk, T. N. (2008). Starinnaya pizhemskaya leksika, sobrannaya L. F. Solovyevym: k voprosu o yazykovom soznanii dialektonositelya [Old Pizhma vocabulary collected by L. F. Solovyov: on the question of the linguistic consciousness of a dialect carrier]. In: *Russkoye slovo: literaturnyy yazyk i narodnyye govory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Russkoye slovo: literaturnyy yazyk i narodnyye govory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii]. Yaroslavl: Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. D. Ushinskogo. 84—90. (In Russ.).

Gavrilova, K. A. (2013). Konferentsiya "'Narodnaya lingvistika' — vzglyad nositeley yazyka na yazyk» [Conference "'Folk Linguistics': language from the speakers' perspective"]. *Antropologicheskiy forum* [Anthropological Forum], *18 online:* 423—443. (In Russ.).

Kazakova, E. D. (2012). Avtorskiy slovar' dialektonositelya: pragmaticheskiy aspekt [Author's dictionary of dialect speaker: pragmatic aspect]. In: «*Narodnaya lingvistika»: vzglyad nositeley yazyka na yazyk: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf.* ["Folk Linguistics": language from the speakers 'perspective: theses of reports of the international scientific conference]. Sankt-Peterburg. 26—28. (In Russ.).

Khrolenko, A. T. (2015). Narodnaya filologiya: priroda, formy, evristicheskie vozmozhnosti [Folk philology: nature, forms, heuristic possibilities]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], *5:* 66—73. (In Russ.).

Krysin, L. P. (2018). Chelovek kak obyekt otsenki sredstvami russkoy ustno-razgovornoy rechi [A person as an object of assessment by means of Russian oral speech]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects], *3(34)*: 9—33. (In Russ.).

Maslov, Yu. S. (1987). Perfektnost' [Perfection]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: vvedenie, aspektualnost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moskva: URSS. 195—209. (In Russ.).

Mishchenko, D. F. (2012). Professiya: informant [Profession: informant]. In: *«Narodnaya lingvistika»: vzglyad nositeley yazyka na yazyk* [Conference "Folk Linguistics": language from the speakers' perspective]. Sankt-Peterburg. 39—41. (In Russ.).

Shevchenko, E. V. (2011). Tolkovanie znacheniya slova kak forma vyrazheniya metayazykovogo soznaniya dialektonositelya [Interpretation of the meaning of a word as a form of expression of the metalinguistic consciousness of the bearer of the dialect]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], *1:* 152—155. (In Russ.).

Никонова Е. А. К вопросу о жанровой типологии текстов СМИ / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 79—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-79-97.

Nikonova, E. A. (2020). Genre Typology of Media Texts. *Nauchnyi dialog, 11:* 79-97. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-79-97. (In Russ.).

УДК 81'42:070
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-79-97

К вопросу о жанровой типологии текстов СМИ

© **Никонова Екатерина Андреевна (2020),** orcid.org/0000-0001-9260-4554, кандидат филологических наук, старший преподаватель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), ekatnikon2014@yandex.ru.

Разрабатываются критерии для составления типологии современных жанров СМИ. Предложенная типология отражает тенденции современного массмедийного пространства, где наблюдается усиление воздействующей составляющей, а также отмечается подвижность жанров и жанровой системы. Новизна исследования видится в том, что нами представлен универсальный метод типологизации современной системы жанров СМИ с учетом современных тенденций массмедийного пространства. Согласно результатам исследования, в основе подобной типологии лежат различия в коммуникативном замысле, который может быть либо информационным, либо неинформационным. Автор подразделяет неинформационный коммуникативный замысел на такие интенции, как фатика, открытое воздействие, манипуляция и мистификация, где каждый из замыслов является не отдельно взятой интенцией, но элементами единой шкалы; при этом каждый элемент проистекает из предыдущего и представляет его более интенсифицированную форму. Разрабатывается система жанров. Предлагается определять положение жанра в типологии путем расчёта соотношения объективной и субъективной модальности в текстах этого жанра. Показано, что категория «модальность» соотносится с авторскими интенциями: объективная модальность — с информационным коммуникативным замыслом, субъективная модальность — с неинформационным.

Ключевые слова: жанр; типология жанров СМИ; информационный коммуникативный замысел; неинформационный коммуникативный замысел; фатика; манипуляция; открытое воздействие; мистификация.

1. Введение

Разработка жанровой системы СМИ остается одним из центральных вопросов современной лингвистики, и, хотя исследователи отмечают, что сегодня жанры СМИ представляют собой «целостную и развитую систему» [Ким, 2019], поиск критериев их типологизации продолжает оставаться одной из наиболее трудноразрешимых задач. Отсутствие общепризнанной типологии объясняется вполне объективными сложностями. Во-первых,

в последнее время наблюдаются существенные преобразования в системе массмедийных жанров: «Многие жанры, такие как репортаж, отчет, интервью, настолько трансформировались, что перестали позиционироваться как информационные» [Ляпун, 2011]. Во-вторых, появление на рубеже веков большого количества новых жанров СМИ (например, блог [Miller et al., 2004]; лонгрид [Колесниченко, 2008]; политическое эссе [Никонова, 2020]) приводит к диффузии существующей системы взаимодействия жанров. В-третьих, значительное влияние на формирование классификации текстов СМИ оказало появление новых медиа: открытым остается вопрос о признании одного и того же текста в печатном виде и онлайн-версии разными жанрами или форматами одного жанра. В-четвертых, на сегодняшний день наблюдается трансформация функционального аспекта СМИ: в условиях высокой конкуренции усиливается борьба за внимание читателя / зрителя, что приводит к искажению баланса «объективный факт — мнение».

Актуальность данного исследования связана с необходимостью выработки правомерных оснований для типологии жанров СМИ, что позволит решить многие дискуссионные вопросы современной лингвистики. Новизна исследования заключается в выработке универсального метода типологизации современной системы жанров СМИ с учетом современных тенденций массмедийного пространства.

2. Современное пространство СМИ

Трансформация современного пространства СМИ — явление, признаваемое как отечественными [Апухтин, 2015; Солганик, 2010], так и зарубежными исследователями [Miller, 2017]. В данной работе речь идет о глобальных изменениях, затрагивающих систему СМИ независимо от ее принадлежности определенному региону (в ряде работ отечественных лингвистов [Играев, 2009; Кройчик, 2000] обращается внимание на «перекройку» системы массмедиа в связи с изменением политического строя; мы исходим из того, что в настоящее время можно констатировать избавление от «посткоммунистического отпечатка» отечественными СМИ и не анализировать процесс «политического пересмотра» в качестве ведущего системообразующего фактора).

Ниже рассмотрим характеристики современных СМИ, оказывающие непосредственное влияние на жанры и жанровую систему:

(1) Журналистика мнений. Традиционно «золотым стандартом» журналистики являлись объективность и беспристрастность, при этом автор оставался отстраненным наблюдателем, чье мнение было вне фокуса внимания или вовсе неважным [Coward, 2013, p. 13]. Таким образом, в СМИ

долгое время сохранялся некий баланс «субъективное — объективное» с существенным доминированием второй характеристики. Рост информационного потока последних нескольких десятилетий привел к тому, что сегодня разобраться в представленной в СМИ информации самостоятельно кажется практически невозможным. В связи с этим возрастает востребованность селекции и интерпретации информации. Людей все больше интересуют не голые факты, а авторитетные выводы, с опорой на которые они могут принимать решения. В результате СМИ перестают быть средством передачи информации, а «продают свое видение информационного потока, свое умение отобрать интересные аудитории новости» [Слуцкий, 2008]. Ярким индикатором данных изменений можно считать рост популярности «исповедальной журналистики», что предполагает увеличение количества текстов, написанных от первого лица с элементами изложения сведений о реальном жизненном опыте, и фокусирование на личных эмоциональных переживаниях [Coward, 2013, p. 91]. Хотя данная характеристика традиционно лежала в основе желтой прессы, сегодня показательным является ее проникновение в авторитетные издания (примером может являться рост популярности таких жанров, как «editorial», «comment», «opinion», предполагающих интерпретацию актуальных событий не с точки зрения объективного анализа, а с учетом авторитетного мнения), а также увеличение доли рынка, занимаемой блогами, Telegram-каналами. Безусловно, первоначальная функция СМИ — информировать — сохраняется, но она претерпевает существенные изменения, поскольку сегодня СМИ призваны среди прочего выражать свое мнение. В результате жанры, в основе которых традиционно лежала информативная функция, переживают усиление воздействующего элемента [Никонова, 2020], что отражается на их жанрообразующих характеристиках.

(2) Диджитализация СМИ. Процесс диджитализации оказал влияние на все пространство СМИ. Во-первых, онлайн-формат предполагает большую интерактивность, более тесное общение с читателями. Оно выражается в функциональной возможности читателя задать вопрос автору / редакции в режиме реального времени, а также имеет более глубокое влияние, в результате которого не только новые медиа, но и старые ощутили на себе усиление интерактивности, обеспечиваемое «особыми средствами актуализации информации, привлечения и удержания внимания адресата; средствами помощи адресату в понимании текста; диалогизацией: включением в монологический текст единиц диалога, вопросно-ответных единств разных типов, а также вопросительных предложений, риторических вопросов, разговорных конструкций» [Кормилицына, 2018, с. 67]. Во-вторых, появле-

ние электронных СМИ обеспечило мгновенность доступа к новостям. В результате «борьба между субъектами информационной деятельности идет не за саму информацию, а за контроль над каналами ее распространения», и побеждает тот, кто сумеет «первым правильно аранжировать полученную информацию» [Ильченко, 2019, с. 70]. Это означает следующее: чтобы тебя «читали», информация должна быть привлекательной, запоминаемой и убедительной, что в большинстве случаев подразумевает субъективность ее подачи. В-третьих, современные СМИ мультиинструментальны [Le, 2017, p 137], что порождает вопрос о статусе жанров, которые могут быть реализованы через различные информационные каналы (так, одно и то же произведение может быть книгой, видеоигрой и выставкой).

(3) Связь с политическим дискурсом. Сегодня в научной литературе, посвященной исследованию пространства СМИ, отмечается тесная связь политического дискурса и дискурса СМИ (под дискурсом СМИ понимаем самостоятельный вид дискурса, представленный всем разнообразием медиатекстов, объединенных целью производства и воспроизводства социальных и социоэкономических ценностей и отношений [Руденко, 2012, с. 77]; под политическим дискурсом понимаем самостоятельный вид дискурса, общественное предназначение которого состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Демьянков, 2008, с. 374]). При этом ряд исследователей [Ануфриенко, 2016; Карадже, 2013] объясняют причину закрепления данной тенденции влиянием политизации, другие [Анненкова, 2011; Пронина, 2002; Шейгал, 2004] — медиацентризмом / медиатизацией. На наш взгляд, сегодня нет возможности четко разграничить дискурс СМИ и политический дискурс; открытым остается вопрос о первоочередности явлений и диапазоне их взаимного влияния. Тем не менее правомерным является утверждение о взаимном влиянии политического дискурса и дискурса СМИ, результатом чего стало усиление воздействующей функции и, как следствие, «субъективного» в текстах СМИ (поскольку политический дискурс по своей природе манипулятивен).

Итак, влияние отмеченных нами тенденций в пространстве СМИ можно условно свести к двум следствиям. Во-первых, сегодня наблюдается усиление установки на воздействие во всех жанрах СМИ, в результате чего становится явной нацеленность массмедийных текстов на реализацию функции влияния наравне с традиционной функцией информирования. Во-вторых, жанровая система СМИ отличается особенной подвижностью:

появляются новые жанры, трансформируются старые. Данные аспекты необходимо учитывать при разработке жанровой типологии СМИ.

3. Вопрос типологии жанров в лингвистике

В языкознании не раз предпринималась попытка создания типологии жанров. Основные исследования в этом направлении можно условно разделить на работы, авторы которых придерживаются структурного [Бахтин, 1996; Баранов, 1997; Седов, 2007; Федосюк, 1997], лингвокультурологического [Дементьев, 2020] и интенционального [Арутюнова, 1992; Шмелева, 1997] подходов. В случае структурной типологии основанием для типологизации является строение жанров. Эта идея восходит к работам М. М. Бахтина, который предложил деление на первичные и вторичные жанры, где вторичные являются более сложной конструкцией и включают в себя первичные. Мысль о жанрах как сложных иерархических построениях получила дальнейшее развитие, однако спорным остался вопрос о соотношении первичных и вторичных жанров [Дускаева, 2004, с. 59], что осложняет возможность классификации последних.

В рамках лингвокультурологической типологии основанием является система коммуникативных ценностей. Выделяются жанры, поддерживаемые данной речевой культурой и не поддерживаемые, что предполагает построение жанровой типологии для каждой отдельно взятой культуры, а не универсальной, «наднациональной» типологии.

Особый интерес для данной работы представляет интенциональная типология, в качестве основного критерия для разграничения жанров в которой выступает интенция высказывания. Мысль о том, что жанр рождается из замысла, не нова. Еще М. М. Бахтин писал, что замысел определяет выбор жанровой формы: «Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т. п.» [Бахтин, 1996, с. 202]. Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром, «складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Там же]. Этот взгляд лег в основу теории жанров североамериканской риторической школы, где интенция говорящего рассматривается как один из дифференциальных жанровых признаков: «Если рассматривать жанр как социальное действие, то его можно интерпретировать только в рамках конкретной ситуации и с учетом интенций говорящего» [Miller, 1984, p. 21].

Построение интенциональной типологии ставит вопрос об оптимальном выделении коммуникативных интенций. Основополагающей является

работа Т. Г. Винокура, в которой противопоставляется два речевых замысла: «фатика» и «информатика» [Винокур, 1993]. Под «фатикой» исследователь понимает общение ради общения. «Мотивы, генерирующие фатическое речепорождение, можно было бы назвать символикой социального бытия, требующего контакта ради контакта и устанавливающего речевой контакт как паллиатив неречевой деятельности. Следовательно, речевой контакт есть, прежде всего, контакт социально-психологический, и в этом качестве он является главной целью фатического речевого поведения» [Там же, с. 137]. «Информатика» подразумевает общение с целью сообщения какой-либо информации [Там же]. Данное деление коммуникативного замысла на информативный и неинформативный легло в основу последующих типологий исследователей [Арутюнова, 1992; Шмелева, 1997], однако ни одна из них не получила всеобщего признания.

Говоря о построении системы современных жанров СМИ, необходимо учитывать существующие тенденции, которые оказывают непосредственное влияние на формирование жанров и их типологию. В связи с этим предложенное Т. Г. Винокуром деление интенций на «информатику» и «фатику» требует коррекции с учетом особенностей жанрового пространства СМИ. На наш взгляд, в основу типологии жанров СМИ должно быть положено соотношение информационного и неинформационного коммуникативных замыслов.

3.1. Информативная интенция

Информативная интенция традиционно является основополагающей для СМИ, поскольку они призваны информировать аудиторию о происходящем. Сегодня особо подчеркивается значимость информационной составляющей, поскольку «оперативное информирование в условиях глобализации, в сложных процессах взаимодействия разных культур способно во многом обеспечить устойчивость и динамику мирового порядка» [Васильева, 2010]. Информационный аспект в разной мере реализуется в жанрах СМИ. Наиболее ощутимо информационное наполнение новостных материалов в прессе, а также программ новостей на телевидении и радио. В некоторых жанрах, например реалити-шоу, информирование сведено к минимуму, однако говорить о его полном исчезновении преждевременно, поскольку первоочередной задачей СМИ все еще является трансляция информации.

3.2. Неинформационные интенции

Неинформационные интенции можно представить в виде шкалы воздействия. Шкала состоит из четырех блоков, где каждый последующий элемент включает предыдущий, а нарастание значений по шкале коррели-

рует с возрастающей степенью влияния на аудиторию. Ниже рассмотрим каждую из составляющих в отдельности.

3.2.1. Фатика

Понятие «фатика» было введено в лингвистический оборот Б. Малиновским, понимавшим явление узко, как праздное общение, «общение ради общения» [Malinovski, 1923, p. 299], что позволяло рассматривать ее только в отношении разговорно-бытового общения. Со временем это понятие получило более широкую трактовку: как «средство создания контакта» [Якобсон, 1975, с. 211] и «речевое поведение, которым люди пользуются для того, чтобы вступить в общение» [Винокур, 1993, с. 5—6]. «В условиях фатической речи центром оказывается говорящий и его собеседник, а отправной точкой коммуникации — представление говорящего о речевой ситуации и, как следствие, выбор соответствующих ей речевых средств. <…> именно фатическая речь создаёт психологический комфорт в процессе общения — эмоциональную вовлечённость собеседников в коммуникацию» [Прокофьева, 2016, с. 164]. В такой трактовке постепенно сформировалось представление о фатике как неотъемлемой части текстов СМИ, присущей не только радиожурналистике или глянцевым изданиям, но и всему медиадискурсу [Дементьев, 2020; Федосюк, 1997].

Под фатической интенциональностью в СМИ мы понимаем нацеленность текста на установление контакта и его поддержание с читателем, выраженные в использовании средств и приемов, позволяющих придать естественность совместному пребыванию. При этом автор не ставит задачу убедить читателя в чем-либо, а тем более изменить его мнение и поведение. Автор стремится «говорить на языке читателя и о том, что желает услышать читатель» [Чернышева, 2007, с. 48]. Фатика рассматривается нами как наиболее «мягкая» форма открытого воздействия.

Наиболее типичным проявлением фатической интенциональности может быть ретроспективная отсылка к прошлым выпускам издания, что позволяет сформировать общий круг фоновых знаний:

In 2017 The Economist pointed out *that the gap between GDP per person in the richest and poorest parts of Britain is larger than in other rich countries. That remains true; indeed, it has grown* (***В 2017 году the Economist*** указывал на то, что разрыв в показателях ВВП на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными частями Британии больше, чем в других развитых странах. Данное утверждение справедливо и сегодня; на самом деле разрыв даже увеличился) [The Economist, 01.08.2020].

В приведенном примере газета «The Economist» устанавливает контакт с читателем, ссылаясь на информацию, указанную в одном из предыдущих

номеров издания. При этом газета не дает прямой ссылки на номер, что свидетельствует о высокой степени контакта между автором и читателем.

Также распространенным приемом фатической интенциональности является отсутствие перевода иностранных слов в тексте или использование жаргонизмов из профессиональной сферы без дефиниций и уточнений, что свидетельствует о доступности информации и языка ее изложения, по мнению автора.

Other crime syndicates are getting in on the act: The Jalisco New Generation cartel has sent heavily armed ***sicarios*** *into poor neighborhoods to hand out aid packages* (Другие преступные синдикаты присоединились: картель Нового поколения Халиско послала в наиболее бедные районы хорошо вооруженных ***наемных убийц*** для раздачи социальной помощи) [The Week, 29.05.2020].

Слово *sicario* взято из итальянского языка и в данном примере не снабжается дефиницией. По всей видимости, автор не считает, что данное слово может вызвать затруднения при интерпретации читателем. Тем не менее очевидно, что оно знакомо не любому читателю, то есть автор четко ограничивает круг своей аудитории и говорит со своими читателями «на одном языке».

3.2.2. Открытое воздействие

Сегодня общепринятой считается точка зрения, согласно которой воздействие является неотъемлемой частью современного массмедийного пространства. Стоит различать открытое и скрытое воздействие (то есть манипуляцию). Под открытым воздействием понимаем влияние на адресата с целью заставить его сознательно принять чужую точку зрения, решение, передать информацию и т. д. Манипуляция предполагает насильственное подталкивание человека к неосознанному принятию решения / позиции. Открытое воздействие осуществляется за счет риторического построения предложения:

Not only did the US *have little at stake in this fight, but* ***it also had*** *little ability to influence its direction or outcome* (С одной стороны, США мало чем жертвовали в этой войне (имеется в виду война в Сирии. — *Е. Н.*), с другой, это означало, что у них были ограниченные возможности влиять на развитие ситуации и ее результат) [Foreign Affairs, 01.02.2016].

В данном отрывке инверсия выступает в роли содержательного ориентира, позволяет привлечь внимание читателя к важной с точки зрения автора мысли. Степень воздействия синтаксического средства усиливается за счет использования противопоставления. При этом автор не пытается выдать свою точку зрения за непреложную истину, а прибегает к конвер-

генции инверсии и противопоставления с целью усиления экспрессии данных предложений.

Стоит отметить, что традиционно исследователи говорят о воздействии как неотъемлемой части всех журналистских жанров [Костомаров, 1970, с. 8], однако мы считаем, что в настоящее время, несмотря на тренд к усилению воздействующей функции СМИ, сохраняются жанры, где установка на воздействие минимальна (например, хроника).

3.2.3. Манипуляция

По многим вопросам в отношении манипулятивного воздействия текстов СМИ (например, приемлемость манипуляции, характер последствий для субъекта манипуляции и др.) на сегодняшний день в научной среде не достигнуто консенсуса. Общепризнанным является понимание манипуляции как нацеленности на изменение установок, взглядов, поведения адресата, а также представление о ее скрытом характере. Речевую манипуляцию мы рассматриваем как «специфическое речевое поведение» [Денисюк, 2004, с. 66], осуществляемое при помощи «искусного использования определенных ресурсов языка» [Копнина, 2017, с. 25] с целью оказания скрытого воздействия на адресата, что предполагает изменение его намерений, установок, поведения. Критериями языкового манипулирования являются 1) искаженное соотношение высказывания с действительностью; 2) наличие лингвистических аномалий (то есть преднамеренное использование в речи конструкций, не мотивированных системой языка); 3) частотность применения приема манипуляции, не мотивированного реальной ситуацией [Данилова, 2014, с. 12—13]. Ярким примером манипуляции можно считать характеристику различными зарубежными изданиями референдума по поправкам в Конституции РФ как попытки Путина остаться у власти:

The constitutional court in Russia approved ***amendments to the country's constitution that will reset to zero the number of terms already served by Vladimir Putin.*** *He would otherwise have been ineligible to run again when his current term expires in 2024* (Конституционный суд РФ одобрил ***поправки к Конституции, которые позволят обнулить срок нахождения Владимира Путина у власти***. В противном случае он был бы лишен возможности баллотироваться на пост президента после окончания текущего срока в 2024 году) [The Economist, 21.03.2020].

Additionally, President Putin — who just a week earlier was insisting that Russia had only a few hundred cases and had the virus under control — announced that ***the referendum that would allow him to remain in power until 2036*** *was being postponed because of the pandemic* (Кроме того, президент Путин, который только неделю назад утверждал, что в России зарегистри-

ровано только несколько сотен случаев заболевания и вирус находится под полным контролем, объявил, что ***референдум, который позволит ему оставаться у власти до 2036 года***, был отложен из-за пандемии) [The Week, 04.04.2020].

Говоря о роли референдума, издания характеризуют его однобоко, сосредотачивая свое внимание на одной из двухсот шести поправок. Кроме того, заявление о том, что после принятия поправок Путин будет переизбираться на последующий срок, не мотивировано реальной ситуацией и не подкрепляется аргументативной базой. Учитывая, что подобное освещение референдума встречается не в одном издании (то есть не может рассматриваться как авторское оформление высказывания или позиция конкретного журналиста), то имеется достаточно оснований для именования его способом целенаправленного языкового воздействия.

3.2.4. Мистификация

Сегодня в пространстве СМИ широкое распространение получил феномен фейк-ньюс, который понимается как сфабрикованный новостной материал, ложь в котором можно распознать и разоблачить, хотя она способна ввести аудиторию в заблуждение [Распопова, 2018, с. 5]. В действительности же «фейкизация» свойственна многим жанрам СМИ, а не только новостям. Причина этому видится в том, что сегодня «для журналистики возникла опасная ситуация, когда объективность трансформируется в объективизм, то есть мнимую объективность» [Ильченко, 2019, с. 46]. Исходя из того, что фейк — это некий информационный конструкт, который создается с целью искажения реальности намеренно, то видится целесообразным ввести такую медиаинтенцию, как мистификация. Хотя понятие «(медиа-)мистификация» для лингвистики не является устойчивым и не получило достаточного освещения, все существующие определения объясняют данное явление через понятие «обман»: «под мистификацией в данном случае понимается намеренное введение в заблуждение, искажение действительного состояния дел» [Шустрова, 2008, с. 179].

В качестве примера мистификации рассмотрим статью “Russia’s latest attack on the Ukrainians is a warning to the West” («Последняя атака России на украинцев — предупреждение Западу») из газеты «The Washington Post», посвященную конфликту в Керченском проливе. На момент выхода статьи (26 ноября 2018 года) независимое расследование, которое бы позволило дать адекватную беспристрастную оценку событиям, произведено не было, о чем говорит в этот же день в своей речи Заместитель Генерального секретаря по политическим вопросам и вопросам мироустройства Розмари А. Дикарло: *“I wish to underline that the United Nations currently cannot inde-*

pendently verify the circumstances surrounding the incident" («Я бы хотела подчеркнуть, что ООН на данный момент не смогла провести самостоятельную проверку обстоятельств происшествия») [The UN]. То есть при написании статьи автор не мог наверняка знать, что произошло в Керченском проливе, и, выдавая непроверенную информацию за фактическую, исказил факты:

Russian ships *fired <…>* (***Российские корабли*** *открыли огонь*) [The Washington Post, 26.11.2018].

The Ukrainian ships ***were well within their right*** *to be there* (У украинских кораблей ***было полное право*** находиться в этих водах) [Ibid.].

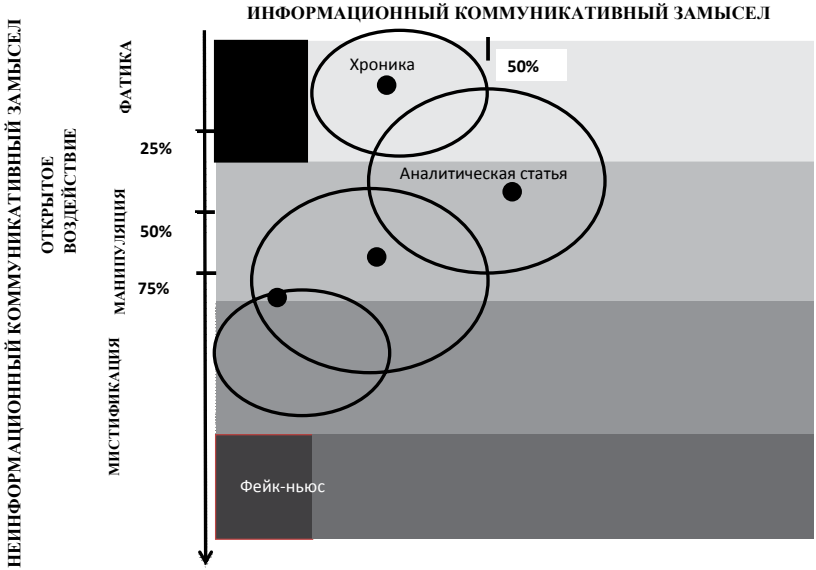
But this time, in a carefully arranged provocation, Russian ships fired on the Ukrainian ships — and then seized them, ***along with 23 crew members*** (*Но в этот раз в рамках хорошо продуманной провокации российские корабли стреляли по украинским кораблям, а затем захватили их* ***вместе с 23 членами команды***) [Ibid.].

4. Интенциональная типология жанров СМИ

Главный жанродифференцирующий признак пространства СМИ — это соотношение коммуникативных интенций, лежащих в его основе. Коммуникативные интенции представлены информационным и неинформационным коммуникативными замыслами. При этом неинформационный коммуникативный замысел может быть выражен фатикой, открытым воздействием, манипуляцией и мистификацией, где каждый из замыслов является не отдельно взятой интенцией, но элементами единой шкалы; каждый элемент проистекает из предыдущего и представляет собой его более интенсифицированную форму. Приведенная нами типология не исчерпывает всех коммуникативных интенций, осуществляемых в жанрах СМИ, однако перечисленные интенции позволяют дифференцировать основные жанры массмедиа с учетом возрастающей роли СМИ в воздействии на адресата.

Мы предлагаем определять положение жанра графически путем расчёта соотношения объективной и субъективной модальности в текстах этого жанра. Категория «модальность» соотносится с авторскими интенциями (объективная модальность — с информационным коммуникативным замыслом, субъективная модальность — с неинформационным). Разница соотношения объективной и субъективной модальности является основным жанродифференцирующим признаком текстовой модальности. Отметим, что жанр определяется не как включающий в себя устойчивую сумму информационного и неинформационного коммуникативных замыслов, но как находящийся в некотором диапазоне этого соотношения, что позволяет ему сохранить динамичность и подвижность.

Ранее нами были исследованы два жанра: «аналитическая статья» и «политическое эссе» [Никонова, 2020] — с позиций соотношения объективной и субъективной модальности. На основе полученных данных (соотношение объективной и субъективной модальности для аналитической статьи — 56 % и 44 %; для политического эссе — 33 % и 67 % соответственно) нами определено положение жанров на графике (рис. 1). Расположение остальных жанров условно и требует статистического подтверждения в дальнейшем.



5. Выводы

В результате проведенного нами исследования было установлено, что сегодня пространство СМИ переживает трансформацию, основными результатами которой являются усиление воздействующих функций всех жанров, а также подвижность и динамичность как самих жанров, так и всей их системы. Данные тенденции должны быть отражены в актуальной типологии жанров СМИ. В качестве основного критерия разграничения жанров СМИ мы предлагаем принять авторские интенции. Интенции жанров СМИ условно можно разделить на информационный коммуникативный замысел и неинформационный, представленный в виде четырех элементов: фатика, открытое воздействие, манипуляция и мистификация.

Для определения положения жанра необходимо произвести расчет соотношения объективной и субъективной модальности, связанных с основными интенциями. При этом жанр рассматривается не как устойчивая сумма объективной и субъективной модальностей, но как диапазон этого значения, что позволяет отразить динамизм современной жанровой системы.

Источники

1. *Foreign* Affairs [Electronic resource]. — Access mode : https://www.foreignaffairs.com/ (accessed 23.08.2020).

2. *The Economist* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.economist. com/ (accessed 23.08.2020).

3. *The UN* [Electronic resource]. — Access mode: https://dppa.un.org/en/security-council-briefing-ukraine-under-secretary-general-rosemary-dicarlo-0 (accessed 23.08.2020).

4. *The Washington* Post [Electronic resource]. — Access mode : https://www.washingtonpost.com/ (accessed 23.08.2020).

5. *The Week* [Electronic resource]. — Access mode : https://theweek.com/week (accessed 23.08.2020).

Литература

1. *Анненкова И. В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ : монография / И. В. Анненкова. — Москва : Издательство Московского университета ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. — 392 с.

2. *Ануфриенко С. В.* Медиатизация политики и политизация медиа [Электронный ресурс] / С. В. Ануфриенко. — Режим доступа : https://pglu.ru/upload/iblock/df0/12.pdf (дата обращения 23.08.2020)

3. *Апухтин И. Н.* Изменение медиатекста под влиянием процесса конвергенции СМИ [Электронный ресурс] / И. Н. Апухтин // МИРС. — 2015. — № 2. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-mediateksta-pod-vliyaniem-protsessa-konvergentsii-smi (дата обращения 23.08.2020)

4. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — Москва : Наука, 1992. — С. 52—56.

5. *Баранов А. Г.* Когниотипичность текста : (К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. — Выпуск 1. — С. 4—12.

6. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» : проблема текста // Собрание сочинений : в 5 томах : работы 1940-х — начала 1960-х годов. — Москва : Русские словари, 1996. — С. 159—206.

7. *Васильева Л. В.* Роль и функции СМИ в современном обществе [Электронный ресурс] / Л. В. Васильева. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-smi-v-sovremennom-obschestve (дата обращения 23.08.2020)

8. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий / Т. Г. Винокур. — Москва : Наука, 1993. — 172 с.

9. *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — Москва : КДУ, 2014. — 232 с. ISBN 978-5-98227-613-1

10. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2020. — 600 с. ISBN 978-5-9551-0409-6

11. *Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под редакцией М. Н. Володиной. — Москва : Академический проект, 2008. — С. 374—393.

12. *Денисюк Е. В.* Манипулятивное речевое воздействие : коммуникативно-прагматический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Денисюк. — Екатеринбург, 2004. — 200 с.

13. *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Л. Р. Дускаева. — Санкт-Петербург, 2004. — 42 с.

14. *Играев Б. А.* Условия и факторы системной трансформации СМИ [Электронный доступ] / Б. А. Играев. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-faktory-sistemnoy-transformatsii-smi (дата обращения 23.08.2020)

15. *Ильченко С.* Как нас обманывают СМИ / С. Ильченко. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 320 с. ISBN 978-5-4461-0989-0

16. *Караджe Т. В.* Проблема определения политического в политической науке / Т. В. Карадже, Л. В. Оленикова // Методология исследования политического : основные подходы и направления : коллективная монография под ред. Т. В. Каладже. — Москва : Прометей, 2013. — 194 с. ISBN 978-5-7042-2398-6

17. *Ким М. Н.* Жанры современной журналистики [Электронный ресурс] / М. Н. Ким. — Режим доступа : https://iknigi.net/avtor-maksim-kim/181981-zhanry-pechatnyh-i-elektronnyh-smi-uchebnik-dlya-vuzov-standart-tretego-pokoleniya-maksim-kim/read/page-1.html (дата обращения 23.08.2020)

18. *Колесниченко А. В.* Длинные тексты (лонгриды) в современной российской прессе [Электронный ресурс] / А. В. Ким. — Режим доступа : http://www.mediascope.ru/1691 (дата обращения 23.08.2020)

19. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. — Издание : 6-е. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 176 с. ISBN 978-5-9765-0060-0

20. *Кормилицына М. А.* Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе [Электронный доступ] / М. А. Кормилицына. — Режим доступа : https://zhanry-rechi.sgu.ru/sites/default/files/kormilicyna.pdf (дата обращения 23.08.2020)

21. *Костомаров В. Г.* Тезисы возможной концепции функциональных стилей / В. Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка нерусским. — 1970. — Выпуск 2. — С. 8.

22. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров [Электронный ресурс] / Л. Е. Кройчик. — Режим доступа : http://evartist.narod.ru/text5/64.htm (дата обращения 23.08.2020)

23. *Ляпун С. В.* Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики / С. В. Ляпун. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-klassifikatsii-gazetnyh-zhanrov-v-teorii-i-praktike-zhurnalistiki (дата обращения 23.08.2020)

24. *Никонова Е. А.* Объективная и субъективная модальность в англоязычном политическом дискурсе (на примере аналитических статей и политических эссе) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. А. Никонова. — Москва, 2020. — 204 с.

25. *Прокофьева Н. А.* Специфика обращения к фатической речи в корпоративных известиях [Электронный доступ] / Н. А. Прокофьева. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obrascheniya-k-faticheskoy-rechi-v-korporativnyh-izdaniyah (дата обращения 23.08.2020)

26. *Пронина Е. Е.* Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. — Москва : Издательство Московского университета, 2002. — 320 с. ISBN 5211061357

27. *Распопова С. С.* Фейковые новости / С. С. Распопова, Е. Н. Богдан. — Москва : АспектПресс, 2018. — 112 с. ISBN 978-5-7567-0940-7

28. *Руденко А. В.* Модификация оценки в дискурсе СМИ : когнитивно-прагматический аспект : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. В. Руденко. — Москва, 2012. — 178 с.

29. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. — Москва : Лабиринт, 2007. — С. 7—38. ISBN 5876041904

30. *Слуцкий П. А.* СМИ в эпоху информационной перегрузки : социальная функция ориентации [Электронный ресурс] / П. А. Слуцкий. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/smi-v-epohu-informatsionnoy-peregruzki-sotsialnaya-funktsiya-orientatsii.

31. *Солганик Г. Я.* Язык СМИ на современном этапе [Электронный ресурс] / Г. Я. Солганик // МИРС. — 2010. — № 2. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-na-sovremennom-etape (дата обращения 23.08.2020)

32. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 102—120.

33. *Чернышева Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышева. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 296 с. ISBN 978-5-382-00093-0

34. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с. ISBN 5-7333-0144-9

35. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов, 1997. — Выпуск 1. — С. 88—98.

36. *Шустрова Е. Н.* Тактика искажения и подмены информации как способ осуществления стратегии мистификации / Е. Н. Шустрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2008. — № 1 (1). — С. 179.

37. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193—230.

38. *Coward R.* Speaking personally / R. Coward. — London, 2013. — 157 p.

39. *Le J. B.* From printed newspaper to digital newspaper : what has changed? / J. B. Le // Emerging genres in new media environment. Palgrave Macmillan, 2017. — 312 p.

40. *Malinowski B.* The problem of meaning in primitive languages / B. Malinowski // The meaning of meaning. — New York, 1923. — Pp. 296—336.

41. *Miller C. R.* Blogging as social action : a genre analysis of the weblog / C. R. Miller, D. Shepherd // Genres in the Internet : issues in the theory of genre. — 2004. — Pp. 263—290.

42. *Miller C. R.* Genre as Social Action / C. R. Miller // Quarterly Journal of Speech. — 1984. — Vol. 70. — Pp. 151—167.

43. *Miller C. R.* Where do genres come from? / C. R. Miller // Emerging genres in new media environment. — Palgrave Macmillan, 2017. — 312 p.

Genre Typology of Media Texts

© **Ekaterina A. Nikonova (2020),** orcid.org/0000-0001-9260-4554, PhD in Philology, Senior Lecturer, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), ekatnikon2014@yandex.ru.

Criteria for drawing up a typology of modern media genres are being developed. The proposed typology reflects the tendencies of the modern mass media space, where there is an increase in the influencing component, and also the mobility of genres and genre system is noted. The novelty of the research is seen in the fact that we have presented a universal method of typologizing the modern system of media genres, taking into account the current trends in the mass media. According to the results of the study, this typology is based on differences in communicative intent, which can be either informational or non-informational. The author divides the non-informational communicative intention into such intentions as phatics, open influence, manipulation and mystification, where each of the intentions is not a separate intention, but elements of a single scale; with each element proceeding from the previous one and representing its more intensified form. A genre system is being developed. It is proposed to determine the position of a genre in typology by calculating the ratio of objective and subjective modality in the texts of this genre. It is shown that the category "modality" is related to the author's intentions: objective modality — with informational communicative intention, subjective modality — with non-informational one.

Key words: genre; typology of media genres; information communicative concept; non-informational communicative intent; phatics; manipulation; open exposure; mystification.

Material resources

Foreign Affairs. Available at: https://www.foreignaffairs.com/ (accessed 23.08.2020)
The Economist. Available at: https://www.economist. com/ (accessed 23.08.2020)
The UN. Available at: https://dppa.un.org/en/security-council-briefing-ukraine-under-secretary-general-rosemary-dicarlo-0 (accessed 23.08.2020).
The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/ (accessed 23.08.2020)
The Week. Available at: https://theweek.com/week (accessed 23.08.2020)

References

Annenkova, I. V. (2011). *Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI: monografiya* [Media Discourse of the XXI century. Linguophilosophical aspect of the media language: monograph]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; Fakultet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova. 392 p. (In Russ.).

Anufriyenko, S. V. *Mediatizatsiya politiki i politizatsiya media* [Mediatization of politics and politicization of media]. Available at: https://pglu.ru/upload/iblock/df0/12.pdf (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Apukhtin, I. N. (2015). Izmeneniye mediateksta pod vliyaniyem protsessa konvergentsii SMI [Change of the media text under the influence of the media convergence process]. *MIRS* [MIRS], *2*. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-mediateksta-pod-vliyaniem-protsessa-konvergentsii-smi (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1992). Zhanry obshcheniya [Genres of communication]. In: *Cheloveche-skiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modalnost', deyksis* [Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moskva: Nauka. 52—56. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996). Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. In: Iz arkhivnykh zapisey k rabote «Problema rechevykh zhanrov». Problema teksta [From archive recordings to the work “The Problem of speech genres”. The problem of the text]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], *5*. Moskva: Russkiye slovari. 159—206. (In Russ.).

Baranov, A. G. (1997). Kogniotipichnost’ teksta: (K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatelnosti) [Kogniotipichnost’ text: (To the problem of levels of abstraction of text activity)]. *Zhanry rechi* [Genres of speech], *1*. Saratov: Kolledzh. 4—12. (In Russ.).

Chernysheva, T. V. (2007). *Teksty SMI v mentalno-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii* [Media Texts in the mental and linguistic space of modern Russia]. Moskva: Izdatelstvo LKI. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-382-00093-0

Coward, R. (2013). *Speaking personally.* London. 157 p.

Danilova, A. A. (2014). *Manipulirovanyie slovom v sredstvakh massovoy informatsii* [Manipulating the word in the media]. Moskva: KDU. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98227-613-1.

Dementyev, V. V. (2020). *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moskva: Znak. 600 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9551-0409-6.

Demyankov, V. Z. (2008). Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of political discourse in the media]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [The language of mass media: a textbook for universities]. Moskva: Akademicheskiy proekt. 374—393. (In Russ.).

Denisyuk, E. V. (2004). *Manipulyativnoye rechevoye vozdeystviye: kommunikativno-pragmaticheskiy aspect.* PhD Diss. [Manipulative speech influence: communicative and pragmatic aspect. PhD Diss.]. Yekaterinburg. 200 p. (In Russ.).

Duskayeva, L. R. (2004). *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov*. Author’s abstract of Doct. Diss. [Dialogic nature of newspaper speech genres. Author’s abstract of Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 42 p. (In Russ.).

Fedosyuk, M. Yu. (1997). Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved issues of the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], *5*. 102—120. (In Russ.).

Igrayev, B. A. *Usloviya i faktory sistemnoy transformatsii SMI* [Conditions and factors of system transformation of mass media]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-faktory-sistemnoy-transformatsii-smi (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Ilchenko, S. (2019). *Kak nas obmanyvayut SMI* [How the media deceive]. Sankt-Peterburg: Piter. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-0989-0.

Karadzhe, T. V., Oleynikova, L. V. (2013). Problema opredeleniya politicheskogo v politicheskoy nauke [The Problem of defining the political in political science]. In: *Metodologiya issledovaniya politicheskogo: osnovnye podkhody i napravleniya* [Methodology the study of the politics: main approaches and trends]. Moskva: Prometey. 194 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7042-2398-6

Kim, M. N. *Zhanry sovremennoy zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. Available at: https://iknigi.net/avtor-maksim-kim/181981-zhanry-pechatnyh-i-elektronnyh-smi-uchebnik-dlya-vuzov-standart-tretego-pokoleniya-maksim-kim/read/page-1.html (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Kolesnichenko, A. V. *Dlinnyye teksty (longridy) v sovremennoy rossiyskoy presse* [Long texts (longreads) in the modern Russian mass media]. Available at: http://www.media-scope.ru/1691 (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Kopnina, G. A. (2017). *Rechevoye manipulirovaniye: uchebnoye posobiye* [Speech manipulation: textbook]. Moskva: FLINTA: Nauka. 176 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9765-0060-0.

Kormilitsyna, M. A. *Tendentsii izmeneniy v stilisticheskom oblike traditsionnykh zhurnalistskikh zhanrov v sovremennoy presse* [Trends in the stylistic appearance of traditional journalistic genres in the modern press]. Available at: https://zhanry-rechi.sgu.ru/sites/default/files/kormilicyna.pdf (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (1970). Tezisy vozmozhnoy kontseptsii funktsionalnykh stiley [Theses of a possible concept of functional styles]. *Iz opyta prepodavaniya russkogo yazyka nerusskim* [From the experience of teaching Russian to non-Russian], *2:* 8. (In Russ.).

Kroychik, L. E. *Sistema zhurnalistskikh zhanrov* [System of journalistic genres]. Available at: http://evartist.narod.ru/text5/64.htm (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Le J, B. (2017). From printed newspaper to digital newspaper: what has changed? In: *Emerging genres in new media environment.* Palgrave Macmillan. 312 p.

Lyapun, S. V. *Novyye podkhody k klassifikatsii gazetnykh zhanrov v teorii i praktike zhurnalistiki* [New approaches to classification of newspaper genres in the theory and practice of journalism]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-klassifikatsii-gazetnyh-zhanrov-v-teorii-i-praktike-zhurnalistiki (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Malinowski, B. (1923). The problem of meaning in primitive languages. In: *The meaning of meaning*. New York. 296—336.

Miller, C. R. (1984). Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech, 70:* 151–167.

Miller, C. R., Shepherd, D. (2004). Blogging as social action: a genre analysis of the weblog. In: *Genres in the Internet: issues in the theory of genre*. 263—290.

Miller, S. R. (2017). Where do genres come from? In: *Emerging genres in new media environment*. Palgrave Macmillan. 312 p.

Nikonova, E. A. (2020). *Obyektivnaya i subyektivnaya modalnost' v angloyazychnom politicheskom diskurse (na primere analiticheskikh statey i politicheskikh esse). PhD Diss.* [Objective and subjective modality in English-language political discourse (on the example of analytical articles and political essays). PhD Diss.]. Moskva. 204 p. (In Russ.).

Prokofyeva, N. A. *Spetsifika obrashcheniya k faticheskoy rechi v korporativnykh izvestiyakh* [Specifics of addressing the phatic speech in corporate news]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obrascheniya-k-faticheskoy-rechi-v-korporativnyh-izdaniyah (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Pronina, E. E. (2002). *Psikhologiya zhurnalistskogo tvorchestva* [Psychology of journalistic creativity]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 320 p. (In Russ.). ISBN 5211061357

Raspopova, S. S., Bogdan, E. N. (2018). *Feykovyye novosti* [Fake news]. Moskva: Aspekt-Press. 112 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0940-7

Rudenko, A. V. (2012). *Modifikatsiya otsenki v diskurse SMI: kognitivno-pragmaticheskiy aspect. PhD Diss.* [Modification of evaluation in the media discourse. PhD Diss.]. Moskva. 178 p. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2007). Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [Man in the genre space of everyday communication]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moskva: Labirint. 7—38. (In Russ.). ISBN 5876041904.

Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moskva: ITDGK «Gnozis». 326 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0144-9.

Shmeleva, T. V. (1997). Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* [Genres of speech], *1:* 88—98. (In Russ.).

Shustrova, E. N. (2008). Taktika iskazheniya i podmeny informatsii kak sposob osushchestvleniya strategii mistifikatsii [Tactics of distortion and substitution of information as a way to implement the strategy of mystification]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], *1 (1):* 179. (In Russ.).

Slutskiy, P. A. *SMI v epokhu informatsionnoy peregruzki: sotsialnaya funktsiya orientatsii* [Mass media in the era of information overload: social function of orientation]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/smi-v-epohu-informatsionnoy-peregruzki-sotsialnaya-funktsiya-orientatsii (accessed 23.08.2020). (In Russ.).

Solganik, G. Ya. (2010). *Yazyk SMI na sovremennom etape* [The Language of mass media at the present stage]. *MIRS* [MIRS], *2.* Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-na-sovremennom-etape (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Vasilyeva, L. V. *Rol' i funktsii SMI v sovremennom obshchestve* [Role and functions of mass media in modern society]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-smi-v-sovremennom-obschestve (accessed 23.08.2020) (In Russ.).

Vinokur, T. G. (1993). *Govoryashchiy i slushayushchiy* [Speaking and listening]. Moskva: Nauka. 172 p. (In Russ.).

Yakobson, R. O. (1975). Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pros and cons]. Moskva: Progress. 193—230. (In Russ.).

Семёнова Н. В. Грамматическая семантика сложноподчиненного предложения с союзом непосредственного следования *едва* / Н. В. Семёнова, Н. О. Григорьева, Ж. Ю. Полежаева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 98—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111.

Semenova, N. V., Grigorieva, N. O., Polezhaeva, Zh. Yu. (2020). Grammatical Semantics of a Complex Sentence with an Immediate Succession Conjunction “yedva” [hardly]. *Nauchnyi dialog, 11:* 98-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111. (In Russ.).

УДК 811.161.1’367.7
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111

Грамматическая семантика сложноподчиненного предложения с союзом непосредственного следования *едва*

© **Семёнова Наталья Владимировна (2020),** orcid.org/0000-0002-3811-1764, ResearcherID 57192383772, SPIN 7609-1514, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой подготовки, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации»; профессор Высшей школы лингводидактики и перевода, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (Санкт-Петербург, Россия), nvsemenova@mail.ru.

© **Григорьева Надежда Олеговна (2020),** orcid.org/0000-0002-5165-8668, ResearcherID 57194237926, SPIN 2311-7350, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки, доцент кафедры теории языка и русского языка, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), ngreg25@yandex.ru.

© **Полежаева Жанна Юрьевна (2020),** orcid.org/0000-0002-8158-6992, ResearcherID 5719592131, SPIN 1676-1221, кандидат филологических наук, доцент отдела по работе с иностранными студентами, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Кемерово, Россия), zhpolezhaeva@mail.ru.

Изучается вопрос о квалификации значения союзных средств, которые в традиционной грамматике определяются как синтаксические маркеры «непосредственного» или «быстрого» следования, а в части корпусных исследований рассматриваются в качестве коннекторов «непосредственного предшествования». Объектом исследования были выбраны сложноподчиненные предложения с союзом *едва*. Проанализированы типы таксисных отношений, которые выражаются в таких предложениях. Исследование показало, что грамматическая семантика предложений с союзом «непосредственного следования» определяется целым комплексом категориальных признаков, важнейшим из которых является языковое представление времени в событиях. Данный признак — показатель категории временного порядка. Установлено, что рассматриваемые предложения

сигнализируют о «нарушении естественного хода событий», причем маркером такого «сбоя» является союз *едва*. Его семантическая функция, считают авторы, осложняется метасмыслом «преувеличение», что свидетельствует об особой коммуникативной установке говорящего. Актуальность исследования состоит в последовательной функционально-семантической интерпретации грамматических явлений. Такая интерпретация обязательно учитывает сложившуюся грамматическую традицию рассмотрения синтаксических единиц. В контексте современных лингвистических изысканий научная преемственность исследовательских парадигм представляется чрезвычайно важной.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения; грамматика; семантика; союз едва; таксис; временной порядок.

1. Вводные замечания

Объектом предлагаемого анализа являются русские сложноподчиненные предложения (СПП) со значением следования, передающие информацию о быстрой смене событий, или ситуаций, обозначаемых в придаточном и главном предложениях. Напомним, что специальным маркером такого «положения дел» являются однословные и неоднословные союзные средства типа *едва, только, как только, чуть только, едва только, едва лишь* и под., употребляемые в придаточной части, из-за чего, собственно, они и получили в традиционной грамматике наименование союзов «непосредственного» или «быстрого» следования [Русская грамматика, 1980; Дудко, 2007]. Уточняя круг анализируемых явлений, отметим, что мы остановимся только на группе предложений с союзом *едва*. Предметом же особого нашего внимания будет грамматическая семантика, точнее — квалификация актуализируемой в данных предложениях категориальной семантики.

Такая постановка вопроса неслучайна: в последнее время в отечественной научной печати появился ряд работ, в которых ставится под сомнение общее грамматическое значение союзов непосредственного следования: акцент предложено перенести на предшествование, а сами подобные союзные средства рассматривать в качестве коннекторов специфического таксисного значения «контактного предшествования», актуализируемого в СПП. Эта точка зрения была пунктирно намечена в работе «Типология таксисных конструкций» [Типология …, 2009], а затем аргументирована в недавно вышедших статьях М. Е. Кидановой [Киданова, 2017], И. М. Кобозевой [Кобозева, 2019] и др. На наш взгляд, речь в данном случае идет не просто о смене традиционной терминологии, которая была предложена авторами «Русской грамматики» еще в 1980 году, но о смене исследовательских парадигм. С одной стороны, предложенная В. С. Храковским в [Типология …, 2009] шкала таксисных значений, куда так удачно вписываются союзы непосредственного следования, — это теория функциональной грамматики в ее типологическом ответвлении; с другой сторо-

ны, привлекаемый для подтверждения своей концепции И. В. Кобозевой иллюстративный материал — это корпусные и надкорпусные исследования, имеющие выход в чрезвычайно популярную и актуальную сейчас компьютерную лингвистику. И тут возникает вполне резонный вопрос о том, насколько традиционные грамматические изыскания соответствуют новейшим теоретическим направлениям, причем не только на уровне используемого терминологического аппарата, но и на уровне квалификации грамматической семантики языковых явлений. Всегда ли они противоречат друг другу, причем до такой степени, что мы меняем акцент в их трактовке практически до «наоборот»? Поскольку авторы данной статьи специально занимались исследованием категориальных единств, имеющих непосредственное отношение к объекту и предмету настоящего анализа (см., например: [Семенова, 2004; Григорьева, 2013; Semenova et al., 2017]), постольку мы считаем возможным попытаться дать ответ на поставленные вопросы, а также представить свой взгляд на проблему переименования союзов непосредственного, или быстрого, следования в «коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому» [Кобозева, 2019] или средства выражения особого таксисного значения — «контактного предшествования» [Храковский, 2009].

Итак, основная цель исследования — определить категориальную принадлежность значений, актуализаторами которых выступают русские СПП с однословным союзом непосредственного следования *едва*. В качестве дополнительной иллюстрации мы выборочно привлекаем предложения и с неоднословным союзным средством типа *едва только*, *едва лишь*. Основной метод исследования — функционально-семантический. При этом руководствоваться далее мы будем двумя методологическими принципами: 1) при анализе любой семантической функции, любого значения языкового средства, участвующего в актуализации какой-либо функционально-семантической категории, последовательно придерживаться основных положений теории функционально-семантических полей, имеющей длительную традицию разработки и изучения; 2) устанавливая закономерности выражения того или иного значения функционально-семантической категории, входящей в состав поликатегориальных семантических единств, учитывать особенности ее межкатегориального взаимодействия с однопорядковыми функционально-семантическими категориями.

Естественно, что для полноты описания языковых явлений мы будем учитывать достижения и других грамматических концепций, в частности, идею трехаспектности предложения, впервые высказанную Ф. Данешем [Daneš, 1964] и воплощенную на русском синтаксическом материа-

ле В. А. Белошапковой. Как известно, считая трехаспектность организующим началом синтаксической науки, В. А. Белошапкова подчеркивала: «… предложение в понимании современной синтаксической науки — сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта: 1) формальную устроенность, 2) семантическую структуру, 3) коммуникативную устроенность» [Белошапкова, 1977, с. 82—83].

В качестве фактического материала мы используем данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

2. Основные положения

2.1. Грамматическая характеристика СПП с союзом *едва*

В современном русском языке существует довольно разветвленная система союзных средств, участвующих в передаче значения «непосредственного» или «быстрого» следования. Это и многокомпонентные союзы типа *как только, лишь только, едва только, едва лишь*, и однокомпонентные типа *только, лишь, чуть, едва*. Относительно грамматического статуса последней группы имеются расхождения: очень часто их именуют союзными частицами, и такая точка зрения вполне обоснованна, поскольку все эти слова, согласно словарным данным, многозначны, и в качестве одного из значений, а точнее — первого, фиксируются частицами [БТСРЯ, 2004]. Союз *едва*, как, впрочем, и *чуть*, в этой группе несколько выделяется, поскольку образуется на базе не частицы, а наречия. Именно поэтому он, наверное, во многих случаях сохраняет этимологически первичное значение указания на «неполноту обстоятельств проявления действия или признака», которое, хотя и не напрямую, но все же может быть соотнесено с диминутивностью.

Гетерогенный частеречный характер рассматриваемых служебных средств, а также выполняемая ими основная функция — служить средством связи частей предложения — позволяют включать их в класс лингвистических коннекторов [Uryson, 2013; Кобозева, 2019]. А любой коннектор, как известно, служит средством определенной связи. Каков же характер этой связи в СПП с союзом *едва*?

В «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980] предложения с союзом *едва* квалифицируются как имеющие значения быстрого, непосредственного следования описываемых событий при минимальном временном интервале между ними. Но при этом отмечается, что придаточная часть, содержащая союз *едва*, всегда эксплицирует ситуацию, предшествующую той, которая обозначается в главной части СПП. Последовательность частей СПП, как правило, ико-

нически отображает порядок описываемых событий, однако иконичность может быть и не соблюдена, что не мешает, тем не менее, описанию предшествующего события именно в придаточной части. Ср.: ***Едва*** *вертолёт приземлился на мыс Фонтвий, мне сделалось как-то трогательно* (Анна Карабаш. Три дня в Монако // «Домовой», 2002.02.04) [НКРЯ].

Следует отметить, что очень часто коннектор *едва* функционирует при поддержке союза *как* в главной части. Например: ***Едва только*** *записал Нержин этот вывод на клочке бумажки,* ***как*** *его и арестовали* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990) [НКРЯ].

В теории ФСП актуализируемая в данных предложениях семантика определяется как область таксисных отношений разновременности (последовательности), которые схематично можно представить посредством схемы таксисной последовательности (рис. 1). Мы используем в измененном виде схему, предложенную в [Богуславский, 1996; Кобозева, 2019]. Стрелка указывает на ось времени, P_1 — на предшествующую ситуация, P_2 — последующую, а I — на интервал между ними.

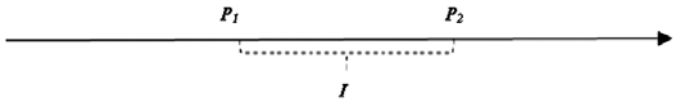


Рис. 1. Схема таксисной последовательности

Интервал I между ситуациями P_1 и P_2 маркируется коннектором *едва* и квалифицируется либо как «нулевой», либо как «минимальный», то есть такой «временной промежуток, величиной которого можно пренебречь» [Богуславский, 1996, с. 52]. Такие трактовки выводят нас на модальный компонент значения *едва*, причем на тот, который относится к области субъективной модальности, подпадающей под сферу проявления модусного плана предложения-высказывания.

2.2. Семантическая и коммуникативная характеристика СПП с союзом *едва*

Актуализация модусных смыслов затрагивает разные параметры предложения-высказывания. Она может существенно влиять на его модальную квалификацию. В этом случае речь идет о метасмыслах, основная функция которых — информация о языке речевого произведения. К таковым, в частности, относится и метасмысл «преувеличение», к показателям которого, но весьма своеобразно, по нашему глубокому убеждению, относится и коннектор *едва*.

Средства выражения метасмысла «преувеличение» в современном русском языке блестяще описала Т. В. Шмелёва, которая отметила: «Тень преувеличения постоянно присутствует в сознании говорящего/пишущего, но эксплицируется он только тогда, когда есть риск преувеличения, и опасения автора, связанные с этим аспектом речевого поведения, приобретают обоснованность. Это случается при выражении относительных оценок, существо которых состоит в “помещении” оцениваемого объекта на аксиологической шкале с отметками, фиксирующими “количества” признака или качества: слегка, в меру, не очень, очень, крайне, слишком, чрезвычайно, чересчур и под.» [Шмелёва, 1998, с. 68]. Подобные оценки рискованны, а «выражаемые ими степени относятся скорее к “градусам” человеческих эмоций, чем к свойству объекта» [Арутюнова, 1983, с. 334]. Иными словами, метасмысл преувеличение получает специальное вербальное выражение в том случае, когда некая относительная, мы бы сказали — естественная, норма с точки зрения говорящего / пишущего в предложении нарушается, количество или качество оказываются слишком преувеличенными, а потому говорящий / пишущий стремится сделать своеобразную оговорку по поводу преувеличения. Особенно отчетливо это, кстати, ощущается в том случае, когда *едва* выступает не в союзном употреблении, а в значении наречия или частицы, ср.: *Это была адская минута моей* ***едва*** *начавшейся светской жизни* (Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь, 2003) [НКРЯ].

Однако и при союзном употреблении *едва* явно будет указывать на преувеличение: на самом деле интервал между следующими друг за другом ситуациями может быть чрезвычайно большим, на что указывает лексическое значение глагола-предиката придаточного предложения. Это ярко демонстрируют примеры, в которых предшествующее действие обозначается фазовым глаголом. Ср.: ***Едва*** *Иван Дмитриевич* ***начал*** *всех подряд* ***расспрашивать*** *об этой парочке из соседнего с Куколевым номера, потянулась все та же бестолковщина: не хромые, не кривые, руки-ноги на месте, у дамы лицо под сеткой* (Леонид Юзефович. Дом свиданий, 2001) [НКРЯ].

«Оговорки по поводу преувеличения», — отмечает Т. В. Шмелёва, — «бывают двух типов: смысл одних — «я преувеличиваю, понимаю это и считаю извинительным / оправданным в данном случае»; других — «я не преувеличиваю, ситуация действительно такова» [Шмелёва, 1998, с. 68]. Соответственно, можно выделить целую парадигму средств, крайние позиции в которой займут единицы, сигнализирующие: 1) об авторской осторожности — таковым будет, по мнению Т. В. Шмелевой, слово *пожалуй*; 2) об авторской, наоборот, решимости — таковым будет слово *буквально*.

Коннектор *едва* будет занимать в этой парадигме не тождественную, но очень близкую позицию к слову *буквально*. Это означает, что говорящий / пишущий, используя союз *едва*, уверен, что он нисколько не преувеличивает. Однако это — его уверенность, его оценка, относящаяся, как и всякая оценка, к модусной рамке предложения-высказывания.

Диктумное же соотношение в СПП с коннектором *едва* однозначно: это последовательные, точнее — разновременные, ситуации P_1 и P_2, осуществляемые через сколько бы он ни был малым, но все-таки существующий временной промежуток *I*. Причем совершенно естественно, что ситуация P_1 предшествует P_2, а P_2 следует за P_1.

Обращение к диктум-модусному устроению предложения неизбежно приводит нас к анализу его пропозитивной структуры и соотнесению понятия «пропозиция» с категориальной семантикой таксиса. В этом плане следует сказать, что изначальная формулировка, предложенная в качестве определения термина *таксис* в теории ФСП, оперировавшая понятием «полипредикативная единица», в свое время была уточнена с учетом положений семантического синтаксиса [Храковский, 2003; Семенова, 2004], и сейчас мы имеем следующее его определение: «Таксис — это функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и, шире, полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n» [Храковский, 2009, с. 866]. Теперь попытаемся ответить на вопрос, влияет ли наличие в полипропозитивной конструкции коннектора *едва*, входящего в орбиту метасмысла «преувеличение», на интерпретацию актуализируемого таксисного значения.

Но прежде зададимся еще одним вопросом: с какой целью говорящий-пишущий вообще вводит оговорки по поводу преувеличения в предложение? Смеем предположить, для того, чтобы отправить определенный сигнал слушающему / читающему о чем-то очень важном, ради чего и создается данное речевое произведение. Принимая это утверждение, мы так или иначе переключаемся на когнитивно-семантический анализ, при котором «во главу угла ставится замысел говорящего, который реализуется в конкретных условиях коммуникативной ситуации на данном шаге развития дискурса в виде той или иной дискурсивной единицы (ДЕ), в нашем случае в виде СП (сложного предложения. — *Н. С., Н. Г., Ж. П.*), описывающего два события, одно из которых непосредственно следовало за другим» [Ко-

бозева, 2019, с. 98]. В этом замысле, добавляет И. М. Кобозева, огромную роль играют «знания типовых сценариев развития событий (скриптов)» [Кобозева, 2019, с. 99].

Отметим, что типовой сценарий для СПП с союзами следования — это смена ситуации P_1 ситуацией P_2, однако особенность предложений с союзами «непосредственного следования», в том числе и *едва*, заключается как раз в том, что они, по нашему мнению, сигнализируют о нарушении этого типового сценария. Коннектор *едва*, обозначая минимальный временной промежуток *I*, предшествующий ситуации P_2, тем самым профилирует саму эту ситуацию (P_2), которая в силу быстрого своего осуществления нарушает естественный ход событий. Неслучайно поэтому в главной части СПП очень часто встречаются лексические показатели типа *вдруг*, *внезапно* и под. Например: *На обратном пути,* ***едва*** *мы вышли из подъезда, я* ***вдруг*** *почувствовал, что за нами следят, и настороженно замер* (Михаил Елизаров. Библиотекарь, 2007) [НКРЯ].

Итак, признавая, что в фокусе внимания в СПП с коннектором *едва* находится именно вторая ситуация, мы должны признать и то, что сам коннектор *едва* в таком случае является маркером особого таксисного отношения. А. В. Бондарко предлагал называть его сукцессивностью, указывая при этом, что речь в данном случае должна идти о включении таксисных конструкций на правах «строительных» элементов в состав категории более высокого ранга — временного порядка.

Термин *сукцессивность* был заимствован А. В. Бондарко из [Galton, 1976, с. 11—12]. Сам же временной порядок был определен им «как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление “времени в событиях”, т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала (на другой день, через пять минут и т. п.)», а структура временного порядка предполагает, по его мнению, «различные комбинации динамичности / статичности. Эта оппозиция строится на основе семантических признаков “возникновение новой ситуации” (ВНС) — “данная ситуация” (ДС) и таксисных признаков сукцессивности / симультанности» [Бондарко, 1996, с. 6—7].

Из приведенных определений видно, что квалификативные характеристики «предшествование» и «следование» по отношению к таксису автор теории ФСП в более поздних работах исключал, отдавая предпочтение таким, как «сукцессивность» и «симультанность». Надо сказать, что соответствующие термины распространены были им и на временной порядок. «Когда речь идет об отношениях сукцессивности / симультанности в от-

дельных предложениях, фактически предметом анализа является прежде всего таксис, — писал А. В. Бондарко. — Однако если учесть, что подобные отношения включаются в структуру целостного текста как элементы различных сочетаний ВНС и ДС, динамичности и статичности, то становится ясным, что анализируемые отношения должны рассматриваться и в связи с проблематикой временного порядка» [Бондарко, 1996, с. 8].

3. Функционально-семантическая характеристика СПП с союзом *едва*

Учитывая сказанное, мы можем заключить следующее.

1) СПП с коннектором *едва* осложняются модусным метасмыслом «преувеличение», который, согласно «замыслу автора», актуализируется в случае акцентирования именно последующего, обладающего наибольшей информативной значимостью, быстро наступающего события.

2) Таксисные ситуации, актуализируемые в подобных сложных предложениях, являются фрагментами функционально-семантической категории временного порядка, а следовательно, должны рассматриваться в более широком контексте.

3) В структуре временного порядка быстро сменяющая ситуация P_2 ситуацию P_1 может быть интерпретирована как элемент «возникновение новой ситуации» (ВНС), причем эта ситуация нарушает естественный ход событий во времени. Она как элемент $ВНС_n$, естественно, может включаться в ряд предыдущих или последующих ВНС, но в любом случае будет свидетельствовать о прекращении «нормального» хода событий. Именно в этом, на наш взгляд, заключается логико-семантическая функция коннектора *едва*, сигнализирующего о чрезвычайно коротком временном интервале I между ситуациями P_1 и P_2. Это легко подтверждается теми же примерами, которые мы приводили выше, но в более широком контексте.

Возникновение новой ситуации, знаменующее собой нарушение естественного хода событий, кстати, может быть интерпретировано как «сбой», «эксцесс», «непредсказуемое событие» и под.

Для наглядности, представим схематично категориальные отношения, которые актуализируются всякий раз, когда говорящий / пишущий использует СПП с коннекторами *едва*. По сути, это схема фрагмента временного порядка (рис. 2).

На схеме (рис. 2) стрелка указывает на ось времени, P_1 — на предшествующую ситуацию, P_2 _ последующую, а I — на интервал между ними. Данные маркеры имеют отношение к сфере таксиса, причем эксплицируют таксисный признак «сукцессивность». ВНС («возникновение новой ситуации») и

ДС («данная ситуация») являются семантическими признаками категории «временной порядок» и обозначают следующие друг за другом события.

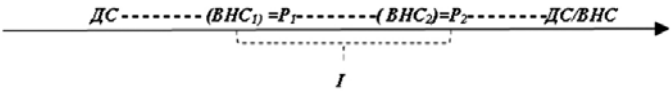


Рис. 2. Таксисная ситуация как фрагмент «временного порядка»

4. Выводы

Итак, проведенный анализ показывает, что грамматическая семантика СПП с союзом непосредственного следования *едва* определяется целым комплексом категориальных признаков. Если строго придерживаться функционально-семантической интерпретации рассматриваемых языковых явлений, то следует признать, что эти СПП выражают особые таксисные отношения сукцессивности, одновременно сигнализируя о проявлении и другой категории — временного порядка. Данная категория являет себя здесь своим особым значением, которое квалифицируется как «нарушение естественного хода событий». При этом именно союзу *едва* отводится роль маркера «сбоя», причем такого, который детерминирован коммуникативной установкой говорящего. Об этом свидетельствует метасмысл «преувеличение», актуализируемый в пропозиции сложного предложения, а точнее — оговорка по поводу такого преувеличения. Возможно, «предрасположенность» к выражению модусных значений союз *едва* сохраняет этимологически, ведь его исходное частеречное (а именно: наречное) тяготеет к диминутивности.

Учитывая данные факты, мы считаем, что нет никакой неточности в том, что союз *едва* в традиционной грамматике именуется «союзом непосредственного (или быстрого) следования», наоборот, новые теоретические концепции как раз подтверждают это тонкое наблюдение авторов «Русской грамматики» [Русская грамматика, 1980]. Коммуникативной сбой, на который указывает союз *едва,* в когнитивной проекции может рассматриваться как акцент именно на последующей, а не на предшествующей ситуации. Период между осуществлением двух ситуаций в этом типе СПП, сколь бы малым он ни был, все равно есть. Им можно, по меткому выражению И. Богуславского, пренебречь, но подобное пренебрежение предполагает кого-то, кто имеет определенную установку на обозначение в речи сверхкраткого временного периода, а это уже относится к области модуса, но никак не диктума. Для таксиса же диктумное соотношение категориально релевантно. Поэтому мы сомневаемся в целесообразности

выделения особого таксисного значения «контактного предшествования» и приписывании союзу *едва* спорной семантической функции.

Актуальность проведенного исследования видится нам в последовательном функционально-семантическом анализе рассматриваемых СПП с учетом всех компонентов его пропозитивной рамки. Особый акцент — в силу специфики выбранного объекта изучения — мы поставили на модусном компоненте и считаем, что подобные исследования имеют определенную научную перспективу. Модусный компонент уникален для каждого языка. В своем исследовании мы пытались показать, насколько он «работает» в русском речевом произведении, но полагаем, что перспектива изучения модусных смыслов и метасмыслов в связи с анализом функционально-семантических категорий и функционально-семантических полей на материале других языков весьма привлекательна. Если не учитывать этот важнейший компонент содержательной структуры предложения, то многие семантические и даже структурные феномены сложных синтаксических единиц останутся за пределами внимания, и грамматическая их характеристика будет неполной.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Сравнительная оценка ситуаций / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. — 1983. — Т. 42, вып. 4. — С. 330—341.

2. *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. — Москва : Высшая школа, 1977. — 278 с.

3. *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. — Москва : Школа Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

4. *Бондарко А. В.* Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — С. 6—21.

5. *Григорьева Н. О.* Конструкции с полифункциональными служебными словами: текстовый потенциал / Н. О. Григорьева // Медиалингвистика. — 2013. — № 2. — С. 134—137.

6. *Дудко Л. Н.* О семантике и особенностях функционирования союзов быстрого следования в современном русском языке / Л. Н. Дудко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2007. — № 3—2. — С. 129—135.

7. *Киданова М. Е.* Корпусное исследование структуры составных коннекторов, выражающих отношение контактного предшествования / М. Е. Киданова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2017. — № 4. — С. 209—221.

8. *Кобозева И.* Коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому / И. Кобозева // Структура коннекторов и методы ее описания / под ред. О. Ю. Иньковой. — Москва : ТОРУС ПРЕСС, 2019. — С. 87—117.

9. *Русская* грамматика : в 2 томах. Т. 2. Синтаксис / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.

10. *Семенова Н. В.* Категория таксиса в современном русском языке : автореферат диссертации … доктора филологических наук / Н. В. Семенова. — Москва, 2004. — 46 с.

11. *Типология* таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. — Москва : Знак, 2009. — 906 с.

12. *Храковский В. С.* Анкета для описания таксисных конструкций / В. С. Храковский // Типология таксисных конструкций. — Москва : Знак, 2009. — С. 865—882.

13. *Храковский В. С.* Категория таксиса (общая характеристика) / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 32—54.

14. Шмелёва Т. В. Средства выражения метасмысла преувеличение / Т. В. Шмелёва // Культура речи : сб. ст. и материалов. — Великий Новгород : Новгор. регион. центр развития образования, 1998. — С. 66—75.

15. *Daneš F.* A Three-Level Approach to Syntax / F. Daneš // Travaux linguistiques de Prague (L'École de Prague d'aujourd'hui). — Prague : Academia, 1964. — P. 225—240.

16. *Galton H.* The main functions of the Slavic verbal aspects / H. Galton. — Skopje : Macedonian Academy of Sciences and Arts Skopje, Univerzitetska pechatnitsa "Kiril i Metodij", 1976. — 310 p.

17. *Semenova N.* The subjective time in a sentence / N. Semenova, N. Grigoryeva // XLinguae Journal. — 2017. — Vol. 10, Iss. 2. — P. 101—111. — DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.09.

18. Uryson E. Conjunctions, Contehtualizers, and Syntah Theory / E. Uryson // Studie z aplikovane lingvistiky = Studies in applied linguisticvs (SALi). — 2013. — № 1. — P. 7—20.

Grammatical Semantics of a Complex Sentence with an Immediate Succession Conjunction "yedva" [hardly]

© **Natalia V. Semenova (2020),** orcid.org/0000-0002-3811-1764, ResearcherID 57192383772, SPIN 7609-1514, Doctor of Philology, Professor, Department of Language Training, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University of Civil Aviation"; Professor, Higher School of Linguodidactics and Translation, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia), nvsemenova@mail.ru.

© **Nadezhda O. Grigorieva (2020),** orcid.org/0000-0002-5165-8668, ResearcherID 57194237926, SPIN 2311-7350, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Language Training, Associate Professor, Department of Theory of Language and Russian Language, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), ngreg25@yandex.ru.

© **Zhanna Yu. Polezhaeva (2020),** orcid.org/0000-0002-8158-6992, ResearcherID 5719592131, SPIN 1676-1221, PhD in Philology, Associate Professor, Department for Work with Foreign Students, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"Kemerovo State Medical University" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Kemerovo, Russia), zhpolezhaeva@mail.ru.

The question of qualifying the meaning of allied means, which in traditional grammar are defined as syntactic markers of "immediate" or "fast" succession, and in the part of corpus studies are considered as connectors of "immediate succession", is studied. Complex sentences with a conjunction "yedva" [hardly] is the object of the study. The types of taxis relations that are expressed in such sentences are analyzed. The research has shown that the grammatical semantics of sentences with the conjunction of "immediate succession" is determined by a whole complex of categorical features, the most important of which is the linguistic representation of time in events. This feature is an indicator of the category of the time order. It was found that the sentences under consideration signal "disturbance of the natural course of events", and the marker of such a "failure" is a conjunction "yedva" [hardly]. The authors believe that its semantic function, is complicated by the meta-meaning "exaggeration", which indicates a special communicative attitude of the speaker. The relevance of the research lies in the consistent functional and semantic interpretation of grammatical phenomena. Such interpretation takes into account the established grammatical tradition of considering syntactic units. In the context of modern linguistic research, the scientific continuity of research paradigms is extremely important.

Key words: complex sentences; grammar; semantics; conjunction hardly; taxis; time order.

Material resources

BTSRYa — Kuznetsova, S. A. (ed.). (2004). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint. 1534 p. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 21.08.2020). (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1983). Sravnitelnaya otsenka situatsiy [Comparative assessment of situations]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Literatura i yazyk* [News of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language], *42 (4):* 330—341. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (1977). *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moskva: Vysshaya shkola. 278 p. (In Russ.).

Boguslavskiy, I. M. (1996). *Sfera deystviya leksicheskikh edinits* [Scope of lexical units]. Moskva: Shkola Yazyki russkoy kultury. 464 p. (In Russ.).

Bondarko, A.V. (1996). Kategoriya vremennogo poryadka i funktsii glagolnykh form vida i vremeni v vyskazyvanii (na materiale russkogo yazyka) [The category of the temporal order and function of the verb forms of the form and tense in the utterance (based on the material of the Russian language)]. In: *Mezhkategorialnye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 6—21. (In Russ.).

Daneš F. (1964). A Three-Level Approach to Syntax. In: *Travaux linguistiques de Prague (L'École de Prague d'aujourd'hui)*. Prague: Academia. 1. 225—240.

Galton, H. (1976). *The main functions of the Slavic verbal aspects.* Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Skopje, Univerzitetska pechatnitsa "Kiril i Metodij". 310 p.

Grigoryeva, N. O. (2013). Konstruktsii s polifunktsionalnymi sluzhebnymi slovami: tekstovyy potentsial [Constructions with polyfunctional service words: text potential]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], *2:* 134—137. (In Russ.).

Dudko, L. N. (2007). O semantike i osobennostyakh funktsionirovaniya soyuzov bystrogo sledovaniya v sovremennom russkom yazyke [On semantics of modern russian conjunctions expressing rapid change of events]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series Philology. Oriental studies. Journalism], *3—2:* 129—135. (In Russ.).

Kidanova, M. E. (2017). Korpusnoye issledovanie struktury sostavnykh konnektorov, vyrazhayushchikh otnoshenie kontaktnogo predshestvovaniya [Corpus study of the structure of composite connectors, denoting the relation of contact precedence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series Philology], *4:* 209—221. (In Russ.).

Khrakovskiy, V. S. (2003). Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika) [Taxis category (general characteristics)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], *2:* 32—54. (In Russ.).

Khrakovskiy, V. S. (2009). Anketa dlya opisaniya taksisnykh konstruktsiy [Form for the description of taxis structures]. In: *Tipologiya taksisnykh konstruktsiy* [Taxis typology]. Moskva: Znak. 865—882.

Khrakovskiy, V. S. (ed.). (2009). Tipologiya taksisnykh konstruktsiy [Taxis typology]. Moskva: Znak. 906 p. (In Russ.).

Kobozeva, I. (2019). Konnektory, vyrazhayushchie otnoshenie neposredstvennogo predshestvovaniya odnogo sobytiya drugomu [Connectors expressing the relationship of immediate precedence of one event to another]. In: *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [Structure of connectors and methods of its description]. Moskva: TORUS PRESS. 87—117. (In Russ.).

Semenova, N. V. (2004). *Kategoriya taksisa v sovremennom russkom yazyke:* author's abstract of Doct. Diss [Taxis category in modern Russian, author's abstract of Doct. Diss]. Moskva. 46 p. (In Russ.).

Semenova, N., Grigoryeva, N. (2017). The subjective time in a sentence. *XLinguae Journal*, *10/2*: 101—111. DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.09.

Shmeleva, T. V. (1998). Sredstva vyrazheniya metasmysla preuvelichenie [Means of expressing metasense exaggeration]. In: *Kultura rechi* [Culture of speech]. Velikiy Novgorod. 66—75. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (eds.). (1980). *Russkaya grammatika. Sintaksis* [Russian grammar. Syntax]. Moskva: Nauka. 2/2. 709 p. (In Russ.).

Uryson, E. (2013). Conjunctions, Contehtualizers, and Syntah Theory. In: *Studie z aplikovane lingvistiky (Studies in applied linguisticvs (SALi)*, *1:* 7—20.

Шулежкова С. Г. Болгаристика вчера, сегодня, завтра (к выходу в свет книги Slawistik. — Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.) / С. Г. Шулежкова, О. В. Михина // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 112—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-112-131.

Shulezhkova, S. G., Mikhina, O. V. (2020). Bulgarian yesterday, today, tomorrow (to the publication of the book Slawistik. —Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.). *Nauchnyi dialog, 11:* 112-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-112-131. (In Russ.).

УДК 81’374.822:81’373.43+811.161.1’374.3+811.163.2’374.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-112-131

Болгаристика вчера, сегодня, завтра (к выходу в свет книги Slawistik. —Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.)[1]

© **Шулежкова Светлана Григорьевна (2020),** orcid.org/0000-0002-0314-6721, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (Магнитогорск, Россия), shulezkova@gmail.com.
© **Михина Ольга Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0002-7223-838X, кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (Магнитогорск, Россия), olga-sinyaeva@yandex.ru.

На фоне достижений болгаристики конца XX — начала XXI веков рассматриваются проблемы, обсуждаемые в 8-м томе книги “Slawistik” (2020) с названием «Лингвистические перспективы болгаристики: состояние — инновации — вызовы». Особое внимание

1 Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

уделяется направлениям научных изысканий болгаристов из разных стран мира. Новизна исследования состоит в том, что тематический выпуск книги оценивается в связи с процессами, которые переживают современный болгарский язык и наука о нём в условиях цифровой цивилизации. Анализ проецируется на достижения болгарской лингвистики, развивающейся после распада СССР и исчезновения соцлагеря в широком контексте лингвистической науки Евросоюза. Авторы статьи исходят из того, что язык народа, насчитывающего около 9 миллионов человек, не может не испытывать мощного влияния языков международного общения. В статье подчёркивается важность обращения болгаристов к общим истокам славянской культуры, налаживания научных и культурных контактов для поддержания национальной самобытности языков славянских народов. Актуальность результатов предложенного анализа обусловлена необходимостью более тесного сотрудничества славистов, в том числе России и Болгарии, с целью всестороннего изучения и поддержки болгарского языка.

Ключевые слова: болгаристика; цифровая цивилизация; Slawistik; болгарский язык; сохранение идентичности.

1. Введение

В самый разгар эпидемии, охватившей нашу планету, в столице Германии был опубликован 8-й том книги “Slawistik”, в которой отражено современное состояние болгаристики и перспективы развития её лингвистической составляющей с учётом имеющихся достижений, инновационных исследовательских подходов и готовности болгаристов, живущих в разных государствах, дать ответ на вызовы времени. Выход в свет этой книги был приурочен к юбилею Гельмута Вильгельма Шаллера, одного из известных немецких лингвистов, профессора, доктора наук, преподавательская и научно-исследовательская деятельность которого лежат в области болгаристики, балканистики, русистики и сопоставительной славистики.

Редактор и инициатор тематической направленности анализируемого тома, доктор наук, научный сотрудник института славистики Гамбургского университета, член комиссии по балканистике при Международном комитете славистов Martin Henzelmann объединил под одной обложкой статьи учёных из разных стран мира (Болгарии, Германии, России, Соединённых Штатов Америки, Украины), пишущих на болгарском, немецком, русском и английском языках. Авторы этого издания пытаются ответить на важные вопросы, связанные либо с историей болгарского языка, либо с его состоянием в новых цивилизационных условиях и с его дальнейшей судьбой. Касается ли исследователь проблемы обновления фразеологического фонда болгарского языка; рассуждает ли о роли заимствований в экономической и финансовой сферах; оценивает ли шансы на сохранение национальной самобытности диалектов болгарских меньшинств, проживающих за рубежом; изучает ли судьбы тюркизмов и нашествие англицизмов; задумывается ли над источниками пополнения молодёжного жаргона, явно или

подспудно каждый из учёных по-своему оценивает процессы, происходящие в современном болгарском языке, и задумывается над будущим этого уникального средства общения, сыгравшего в своё время важнейшую роль в истории духовной культуры всех славянских народов.

Мы попытались оценить вклад 8-го тома периодического издания «Славистика» в современную науку о болгарском языке.

2. Штрихи к состоянию болгаристики конца XX — начала XXI веков

Появление специального тома, посвящённого болгаристике, в Берлине, столице Германии, лидера Евросоюза, не кажется случайным. Язык, один из диалектов которого лёг в основу четвёртого литературного языка средневековой Европы, с момента зарождения сравнительно-исторического языкознания привлекал пристальное внимание не только российских, но и европейских учёных. Сегодня Болгария — один из крупнейших славистических научных центров. Отметим только некоторые из направлений болгаристики новейшего времени, которые свидетельствуют о бережном отношении учёных Болгарии к сохранению национальной самобытности своего национального языка и его истории.

Огромным достижением исторической болгаристики конца XX — начала XXI столетия является издание уникальных памятников болгарской и в целом древней славянской письменности, сопровождающееся квалифицированными научными комментариями и монографическими исследованиями. Настоящей сенсацией для славистики стало открытие Тр. Крыстановым в 1982 году старейшего древнеболгарского рукописного памятника — Ватиканского евангелия X века, опубликованного после сложнейших восстановительных работ в 1996 году [Кръстанов и др., 1996, с. 27—215]. К наиболее значимым результатам деятельности болгарских специалистов в области истории болгарского языка следует отнести трёхтомник, который посвящён реконструкции утраченного Симеонова сборника. Образцом для восстановления этой древнеболгарской рукописи послужил восточнославянский памятник — Святославов изборник 1073 года. Первый том коллективного труда, помимо внушительной исследовательской части [Симеонов сборник, т. 1, 1991, с. 9—190], содержит текст Святославова изборника 1073 года [Там же, с. 193—725]. Во второй том включён словарь Изборника 1073 года [Симеонов сборник, т. 2, 1991, с. 5—219], в котором представлено около 6800 слов в более чем 90 000 употреблений. В третьем томе помещён реконструированный (на основании среднегреческих источников и Святославова изборника 1073 года) Симеонов сборник — «легендарная богословская эн-

циклопедия конца IX — начала X веков из сотен статей, принадлежащих различным авторам, по преимуществу византийским (Василию Великому, Григорию Богослову, Иустину Философу и др.). Историки полагают, что эта книга была создана во время наивысшего расцвета Болгарского государства по велению третьего сына князя Бориса I, царя Симеона (893—927)» [Шулежкова и др., 2018, с. 188]. Не может не вызывать уважения масштабная работа по изданию и научному описанию памятника XVIII века «История славяноболгарская», проводимая учёными Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского под руководством доктора наук М. Кръстевой [Геров препис …, 2012; Рилска преправка …, 2018]. Значительных успехов добились болгарские учёные и в области исторической лексикографии. Двухтомный древнеболгарский словарь [Старобългарски речник, 1999—2009] по праву можно считать лучшим словарём общеславянского литературного языка Средневековья, несмотря на то, что в нём учтены данные только тех памятников, которые были созданы в X—XI веках на территории Болгарии. Успешно работают слависты Софийского университета им. св. Климента Охридского. В рамках проекта «Современная палеославистика и медиавистика», который софинансируется Евросоюзом, они опубликовали 1-ю часть словаря языка патриарха Евтимия, выдающегося болгарского деятеля XIV века [Речник на езика …, 2019], и терминологический словарь Иоанна Экзарха, сподвижника болгарского царя Симеона [Терминологичен речник …, 2019].

Не менее активно развиваются и другие направления болгаристики, которые призваны отразить современное состояние болгарского языка и выявить тенденции его развития в условиях господства над всеми прочими формами общения единой электронной коммуникативной системы. Пожалуй, самыми объективными показателями инноваций, происходящих в национальном языке болгар, исследуемых современными учёными Болгарии, являются лексическая и фразеологическая системы, что отражается в современных словарях. Так, с одной стороны, «Речник на новите думи в българския език (от края XX в. и първото десетилетие на XXI век)» [Пернишка и др., 2010] свидетельствует о невиданном ранее «нашествии» в болгарский язык заимствований, преимущественно англицизмов, прокладывающих дорогу к унификации языка малочисленного народа. С другой стороны, «Речник на народната духовна култура на българите» [Барболова, 2018] свидетельствует о глубинных резервах болгарской народной культуры, отражённой в лексико-фразеологической системе национального языка, которая служит гарантом выживаемости болгарского языка в новых цивилизационных условиях.

3. Лингвистические перспективы болгаристики

Авторы 8-го тома «Славистики», какой бы темы они ни касались, пытаются ответить на вопросы, связанные с судьбами болгарского языка, особенно в условиях цифровой цивилизации, и формулируют задачи, которые сегодня стоят перед болгаристами.

Статьи в книге разбиты на пять блоков. I блок, открывающийся девизом «**Многие лета!**» (“**Ad multos annos**!”), содержит очерк «К 80-летию Гельмута В. Шаллера» (“Zum 80. Geburtstag für Helmut W. Schaller” — S. 11—18). В нём Sigrun Comati подробно описывает жизненный путь и поистине подвижническую деятельность профессора Гельмута Вильгельма Шаллера, долгие годы преподававшего болгарский и другие славянские языки не только в университетах Германии, но и в других высших учебных заведениях Европы. Шаллер является основателем Немецко-Болгарского общества по изучению связей между Германией и Болгарией, автором терминологического словаря древнерусского языка, многочисленных трудов по балканистике и сравнительной грамматике славянских языков, монографий по синтаксису русского языка и, наконец, главное, что нас интересует особо, — цикла работ, посвящённых проблемам болгарского словообразования и тюркским заимствованиям. Представляя юбиляра в очерке строго, с названием точных дат, с указанием выходных данных опубликованных работ, Sigrun Comati пунктуально отмечает все этапы его служебной карьеры, описывает в деталях его многогранную научную и общественную деятельность, избегая при этом хвалебных эпитетов. И перед глазами читателя предстаёт современный учёный, влюблённый в своё дело, неустанный труженик, внёсший неоценимый вклад в болгаристику, русистику, балканистику; одновременно это университетский преподаватель, делающий всё, от него зависящее, чтобы сохранить и поддержать на высоком уровне славистическое образование в университетах Евросоюза, почётное место в которых занимает преподавание болгарского языка.

II блок **«Болгарский язык в прошлом и настоящем»** (“Die **bulgarische Sprache in Vergangenheit und Gegenwart”** — S. 21—57) открывает собственно исследовательскую часть издания. Он содержит две статьи. Первая из них посвящена сопоставительному анализу фразеологических инноваций болгарского и русского языков в условиях глобализации XX — начала XXI века, вторая — трудным случаям перевода на английский язык современных болгарских конструкций с топикализованными дополнениями.

Объектом описания в первой статье (с. 21—38) этого блока не случайно избраны болгарские и русские фразеологические неологизмы. Кардинальные изменения в экономической, политической, культурной и комму-

никативной сферах «ярче всего отразились в лексической и фразеологической системах» (с. 21). Многие из сверхсловных неологизмов, называя новые реалии, становятся «говорящими» приметами своего времени. Под фразеологическим неологизмом в данной работе понимается «преобразованное устойчивое словосочетание, которое активно употребляется носителями языка, но не зафиксировано в традиционных фразеографических изданиях» (с. 22). К сверхсловным неологизмам предлагается относить и значительное число выражений, «существовавших и ранее, но занимавших периферийное положение в языке и ограниченных тогда в своём функционировании определёнными “подъязыками” или подсистемами. Это термины, профессионализмы, сленгизмы, жаргонизмы и т. д.» (с. 23). В статье, с опорой на данные СМИ, Интернета и живой разговорной речи носителей двух родственных славянских языков, представлено около 200 фразеологических неологизмов, различающихся тематически, по сферам происхождения и функционирования, по структурным моделям и семантико-грамматической соотнесённости. Поскольку их анализ проводится в сопоставительном плане, ФЕ-неологизмы поделены на три группы: 1. ФЕ, которые встречаются только в болгарском языке; 2. Русские ФЕ, не имеющие аналогов в болгарском языке; 3. ФЕ, которые имеют соответствия в обоих языках. Несомненный интерес у читателя вызовут страницы, посвящённые всем трём группам сверхсловных неологизмов, поскольку каждая из них отражает своеобразие национального восприятия того нового, с чем сталкивается общество даже в условиях глобализации, при формирующемся едином мировом коммуникативном пространстве. Описывая ФЕ, которые встречаются только в болгарском языке, авторы подчёркивают тесную их связь с жизненными ситуациями, с образным мышлением болгар (*дървена ваканция* — ‘непредусмотренные каникулы из-за холодной погоды и невозможности топить’, *стена плача* — ‘место для важных объявлений’, *посягам на чашката* — ‘кто-л. употребляет алкоголь’ — с. 26); говорят о неслучайности появления в болгарском языке ФЕ-неологизмов с «цветовыми» прилагательными, у которых нет соответствий в других языках; об использовании тюркизмов при образовании ФЕ-неологизмов с негативной коннотацией (*алъш-вериш* —‘спекуляция, сомнительная сделка’, *отбивам мераци* — ‘не выполнять чьих-л. желаний’ — с. 29). Описание русских ФЕ-неологизмов, не имеющих аналогов в болгарском языке, сопровождается существенным замечанием: если сверхсловные единицы, возникшие в политическом дискурсе, могут переходить границы русскоязычного мира, то фразеологизмы жаргонного происхождения, как правило, остаются в рамках русского языка и не заимствуются другими народами (с. 30).

Что же касается ФЕ-неологизмов 3-й группы, то их появление объясняется глобализационными процессами: «Многие социальные процессы являются общими для России и Болгарии, потому и наблюдаются соответствия между новыми ФЕ, рождёнными в обеих странах, несмотря на то, что они теперь входят в разные политические блоки» (с. 31). Напр., (*някой играе*) *любима роля — любимая роль*, *глътка въздух — глоток воздуха, давам на заден ход — дать задний ход, обявавам война на някого — объявить войну кому-л.* и др. Обращает на себя особое внимание один из выводов, сделанных в конце статьи: «Глобализация социальных, политических и культурных процессов, обмен интеллектуальными знаниями и техническими достижениями ведут к взаимопроникновению языковых единиц, к формированию не только сходных, но и общих пластов в языках Европы, в том числе в русском и болгарском языках» (с. 37).

В статье Д. Л. Дайера «По вашей команде: Машинный перевод топикализованных дополнений в болгарском языке» (Donald L. Dyer. “By Your Command: Machine Translation of Topicalized Objects in Bulgarian” — P. 39—57) анализируются различные результаты действий онлайн-переводчиков (компьютерных и машинных), которые осуществляют перевод на английский язык современных болгарских предложений с топикализованными дополнениями, находящимися в нетрадиционных синтаксических позициях. Дело в том, что при отсутствии жёстких правил порядка следования членов предложения и при недостатке формальных показателей, которые позволяют безошибочно отличить подлежащее от прямого дополнения в болгарском языке, информация переводчиками (особенно «машинными») может быть воспринята неправильно. Такое происходит обыкновенно тогда, когда подлежащее и дополнение оформлены одинаково (как членные или как нечленные существительные). Ср., напр., *Детето хапе кучето; Магазините снабдяват предприятията; Чантата донесе жената* и др. Двусмысленность в понимании такого типа предложений при устном общении, в разговорной и диалектной речи, устраняется путём введения постпозитивного добавочного дополнения, выраженного местоимением, которое располагается после основного дополнения, дублируя его (*Детето* ***го*** *хапе кучето; Чантата* ***я*** *донесе жената*). В книжной же речи в таких случаях используется пассивная форма сказуемого (*Последният раздел от сборника* ***е посветен*** *на портрети*). Автор, опираясь на интернет-данные, выявляет группы имён существительных, которые чаще всего сопровождаются топикализованными местоимениями-дополнениями, что должно быть учтено при создании программ для машинного перевода.

III блок **«Этимология, культурное взаимовлияние и языковые контакты» (“Etymologie, Kulturtransfer, Sprachkontakt”** — S. 61—179) содержит четыре работы, касающиеся самых острых проблем болгаристики, связанных с нелёгкой судьбой болгарского народа, пережившего 500-летнее османское иго. Как пишет Т. Каль (Thede Kahl) в статье «Научный и культурный обмен в Османской Болгарии. К вопросу о соседстве и сосуществовании болгар, сефардов и турок» (“Wissens- und Kulturtransfer im osmanischen Bulgarien. Zum Neben- und Mittinfinder von Bulgaren, Sepharden und Türken” — S. 61—78), совместное проживание в Османской империи иудеев, христиан и мусульман обычно воспринимается как конфликтное. Историкам известно, что население огромной Османской империи по религиозным признакам было поделено на общины *правоверных* и *неверных,* а те по тому же признаку объединялись в *миллеты* (христианские, мусульманские, иудаистские). При этом болгары-христиане, будучи причисленными к *неверным*, подвергались жестокой дискриминации. Однако длительное совместное проживание всё же способствовало установлению контактов между болгарами, сефардами и турками. Т. Каль подчёркивает, что естественнее всего взаимное проникновение культурных традиций происходило во всех отраслях торговли и в некоторых ремеслах, в частности в текстильном деле, которое было сосредоточено вокруг Пловдива (S. 66—71). Юго-Восток Европы, пишет Каль, постепенно превратился в «огромный базар», где в роли посредников между ремесленниками, торговцами и властью обычно выступали янычары, в ведении которых (в условиях запрета до XVIII века книгопечатания) была передача новостей. Контакты между сельским населением и властью осуществлялись через сипахов. Связи же между болгарами и иудеями основывались на знакомстве одних с кириллическим письмом, на котором были написаны переведённые солунскими братьями христианские книги, и знакомстве иудеев с древнееврейским письмом, на котором были написаны ветхозаветные тексты. Т. Каль пришёл к справедливому выводу о том, что совместная жизнь иудеев, христиан и мусульман в Османской Болгарии, хотя и была конфликтной, но на неё наложили отпечаток симбиозные отношения, связанные с будничными ситуациями в военной, торговой, хозяйственной и образовательной сферах жизни (S. 75).

Прекрасный образец глубокого этимологического анализа представлен в статье американского лингвиста А. М. Рамера «Сыворотка с собой: Славянское **kъsnъ** и корни ***KUK**’ и ***KWANT** в славянском языке и за его пределами» (Alexis Manaster Ramer. “Whey to Go: Slavic **kъsьnъ** and the Roots ***KUK´** and ***KWAHT** in Slavic and Beyond” — P. 79—124). Пыта-

ясь выяснить этимологию болгарского прилагательного ***късен,*** толкуемого в словарях болгарских авторов как ‘поздний’; ***късна доба*** ‘за полночь’, автор обнаружил массу противоречащих друг другу ответов. И, как уверяет читателей А. М. Рамер, «простая славянская этимология» заставила его “изучить труды Аристотеля и Плиния <…> и исправить ошибки в этой области”» (P. 84). Импульсом к «этимологическому странствию» в поисках происхождения корня болгарского прилагательного ***късен*** послужила странная (и на наш взгляд!) гипотеза болгарского лингвиста А. Тодоровского-Балана, считающего, что это слово образовано «от фразы *къ snunu* ‘ко сну’, которая поменяла последний гласный на *–о* по аналогии с большинством славянских наречий, заканчивающихся на этот гласный, с прилагательным, которое затем обратно формируется из наречия» (P. 86). Автор заключает: «Это могло бы объяснить значение ‘поздний’ (основное в современных южнославянских языках), но не значения ‘вялый’, ‘ленивый’, ‘медленный’ (которые по праву являются более старыми как с точки зрения старославянских свидетельств, так и современного географического распределения)» (Там же). Наиболее убедительной Рамер считает самую старую теорию, которая соотносит слово *късен* с такими балтийскими словами, как «литовское kùšlas, kušlùs (диал.) ‘занавеска, щит’ (blind если прил. ‘слепой’, ‘тупой’), ‘слабый’, ‘раскисший’ (weak о растениях), ‘маленький’ (small)’, латышское kusls ‘густой’, ‘жёсткий’, ‘плотный’ (stiff), ‘маленький’ (small), ‘слабый’ (weak)’, старо-прусское ucka-kuslaisin (acc.) ‘den schwächsten’» (Там же). Во всех этих случаях Рамер считает исконным корень **kuk-* или *KUKH-*. И с этим его выводом трудно не согласиться.

В статье доктора филологических наук, научного сотрудника Института болгарского языка имени профессора Любомира Андрейчина Болгарской академии наук Зои Барболовой «Умалителни съществителни от турски произход в българския език» (с. 125—153) поднимается проблема освоения тюркизмов болгарским языком сквозь словообразовательную призму. Поражает в этой работе масштабность охвата исследуемого материала и необычный взгляд на сам процесс адаптации заимствований. Автор начинает свою статью характерным замечанием: «Склонность к усиленному употреблению уменьшительных имён — одна из характерных особенностей болгарского языка в сравнении с другими славянскими языками. В диалектах они используются ещё более широко» (с. 125). В доказательство Барболова приводит болгарские производные слова, которые называют очень маленькие предметы (*столче, книжка*), органы (*ръчичка, краче*), места (*уличка, магазинче*), географические объекты (*рекичка*, *горичка, езерце*), явления, характеризующиеся слабой интенсивностью (*ве-*

трец, дъждец), абстрактные понятия (*щастице, успехче*) и т. д. Когда же подобные производные слова имеют отношение к людям, животным или растениям, замечает исследовательница, то, помимо семы ‘маленький’, они могут включать в свою семантическую структуру и сему ‘молодой’ (*инженерче, агънче, дръвче*). Некоторые из уменьшительных имён могут обозначать: а) часть от чего-то целого (<*малко*> *хлебец*, в отличие от *хлебче*), б) маленькое количество от чего-л. — металла, жидкости, продуктов (<*малко*> *железце, солчица*, *млекце, супичка*). Автор подчёркивает, что и те, и другие уменьшительные имена часто эмоционально окрашены, обыкновенно выражают положительное отношение к денотату — с некоторой долей умиления, ласкательности, нежности, и сравнительно редко через них передаётся негативное отношение — сожаление, пренебрежение, ирония: <*горкият*> чловечец, *професорче, решенийце, проблемче* (с. 125).

Но речь в статье идёт, прежде всего, о словообразовательных процессах, в которые вовлекаются имена существительные *османского* происхождения. По своему происхождению эти заимствования относятся к разным языковым семьям: собственно тюркской (турецкий язык), семитской (арабский), индоевропейской (иранский, греческий, итальянский языки), но попали они в болгарский язык через османско-турецкое посредство. В современной болгаристике такие заимствования принято называть *турцизмами*, или *османизмами*, а в русистике — *тюркизмами*. Поскольку основы у таких уменьшительных имён «чужие», а суффиксы «домашние», Барболова называет их *гибридными.* Значительная часть *турецко-болгарских гибридов*, пишет З. Барболова, — это *уменьшительные имена существительные*, образованные с помощью многочисленных «домашних» суффиксов (с. 126). Проблема образования уменьшительных имён, замечает автор статьи, в турецкой лингвистике не поднималась, потому что суффиксы уменьшительности в турецком языке характерны не для существительных, а для других частей речи, прежде всего — для прилагательных. Между тем в болгарском языке уменьшительных имён гибридного типа, образованных от основ османского происхождения, величайшее множество, и встречаются они во всяких тематических группах, особенно связанных с бытом. Барболова обращает особое внимание на то, что при отсутствии рода у заимствованных слов-«турцизмов», болгарский язык, осваивая их, подчиняет уменьшительные имена своей грамматической категории рода. Далее в статье рассматриваются гибридные уменьшительные имена мужского рода (с. 130—132), женского рода (с. 132—138) и среднего рода (с. 138—146) с их специфическими «домашними» суффиксами. Заканчивается анализ гибридных уменьшительных имён рассмотре-

нием «конкуренции» между деминутативными суффиксами» (с. 146—149) и характеристикой словообразовательных гнёзд (с. 149—151). Очень убедительными выглядят выводы этой блестящей статьи: «Всички умалителни формации с турска основа разкриват от една страна степента на адаптиране на първичните заемки, на тяхното усвояване в български език, от друга — възможността на турцизмите-османизми да се подчиняват на законите на българското словообразване, а от трета — активната употреба на умалителните и хипокористични имена като една от особеностите българския език. Това обяснава и едно от обстоятелствата, поради които много от турцизмите се възприемат като домашни. Без съмнение изключително добре развитата категория умалителност е свързана с менталността и душевността на българите, което е обект на други изследвания».

Завершается 3-й блок статьёй М. Хенцельманна «Гибридность и заимствования в болгарском языке» (Martin Henzelmann. “Hybridität und Lehnelemente im Bulgarischen” — S. 155—179). Статья чётко структурирована. Во вводной части автор доказывает необходимость изучения гибридных структур в силу того, что они играют важную роль в болгарском языке. В основе гибридности, справедливо считает автор, как и в основе заимствований, лежат языковые контакты, а потому своё внимание Хенцельманн решил сосредоточить на гибридных структурах, возникших в болгарском языке в результате контактов с русским, французским и турецким языками. Он не воспринимает явление гибридности негативно, ибо сомневается в том, что язык может функционировать «абсолютно пуристически», и считает необходимым исследовать механизмы, вызывающие гибридность, и оценить её результаты с точки зрения стилистической и функциональной. В части второй статьи Хенцельманн предполагает, что характер гибридных производных зависит от степени близости контактирующих языков, от геополитических отношений между народами — их носителями и их временной протяжённости, а также от места в этих контактах факторов культуры и образования. Автор перечисляет пять различных типов гибридности, обнаруженных в болгарском языке:

1) заимствованные слова, которые интегрируются в морфологическую систему без изменений;

2) заимствованные слова, проникшие в болгарский язык благодаря языку-донору, взявшему на себя роль посредника;

3) слова с иностранными корневыми морфемами, получающие болгарские или славянские суффиксы;

4) слова с болгарскими или славянскими корневыми морфемами, получающие заимствованные суффиксы;

5) слова с иностранными корневыми морфемами, получающие заимствованные суффиксы (S. 157—158).

Затем следует анализ гибридов, возникших в результате контактов с основными языками-донорами: русским (S. 158—161), французским (S. 161—165), турецким (S. 165—170). Каждый из этих трёх фрагментов заканчивается кратким резюме. Обнаружив в болгарском языке все пять типов русско-болгарской гибриднсти, Хенцельманн поддержал точку зрения болгаристов, которые признают интенсивное многолетнее русское влияние на нормирование болгарского языка. Высоко оценив русский язык в роли посредника мировой культуры, Хенцельманн заключает: "… ist das Russische zweifelsfrei eine der wichtigsten Generatoren zur Modernisierung der bulgarischen Sprache, ihrer Anpassung an gegenwärtige Gesellschaftstendenzen und an soziopolitische Neuerungen…".

Что касается французского языка, М. Хенцельманн считает его существенным генератором модернизации болгарского языка. Его влияние, по мнению автора статьи, начинается с момента обретения Болгарией государственной независимости от османского ига. Основные сферы, в которых французский язык интенсивно обогащает болгарский, — образование и культура. Особое внимание в статье уделяется интернационализмам, а также заимствованиям из латинского и итальянского языков, которые попали в болгарский язык благодаря французскому языку как посреднику.

О том, как много турецких слов и болгарско-турецких гибридов содержится в современном болгарском языке, написано немало. Потому обратим внимание читателя на два очень важных положения из статьи Хенцельмана. Первое связано с волнообразными процессами, которыми сопровождались многовековые контакты турецкого и болгарского языков. Волей-неволей болгары осваивали османизмы / тюркизмы и создавали на их основе гибридные формы. Освобождение от османского гнёта повлекло за собой замену тюркизмов русизмами. Однако в новое время турецкий язык стал играть важную роль в качестве языка-посредника не только потому, что он импортирует знания и культуру из граничащего с ним персидского и арабского языкового пространства, но и потому, что открывается в своей модернизирующей фазе западноевропейским влияниям. И оба эти течения «оседают» на лексической составляющей болгарского языка (S. 169). В конце статьи Хенцельманн кратко характеризует новые политические и общественно-динамические процессы, которые оказывают влияние на языковую реальность Болгарии в связи с её вступлением в Евросоюз.

Два последних блока (IV. "Studien zum Banater Bolgarischen", V. "Das Bulgarische in der Ukraine") роднит объект исследования: авторы всех ста-

тей описывают состояние болгарских диалектов, носители которых компактно проживают как национальные меньшинства вне Болгарии. Доцент Института славистики Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Болгария) Маринелла Младенова, анализируя судьбу книжной культуры банатского меньшинства (с. 183—214), начало которой было положено в 1866 году, поднимает одну из важнейших проблем диалектологии — проблему нормы и её динамики в книжных микроязыках, оказавшихся в новых цивилизационных условиях. Изучив письменные источники и записи устной речи банатов / банатчан, проживающих в Румынии, исследовательница убедилась, что язык банатских болгар, соседствующих с сербами и румынами, не остаётся изолированным от глобальных процессов. Интернет-коммуникация открывает новые возможности для «оживления» микроязыка через прямое общение говорящих на нём в глобальной сети, а контакты между живой речью и письменным языком могут привести к складыванию новых речевых норм.

Очень важный вопрос поставил германский славист, доктор наук, профессор Клаус Штайнке в статье «Болгарские банатчане под знаком глобализации и Интернета (Как маленькое, изолированное языковое сообщество отвечает на вызовы времени)» (Klaus Steinke. “Das Banater Bulgarische im Zeichen von Globalisierung und Internet (Wie eine kleine, isolierte Sprachgemeinschaft den Herausforderungen der Zeit begegnet)” — S. 216—233). Когда автор в 2004 году посетил Банат (область, которую в XVII—XVIII веках заселили болгары, бежавшие от произвола османцев), он, к своему удивлению, обнаружил банатчан, по-прежнему говорящих на своём родном диалекте, хотя этнографы конца XIX — начала XX столетия предсказывали его исчезновение. Оказалось, что, несмотря на былые запреты вести обучение в школах на болгарско-банатском языке, на стремление молодёжи уезжать в города, на процессы интернационализации, банатчане сохранили даже свою письменность. Конечно, как отмечает Штайнке, болгарские банатчане не без последствий переживают удары глобализации и Интернета, засилье заимствований в письменном языке, в публицистике и иных официальных сферах. Но всё же, если вопрос поставить о потенциальных угрозах со стороны глобализации и Интернета, то, как утверждает Штайнке, они для банатского диалекта не страшнее, чем для всех других языков мира, кроме английского.

Работы V блока «**Болгарский язык в Украине**» (“**Das Bolgarische in der Ukraine**” — S. 237—334) написаны в лучших традициях славянской диалектологии. Доктор наук, преподаватель Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского Иван Г. Илиев в статье «За происхода на на-

селението в селата Лощиновка и Суворово (Украинска Бесарабия) и за техните говори» проводит филигранный историко-лингвистический анализ многообразных источников, прежде всего — диалектных данных (фонетических, грамматических, лексических), и убедительно доказывает, что в сёлах Суворово (Шикирлик), Лощиновка (Кайраклия) и Измайлово говорят на наречиях, которые представляют собой в сущности разновидности одного и того же диалекта, сохранившегося в селе Маломиче (Хамбарлий) почти в нетронутом виде (с. 238). Украинский болгарист, заведующая кафедрой болгарской филологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова Валентина О. Колесник завершает анализируемый том статьёй «Диагностирующие черты болгарских переселенческих говоров в Украине (ольшанский, чушмелийский и чийшийский тип говоров)» (с. 301—334). Статья начинается кратким очерком истории заселения болгар в Северное Причерноморье и истории изучения болгарских переселенческих говоров. Детальный всесторонний анализ болгарских переселенческих говоров, носители которых переселились в Бессарабию преимущественно из северо-восточной Болгарии, показал, что «в отрыве от метрополии переселенческие говоры <…> развиваются “по новым правилам”» (с. 329). Происходит их «дебалканизация». «В результате интерференции первыми распадаются исторически наиболее поздно сформировавшиеся категории, каковой, например, является артикль в болгарском языке — одна из отличительных черт болгарского языка на фоне других славянских» (Там же). В. О. Колесник пишет, что все переселенческие говоры испытали огромное влияние русского и украинского языков, но при этом не произошло «слияния или смешения разных диалектов… Исследуемые говоры представляют собой не конгломерат различных говоров, так называемое койне, а разные говоры, отличающиеся, в основном, фонетическими и лексическими особенностями: носители говора прочно сохраняют диалектные черты материкового говора прошлого века» (с. 331). Автор вполне справедливо объясняет это компактным проживанием переселенцев и патриархальным укладом сельской культуры.

4. Заключение

Краткая характеристика достижений науки о болгарском языке конца XX — начала XXI столетия, а также знакомство со статьями, опубликованными в 8-м томе рецензируемого издания, свидетельствуют о том, что Болгария является одним из крупнейших центров славистики, а болгаристика представляет собой многогранное, живое, активно развивающееся её ответвление, объединяющее учёных из разных стран мира.

В последние четыре десятилетия болгарские учёные добились значительных успехов в областях, связанных с введением в научный оборот через открытие, издание и историко-лингвистическое описание древнейших славянских памятников. Ими реализованы масштабные лексикографические проекты, отражающие динамику развития болгарского языка от времени создания письменности до наших дней.

В специальном выпуске общеевропейского издания учёные не только Болгарии, но и Германии, России, Соединённых Штатов Америки и Украины в своих статьях затрагивают самые острые проблемы, касающиеся прошлого болгарского языка, его современного состояния и его будущего. Изучив содержание статей, написанных авторами книги на основании исследования богатейшего языкового материала, можно сформулировать основные проблемы, которые в них прямо или косвенно затрагиваются. Это 1) отражение в болгарском языке трагического прошлого народа, его носителя, особенно пятивекового оттоманского гнёта; 2) формирование нормы болгарского языка после освобождения Болгарии от турецкого ига; 3) судьба диалектов болгарских меньшинств, оказавшихся вне пределов Болгарии; 4) инновационные процессы в современном болгарском языке и; перспективы болгарского языка в условиях глобализации.

Выводы, которые можно сделать на основании полученных авторами результатов, представляются нам достаточно позитивными.

1) Несмотря на запрет обучения детей на болгарском языке, отсутствие книгопечатания, на различные ограничения в использовании родной речи во времена турецкого ига, болгарский язык выжил. А многочисленные тюркизмы, которые не могли не проникнуть в язык порабощенного народа, были «одомашнены» болгарской словообразовательной и грамматической системами, что доказывается обилием гибридных форм, уже не воспринимаемых болгарами как чужеродные. Кроме того, немало тюркизмов болгары используют в качестве компонентов в составе шутливых, ироничных фразеологизмов.

2) Приобретя в XIX веке после русско-турецких войн государственную независимость, Болгария получила возможность развивать свою национальную культуру, и нормирование болгарского литературного языка происходило в значительной степени под влиянием русского языка.

3) Диалекты, на которых говорили беженцы из Болгарии, опасавшиеся расправы со стороны турок и осевшие в соседних странах, несмотря на пессимистические предсказания учёных конца XIX — начала XX века, сохранились до наших дней. Интернет и социальные сети активизировали общение на диалектах. Сельский образ жизни, религиозные и культурные

традиции служат в болгарских диаспорах своеобразной опорой для сохранения национальной идентичности, и прежде всего — родного языка.

4) Современный болгарский язык, как и другие национальные языки, в условиях цифровой цивилизации подвергается обновлению. Его лексико-фразеологическая система поглощает массу заимствований, особенно из американизированного варианта английского языка. На вопрос о том, грозит ли болгарскому языку в условиях глобализации исчезновение, лингвисты отвечают философски: «Не более чем другим языкам малочисленных народов». От себя добавим: язык, который сумел выжить в условиях 500-летнего порабощения, не исчезнет и в новых цивилизационных условиях, ибо он подпитывается богатейшей национальной культурой. Кроме того, залогом выживания болгарского языка может стать содружество славян, объединённых общей историей и общими культурными истоками.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and NSFB according to the research project number 19-512-18005 “New phraseology in new Europe: Russian and Bulgarian superword neologisms in the modern communicative space” / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии в рамках научного проекта № 19-512-18005 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве».

Литература

1. *Барболова З.* Умалителни съществителни от турски произход в българския език / З. Барболова // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 125—153.

2. *Георгиева С. И.* Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX — начала XXI в.) / С. И. Георгиева, С. Г. Шулежкова // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 21—37.

3. *Геров* препис на «История славянобългарска» / подготовил М. Кръстева. — Пловдив : Паисий Хилендарски, 2012. — 175 с.

4. *Илиев И. Г.* За происхода на населението в селата Лощиновка и Суворово (Украинска Бесарабия) и за техните говори / И. Илиев // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 237—299.

5. *Колесник О.* Диагностирующие черты болгарских переселенческих говоров в Украине (ольшанский, чушмелийский и чийшийский тип говоров) / О. Колесник // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 301—334.

6. *Кръстанов Тр.* Ватиканско евангелие. Старобългарски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. 2502 / Тр. Кръстанов, А.–А. Тотоманова, И. Добрев. — София : МИБАЛ, 1996. — 216 с.

7. *Младенова М.* Проблеми на нормата и нейната динамика при книжовните микроезици (върху примери от банатския български книжовен език) / М. Младенова // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 183—213.

8. *Пернишка Е*. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.) / Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. — София : Наука и изкуство, 2010. — 516 с.

9. *Речник* на езика на патриарх Евтимий / Р. Станков, Т. Славова, А.-М. Тотоманова, А. Димитрова, М. Тотоманова-Панева, В. Шалагин. — София : Св. Климент Охридски, 2019. — 446 с.

10. *Речник* на народната духовна култура на българите / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. — София : Наука и изкуство, 2018. — 504 с.

11. *Рилска* преправка на «История славянобългарска». Рилски манастир, монах Паисий Рилски, 1825 г. / ред. М. Кръстева. — Пловдив : Жанет 45, 2018. — 384 с.

12. *Симеонов* сборник (по Светославия препис от 1073 г.). В 3 т. Т. 2. Речник-индекс / С. Богданова, В. Вълчанов, Ц. Досева, С. Иванов, Цв. Ралева, В. Христова, П. Янева. — София : Българската Академия на науките, 1993. — 220 с.

13. *Симеонов* сборник (по Светославия препис от 1073 г.). В 3 т. Т. 1. Изследвания и текст / Б. Велчева, П. Динеков, К. Иванова, Е. Коцева, К. Куев, Л. Мавродинова, А. Минчева, Р. Павлова. — София : Българската Академия на науките, 1991. — 727 с.

14. *Симеонов* сборник (по Светославия препис от 1073 г.). В 3 т. Т. 3. Гръцки извори / П. Янева и т.н. — София : БАН Проф. Марин Дринов, 2015. — 1243 с.

15. *Старобългарски* речник : в 2 т. / Отгов. ред. Д. И. Иванова-Мирчева. — София : Издателство Валентин Траянов, 1999. — Т. 1. А — Н. — 1028 с.; Т. 2. О — У. — 1326 с.

16. *Терминологичен* речник на Йоан екзарх / под ред. А. Тотоманова, И. Христов. — София : Св. Климент Охридски, 2019. — 254 с.

17. *Шулежкова С. Г.* Размышления над книгой «Симеонов сборник: по Светославия препис от 1073 г. Т. 3: Гръцки извори / гръцки текст и изследване П. Янева; славян. текст прегледан и сверен допълнително: А. Минчева, Цв. Ралева, Ц. Досева, П. Янева. — София : БАН Проф. Марин Дринов, 2015. — 1242 с. / С. Г. Шулежкова, О. В. Михина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2018. — № 4 (62). — С. 187—196.

18. *Comati S.* Zum 80. Geburtstag für Helmut W. Schaller / S. Comati // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 11—18.

19. *Dyer D. L.* By Your Command: Machine Translation of Topicalized Objects in Bulgarian / D. L. Dyer // Slawistik. Band 8. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — P. 39—57.

20. *Henzelmann M*. Hybridität und Lehnelemente im Bulgarischen / M. Henzelmann // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 155—179.

21. *Kahl T.* Wissens- und Kulturtransfer im osmanischen Bulgarien. Zum Neben- und Mittinfinder von Bulgaren, Sepharden und Türken / T. Kahl // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 61—78.

22. *Ramer A. M.* Whey to Go: Slavic къsьnъ and the Roots *KUK´ and *KWAHT in Slavic and Beyond / A. M. Ramer // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — P. 79—124.

23. *Slawistik.* — Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.

24. *Steinke K.* Das Banater Bulgarische im Zeichen von Globalisierung und Internet (Wie eine kleine, isolierte Sprachgemeinschaft den Herausforderungen der Zeit begegnet) / K. Steinke // Slawistik. — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — Band 8. — S. 216—233.

Bulgarian yesterday, today, tomorrow (to the publication of the book Slawistik. —Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.)[1]

© **Svetlana G. Shulezhkova (2020),** orcid.org/0000-0002-0314-6721, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), shulezkova@gmail.com.
© **Olga V. Mikhina (2020),** orcid.org/0000-0002-7223-838X, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), olga-sinyaeva@yandex.ru.

Against the background of the achievements of Bulgarian studies at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the author considers the problems discussed in the 8th volume of the book "Slawistik" (2020) entitled "Linguistic Perspectives of Bulgaria: State — Innovation — Challenges". Particular attention is paid to the areas of scientific research of Bulgarians from around the world. The novelty of the research lies in the fact that the thematic issue of the book is analyzed in connection with the processes that the modern Bulgarian language and the science about it are going through in the digital civilization. The analysis is projected on the achievements of Bulgarian linguistics, developing after the collapse of the USSR and the disappearance of the socialist camp in the broad context of the linguistic science of the European Union. The authors of the article proceed from the fact that the language of the people numbering about 9 million people cannot but experience the powerful influence of the languages of international communication. The importance of turning Bulgarians to the common origins of Slavic culture, establishing scientific and cultural contacts to maintain the national identity of the languages of the Slavic peoples is emphasized in the article. The relevance of the results of the proposed analysis is due to the need for closer cooperation of Slavists, including Russia and Bulgaria, in order to comprehensively study and support the Bulgarian language.

Key words: Bulgarian; digital civilization; Slawistik; Bulgarian language; preservation of identity.

References

Barbolova, Z. (2020). Umalitelni sushchestvitelni ot turski proizkhod v blgarskiya ezik [Diminutive nouns of Turkish origin in the Bulgarian language]. In: S*lawistik*, 8. Berlin: Frank & Timme GmbH. 125—153. (In Bolgar.).

1 The work was carried out within the framework of the scientific project No. 19-51218005\19 "New phraseology in new Europe: Russian and Bulgarian superword neologisms in the modern communicative space", which received support from the RFBR and the National Science Foundation of Bulgaria.

Barbolova, Z. et al. (2018). *Rechnik na narodnata dukhovna kultura na blgarite* [Dictionary of the folk spiritual culture of the Bulgarians]. Sofiya: Nauka i izkustvo. 504 p. (In Bolgar.).

Bogdanova, S. et al. (1993). *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.), 3/2. Rechnik-indeks* [Simeon's collection (according to Svetoslav's transcript from 1073), 3/2. Index dictionary]. Sofiya: Bolgarskata Akademiya na naukite. 220 p. (In Bolgar.).

Comati, S. (2020). *Zum 80. Geburtstag für Helmut W. Schaller* In: *Slawistik, 8*. Berlin: Frank & Timme GmbH. 11—18. (In Germ.).

Dyer, D. L. (2020). By Your Command: Machine Translation of Topicalized Objects in Bulgaria. In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 39—57.

Georgieva, S. I., Shulezhkova, S. G. (2020). Frazeologicheskiye innovatsii bolgarskogo i russkogo yazykov v usloviyakh globalizatsii (XX — nachala XXI v.) [Phraseological innovations of the Bulgarian and Russian languages in the context of globalization (XX — early XXI century)]. In: *Slawistik, 8*. Berlin: Frank & Timme GmbH. 21—37. (In Russ.).

Henzelmann, M. (2020). Hybridität und Lehnelemente im Bulgarischen. In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 155—179. (In Germ.).

Henzelmann, M. (Hg.). (2020). *Slawistik, 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik*. Berlin: Frank & Timme GmbH. 342 p. (In Germ.).

Iliev, I. G. (2020). Za proiskhoda na naselenieto v selata Loshchinovka i Suvorovo (Ukrainska Besarabiya) i za tekhnite govori [About the origin of the population in the villages of Loshchinovka and Suvorovo (Ukrainian Bessarabia) and their speeches]. In: *Slawistik,* 8. Berlin: Frank & Timme GmbH. 237—299. (In Russ.).

Ivanova-Mircheva, D. I. (ed.). (1999). *Starobolgarski rechnik* [Old Bulgarian dictionary], *2*. Sofiya: Izdatelstvo Valentin Trayanov. (In Bolgar.).

Kahl, T. (2020). Wissens- und Kulturtransfer im osmanischen Bulgarien. Zum Neben- und Mittinfinder von Bulgaren, Sepharden und Türken. In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 61—78. (In Germ.).

Kolesnik, O. (2020). Diagnostiruyushchie cherty bolgarskikh pereselencheskikh govorov v Ukraine (olshanskiy, chushmeliyskiy i chiyshiyskiy tip govorov) [Diagnostic features of Bulgarian immigration dialects in Ukraine (Olshansky, Chushmeli and Chiishi dialects)]. In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 301—334. (In Russ.).

Kristanov, Tr., Totomanova, A.–A., Dobrev, I. (1996). *Vatikansko evangelie. Starobolgarski aprakos ot X v. v palimpsesten kodeks Vat. 2502* [Vatican Gospel. Old Bulgarian aprakos from the 10th century in the palimpsest codex Vat. 2502]. Sofiya: MIBAL. 216 p. (In Russ.).

Krsteva, M. (ed.). (2012). *Gerov prepis na «Istoriya slavyanobolgarska»* [Gerov's transcript of «Slavo-Bulgarian History»]. Plovdiv: Paisiy Khilendarski. 175 p. (In Bolgar.).

Krsteva, M. (ed.). (2018). *Rilska prepravka na «Istoriya slavyanobolgarska». Rilski manastir, monakh Paisiy Rilski, 1825 g.* [Rila remake of «Slavo-Bulgarian History». Rila Monastery, monk Paisii Rilski, 1825]. Plovdiv: Zhanet 45. 384 p. (In Bolgar.).

Mladenova, M. (2020). Problemi na normata i neynata dinamika pri knizhovnite mikroezitsi (v"rkhu primeri ot banatskiya b"lgarski knizhoven ezik) [Problems of the

norm and its dynamics in literary microlanguages (on examples from the Banat Bulgarian literary language)] In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 183—213. (In Bolgar.).

Pernishka, E., Blagoeva, D., Kolkovska, S. (2010). *Rechnik na novite dumi v bolgarskiya ezik (ot kraya na XX i pervoto desetiletie na XXI v.)* [Dictionary of the new words in the Bulgarian language (from the end of the XX and the first decade of the XXI century)]. Sofiya: Nauka i izkustvo. 516 p. (In Bolgar.).

Ramer, A. M. (2020). Whey to Go: Slavic къsьnъ and the Roots *KUK´ and *KWAHT in Slavic and Beyond. In*: Slawistik, 8*. Berlin: Frank & Timme GmbH. 79—124. (In Germ.).

Shulezhkova, S. G., Mikhina, V. (2018). *Razmyshleniya nad knigoy «Simeonov sbornik: po Svetoslaviya prepis ot 1073 g. T. 3: Grtski izvori / grtski tekst i izsledvane P. Yaneva; slavyan. tekst pregledan i sveren dop"lnitelno: A. Mincheva, Tsv. Raleva, Ts. Doseva, P. Yaneva. Sofiya: BAN Prof. Marin Drinov, 2015. 1242* p. [Reflections on the book "Simeon's collection: on Svetoslav's transcript from 1073. Vol. 3: Greek sources / Greek text and research P. Yaneva; Slavs. text reviewed and verified additionally: A. Mincheva, Tsv. Raleva, Ts. Doseva, P. Yaneva. Sofia: BAS Prof. Marin Drinov, 2015. 1242 p.]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture], *4 (62*). 187—196. (In Russ.).

Stankov, R. et al. (2019). *Rechnik na ezika na patriarkh Evtimiy* [Dictionary of the language of Patriarch Euthymius]. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski. 446 p. (In Bolgar.).

Steinke, K. (2020). Das Banater Bulgarische im Zeichen von Globalisierung und Internet (Wie eine kleine, isolierte Sprachgemeinschaft den Herausforderungen der Zeit begegnet). In: *Slawistik, 8.* Berlin: Frank & Timme GmbH. 216—233. (In Germ.).

Totomanova, A., Khristov, I. (eds.). (2019). *Terminologichen rechnik na Yoan ekzarkh* [Terminological dictionary of John the Exarch]. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski. 254 p. (In Bolgar.).

Velcheva, B. et al. (1991). *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.), 3/1. Izsledvaniya i tekst* [Simeon's collection (according to Svetoslav's transcript from 1073), 3/1. Research and text]. Sofiya: Bolgarskata Akademiya na naukite. 727 p. (In Bolgar.).

Yaneva, P. et al. (2015). *Simeonov sbornik (po Svetoslaviya prepis ot 1073 g.), 3/3. Grotski izvori* [Simeon's collection (according to Svetoslav's transcript from 1073), 3/3. Greek sources]. Sofiya: BAN Prof. Marin Drinov. 1243 p. (In Bolgar.).

Юрьева Н. М. Посреднические речевые действия взрослого в рассказывании истории ребенком : к гипотезе об интерактивной природе повествования в речевой деятельности ребенка / Н. М. Юрьева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 132—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-132-152.

Yurieva, N. M. (2020). Mediating Speech Actions of an Adult in Telling a Story by a Child: Hypothesis about the Interactive Nature of Narration in a Child's Speech Activity. *Nauchnyi dialog, 11:* 132-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-132-152. (In Russ.).

УДК 81'23+81'276.3-053.2+808.56
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-132-152

Посреднические речевые действия взрослого в рассказывании истории ребенком: к гипотезе об интерактивной природе повествования в речевой деятельности ребенка

© **Юрьева Надежда Михайловна (2020),** orcid.org/0000-0001-8537-1713, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), o.yuriev@list.ru.

Рассматривается роль и функциональное назначение высказываний взрослого в рассказывании истории детьми. Актуальность исследования обусловлена следующим: в теории речевого онтогенеза формирование повествования связывается в большей степени с усвоением детьми языковых средств, совершенствованием синтаксиса и синтаксических конструкций, в то время как современная лингвистика подчеркивает важность другой составляющей — когнитивной и рефлексивной стороны этого процесса, определяющей сюжетную сложность, многослойность и цельность рассказываемой истории. Новизна исследования видится в том, что идея о действии интерактивного компонента в рассказывании истории детьми подтверждается новыми эмпирическими данными и получает теоретическое осмысление на основе когнитивно-дискурсивного подхода, разрабатываемого современной наукой. Предпринята попытка расширить представления о влиянии взрослого на рассказывание ребенком истории, выделить разные формы посреднических действий взрослого в ходе этого процесса. Объясняется понятие интерактивного конверсационного нарратива, который трактуется как один из подвидов конверсационного нарратива. Показано, что посреднические действия взрослого через вопросительные высказывания вмешиваются в мыслительную деятельность ребенка, направляя внимание на структуру эпизодов истории, выделение основных характеристик каждого эпизода в соответствии с логикой действий участников в конкретных эпизодах.

Ключевые слова: конверсационный нарратив; рассказывание истории; нарративная компетентность; познавательная событийная структура; нарратив с встроенным конверсационным компонентом.

1. Вступление

Со времен античности устные повествования притягивали мыслителей. Во вступительной статье к переводу трактатов Цицерона М. Л. Гаспаров писал: «Вся культура Древней Греции и Рима <…> в большей степени была культурой устного, а не письменного слова» [Утченко, 1977, с. 12]. До наших дней нарратив в его разнообразных проявлениях как в письменной, так и в устной речи остается важным объектом изучения для гуманитарных наук, в которых подчеркивается ценность нарратива не только для общества в целом, но и для отдельной социальной личности, наделенной дискурсивной способностью, являющейся одной из важнейших способностей человека.

В литературе не раз высказывалась мысль, что в течение жизни у каждого человека формируется способность «описывать факты повседневного опыта» в виде некоторой «вербальной модели понимания реальности», явлений и событий, «включив в нее сущности и утверждения, появляющиеся благодаря лингвистическим комбинациям терминов <…> в осмысленные предложения» [Меркулов, 2000, с. 166], составляющие строительный материал для различных дискурсивных форм. Эта способность относится к дискурсивной и, в том числе, нарративной компетенции, которая проявляется в совсем обычных, казалось бы, умениях человека воспринимать, осмысливать и интерпретировать происходящие в окружающем мире события, излагая свои знания об этих событиях в повествованиях и историях.

Рассказывание историй издавна принадлежит к сфере развлечений, когда, например, блестящий рассказчик делится с окружающими необычными, странными или смешными историями из своей жизни, воспоминаниями о людях, с которыми он был знаком, впечатлениями о путешествиях и т. д. Помимо развлекательной функции, устные истории несут в себе коммуникативную и когнитивно-рефлексивную функции, в первом случае, по словам К. Ажежа, обеспечивая «устную передачу знания в речевом общении» [Ажеж, 2003, с. 69], во-втором — выступая не только в качестве иллюстрации отношения рассказчика к описываемым событиям и истории, о которой он рассказывает, но, что не менее значимо, выступая в качестве вербальной формы, посредством которой «конструируется» и транслируется в звучащей речи передаваемый рассказчиком смысл истории, его личный взгляд на событийный континуум истории [Bruner, 2004, с. 691—710].

Современная лингвистика под влиянием новой научной парадигмы в области знаний о языке и заметным «смещением акцента» на дискурс и говорящего человека [Скребцова, 2018, с. 303], все чаще обращается «к области когнитивно-дискурсивных процессов и механизмов, действующих внутри сложных дискурсивных явлений» [Юрьева, 2020, с. 169], которые

отражают сформированные ментальные представления индивида об окружающем мире и происходящих в нем событиях в ходе дискурсивной деятельности, включающей «когнитивные операции по отбору», вычленению и синтезу «релевантной информации» для ее вербализации «в различных по сложности дискурсивных формах и структурах» [Фурс, 2017, с. 185—190; Юрьева, 2020, с. 169].

В статье речь идет о комплексе внутренних «текстопорождающих механизмов», когнитивных и интерактивных процессов, стягивающих когницию, дискурс и интеракцию в дискурсивное целое в ходе рассказывания ребенком устной истории [Очерки …, 2013, с. 96—137]. Устные истории являются ярким дискурсивным явлением, возникающим в речи ребенка дошкольного возраста, которое характеризует его дискурсивную компетентность, определяемую важными изменениями, отмечаемыми в этот период и в овладении языком, и в познавательных и когнитивных процессах. Эти изменения состоят в когнитивно-дискурсивных сдвигах, происходящих, во-первых, в развитии познавательной деятельности детей: переходе от «созерцательно-поверхностного», «манипулятивного» и разрозненного отражения предметного мира к возникновению через специфические процессы «аналитического расчленения» воспринимаемой действительности в виде «анализа через синтез» [Чуприкова, 2014, с. 172—173] внутренних ментальных репрезентаций сложных «субъектных событий», «когнитивных событийных структур», включающих «репрезентации агента»: действующих участников событий, «их интенции, цели, возможные прогнозы их действий и взаимодействий» [Сергиенко, 2009, с. 136—137]. Во-вторых, так же, как в когнитивной области, подобные сдвиги наблюдаются в освоении детьми родного языка, в развитии речевой деятельности и переходе от изолированного высказывания к порождению сложных текстовых форм, сотканных из «последовательностей» и «микропоследовательностей», образующих, по словам Р. Барта, «тончайшую фактуру повествовательной ткани» [Барт, 2000, с. 213].

2. Изучение рассказывания в педагогике и лингвистике

В отечественной педагогике обучение рассказыванию детей дошкольного возраста является частью образовательной программы, поскольку умения детей рассказывать истории традиционно оцениваются как имеющие безусловное влияние на их успехи в школьном обучении. Устная речь детей и их умение рассказывать истории разрабатывались в аспекте изучения особенностей формирования у детей дошкольного возраста связной речи. В наше время в большинстве исследований устная речь детей

продолжает изучаться с точки зрения усвоения детьми потенциала языка и языковых средств, необходимых для создания повествовательного текста, в основе которого лежит грамматически связная речь. На первый план выступают задачи совершенствования синтаксиса монологической речи и формирования сложных развернутых синтаксических структур. В качестве показателей связности принимаются синтаксическая сторона речи, правильная структура текста и необходимые средства связи между предложениями и частями высказывания [Сохин, 2002, с. 172—173]. По мысли известного психолога и педагога Ф. А. Сохина, «именно освоение связных высказываний особенно важно для старших дошкольников, поскольку в этот период главной задачей является развитие связной монологической речи детей — разных форм рассказывания <…> Основной фонд связной монологической речи составляют сложные синтаксические конструкции — она строится, прежде всего, на их основе» [Сохин, там же, с. 164].

Накопленные педагогикой сведения ценны с позиций демонстрации того, что овладение ребенком связной монологической речью, происходящее, например, при обучении рассказыванию по картине с каким-либо сюжетом, рассказыванию историй с участием живых существ, пересказом сказок и услышанных историй, — это не ограниченный дошкольным периодом длительный и сложнейший психолингвистический процесс, который вбирает в себя не только область языкового развития и освоение детьми отдельными уровнями языковой системы, соответствующими языковыми единицами и структурами, участвующими в построении текста. Помимо синтаксической составляющей, обнаруживается другая составляющая этого процесса, представляющая «фундамент» истории, — ее смысловая основа, то есть когнитивная и рефлексивная сторона развивающейся личности, определяющая сюжетную сложность, многослойность повествовательной «нити» и одновременно цельность рассказываемой истории. Здесь следует вспомнить слова А. М. Шахнаровича, что «между реальной действительностью и отражающим эту действительность языковым выражением находится сознание человека, формирующее когнитивные содержания» [Шахнарович, 1998, с. 56]. Уместно также привести слова Л. Г. Бабенко, которая, отмечая важность «синтагматики дискурса», подчеркивает, что «доминанта дискурсивных связей — семантическое согласование в широком смысле. Все компоненты текста <…> должны быть семантически связаны и соотнесены с глобальным содержанием текста. Именно семантическая связь — фундамент дискурса, она определяет его единство и целостность» [Бабенко, 1999, с. 90].

В области изучения дискурса все больше заметен интерес к взаимосвязи познавательной, речемыслительной и дискурсивной деятельности,

наблюдается смещение внимания исследователей с готового дискурсивного продукта, структуры и грамматики текста на процессы текстопорождения, механизмы, включенные в дискурсивные процессы. Такая постановка проблемы нарратива для лингвистики, по словам Е. В. Падучевой, «ведет к переориентации исследовательской перспективы от внешних языковых форм» [Падучева, 2010, с. 192—414] к текстопорождающей деятельности и ее механизмам, внутреннему миру рассказчика, воспринимающего и осмысляющего происходящие вокруг него события и порождающего тот или иной дискурсивный продукт [Narrative …, 1997].

3. Цель, гипотеза, основная задача, методические принципы, методика эксперимента

Цель статьи — проверить ранее выдвинутую гипотезу о речевых действиях взрослого в нарративном процессе [Yurieva, 2019, p. 390—406] на дискурсивном материале, зафиксированном в эксперименте *в* других экспериментальных условиях: с активной позицией взрослого в ситуации storytelling детей-дошкольников.

По гипотезе, «сама природа устного рассказа как многогранного феномена дискурсивной деятельности человека в речевом онтогенезе выводит на поверхность внутренние механизмы нарративизации, имеющие диалогическую основу в виде диалогических структур, потенциально заложенных в нарратив и необходимых для его создания» [Там же, p. 402]. Мы исходим из того, что возникновение устной истории в речи ребенка обусловлено «целостным процессом развития взаимодействующего когнитивно-дискурсивного комплекса» [Юрьева, 2018, с. 852—855], стягивающего в себе, во-первых, освоение ребенком окружающего мира через осмысление «событийной реальности» с действующими субъектами в конкретном пространстве и времени как «чередования дискретных событий» [Субботский, 2007, с. 28] и, во-вторых, овладение языковыми средствами в их разнообразии и сложности, которые способствуют передаче сформированных представлений о конкретных событиях окружающим людям в форме устной истории.

Основная задача исследования состоит в том, чтобы расширить и конкретизировать наши знания о влиянии речевого опосредствования взрослых на формирование устной истории в речевом онтогенезе через определение в ходе анализа экспериментальных дискурсивных материалов разных форм посреднических действий взрослого.

Методические принципы. Основу исследования составляют: а) основные методологические принципы психологической теории онтогенеза — принципы опосредствования и интериоризации и др. [Асмолов, 1983,

с. 124—126]; б) экспериментально-генетический метод, предполагающий «различение анализа вещи и анализа процесса», «внесение генетической точки зрения» в экспериментальное исследование, что позволяет «экспериментально вызвать известное развитие, которое для современного человека является уже давно законченным процессом» [Выготский, 1983, с. 94—95; Юрьева, 2006, с. 79—84]; в) когнитивно-дискурсивный подход, обращенный к внутренним механизмам, действующим в сфере взаимодействия дискурса, когниции ребенка и его интеракции с окружающими [Болдырев, 2017, с. 20—81; Hausendorf et al., 1992, p. 241—259; Юрьева, 2020].

Методика проведения эксперимента. Исследование проводилось в несколько этапов: первый этап, описанный ранее [Очерки …, 2013, с. 96—136], проходил с использованием материалов **эксперимента 1** по рассказыванию истории детьми-дошкольниками без помощи взрослого [Yurieva, 2019, p. 390—406]. После совместного с взрослым просмотра небольшой книжки без текста с иллюстрациями, в которых отражается законченная цепь эпизодов с участием мальчика и животных, ребенок по просьбе взрослого рассказывал историю без вмешательства взрослого в ход рассказывания.

Ситуация рассказывания истории маленьким ребенком часто возникает в домашней обстановке, где взрослый входит в близкий круг его ежедневного общения. Поэтому рассказывание выступает как часть естественного неформального общения ребенка и взрослого (во время рассматривания иллюстраций в книге, в совместных играх и любой другой совместной деятельности) и, по сути, воспринимается ребенком как обычная совместная деятельность с взрослым. Экспериментально созданные условия для рассказывания истории отличаются от ситуации с рассказыванием в домашней обстановке, поскольку в ситуацию включался экспериментатор, с которым ребенок не был знаком. Такая формальная ситуация является необычной для ребенка-дошкольника, но (в какой-то мере) является типичной для будущей школьной учебной деятельности, где ребенок нередко оказывается в условиях, далеких от домашнего комфортного общения.

В этой статье используется нарративный материал второго этапа и **эксперимента 2**, который повторял первый и проводился с детьми трех — семи лет с участием взрослого, но по условиям его проведения взрослый включался в ситуацию рассказывания и поддерживал нарративную активность ребенка.

Участники: 28 русскоязычных детей от трех до семи лет, посещавшие детский сад г. Москвы, не участвовавшие в эксперименте 1, и один взрослый.

Дискурсивный материал, включающий 28 историй с фрагментами диалога, разделен на три группы: истории, рассказанные детьми младшей, средней, старшей и подготовительной групп детского сада. В младшей возрастной группе (дети 3,3 лет — 4,6 лет) зафиксированы 6 историй; в средней группе (4,5 года — 5,7 лет) — 9 историй; в старшей и подготовительной группах (6 лет — 7 лет) — соответственно 5 и 8 историй.

4. Вклад взрослого в рассказывание истории ребенком

Цель анализа — выявить различные речевые посреднические действия взрослого в ходе рассказывания истории детьми разного дошкольного возраста. Посреднические речевые действия взрослого — это высказывания взрослого, обращенные к ребенку в ситуации продуцирования ребенком истории. Мы полагаем, что посреднические речевые действия взрослого служат для ребенка опорой в осмыслении истории, ее содержательном структурировании, осмыслении последовательности действий и результатов действий участников истории, что в целом предваряет мысленное оформление образа истории и способствует ее репрезентации в повествовательном дискурсе.

Ситуация продуцирования истории ребенком с участием взрослого — это дискурсивная ситуация, участники которой обладают неравными когнитивной, языковой и дискурсивной компетенциями. Особая сложность рассказывания истории для маленького ребенка, на наш взгляд, связана с тем, что у него не сформированы необходимые «когнитивные содержания» истории [Шахнарович, там же]. Но такими «когнитивными содержаниями» обладает взрослый, который стремится передать свой опыт и концептуальные знания через некоторые речевые действия в диалоге с ребенком. В подобной ситуации посреднические действия взрослого предстают как «внутренний (латентный) механизм, выведенный наружу в диалоге ребенка и взрослого» [Yurieva, 2019, p. 402], который создает для ребенка «диалогическую основу» речемышления, опосредуя возникновение и воссоздание в дискурсе представления о сложной многоэпизодной истории [Юрьева, 2020, с. 176]. Таким образом, весь ход рассказывания истории представляет собой интерактивный нарративный процесс, возникающий в диалогической интеракции ребенка и взрослого. Именно поэтому основное внимание в ходе анализа обращено к посредническим высказываниям взрослого, которые обеспечивают совместное осуществление участниками глобальной (общей) цели нарратива, состоящей в том, чтобы рассказать историю о последовательности событий, происходящих с ее героями, в соответствии (как мы полагали) с интуитивным пониманием участниками

рассказывания «базовых звеньев» истории или «супраструктур», способствующих созданию «хорошо сформированных историй» или «хорошей истории [Mandler, 1988, p. 278—281; Labov et al., 1967, p. 12—44].

В конце XX века многие попытки описать структуру историй опирались на «набор базовых звеньев», которые рассматривались в качестве «story schemata» (схемы истории), стоящей «за представлениями о сложной событийной структуре истории» [Hickman, 1995, p. 201; Mandler, 1988, p. 278]. По определению Дж. Мандлер, *«story schemata* — это некоторая когнитивная схема, определяющая восприятие и понимание индивидом реальных ситуаций и событий в обычном мире с типичными каузальными и темпоральными событийными последовательностями. <…> *story schemata* включает некоторый набор представлений нарратора об историях, компонентах, из которых они состоят, и способах связи между компонентами» [Mandler, там же, p. 278—279]. Структурные составляющие истории — это нарративные структуры, включающие секвенционные последовательности, представляющие собой (по К. Бремону) «совокупность устойчивых отношений, в которые вступают друг с другом и с целым произведением отдельные его части» [Бремон, 2000, с. 239]. По мысли Л. Н. Стейн, «хорошая история» имеет некоторую «идеальную упорядоченную форму», которая содержит такие структурные последовательности, как (а) «“ориентировка” (в зарубежной терминологии — setting или orientation) с описанием места, времени происходящих событий, участников истории» и (б) «основной смысловой “эпизод”, состоящий из следующей секвенционной последовательности: начальное событие (Initiating event), дающее начало последующим событиям истории; реакция на него со стороны главного протагониста истории, мотивирующая его к определенным действиям; попытка достигнуть цели (Attempt to reach a goal); следствие и результат действий протагониста» [цит. по: Hickmann, 1995, p. 201]. Результаты исследований в области когнитивной лингвистики с привлечением данных анализа текстов разных жанров, а также материалов, полученных в экспериментах по восприятию, пониманию и порождению историй, позволили исследователям выдвинуть предположение о психологической реальности существования внутренней нарративной структуры, направляющей восприятие и создание историй как взрослыми, так и детьми [Stein et al., 1982, p. 255—281; Красноперова, 2004]. В исследовании И. А. Красноперовой подтверждается идея о существовании «глубинных смысловых», «устойчивых нарративных структур», лежащих «в основе нарративных текстов» [Красноперова, 2004, с. 18]. Автор высказывает мнение, что эти структуры «складывались в процессе эволюции человечества и его коммуникативной

практики <…> Владение данными структурами формирует основу дискурсивной способности языковой личности как важнейшей составляющей его коммуникативной компетенции» [Там же, с. 7].

На наш взгляд, упомянутые исследования объединяет подход к дискурсивному материалу как к «готовому, застывшему» продукту дискурсивной деятельности, когда нарративная структура мыслится, говоря словами Г. К. Косикова, как «самодостаточное целое, не нуждающееся ни в адресате, ни в коммуникативной ситуации, ни в авторе …» [Косиков, 2000, с. 48]. Г. К. Косиков считает, что «сам по себе факт выделения бессознательных структур обладает высокой объяснительной силой». Для структурного направления в нарратологии и последователей В. Проппа и Кл. Леви-Стросса «структура представляет собой исходное основание человеческой деятельности и предельную цель научного анализа <…>» [Там же]. Г. К. Косиков подчеркивает, что «между тем любая структура, во-первых, есть не что иное, как опредметившийся и застывший продукт праксиса, и, во-вторых, является отнюдь не целью, а средством и инструментом создания произведений» [Там же, с. 47—48].

На наш взгляд, для выявления особенностей повествования в речи детей-дошкольников важно иметь в виду процессуальный, растянутый во времени характер возникновения устной истории и тех когнитивно-дискурсивных структур, которые стоят за ее созданием и в том или ином виде запечатлены в ее дискурсивной форме. При этом важная особенность этого дискурсивного явления заключается в участии взрослого в его создании [Юрьева, 2020]. Заметим, что в этой статье в центре внимания находятся высказывания взрослого участника.

Анализ текстового материала проходил по методике, ранее использовавшейся при анализе нарративных материалов эксперимента 1, и включал следующие параметры: а) для каждой истории подсчитывались высказывания взрослого и высказывания ребенка; б) «выделялись регулярные последовательности высказываний взрослого»; в) «определялось функциональное назначение и высказываний взрослого в ходе рассказывания истории» [Yurieva, 2019, p. 397—398; Юрьева, 2020, с. 164].

Следует отметить, что зафиксированные в эксперименте 2 устные истории детей с включением в ход рассказывания высказываний взрослого не вполне подходят под определение *конверсационного нарратива*, принятое в зарубежной науке, где конверсационный нарратив трактуется как дискурсивное «интерактивное целое», в котором воссоздается «реальное событие», участником и «очевидцем которого был ребенок» [Quasthoff, 1997, p. 51—83; Юрьева, 2020, с. 168]. Конверсационный нарратив реали-

зуется в виде «повествовательных паттернов», возникающих «внутри речевого взаимодействия ребенка и взрослого» в ситуациях их естественного общения [Quasthoff, 1997, p. 52; Yurieva, 2019, p. 390—406]. Собранный в эксперименте 2 дискурсивный материал предстает в виде (созданного с участием взрослого в ходе рассказывания истории ребенком) нарратива с встроенным конверсационным компонентом, рассредоточенным по ходу рассказывания истории и включенным в те или иные узловые компоненты нарративной структуры истории.

Отметим также, что выявленные наборы диалогических реплик взрослого рассматривались как знаки-символы, служащие определенным задачам в нарративной интеракции, которые делятся на глобальные нарративные и локальные (эпизодные) задачи. Как оказалось, именно поэтому каждый выделенный набор высказываний взрослого характеризуется высокой степенью семантической и функциональной гомогенности и именно поэтому эти высказывания взрослый повторяет в каждом сеансе взаимодействия с ребенком.

5. Краткое изложение обнаруженных фактов, результаты и дискуссия

Анализ историй проводился по каждой возрастной группе и был сосредоточен на следующих задачах: 1) выделение регулярных высказываний взрослого, которые возникают в ходе рассказывания истории; 2) «определение функционального назначения высказываний взрослого» [Yurieva, 2019, p. 397].

Для решения первой задачи в каждой истории выделялись и подсчитывались высказывания взрослого и ребенка. Количественный диапазон высказываний взрослого в историях: в младшей группе — от 4 до 92 высказываний, что составляет более 60 % текстового материала; в средней группе — от 3 до 57 высказываний — около 50 % текстового материала; в старшей группе — от 5 до 23 высказываний — 20 % текстового материала; в подготовительной группе — от 5 до 37 высказываний — 15 % текстового материала.

Полученные данные отражают динамику участия взрослого в ходе рассказывания детьми истории: эти данные свидетельствуют о преобладании посреднических действий взрослого в рассказывании истории детьми младшей и средней возрастных групп, то есть вплоть до пятилетнего возраста; также зафиксировано значительное снижение участия взрослого в storytelling детей старшей и подготовительных групп.

Для решения второй задачи рассматривались высказывания взрослого в каждой истории.

В младшей возрастной группе (дети 3—4 лет) зафиксированы 6 историй с включением реплик взрослого. После просмотра иллюстраций ребенок начинал рассказывать историю только после просьбы взрослого: *Расскажи, что происходит в этой истории; Теперь попробуй рассказать, какая история произошла*? Каждая история начиналась с обозначения основных участников истории и предстает в виде «скопления» простых высказываний, в которых перечисляется субъектно-предметный ряд, относящийся к первым эпизодам истории [Юрьева, 2020, с. 172]. *Сапоги, стул, ковер, лягушка / А это тапки / А тут еще тапки*. В высказываниях отражается дискретное восприятие ребенком фрагментов изображения, выделение и определение действий героев истории в отдельных эпизодах. *Он ложится спать, а ему собачка все мешает / Мальчик смотрит в дырочку*. *Собака бежит*. Говоря словами В. Шмида, история предстает в виде «аморфной совокупности ситуаций, персонажей и действий» [Шмид, 2003, с. 158].

Для большинства историй характерны следующие особенности:

— как и в эксперименте 1, в историях отмечено включение редких вопросов ребенка, обращенных к взрослому, «которые сопровождают осмысление ребенком отдельных эпизодов истории и относятся к пониманию содержания эпизодов, действий участников, определению предметов и их признаков» [Юрьева, 2020, с. 172]. *Это ..., смотри, что здесь? А это кто? А это что?*;

— включение большого числа вопросов-«ориентиров» взрослого, обращенных к ребенку, направленных на его ориентацию в локальных эпизодах истории с целью выделения участников эпизода, привлечения внимания к их действиям, осознания ребенком результата действий, а также последовательности происходящих действий и установления взаимосвязи эпизодов истории: *Это кто? Собачка? А от кого она убежала? / А вот это кто летит? / А что здесь происходит?*

Интерес представляет тот факт, что б**о**льшая часть подобных вопросов-ориентиров взрослого относится к содержательной проработке каждого эпизода истории, к ориентировке ребенка в эпизодах истории для создания у него представления о цепи событий, происходящих с главными героями. С помощью вопросов-ориентиров взрослый пытается запустить рефлексивные процессы, подводит ребенка к мысленному анализу воспринимаемых эпизодов и созданию представления об истории в целом.

Важно отметить, что вопросы взрослого, обращенные к детям трех — четырех лет, лишь в отдельных случаях связаны с языковыми структурами и средствами. Отмечены единичные случаи введения новых для ребен-

ка номинативных единиц: *Это суслик;* коррекции словарных единиц: Р.*: Мальчик с собачкой хочет вот это достать ... игрушку.* Взр.*: Игрушку, ты думаешь? Это улей, там живут дикие пчелы.*

В средней возрастной группе (дети 4—5 лет) зафиксированы 9 историй с включением реплик взрослого. Истории предстают виде вопросно-ответного диалога по сюжету истории, представленной в иллюстрациях, при этом взрослый выступает инициатором в продвижении ребенка в дискурсивной деятельности.

Высказывания взрослого составили от 3 до 57 высказываний — около 50 % текстового материала. Можно сразу отметить, что участие взрослого в ходе рассказывания истории детьми как младшего, так и среднего возраста характеризуется значительной интенсивностью. Другая особенность состоит в том, что функциональное назначение высказываний взрослого в storytelling детей среднего возраста не претерпевает изменений при сравнении с его речевыми посредническими действиями в младшей группе детей.

Уже с первых высказываний ребенок-рассказчик идет по пути нанизывания номинативных единиц и простых двусоставных предложений, отражающих визуальное восприятие ребенком эпизодов истории. (Протокол 2) *Тут мальчик, тут лягушка, тут собачка / Тут лягушка, тут собака / тут мальчик улыбается.* Именно по этой причине взрослый прибегает к вопросно-ответной тактике, которая вовлекает рассказчика в рефлексивную работу по осмыслению каждого эпизода, по структурированию эпизодов и формированию пропозициональной структуры высказываний, необходимых для возникновения и воссоздания представлений ребенка о каждом эпизоде истории. Эта рефлексивная работа по структурированию эпизодов проводится посредническими действиями взрослого, представленными в виде:

а) высказываний взрослого, побуждающих ребенка к рассказу об истории: *Расскажи, что случилось в этой истории?;*

б) вопросов взрослого, направляющих внимание ребенка на основных участников истории, их действия и результаты действий, закладывающих основу для осмысления ребенком каждого эпизода истории и последовательности происходящих событий, составляющих ее сюжетную канву. *Мальчик спит, а лягушка? Что произошло с лягушкой? / А дальше, что было? А потом? / Как ты думаешь, куда пошел мальчик?* (протокол 4). Отметим, что среди вопросов взрослого преобладает именно эта группа вопросов;

в) вопросов взрослого, направленных на языковое означивание воспринимаемой ситуации, действий, выполняемых участниками истории в конкретном эпизоде, а также «пояснение и означивание незнакомых ре-

бенку предметов» [Юрьева, 2020, с. 174]. *Маленьких лягушек как зовут? / Это нора. Видишь, суслик выглядывает*;

г) «предложение взрослым своего осмысления событийного ряда и смыслового ядра истории» [Юрьева, там же]. *Может быть, они упали в болото?*

В вопросах взрослого усматривается стремление подвести ребенка к осмыслению событийного ряда через выстраивание с ним диалога, направить его внимание на конкретный дискретный фрагмент эпизода с помощью интеррогативных высказываний с глаголами *думать, считать*, а также такой диалогической формы, как вопросно-ответная пара, которая устанавливает «строгую обязанность» ребенка для развития фрагмента и темы истории. (Протокол 4) Р. *Вот пчелы туда летят, а вот это он зовет. Чего он зовет?* Взр. *Как ты думаешь?* Р. *Он, наверно, зовет пчел?* Взр. *Ты думаешь пчел? А кто у них пропал?* Р. *У них пропал … лягушка.* Взр. *Так кого они зовут?* Р. *Лягушку!;*

д) подтверждение целого высказывания ребенка либо повтор его части. Р. *Они упали в речку /* Взр. *В речку. Правильно.*

е) игнорирование некорректного использования ребенком словарных единиц. Р. Здесь *вытащился крот* / здесь *вытащилась (вместо вылетела) сова.*

В нарративной ситуации с детьми младшей и средней возрастных групп взрослый ведет и даже «контролирует» весь ход рассказывания истории, б**о**льшая часть его высказываний представляет собой подготовительный речемыслительный «субстрат», подталкивающий ребенка к вычленению и проработке в основном эпизодов истории — локального пространства, внутри которого происходят действия и развивается сюжетная линия. Можно отметить, что дети не всегда заканчивали историю, поэтому в отдельных случаях взрослый сам завершал рассказ.

В историях детей старшей и подготовительной групп (дети 5—7 лет) зафиксированы соответственно 5 и 8 историй. Данные предыдущего эксперимента свидетельствуют, что в этот возрастной период у детей «наблюдается осмысление целостности сюжета, возникновение смыслового ядра истории, сфокусированность рассказа и его вербального оформления в связную нарративную цепь» [Очерки …, 2013, с. 123]. В этом эксперименте большинство детей самостоятельно рассказывали историю, речевая активность взрослого составила 15—20 % от общего количества высказываний, составляющих текстовый материал. Посреднические действия взрослого несут следующие функции:

а) «обозначение темы истории. *Расскажи мне историю про мальчика, собачку и лягушку»* [Юрьева, 2020, с. 175];

б) направление внимания ребенка с помощью вопросов на выделение действий и результатов действий героев истории в отдельных эпизодах. *Куда залез мальчик? / Куда олень его сбросил?*

в) вопросы, подталкивающие ребенка к развитию сюжета истории, выделению последовательности действий героев истории в каждом эпизоде и взаимосвязи этих действий со следующими эпизодами. *И что потом? / Почему они пошли в лес?;*

г) коррекция взрослым лексических единиц, неадекватно используемых ребенком (ср. эксперимент 1 [Юрьева, 2020, с. 175]). Р. *Ночью, когда мальчик лег спать с собакой, лягушка ускакала /* Взр. *Она выпрыгнула из банки и убежала*;

д) расширение и обогащение знаний ребенка об окружающем мире. Р. *Собака плавать немного умела /* Взр. *Почему немного? Собаки хорошо плавают. Он плывет, видишь?*;

ё) формирование основных компонентов пропозициональной структуры высказывания для ее дополнения и завершения ребенком. Взр. *А за камнем был … /* Р. *а за камнем был олень.*

Следует отметить, что в ходе рассказывания отмечается большое количество вербальных маркеров оценки взрослым рассказываемой ребенком истории и правильности его высказываний. *Да / Конечно / Правильно / Хорошо.*

Результаты анализа свидетельствуют, что реплики взрослого в рассказывании истории детьми старших возрастных групп возникали тогда, когда ребенок испытывал явные затруднения в осмыслении истории, ее эпизодов, действий участников. Посреднические высказывания взрослого возникали через заполнение «разрывов» [Щедровицкий, 2005, с. 460—461] в речемыслительной деятельности детей, экстериоризируя внутренние психолингвистические механизмы, участвующие в порождающем нарративном процессе.

6. Выводы и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Посреднические действия взрослого преобладают в ходе рассказывания истории детьми младшего и среднего дошкольного возраста, значительно уменьшаясь в старших дошкольных группах. Полученные в этом эксперименте данные подтверждают результаты предыдущего эксперимента 1.

2. Бо́льшая часть вопросов взрослого направлена на опорные точки сюжетной канвы истории, способствуя структурации и оречевлению локаль-

ных эпизодов истории, выделению главных героев, их действий и результатов действий, введению возникающих по мере развития истории дополнительных участников, влияющих на достижение главным героем основной цели его действий. Все эти функциональные особенности посреднических действий взрослого свидетельствуют о его стремлении воздействовать на когнитивные возможности ребенка и процессы, происходящие в когнитивной сфере, способствующие формированию когнитивной событийной структуры, которая и определяет возникновение «когнитивного плана истории» [Quasthoff, 1997, p. 64—65], или *«story schemata»* [Mandler, 1988].

3. Хотя использование взрослым речевых посреднических действий определяется его стремлением помочь ребенку рассказать историю, собственно языковые средства не являются целью его посреднических действий. Даже в storytelling детей старшего возраста вопросы взрослого в большей мере направляются на создание у ребенка «смыслового ядра истории» [Юрьева, 2020, с. 95—96], чем на ее дискурсивную форму. Для образования у ребенка дошкольного возраста представления о сложных с несколькими героями многоэпизодных событиях, отмеченных возникновением препятствий и осложнений в ходе достижения главным героем основной цели в истории, «недостаточно чувственного пассивного созерцания» [Люблинская, 1959, с. 318]. Особое значение здесь имеет вычленение основных фрагментов истории и существующих между ними связей, чему и содействует взрослый, обращаясь с вопросами к ребенку.

4. Во взаимодействии с ребенком-рассказчиком взрослый ориентирован на создание у него представления об истории как последовательности взаимосвязанных событий, то есть на осмысление эпизодов и их взаимосвязь, которые предваряют создание осмысленной целостной истории.

5. В целом полученные результаты подтвердили гипотезу об интерактивной природе становления повествования в речевом онтогенезе. Посреднические речевые действия взрослого и выявленные функции высказываний взрослого указывают на внутреннюю связь возникновения фактов рассказывания истории ребенком с диалогом и речевой интеракцией.

Таким образом, основной результат анализа дискурсивных материалов повторного эксперимента, проведенного в измененных экспериментальных условиях, состоит в том, что удалось подтвердить ранее выдвинутую гипотезу и показать, что на дошкольной ступени речевого онтогенеза в ходе рассказывания истории ребенком посреднические речевые действия взрослого через диалогические структуры и соответствующие высказывания входят в мыслительную деятельность ребенка, заполняя и восполняя разрывы в его когнитивной активности, заставляя его рефлексировать, на-

правляя внимание в нужном направлении: на структуру эпизодов истории, отбор и выделение основных характеристик каждого эпизода в соответствии с логикой действий основных героев в конкретных эпизодах. Подобные действия в итоге могут привести, говоря словами В. Шмида, к «смыслопорождающему» результату [Шмид, 2003, с. 158—159], необходимому для связной осмысленной истории.

Литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. — Москва : УРСС, 2003. — 304 с.

2. *Асмолов А. Г.* Основные принципы психологической теории деятельности / А. Г. Асмолов // А. Н. Леонтьев и современная психология : сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. — Москва : Издательство МГУ, 1983. — С. 118—128.

3. *Бабенко Л. Г.* Связность дискурса: типологический аспект / Л. Г. Бабенко // Филология и культура : материалы II Международной конференции, 12—14 мая 1999 г. Ч. 1. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. — С. 90.

4. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 196—238.

5. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. 28. Антропоцентрический характер языка. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. — С. 20—81.

6. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 239—246.

7. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. — Москва : Педагогика, 1983. — 365 с.

8. *Косиков Г. К.* «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). Вступительная статья / Г. К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 3—48.

9. *Красноперова И. А.* Когнитивно-лингвистический анализ устойчивых нарративных структур : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. А. Красноперова. — Ижевск, 2004. — 22 с.

10. *Люблинская А. А.* Очерки психического развития ребенка (ранний и дошкольный возраст) / А. А. Люблинская. — Москва : Просвещение, 1959. — 545 с.

11. *Меркулов И. П.* Формирование «пропозициональной» парадигмы в античной эпистемологии / И. П. Меркулов // Эволюция. Язык. Познание. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 162—220.

12. *Очерки по* синтаксису связной речи / К. Я. Сигал, З. Н. Бакалова, Н. И. Пушина, Н. М. Юрьева. — Москва : Ключ-С, 2013. — 142 с.

13. *Падучева Е. В.* Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.

14. *Сергиенко Е. А.* Принципы дифференциации-интеграции и континуальности-дискретности психического развития / Е. А. Сергиенко // Теория развития. Дифференционно-интеграционная парадигма. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 131—149.

15. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 392 с.

16. *Сохин Ф. А.* Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников / Ф. А. Сохин. — Москва ; Воронеж : МОДЭК, 2002. — 224 с.

17. *Субботский Е. В.* Строящееся сознание / Е. В. Субботский. — Москва : Смысл, 2007. — 423 с.

18. *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима (III—I вв. до н. э.) / С. Л. Утченко. — Москва : Наука, 1977. — 255 с.

19. *Фурс Л. А.* Взаимодействие когниции и коммуникации: новый подход к анализу / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. — Москва — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 185—190.

20. *Шахнарович А. М.* Онтогенез мыслеречедеятельности : семантика и текст / А. М. Шахнарович // Филологические науки. — 1998. — № 1. — С. 56—64.

21. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

22. *Щедровицкий Г. П.* Мышление. Понимание. Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Наследие ММК, 2005. — 798 с.

23. *Чуприкова Н. И.* Дифференционно-интеграционная теория развития как основа решения проблемы соотношения языка и мышления / Н. И. Чуприкова // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 165—190.

24. *Юрьева Н. М.* Вклад взрослого в порождение устного нарратива детьми-дошкольниками / Н. М. Юрьева // Когнитивные исследования языка. Вып. 33: Когнитивные исследования в гуманитарных науках : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 17—18 мая 2018. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Принт-Сервис, 2018. — С. 852—855.

25. *Юрьева Н. М.* Проблемы речевого онтогенеза: производное слово диалог : экспериментальные исследования / Н. М. Юрьева. — Москва : Академия гуманитарных исследований, 2006. — 488 с.

26. *Юрьева Н. М.* Устное повествование в онтогенезе речи : экспериментальное исследование / Н. М. Юрьева. — Москва : Канцлер, 2020. — 192 с.

27. *Bruner J.* Life as narrative / J. Bruner // Social research. — 2004. — Vol. 71, № 3. — P. 691—710.

28. *Hausendorf H.* Patterns of adult — child interaction as a mechanism of discourse acquisition / H. Hausendorf, U. M. Quasthoff // Journal of pragmatics. — 1992. — № 17. — P. 241—259.

29. *Hickman M.* Discourse organization and the development of reference to person, space and time / M. Hickman // Handbook of child language. (ed. P. Fletcher and B. MacWhinney). — Cambridge: Blackwell, 1995. — P. 194—218.

30. *Labow W.* Nattative analysis: Oral versions of personal experience / W. Labow, J. Waletzky // Essays on the verbal and visual arts. — Seattle, London : University of Washington Press, 1967. — P. 12—44.

31. *Mandler J. M.* A code in the node: the use of a story schema in retrieval / J. M. Mandler // Child language. A reader. — New-York : Oxford University Press, 1988. — P. 278—281.

32. *Narrative* development: Six approaches / M. Bamberg (ed.). — New-York ; London : Routledge, 1997. — 278 p.

33. *Quasthoff U. M.* Interactive approach to narrative / U. M. Quasthoff // Narrative development: Six approaches. — New York ; London : Routledge, 1997. — P. 51—83.

34. *Stein N. L.* Children's concepts of time: the development of a story schema / N. L. Stein, C. G. Glenn // The developmental psychology of time (ed. W. Friedman). — New-York : Academic Press, 1982. — P. 255—281.

35. *Yurieva N. M.* Interactive component in Oral Narrative of Preschool Children: on the formulation of hypothesis / N. M. Yurieva // Psycholinguistics. Психолінгвістика. Психолингвистика. — 2019. — № 25 (2). — P. 390—406.

Mediating Speech Actions of an Adult in Telling a Story by a Child: Hypothesis about the Interactive Nature of Narration in a Child's Speech Activity

© **Nadezhda M. Yurieva (2020),** orcid.org/0000-0001-8537-1713, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Experimental Speech Research, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), o.yuriev@list.ru.

The role and functional purpose of the statements of an adult in telling a story by children is considered. The relevance of the study is due to the following: in the theory of speech ontogenesis, the formation of a narrative is associated to a greater extent with the assimilation of linguistic means by children, the improvement of syntax and syntactic structures, while modern linguistics emphasizes the importance of another component — the cognitive and reflective side of this process, which determines the plot complexity, multilayer and the integrity of the story being told. The novelty of the research is seen in the fact that the idea of the action of the interactive component in telling a story by children is confirmed by new empirical data and receives theoretical understanding based on the cognitive-discursive approach developed by modern science. An attempt was made to expand the understanding of the influence of an adult on a child's telling a story, to highlight different forms of mediating actions of an adult in the course of this process. The concept of interactive converting narrative, which is interpreted as one of the subspecies of converting narrative, is explained. It is shown that the mediating actions of an adult through interrogative statements interfere with the child's mental activity, directing attention to the structure of episodes in history, highlighting the main characteristics of each episode in accordance with the logic of the participants' actions in specific episodes.

Key words: converse narrative; storytelling; narrative competence; cognitive event structure; narrative with a built-in conversion component.

References

Azhezh, K. (2003). *Chelovek govoryashchiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnyye nauki* [Talking person. Contribution of linguistics to the humanities]. Moskva: URSS. 304 p. (In Russ.).

Asmolov, A. G. (1983). Osnovnyye printsipy psikhologicheskoy teorii deyatelnosti [Basic principles of the psychological theory of activity]. In: *A. N. Leontyev i sovremennaya psikhologiya* [A. N. Leontiev and modern psychology: collection of articles]. Moskva: Izdatelstvo MGU. 118—128. (In Russ.).

Babenko, L. G. (1999). Svyaznost' diskursa: tipologicheskiy aspekt [The connectedness of discourse: a typological aspect]. In: *Filologiya i kultura* [Philology and Culture]. Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. *1*: 90. (In Russ.).

Bamberg, M. (ed.). (1997). *Narrative development: Six approaches*. New-York; London: Routledge. 278 p.

Bart, R. (2000). Vvedeniye v strukturnyy analiz povestvovatelnykh tekstov [An Introduction to Structural Analysis of Narrative Texts]. In: *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moskva: Progress. 196—238. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2017). Antropotsentricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskie osnovy [Anthropocentric theory of language. Theoretical and methodological foundations]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Antropotsentricheskiy kharakter yazyka* [Cognitive studies of language. Anthropocentric nature of language]. Tambov : Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 28: 20—81. (In Russ.).

Bremon, K. (2000). Strukturnoe izuchenie povestvovatelnykh tekstov posle V. Proppa [Structural study of narrative texts after V. Propp]. In: *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moskva: Progress. 239—246. (In Russ.).

Bruner, J. (2004). Life as narrative. *Social research, 71 (3):* 691—710.

Chuprikova, N. I. (2014). Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya kak osnova resheniya problemy sootnosheniya yazyka i myshleniya [Differential-integration theory of development as a basis for solving the problem of the relationship between language and thinking]. In: *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya* [Differential-integration theory of development]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 26: 165—190. (In Russ.).

Furs, L. A. (2008). Vzaimodeystvie kognitsii i kommunikatsii: novyy podkhod k analizu [The Interaction of Cognition and Communication: A New Approach to Analysis]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Kognitsiya i kommunikatsiya v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Cognitive studies of language. Cognition and Communication in Linguistic Research]. Moskva; Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina. *29*: 185—190. (In Russ.).

Hausendorf, H., Quasthoff, U. M. (1992). Patterns of adult — child interaction as a mechanism of discourse acquisition. *Journal of pragmatics*, *17:* 241—259.

Hickman, M. (1995). Discourse organization and the development of reference to person, space and time. In: *Fletcher, P. MacWhinney, B. (eds.). Handbook of child language*. Cambridge: Blackwell. 194—218.

Kosikov, G. K. (2000). «Struktura» i / ili «tekst» (strategii sovremennoy semiotiki). Vstupitelnaya statyya [“Structure” and / or “text” (strategies of modern semiotics). Introductory article]. In: *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moskva: Progress. 3—48. (In Russ.).

Krasnoperova, I. A. (2004). *Kognitivno-lingvisticheskiy analiz ustoychivykh narrativnykh struktur: author's abstract of PhD Diss.* [Cognitive-linguistic analysis of stable narrative structures, author's abstract of PhD Diss.]. Izhevsk. 22 p. (In Russ.).

Labow, W., Waletzky, J. (1967). Nattative analysis: Oral versions of personal experience. In: *Essays on the verbal and visual arts*. Seattle, London: University of Washington Press. 12—44.

Lyublinskaya, A. A. (1959). *Ocherki psikhicheskogo razvitiya rebenka (ranniy i doshkolnyy vozrast)* [Essays on the mental development of a child (early and preschool age)]. Moskva: Prosveshchenie. 545 p. (In Russ.).

Mandler, J. M. (1988). A code in the node: the use of a story schema in retrieval. In: *Child language. A reader*. New-York: Oxford University Press. 278—281.

Merkulov, I. P. (2000). Formirovanie «propozitsionalnoy» paradigmy v antichnoy epistemologii [Formation of the "propositional" paradigm in ancient epistemology]. In: *Evolyutsiya. Yazyk. Poznanie* [Evolution. Language. Cognition]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 162—220. (In Russ.).

Sigal, K. Ya., Bakalova, Z. N., Pushina, N. I., Yurieva, N. M. (2013). *Ocherki po sintaksisu svyaznoy rechi* [Essays on the syntax of coherent speech]. Moskva: Klyuch-S. 142 p. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research: Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 480 p. (In Russ.).

Quasthoff, U. M. (1997). Interactive approach to narrative. In: *Narrative development: Six approaches*. New York; London: Routledge. 51—83.

Sergienko, E. A. (2009). Printsipy differentsiatsii-integratsii i kontinualnosti-diskretnosti psikhicheskogo razvitiya [The principles of differentiation-integration and continuity-discreteness of mental development]. In: *Teoriya razvitiya. Differentsionno-integratsionnaya paradigma* [Theory of development. Differential-integration paradigm]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 131—149. (In Russ.).

Shakhnarovich, A. M. (1998). Ontogenez myslerechedeyatelnosti: semantika i tekst [Ontogenesis of mental activity: semantics and text]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], *1:* 56—64. (In Russ.).

Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 312 p. (In Russ.).

Shchedrovitskiy, G. P. (2005). *Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya* [Thinking. Understanding. Reflection]. Moskva: Nasledie MMK. 798 p. (In Russ.).

Skrebtsova, T. G. (2018). *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moskva: Izdatelskiy Dom YaSK. 392 p. (In Russ.).

Sokhin, F. A. (2002). *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy razvitiya rechi doshkolnikov* [Psychological and pedagogical foundations of the development of speech in preschoolers]. Moskva; Voronezh: MODEK. 224 p. (In Russ.).

Stein, N. L., Glenn, C. G. (1982). Children's concepts of time: the development of a story schema. In: *The developmental psychology of time*. New-York: Academic Press. 255—281.

Subbotskiy, E. V. (2007). *Stroyashcheesya soznanie* [Building Consciousness]. Moskva: Smysl. 423 p. (In Russ.).

Utchenko, S. L. (1977). *Politicheskie ucheniya Drevnego Rima (III—I vv. do n. e.)* [Politicheskie ucheniya Drevnego Rima (III—I vv. BC)]. Moskva: Nauka. 255 p. (In Russ.).

Vygotskiy, L. S. (1983). Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy [The history of the development of higher mental functions]. In: *Vygotskiy L. S. Sobranie sochineniy. Problemy razvitiya psikhiki* [Vygotsky L. S. Collected Works. Problems of the development of the psyche]. Moskva: Pedagogika. 6/3. 365 p. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2006). *Problemy rechevogo ontogeneza: proizvodnoye slovo dialog: eksperimentalnyye issledovaniya* [Problems of speech ontogenesis: a derivative word dialogue: experimental research]. Moskva: Akademiya gumanitarnykh issledovaniy. 488 p. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2018). Vklad vzroslogo v porozhdenie ustnogo narrativa det'mi-doshkolnikami [Adult contribution to the generation of oral narrative by preschool children]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Kognitivnyye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh* [Cognitive language studies. Cognitive Research in the Humanities]. Moskva: In-t yazykoznaniya RAN; Tambov: Print-Servis. *33*: 852—855. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2019). Interactive component in Oral Narrative of Preschool Children: on the formulation of hypothesis. *Psycholinguistics, 25 (2):* 390—406.

Yurieva, N. M. (2020). *Ustnoye povestvovanie v ontogeneze rechi: eksperimentalnoye issledovanie* [Oral storytelling in the ontogeny of speech: an experimental study]. Moskva: Kantsler. 192 p.

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Ай Хуэйжун, канд. филол. наук (Чжэньцзян, Китай)
Алена Александровна Устиновская, канд. филол. наук (Долгопрудный)
Венера Рудалевна Аминева, д-р филол. наук (Казань, Москва)
Елена Сергеевна Седова, канд. филол. наук (Челябинск)
Инна Николаевна Минеева, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Оксана Анатольевна Фарафонова, канд. филол. наук (Новосибирск)
Ольга Александровна Власова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Ивановна Осипова, д-р филол. наук (Владивосток)
Татьяна Владимировна Нужная, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Владимировна Пашкова, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Юлия Александровна Гимранова, канд. филол. наук (Челябинск)

Ай Хуэйжун. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях / Ай Хуэйжун // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 154—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.

Ai Huirong. (2020). Reception of Dostoevsky's Creativity in Chinese Translations, Works of Art and Scientific Research. *Nauchnyi dialog, 11:* 154-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176. (In Russ.).

УДК 82.091+821.161.1Достоевский=581
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176

Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях

© **Ай Хуэйжун (**艾绘荣, **2020)**, orcid.org/0000-0002-7698-5024, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай), ahr.2006@163.com.

Выполнен обзорный анализ рецепции Ф. М. Достоевского в художественных произведениях китайских писателей и в научных литературоведческих исследованиях. Рассматриваются основные особенности переводов текстов Достоевского и исследований произведений русского классика в разные исторические периоды, характеризующиеся определенными социально-культурными установками и идеологической ориентацией, доминирующими в Китае. Отмечается, что представление Достоевского в Китае с самого начала не было исключительно культурным явлением, а связывалось со стремлением передовой интеллигенции создать современную национальную литературу. На основе исторических фактов и научных исследований устанавливается, что рецепция Достоевского представлена в художественном мире современных китайских писателей разных поколений, в частности, Лу Синя, Юй Дафу, Тэ Нин и многих других, однако глубокие сравнительные исследования осуществлены только в отношении писателей 1920—40-х годов. Особое внимание автор уделяет анализу политико-культурной почвы и идеологических установок при восприятии творчества и взглядов Достоевского китайскими писателями. Показано, что рецепция Достоевского в Китае носит прагматический и односторонний характер: китайские писатели высоко ценили гуманистическое отношение Достоевского к «униженным и оскорбленным», но в целом не принимали его религиозных идей.

Ключевые слова: китайские писатели; Достоевский; перевод; исследование; гуманизм; художественная связь; культура.

1. Введение

Ф. М. Достоевский является одним из самых переводимых и читаемых русских писателей в Китае. Его произведения и художественные идеи оказали заметное влияние на творчество ряда китайских писателей, которые нашли в его текстах духовно-нравственные и эстетико-художественные

ориентиры. Исследование вопроса о художественной связи творчества китайских писателей с работами Достоевского является важным направлением в достоевистике Китая. Данной теме посвящены монографии и статьи многих литературоведов и критиков [Гун Ган, 2017; Динь Шисинь, 2007; Ли Чуньлин, 1995; Мэй Лань, 1999; Тан Да, 2013; Цзюй Пин, 2017 и др.]. Китайские исследователи рассматривают специфику взглядов русского классика, их воплощения в его романах и повестях, проблемы влияния идей Достоевского на творческие искания китайских писателей, например, Лу Синя, Юй Дафу, Цзун Пу и др., однако комплексное исследование, посвященное историческому обзору «вхождения» Ф. М. Достоевского в китайскую литературу, систематизации материалов об идейных поисках китайских писателей XX и XXI веков в их взаимосвязи с духовно-нравственными, религиозными, идеологическими воззрениями русского классика, в настоящее время в китайском литературоведении не проводилось. В данной статье осуществлен анализ особенностей рецепции Достоевского в художественном мире писателей Китая в XX веке глазами китайских исследователей. Рассматривается роль социального, культурного, идеологического фона в восприятии китайцами зарубежного писателя.

2. Переводы произведений Достоевского и исследование его творчества в Китае

Восприятие идейных воззрений и творчества русского писателя в Китае характеризуется неоднозначностью в различные исторические периоды: в целом оно соответствовало тем культурным доминантам, эстетическим ценностям, идеологическим течениям, которые были характерны для того или иного времени развития китайского общества. Так, в начале XX века в Китае сформировалось «Движение за новую культуру», в русле которого передовая китайская интеллигенция призывала к культурной революции: формированию новой китайской культуры, в основе которой лежал бы мировой опыт; развитию народной литературы, которая бы могла воздействовать на патриархальные нравы людей, «разбудила» душу народа; обращению к иностранному культурному, в том числе литературному, опыту. В русле последнего требования в 1918 году известный писатель Чжоу Цзожэнь (1885—1967) перевел рецензию английского критика В. Б. Тритес (W. B. Trites) на работы Достоевского и опубликовал ее в журнале «Синь Циннянь» («Новая молодежь» — один из самых известных журналов, появившихся в свете культурных преобразований, адресатом которого стал новый средний класс), благодаря чему китайские читатели впервые познакомились с Ф. М. Достоевским как писателем. До этой публикации имя Достоевского упоминалось

только в связи с его участием в кружке Петрашевского в статье «История нигилистов», которая была переведена политическим деятелем Ляо Чжункай (1877—1925) с японского языка.

Перевод произведений Достоевского в Китае начался в 1920-е годы, при этом он в основном ограничивался переводом работ небольшого объема, например, рассказами, повестями или фрагментами того или иного романа, в которых отражены темные стороны общества, показана трудная жизнь простых людей. В 1930-е годы появились новые переводы больших произведений писателя: романов «Бесы» (1930), «Преступление и наказание» (1931), «Униженные и оскорбленные» (1931), «Идиот» (1935), повести «Записки из мертвого дома (1931). Важно отметить, что, как и ранее, большинство текстов было переведено на основе произведений, изданных на английском языке, то есть подверглось двойному переводу. Только в 1940-е годы стали выполняться переводы произведений Достоевского с оригинала. Этим занимались известные переводчики Вэй Цунъу, Гэн Цзичжи, Ли Цзи-е, Шао Цюаньлинь, которые представили китайскому читателю «Братьев Карамазовых» (1940), «Униженных и оскорбленных» (1943), «Идиота» (1946), «Бедных людей», «Записки из мертвого дома» (1947, 1950), «Подростка» (1948) и др. Закономерно, что перевод на основе оригинального текста был намного лучшего качества и позволил китайцам глубже проникнуть в художественный мир русского классика, осмыслить его творческие и идейные воззрения, попытаться понять мироощущение такой сложной личности, как Достоевский, без чего утрачивается и возможность понимания его творчества иноязычным читателем.

В 1950—70-е годы работа над переводами текстов Достоевского в Китае переживала подъем, а затем угасла в связи с изменением политической обстановки в стране и на международной арене. В начале 50-х годов в рамках масштабной программы, нацеленной на издание книг русских классиков, в Китае вышло в свет «Собрание избранных сочинений Достоевского» в 9-ти томах (1953). Однако спустя десятилетие, начиная с 1962 и по 1979 годы, в китайском обществе произошли кардинальные перемены, повлекшие за собой изменения и в сфере литературы: культурная революция, обусловленная переходом Китая к ультралевой идеологии, как следствие, напряженность в китайско-советских отношениях, обусловили отказ от перевода произведений русских классиков, в том числе Достоевского, и их издания в Китае. Почти на два десятилетия знакомство китайского общества с русской литературой было остановлено.

Ситуация начала меняться в 1980-х годах, когда литературная жизнь в Китае приобрела большую независимость от политической жизни и

представление иностранной литературы в китайском обществе все более освобождалось от идеологизированности, предписаний ориентироваться на «нужные» работы, поэтому произведения иностранных авторов получали широкое распространение. В это время появились новые переводы на китайский язык таких произведений Достоевского, которые раньше не становились объектом внимания и интереса или считались спорными, реакционными, например, «Бесы» (1978) (хотя впервые роман был переведен в Китае с английского в 30-е годы), «Крокодил» (1982) и др. Самые популярные произведения Достоевского, такие как «Преступление и наказание», «Записки из подполья» и «Братья Карамазовы», имеют по несколько, а некоторые даже больше десяти вариантов перевода, что свидетельствует о большом интересе китайских читателей к творчеству русского писателя. В 2010 году было опубликовано «Собрание сочинений Ф. М. Достоевского» в 22 томах, работа над которым продолжалась более десяти лет. В собрание включены не только художественные тексты писателя, но и его критические статьи, дневники, письма и другие тексты, принадлежащие перу Достоевского, что позволяет китайцам комплексно, полноценно познакомиться с его литературным миром.

Как и переводческая работа, позволившая китайскому читателю познакомиться с произведениями Достоевского, научные исследования его творчества разворачивались в несколько этапов. В 1920-е годы изучением Достоевского занимались в основном писатели-критики: Мао Дунь (1896—1981), Лу Синь (1881—1936), Чжэн Чжэньдо (1898—1958) и другие представители литературного течения «Для жизни». По их мнению, литература должна служить инструментом отражения реальных проблем общества и судеб простых людей, а не быть чистым искусством для наслаждения. В произведениях Достоевского они увидели «народность» и «гуманизм», которые были нужны китайским писателям для создания новой гуманистической литературы. Так, Мао Дунь в критической статье «Место Достоевского в русской литературе» отметил, что в произведениях Достоевского смешиваются отвратительная реальность <…> и идеальный образ <…> Проявляется глубокое сочувствие автора к униженным и оскорбленным» [Мао Дунь, 2014, с. 498, 501]. Сходные взгляды выразили Чжэн Чжэньдо в статье «В честь 100-летия со дня рождения Достоевского» [Чжэн Чжэньдо, 1998] и Лу Синь в «Предисловии к “Бедным людям” (1926)» [Лу Синь, 1976, с. 498, 501]. Можно сказать, что достоевсковедение данного периода в какой-то степени носило «утилитаристский» характер.

Традиция подходить к изучению писателя с точки зрения полезности нашла продолжение в 1930—40-е годы, тогда некоторые исследователи ограни-

чивались изучением определенных идей писателя, анализируя тексты в основном в социальном ракурсе, не углубляясь в сложный художественный мир Достоевского. В то же время появились и новые подходы к изучению творчества писателя. Важные исследования осуществили историк Хэ Бинли и переводчик Гэн Цзичжи. Первый в статье «Достоевский и русский характер» (1945) пытался обобщить черты русского национального характера посредством анализа характеристик различных персонажей. Второй в предисловии переводчика к «Братьям Карамазовым» указал на особенности религиозной тематики в художественном мире Достоевского, отметив важность структурно-композиционной организации текста для передачи авторской идеи.

В 1950 и до конца 80-х годов в китайском обществе доминировала радикальная культурная идея, обусловленная внутренними и внешними политическими обстоятельствами, в связи с чем творчество Достоевского подвергалось тенденциозным односторонним оценкам, и постепенно его изучение было остановлено. Так, в предисловии к «Собранию произведений Достоевского» (1953) предлагается следующий комментарий: «Некоторые идеи произведений Достоевского нельзя рассматривать как полезные. Необходимо отказаться от пропаганды православия в его поздних работах <…> В то же время как великий художник и защитник бедных людей он бессмертен» [Предисловие, 1953, с. 12]. Эта точка зрения оказала большое влияние на исследователей того времени и последующее изучение творчества классика. С 1962 и до конца 1970-х годов имя русского писателя не было упомянуто ни в одной научной статье. Достоевский снова оказался в фокусе внимания китайских литературоведов в 1979 году, когда отметило шестидесятилетие «Движение 4 мая». Однако теперь достоевсковеды были склонны рассматривать творчество писателя сквозь призму его оценок М. Горьким, А. Луначарским и др. писателями и политическими деятелями. Литературоведы Китая по-прежнему стремились к политической корректности, то есть они высоко ценили творческие достижения писателя, но критиковали его мировоззренческие позиции. Находясь под влиянием материалистических воззрений, многие китайские исследователи считали веру в Бога путем позитивного ухода от реальности. Цян Гужун писал: «Достоевский — великий писатель, но каторга и ссылка вызвали у него душевную депрессию и заставили его постепенно оторваться от прогрессивного лагеря, мучительно, но благочестиво обратившись к религиозному мировоззрению, что чрезвычайно погубно сказалось на его будущем творчестве» [Цян Гужун, 1980, с. 50].

В конце 1980-х годов китайская достоевистика вышла на новой этап. Так, в феврале 1986 года в Шанхае состоялась научная конференция, по-

священная Ф. М. Достоевскому. Вышли в свет монографии Дяо Шаохуа [Дяо Шаохуа, 1982] и Ли Чуньлин [Ли Чуньлин, 1985]. Опубликованы статьи Ся Чжунъи и Лю Ядин, посвященные «Запискам из подполья», «Двойнику», «Бесам», которые раньше считались реакционными [Ся Чжуньи, 1982; Лю Ядин, 1986]. Такие ученые, как Пэн Кэсюнь, Ван Шэнси, в своих работах обратили внимание на связь Достоевского с западным модернизмом, в частности, с произведениями Кафки и Камю [Пэн Кэсюнь, 1986; Ван Шэнсы, 1993]. Споры Лю Ху, Хэ Маочжэн, Цянь Чжунвэн, Сун Дату о полифонической теории Бахтина расширяли подходы к изучению Достоевского [Лю Ху, 1985; Хэ Маочжэн, 1986; Цянь Чжунвэнь, 1987; Сун Дату, 1987 и др.]. Был опубликован ряд авторитетных монографий и статей, посвященных разным аспектам изучения творчества писателя. Среди них стоит упомянуть такие работы, как «Достоевский и дух русской культуры» [Хэ Юньбо, 1997, с. 3], «Драматизм работ Достоевского» [Цзи Синсин, 1999], «Мораль, бог и человек: проблемные вопросы в работах Достоевского» [Хэ Хуэхун, 1999], «Скитающаяся душа: Достоевский и русская традиционная культура» [Чжао Гуйлянь, 2002]. «Изучение художественных особенностей романов Достоевского» [Пэн Кэсюнь, 2006], «Синтез слова и мысли: сравнительное исследование по Достоевскому» [Тянь Цюаньцзинь, 2010], «Идея искупления в произведениях Достоевского: сравнительный анализ в аспекте китайского культурного мышления» [Гуо Сяоли, 2012]. Наряду с литературоведческим анализом в рамках традиционного направления достоевистики появились обзорные исследования, которые представлены в работах Дин Шисинь, Тянь Цюаньцзинь, Чжан Лэй, Шэнь Лужу, Лю На и др. [Дин Шисинь, 2007; Тянь Цюаньцзинь, 2010; Чжан Лэй, 2014; Шэнь Лужу, 2008; Лю Наи, 2017 и др.]. Мотив, религия, философия, психологизм, Бахтин, модернизм, культура — все это ключевые слова в современной достоевистике.

Таким образом, можно утверждать, что китайское достоевсковедение в разные периоды изучения творчества русского классика осуществляется в различных направлениях, по-разному расставляя акценты: изучается мировоззрение писателя, система характеров его героев, творчество в аспекте особенностей русской и китайской культур и др. В подходах к анализу работ Достоевского, их аксиологической интерпретации очевидно влияние социально-культурных веяний, характерных для определенного исторического периода, художественно-этических исканий китайских интеллигентов, политической ситуации в стране. Если раньше интенсивные изменения в общественной жизни заставляли критиков стремиться принять идеи Достоевского для удовлетворения культурных потребностей социума или противо-

стоять им, то с конца 1980-х годов исследование зарубежной литературы пошло по пути открытости, свободы рефлексии, осмысления литературоведами и критиками. Это позволило многим исследователям сосредоточиться на вопросе влияния иностранной литературы на китайскую, в том числе и на роли Достоевского в творчестве китайских писателей разных поколений.

3. Достоевский и китайские писатели 1920—40-х годов

Первыми специалистами по Достоевскому в Китае оказались писатели 1920—40-х годов, фактически — создатели современной китайской литературы. В рамках «Движения за новую культуру» (1915—1923) китайские литераторы: Ху Ши (1891—1962), Чэнь Дусю (1879—1942), Ли Дачжао (1889—1927), Лу Синь (1881—1936) и другие писатели — начали литературную революцию, призванную освободить китайцев от «яда» феодальной идеологии — системы духовных, нравственных и культурных ценностей, основанных на учении Конфуция. Главная идея заключалась в «свержении» аристократической литературы, характеризирующейся вычурностью, витиеватостью, косностью, и в провозглашении новой национальной литературы, которая будет поднимать актуальные общественные проблемы, показывать темные стороны народной жизни, обсуждать конфликт между поколениями и т. д. В связи с необходимостью выработки новых принципов литературного творчества, с критикой классической китайской литературы идеологи «Движения за новую культуру» видели зарубежных писателей образцами для подражания. Достоевский стал одним из классиков, к идеям и творчеству которого обращались китайские писатели: Лу Синь, Юй Дафу и др.

О рецепции Достоевского в произведениях Лу Синя впервые написали Ли Чуньлин и Мао Цзянь в середине 1980-х годов. Они указали на сходство двух писателей, выражающееся в стремлении к созданию новой литературы, отражающей трагические судьбы простых людей, глубокий психологизм, исследование которых и легло в основу сравнительного исследования жизни и творчества Лу Синя и Достоевского. Однако в ряде литературоведческих трудов, например в работах Ли Чуньлина, анализ произведений обоих писателей подвергся влиянию идеологии 50-х годов, ориентированной на социализм (и предлагаемые им революционные битвы пролетариата) как учение и состояние общества, отражающее правду мира. Ли Чуньлин писал: «Его (Лу Синя) дух самопожертвования сосуществует с духом борьбы, и главным является борьба <…> А Достоевский обращается от гуманизма к “богизму”, и в этом его трагедия. Как литературные и художественные деятели мы должны, как Лу Синь, никогда не

отрекаться от общественных проблем, стараться освоить идеи марксизма и ленинизма, сражаться в исторических бурях» [Ли Чуньлин, 1985, с. 192, 194]. Очевидно, что достоевистика данного периода в Китае по-прежнему не смогла выйти из-под влияния политической идеологии и некоторые идеи писателя, особенно религиозные, в частности мысль о смирении как нравственной ценности, подвергались остракизму, поскольку оценивались как негативно влияющие на развивающееся общество того времени.

В 90-е годы ситуация начала существенно меняться: изучение творчества Достоевского и китайских писателей в сопоставительном аспекте постепенно избавлялось от идеологической окраски и становилось исключительно литературоведческим. При этом Ван Шэнси, Тянь Цюаньцзинь, Дун Шанвэнь, Сунь Ипин, Гэн Чуаньмин, Шэнь Лужу и многие другие исследователи считали, что среди китайских современных писателей именно Лу Синь по-настоящему вел творческий диалог с Достоевским. Их суждения основывались, в первую очередь, на историческом факте, поскольку Лу Синь как один из первых исследователей Достоевского в Китае много раз упоминал русского писателя в дневнике, сочинениях или лекциях. Так, Лу Синь в критической статье «Предисловие к “Бедным людям”» называл Федора Михайловича «великим знатоком человеческой души» и «жестоким талантом»: «В лаборатории Достоевского находится душа человека. Начиная с духовной пытки, он отправляет их (героев) на путь размышления, исправления, покаяния, воскрешения <…> Он долго <…> ставил своих героев и героинь в трудную жизненную ситуацию, чтобы показать грехи, скрытые под чистотой, а затем показать чистоту, скрытую под грехами …» [Лу Синь, 1976, с. 87]. В творчестве Лу Синь, как и Достоевский, стремился к изображению человеческой души, хотел показать ее темные стороны. Однако исследователи утверждали, что в отличие от Достоевского, который показывал «человеческую натуру с физиологическим экзистенциальным характером» [Динь Шисинь, 2007, с. 33], Лу Синь видел своей целью преобразование нации и беспристрастно подходил к анализу и изображению человеческой души, он в превую очередь пытался показать разрушительные последствия феодальной культуры для китайского социума и пробудить в соотечественниках стремление к новой идеологии и морали.

Оба писателя жили в эпоху идеологического хаоса, социальных потрясений, сопровождающихся кризисными изменениями, чувствовали трагедию маленького человека в большом и сложном мире. Поэтому их произведения пронизаны чувством напряженности и одиночества. И Лу Синь, и Достоевский «проявляют опасения по поводу настоящего и будущего человечества, предпочитают боль и тьму, из которых, как они надеются, возродятся новая

жизнь и сила» [Мэй Лань, 1999, с. 86]. Лу Синь писал: «Я часто чувствую, что реальны только тьма и небытие. Однако я, хотя и безнадежно, стремлюсь бороться с ними, я не могу понять, реальны ли они <…> Я не намерен идти в рай, где есть то, что не хочу увидеть; я не намерен идти в ад, где есть то, что не хочу увидеть; я не намерен идти в будущий золотой мир, где будет то, что не хочу увидеть» [Лу Синь, 1991, с. 165]. По мнению Тянь Цюаньцзиня, блуждание Лу Синя между светом и тьмой напоминает размышления Достоевского о существовании Бога, преступлении и наказании, жизни после смерти [Тянь Цюаньцзин, 2010, с. 69].

Ценность личности человека, его независимость находятся в центре художественного мира Лу Синя и Достоевского. Как писал исследователь Дин Шисинь, «все ограничения, подавление свободы личности вызывали ожесточенную реакцию Лу Синя и Достоевского» [Дин Шисинь, 2007, с. 32]. Поэтому, используя «незримый клинок» [Там же], оба писателя уничтожали личные, социальные, исторические иллюзии, к которым люди уже привыкли. В работах Лу Синя всегда присутствует какая-то явная враждебность по отношению к обычаям, псевдо-даосизму и лицемерию. Он не хотел становиться «учителем, добрым и благородным человеком», а пытался найти в человеке зверей и демонов. У Достоевского тоже есть злая ирония в адрес так называемых «моралистов» [Там же].

В то же время отношение Лу Синя к Достоевскому было неоднозначным. Он восхищался глубоким психологизмом в изображении души человека и христианским человеколюбием в текстах Достоевского, одновременно не соглашаясь с идеей долготерпения в творчестве русского классика. Лу Синь по этому поводу писал: «Как китайский читатель, я не в состоянии понять достоевское терпение, смирение и страдание. В Китае нет русского Христа, здесь господствует Ли (“вежливость”), а не Бог» [Лу Синь, 1991, с. 411—412]. Он даже несколько раз хотел бросить читать Достоевского. По мнению китайского исследователя, причина заключается в том, что «в китайской традиционной культуре доминирует конфуцианство, не христианство, отсутствует понятие “первородный грех”. Китайцы не верят, что душа бессмертна, предпочитают этику религии, ценят образование, нормы поведения и эту жизнь (настоящее существование). Для них важны ответственный взгляд на жизнь, скромное и практичное обращение с миром <…> Безумное религиозное мировоззрение <…> в произведениях Достоевского <…> не смогли принять китайцы» [Шэнь Лужу, 2008, с. 75—76]. То есть в творчестве Достоевского отказ героев от рационального поведения, их святая любовь и вера в то, что Всевышний спасет, — это следствие богословского экзистенциализма русского классика, а в творчестве

Лу Синя метафизика, нигилизм, спасение своими силами основываются на атеистическом экзистенциализме писателя.

Кроме сравнительного анализа идейных оснований творчества обоих писателей, исследователи уделяли немалое внимание сопоставлению используемых русским и китайским писателями художественных приемов, изучению их конкретных произведений и используемых образов. Так, анализируя «Лекарство» Лу Синя, Ма Сяофэн нашла много сходных символов и сюжетных элементов с «Братьями Карамазовыми» Достоевского, например, «пампушка с кровью революционера Ся Юй, которая считалась лекарством от чахотки, напоминает тело старца Зосимы, от которого ожидалось чудо» [Ма Сяофэн, 2017, с. 23].

Кроме того, в отличие от других исследователей, которые обычно сравнивали двух писателей, Тан Да нашел много общего в Лу Сине с образом Ивана из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. По мнению Тан Да, в мировоззрении и характере реального Лу Синя и художественного персонажа Ивана проявляются гуманизм и в то же время атеизм, нигилизм и дух мести: «У обоих мрачные и холодные взгляды на людей и историю, сильный комплекс мести <…> Оба замучены нигилизмом, глубоко враждебно относятся к человеческой природе и не могут не подвергать сомнению жестокость Творца» [Тан Да, 2013, с. 105].

В целом художественная связь Лу Синя с Достоевским в разных аспектах изучалась в Китае достаточно масштабно. В связи с этим можно утверждать, что жизненный путь и творчество русского классика оказало определенное влияние на основоположника современной литературы Китая.

Другой представитель китайской литературы 1920—30-х годов Юй Дафу всегда изучался исследователями с точки зрения манеры самовыражения и автобиографического стиля. При всей немногословности его высказывания о Достоевском свидетельствуют об искреннем уважении к русскому писателю и глубоком восхищении его творчеством. В предисловии к переведенной на китайский язык Гуо Можо (1892—1978) новелле «Иммензее» немецкого писателя Теодора Шторма, творчество которого изучалось в том числе в сопоставлении с творчеством другого русского классика И. С. Тургенева, Юй Дафу упомянул и произведения Ф. М. Достоевского: он сравнил работы писателя с «холодным снегом суровой зимы и безумным громом лета», признал свое восхищение силой русского классика, которая может привести людей в «безумие» [цит. по: Юй Дафу, 1998]. Творческую близость Юй Дафу с Достоевским сначала заметил его современник Чжоу Цзожэнь. Юй Дафу в дневнике писал: «Я получил письмо от Чжоу Цзожэннь. Он похвалил мою работу “Прошлое”, сказав, что это про-

изведение — шедевр, сравнимый с романом Достоевского <…> Я буду работать более старательно, чтобы оправдать его похвалы» [Там же, с. 211]. Эта фраза китайского писателя свидетельствует о его ознанном желании быть ближе к Достоевскому.

Юй Дафу был основателем и представителем литературной «Ассоциации творения», в основе художественной концепции которой лежало стремление к самовыражению и индивидуальному освобождению человека, занимающегося творчеством. Исследователь Лю Цзюмин указывал, что среди современных китайских писателей Юй Дафу выделялся в том числе и тем, что демонстрировал особое отношение к Достоевскому. В отличие от писателей, стремящихся к созданию «литературы для жизни» Юй Дафу уделяет больше внимания наиболее важным чертам творческой индивидуальности Достоевского, в частности, воплощению идеи страдания, описанию двойничества, изображению отклоняющейся от нормы психологии [Лю Цзюмин, 2003, с. 83]. Как и Достоевский, Юй Дафу сосредоточивал внимание на темных сторонах человеческой жизни, его произведения характеризуются беспристрастной тональностью. Ученые объясняют это прежде всего сходным жизненным опытом Юй Дафу и Достоевского: «Похожий жизненный опыт и бурные события времени, в котором каждый из писателей жил, привели их к одиночеству, меланхолии, формированию болезненной психологии обоих и, как следствие, к общему художественному стилю, характеризующемуся психологизмом, <…> воплощенному в выявлении внутренней раздвоенности, игр подсознания, в показе психологического состояния через описание окружающей действительности» [Ян Юньгэн, 2000, с. 48].

В то же время исследователи отмечали, что герои с патологической психологией у Юй Дафу и Достоевского не теряют своих нравственных качеств, заставляющих их осознать, где добро и зло, между которыми в глубине их душ происходит жестокая борьба. Однако Лю Цюймин подчеркивал, что, если Достоевский искренне изображал человеческие страдания и обращался к религии, чтобы найти утешение и прибежище для души, Юй Дафу погружался в изучение опыта личности, поэтому у последнего в произведениях отсутствует широкая социальная картина и глубокий смысл [Лю Цзюмин, 2003, с. 85].

В концепции творчества Юй Дафу индивидуальность писателя и позитивный романтизм занимают центральное место, что отличает его от Достоевского-реалиста. Несмотря на преклонение Юй Дафу в начале творческого пути перед творчеством русского писателя и похожее отношение к жизни, исследователями уделено недостаточно внимания художественной связи между произведениями двух писателей.

4. Ф. М. Достоевский и китайские писатели нового поколений

Новое поколение китайских литераторов, начавших писать с 1940—50-х годов, в числе которых можно назвать такие имена, как Ся Цзи-ан (1916—1965), Цзун Пу (1928—), Ван Мэн (1934—) и другие, выросло в эпоху активного формирования современной китайской литературы. Особенностью творчества этой плеяды писателей можно назвать отсутствие такого сильного влияния на них зарубежной литературы, какому подверглось предыдущее поколение писателей. Однако большое количество переводов и исследований, посвященных иностранным авторам и их творчеству, дало им возможность испытать определенное влияние на себе зарубежной литературы.

Так, Ф. М. Достоевский был одним из самых любимых писателей Цзун Пу в молодости. В то же время в отношении писательницы к русскому классику просматривается важная тенденция, определявшая подход к китайской литературе того времени: она должна быть связана с политическими запросами времени и служить идеологическим установкам, соответственно, главными мотивами в художественных работах становились национальная и классовая борьба и трудовая деятельность. В 1956 году Цзун Пу в эссе «Великий русский писатель Достоевский» писала: «У Достоевского реакционный настрой. В его произведениях обман и мистицизм. Лишь убрав лживую пропаганду, можно увидеть, что он показывал и обличал то общество, в котором люди живут мучительно <…> Читая его произведения, мы можем узнать, насколько человек страдает под гнетом старой системы. Мы должны больше любить и ценить сегодняшнее счастье» [Цун Пу, 1996, с. 211]. На литературную связь Цзун Пу с творчеством русского писателя обратили внимание Чжао Шуцзинь и Чэн Чжинву. Они отметили, что в обращении писательницы к теме греха и искупления видно влияние Достоевского. В то же время исследователи подчеркнули, что из-за отсутствия в китайской культуре христианских традиций Цзун Пу в своих произведениях «преобразовала» виновное сознание, самоосуждение, искупление, характерные для Достоевского [Чжао Шуцзинь и др., 2011, с. 40].

Другой писатель, Ся Цзи-ань, тоже говорил об уважении и любви к Достоевскому. В переписке с братом Ся Цзи-ань неоднократно давал оценку романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Высоко ценя этические, философские размышления и глубину религиозного чувства русского писателя, Ся Цзи-ань признавал, что после прочтения работ Достоевского у него появилось желание писать «серьезный» роман. Исследователь Гун Ган отмечал, что «в романах Ся Цзи-ань психология сумасшедшего игрока с огнем, жестокая любовь иезуита, буддийские исто-

рии, критикующие конфуцианство и буддизм, напоминают философскую и моральную рефлексию в достоевском стиле» [Гун Ган, 2017, с. 152]. По мнению литературоведа, влиянию Достоевского подверглось не только художественное творчество Ся Цзи-аня, но и его личная жизнь. Так, сам китайский писатель, анализируя историю своих любовных отношений с женщиной, говорил: «Между нами нет такой истории, как между Лизой и Алешей в “Братьях Карамазовых”, не будет и потом … Я не уверен в будущем, за это мне стыдно <…> Я оказал слишком сильное давление на нее. Зачем я так делал? Я не знаю <…> Приходится винить в этом только демонов» [цит. по: Ван Дун и др., 2015, с. 211].

В 1980-е годы китайская литература испытала новый расцвет: литературная система, разрушенная во время Культурной революции, была восстановлена и реформирована. Предполагалось, что литература должна служить народу и социализму, а для этого необходимо создать свободную атмосферу, допускающую идеологический плюрализм и возможность выбора. Писатели данного периода, например, Тэ Нин (1957—), Чжан Вэй (1956—), Юй Хуа (1960—), Чжан Чэнчжи (1948—), Мо Янь (1955—) и другие авторы, выросли под влиянием советской (русской) культуры и литературы, неоднократно выражали свое уважение и любовь к русским писателям, в том числе и Достоевскому.

Тэ Нин признавала, что русская литература, в частности Достоевский, оказали влияние на ее творчество: «Достоевский начал с религии, выразил боль человеческой души. Я думаю, что эти темы очень сильны. Не сказать, что они влияют на вас прямо, однако они как-то воздействуют на вас опосредованно, как будто витая в воздухе» [Тэ Нин и др., 2003, с. 16]. Обращение писательницы к творчеству Достоевского исходит также из недовольства писательницы состоянием духовного мира современного человека: «Наша современная материальная жизнь эволюционирует, но духовная жизнь становится беднее <...> Нам не хватает способности и смелости размышлять о своих собственных душах, и мы не понимаем ценности и необходимости обладания этой способностью. Люди должны постоянно освобождать свои души от мусора, чтобы продолжать двигаться вперед. <...> Я готова к такому очищению» [Там же, с. 23]. К исследованию литературного диалога между Тэ Нин и Достоевским обратились молодые ученые: Лю Цунъинь, Гэ Сяохуа, Лэй Цы-и и др. Так, Лю Цунъинь писал, что Тэ Нин приняла влияние Достоевского, сознательно внедряя христианский дух в свои произведения, концентрируя внимание на зле, которое живет в человеческой натуре, и спасении человеческой души [Лю Цунъин, 2009, с. 25]. Гэ Сяохуа пришла к выводу, что обращение Тэ Нин к Досто-

евскому проявляется в изучении человеческой души, стремлении к заботе о ближнем и реалистическом отражении современного мира [Гэ Сяохуа, 2011, с. 32—47]. В то же время Лэй Цы-и подчеркнул, что в отличие от Достоевского Тэ Нин не заставляет своих героев исповедоваться в религиозной форме, к тому же для исповеди ее героев часто характерна незаконченность и незавершенность [Лэй Цы-и, 2019, с. 57].

Китайские литературоведы обнаружили художественную связь с творчеством Достоевского еще одного писателя, современника Тэ Нин, Чжан Вэйя. Тянь Цюаньцзинь полагал, что Чжан Вэй научился у Достоевского изображению семейной жизни и заимствовал идею уважения к народным ценностям [Тянь Цюаньцзинь, 2010, с. 70]. Цзюй Пин сравнивает женские образы в произведениях обоих писателей: «почти преклоняясь перед женщинами, Чжан Вэй создал образ Суй Ханьчжан, а Достоевский — Софьи. Обе девушки играю роль “старшей дочери”, когда в семье “отсутствует” старший сын. С преданностью, терпением, ответственностью они жертвуют личным счастьем ради семейных интересов, находясь в униженном положении. Разное мироощущение, жизненные принципы и предоставленный выбор заставили обеих девушек встать на разные пути искупления. Но определяющим фактором судеб героинь является их отношение к патриархальной культуре» [Цзюй Пин, 2017, с. 20]. Основываясь на этом утверждении, исследовательница приходит к выводу что, хотя Чжан Вэй и Достоевский пытались заставить своих героинь обрести собственный голос, противостоять давлению, однако в их произведениях доминирует мужская культура [Там же].

Китайские писатели Юй Хуа и Мо Янь также признали, что Ф. М. Достоевский в какой-то мере влияет на их творчество. Тянь Цюаньцзинь отмечал в связи с этим, что изображение жизни Мо Янь, Юй Хуа в их произведениях в некотором роде отвечает художественным принципам и идейным поискам русского классика, однако (неосознанно) заимствованные темы жизни народа, отношения к религии и любви, вере и душе воплощаются в их текстах в абсолютно китайском стиле. Можно сказать, что Мо Янь и Юй Хуа осуществили «литературный диалог с Достоевским в более глубоком смысле» [Тянь Цюаньцзинь, 2010, с. 70].

В то же время можно найти и противоположные случаи в отношении китайских писателей к Достоевскому: не приближения к русскому классику, а уклонения от его влияния. Так, Чжан Чэнчжи намеренно избегает обращения к творчеству Достоевского: «Я не читаю не только “Дикую траву”, но и Достоевского и Ницше» [Чжан Чэнчжи, 1988, с. 35]. Как писала критик Хэ Сянъян, в центре работ Чжан Чэнчжи читатель видит конфликт

между человеческой натурой и идеалом. «Находясь над социальной политикой и реальностью, он всегда следит за внутренним конфликтом на идеальном уровне. Это как центробежная и центростремительная силы внутри индивидуальности руководят эмоциональной ориентацией Чжан Чэнчжи в двух направлениях. Такой внутренний конфликт более интенсивен, чем конфликт между героем и миром. Поэтому он не читает Достоевского, боясь услышать себя в голосе русского писателя, боясь увидеть себя в его героях и снова почувствовать боль раздвоенности собственной души» [Хэ Сянъян, 1996, с. 57]. Парадоксально, однако это намеренное дистанцирование от текстов русского писателя как раз свидетельствует о творческой близости между Чжан Чэнчжи и Достоевским.

5. Заключение

История развития современной китайской литературы тесно связана с распространением зарубежной литературы в Китае, при этом русская литература стала одной из главных движущих сил, способствующих формированию зрелого современного художественного творчества. Влияние Достоевского на современную китайскую литературу проявляется не только в том, что его творчество выступает в качестве источника для заимствования взглядов, тем, образов и др. или дает нравственные критерии для критиков, чтобы они оценили духовные искания китайских писателей, но и в том, что он задает эстетические критерии, которые позволяют изучать и интерпретировать китайскую литературу в новом ракурсе. Перевод и исследование художественного мира Достоевского в Китае с самого начала не были исключительно культурными явлениями, обращение к русскому классику определялось социально-политической атмосферой в стране. В контексте концепции «Для жизни» первые современные китайские писатели увидели в произведениях русского писателя глубокий гуманистический дух и тонкое понимание процессов социальной истории. В то же время религиозные идеи Достоевского долгое время не принимались китайскими писателями. Это объясняется, с одной стороны, культурными и историческими различиями между двумя странами, с другой — локализацией китайской литературы, которой делигируются слишком многие общественные и политические функции. Поэтому для рецепции Достоевского китайскими писателями в определенное время были характерны утилитарность, практичность и односторонность.

В целом исследование художественной связи Достоевского с китайскими писателями имеет в Китае давнюю традицию, накоплено множество работ, в фокусе внимания которых находится творчество русского писателя.

Однако стоит отметить, что исследования посвящены преимущественно рецепции Достоевского китайскими писателями 20—40-х годов, например Лу Синю, Юй Дафу и другим авторам, дана глубокая всесторонняя оценка их связи с творчеством Достоевского. В то же время публикаций, посвященных литературной связи русского классика с «новыми» современными писателями, еще мало, в чем и видится перспектива нашего исследования.

Литература

1. Ван Дун и др., 2015 — 王洞，季进. 夏志清夏济安书信集 / 王洞，季进. — 香港中文大学出版社，2015. — 卷. — 552页. (*Ван Дун.* Послания Ся Чжицин и Ся Цзи-ань / Ван Дун, Цзицзин. — Гонконг : Изд-во Китайского университета Гонконга, 2015. — Т. 1. — 552 с.)

2. Ван Шэнсы, 1993 — 王圣思. 《地下室手记》和存在主义小说 / 王圣思 // 外国文学评论. — 1993. — 第2期. — 第101—107页. (*Ван Шэнсы.* «Записки из подполья» и экзистенциальные романы / Ван Шэнсы // Обзор зарубежной литературы. — 1993. — № 2. — С. 101—07)

3. Гун Ган, 2017 — 龚刚. 论夏济安与陀思妥耶夫斯基 / 龚刚 // 中国比较文学. — 2017年. — 第3期. — 第146—159页. (*Гун Ган.* О Ся Цзи-ань и Достоевском / Гун Ган // Китайская сравнительная литература. — 2017. — № 3. — С. 146—159)

4. Гуо Сяоли, 2012 — 郭小丽. 陀思妥耶夫斯基的救赎思想 — 兼论与中国文化思维的比较 /郭小丽. — 哈尔滨 ：黑龙江人民出版社, 2012年. — 341页. (*Гуо Сяоли.* Идея искупления в произведениях Достоевского : сравнительный анализ в свете китайского культурного мышления / Гуо Сяоли. —Харбин : Хэйлунцзянское изд-во «Народ», 2012. —314 с.)

5. Гэ Сяохуа, 2011 — 葛晓华. 铁凝与俄国文学 / 葛晓华. — 长沙 : 硕士论文, 2011年. — 92页. (*Гэ Сяохуа.* Тэ Нин и русская литература : магистерская диссертация / Гэ Сяохуа. — Шанша, 2011. — 92 с.)

6. Динь Шисинь, 2007 — 丁世鑫. 对鲁迅接受陀思妥耶夫斯基影响的客观性和历史性分析 / 丁世鑫 // 阴山学刊. — 2007. — 第2期. — 第31—35页. (*Динь Шисинь.* Объективно-исторический анализ влияния Достоевского на Лу Синя / Динь Шисинь // Научный журнал Иньшань. — 2007. — № 2. — С. 31—35)

7. Дяо Шаохуа, 1982 — 刁绍华. 陀思妥耶夫斯基：1821—881 / 刁绍华. — 沈阳 : 辽宁人民出版社, 1982. — 141页 (*Дяо Шаохуа*. Достоевский : 1821—1881 / Дяо Шаохуа. — Шэньян : Ляонинское изд-во «Народ», 1982. — 141 с.)

8. Ли Чуньлин, 1985 — 李春林. 鲁迅和陀思妥耶夫斯基 / 李春林. — 合肥 : 安徽文艺出版社, 1985. 198页. (*Ли Чуньлин.* Лу Синь и Достоевский / Ли Чуньлин. — Хэфэй : Искусство и литераутра, 1985. — 198 с.)

9. Лу Синь, 1976 — 鲁迅. 集外集 / 鲁迅. — 北京 ：人民出版社, 1976. — 180页. (*Лу Синь.* Дополнительное собрание сочинений / Лу Синь. — Пекин : Народное изд-во, 1976. — 180 с.)

10. Лу Синь, 1991 — 鲁迅. 鲁迅全集 / 鲁迅. — 北京: 人民出版社, 1991. — 卷六. — 637页. (*Лу Синь*. Собрание сочинений : в 16 т. / Лу Синь. — Пекин : Народное изд-во, 1991. — Т. 6. — 637 с.)

11. Лэй Цы-и, 2019 — 雷梓燚. 世界眼光和母语精髓的融合 — 铁凝小说对俄国文学的借鉴和内化 / 雷梓燚 // 聊城大学学报. — 2019. — 第1期. — 第54—60页. (*Лэй Цы-и.*

Синтез мировоззрения и народного языка : рецепция и интернализация русской литературы в творчестве Тэ Нин / Лэй Цы-и // Журнал Ляочэнского университета. — 2019. — № 1. — С. 57—60)

12. Лю На, 2017 — 刘娜. 新世纪文化转型中的中国陀思妥耶夫斯基译介与研究 / 刘娜 // 俄罗斯文艺. — 2017. — 第1期. —第145—151页. (*Лю На.* Переводы и исследование Достоевского в Китае в период культурных трансформаций нового века / Лю На // Русская литература и искусство. — 2017. — № 1. — С. 145—151)

13. Лю Ху, 1985 — 刘虎. 陀思妥耶夫斯基小说中人物性格的意识分裂性 / 刘虎 // 文史哲. — 1985. — 第4期. — 第24—27页. (*Лю Ху.* Двойственность характеров героев в произведениях Достоевского / Лю Ху // Литература, история и философия. — 1985. — № 4. — С. 24—27)

14. Лю Цзюмин, 2003 — 刘久明. 郁达夫与陀思妥耶夫斯基 / 刘久明 // 江汉论坛. — 2003. — 第5期. — 第83—85页. (*Лю Цзюмин.* Юй Дафу и Достоевский / Лю Цзюмин // Цзянханский форум. — 2003. — № 5. — С. 83—85)

15. Лю Цунъин, 2009 — 刘聪颖. 论铁凝小说中的罪与赎对陀思妥耶夫斯基的接受 / 刘聪颖 // 黔南民族师范学院学报. — 2009. — 第1期. — 第21—25页. (*Лю Цунъин.* О заимствовании Тэ Ин мотива греха и искупления из произведений Достоевского / Лю Цунъин // Вестник Цяньнаньского народного педагогического университета. — 2009. — № 1. — С. 21—25)

16. Лю Ядин, 1986 — 刘亚丁. 《两重人格》浅析 / 刘亚丁 // 外国文学研究. — 1986. — 第2期. — 第31—36页. (*Лю Ядин.* Анализ «Двойника» / Лю Ядин // Исследование иностранной литературы. — 1986. — № 2. — С. 31—36)

17. Ма Сяофэн, 2017 — 马小凤. 试析潜翻译对鲁迅小说创作的影响 — 从陀思妥耶夫斯基《卡拉马佐夫兄弟》到鲁迅《药》 / 马小凤 // 荆楚理工学院学报. — 2017. — 32 (3). — 第21—26页. (*Ма Сяофэн.* О влиянии латентного перевода на творчество Лу Синя: от «Братьев Карамазовых» к «Лекарству» Лу Синя / Ма Сяофэн // Вестник Технологического института Цзинчуй. — 2017. — № 3. — С. 21—26)

18. Мао Дунь, 2014 — 矛盾. 矛盾文集43卷本 / 矛盾. — 合肥: 时代出版社-黄山出版社, 2014年. — 第32卷. — 784页. (*Мао Дунь.* Собрание сочинений : в 43 т. / Мао Дунь. — Хэфэй : Народное изд-во «Время», «Хуаншань», 2014. — Т. 32. — 784 с.)

19. Мэй Лань, 1999 — 梅兰. 我们为什么不能上天国？ — 对鲁迅和陀思妥耶夫斯基的创作精神之比较 / 梅兰 // 华中师范大学学报. — 1999. — 第2期. — 第83—86页. (*Мэй Лань*. Почему мы не можем попасть в рай : сравнительный анализ творческого духа Лу Синя и Достоевского / Мэй Лань // Вестник Педагогического университета Центрального Китая. — 1999. — № 2. — С. 83—86)

20. Предисловие, 1953 — 前言 // 陀思妥耶夫斯基选集9卷. — 北京 ：文华书店, 1953年. — 第1卷. — 第1—18页. (*Предисловие* // Избранные сочинения Достоевского : в 9 т. — Пекин : Изд-во Вэнгуан, 1953. — Т. 1. — С. 1—18)

21. Пэн Кэсюнь, 2006 — 彭克巽. 陀思妥耶夫斯基小说艺术研究 / 彭克巽. — 北京 ：北京大学出版社, 2006. — 528 页. (*Пэн Кэсюнь.* Изучение художественных особенностей романов Достоевского / Пэн Кэсюнь. — Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2006. — 528 с.)

22. Сун Дату, 1987 — 宋大图. 巴赫金的复调理论和陀思妥耶夫斯基的作者立场 / 宋大图 // 外国文学评论. — 1987. — 第1期. — 第41—48页 (*Сун Дату.* Полифоническая теория Бахтина и авторская позиция Достоевского / Сун Дату // Обзор зарубежной литературы. — 1987. — № 1. — С. 41—48)

23. Ся Чжунъи, 1982 — 夏仲翼. 陀思妥耶夫斯基的《地下室手记》和小说复调结构问题 / 夏仲翼 // 世界文学. — 1982. —第4期. — 第105—115页. (*Ся Чжунъи.* «Записки из подполья» Достоевского и их полифоническая структуры / Ся Чжунъи // Мировая литература. — 1982. — № 4. — С. 105—115)

24. Тан Да, 2013 — 汤达. 两个决绝的退票者 — 鲁迅和陀思妥耶夫斯基思想之比较 / 汤达 // 中山大学研究生学刊. — 2013. — 第3期. — 第104—110页. (*Тан Да.* Сравнительный анализ идей Лу Синя и Достоевского / Тан Да // Академический журнал для аспирантов Чжуншаньского университета. — 2013. — № 3. — С. 104—110)

25. Тэ Нин и др., 2003— 铁凝. 文学应当有捍卫人类精神健康和内心真正高贵的能力 / 铁凝 // 当代作家评论. — 2003. — 第6期. — 第10—21页. (*Тэ Нин.* Литература должна обладать способностью защищать душевное здоровье и истинное благородство человека / Тэ Нин, Ван Яо // Обзор современных писателей. — 2003. — № 6. — С. 10—21)

26. Тянь Цюаньцзинь, 2010 — 田全金. 言与思的越界 — 陀思妥耶夫斯基比较研究 / 田全金. — 上海 ： 复旦大学出版社, 2010. — 314页. (*Тянь Цюаньцзинь.* Синтез слова и мысли : сравнительное исследование по Достоевскому / Тянь Цюаньцзинь. — Шанхай : Изд-во Фуданского университета, 2010. — 314 с.)

27. Хэ Маочжэн, 1986 — 何茂正. “复调小说” 理论与陀氏小说的鉴赏 / 何茂正 // 东北师大学报. —1986. — 第6期. —第72—78页. (*Хэ Маочжэн.* Теория «полифонического романа» и оценка произведений Достоевского / Хэ Маочжэн // Вестник Северо-восточного педагогического университета. — 1986. — № 6. — С. 72—78)

28. Хэ Сянъян, 1996 — 何向阳. 朝圣的故事或在路上 — 张承志创作精神描述 / 何向阳 // 文艺评论. — 1996. — 第4期. — 第55—63页. (*Хэ Сянъян.* История паломничества и пути : о творческом духе Чжан Чэнчжи / Хэ Сянъян // Литературная критика. — 1996. — № 4. — С. 55—63)

29. Хэ Хуэхун, 1999 — 何怀宏. 道德·上帝与人 ： 陀思妥耶夫斯基的问题 / 何怀宏. — 北京 ： 新华出版社, 1999年. — 376页. (*Хэ Хуэхун.* Мораль, бог и человек : проблемные вопросы в работах Достоевского / Хэ Хуэхун. —Пекин : Изд-во «Синьхуа», 1999. — 376 с.)

30. Хэ Юньбо, 1997 — 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神 / 何云波. — 长沙 ： 湖南教育出版社, 1997年. — 272页. (*Хэ Юньбо.* Достоевский и дух русской культуры / Хэ Юньбо. — Чанша : Образование, 1997. — 272 с.)

31. Цзи Синсин, 1999 — 季星星. 陀思妥耶夫斯基小说的戏剧化 / 季星星. — 北京 ： 首都师范大学出版社, 1999年. — 196页. (*Цзи Синсин.* Драматизм работ Достоевского / Цзи Синсин. — Пекин : Изд-во Столичного педагогического университета, 1999. — 196 с.)

32. Цзюй Пин, 2017 — 鞠萍. 从隋含章和索尼娅看张炜和陀思妥耶夫斯基的女性声音表达 / 鞠萍 // 牡丹. — 2017. — 第20期. — 第9—12页. (*Цзюй Пин.* «Женские голоса» Суй Ханьчжан и Сони в произведениях Чжан Вэй и Достоевского / Цзюй Пин // Журнал Мудань. — 2017. — № 20. — С. 9—12)

33. Цун Пу, 1996 — 宗璞. 宗璞文集4卷，第4卷 / 宗璞. — 北京 ： 华艺出版社, 1996年. — 507页. (*Цун Пу.* Собрание сочинений : в 4 т. / Цун Пу. — Пекин : Изд-во Хуаи, 1996. — Т. 4. — 507 с.)

34. Цян Гужун, 1980 — 钱谷融. 关于陀思妥耶夫斯基 —《舅舅的梦》中译本序 / 钱谷融 // 华东师范大学学报. — 1980年. — 04期. — 第49—52页. (*Цян Гужун.* О Достоевском : предисловие к переводу «Дядюшкин сон» / Цян Гужун // Вестник Восточно-китайского педагогического университета. — 1980. — № 4. — С. 49—52)

35. Цянь Чжунвэнь, 1987 — 钱中文. 复调小说 ：主人公与作者 — 巴赫金的叙述理论 / 钱中文 // 外国文学评论. — 1987. — 第6期. — 第30—39页. (*Цянь Чжунвэнь*. Полифонический роман : герой и автор в теории Бахтина / Цянь Чжунвэнь // Обзор зарубежной литературы. — 1987. — № 6. — С. 30—39)

36. Чжан Лэй, 2014 — 张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述 / 张磊 // 深圳大学学报. — 2014. — 第2期. — 第119—123页. (*Чжан Лэй.* Обзор китайских исследований Достоевского в новом веке / Чжан Лэй // Научная газета шэньчжэнского университета. — 2014. — № 2. — С. 119—123)

37. Чжан Чэнчжи, 1988 — 张承志 渡夜海记 / 张承志 // 作家. — 1988. — 第11期. — 第34—37页. (*Чжан Чэнчжи.* Ночное путешествие по морю / Чжан Чэнчжи // Писатель. — 1988. — № 11. — С. 34—37)

38. Чжао Гуйлянь, 2002 — 赵桂莲. 漂泊的灵魂：陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化/ 赵桂莲. —北京：北京大学出版社. 2002年. — 472页. (*Чжао Гуйлянь.* Скитающаяся душа: Достоевский и русская традиция / Чжао Гуйлянь. — Пекин: изд-во Пекинского университета, 2002. — 472 с.)

39. Чжао Шуцзинь и др., 2011 — 赵树勤，陈进武. 从“不会忘记”说起 — 宗璞与陀思妥耶夫斯基小说创作比较 / 赵树勤，陈进武 // 湖南城市学院学报. — 2011. — 第3期. — 第39—43页. (*Чжао Шуцзинь.* «Никогда не забывай» : сравнительный анализ творчества Цзун Пу и Достоевского / Чжао Шуцзинь, Чэн Чжинву // Вестник Хунаньского городского института. — 2011. — № 3. — С. 39—43)

40. Чжао Янь и др., 2004 — 赵艳，铁凝. 对人类的体贴和爱 — 铁凝访谈录 / 赵艳，铁凝 // 小说评论. — 2004. — 第1期. — 第22—28页. (*Чжао Янь.* Внимание и любовь к людям. Интервью с Тэ Нин / Чжао Янь, Тэ Нин // Литературный обзор. — 2004. — № 1. — С. 22—28)

41. Чжэн Чжэньдо, 1998 — 郑振铎. 陀思妥耶夫斯基的百年纪念 / 郑振铎 // 郑振铎全集. 20 卷. — 石家庄 ：花山文艺出版社, 1998. — 第15卷. — 第355—358页. (*Чжэн Чжэньдо*. В честь 100-летия со дня рождения Достоевского / Чжэн Чжэньдо // Собрание сочинений в 20 т. — Шицзячжуан : Хуашань, 1998. — Т. 15. — С. 355—358)

42. Шэнь Лужу, 2008 — 沈露儒. 鲁迅接受陀思妥耶夫斯基影响的根据 / 沈露儒 // 苏州大学学报. — 2008. — 第5期. — 第74—76页. (*Шэнь Лужу.* Влияние Достоевского на творчество Лу Синя / Шэнь Лужу // Вестник Сучжоуского университета. — 2008. — № 5. — С. 74—76)

43. Юй Дафу, 1998 — 郁达夫. 日记 / 郁达夫. — 太原 ：山西教育出版社, 1998. — 355页. (*Юй Дафу.* Дневник / Юй Дафу. — Тайюань : Изд-во «Образование», 1998. — 335 с.)

44. Ян Юньгэн, 2000 — 杨运庚. 陀思妥耶夫斯基与郁达夫心理描写异同论 / 杨运庚 //安康学院学报. — 2000. — 第1期. — 第48—51页. (*Ян Юньгэн.* Сходство и различие психологизма у Юй Дафу и Достоевского / Ян Юньгэн // Журнал Аньканского педагогического университета. — 2000. — № 1. — С. 48—51)

Reception of Dostoevsky's Creativity in Chinese Translations, Works of Art and Scientific Research

© Ai Huirong (2020), orcid.org/0000-0002-7698-5024, PhD in Philology, Senior Lecturer, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China), ahr.2006@163.com.

The article is devoted to a survey analysis of F. M. Dostoevsky's reception in the works of fiction of Chinese writers and in scientific literary studies. The main features of the translations of Dostoevsky's texts and studies of the Russian classic in different historical periods, which were determined by the socio-cultural attitudes and ideological orientation that dominate in China, are considered. It is noted that the representation of Dostoevsky in China from the very beginning was not an exclusively cultural phenomenon, but was associated with the desire of the progressive intellectuals to create a modern national literature. Based on historical facts and scientific research, it is established that Dostoevsky's reception is represented in the artistic world of modern Chinese writers of different generations, in particular Lu Xun, Yu Dafu, Tie Ning and many others, but deep comparative studies have been carried out only in relation to writers of the 1920s and 1940s years. The author pays special attention to the analysis of the political and cultural background and ideological attitudes in the perception of Dostoevsky's creativity and views by Chinese writers. It is shown that Dostoevsky's reception in China is pragmatic and one-sided: Chinese writers highly appreciated Dostoevsky's humanistic attitude towards the "humiliated and insulted", but generally did not accept his religious ideas.

Key words: Chinese writers; Dostoevsky; transfer; study; humanism; artistic connection; culture.

References

Diao Shaohua (1982). *Dostoyevskiy: 1821—1881* [Dostoevsky: 1821—1881]. Shenyan: Lyaoninskoye izd-vo «Narod». 141 p. (In Chin.).

Ding Shixin (2007). *Obyektivno-istoricheskiy analiz vliyaniya Dostoyevskogo na Lu Sinya* [Objective historical analysis of Dostoevskys influence on Lu Xin]. *Nauchnyy zhurnal Inshan'* [The scientific journal Insane], *2:* 31—35. (In Chin.).

Ge Xiaohua (2011). *Te Nin i russkaya literatura: magisterskaya dissertatsiya* [Te Ning and Russian literature: masters thesis]. Shansha. 92 p. (In Chin.).

Gong Gang (2017). O Sya Tszi-an' i Dostoyevskom [About Xia JI-an and Dostoevsky]. *Kitayskaya sravnitelnaya literatura* [Chinese comparative literature], *3:* 146—159. (In Chin.).

Guo Xiaoli (2012). *Ideya iskupleniya v proizvedeniyakh Dostoyevskogo: sravnitelnyy analiz v svete kitayskogo kulturnogo myshleniya* [The idea of redemption in the works of Dostoevsky: a comparative analysis in the light of Chinese cultural thinking]. Kharbin: Kheyluntszyanskoye izd-vo «Narod». 314 p. (In Chin.).

He Huaihong (1999). *Moral', bog i chelovek: problemnye voprosy v rabotakh Dostoyevskogo* [Morality, God and man: issues in the works of Dostoevsky]. Pekin: Izd-vo «Sinkhua». 376 p. (In Chin.).

He Maozheng (1986). Teoriya «polifonicheskogo romana» i otsenka proizvedeniy Dostoyevskogo [The Theory of "polyphonic novel" and evaluation of Dostoevskys works]. *Vestnik Cevero-vostochnogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the North-Eastern pedagogical University], *6:* 72—78. (In Chin.).

He Yunbo (1997). *Dostoyevskiy i dukh russkoy kultury* [Dostoevsky and the spirit of Russian culture]. Chansha: Khunanskoye izd-vo «Obrazovaniye». 272 p. (In Chin.).

He Xiangyang (1996). *Istoriya palomnichestva i puti: o tvorcheskom dukhe Chzhan Chenchzhi* [History of pilgrimage and the way: about the creative spirit of Zhang chengzhi]. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], *4:* 55—63. (In Chin.).

Ji Xingxing (1999). *Dramatizm rabot Dostoyevskogo* [Drama of Dostoevskys works]. Pekin: Izd-vo Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta. 196 p. (In Chin.).

Ju Ping (2017). «Zhenskiye golosa» Suy Khanchzhan i Soni v proizvedeniyakh Chzhan Vey i Dostoyevskogo [“Women’s voices” by sui Hanzhang and Sonya in the works of Zhang Wei and Dostoevsky]. *Zhurnal Mudan’* [Mudan Magazine], *20:* 9—12. (In Chin.).

Lei Ziyi (2019). Sintez mirovozzreniya i narodnogo yazyka: retseptsiya i internalizatsiya russkoy literatury v tvorchestve Te Nin [Synthesis of worldview and folk language: reception and internalization of Russian literature in the works of Te Ning*]. Zhurnal Lyaochenskogo universiteta* [Journal of Liaocheng University], *1:* 57—60. (In Chin.).

Li Chunlin (1985). *Lu Sin’ i Dostoyevskiy* [Lu Xin and Dostoevsky]. Khefey: Izd-vo «Iskusstvo i literautra». 198 p. (In Chin.).

Liu Congying (2009). O zaimstvovanii Te In motiva grekha i iskupleniya iz proizvedeniy Dostoyevskogo [On borrowing The te Ying motif of sin and redemption from the works of Dostoevsky]. *Vestnik Tsyannanskogo narodnogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Qiannan peoples pedagogical University], *1:* 21—25. (In Chin.).

Liu Hu (1985). Dvoystvennost’ kharakterov geroyev v proizvedeniyakh Dostoyevskogo [Duality of characters in the works of Dostoevsky]. *Literatura, istoriya i filosofiya* [Literature, history and philosophy], *4:* 24—27. (In Chin.).

Liu Na (2017). Perevody i issledovaniye Dostoyevskogo v Kitaye v period kulturnykh transformatsiy novogo veka [Translations and research of Dostoevsky in China during the cultural transformations of the new century]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian literature and art], *1:* 145—151. (In Chin.).

Liu Yading (1986). Analiz «Dvoynika» [Analysis Of The “Double”]. *Issledovaniye inostrannoy literatury* [Research of foreign literature], *2:* 31—36. (In Chin.).

Lyu Tszyumin (2003). Yuy Dafu i Dostoyevskiy [Yu Dafu and Dostoevsky]. *Tszyankhanskiy forum* [Jianghang forum], *5:* 83—85. (In Chin.).

Lu Xun (1976). *Dopolnitelnoye sobraniye sochineniy* [Additional collection of works]. Pekin: Narodnoye izd-vo. 180 p. (In Chin.).

Lu Xun (1991). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], *16 (6).* Pekin: Narodnoye izd-vo. 637 p. (In Chin.).

Ma Xiaofeng (2017). O vliyanii latentnogo perevoda na tvorchestvo Lu Sinya: ot «Bratyev Karamazovykh» k «Lekarstvu» Lu Sinya [On the influence of latent translation on the work of Lu Xin: from the Brothers Karamazov to the Medicine of Lu Xin]. *Vestnik Tekhnologicheskogo instituta Tszinchuy* [Bulletin of the Jingchui Institute of Technology], *3:* 21—26). (In Chin.).

Mao Dun (2014). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], *43 (32).* Khefey: Narodnoe izd-vo «Vremya», «Khuanshan’». 784 p. (In Chin.).

Mei Lan (1999). Pochemu my ne mozhem popast’ v ray: sravnitelnyy analiz tvorcheskogo dukha Lu Sinya i Dostoyevskogo [Why we cant get to Paradise: a comparative analysis of the creative spirit of Lu Xin and Dostoevsky]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta Tsentralnogo Kitaya* [Bulletin of the Pedagogical University of Central China], *2:* 83—86). (In Chin.).

Pen Kexun (2006). *Izucheniye khudozhestvennykh osobennostey romanov Dostoyevskogo* [Studying the artistic features of Dostoevskys novels]. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta. 528 p. (In Chin.).

Predisloviye [Preface]. (1953). In: *Izbrannyye sochineniya Dostoyevskogo* [Selected works of Dostoevsky], *9 (1).* Pekin: Izd-vo Venguan. 1—18. (In Chin.).

Qian Gurong (1980). O Dostoyevskom: predisloviye k perevodu «Dyadyushkin son» [On Dostoevsky: Preface to the translation of "uncle's dream"]. Shen Luru (2008). Vliyaniye Dostoyevskogo na tvorchestvo Lu Sinya [Dostoevskys Influence on the work of Lu Xin]. *Vestnik Cuchzhouskogo universiteta* [Bulletin of Suzhou University], *5:* 74—76. (In Chin.).

Song Datu (1987). Polifonicheskaya teoriya Bakhtina i avtorskaya pozitsiya Dostoyevskogo [Bakhtins Polyphonic theory and Dostoevskys authors position]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], *1:* 41—48. (In Chin.).

Tang Da (2013). Sravnitelnyy analiz idey Lu Sinya i Dostoyevskogo [Comparative analysis of the ideas of Lu Xin and Dostoevsky]. *Akademicheskiy zhurnal dlya aspirantov Chzhunshanskogo universiteta* [Academic journal for graduate students of Zhongshan University], *3:* 104—110. (In Chin.).

Tian Quanjin (1987). Polifonicheskiy roman: geroy i avtor v teorii Bakhtina [Polyphonic novel: hero and author in the theory of Bakhtin]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], *6:* 30—39. (In Chin.).

Tian Quanjin (2010). *Sintez slova i mysli: sravnitelnoye issledovaniye po Dostoyevskomu* [Synthesis of words and thoughts: a comparative study on Dostoevsky]. Shankhay: Izd-vo Fudanskogo universiteta. 314 p. (In Chin.).

Tie Ning, Wan Yao (2003). Literatura dolzhna obladat' sposobnostyu zashchishchat' dushevnoye zdorovye i istinnoye blagorodstvo cheloveka [Literature must have the ability to protect the mental health and true nobility of a person]. In: *Obzor sovremennykh pisateley* [Review of contemporary writers], *6:* 10—21. (In Chin.).

Vestnik Vostochno-kitayskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the East China pedagogical University], *4:* 49—52. (In Chin.).

Wang Dong, Ji Jin (2015). *Poslaniya Sya Chzhitsin i Sya Tszi-an'* [Messages of Xia Zhiqing and Xia JI-an], *1.* Gonkong: Izd-vo Kitayskogo universiteta Gonkonga. 552 p. (In Chin.).

Wang Shengsi (1993). «Zapiski iz podpolya» i ekzistentsialnyye romany ["Notes from the underground" and existential novels]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], *2:* 101—07. (In Chin.).

Xia Zhongyi (1982). «Zapiski iz podpolya» Dostoyevskogo i ikh polifonicheskaya struktury ["Notes from the underground" by Dostoevsky and their polyphonic structures]. *Mirovaya literatura* [World literature], *4:* 105—115. (In Chin.).

Yang Yungeng (2000). Skhodstvo i razlichiye psikhologizma u Yuy Dafu i Dostoyevskogo [Similarity and difference of psychology in Yu Dafu and Dostoevsky]. *Zhurnal Ankanskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of the Ankang pedagogical University], *1:* 48—51. (In Chin.).

Yu Dafu (1998). *Dnevnik* [Diary]. Tayyuan': Izd-vo «Obrazovaniye». 335 p. (In Chin.).

Zhan Chengzhi (1988). Nochnoye puteshestviye po moryu [Night journey by sea]. *Pisatel'* [Writer], *11:* 34—37. (In Chin.).

Zhao Guilian (2002). *Skitayushchayasya dusha: Dostoyevskiy i russkaya traditsiya* [Wandering soul: Dostoevsky and the Russian tradition]. Pekin: izd-vo Pekinskogo universiteta. 472 p. (In Chin.).

Zhao Lei (2014). Obzor kitayskikh issledovaniy Dostoevskogo v novom veke [Review of Chinese studies of Dostoevsky in the new century]. *Nauchnaya gazeta shenchzhenskogo universiteta* [Scientific newspaper of Shenzhen University], *2:* 119—123. (In Chin.).

Zhao Shuqin, Chen Jinwu (2011). «Nikogda ne zabyvay»: sravnitelnyy analiz tvorchestva Tszun Pu i Dostoyevskogo [“Never forget”: a comparative analysis of the works of Zong PU and Dostoevsky]. *Vestnik Khunanskogo gorodskogo instituta* [Bulletin of Hunan city Institute], *3:* 39—43. (In Chin.).

Zhao Yan, Tie Nin (2004). Vnimaniye i lyubov’ k lyudyam. Intervyu s Te Nin [Attention and love for people. Interview with Te Ning]. *Literaturnyy obzor* [Literary review], *1:* 22—28. (In Chin.).

Zheng Zhenduo (1998). *V chest’ 100-letiya so dnya rozhdeniya Dostoyevskogo* [In honor of the 100th anniversary of the birth of Dostoevsky], *20 (15)*. Shitszyachzhuan: Izd-vo «Khuashan’». 355—358. (In Chin.).

Zong Pu (1996). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], *4*. Pekin: Izd-vo Khuai. 507 p. (In Chin.).

Аминева В. Р. Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков : особенности функционирования и поэтика / В. Р. Аминева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 177—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192.

Amineva, V. R. (2020). Topos of Kazan in Russian Poetry of the Late XX — Early XXI Centuries: Features of Functioning and Poetics. *Nauchnyi dialog, 11:* 177-192. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192. (In Russ.).

УДК 82-1+821.161.1“197/201”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192

Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков: особенности функционирования и поэтика[1]

© **Аминева Венера Рудалевна (2020),** orcid.org/0000-0003-4016-2242, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Россия); ведущий научный сотрудник отдела литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва, Россия), amineva1000@list.ru.

Рассматривается вопрос, связанный с особенностями функционирования «казанского текста» в творчестве Р. Кутуя, Р. Бухараева, Э. Блиновой и Л. Газизовой. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом ученых к таким типам дискурса, как сверхтекст. Автор исходит из того, что поэтика художественного пространства связана с типами формирующихся в лирике поэтов субъектно-образных структур. Новизна исследования видится в том, что выделены типы диалогических отношений лирических субъектов с городом. Показано, что Казань в произведениях поэтов воплощает надличностное и «вненаходимое» по отношению к основной лирической ситуации и ее героям начало. Сделан вывод о том, что в поэзии Р. Кутуя создается многогранный образ города, с которым у лирического героя устанавливаются отношения единства и взаимопроникновения. Подчеркивается, что в произведениях Р. Бухараева отношение к родному городу носит амбивалентный характер и отражает «текучесть», изменчивость позиции «я». Представлены результаты сопоставительного анализа лирики Э. Блиновой и Л. Газизовой: Казань в произведениях Э. Блиновой — обобщенно-типический образ, объективирующий этапы биографии героини; урбанистический мир Л. Газизовой предельно конкретен и осмыслен как индивидуально-личное пространство жизнебытия.

Ключевые слова: городской текст; хронотоп; субъектная сфера; Р. Кутуй; Р. Бухараев; Э. Блинова; Л. Газизова.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

1. Введение

В литературоведении активно исследуется такой тип дискурса, как «городской текст», который имеет определенные характеризующие его языковые маркеры, воспроизводимые в культуре на протяжении длительного времени. Тот или иной топоним, обладающий символическим значением, претендует на статус текста. И Казань в этом плане не исключение. Казанский текст как одна из разновидностей городских текстов имеет длительную историю формирования как в русской, так и в татарской литературах и исследуется в современном литературоведении в разных аспектах: мифология Казани в прозе А. Хаирова рассматривается как «иноэтнокультурная составляющая русской литературы» [Шафранская, 2014]; выявляются наиболее значимые семантические константы Казани как зоны вечного фронтира — места встречи Востока и Запада — в произведениях В. Попова, А. Сахибзадинова и др. [Зайнуллина, 2019]; сопоставляется поэтическое воплощение Казани в творчестве Р. Бухараева и Л. Григорьевой [Галимуллина, 2017]. В данной статье впервые предпринимается попытка выделить формирующиеся в творчестве русскоязычных поэтов типы субъектных ситуаций и соответствующие им образные структуры. Решение данной задачи представляется значимым для определения ценностно-смысловых оснований топоса Казани как сверхтекста, особенностей его функционирования и поэтики.

Материалом исследования стали произведения Рустема Кутуя (1936—2010), Равиля Бухараева (1951—2012), Эльмиры Блиновой (1955—2013) и Лилии Газизовой (р. 1972), посвященные Казани. Творческая индивидуальность Р. Кутуя рассматривается учеными как явление литературного (культурного) пограничья, определяются основные темы, образы и мотивы его произведений [Небольсина, 2012]. Личность и творчество Р. Бухараева также привлекали внимание критиков и литературоведов. Одни ученые вписывают его поэзию в контекст русской литературы [Бондаренко, 2011]; другие говорят о его «множественной идентификации» [Ибрагимов, 2016, с. 43]. Практически неисследованной остается лирика Э. Блиновой и Л. Газизовой.

Обращение к наследию именно этих поэтов объясняется тем, что в их творчестве отразились основные тенденции в развитии субъектных отношений и сложились характерные для региональной русскоязычной поэзии типы художественных целостностей. В творчестве Р. Кутуя диалог традиций и разных культурных кодов направлен к их синтезу в целостный образ мира и человека. В поэзии Р. Бухараева, напротив, создается разомкнутая, незавершенная, ризоматическая картина действительности, соответствующая нестабильной, изменяющейся позиции лирического субъекта. «Город-

ская» лирика Э. Блиновой и Л. Газизовой репрезентативны с точки зрения способов развития темы и развертывания лирического сюжета, связанного в одном случае с обобщением и универсализацией ситуаций и душевных состояний, в другом — с конкретизацией, подчеркиванием их единичности и неповторимости.

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, в которых обосновывается диалогическая природа художественного творчества [Бахтин, 1986], раскрываются художественно-эстетические особенности русскоязычной составляющей литературного процесса [Лейдерман, 2005] и в целом литературы, реализующей феномен культурного пограничья [Berry et al., 1999; Anzaldúa, 2012; Тлостанова, 2008]. На концепцию проводимого исследования оказали влияние структурно-семиотические теории отечественной и зарубежной науки, посвященные категориям художественного пространства, текста и сверхтекста [Барт, 1994; Лотман, 1996; Леви-Стросс, 2000; Меднис, 2011]. Методика анализа произведений опирается на установленные в теории литературы принципы организации субъектной сферы произведений, характерные для поэтики художественной модальности [Бройтман, 2001; Корман, 2006].

2. Нераздельность «я» и города в лирике Р. Кутуя

В стихотворениях Р. Кутуя Казань предстает как город, имеющий тысячелетнюю историю, обладающий неповторимым обликом. Казань для лирического героя — это и ценностное пространство, в котором ему дороги озеро Кабан, Булак, Суконка: *Спит озеро во льдах воспоминаньем. / Кружат, кружат лета восколыханьем. / Небесною полой запахнут город древний, / Вокруг белым — бело, и тем напевней. / Что скажут имена: «Кабан», «Булак», «Суконка» — / По грудь заметена, а дышится как звонко!* [Кутуй, 2006, с. 20]. Центру Казани («башням») противопоставляются городские окраины, связанные с детскими годами и молодостью поэта: *Я и башен твоих боюсь, / Как перстней, / Забродивший в окраинах Одиссей. / Не было в моей жизни / Земли прелестней* [Там же, с. 12]. Вместе с тем образ Казани, не теряя своей самостоятельности, получает мифологический и символический смысл. Казань в лирике Р. Кутуя не только объект изображения, но и субъект, причем субъект особого типа, занимающий по отношению к «я» позицию «вненаходимости» и внежизненной активности. Диалог с этим сверхсубъектом выполняет структурообразующую функцию в произведениях поэта, раскрывая самосознание и самоопределение его лирического героя.

В поэзии Р. Кутуя создается синкретическиий образ города: Казань одновременно и женщина-мать, и природа, и стихия-жизнь, и история. Для лирического субъекта она прежде всего мать и кормилица, по дряблым щекам которой катятся горькие слезы: *Ты меня вынянчила, сердобольная, — Не из грязи в князи! — / Я в твоем подоле / Кулек завязанный / На черный день. <…> Каждой оспинке рад / На щеке дряблой, / Когда осень с оград / катит солнышки яблок* [Там же, с. 27]. В стихотворении «Март» Казань выступает в лике молодой женщины-красавицы: *Шумит Казань, березовая, / Бирюзовая, / Не «стара», «не коса», / От румянца розовая. / В марте беленький фартук / Не сбросит, / Не расчешет роскошные косы, / Не усталая, не постаревшая, / Проблистает откосами / Безунывная женщина …* [Кутуй, 1993, с. 18]. В «Акварелях» создаются два образа Казани — старой, «горбатой» и новой, «приосанившейся» [Кутуй, 2006, с. 384].

Важна природа устанавливающихся между «я» и Казанью отношений — они имеют бытийно-субъектный характер единства и взаимопроникновения: *Казань-прародительница, / и корой пожухлой / не вычесть меня из тебя* [Там же, с. 24]. Неизменным атрибутом создаваемого в творчестве поэта образа Казани является определение *моя*, выносимое и в заглавие стихотворений («Моя Казань! — сказать имею право …», «Моя столица»). Оно указывает на принадлежность города лирическому герою. Из Казани-прародительницы он черпает жизненную и творческую энергию: *Пожить бы подольше, ох, хорошо бы! / Не зажиться, нет, а сполна исполнить / Желание, веру, выцвести до кожурки, / Замешать в огнедышащем полночи, полдни, / Запахнувшись прекрасным и жутким* [Там же]. Мотив родства человека и топоса, пронизывающий стихотворения поэта о Казани, ведет героя к открытиям экзистенциально-личного характера. Он ощущает себя сиротой вдали от родины, осознает свою «нераздельность» с городом: *Зачем я здесь на земле чужой / Тоскую, зализываю трещины неустанно, / Сам лихорадка и черный ожег? / Не могу без тебя, Казань!* [Там же, с. 25].

Стремление «я» слиться с Казанью-природой-историей-прародительницей обусловливает появление ряда субъектных метаморфоз, имеющих однонаправленный характер и выявляющих пластичность лирического субъекта, находящегося в процессе постоянного пересоздания собственного «я». Отождествляясь с природной сущностью города, «я» превращается в осенний лист и вовлекается в вечный круговорот гибели и возрождения: *Я в тебе, Казань, / раскружился весь, / как лист в осени. / Сгорел. Народился заново. И опять жадно / Врезал ладошку пятипалую в синь … / Не могу без тебя, Казань!* [Там же, с. 24].

Субстанциальное родство лирического героя и Казани проистекает из одинаковой причастности и города, и человека феномену границы — месту встречи Запада и Востока. Их территориальное схождение, исполненное драматической напряженности, развивается в экзистенциальную ситуацию, переживаемую «я»: *Будто оказался / Я на месте лобном, / Весь открыт, распахнут — / Встретились, очнулись / Вдруг Восток и Запад! / Травы затаились, / Воды застеклились* [Там же, с. 13].

В Казани в разное время года и в разных ее состояниях актуализируется то восточное, то западное начало. Например, весной на первый план выходит стихия Востока: *Казань вдруг расцвела тюльпанами Востока. / — Дай, дядя, дай! — / Мне Азия протягивает руку, / Себя стесняясь. — Дай!* [Там же, с. 229]. Но чаще «западное» и «восточное» гармонично сочетаются и взаимодополняют друг друга, что выражается, например, в сосуществовании казанских топонимов на русском и татарском языках: *Эй, Суконка, скажи! / Адмиралтейство, / Откликнись! / Я пролистываю этажи, / Миги — лики. Отворяю калитки … / В Бишбалте / Утонул топор в воде … / (Шурале не подглядел?)* [Там же, с. 16]), в интертекстуальных связях с произведениями татарской, русской, европейских литератур (упоминаются образы Шурале, Сююмбике, Светлана Ярославна, Одиссей, «коленкор Фета» и др.), в соединении контрастных зрительных и слуховых впечатлений, отсылающих к разным традициям (например: *Я свеж, помыт, — / Я баней пахну! / Примолк, не успев и ахнуть … / То арфой зазвучит / А то — кураем / с парома …* [Там же, с. 7]).

Ценностно-смысловые кругозоры Запада и Востока приняты лирическим героем в себя как две его интенции. Оказавшиеся в одном, хотя и внутренне диссонирующем ряду, они в той или иной мере сохраняют свою ощутимую «другость» для «я». Эта коллизия вызывает превращение субъекта речи из зрителя, внеположного бытийной ситуации, в активное действующее лицо драматического взаимодействия двух противоположных начал — Запада и Востока, — своей судьбой реализующего их диалогическую взаимодополнительность: *Кто простит мою память, / запекшийся кровью висок, / когда стукнулись лбами / Запад — Восток, / обнищанье — богатство, / а искры прошли сквозь меня …* [Там же, с. 17]. Образ Казани, созданный в поэзии Р. Кутуя, определяет и культурную идентичность лирического героя, и его «я» как индивидуально неповторимой личности.

У Р. Кутуя с Казанью связывается много кардинальных, острейших вопросов, занимавших общественную мысль 2-й половины XX и начала XXI веков: исторические пути движения нации, взаимосвязь западного и восточного начал, историческое прошлое города и его настоящее и др.

Поэт показал многогранный облик Казани, находя для каждого свой жанрово-стилистический ключ: здесь и элегический тон, связанный с мотивом воспоминаний, и торжественный гимн славе, красоте и величию города, и исповедальность, сопряженная с глубоко личными переживаниями лирического героя.

3. Диалог «я» с городом в лирике Р. Бухараева

Казань, центральный образ цикла «Казанские снега», вызывает у лирического героя поэта противоречивое отношение — притяжение и отталкивание, любовь и ненависть: *Я его*[1] *понимаю, потому и виню, я его проклинаю, / оттого что люблю* [Бухараев, 2011, с. 64]. Так же, как и в лирике Р. Кутуя, Казань в произведениях Р. Бухараева выступает в субъектных формах. Лирический герой цикла «Казанские снега» выстраивает разные типы диалогических отношений с городом, в котором перемешано «свое» и «чужое». «Чужое» в нем осознается с позиций сопротивления официальной идеологии и распространяется на новый облик города: *Как он стал неприметен, / непривычен и нем, / город маленьких сплетен, / самодельных богем* [Там же]. «Своим» оказывается пространство за Казанкой: *За рекою Казанкой, / где ивняк и луга, / ослепительно ярко / засияли снега, / и легка, и морозна, / в синеве января / жизнь струилась, как воздух, / обтекая меня …* [Там же, с. 63]. Между «я» и природой возникает связь особого рода: соположение человека и «жизни-воздуха» оборачивается их субстанциальным единством. Находясь внутри изображаемого локуса-стихии, лирический герой одновременно сохраняет и позицию «вненаходимости» по отношению к нему, позволяющую увидеть свои границы и осознать свое «я» как онтологически целостной личности. Наряду с «сияющими снегами» «своими» для лирического субъекта Р. Бухараева являются коды татарской национальной культуры: *Навсегда б одурело / я рванулся в бега, / если бы кровь не горела, / не сияли снега, / если б там, где могила / мелководной реки, / не сверкала бы сила / Тафтиляу, / Аллюки!*[2] [Там же, с. 64].

В венке сонетов Р. Бухараева «Милостыня родного языка», включенном в сборник «Казанские снега», отразились глубоко драматические переживания личности, связанные с утратой родного языка и острым чувством своей оторванности от родного края. Символом утраченной родины, по которой тоскует лирический герой, становится лист смородины: *Не ты ли манишь звоном родника, / отчизна? Запеклись мои уста. / Вдохнуть бы запах раннего листка / смородины — с вечернего куста …* [Там же, с. 346].

1 Речь идет о городе.

2 Тафтиляу, Аллюки — народные песни на слова Г. Тукая.

Универсальные образы-символы: «белый сад», «стайка яблонь», «деревянный дом» и другие, — приобретают для лирического героя экзистенциальную значимость и формируют философско-метафизический пласт текста. Они репрезентируют мышление «пространством» как особый способ преодолеть отчужденность от родины и восстановить связь с ней, что является необходимым условием гармонического бытия личности.

Основой главного лирического события, объединяющего 14 сонетов в единое целое, становится приобщение к своим истокам, корням, воссоединение с родиной. В последнем сонете лирический герой возвращается на родину, но не преодолевает внутреннего отчуждения от своих соотечественников (*Шум недоверья и злословья шум / меня встречают в отчей стороне* [Там же, с. 347]), мучительного чувства вины (*Я по родной стране, как по стерне, / иду с повинной, и мутится ум* [Там же, с. 348]).

Образ дороги в цикле имеет и конкретный, и метафорический характер, отмечая пределы жизненного пути человека: *Ушел я молодым — пришел седым* [Там же]. На духовный путь лирического субъекта проецируется антитеза памяти и забвения. С одной стороны, он констатирует: *Немая память предана стократ* [Там же, с. 340]. С другой стороны, конкретные приметы родной природы и быта, постоянно присутствуя в памяти героя, выводятся за пределы времени и утверждаются в своем абсолютном и вечном значении: *... глаза закрою — вижу: белый сад, / над стайкой яблонь блещут облака* [Там же, с. 341]. Таким образом, память становится той основой, которая не только скрепляет разрозненные эпизоды человеческой судьбы, но и воссоединяет распавшиеся органические и духовные связи.

Цикл пронизан интертекстуальными связями с поэзией Г. Тукая, прежде всего со стихотворениями «Туган тел» («Родной язык», 1909), «Милли моңнар» («Национальные мелодии», 1909), которые Р. Бухараев переводил. Образы лежащего на дне озера Кабан заветного клада и силача Карахмета в пятом сонете отсылают к поэме «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» («Сенной базар, или Новый Кисекбаш», 1908). Возникает тема творческого соревнования с великим предшественником, из которой рождается драматическая коллизия этого сонета: лирический герой констатирует: *С Тукаем не сравниться никогда ...*, но в то же время продолжает верить в силу своего творческого дара: *Но погоди плевать в мои труды: / есть жемчуга под толщею воды ...* [Там же, с. 342].

В двенадцатом сонете, связанном со стихотворением «Национальные мелодии», Р. Бухараев вслед за Г. Тукаем дает свою художественно-эстетическую трактовку одного из национально-специфичных концептов татарской культуры: *Татарская печаль — она сладка. / Татарская печаль — она*

чиста [Там же, с. 346]. Но если в стихотворении «Национальные мелодии» устанавливается бытийно-субъектное единение «я» и «мы», лирический герой концентрирует в своем внутреннем мире эмоционально-психологический опыт «мы» народа, то у Р. Бухараева свойственный его предшественнику субъектный синкретизм разрушается. «Я» и «отчизна» («ты»), к которой лирический герой обращается с вопросами, образуют не одну, а разные целостности. Функцию скрепы национального бытия начинает выполнять не язык, а то, что способно в условиях утраты языка выразить устойчивые, экзистенциально значимые переживания и душевные состояния народа: *А на казанских стогнах испокон / ночные плачи, предрассветный стон / в ушах — взамен родного языка* [Там же, с. 347]. *Ночные плачи, предрассветный стон* рождают в душе лирического героя чувство сопричастности национальному. В сонетном цикле Р. Бухараева отражено мучительное усилие лирического субъекта преодолеть отчужденность от своих корней, обреченность на жизнь без родины, на непонятость соотечественниками: он готов взять на себя изнурительный духовный труд памяти, чтоб *возродить узорных строчек лад* [Там же, с. 344], делиться всем, что *бездомная* душа *с чужбины принесла с собой, / что слышала, дыханье затая, в чужих наречьях — в музыке чужой* [Там же, с. 345].

В венке сонетов «Милостыня родного языка» лирический субъект Р. Бухараева отождествляется с эмпирическим субъектом как индивидуальным носителем сознания. Вместе с тем он выступает и как носитель родового сознания той части этноса, в которой произошла смена ее языковой составляющей. Не владея языком этноса, он пытается идентифицировать себя с ним по другим параметрам: вступает в диалог с поэзией Г. Тукая, развивает и продолжает его традиции на уровне тем, мотивов, образов; осознает свою причастность к топосам национальной культуры (Казань, озеро Кабан, Булак, Булгары) и стихиям национального бытия; объединяет себя с соотечественниками по религиозным убеждениям. Однако этой тенденции противостоит другая, связанная с глубоким интимно-лирическим переживанием незнания языка и непреодоленной отчужденностью от соотечественников.

Символом «текучей», постоянно перестраиваемой и вечно странствующей идентичности лирического героя Р. Бухараева становится образ бесконечного поезда, возникающий в одноименном стихотворении. Сфера субъективности здесь предстает и как не имеющая границ (*поезд мой бесконечный*), и как сосредоточенная в атрибутивном для образа Казани в творчестве поэта хронотопическом образе снега (*снег мой*). Ситуация встречи и расставания с Казанью, приближения к ней и отдаления от нее

здесь модальны, а сознание лирического субъекта локализуется между этими двумя пределами и раскрывается через топологическую оппозицию «устремленности — опустошенности». Движение, устремленное к Казани, соотносится с историческим временем и связывается с приобщением к исторической судьбе города: *Призываю тебя, / пролетая навылет лесами, / призываю, зову, / пополам разрезая поля ... / Поезд мой бесконечный, / и тысяча лет до Казани, / зимняя тысяча лет от "нельзя" до "нельзя" ...* [Там же, с. 82].

Момент обретения родины маркируется семантикой пустоты: *Ничего не находим, — только березы чисты, — / а когда на перроне конечном / выходим — / через двадцать минут мы, / как поезд прибывший, / пусты* [Бухараев, 2011, с. 82]. Смещение пространства от заполненности к пустоте, а времени в тысячу лет к двадцати минутам соотносится с внутренним состоянием лирического героя, переживающего свое трагическое несовпадение с тем местом в мире, которое отведено ему судьбой. Пустота как «потенциируемая» возможность оказывается порождающим началом: она вызывает иной тип перемещения в пространстве: *День и ночь, день и ночь, день и ночь — / как знакомо! / От себя, от себя, от себя — / нескончаемый бег* [Там же]. Смена дня и ночи обозначает малый цикл и мирового времени, и времени жизни отдельного человека. Бегство от себя размыкает это циклическое, круговое движение, характерное для эпически замкнутой картины мира, вектором линейного времени и центробежной направленностью пути. Желание обрести личную идентичность, совпадающую с топосом города, сменяется демонстративным отказом от себя. Открытое пространство, не имеющее внешних пределов, актуализирует идею бесконечного, которая в данном случае соотносится с неопределенностью места «я» в социуме, истории, народной судьбе.

4. Казань в судьбе лирических героинь Э. Блиновой и Л. Газизовой

Иначе выстраивается диалог с городом в творчестве Э. Блиновой: мало интересуясь историко-культурным аспектом темы, она углубляет интимно-личную трактовку города. Для ее лирической героини Казань не только культурная столица с историческими памятниками, отмеченными «в путеводителе любом», но и особое пространство, с которым связаны «заметы памяти»: старый дом, скамейка, старый клен с изрезанной корой, тесный двор, фонари, но то, что скрыто за ними, — известно лишь ей и делиться этим она не желает: *Что знаю я о городе моём? / Его красоты, памятники, виды, / все достопримечательности в нем, / которые ни от кого не скрыты?.. / Да — и они ... Но есть другие виды, / что незаметны и незна-*

мениты [Блинова, 2020]. В отличие от аксиологической системы Р. Кутуя ценность топологических примет в лирике Э. Блиновой определяется их причастностью к миру «я». «Мои деревья, улицы, дворы» противопоставляются «проспектам, зданиям, музеям».

Город перестает быть пространственно и духовно целостным образованием и распадается на ряд значимых для лирической героини локусов, с которыми отождествляются этапы ее биографии: мостовая — детство; угол дома — юность; сад — время материнства; школа, куда она отводит сына, — пора зрелости: *На этих мостовых играла в классы, / здесь, на углу, любимого ждала, / гуляла в этом садике с коляской, / а в эту школу сына отвела* ... [Там же]. Таким образом, лирическая героиня Э. Блиновой осознает свое «я» по отношению к городу как к пространству своего бытия. В хронотопе Казани акцентируется его жизнеохватывающая длительность.

Иная тенденция проявляется в лирике Л. Газизовой. Стихотворение «Казанские улицы» из цикла «Нелепый город» выдержано в стиле топографически точного описания улиц Кирова и Тукая, с которыми связано детство и юность героини. Но в этот насыщенный биографическими реалиями «городской текст» внедряется условно-поэтический язык: улица Тукая трансформируется в поэта Тукая: *По Тукая трамваи ходили… / <…> / Как в моем городе / Все связано с Тукаем — / И детство, / И юность* ... [Газизова, 2013, с. 38]. Мотив родства с городом, выраженный «простым» (нестилевым) словом, поддерживается культурно-исторической реминисценцией, которая вводит тему творческой и «генетической» памяти.

В отличие от условно-обобщенных примет городского ландшафта в лирике Э. Блиновой, в стихотворениях Л. Газизовой детали конкретно ситуативны: случайная встреча у Черного озера («Время и пространство»), оставленная в кофейне на Лобачевского дымящаяся сигарета («Одинокая сигарета»), бредущая по ночным кварталам Казани усталая женщина («Не спать!»), лирическая героиня, пытающаяся понять и простить родной город и путешествующая по его старым улицам и улочкам, трогающая шершавые камни башни Сююмбике, стоящая у памятника Мулланура Вахитова («Ключ»). Описанная в каждом из этих произведений индивидуально-неповторимая ситуация предстает как одна из возможных, и ее разрешение остается неопределенным. Например, неизвестно, куда спешил бросивший все на свете человек, что случилось с ним и успел ли он *добежать / До любви, / До рассвета, / До чуда…* («Одинокая сигарета») [Там же, с. 32].

Вероятностно-множественная модель мира и статуса человека в нем становится образной проекцией трагически переживаемого лирической героиней отчуждения от себя как от личности. В миниатюре «Настроение»

субъект речи тематизирует мифологический мотив превращения живого в неживое, органического в неорганическое, человеческого в природное, единичного во множественное, достигая авторефлексивной «вненаходимости» по отношению к себе: *Стать стрелкой на часах / Казанского Кремля. / Клавишей delete / Мирового компьютера. / <…> / Чем угодно, / Лишь бы не Лилией Газизовой* [Там же]. Превращение «автора» в «героя» означает не «смерть автора», а укоренение его в позиции самоотречения, провозглашаемой как выстраданная необходимость. В лирике Л. Газизовой нет отстраненности субъекта речи от первичного автора, надкругозорная точка зрения обозначается как правило переходом говорящего с внутренней точки зрения на внешнюю: от «я» к внеличной форме выражения авторского сознания.

В творчестве Э. Блиновой обращает на себя внимание стремление заменить механически-технический мир города органически-природным. Выразительным примером может служить стихотворение «Городские деревья», субъектно-образная архитектоника которого основана на взаимоотражениях природного и человеческого планов. Лирические персонажи обозначены как «она» и «он». Но «она» превращается в «я», «он» заменяется на «ты»: *“Возвращайся скорей! / Я старею, / Тебя ожидая!”* [Блинова, 2020]. Использование взаимозаменяемых местоименных форм вносит в изображаемый мир подвижность и относительность, подготавливая главную субъектную метаморфозу: превращение городских деревьев в людей, людей — в деревья: *“До свиданья!” — / она говорит, / и он говорит: / “До свиданья”. / Городские деревья трепещут: / “До увяданья …”* [Там же]. В этом контексте расставание и увядание семантически эквивалентны как проявление нерасчлененной стихии жизни.

Урбанистический мир Л. Газизовой принадлежит главным образом ночной сфере и складывается из знаков, образующих текст судьбы. Стихотворение «Город», посвященное Казани, пронизано мотивом движения как поиска пути, в котором ориентиром выступают звезды: *Я прохожу по площадям, / Молчащим и глухим, / По звёздам путь свой находя / Средь лампочных светил* [Газизова]. Город не противопоставляется природе, а органично вмещает ее в себя. В целое параллелизма «звезды — фонари» входит, делая его трехчленным, и лирическая героиня: *И так мне хорошо в ночи, / Всему и всем чужой, / Дрожащей как огонь свечи / От свежести ночной* [Там же]. Субъекты соположения: звезды, фонари, огонь свечи, объединенные семантикой света, — символизируют связь между небом и землей, микро- и макрокосмом. Этот универсум, ориентированный по вертикали и горизонтали, гармонизирующий визуальные (свет — тьма) и аку-

стические (*безмолвие шагов — звон далеких фонарей*) энергии, стирающий границы между днем и ночью (*Я сплю весь день, а ночью жгу / Свои дневные сны*), осмысливается как индивидуально-личное пространство жизнебытия лирической героини: *Где крови две в одну слились, / Где звезды небо рвут, / Где ветры мне в любви клялись, / В том городе живу* [Там же].

5. Заключение

В произведениях Р. Кутуя, Р. Бухараева, Э. Блиновой и Л. Газизовой топос Казани предстает как динамичное и многомерное пространство, структурируемое семантическими оппозициями: центр — периферия, западное — восточное, «свое» — «чужое», весна — осень, прошлое — настоящее, день — ночь, сон — явь и др. Значимыми в создании образа города являются характерные для творчества каждого из поэтов лейтмотивы и примыкающие к ним мотивные парадигмы, интертекстуальные связи и образные схемы.

В диалоге с городом как сверхсубъектом особого типа лирические герои Р. Кутуя и Р. Бухараева осмысливают свой уникальный жизненный опыт. В поэзии Э. Блиновой город — обобщенно-типический образ, аксиологическая содержательность которого определяется способностью переводить в пространство и объективировать значимые события личной жизни героини, этапы ее биографии. В лирике Л. Газизовой топографически точные описания Казани пронизаны откровенно личной интонацией, превращающей саму эту описательность в косвенный язык для выражения состояний души. Элементы городского ландшафта семиотизируются и прочитываются как знаки судьбы.

В русскоязычной поэзии хрототоп города выполняет не только универсально присущую ему миромоделирующую функцию, но и вовлекается в процесс самоидентификации лирического субъекта. В лирике Р. Кутуя Казань символизирует одинаковую причастность лирического героя к традициям и русской, и татарской культур. В произведениях Р. Бухараева отношение к родному городу носит амбивалентный характер (притяжение и отталкивание) и раскрывает мучительное переживание лирическим героем поэта кризиса своей идентичности. В лирике Э. Блиновой отразилось самосознание женщины-горожанки с глубоким внутренним миром, утонченными переживаниями, страдающей от безответной любви и обреченной на одиночество. Топос города лишен в ее стихотворениях этно-национальных свойств. Лирическая героиня Л. Газизовой отождествляется с эмпирическим субъектом как индивидуальным носителем сознания, предстает как неповторимо-личное «я», не совпадающее с собой, пристально вглядывающееся в границы не только «я» и «другого», но и «я» и мира, «я» и города.

Источники

1. *Ахунова Н.* Ухожу. Ушла. Уже в дороге ... Поэт Эля Блинова / Н. Ахунова // Стихи.ру. — Режим доступа : https://stihi.ru/2013/08/09/9533 (дата обращения 06.05.2020)

2. *Бухараев Р. Р.* Избранные произведения : Книга стихов / Р. Р. Бухараев. — Казань : Магариф — Вакыт, 2011. — 415 с. ISBN 978-5-85247-493-3

3. *Газизова Л. Р.* Город / Л. Р. Газизова // Лента Казани. — Режим доступа : http://www.1000kzn.ru/article/ru/61/73/ (дата обращения 10.09.2020)

4. *Газизова Л. Р.* Люди февраля / Л. Р. Газизова. — Москва : Воймега, 2013. — 60 с. ISBN 978-5-7640-0137-1.

5. *Кутуй Р.* Песня вечерняя : стихи / Р. Кутуй. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 264 с. ISBN 5-298-00999-9

6. *Кутуй Р.* Профиль ветра : стихи / Р. Кутуй. — Казань : Татарское книжное издательство, 2006. — 383 с. ISBN 5-298-03993-6

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс. Универс : Рея, 1994. — 615 с. ISBN 5-01-004408-0

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.

3. *Бондаренко В.* Славянский подвой к тюркскому дичку / В. Бондаренко // Бухараев Р. Р. Избранные произведения : Книга стихов. — Казань : Магариф — Вакыт, 2011. — С. 373—389. ISBN 978-5-85247-493-3

4. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 320 с. ISBN 5-728100400-2

5. *Галимуллина А. Ф.* Образ Казани в творчестве Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой / А. Ф. Галимуллина // Научный Татарстан. — 2017. — № 3. — С. 64—72. ISSN : 1683-6537

6. *Зайнуллина Г. И.* Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) / Г. И. Зайнуллина // Нева. — 2019. — № 3. — С. 208—219.

7. *Ибрагимов М. И.* Хронотоп и идентичность (на примере цикла стихов Равиля Бухараева «Казанские снега») / М. И. Ибрагимов // Литература в школе. — 2016. — № 6. — С. 41—43. ISSN 0130-3414

8. *Корман Б. О.* Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. — Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. — 552 с. ISBN 5-93972-516-3

9. *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму. — Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. — С. 121—152. ISBN 5-01004663-6

10. *Лейдерман Н. Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур / Н. Л. Лейдерман // Русская литература XX—XXI веков : направления и течения. Екатеринбург, 2005. — Выпуск 8. — С. 48—59.

11. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. ISBN 5-7859-0006-8

12. *Меднис Н. Е.* Поэтика и семиотика русской литературы / Н. Е. Меднис. — Москва : Языки славянской культуры, 2011. — 232 с. ISBN 978-5-9551-0482-9

13. *Небольсина М. В.* Творческая индивидуальность Рустема Кутуя : проблемы эволюции : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.02 / М. В. Небольсина. — Казань, 2012. — 200 с.

14. *Тлостанова М. В.* От философии мультикультурализма к философии транскультурации / М. В. Тлостанова. — Москва : РУДН, 2008. — 251 с.

15. *Шафранская Э. Ф.* Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова / Э. Ф. Шафранская // Вестник Северного (Арктического) федерального университет. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 95—103. ISSN : 2227-6564

16. *Anzaldúa G.* Borderlands / La Frontera : The New Mestiza / G. Anzaldúa. 4th ed. — Aunt Lute Books, 2012. — 312 p. ISBN-13 : 978-1879960749; ISBN-10 : 1879960745

17. *Berry E.* Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. Berry, M. Epstein. — New York : St. Martin's Press, 1999. — 340 p. ISBN 978-1-349-42157-2

Topos of Kazan in Russian Poetry of the Late XX — Early XXI Centuries: Features of Functioning and Poetics[1]

© **Venera R. Amineva (2020),** orcid.org/0000-0003-4016-2242, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia); Leading Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWLI RAS) (Moscow, Russia), amineva1000@list.ru.

The article deals with the issue related to the peculiarities of the functioning of the "Kazan text" in the works of R. Kutui, R. Bukharaev, E. Blinova and L. Gazizova. The relevance of the study is due to the growing interest of scientists in such types of discourse as supertext. The author proceeds from the fact that the poetics of artistic space is associated with the types of subjective-figurative structures that are formed in the poetry of poets. The novelty of the research is seen in the fact that the types of dialogical relations between lyrical subjects and the city are highlighted. It is shown that Kazan in the works of poets embodies the transpersonal and external in relation to the main lyrical situation and its heroes. It is concluded that in the poetry of R. Kutui, a multifaceted image of the city is created, with which the lyrical hero establishes relations of unity and interpenetration. It is emphasized that in the works of R. Bukharaev, the attitude to his hometown is ambivalent and reflects the "fluidity", the variability of the "I" position. The results of a comparative analysis of the lyrics of E. Blinova and L. Gazizova are presented: Kazan in the works of E. Blinova is a generalized-typical image that objectifies the stages of the heroine's biography; the urban world of L. Gazizova is extremely concrete and comprehended as an individual-personal space of life.

Key words: urban text; chronotope; subjective sphere; R. Kutui; R. Bukharaev; E. Blinova; L. Gazizova.

1 The reported study was funded by State Program for Increasing the Competitiveness of Kazan Federal University.

Material resources

Akhunova, N. Ukhozhu. Ushla. Uzhe v doroge ... Poet Elya Blinova [Leave. Escaped. Already on the road ... Poet of Elya Blinova]. In: *Stikhi.ru* [<url>]. Available at: https://stihi.ru/2013/08/09/9533 (accessed 06.05.2020) (In Russ.).

Bukharayev, R. R. (2011). *Izbrannyye proizvedeniya: Kniga stikhov* [Selected works: Book of poems]. Kazan': Magarif — Vakyt. 415 p. ISBN 978-5-85247-493-3 (In Russ.).

Gazizova, L. R. Gorod [Gorod]. In: *Lenta Kazani* [Lenta Kazan]. Available at: http://www.1000kzn.ru/article/ru/61/73/ (accessed 10.09.2020) (In Russ.).

Gazizova, L. R. (2013). *Lyudi fevralya* [People of February]. Moskva: Voymega. 60 p. ISBN 978-5-7640-0137-1 (In Russ.).

Kutuy, R. (1993). *Pesnya vechernyaya: stikhi* [Evening Song: poems]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 264 p. ISBN 5-298-00999-9 (In Russ.).

Kutuy, R. (2006). *Profil' vetra: stikhi* [Wind Profile: poems]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 383 p. ISBN 5-298-03993-6 (In Russ.).

References

Anzaldúa, G. (2012). *Borderlands / La Frontera: The New Mestiza.* Aunt Lute Books. 312 p. ISBN-13: 978-1879960749; ISBN-10: 1879960745.

Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo. 445 p. (In Russ.).

Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. Univers: Reya. 615 p. ISBN 5-01-004408-0 (In Russ.).

Berry, E., Epstein, M. (1999). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication.* New York: St. Martins Press. 340 p. ISBN 978-1-349-42157-2.

Bondarenko, V. (2011). Slavyanskiy podvoy k tyurkskomu dichku [Slavonic rootstock to the Turkic wildling]. In: *Bukharaev, R. R. Izbrannyye proizvedeniya: Kniga stikhov* [Bukharaev R. R. Selected works: Book of poems]. Kazan': Magarif — Vakyt. 373—389. ISBN 978-5-85247-493-3 (In Russ.).

Broytman, S. N. (2001). *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 320 p. ISBN 5-728100400-2 (In Russ.).

Galimullina, A. F. (2017). Obraz Kazani v tvorchestve Ravilya Bukharayeva i Lidii Grigoryevoy [The Image of Kazan in the works of Ravil Bukharaev and Lidia Grigorieva]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]*, 3:* 64—72. ISSN: 1683-6537 (In Russ.).

Ibragimov, M. I. (2016). Khronotop i identichnost' (na primere tsikla stikhov Ravilya Bukharayeva «Kazanskiye snega») [Chronotope and identity (on the example of Ravil Bukharaevs cycle of poems "Kazan snows")]. *Literatura v shkole* [Literature at school]*, 6:* 41—43. ISSN 0130-3414 (In Russ.).

Korman, B. O. (2006). *Izbrannyye trudy. Teoriya literatury* [Selected works. Theory of literature]. Izhevsk: Institut kompyuternykh issledovaniy. 552 p. ISBN 5-93972-516-3 (In Russ.).

Levi-Stross, K. (2000). Struktura i forma. Razmyshleniya ob odnoy rabote Vladimira Proppa [Structure and form. Reflections on a work by Vladimir Propp]. In: *Frantsuzs-*

kaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French semiotics: from structuralism to poststructuralism]. Moskva: Izdatelskaya gruppa «Progress». 121—152. ISBN 5-01004663-6 (In Russ.).

Leyderman, N. L. (2005). Russkoyazychnaya literature — perekrestok kultur [Russian-Language literature — the crossroads of cultures]. *Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Russian literature of the XX—XXI centuries: trends and trends]*, 8:* 48—59. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the thinking worlds. Man — text — universe of the mind — history]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 464 p. ISBN 5-7859-0006-8 (In Russ.).

Mednis, N. E. (2011). *Poetika i semiotika russkoy literatury* [Poetics and semiotics of Russian literature]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 232 p. ISBN 978-5-9551-0482-9 (In Russ.).

Nebolsina, M. V. (2012). *Tvorcheskaya individualnost' Rustema Kutuya: problemy evolyutsii.* PhD Diss. [Creative individuality of Rustem kutuya: problems of evolution. PhD Diss.]. Kazan'. 200 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2014). Mifologiya Kazani v proze Adelya Khairova [The Mythology of Kazan in the prose of Adel Khairov]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universitet. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences]*, 1:* 95—103. ISSN: 2227-6564 (In Russ.).

Tlostanova, M. V. (2008). *Ot filosofii multikulturalizma k filosofii transkulturatsii* [From the philosophy of multiculturalism to the philosophy of transculturation]. Moskva: RUDN. 251 p. (In Russ.).

Zaynullina, G. I. (2019). Programmiruyushchaya moshch' kazanskogo teksta (Simvolicheskiye realii Kazani v proze V. Popova, A. Sakhibzadinova, A. Khairova, D. Osokina i R. Bekkina) [The Programming power of the Kazan text (Symbolic realities of Kazan in prose by V. I. Zainullina). Popov, A. Sahibzada, A. Khairova, R. D. Osokin and Bekkina)]. *Neva* [Neva]*, 3:* 208—219. (In Russ.).

Власова О. А. «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии : перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210.

Vlasova, O. A. (2020). “Point of View” in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog, 11:* 193-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210. (In Russ.).

УДК 82:1+930.1+1(091)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210

«Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии: перспектива диалога[1]

© **Власова Ольга Александровна (2020),** orcid.org/0000-0003-4881-3652, Researcher ID N4191-2015, SPIN 1919-4641, доктор философских наук, Институт философии, профессор кафедры истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), o.a.vlasova@gmail.com.

Рассматривается проблема точки зрения с учетом вектора преемственности от литературоведения через историю к истории философии. Анализируются традиционные подходы англо-американской (Г. Джеймс, П. Лаббок) и французской (Ж. Женетт) литературоведческих традиций. Выделяются основная терминология и методологические стратегии, которые могут использоваться в исторической и историко-философской науке. Демонстрируется, что в рамках истории терминология фокализации способствует акцентированию фигуры исследователя, задающего условия восприятия исторического материала. На основании критического анализа предложенных А. Манслоу моделей фокализации в истории определены основные направления переосмысления проблемы фокализации в исторической и историко-философской практике. Характеризуется специфика постановки проблемы точки зрения и фокализации в истории философии. Подчеркивается, что обращение к ней позволяет поставить проблему взаимоотношений истории и современности, истории и философии. Подобная проблематизация историко-философской практики гораздо успешнее, чем традиционная терминология, способствует осмыслению современных тенденций развития. Исследование проблемы точки зрения демонстрирует общность методологической проблематики гуманитарных наук (литературоведения, истории, истории философии) и необходимость общегуманитарного диалога.

Ключевые слова: литературоведение; история; история философии; историк философии; перспектива; точка зрения; фокализация; литературоведение XX столетия; «новая критика».

1. Проблема точки зрения в диалоге наук

Науки о языке и литературе всегда очень тесно соприкасались с философией как наукой об общих основаниях мироустройства: сознание, язык, текст

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

всегда были для них общим проблемным полем. Однако одно из пространств потенциального диалога до сих пор обходят вниманием как филологи, так и философы, хотя оно имеет большое значение для развития историко-философских и философско-исторических исследований в XX веке, а также может многое прояснить в современных спорах о сознании. Это проблематизация перспективы, которую нам принесли структурные исследования текста.

Надо признать, что при всей актуальности и, в определенной мере, очевидности проблемы перспективы в истории философии она до сих пор не становилась предметом специального исследования. К ней практически вплотную подходят литературоведческие работы о точке зрения [Hühn et al., 2009], труды по философии истории и историографии последних лет [Tucker, 2009; Kuukkanen, 2015], однако они не преодолевают дисциплинарную границу и не рассматривают вопроса перспективы в других гуманитарных науках. В рамках самой истории философии чрезвычайно близки тематически этому вопросу труды о жанровом своеобразии истории философии [Kelley, 1996; Рорти, 2017; Джохадзе, 2012], он затрагивается в работах по французской традиции философии истории философии [Кротов, 2018; Вдовина, 2012; Блауберг, 2008], в том числе по философской историографии постструктурализма [Дьяков, 2016].

Прояснение перспективы, или точки зрения, в историко-философской работе — проблемная область, которая может быть разработана только в диалоге трех областей: философии (истории философии), литературоведения (нарратологии) и истории (философии истории, историографии, интеллектуальной истории). Что может дать нам перспективистская проблематизация в истории философии, если мы последуем путем литературоведения? Какой проблемный диапазон нам станет доступен? Что показывает преемственность подхода по отношению к тексту, событийному прошлому, философской мысли, как работают с такой перспективой историки и историки философии? Все эти вопросы и составляют проблемное поле настоящей статьи.

2. Проблематизация перспективы в литературоведении

Возможность проблематизации перспективы принесли структурные исследования. Немец О. Людвиг, англичане Г. Миллер и П. Лаббок, француз Ж. Женетт, австриец Ф. Штанцель, а также наш соотечественник Б. Успенский (и их последователи), присмотревшись к литературным памятникам прошлого и настоящего, заговорили об изменении возможностей текста в зависимости от того, какая повествовательная форма лежит в его основании. Борис Успенский в своей классической работе 1970 года «Поэтика композиции» ставит эту проблему максимально широко. «Она

представляется центральной (разрядка автора. — *О. В.*) проблемой композиции произведения искусства — объединяющей самые различные виды искусства, — подчеркивает он в начале книги. — Без преувеличения можно сказать, что проблема точки зрения имеет отношение ко всем видам искусства, непосредственно связанным с семантикой (то есть репрезентацией того или иного фрагмента действительности, выступающей в качестве обозначаемого)…» [Успенский, 1995, с. 9] Все теоретики трактуют вопрос перспективы в собственной терминологии, и каждая из предложенных систем может быть использована при концептуализации методологических проблем истории философии. Особенно продуктивной оказывается здесь терминология «точки зрения» и «фокализации».

Проблема точки зрения в литературе разрабатывается в англо-американской традиции. О ней заговорил еще в 1884 году Генри Джеймс. В работе «Искусство прозы» он акцентировал тот факт, что повествование может вестись с разных позиций, и назвал эту перспективу повествования *точка зрения*. Эта категория впоследствии стала считаться композиционнным основанием творчества Джеймса. «Первым этапом создания романа для Джеймса всегда было определение точки зрения. Кто должен рассказывать историю или наблюдать за ней? С какой стороны подойти к предмету? Как воплотить свои “ценности”? За какими сторонами происходящего нужно следить? Кто должен быть “центром?”» [Edel, 1931, p. 71], — подчеркивает Леон Эдель. И эти вопросы станут наиболее дискутируемыми вопросами в перспективистских дискуссиях литературоведения.

В 1921 году Перси Лаббок развил терминологию Джеймса и обратил внимание на тот факт, что рассказываемая в романе история может быть преподнесена посредством различных форм повествования, и, собственно, именно в этих формах состоит специфика художественного произведения [Lubbock, 1921, p. 20, 23]. Точка зрения романиста для него и есть тот вопрос, который может проблематизировать читатель: «Вся сложность проблемы метода в искусстве прозы (*the craft of fiction*) связана с проблемой точки зрения — вопросом о том, какую позицию рассказчик занимает по отношению к истории» [Lubbock, 1921, p. 251]. Он выделяет два типа повествования в романе, которые связаны с разными перспективами: 1) картинная (или панорамная), где история представляется в виде рассказа о событиях и преобладает монолог рассказчика; 2) драматическая (сценическая) перспектива, которая строится не на рассказе о событиях, а на их показе, причем в него оказываются вовлечены разные герои и разные позиции [Турышева, 2012].

Лаббок не проясняет различий между персонажем-рассказчиком и автором и не проблематизирует их отношений. Эта двойственность, заметная

еще у Джеймса, отмечает всю англо-американскую традицию литературоведения и нарратологии. Х. А. Алварес Аморос пишет об этом противоречии: «Отличительной чертой англо-американской концепции точки зрения является ее многосложность. С того момента, как Лаббок определил ее как “позицию рассказчика (narrator) по отношению к истории”, он связал идею точки зрения как таковой с идеей точки зрения вымышленного рассказчика или агента повествования (narrative agent), и получившаяся в результате амальгама повлекла неточные критические описания и, в особенности, множество противоречивых классификаций точек зрения или повествовательного голоса (narrative voice), которые основывались на множестве разнообразных критериев» [Álvarez Amorós, 1994, p. 47].

Сходный с англо-американским ракурс рассмотрения композиционных оснований романа предлагает Борис Успенский. Он представляет исследование проблемы точки зрения как «типологию композиционных возможностей» художественного текста, то есть сосредоточивает внимание на том, какое многообразие точек зрения возможно и что дает каждый из типов. Рассматривая идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический планы текста, Успенский говорит о первом и третьем лице романа с точки зрения внутренней и внешней перспективы, где первая связана с прямой речью и переживаниями героев, а вторая — с авторским словом и монологом автора [Успенский, 1995, с. 30—33]. В своей трактовке (с отождествлением наблюдателя и говорящего) Успенский следует англо-американской традиции, однако для истории философии, если определять ее его же словами как вид литературной и исследовательской деятельности, связанный с семантикой, наглядной терминологией оказывается терминология не только перспективы лиц и их точки зрения, но и фокализации.

Фокализация как термин восходит к французской традиции и трудам Жерара Женетта. В отличие от классической концепции, стоящей за термином *точка зрения*, термин *фокализация* указывает не только на работу автора, но и на активность читателя, а также концептуализирует поле между тем, «кто видит», и тем, «что видят» [Ortiz-Robles, 2018, p. 224]. Эта выведенная у Женетта полярность автора и читателя закономерна в то время, когда в литературоведении происходит стирание концепта автора, а на первый план сначала выводится план самого текста, а затем акцентируется читатель как организующая инстанция. «…Местом образования единства текста является читатель, а не автор, предназначение, а не происхождение текста…» [Компаньон, 2001, с. 61], — описывает эту черту Антуан Компаньон.

В новой терминологии вопросы, к которым мы пытаемся подобраться, выглядят как вопросы «голоса»: чьим голосом говорит философ и говорит ли он вообще от себя, от чьего имени говорит историк философии и как он интонирует голоса ушедшей эпохи? Ж. Женетт предлагает выделять в перспективе два пласта, которые он обозначает как «модальность» и «залог», первый он связывает при этом с вопросом «кто видит?» (вопрос о персонаже, направляющем перспективу), а второй — с вопросом «кто говорит?» (вопрос о повествователе) [Женетт, 1998, с. 202]. Таким образом он преодолевает свойственное прежней традиции отождествление рассказчика и автора. У Женетта получаются три следующих варианта: 1) нефокализированнное повествование (без голоса либо со стертым голосом персонажа с позиции всеведущего повествователя), 2) повествование с внутренней фокализацией (это как раз и есть перспектива первого лица), 3) повествование с внешней фокализацией (перспектива третьего лица) [Женетт 1998, с. 205].

После классических исследований Джеймса, Лаббока, Женетта, Успенского и их последователей проблема точки зрения была конкретизирована в многочисленных исследованиях отдельных художественных произведений, ей посвящены методологические и историко-литературные статьи, она обсуждается в монографиях. В главе монографии «Нарратология», посвященной проблеме точки зрения и фокализации, В. Шмид, описывая различные концепции, подчеркивает: «Разногласия возникают даже не столько относительно точности и полноты описания этого явления, сколько по поводу применимости предлагаемых типологий к анализу текста» [Шмид, 2003, с. 109]. В настоящей работе нас интересует как раз возможность применимости типологий точки зрения и фокализации к анализу историко-философского текста.

3. От текста к истории

В нарративных спорах 1960—70-х годов практически сразу заговорили не только о тексте, но и об истории. Еще в 1973 году в работе «Метаистория» Хейден Уайт убедительно демонстрирует, что всякое историческое исследование имеет литературную форму и что языковая сторона истории как науки имеет не меньшее значение, чем событийная. В 2001 году в предисловии к русскому переводу книги он как нельзя более точно выражает посыл этой работы: «Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся “литературными” — “поэтическими” и “риторическими” — отличными от всего, что считается специфически “научным” дискурсом» [Уайт, 2002, с. 7]. За Уайтом последовали и другие, сблизив поля истории и литературоведения и заговорив об истории как

о литературном творчестве и о литературе как об истории. Однако проблематика точки зрения, такая важная для «литературной» нарратологии, долго остается закрытой для нарратологии исторической. К этому важному пласту исторического нарратива подбирается в своих последних работах, написанных в 2000-е годы, Алан Манслоу, переходя от литературной формы истории к самому историку и его практике.

Вдохновляясь идеями Уайта и опираясь на положение о том, что история есть результат нарратологического акта, Манслоу утверждает, что для историков как профессиональной группы первостепенным является вопрос не содержания того, *о чем* они пишут, но того, *как* они это делают: это вопрос «конструирования истории историком-автором» [Munslow, 2011, p. 74]. И здесь забытым в полемике нарратологии, по его собственным убеждениям, является «Повествовательный дискурс» Женетта. Именно он позволяет понять, как строится работа автора-историка над построением перспективы исследования. Для Манслоу, как когда-то для Джеймса в литературе, это стержневой элемент истории как авторской деятельности.

Проблема фокализации при этом предстает как проблема озвучивания голосом автора прошлого-как-истории. Фокализация становится авторским механизмом отбора и контроля диапазона дат / персонажей / голосов, которые говорят от имени прошлого. «Кто видит» здесь — автор-историк как повествователь, а вот проблема «кто говорит» и есть основная проблема истории как индивидуальной авторской практики. Подбор тех, «кто видит», есть прямое следствие того, «кто говорит», то есть авторского стиля интерпретации. Перспектива истории размечается выбором историком исторического агента, субъекта фокализации, который представляет пространство прошлого и может выражать интересы и точку зрения какого-то исторического персонажа, определенного социального класса, пола, нации. Субъект фокализации также есть повествователь, но именно его отношения с историком как повествователем определяют облик истории. В своей монографии Манслоу разъясняет этот момент практики: «Другими словами, историк как повествователь “говорит”, выбирая одну из точек зрения посредством выбора конкретного агента истории, но затем агент также становится тем, кто “говорит”. Историк, тем самым, является одновременно и тем, “кто говорит”, и тем “кто видит” дискурс (через агента истории). Таким образом, историк устанавливает связь с повествователем, определяя “кто говорит” и с какой точки зрения» [Munslow, 2007, p. 46].

Манслоу конкретизирует выделенные в нарратологии варианты перспективы по отношению к истории и описывает четыре ее разновидности: 1) персонаж / агент истории может излагать свою историю от первого лица

(перспектива первого лица, или гомодиегетическая, с внутренней фокализацией, подобно автобиографии); 2) персонаж / агент могут излагать события, свидетелями которых являются, от первого лица (перспектива первого лица наблюдателя, или гомодиегетическая, с внутренней фокализацией); 3) автор-историк может рассказывать о произошедшем без комментариев и не пытаясь проникнуть в сознание персонажей / агентов (автор-как-наблюдатель, знающий меньше агента, или ограниченная гетеро-диегетическая перспектива с внешней фокализацией); 4) автор-историк может рассказывать о произошедшем, комментируя события и исследуя умонастроения персонажей (всезнающий повествователь, или неограниченная гетеро-диегетическая перспектива с нулевой фокализацией) [Munslow, 2007, p. 46]. Таким образом, для Манслоу (и в этом он следует за Женеттом) в историческом исследовании как повествовании о событиях прошлого может быть три варианта фокализации: внутренняя — говорит персонаж (автобиографическая или свидетельская / наблюдательная), внешняя — о персонаже говорит историк, нулевая — за персонажа говорит историк.

Разумеется, разные варианты перспектив не существуют отдельно друг от друга и редко встречаются в чистом виде: они постоянно сменяют друг друга. В научном историческом тексте классическим примером смены перспективы является цитирование, при котором внешняя или нулевая фокализация уступает место внутренней, и мы видим точку зрения персонажа. В повествовании историка могут сменяться и внешняя с внутренней фокализации, в зависимости от того, занимает он по отношению к прошлому позицию стороннего наблюдателя или позицию интерпретатора мотивов и целей.

Описанные механизмы истории как повествовательной практики могут быть распространены на все вариации работы с прошлым: не только на историю событий (классическую историю), но и на историю культуры в ее многообразии, а также на историю философии. В последней, в силу специфики отношения истории и философии, эти механизмы становятся еще более сложными.

4. «Точка зрения» историка философии

Современная история философии, будучи одновременно историей и философией, держит оборону от нарративного поворота. Этому, конечно же, способствует двойная защита. Как и история, в своей классической традиции историографии она базируется на представлении о событийности исторического прошлого. Но, как и философия, все еще будучи тесным образом связанной с классической традицией, она хранит форму гегелевской философии истории и истории философии. История философии

мыслится как процесс исторической событийности и духовного развития. Однако происходящие в XX веке процессы проблематизации методологических процедур готовят ее к возможности нарративной интерпретации [Власова, 2019; Власова, 2018].

Следует признать, что дискуссии в литературоведении и искусствознании практически сразу же вызывают отклик в философии. В 1920-х годах выходит несколько работ очень разных философов, объединенных общей проблематикой перспективы. Это «Обратная перспектива» (1919) П. А. Флоренского, «Автор и герой в эстетической деятельности» (1920—24) М. М. Бахтина, «О точке зрения в искусстве» (1924) Х. Ортега-и-Гассета. Эти труды по духу и стилю проблематизации подобны литературоведческим спорам начала века и представляют философско-культурологический взгляд на проблематику перспективы.

Флоренский, на материале иконописи, подчеркивает искусственный, «искусный» характер перспективы, которая выстраивает пространство образов, где «как по напетому валику фонографа, скользит острие яснейшего зрения вдоль линий и поверхностей картины с их зарубками, и в каждом месте ее у зрителя возбуждаются соответствующие вибрации» [Флоренский, 1999]. Для него это специфическая «схема изобразительности», «особая орфография», нацеленная на особый духовный отклик у зрителя. К образному, изобразительному искусству обращается и Ортега-и-Гассет, называющий художника движителем художественной эволюции и уделяющий особое внимание ближнему и дальнему видению как двум различным типам зрения [Ортега-и-Гассет, 1991]. Переходя от эпохи к эпохе, он выписывает эволюцию живописи как трансформацию точки зрения. Бахтин представляет проблему перспективы, исследуя напряженность отношения автора к герою. При этом идеальной, на его взгляд, позицией является позиция «вненаходимости автора герою», то есть «очищения всего поля жизни для него и его бытия» [Бахтин, 1986, с. 18]. Это отношение он называет прямым, но автор не всегда поддерживает его, допуская три типических случая отклонения: 1) герой завладевает автором, 2) автор завладевает героем, 3) герой сам является своим автором [Бахтин, 1986, с. 20—24]. В принципе, эти выделенные вариации отношений можно сопоставить с разработанными позднее в литературоведении вариантами перспективы и фокализации (в терминологии Лаббока, Женетта и их последователей). Для исторических наук и истории философии типология перспектив и фокализации оказывается более плодотворной.

Во всех трех работах акцентируется специфическая работа автора в процессе создания произведения и подчеркивается искусственность пер-

спективы как принципа организации представляемого этим произведением мира. В связи с этим и ставятся методологические проблемы в треугольнике «мир — автор — произведение». Однако философско-культурологическая интерпретация точки зрения еще не дает возможности перейти к критическому исследованию перспективы текста: необходимо было длительное развитие герменевтики и исследований процедур интерпретации, смещение внимания с самого произведения и акцентирование «искусной» работы автора, необходима была разработанная терминология фокализации и типология перспектив, и наконец, нужна была новая парадигма, в которой категории «автор», «текст», «читатель» стали менее фиксированными и более свободными, вплоть до их растворения.

Как раз после методологических обобщений герменевтики [Рикер, 1992], литературоведческих исследований структуралистов и постструктуралистов, общих теорий философии истории в рамках истории философии можно поставить ряд вопросов, которые помогают прояснить технику работы историка философии: в какой фокализации обычно действует историк философии, осознаем ли мы, что постоянно меняем перспективу, то есть «кто видит» и «кто говорит» в истории философии?

Вся терминология нарратологии и философии истории может быть использована в отношении историко-философского исследования. «Кто говорит» здесь — историк философии, который, как и в любом повествовательном дискурсе, выбирает «кто видит». Отбор фигур историко-философской мысли обусловливается не только целями исследования, но и идеологией эпохи и традиции, в которую погружен историк философии, а также его личными философскими предпочтениями. Философ в амплуа историка философии выражает крайний полюс такого влияния «кто говорит» на «кто видит». Как метко замечает И. И. Блауберг, «в таких случаях нередко автор поневоле превращается в “гегельянца”, усматривая в собственной концепции вершину развития человеческой мысли и соответственно оценивая предшествующие учения как более или менее близкие к данной позиции» [Блауберг, 2014, с. 324].

В истории философии мысль конкретного философа прошлого представляется в виде post factum структурированной целостности, и всю эту селективную работу делает историк философии, который выбирает «кто видит», «кто мыслит» и «что мыслит». При этом «видит» и «мыслит» идентичны: перспектива дается уже в отрефлексированном виде. Проблема идентичности в рамках методологии истории философии часто обозначается как дилемма истории и философии в истории философии, другими словами, как дилемма ролей (историк философии как историк и философ)

и перспектив (критической истории философии или философии доксографической истории философии). С. С. Аверинцев в своем послесловии к работе Э. Жильсона «Между средневековой философией и современной реальностью» разводит содержание деятельности историка философии и философа и следующим образом формулирует обозначенную проблему: «Можно быть историком средневековой философии, и это совершенно определенное занятие: историк есть историк, он не творит философию, он изучает ее пути в прошлом. Его собственная философская позиция при этом, конечно, важна, но это именно позиция историка, определяющая труд историка, а не какой-то иной труд. <…> Можно, напротив, быть религиозным мыслителем, который в качестве такового решил вернуться к основоположениям средневековой философии» [Аверинцев, 1999, с. 473].

Идентичность «кто видит» и «кто мыслит» приводит к тому, что термины «точка зрения» и «фокализация» значительно труднее адаптировать к этой предметной области, несмотря на то, что история философии может в этом случае представляться как историческая наука. Основной причиной трудностей является то, что история философии имеет дело не с событийным прошлым, а с прошлым мысли, поэтому фигура «агента истории» (если говорить в терминологии Манслоу) всегда будет связана с акцентированием его позиции и видимостью внутренней фокализации. Однако в истории философии внутренняя фокализация всегда возможна только через внешнюю фокализацию. Принципиальным отличием истории мысли от истории событий, как подчеркивает М. Геру [Gueroult, 1979], является возможность повторения, и историк философии вновь воспроизводит посредством своего мышления идеи философов прошлого.

Тем не менее в истории философии, как и в истории, мы можем выделить три варианта фокализации. Внутренняя фокализация: философ прошлого излагает свои идеи и события жизни от первого лица. В чистом виде внутренняя фокализация не встречается в истории философии, она может сохраняться в жанре философского романа, который в строгом смысле этого слова не является историко-философским трудом. В качестве примеров здесь можно привести «Повесть о Платоне» Питера Акройда [Акройд, 2010; Ушакова, 2019], «Последние дни Иммануила Канта» Томаса де Квинси. Гораздо чаще внутренняя фокализация есть сохранение голоса философа прошлого как цитирование философских трудов или же автобиографических материалов, а также изложение их близко к исходной позиции автора. В историко-философском тексте очень трудно сохранить обращенность исключительно к внутренней позиции, поэтому чаще всего внутренняя фокализация может встречаться в нем только как переходный элемент.

Внешняя фокализация в своем классическом виде встречается в историко-философской реконструкции, когда историк философии слой за слоем показывает мысль философа прошлого. Обычно она перемежается включениями с внутренней фокализацией, демонстрируемой в цитировании. Незаинтересованный пересказ мнений прошлого именуется в философии доксографией, и подобная история философии, как принято считать, не обогащает философскую мысль, хотя и может выступать демонстрацией философской квалификации. Однако те историко-философские работы, которые не впадают в грех доксографии, подкрепляемой при необходимости обращением к внутренней фокализации, сталкиваются с опасностью погружения в нулевую фокализацию.

Нулевая фокализация как позиция всеведущего интерпретатора встречается на всем протяжении развития истории философии. Она характеризуется наложением «кто говорит» и «кто видит» и неограниченной интерпретацией со стороны историка философии. Поскольку история философии имеет дело с мышлением прошлого, а не просто с событийным прошлым, поскольку она всегда обращается к мысли одних людей посредством мысли других людей, нулевая фокализация присутствует в большинстве историко-философских текстов. Она особенно устойчива во всемирных историях философии, поскольку они предполагают сохранение исходных посылов развития мысли в веках, определенную схему ее изменчивости, структуру философской системы.

Можно сказать, что историк философии, стремясь к объективному исследованию в своей работе (и позиции внешней фокализации), всегда балансирует между опасностью нерефлексивного впадения в обычное изложение чужой мысли с гипер-цитированием (внутренняя фокализация) и увлечением ролью главенствующего и всезнающего интерпретатора (нулевая фокализация). Это балансирование заметно и при сопоставлении терминологии фокализации с терминологией жанров, при обращении исходя из исследуемой проблематики к дискуссиям о жанровом своеобразии истории философии.

Если обратиться к предложенной Ричардом Рорти схеме жанрового разделения в истории философии, мы можем провести прямые параллели с вариантами фокализации и перспектив в историко-философской работе. Так, внутренняя фокализация выражена в жанре исторической реконструкции, когда характеризуют «предшественников в их собственных терминах» [Рорти, 2017, с. 51], стремятся «архаизировать образ мысли» [Джохадзе, 2012, с. 5], то есть сохранить перспективу философии прошлого. Внешняя фокализация отмечает жанр рациональной реконструкции, в которой историк философии представляет собственный современный взгляд на философию

прошлого. Философ прошлого и то, что он «видит», полностью подчинено тому, что «говорит» историк философии. Нулевая фокализация определяет так называемую историю духа, в рамках которой историк философии выстраивает масштабную схему постановки проблем. Несмотря на то, что история духа пытается сохранить того, «кто видит», в его исходной фокализации и при этом одновременно отдает дань интерпретации того, «кто говорит», она предполагает главенствующий статус историка философии. Рорти не зря вспоминает здесь о мудреце, нулевая фокализация истории духа показывает нам позицию всеведущего повествователя [Рорти, 2017, с. 75].

Как не могут в чистом виде существовать отдельные перспективы и варианты фокализации, так не существует и чистых жанров. Все отрицательные черты и ошибки в построении перспектив Рорти описывает как нелюбимый им жанр доксографии. В противоположность ей интеллектуальная история есть положительный полюс в этой практике. Историк философии в этом последнем жанре работает с четким осознанием своей власти над «кто говорит» и «кто видит» с методологически грамотной позиции.

Используемая Рорти терминология «жанров» указывает на форму работы историка философии; терминология фокализации и точки зрения отмечает, как говорил еще Джеймс, основание практики, стержень, вокруг которого эта форма складывается. Вся терминология одинаково успешно позволяет осмыслить методологию истории философии, однако терминология фокализации и точки зрения включает историю философии в методологические споры гуманитаристики, объединяя ее с литературоведением, нарратологией, историей. Кроме того, она позволяет акцентировать вопрос о практике исследовательской работы и, таким образом, освободить нас от вопроса о приоритетах в осмыслении методологических проблем. Рассматривая проблемы методологии как проблемы практики исследователя, мы не зависим от установок принимаемой теоретической системы, ее допущений, но напрямую говорим об основаниях деятельности. Именно поэтому междисциплинарный диалог при таком перспективистском подходе выстраивается легче всего.

5. Заключение

Приведенная в работе аргументация позволяет сделать некоторые обобщения относительно проблемы точки зрения и перспективы в преемственности между литературоведением, историей и историей философии:

1. На материале проблемы точки зрения отчетливо видна общность методологической проблематики гуманитарных наук (литературоведения, истории, истории философии) и необходимость общегуманитарных дискуссий. Кроме того, это поле показывает общие тенденции развития

гуманитарной мысли XX века, а также возможность экстраполяции терминологии и теоретических программ из одних областей в другие с целью решения актуальных методологических проблем. Так, развитая в литературоведении терминология фокализации (перспективы, точки зрения) позволяет поставить не только вопрос о производстве текста в литературе, но и вопрос о фиксации событийного прошлого в истории и прошлого мысли в истории философии.

2. Терминология фокализации способствует акцентированию фигуры историка и историка философии как исследователя, задающего условия восприятия исторического материала. Она позволяет вести методологический разговор об исторической и историко-философской практике.

3. Исследование проблемы фокализации в истории философии предполагает обсуждение плана работы с историко-философским текстом и построения перспективы с акцентированием голоса самого историка философии (как наблюдателя и всеведущего интерпретатора) или же с сохранением взгляда и терминологии философа прошлого. Это, в свою очередь, ставит проблему истории и современности, истории и философии в историко-философской мысли. Подобная проблематизация историко-философской практики гораздо успешнее, чем традиционная терминология, способствует осмыслению современных тенденций развития истории философии.

4. В истории философии проблема фокализации сопряжена с широко дискутируемой в англо-американской традиции проблемой жанрового своеобразия истории философии. При этом, если понятие «жанр» определяет форму работы в философской мыслью, то понятие «фокализация» указывает на условия, в которых эта форма выстраивается. Перспективистское историко-философское исследование также наиболее адекватно показывает основные установки и принципы работы постмодернистской истории философии, которая хоть и пытается уйти от фигуры автора, но сохраняет литературоведческую конфигурацию перспективы текста.

5. Обсуждение методологической историко-философской проблематики в контексте проблемы точки зрения способствует выходу истории философии в дискуссионное поле гуманитарных наук в целом и налаживанию междисциплинарного диалога с историографией, литературоведением, нарратологией — областями, в тесной связи с которыми развивается современная философия в целом.

Подводя итоги также важно вспомнить, что для обособления истории философии как отдельной дисциплины (а не отрасли истории мысли) важную роль играла ее квалификация как пропедевтики к философии. История философии тогда (и до сих пор) мыслилась не просто как наука о прошлом

мысли, но и как искусство различения между прошлым и современностью. Перспектива, которую в своем исследовании выстраивает историк философии, играет в этом различении центральную роль, поскольку и определяет тот «узел условий», что позволяет произвести сопоставление, что вообще позволяет заговорить о прошлом в современности не как об отжившем прошлом событии, но как о длящейся современности мысли.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Между средневековой философией и современной реальностью / С. С. Аверинцев // Жильсон Э. Избранное / Э. Жильсон. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — Том 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. — С. 471—488.

2. *Акройд П.* Повесть о Платоне / П. Акройд ; пер. Л. Мотылева. — Москва : Астрель, сор. 2010. — 220 с.

3. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Искусство, 1986. — С. 9—191.

4. *Блауберг И. И.* О нашей конференции / И. И. Блауберг // История философии : вызовы XXI века. — Москва : Канон+, Реабилитация, 2014. — С. 322—325.

5. *Блауберг И. И.* Э Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии / И. И. Блауберг // История философии. — 2008. — Том 13. — С. 69—88.

6. *Вдовина И. С.* Поль Рикер: история философии как самопонимание философии / И. С. Вдовина // История философии. — 2012. — № 17. — С. 45—62.

7. *Власова О. А.* «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века / О. А. Власова // Философские науки. — 2018. — № 11. — С. 114—125. — DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125.

8. *Власова О. А.* Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица / О. А. Власова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2019. — № 3. — С. 3—13.

9. *Джохадзе И. Д.* Ричард Рорти как историк философии / И. И. Джохадзе // История философии. — 2012. — № 17. — С. 3—24.

10. *Дьяков А. В.* Постмодернистская история философии: pro et contra / А. В. Дьяков // Вопросы философии. — 2016. — № 6. — С. 176—184.

11. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс / Ж. Женетт ; пер. Н. Перцов // Фигуры. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — Том 2. — С. 60—281.

12. *Компаньон А.* Демон теории: литература и здравый смысл / А. Компаньон ; пер. С. Зенкина. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2001. — 336 с.

13. *Кротов А. А.* Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры) / А. А. Кротов. — Москва : Издательство Московского университета, 2018. — 480 с.

14. *Ортега-и-Гассет Х.* О точке зрения в искусстве / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. Т. И. Пигаревой // Эстетика. Философия культуры. — Москва : Искусство, 1991. — С. 186—202.

15. *Рикер П.* Повествовательная идентичность / П. Рикер ; пер. О. И. Мачульской // Герменевтика. Этика. Политика. — Москва : Academia. — 1992. — С. 19—37.

16. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра / Р. Рорти ; пер. И. Джохадзе. — Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. — 176 с.

17. *Турышева О. Н.* Теория и методология зарубежного литературоведения / О. Н. Турышева. — Москва : Флинта, 2012. — 41 с.

18. *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт ; пер. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. — 528 с.

19. *Успенский Б.* Поэтика композиции / Б. Успенский // Семиотика искусства. — Москва : Языки русской культуры, 1995. —360 с.

20. *Ушакова Е. В.* Своеобразие проблематики и композиции романа П. Акройда «Повесть о Платоне» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 192—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-192-201.

21. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива / П. А. Флоренскийй // Сочинения : в 4 томах. — Москва : Мысль, 1999. — Том 3 (1). — С. 46—98.

22. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

23. *A companion* to the philosophy of history and historiography / A. Tucker (ed.). — Chichester, U.K.; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2009. — 563 p.

24. *Álvarez Amorós J. A.* Henry James, Percy Lubbock, and beyond: A critique of the Anglo-American conception of narrative point of view / J. A. Álvarez Amorós // Studia Neophilologica. — 1994. —Vol. 66, № 1. — Pp. 47—57.

25. *Edel L.* The Prefaces of Henry James / L. Edel. — Paris : Jouve, 1931. — 136 p.

26. *Gueroult M.* Dianoématique / M. Gueroult. — Paris : Aubier, 1979. — Livre 2. Philosophie de l'histoire de la philosophie. — 275 p.

27. *Kelley D. R.* What is happening to the history of ideas? / D. R. Kelley // Intellectual News. — 1996. — Vol. 1, № 1. — Pp. 36—50.

28. *Kuukkanen J.-M.* Postnarrativist philosophy of historiography. Houndmills / J.-M. Kuukkanen. — Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2015. — 239 p.

29. *Lubbock P.* The Craft of Fiction / P. Lubbock. — London : Johnathan Cape, 1921. — 277 p.

30. *Munslow A.* Narrative and History / A. Munslow. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — 190 p.

31. *Munslow A.* The Historian as Author / A. Munslow // SPIEL. — 2011. — Vol. 30, №. 1. — Pp. 73—88.

32. *Ortiz-Robles M.* Point of View's Points of View / M. Ortiz-Robles // The Henry James Review. — 2018. — Vol. 39, № 3. — Pp. 218—225.

33. *Point* of view, perspective, and focalization: modeling mediation in narrative / P. Hühn, W. Schmid, J. Schönert (eds.). — New York : Walter de Gruyter, 2009. — 305 p.

"Point of View" in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue[1]

© Olga A. Vlasova (2020), orcid.org/0000-0003-4881-3652, Researcher ID N4191-2015, SPIN 1919-4641, Doctor of Philosophy, Institute of Philosophy, Professor, Department

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01440 "Anthropological dimension of the history of philosophy").

of History of Philosophy, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), o.a.vlasova@gmail.com.

The problem of the point of view is considered, taking into account the vector of continuity from literary studies through history to the history of philosophy. The traditional approaches of the Anglo-American (G. James, P. Lubbock) and French (G. Genette) literary traditions are analyzed. The main terminology and methodological strategies that can be used in historical and historical-philosophical science are highlighted. It is demonstrated that within the framework of history, the terminology of focalization contributes to the accentuation of the figure of the researcher, who sets the conditions for the perception of historical material. Based on a critical analysis of the models of focalization proposed by A. Munslow in history, the main directions of rethinking the problem of focalization in historical and historical-philosophical practice are determined. The specificity of posing the problem of point of view and focalization in the history of philosophy is characterized. It is emphasized that turning to it allows us to pose the problem of the relationship between history and modernity, history and philosophy. Such problematization of historical and philosophical practice is much more successful than traditional terminology, contributing to the comprehension of modern development trends. The study of the problem of point of view demonstrates the commonality of the methodological problems of the humanities (literary criticism, history, history of philosophy) and the need for a general humanitarian dialogue.

Key words: literary criticism; history; history of philosophy; historian of philosophy; perspective; point of view; focalization; literary criticism of the XX century; New criticism.

References

Akroyd, P. (2010). *Povest' o Platone* [The tale of Plato]. Moskva: Astrel. 220 p. (In Russ.).

Álvarez Amorós, J. A. (1994). Henry James, Percy Lubbock, and beyond: A critique of the Anglo-American conception of narrative point of view. *Studia Neophilologica, 66/1:* 47—57.

Averintsev, S. S. (1999). Mezhdu srednevekovoy filosofiey i sovremennoy realnostyu [Between medieval philosophy and modern reality]. In: Zhilson, E. *Izbrannoye, 1. Tomizm. Vvedeniye v filosofiyu sv. Fomy Akvinskogo* [Favorites. 1 Thomism. An introduction to the philosophy of St. Thomas Aquinas]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. 471—488. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestv*a [Aesthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo. 9—191. (In Russ.).

Blauberg, I. I. (2008). E Breye i M. Geru: dva podkhoda k istorii filosofii [E Breuet and M. Gueru: two approaches to the history of philosophy]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy], *13*. 69—88. (In Russ.).

Blauberg, I. I. (2014). O nashey konferentsii [About our conference]. In: *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st Century]. Moskva: Kanon+, Reabilitatsiya. 322—325. (In Russ.).

Dyakov, A. V. (2016). Postmodernistskaya istoriya filosofii: pro et contra [Postmodern history of philosophy: pro et contra]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], *6*: 176—184. (In Russ.).

Dzhokhadze, I. D. (2012). Richard Rorti kak istorik filosofii [Richard Rorty as a historian of philosophy]. Istoriya filosofii [History of philosophy], *17:* 3—24. (In Russ.).

Edel, L. (1931). *The Prefaces of Henry Jame*. Paris: Jouve. 136 p. (In French).

Florenskiy, P. A. (1999). Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. In: *Sochineniya* [Composition]. *4/3*. Moskva: Mysl. 46—98. (In Russ.).

Gueroult, M. (1979). *Dianoématique*, *Livre 2. Philosophiye de l'histoire de la philosophiye.* Paris: Aubier. 275 p. (In French).

Hühn, P. Schmid, W., Schönert, J. (eds.). (2009). *Point of view, perspective, and focalization: modeling mediation in narrative*. New York: Walter de Gruyter. 305 p.

Kelley, D. R. (1996). What is happening to the history of ideas? *Intellectual News, 1/1:* 36—50.

Kompanon, A. (201). *Demon teorii: literatura i zdravyy smysl* [Demon theory: literature and common sense]. Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. 336 p. (In Russ.).

Krotov, A. A. (2018). *Filosofiya istorii filosofii vo Frantsii (problema zakonomernostey v razvitii intellektualnoy kultury)* [Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of patterns in the development of intellectual culture)]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 480 p. (In Russ.).

Kuukkanen, J.-M. (2015). *Postnarrativist philosophy of historiography. Houndmills*. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. 239 p.

Lubbock, P. (1921*). The Craft of Fiction*. London: Johnathan Cape. 277 p.

Munslow, A. (2007). *Narrative and History*. New York: Palgrave Macmillan. 190 p.

Munslow, A. (2011). The Historian as Author. *SPIEL, 30/1:* 73—88.

Ortega-i-Gasset, Kh. (1991). O tochke zreniya v iskusstve [About the point of view in art]. In: *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moskva: Iskusstvo. 186—202. (In Russ.).

Ortiz-Robles, M. (2018). Point of View's Points of View. *The Henry James Review, 39/3:* 218—225.

Riker, P. (1992). Povestvovatelnaya identichnost' [Narrative identity]. In: *Germenevtika. Etika. Politika* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moskva: Academia. 19—37. (In Russ.).

Rorti, R. (2017). *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moskva: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya». 176 p. (In Russ.).

Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 312 p. (In Russ.).

Tucker, A. (ed.). (2009). *A companion to the philosophy of history and historiography*. Chichester, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell. 563 p.

Turysheva, O. N. (2012). *Teoriya i metodologiya zarubezhnogo literaturovedeniya* [Theory and methodology of foreign literary criticism]. Moskva: Flinta. 41 p. (In Russ.).

Uayt, Kh. (2002). *Metaistoriya: istoricheskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 528 p. (In Russ.).

Ushakova, E. V. (2019). Svoeobraziye problematiki i kompozitsii romana P. Akroyda «Povest' o Platone» [Problematics and Composition Originality of P. Ackroyd's Novel "The Plato Papers"]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *3:* 192—201. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-192-201. (In Russ.).

Uspenskiy, B. (1995). Poetika kompozitsii [The poetics of composition]. In: *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 360 p. (In Russ.).

Vdovina, I. S. (2012). Pol' Riker: istoriya filosofii kak samoponimanie filosofii [Paul Ricoeur: the history of philosophy as a self-understanding of philosophy]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy], *17*: 45—62. (In Russ.).

Vlasova, O. A. (2018). «Revolyutsiya otnositelnosti» i samosoznaniye istorii filosofii XX veka [Paul Ricoeur: the history of philosophy as a self-understanding of philosophy]. *Filosofskiye nauki* [Philosophical Sciences], *1*: 114—125. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125. (In Russ.).

Vlasova, O. A. (2019). Perspektivizm v istorii filosofii vtoroy poloviny XX veka: razvitiye samosoznaniya i problematika «pervogo» i «tretyego» litsa [Perspectivism in the history of philosophy of the second half of the 20th century: the development of self-awareness and the problems of the «first» and «third» person]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Episode 7: Philosophy], *3:* 3—13. (In Russ.).

Zhenett, Zh. (1998). Povestvovatelnyy diskurs [Narrative discourse]. In: *Figury, 2.* [Shapes]. Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. 60—281. (In Russ.).

Гимранова Ю. А. Интертекстуальные отсылки к повести А. К. Дойла «Этюд в багровых тонах» в современной литературе (на примере рассказов Н. Геймана «Этюд в изумрудных тонах» и Я. Вагнер «Этюд в лиловых тонах») / Ю. А. Гимранова, Е. С. Седова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 211—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-211-227.

Gimranova, Yu. A., Sedova, E. S. (2020). Intertextual References to the Story of A. K. Doyle "A Study in Scarlet" in Modern Literature (N. Gaiman "A Study in Emerald" and Ya. Wagner "A Study in Purple"). *Nauchnyi dialog, 11:* 211-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-211-227. (In Russ.).

УДК 82-312.4+82-312.9+821.111Doyle.04
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-211-227

Интертекстуальные отсылки к повести А. К. Дойла «Этюд в багровых тонах» в современной литературе (на примере рассказов Н. Геймана «Этюд в изумрудных тонах» и Я. Вагнер «Этюд в лиловых тонах»)[1]

© **Гимранова Юлия Александровна (2020),** orcid.org/0000-0002-8764-5439, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Челябинск, Россия), gimranovajua@cspu.ru.

© **Седова Елена Сергеевна (2020),** orcid.org/0000-0002-7490-2205, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Челябинск, Россия), sedovaes@cspu.ru.

Рассматриваются интертекстуальные пласты рассказов Н. Геймана «Этюд в изумрудных тонах» и Я. Вагнер «Этюд в лиловых тонах». В работе показано, что интертекстуальные поля современных текстов составляют аллюзии, реминисценции, метатекстуальность, паратекстуальность, архитекстуальность, а также ономастические цитаты. Сделан вывод о том, что образы и мотивы классического детективного произведения начала XX века создают зримый интертекст в работах XXI века и становятся центральным приемом, порождающим вторичные художественные миры. Подчеркивается, что контекстуальная соотнесенность с повестью А. К. Дойла позволяет современным писателям (как англоязычному, так и русскоязычному) создать четкие проекции на текст о знаменитом сыщике, расширяющие хронотопическую организацию своих метатекстов. Особое внимание в статье уделяется сравнительному интертекстуальному анализу классического текста

1 Статья печатается на средства гранта ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет».

Артура Конан Дойла с рассказами современных писателей — английского (Н. Гейман) и русского (Я. Вагнер). Новизна исследования видится в недостаточном обращении литературоведческой науки и литературной критики к анализу дойлевской интертекстуальности в целом и интертекстуальных отсылок к повести «Этюд в багровых тонах» в частности. Актуальность исследования также обусловлена непреходящим читательским интересом к детективному жанру и к творчеству Артура Конан Дойла.

Ключевые слова: интертекстуальность; Шерлок Холмс; аллюзия; реминисценция; А. К. Дойль; метатекстуальность; паратекстуальность; претекст.

1. Введение в проблематику статьи

Вопрос об интертекстуальности как одном из условий порождения и бытования многих современных текстов актуален для литературоведения XXI века. Феномен литературных перекличек занимал и продолжает занимать умы ученых: первые исследования данной проблемы принадлежат М. М. Бахтину, рассматривавшему «диалогические отношения» и «смысловую конвергенцию» [Бахтин, 1986, с. 321] различных художественных текстов. Затем взгляды ученого раскрыла и истолковала Ю. Кристева, что стало своеобразной точкой отсчета в формировании теории интертекстуальности. Колоссальный вклад был сделан Н. А. Фатеевой, предложившей типологию интертекстуальных элементов [Фатеева, 1998, с. 25—38], на которую мы и будем опираться в этой статье.

Взгляд на проблему интертекстуальности меняется со временем. Например, в конце XX века под интертекстуальностью французский ученый Р. Барт понимал способность текста быть «между-текстом по отношению к какому-то другому тексту» [Барт, 1989, с. 418], а уже в XXI веке данное явление приобретает более широкое значение: интертекст — это «объективно существующая художественная реальность, <…> обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом» [Кузьмина, 2007, с. 20—26]. Современный исследователь Н. А. Кузьмина считает, что интертекстуальность проявляется только во время контакта текста с реципиентом, то есть читателем, который и выстраивает в своей голове ассоциативное поле к претексту.

Литературные переклички с текстами А. К. Дойла исследованы довольно широко [Головачев, 2015; Жиркова, 2017; Козьмина, 2012; Миронова, 2016; Щербак, 2017]. Однако выбранный нами материал для статьи (рассказы Н. Геймана и Я. Вагнер) не исследован в научных изданиях, что подчеркивает актуальность проведенного нами анализа.

2. Причины массовых интертекстуальных отсылок к текстам о Шерлоке Холмсе

Интерес к детективному жанру появился с выходом первых детективов. Такие известные писатели, как Э. А. По, Ч. Диккенс, Э. Габорио, У. Коллинз,

А. К. Дойл заложили основы жанра, который востребован современными писателями и по сей день, отсюда обращение к детективу в русской и зарубежной литературе. Захватывающий сюжет, детализированный образ главного персонажа, ведущего расследование, серийность изданий — все это делает детективные тексты популярными и даже массовыми. Игровое начало, являющееся остовом детективного жанра, не только определяет новый тип повествования, но и удовлетворяет «особой интеллектуальной потребности, которую не могут удовлетворить произведения других жанров» [Дмитриева, 2012, с. 59].

Произведения Артура Конан Дойла выделяются среди прочих классических детективов продуманным до мелочей образом сыщика, а также детально разобранным методом сыска, что в истории мировой литературы породило целое течение — «шерлокиану» (или реже «холмскиана»). Известны произведения о знаменитом сыщике от Адриана Дойла («Неизвестные приключения Шерлока Холмса», 1952—1953), Дж. Д. Карра («Подвиги Шерлока Холмса», 1954), Фр. Рузвельта («Бейкер-стрит фолио: пять записок о Шерлоке Холмсе от Франклина Делано Рузвельта», 1945), Ст. Кинга («Дело доктора Ватсона», 1987), Дж. Норбу («Шерлок Холмс в Тибете», 1998), М. Муркока («Новые приключения Шерлока Холмса», 2009).

Среди российских современных писателей известны работы о Холмсе С. Лукьяненко, Б. Акунина, Д. Клугера, А. Рыбалка, Л. Костюкова и др. Кроме того, собрана двухтомная русская антология шерлокианы XX века под редакцией А. Шермана и Гр. Озерова [Шерман, 2019], в которую вошли вольные продолжения, пастиши, рассказы как заслуженных, так и малоизвестных писателей.

Многие исследователи задумывались над вопросом, почему именно Шерлок Холмс стал самым популярным литературным сыщиком, которого некоторые читатели считают даже реально существующим [Интернет-газета Newsbang, 2011]. Именно доскональностью воссоздания эпохи викторианской Англии, а также всех описываемых событий и объясняется интерес к текстам Дойла как читателей, так и писателей [Щербак, 2017, с. 57—67]. Также внимание к произведениям о Холмсе продиктовано «обаянием и привлекательностью» [Жиркова, 2017, с. 42] главного героя, его «раскрученным» именем, которое уже приобрело статус хорошо продаваемого бренда, что для массовой литературы, превалирующей в детективном жанре, очень важно. Также возможность написать произведение о сыщике является своеобразным вызовом писательскому таланту, который делает вторичное произведение не только подражанием, но и своеобразным продолжением классической традиции.

Популярность произведений Дойла о Шерлоке Холмсе и обращение к его текстам в XXI веке объясняется также и влиянием кинематографа,

в частности, сериалом компании BBC, главные роли в котором исполнили Б. Камбербэтч и М. Фримен. Отсюда все большую популярность набирают вариации по мотивам произведений Дойла (комиксы, фанфики, компьютерные игры и т. д.), в которых есть непременное упоминание о сыщике Холмсе. В книге Линнет Портер «Sherlock Holmes for the 21st century: essays on new adaptations» собраны 14 эссе (Ронда Харрис Тейлор, С. Бочман, Франческа М. Маринаро, Линнет Портер и др.), в которых авторы анализируют образ Шерлока Холмса как «культурную икону» («cultural icon») и объясняют, почему ему суждено быть любимым, хотя и противоречивым персонажем на долгие годы. В сборнике Шерлок описан как «технически подкованный, отстраненный от науки, даже психически нездоровый; он связан романтическими узами с Женщиной и достаточно близкими отношениями с Ватсоном» [Porter, 2012, с. 5].

Детективная повесть «Этюд в багровых тонах» («A Study in Scarlet», 1887) является первой историей о приключениях знаменитого сыщика. Именно она знакомит читателя с дедуктивным методом Холмса, который всего за три дня распутывает сложное преступление, основанное на мести. Неслучайным здесь видится первоначальное название «Запутанный клубок» («The Tangled Skein»), которое слишком прямолинейно указывает на предмет повествования — запутанное дело. Второе название «Этюд в багровых тонах» дано самим героем на страницах повести. Это, по словам Шерлока, *один из самых изысканных этюдов*: *Почему бы не перейти на язык живописцев? По бесцветной основе нашей жизни проходит багровая нить преступления, и наша задача — выпутать ее, отделить от других, разобрать на ней мельчайшие узелки* [Дойл, 2013, с. 56] (a study in scarlet, eh? Why shouldn't we use a little art jargon. There's the scarlet thread of murder running through the colourless skein of life, and our duty is to unravel it, and isolate it, and expose every inch of it [Doyle]).

Заглавие как наиважнейший компонент художественного текста, несущий сугубо авторское начало, послужил объединению материала анализа в статье. Я. Вагнер («Этюд в лиловых тонах») и Н. Гейман («Этюд в изумрудных тонах» / «A Study in Emerald») выбирают в качестве заглавия дословное повторение названия А. К. Дойла «Этюд в багровых тонах» («A Study in Scarlet»). Несмотря на то, что в разных переводах существуют варианты заголовков претекста: «Красным по белому», «Кровавый этюд», «Месть», «Надпись кровью», «Багровый след», «Мормоны в Лондоне» и прочие — мы опираемся в анализе на перевод Натальи Треневой, ставший уже классическим, вошедший в академическое издание Дойла 1966 года, а также принятый многими другими переводчиками в качестве наиболее подходящего. Все

существующие адаптации рассказа Геймана переводчиками Е. Лихтенштейном (2005 г.), Н. Гореловым (2005 г.) и Н. Гордеевой (2005 г.) используют название, сходное с предложенным Н. Треневой.

3. Интертекстуальные отсылки к повести А. К. Дойля «Этюд в багровых тонах» в новелле Яны Вагнер «Этюд в лиловых тонах»

Творчество российской современной писательницы, автора блога в «Живом Журнале» Яны Михайловны Вагнер приобрело колоссальную популярность после выхода сериала «Эпидемия» (2019 г., реж. П. Костомаров), который представляет собой адаптацию дебютного постапокалиптического романа писательницы «Вонгозеро» (2011 г.).

Новелла «Этюд в лиловых тонах» размещена на сайте Lib.ru («Самиздат») в 2004 году. Заглавие отсылает читателя к тексту А. К. Дойла. Во втором предложении текста читателю представлен профессор Мориарти, от лица которого и будет развернуто повествование, что сразу показывает различие между оригинальным и вторичным текстами. Главный антагонист Холмса, описывающийся Дойлом как «самый блестящий ум Европы, возглавляющий к тому же все силы ада» [Дойл, 2013, с. 126], в тексте Вагнер показан поверженным и ведущим довольно жалкое, хотя и безбедное существование, мучимым недугами: подагрой, радикулитом, испорченным желудком и мигренью. Современная писательница облачает своего героя в сыщика, который ведет расследование, желая *опозорить Холмса, низвергнуть его в зловонную выгребную яму* [Вагнер].

Таким образом, автор сознательно меняет героев местами. Противником Шерлока движут только положительные установки: поиск правды, реабилитация чести гувернантки, обратившейся к нему за помощью. Показательным является то, что в повести «Этюд в багровых тонах» Дойл еще не вводит в повествование криминального гения, построив весь сюжет вокруг истории мести кэбмена американским мормонам. Таким образом, в современном тексте присутствует аллюзивная отсылка к циклу произведений о Ш. Холмсе в целом.

Время действия, обозначенное как начало XX века («никак не могу заставить себя называть XIX век прошлым» [Вагнер]) в тексте Вагнер, показывает обыденное читательское восприятие текстов Дойла, относящее все события к началу века. Из классического же цикла известно, что Мориарти погибает при падении в Рейхенбахский водопад в 1891 году. Довольно часто вторичные произведения переосмысляют хронотоп претекста, характеристики и взаимоотношения персонажей. Текст Вагнер не становится исключением. Современному автору не важно доскональное документирование событий,

как это было в оригинале, целевой установкой которого было создание реалистичных образов, в их существование читатель должен был поверить.

Образ Холмса также меняется: из интеллектуала с неиссякаемым любопытством, жаждущего торжества справедливости, сыщик превращается в жадного, меркантильного, *тупого, амбициозного недоучку* [Вагнер]. Концовка рассказа подтверждает мнение Мориарти о Шерлоке: сыщик просит чек за свою криминальную работу и не догадывается, что был обманут Мориарти, подменившим бриллиант. Традиционное восприятие образов цикла произведений Дойла в тексте Вагнер меняется на противоположное. Своеобразным дополнением противоречивому восприятию положительного героя служит и характеристика второстепенного персонажа — мисс Марпл, которая в тексте Вагнер становится знаменитой мошенницей, вмещающей в себя черты Ирен Адлер и персонажа детективного цикла А. Кристи. Образ мисс Марпл приобретает, как и образ Холмса, негативную коннотацию, что позволяет сделать вывод об авторской установке: переосмыслить классические образы сыщиков, заменив их прямо противоположными, произвести деконструкцию классического текста, иронично с ним поиграв.

Вагнер использует несколько вариантов ономастических цитат, отсылающих читателя к творчеству английских писателей XX века. Слугу Мориарти, верного помощника криминального авторитета, зовут Шерхан, как и героя «Книги джунглей» Р. Киплинга. В современном тексте параллельное выстраивание интертекстуальных взаимосвязей только упрочняет антитетические взаимосвязи в рецепции читателей: положительные профессор Мориарти и Шерхан против отрицательных Холмса и мисс Марпл. Такое смешение разных книжных «вселенных» трансформирует жанровые характеристики, ведь новелла приобретает черты кроссовера: герои английской литературы начала XX века встречаются в одном тексте.

Паратекстуальность, проявляющаяся в виде почти дословного цитирования, показывает и игру с претекстом, и желание переосмыслить и классический сюжет в целом, и наименование, в частности. Багровый — цвет крови, мести и убийства — заменен лиловым — цветом вересковых пустошей, цветущих за окнами поезда, в котором уезжает победителем Мориарти. Также лиловый цвет символизирует «истину, пост, покаяние, скромность, печаль, страдание и безвестность … цвет Марии Магдалины» [Серов]. Можно трактовать такой выбор цвета желанием примирить вечно воюющие стороны добра и зла, граница между которыми достаточно зыбка: благо может привести к негативным последствиям, как, впрочем, и наоборот. Именно такую ситуацию и описала Яна Вагнер в своем произведении. Быструю смену добра и зла помогла реализовать форма новеллы,

которая содержит двойной детективный пуант: первый поворот — читатель узнает, что Холмс разработал криминальную аферу, это сломило дух Мориарти окончательно; второй — Мориарти подменил бриллиант, умело сыграл роль проигравшего и уехал из Шотландии победителем.

Представим сравнительную характеристику текстов (табл. 1).

Таблица 1

Интертекстуальные отсылки в новелле Я. Вагнер

Отсылка	**А. К. Дойль**	**Я. Вагнер**	**Вывод**	**Вид заимствования по типологии Н. А. Фатеевой**
Заглавие	«Этюд в багровых тонах»	«Этюд в лиловых тонах»	Цвет крови, убийства заменен автором на цвет вересковых полей, цвет покаяния и страдания.	паратекстуальность
Главный герой и образ повествователя	Шерлок Холмс (доктор Ватсон как повествователь, вставной рассказ от 3 лица)	Мориарти (повествование от 3 лица и частично несобственно-прямая речь главного героя)	Кардинальная смена ролей: криминального гения и сыщика-интеллектуала. Повествование сохраняет принцип погружения в события рассказа, делая читателя одним из участников расследования.	собственно интертекстуальность (ономастическая цитата)
Место действия	Лондон и США (во вставном рассказе)	Лондон и Шотландия	Топосы претекста частично сохранены.	метатекстуальность, вариации на тему претекста
Время действия	1881 год	начало XX века	Время действия не играет существенной роли, оно приблизительно.	метатекстуальность
Жанр	детективная повесть	детективная новелла-кроссовер	Отсутствие вставного рассказа, а также подробного описания деталей интерьеров и характеристик сокращает повествование. Но сохраняется детективный пуант, на котором и строится все повествование.	архитекстуальность

4. Интертекстуальные отсылки к повести А. К. Дойля «Этюд в багровых тонах» в рассказе Нила Геймана «Этюд в изумрудных тонах»

Рассказ «Этюд в изумрудных тонах» («A Study of Emerald») современного английского писателя-фантаста Нила Геймана (Neil Richard MacKinnon Gaiman) написан в 2003 году для антологии «Тени над Бейкер стрит» («Shadows Over Baker Street»), которую выпустили М. Ривз и Дж. Пилен. Впоследствии «Этюд в изумрудных тонах» вошел в сборник писателя «Хрупкие вещи» («Fragile Things»). Как пишет Гейман в предисловии к своему сборнику, Ривз сделал своего рода «заказ» на произведение: «Мне нужен рассказ, в котором Шерлок Холмс соприкасается с миром Говарда Лавкрафта. Я согласился написать рассказ, хотя сомневался в перспективности такого соприкосновения: мир Шерлока Холмса предельно рационален, торжество объясненности, в то время как фикции Лавкрафта глубоко, предельно иррациональны, а тайны необходимы, чтобы человек не сошел с ума. И если поведать историю, сочетающую элементы обоих миров, следует придумать интересную комбинацию, равно выигрышную и для Лавкрафта, и для творений сэра Артура Конан Дойла» [Гейман]. Данное суждение — бесспорное доказательство того, что Гейман задумал характерную для постмодернизма игру с читателем, но в эту игру будут вовлечены и сами герои.

Современный автор использует сюжетную основу и элементы оригинальной истории: знакомство героев в 1881 году, взаимодействие детектива-консультанта со Скотланд-Ярдом, его профессиональный статус, детали преступления, раскрытие дела и т. д. Как и у Дойла, данная история написана от первого лица, но меняется повествователь: вместо доктора Ватсона перед читателем майор в отставке, скрывающийся под инициалами *S. M.* Отметим, что в инициалах автора записок есть аллюзия на героя Дойла Себастьяна Морана, второго по опасности человека после профессора Мориарти. Он не майор, но полковник в отставке, бывший офицер Индийской армии Ее Величества, служил в первом саперном полку и был известен как профессиональный стрелок (рассказ Дойла «Пустой дом»). Более того, перед тем как закончить повествование и подписаться инициалами С. М., он упоминает о том, что при встрече с Верне назвал себя *Себастьяном*, — такая аллюзия на дойловского героя имеет игровой характер.

Главными героями являются сыщик-любитель, именуемый Другом, и сам Майор, повествование от лица которого изобилует наблюдениями и фактами, но он не претендует на литературность, поскольку *писатель неопытный* [Гейман] (*I am not a literary man* [Doyle]) — так появляется парал-

лель с доктором Ватсоном, который стал писать о расследованиях Холмса, чтобы заслуги сыщика были признаны публично. Также оба повествователя травмированы военным прошлым, однако Гейман подчеркивает, что его герой испытывает страх перед всем подземным миром, в то время как дойловский доктор отправлен в Англию восстановить силы после болезни (брюшной тиф). Оба героя ранены: С. М. ранила в плечо пиявка (существо из фантастического мира), и его рука иссохла, Ватсон был поражен пулей в левую руку (вполне реалистическое обоснование ранения героя).

Н. Гейман фрагментарно воспроизводит знакомство героев, упуская множество характеристик и описательных моментов текста-оригинала, но использует цитату без атрибуции — фразу, полностью перенесенную из дойлевского текста: *You have been in Afghanistan, I perceive* (Я вижу, вы жили в Афганистане) [Гейман], что обнаруживает четкую параллель с претекстом.

Оба героя-повествователя вовлечены сыщиками в расследование преступления. Если в претексте помощи Шерлока просят два детектива Скотланд-Ярда Лестрейд и Грегсон, то последний в тексте Геймана отсутствует. Образ Лестрейда пародируется, снижается до уровня коммивояжера, *торгующего новыми резиновыми изделиями или патентованными средствами от всех болезней* [Гейман]. Эту идею поддерживают паратекстовые элементы в рассказе — рекламные объявления. Детектив Геймана обращается к сыщику не случайно: совершено странное убийство, где жертва — не человек. Аллюзией к Дойлу здесь служит важная деталь: по цвету грязи на ботинках и штанинах Лейстрейда сыщик устанавливает, что убийство совершено в Шордитче (в претексте Ватсон отмечает, что Шерлок с первого взгляда мог определить образцы различных почв).

Н. Гейман использует метатекстуальность (интертекст-пересказ): его сыщик повторяет действия Шерлока. Сопоставим два фрагмента — претекст и его постмодернистскую версию (табл. 2).

Гейман пишет ремейк известной истории. Кроме того, автор меняет цвет вытекшей крови — *from bile-green to grass-green*. Именно рассказчик, Майор (а не Шерлок, как в претексте), отмечает: *I imagined it for one moment the work of some hellish artist, who had decided to create a study in emerald* (На мгновение я вообразил, что это работа некоего дьявольского художника, решившего написать этюд в изумрудных тонах) [Geiman] (ср. с комментарием Шерлока: *a study in scarlet, eh? Why shouldn't we use a little art jargon ...* (Этюд в багровых тонах, а? Почему бы не воспользоваться жаргоном художников?) [Doyle]). Таким образом, заглавие сохраняет свое изначальное значение: этюд, нарисованный цветом крови.

Таблица 2

Сопоставление текста и претекста на языке оригинала

Дойл	**Гейман**
“I have remarked that the paper had fallen away in parts. In this particular corner of the room a large piece had peeled off, leaving a yellow square of coarse plastering. Across this bare space there was scrawled in blood-red letters a single word” — RACHE. *“What do you think of that?” cried the detective, with the air of a showman exhibiting his show. “This was overlooked because it was in the darkest corner of the room, and no one thought of looking there. The murderer has written it with his or her own blood. See this smear where it has trickled down the wall! That disposes of the idea of suicide anyhow. Why was that corner chosen to write it on? I will tell you. See that candle on the mantelpiece. It was lit at the time, and if it was lit this corner would be the brightest instead of the darkest portion of the wall.”* *“And what does it mean now that you have found it?” asked Gregson in a depreciatory voice.* *“Mean? Why, it means that the writer was going to put the female name Rachel, but was disturbed before he or she had time to finish. You mark my words, when this case comes to be cleared up you will find that a woman named Rachel has something to do with it* («Я заметил, что во многих местах обои висели клочьями». В этом углу от стены отстал большой кусок, обнажив желтый квадрат шероховатой штукатурки. На ней кровью было выведено: «RACHE». «Что вы об этом думаете? — воскликнул детектив, как балаганщик, представляющий публике аттракцион. — Это самый темный угол, и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Глядите, вот кровь стекла со стены, и здесь на полу пятно! А почему убийца выбрал именно этот угол? Сейчас объясню. Видите огарок на камине? Когда он горел, этот угол был самый светлый, а не самый темный». «Ну хорошо, надпись попалась вам на глаза, а как вы ее растолкуете?» — пренебрежительным тоном спросил Грегсон.	*He knelt and inspected the body, inspecting the cuts and gashes. Then he pulled out his magnifying glass, and walked over to the wall, examining the gouts of drying ichor.* *‘We’ve already done that,’ said Inspector Lestrade.* *‘Indeed?’ said my friend. ‘Then what did you make of this, then? I do believe it is a word’.* *Lestrade walked to the place my friend was standing, and looked up. There was a word, written in capitals, in green blood, on the faded yellow wallpaper, some little way above Lestrade's head. ‘Rache…?’ said Lestrade, spelling it out. ‘Obviously he was going to write Rachel, but he was interrupted. So — we must look for a woman …’*(Он встал на колени и осмотрел тело, изучил раны. Потом достал увеличительное стекло, подошел к стене и вгляделся в засыхающие брызги ихора. «Мы уже все осмотрели», — заметил инспектор Лестрейд. «Правда? — отозвался мой друг. — И к какому вы пришли заключению? Мне представляется, это какое-то слово». Лестрейд подошел к моему другу и поднял взгляд. В самом деле, слово — заглавными буквами, зеленой кровью на выцветших желтых обоях, прямо над головой инспектора. «RACHE?.. — задумчиво произнес Лестрейд, прочитав по слогам. — Вполне очевидно, что он хотел написать имя Рэчел, но ему помешали.

Окончание табл. 2

«Убийца хотел написать женское имя Rachel, но не успел окончить, наверное, был чем-то сильно обеспокоен. Попомните мои слова: рано или поздно выяснится, что тут замешана женщина по имени Рэчел») [Doyle]. **С точки зрения Лестрейда, в деле замешана дама по имени Рашель, надпись сделана кровью на желтом квадрате штукатурки. Следовательно, это не самоубийство.**	Значит, надо искать женщину…») [Geiman] **Как считает Лестрейд, в деле замешана дама по имени Рашель, которую нужно найти. Надпись сделана кровью зеленого цвета на желтых обоях.**
“Inspector. Your quest for Miss Rachel may prove fruitless. Among other things, Rache is a German word. It means revenge. Check your dictionary. There are other meanings” (Инспектор. Ваши поиски мисс Рэйчел могут оказаться бесплодными. Помимо прочего, Rache — немецкое слово, которое означает «месть». Проверьте по словарю. Есть и другие значения) [Doyle]. **Шерлок предоставляет Лейстрейду самостоятельно найти слово в словаре и не искать Рейчел.**	*‘Rache,’ is the German for ‘revenge;’ so don’t lose your time looking for Miss Rachel* (Rache в переводе с немецкого означает «месть», так что не теряйте время на поиски мисс Рэйчел) [Geiman]. **Сыщик прямо указывает на то, что совершена месть, причем слово Rache трактуется как старинное немецкое обозначение охотничьего пса** («охотник оставил свою подпись на месте убийства, как художник на краю холста» [Гейман]).

Как и Конан Дойл, свое произведение Гейман разбил на главы, название которых фиксирует ход действия. Показательно, что сюжет современного текста повторяет сюжет оригинала: 1 глава «Новый друг» — знакомство Майора и сыщиком-любителем; 2 глава «Комната» — указание на место преступления и его детали; 3 глава «Дворец» — появление Древних, один из старейшин которых зверски убит; 4 глава «Представление» — театр в театре: игра на сцене и игра в жизни (Высокий обыграл сыщика); 5 глава «Косточка и кожура» — разгадка преступления, в названии главы содержится намек на расплату, ее *«цену за мир и процветание»* [Гейман].

Каждую главу рассказа Майора предваряет рекламное объявление. Данные паратекстовые элементы отнюдь не случайны в произведении. Они не только иронично обыгрывают образ детектива, но и вводят отсылки к другим произведениям английской литературы (мифологическая фантастика Г. Ф. Лавкрафта, «Дракула» Б. Стокера, «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона), а также к историческим

личностям (королева Виктория, принц Альберт и Джек-потрошитель). Все это расширяет интертекстуальное поле метатекста, а используемые автором аллюзии и ономастические цитаты делают произведение Геймана уникальным и с точки зрения жанра. Если претекст — это повесть, то «Этюд в изумрудных тонах» справедливо можно считать ремейком-кроссовером.

Н. Гейман использует в качестве центрального в рассказе прием «театр в театре»: сыщик (представляется антрепренером Генри Кэмберли из Нового Света) и Майор (представляется Себастианом) предлагают постановщику Шерри Верне заключить выгодный контракт. Гейман моделирует игровую реальность с целью убедиться, что найдены Высокий (Верне) и его сообщник Хромой Доктор. В претексте у детектива-консультанта были неудачная и удачная попытки поймать преступника. Сыщик Геймана также оказался обманут Верне: подозреваемый не пришёл на встречу, но отправил письмо, переданное одним из уличных беспризорников по имени Уиггинс (их услугами пользовался и оригинальный Холмс).

Автор переворачивает мир Шерлока Холмса с помощью Древних Лавкрафта. Так, Хромой Доктор оказывается Джоном (или Джеймсом) Уотсоном, который служил в Афганистане, а Шерри Верне — это сам Шерлок Холмс: он также худощав, есть его переписка с сыщиком, в которой он подписывается как Сигерсон (это псевдоним, используемый Шерлоком Холмсом в период после его мнимой смерти при бегстве от Мориарти), его метод — дедукция (это следует из записки), он курит трубку и предпочитает крепкие сорта табака. Центральные герои Геймана, отчасти похожие на дойловскую пару в претексте, — это Себастьян Моран и профессор Мориарти. Участие Мориарти подтверждает факт, что его умственные способности близки к способностям Холмса и из персонажей Конан Дойла он единственный достойный соперник. В рассказе не упоминается, чтобы сыщик играл на скрипке и курил трубку, кроме как в сцене с Верне. Кроме того, его увлечённость движениями астероидов не свойственна Шерлоку, который отдавал предпочтения только полезным для раскрытия преступлений знаниям, а об астрономии не имел никаких представлений: *он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении солнечной системы* [Дойль, 2013, с. 12].

Представим сравнительную характеристику текстов (табл. 3).

5. Заключение

Итак, современные опыты литературно-художественного переосмысления повести А. К. Дойла, проанализированные нами в статье, используют следующие виды интертекстуальных отсылок (по Н. А. Фатеевой): па-

Таблица 3

Интертекстуальные отсылки в рассказе Н. Геймана

Отсылка	**А. К. Дойль**	**Н. Гейман**	**Вывод**	**Вид заимствования по типологии Н. А. Фатеевой**
Заглавие	«Этюд в багровых тонах»	«Этюд в изумрудных тонах»	Цвет крови, цвет убийства.	паратекстуальность
Главный герой и образ повествователя	Шерлок Холмс (доктор Ватсон как повествователь)	Шерлок Холмс (Майор в отставке С. М. в роли повествователя)	Смена ролей, положительного и отрицательного героя: театр в театре.	собственно интертекстуальность (ономастическая цитата)
Место действия	Лондон и США (во вставном рассказе)	Лондон	Топосы претекста частично сохранены	метатекстуальность, вариации на тему претекста
Время действия	1881 год	1881 год	Время повествования полностью совпадает с дойлевским. Важно сохранить ощущение реалистичности оригинала.	метатекстуальность
Форма повествования	От лица доктора Ватсона, вставной рассказ от 3 лица	От лица майора в отставке, который в конце своего рассказа ставит инициалы S. M.	Повествование сохраняет принцип погружения в события рассказа, но делает читателя наблюдателем представления, которое разыгрывается одновременно и перед ним, и перед героями рассказа.	
Жанр	Повесть	Рассказ-ремейк-кроссовер	Отсутствует рассказ в рассказе + есть рекламные тексты, предваряющие каждую главу. Сохраняется детективный пуант, на котором и строится все повествование.	архитекстуальность

ратекстуальность (частичное цитирование заглавия), метатекстуальность (интертекст-пересказ основного конфликта цикла Дойля у Вагнер, почти дословный пересказ сюжета повести у Геймана, использование схожей хронотопической организации пространства текста), архитекстуальность (использование детективного пуанта), собственно интертекстуальность (ономастическое цитирование, дословные цитирования оригинала в рассказе Геймана), многочисленные аллюзии и реминисценции.

Являясь постмодернистскими произведениями, тексты Вагнер и Геймана переосмысляют классическое культурное наследие, деконстуируют претекст, разрушая исходные идеи Дойла, но одновременно с этим создают новую семантику, обнаруживают «новые остаточные смыслы» [Ильин, 1998, с. 56], что делает «тексты ярче, глубже, познавательнее, будоражит в читателе интерес к давно забытому», прочитанному в детстве, «погружает его в сотворчество подобных рецепций образа» знаменитого сыщика [Гимранова, 2017, с. 93].

Источники

1. *Вагнер Я.* Этюд в лиловых тонах [Электронный ресурс] / Я. Вагнер. — Режим доступа : http://samlib.ru/d/detektiwklub/etude.shtml.

2. *Гейман Н.* Этюд в изумрудных тонах [Электронный ресурс] / Н. Гейман. — Режим доступа : https://librebook.me/fragile_things__short_fictions_and_wonders/vol3/1.

3. *Дойл А. К.* Этюд в багровых тонах / А. К. Дойл // Знаменитый Шерлок Холмс : повести. — Санкт-Петкрбург : Амфора, 2013. — 156 с.

4. *Doyle A. Conan.* A study in scarlet [Electronic resource] / A. Conan Doyle. — Access mode : https://www.gutenberg.org/files/244/244-h/244-h.htm#link2HCH0003.

5. *Gaiman N.* Study in Emerald [Electronic resource] / N. Gaiman. — Access mode : https://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.

3. *Гимранова Ю. А.* И. С. Тургенев и современная русская литература / Ю. А. Гимранова // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2017. — Том 9. — Выпуск 3. — С. 88—94.

4. *Головачев А. Г.* «Скарпея Баскаковых» Б. Акунина : Конан Дойл в содружестве с Чеховым / А. Г. Головачев // Вопросы русской литературы. — 2015. — № 1 (31). — С. 77—87.

5. *Дмитриева Л. П.* «Забытые» детективы» Эдгара По / Л. П. Дмитриева // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2012. — № 2. — С. 51—59.

6. *Жиркова М. А.* Русский Шерлок Холмс и его авторы : П. Никитин / М. А. Жиркова // ART LOGOS. — 2017. — № 2 (2). — С. 36—47.

7. *Ильин И.* Постмодернизм : от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. Ильин. — Москва : INTRADA, 1998. — 255 с.

8. *Интернет-газета* Newsbang [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://newsbang.net/kazhdyi-pyatyi-britanets-schitaet-chto-sherlok-kholms-sushchestvoval-na-samom-dele.

9. *Козьмина Е. Ю.* Классический и фантастический детектив / Е. Ю. Козьмина // Новый филологический вестник. — 2012. — № 2 (21). — С. 96—108.

10. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург-Омск : Издательство Уральского института, 2007. — 268 с.

11. *Миронова В. Е.* Рецепция детективного творчества Артура Конан Дойла в русской литературе : к постановке вопроса / В. Е. Миронова // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2016. — № 1 (10). — С. 73—85.

12. *Серов Н. В.* Лиловые вечера [Электронный ресурс] / Н. В. Серов. — Режим доступа : https://culture.wikireading.ru/33238.

13. *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия АН Серия литературы и языка. — 1998. — Т. 57. — № 5. — С. 25—38.

14. *Шерман А.* Шерлок Холмс в России : Антология русской шерлокианы первой половины XX века. 2 т. / составление, вступительная статья и комментарий А. Шерман. — Б.м. : Salamandra P. V. V, 2019. — 274 с.

15. *Щербак Н. Ф.* Тайнопись Шерлока Холмса (на материале произведений Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех», «Пестрая лента», «Пляшущие человечки») / Н. Ф. Щербак // Таврический научный обозреватель. — 2017. — № 7 (24). — С. 57—67.

16. *Sherlock* Holmes for the twenty-first century : essays on new adaptations / edited by Lynnette Porter. — Jefferson, N.C. : McFarland, 2012. — 211 p.

Intertextual References to the Story of A. K. Doyle "A Study in Scarlet" in Modern Literature (N. Gaiman "A Study in Emerald" and Ya. Wagner "A Study in Purple")[1]

© Yulia A. Gimranova (2020), orcid.org/0000-0002-8764-5439, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education "South Ural State Humanitarian Pedagogical University" (Chelyabinsk, Russia), gimranovajua@cspu.ru.

© Elena S. Sedova (2020), orcid.org/0000-0002-7490-2205, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education "South Ural State Humanitarian Pedagogical University" (Chelyabinsk, Russia), sedovaes@cspu.ru.

1 The article is published with the funds of a grant from the Shadrinsk State Pedagogical University.

The intertextual layers of the stories by N. Gaiman “A Study in Emerald” and Ya. Wagner “A Study in Purple” are examined in this article. It is shown in the article that the intertextual fields of modern texts are allusions, reminiscences, metatextuality, paratextuality, architextuality, as well as onomastic quotations. It is concluded that the images and motives of the classic detective work of the early XX century create a visible intertext in the works of the XXI century and become a central device that generates secondary artistic worlds. It is emphasized that contextual correlation with A. K. Doyle’s story allows modern writers (both English-speaking and Russian-speaking) to create clear projections to the text about the famous detective, expanding the chronotopic organization of their metatexts. Particular attention is paid to the comparative intertextual analysis of the classical text of Arthur Conan Doyle with the stories of modern writers — English (N. Gaiman) and Russian (Ya. Wagner). The novelty of the research is seen in the insufficient appeal of literary science and literary criticism to the analysis of Doyle’s intertextuality and intertextual references to the story “A Study in Scarlet”, in particular. The relevance of the study is also due to the enduring reader’s interest in the detective genre and in the work of Arthur Conan Doyle.

Key words: intertextuality; Sherlock Holmes; allusion; reminiscence; A. K. Doyle; metatextuality; paratextuality; pretext.

Material resources

Doyl, A. K. (2013). Etyud v bagrovykh tonakh [A Study in Scarlet]. *Znamenityy Sherlok Kholms: povesti* [The famous Sherlock Holmes: a story]. Sankt-Petkrburg: Amfora. 156 p. (In Russ.).

Doyle, A. Conan. *A study in scarlet.* Available at: https://www.gutenberg.org/files/244/244-h/244-h.htm#link2HCH0003.

Gaiman, N. *Study in Emerald.* Available at: https://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf.

Gaiman, N. *Etyud v izumrudnykh tonakh* [A Study in Emerald]. Available at: https://librebook.me/fragile_things__short_fictions_and_wonders/vol3/1. (In Russ.).

Vagner, Ya. *Etyud v lilovykh tonakh* [A Study in Purple]. Available at: http://samlib.ru/d/detektiwklub/etude.shtml. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo. 445 p. (In Russ.).

Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moskva: Progress. 616 p. (In Russ.).

Dmitriyeva, L. P. (2012). «Zabytyye» detektivy» Edgara Po [“Forgotten detectives” by Edgar PoE]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye* [Text. Book. Book publishing industry], *2:* 51—59. (In Russ.).

Fateyeva, N. A. (1998). Tipologiya intertekstualnykh elementov i svyazey v khudozhestvennoy rechi [Typology of intertextual elements and connections in artistic speech]. *Izvestiya AN Seriya literatury i yazyka* [News an Series of literature and language]*, 57 (5).* 25—38. (In Russ.).

Gimranova, Yu. A. (2017). I. S. Turgenev i sovremennaya russkaya literatura [I. S. Turgenev and modern Russian literature]. *Vestnik permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign Philology]*, 9 (3):* 88—94. (In Russ.).

Golovachev, A. G. (2015). «Skarpeya Baskakovykh» B. Akunina: Konan Doyl v sodruzhestve s Chekhovym [“Scarpea Baskakovs” B. Akunin: Conan Doyle in collaboration with Chekhov]. *Voprosy russkoy literatury* [Questions of Russian literature], *1 (31):* 77—87. (In Russ.).

Ilyin, I. (1998). *Postmodernizm: ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism: from the origins to the end of the century: the evolution of scientific myth]. Moskva: INTRADA. 255 p. (In Russ.).

Internet-gazeta Newsbang [Online newspaper Newsbang]. Available at: http://newsbang.net/kazhdyi-pyatyi-britanets-schitaet-chto-sherlok-kholms-sushchestvoval-na-samom-dele. (In Russ.).

Kozmina, E. Yu. (2012). Klassicheskiy i fantasticheskiy detektiv [Classic and fantastic detective]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New philological Bulletin]*, 2 (21):* 96—108. (In Russ.).

Kuzmina, N. A. (2007). *Intertekst i yego rol’ v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka: monografiya* [Intertext and its role in the evolution of the poetic language: monograph]. Ekaterinburg-Omsk: Izdatelstvo Uralskogo instituta. 268 p. (In Russ.).

Mironova, V. E. (2016). Retseptsiya detektivnogo tvorchestva Artura Konan Doyla v russkoy literature: k postanovke voprosa [Reception of detective art by Arthur Conan Doyle in Russian literature: to pose the question]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye* [Text. Book. Book publishing industry]*, 1 (10):* 73—85. (In Russ.).

Serov, N. V. *Lilovyye vechera* [Lilac evenings]. Available at: https://culture.wikireading.ru/33238. (In Russ.).

Shcherbak, N. F. (2017). Taynopis’ Sherloka Kholmsa (na materiale proizvedeniy Artura Konan Doyla «Etyud v bagrovykh tonakh», «Znak chetyrekh», «Pestraya lenta», «Plyashushchie chelovechki») [Secret Writing of Sherlock Holmes (based on the works of Arthur Conan Doyle “Etude in crimson”, “The Sign of four”, “Motley ribbon”, “Dancing men”)]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel’* [Tavrichesky scientific observer]*, 7 (24):* 57—67. (In Russ.).

Sherlock Holmes for the twenty-first century: essays on new adaptations. (2012). Jefferson, N.C.: McFarland. 211 p.

Sherman, A. (2019). *Sherlok Kholms v Rossii: Antologiya russkoy sherlokiany pervoy poloviny XX veka* [Sherlock Holmes in Russia: an anthology of Russian sherlockians of first half of XX century]*, 2.* B.m.: Salamandra P. V. V. 274 p. (In Russ.).

Zhirkova, M. A. (2017). Russkiy Sherlok Kholms i yego avtory: P. Nikitin [Russian Sherlock Holmes and its authors: P. Nikitin]. *ART LOGOS*, *2 (2).* 36—47. (In Russ.).

Минеева И. Н. Топос «Карьяла» в билингвальной поэзии А. Волкова / И. Н. Минеева, Т. В. Пашкова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 228—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241.

Mineeva, I. N., Pashkova, T. V. (2020). Topos “Karjala” in Bilingual Poetry by A. Volkov. *Nauchnyi dialog, 11:* 228-241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241. (In Russ.).

УДК 821.161.1+821.511.111
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241

Топос «Карьяла» в билингвальной поэзии А. Волкова

© Минеева Инна Николаевна (2020), orcid.org/0000-0001-9283-1239, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Петрозаводское президентское кадетское училище» (Петрозаводск, Россия), InnaV2003@yandex.ru.

© Пашкова Татьяна Владимировна (2020), orcid.org/0000-0002-0505-4767, доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), tvpashkova05@mail.ru.

В статье впервые представлены наблюдения над спецификой топоса «Карьяла» в творчестве билингвального поэта А. Волкова. Доказано, что в его сознании «Карьяла» ассоциируется с «родимой землей», памятью предков, родным языком, собственно ливвиковским счастьем. В русско- и карелоязычных стихотворениях воссозданные пространства «Карьялы» семантически сходны. Этот локус открыт (центр мироздания) и замкнут (окраина России) одновременно. Подобно археологу, автор обращается к осмыслению мифологической родословной «Карьялы», ее прародины, праязыка, архетипов национального сознания, тотемных знаков. Авторы установили, что билингвальный взгляд на мироздание позволил поэту по-новому концептуализировать и раскрыть в контексте мировой истории и культуры главные в быте и бытии ливвиковских карел понятия: родное наречие, память традиции, карельский генотип, ливвиковское счастье. Особое внимание уделяется анализу так называемых семантических «переходов» из одной этнической картины мира в другую (вспоминание трансформируется в плач, генезис родного языка как дар от Бога — в путь к Богу). В поэтической реконструкции топоса «Карьяла», выполненной А. Волковым, карельское мировидение — основополагающее, русский язык и литература — проводник в формировании самобытной поэтической традиции. В научный оборот впервые введены оригинальные стихотворения А. Волкова и их автопереводы.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия; карелоязычная поэзия; поэтический билингвизм; билингвальный поэт; Александр Волков; самоидентификация; топос; Карьяла; ливвиковский диалект карельского языка.

1. Введение

Известный философ В. А. Подорога подчеркивал, что «... человек неотделим от “своего” пространства» [Подорога, 1995, с. 263]. Для писателей-

билингвов пространство — основополагающая категория. Оно во многом определяет их идентификацию, специфику коммуникации с мирозданием, взаимодействия языков и культур в художественном тексте. По справедливому замечанию А. В. Кузнецовой, именно топос как одна из составляющих хронотопа позволяет «определить многообразные корреляции, существующие в рамках билингвального художественного текста» [Кузнецова, 2011, с. 87]. По своей природе он имеет универсальные характеристики, несет «этноспецифические доминанты, отражающие <…> значимые константы» [Кузнецова, 2015, с. 168]. В связи с этим актуальным является рассмотрение специфики билингвальной поэзии сквозь призму топоса.

В настоящее время хронотопическая система билингвальной — русско- и карелоязычной — поэзии практически не изучена. Между тем ее анализ позволит открыть новые факты в формировании этнической идентичности билингвального поэта А. Волкова, его этнонационального стиля, шире — истории региональной литературы на современном этапе ее развития.

Цель статьи — представить наблюдения над спецификой топоса «Карьяла» в творчестве А. Волкова, выбравшего в качестве поэтического одновременно русский и национальный, карельский (ливвиковское наречие), языки.

Методологической основой исследования послужили историко-литературный подход, метод подстрочного перевода, частотный анализ образов художественного пространства. Объект рассмотрения — сборники «Слово о ливах» (2004), «Вечный огонь. Iguine tuli» (2000) и «Земля Карелия» (2013). В двух последних одно и то же стихотворение написано параллельно на русском и карельском языках (ливвиковский диалект). Оба являются основными, но при этом они не смешиваются. На данный момент трудно определить, какой из них был первичен (оригинал) или вторичен (автоперевод), в силу отсутствия каких-либо сведений, подготовительных творческих материалов и т. д.

2. Историческое время и национально-культурная самоидентификация А. Волкова

Александр Лукич Волков (1928—2020) родился в деревне Эссойла Пряжинского района в карельской крестьянской семье. Его детство было омрачено «беспричинным расстрелом отца», а также «бомбежками и обстрелами» в период Советско-финляндской и Великой Отечественной войн [Волков, 2000, с. 4].

Стихи А. Волков начал сочинять на русском языке еще в школьные годы и впервые опубликовал их в газете «Ленинская правда» в 1959 году.

Между тем только с 1991 года, после выхода на пенсию, он посвятил себя литературе. Его перу принадлежат стихи на русском языке, но большинство его поэтических произведений написано на ливвиковском наречии карельского языка [Писатели Карелии, 2006, с. 12]. Сам поэт говорил о себе: «Я — карельский поэт, пишущий, в том числе, на русском языке» [Волков, 2010, с. 217]. Данный «переход» в творчестве от русского к родному языку связан и с тем, что писатели начинают осознавать свою национальную идентичность, чувствовать долг перед своим народом, а также предками в сохранении и развитии своей национальной культуры. С ростом этнического самосознания отмечается и рост интереса к национальной культуре и литературе, а также и их престиж [Алто, 1997, с. 11].

Первая книга А. Волкова «Маленькая Дессойла» (1993) пронизана чувством любви и благодарности к родному краю. В 1997 году вышел сборник стихов на ливвиковском наречии «Pieni Dessoilu» («Маленькая Эссойла»), в которой автор с любовью описывает родные места, передает характеры своих земляков [Писатели Карелии, 2006, с. 13]. Известный карельский писатель, поэт и переводчик Армас Мишин так писал о творчестве А. Волкова: «Aleksandr Volkovin runoilla on yksi ominaisuus, joka antaa hänen tuotannolleen erikoisen sävyn: kaikki hänen runonsa ovat aiheeltaan sidoksissa tiettyyn paikkaan Karjalan maalla ja se paikka on Dessoila …» («У стихов Александра Волкова есть одна особенность, которая придает его творчеству особый оттенок: все его стихи тематически привязаны к известному месту на карельской земле и это место — Эссойла …» [Mišin, 1998, s. 98] (перевод автора. — *Т. П.*).

На протяжении всего творчества А. Волков обращался к проблемам исторической и культурной памяти. В первую очередь его интересовали вопросы, связанные с родовым древом олонецких карел, их прародиной и праязыком. В одной из своих поэм «Слово о ливах» автор выводит своеобразную мифологическую формулу происхождения своего народа. Согласно А. Волкову, возможным прародителем карел-ливвиков являются «ливы», проживавшие и проживающие на северо-западе Латвии. Прародиной он называет страну по имени «Ливли» [Волков, 2004, с. 17—18].

В концепции А. Волкова акцент сделан на том, что в силу исторических обстоятельств карелы-ливвики были оторваны от своих корней. «Кто нам перегрыз пуповину <…> в забытую ныне годину?», — постоянно и с болью вопрошает автор [Там же, с. 170]. При этом А. Волков неоднократно подчеркивает вынужденное изгнанничество предков с прибалтийских земель, что в свою очередь обусловило их дальнейшие трагические испытания — быть гонимыми и непонятыми (*И к нашим корням*

год от года / грубее земная кора). Несмотря на то что карельский народ лишился своей прародины, она являет им себя на уровне генетической памяти. Поэт не раз замечает, что по ночам они слышат «Ливли далекие вздохи», а «сполохи лапландских сияний» «балтийской мерцают волной» [Там же, с. 18]. Олонецкие карелы унаследовали от Ливли «генотип». Основные его черты проявляются как во внешней их характеристике, повседневном образе жизни, специфике общения с природой, так и в фольклоре и ливвиковском диалекте. Назовем некоторые из них: «по-волчьи поджары, как встарь», «мы песчинками иссечены», «но кудри, как прежде, льняны», «рогожею горницы трем, чтоб вечно сосновые стены отсвечивали янтарем», «бросаем зерно на угоре, как в дальние те времена», «рыболовные сети ведь “риндой” по-ливски зовем», «в сердцах наших говоры близки», «звучат продолжением ливских напевы отеческих рун» [Там же, с. 19—20].

Характеризуя свою гипотетическую прародину, А Волков отмечает географическую, ландшафтную общность между Ливли и Карьяла: *Вам Ливли Отчизна доныне / нам Карьяла стала родной* [Там же, с. 21]. После долгих скитаний олонецкие карелы обрели новую родину: «бросил на здешние камни / пожитки из беглых ладей», «могучие воды / сквозь горы несли на плечах» [Там же, с. 22].

По мнению поэта, у карел-ливвиков есть свои тотемы. Как правило, они связаны со стихией воды. Среди них он особо выделяет «переливы» «соленой волны» и «крыло» «летящей» чайки, рыбу и морошку [Там же, с. 23]. Подобная архетипическая энергия объясняет, почему олонецким карелам «по сердцу сильные реки», «родная озерная гладь», «мы, словно чайки» [Там же, с. 23—24]. Среди «лучших» «родичей» своего народа поэт выделяет «вепсов» [Там же].

Онтологические и аксиологические координаты поэзии А. Волкова отражают некоторые обозначенные выше факты как его личной биографии, так и трагической истории карельского народа.

3. Субъективность лирического героя

В поэзии А. Волкова лирический герой — билингв. Этнически он принадлежит к карельской культуре и наделен свойствами «толмача», переводчика с русскоязычной картины мира на карелоязычную и наоборот, является носителем родовых знаний. При этом он описывает мир карельских ливвиков с точки зрения двух перспектив: изнутри и извне, со стороны в контексте мировой истории и культуры. Между тем для лирического героя не свойственна какая-либо двойственность, разорванность или о(т)

страненность. Напротив, его взгляд на карельскую ойкумену цельный, глубокий, скрупулезный. Лирический герой участлив к судьбе своего народа и родной культуры.

4. Топос «Карьяла»

Топос «Карьяла» — постоянный ценностно-смысловой компонент в поэзии А. Волкова. Он встречается практически в каждом его стихотворении. Топос «Карьяла» отличается многосоставностью и многозначностью. Анализ стихотворений позволил нам выявить следующий комплекс его значений, а именно: «родимая земля»; предки; ливвиковское наречие карельского языка; культурные артефакты (ливвиковское счастье). В представленных ниже наблюдениях специфика топоса «Карьяла» рассматривается в русско- и карелоязычной поэзии как целостный текст.

4.1. «Карьяла» как «родимая земля»

Русскоязычный дискурс. В онтологических и аксиологических координатах лирического героя топос «Карьяла» характеризуется как замкнутый в себе мир. При этом его хронотоп описывается в категориях так называемой «двойной географии». В персональном землеописании лирического героя «Карьяла» — это и центр Вселенной, и край света одновременно. Причем та или иная «геолокация» обладает только ей свойственными приметами. Они «мерцают», дополняют друг друга. Первая обладает такими чертами, как широкое «раздолье», «безбрежность», «величие», «красота» («ей <…> на планете нет места иного», «ты и близкая, ты и безбрежная», «до боли родная»), вторая — отдаленность от центра России, закрытость («в дали далекой от Кремля / окраина России») [Волков, 2000, с. 3, 8].

В подобной двойственности заключается тайна и загадочность бытия северной ойкумены, суть которого может открыть и постичь только «карельский народ». Не случайно в стихотворениях постоянно подчеркивается его «избранность» («непонятная, очень чудная») и особое восприятие мира, его цветовых спектров, запахов, форм и пр.: «голубая, зеленая, нежная» [Там же, с. 8]. Моделируя мир «Карьялы», лирический герой акцентирует особое внимание на трагической судьбе олонецких ливвиков. Для него это непроходящая боль. Земля северного народа «полита и потом, и кровью» [Волков, 2013, с. 253].

Миссия ливвиковских карел состоит в том, чтобы «восславить» «родимую землю», «молиться» за ее процветание («помоги ей, о Господи Боже», «выйду к церкви поклонюсь / за Отчизну помолюсь», «Прислушайтесь, люди! Мы живы! И наша надежда жива!») [Там же], ведь *родимая земля* — «лучшее» слово «в сердце» [Там же].

Карелоязычный дискурс. По сравнению с русскоязычным поэтическим пространством в карелоязычном значительно усилен мотив трагической истории Карьялы как «родимой земли». Пережив не одну лихую годину, «годы ненастья» (*Karjalu, kyynälii omal mual lasket / Карелия, слезы по своей земле ты пускаешь*), когда *Karjalan kaššalis — ruozme da agan / В карельском кошеле — ржавчина и пелёва*, карелы-ливвики с возрастающим в душе смятением вновь и вновь вопрошают: *Kunnebo lähtet, Karjalu? / Куда ты пойдешь, Карелия?*; *Voimmogo kerran vie kohota oppie? / Могли бы мы еще раз подняться попробовать?* От познанного горя родовой истории сердце лирического героя наполняется *verine tusku» / кровавой тоской*, время, в которое он живет, называет — *mustu / черное* [Волков, 2000, с. 22—23]. Карелоязычное пространство переполнено горем, утратами и безысходностью.

4.2. Предки «Карьялы»

Русскоязычный дискурс. У карельского народа сильна память предков. Чаще всего она материализуется у А. Волкова в образе «дедова» и «отцова» дома как средоточия родовой силы, хранителя чувств, эмоций нескольких поколений: *Погляжу на дедов дом / Вспомню смех и слезы в нем // Где отцов и дедов силы? Свято их хранят могилы* [Там же, с. 6]. Пространство «Карьялы» наполнено теплом любви предков, их заботой. Показателен в этом плане образ «маминого пирога» в одноименном стихотворении, символизирующего уют «родной земли». Именно он противопоставляется лирическим героем «чужой», «холодной» земле, где «не греют шелка и ни шубы», «горек хлеб», потому что «не от сердца», от «чужих» [Там же, с. 14].

Карелоязычный дискурс. В карелоязычном дискурсе трактовка темы памяти в целом сохраняется. Однако есть одна важная на содержательном уровне «замена». В отличие от русскоязычного пространства, в карелоязычном мотив памяти трансформируется в мотив внеобрядового «плача», «причитания» — в любое время вспоминать / поминать предков «вголос», устанавливать коммуникацию со своими близкими с помощью языка «причети», выражать собственные переживания [Карельские причитания, 1976, с. 123]: «*Pihal tuatan pertin luo / На улице около комнаты отца / Kačon viilah, virzii luon / Я смотрю на дом, плач начну // — Kusbo virzineruo ečit? / — Где же умение причитать ты ищешь? // — Tuatan kalmoil, died'on mečis / — На могиле отца, в лесах деда* [Волков, 2000, с. 7]. Подобная метаморфоза имплицитно усиливает глубину осмысления олонецкими карелами памяти своего рода, наделяет его сакральным смыслом. Воспоминание / поминание (о) предках(ов) должно быть символизировано и вербализовано в соответствующих традиционных формулах, переданных по «наследству» лирическому герою.

4.3. Язык «Карьялы»

Русскоязычный дискурс. В сознании олонецких карел язык наделяется сакральным значением. Лирический герой просит не называть его «наречьем» или «говором», поскольку «жизнь сама невозможна без слова» [Там же, с. 10]. С помощью него создается своеобразная действительность, в которой живет северный человек. Дефинициями сакрального являются у А. Волкова как религиозная, так и ландшафтная / природная лексика. Семантика подобных единиц характеризуется «синкретизмом», что объясняется связью дохристианских и христианских начал в мироощущении карельского народа. С одной стороны, ливвиковское наречие карельского языка — «от Бога», оно олицетворяет собой «дорогу» к молитве [Там же, с. 6], «ангела хранителя», «диво разума», «чудо творца», «свечу [Там же, с. 10, 67], с другой — «от природы», оно ассоциируется с «солнцем света» как праосновой жизни, «звездой над дорогой» [Там же, с. 10]. В стихотворениях лирический герой фиксирует также охранительную и терапевтическую функцию ливвиковского говора карельского языка. Он неоднократно именуется «хранителем» «Родины», «наших имен», «исцелителем» от «лихих напастей» [Там же, с. 10]. С помощью него создаются такие «смысловые узоры жизни», «смысловые связи» [Шаховский, 2007, с. 43], которые способны излечить людей от национальной травмы.

Кроме того, лирический герой описывает силу, глубину и неисчерпаемый творческий потенциал ливвиковского говора карельского языка. По своей природе он диалогичен, гибок и легок, способен к восприятию иной ценностной системы, поэтому в ходе истории стал посредником между карельской и русской культурами, в частности, литературой XIX и XX столетий: *Наш язык — чудеса творит // Звучит Державин на карельском / Сам Пушкин с нами говорит <...> И оживут в душе карела / Есенин, Блок и Гумилев // Пока свеча не догорела / на всех в карельском / хватит слов* [Там же, с. 67].

Еще одна ипостась ливвиковского наречия карельского языка, которая со всей нарастающей тревожностью раскрывается в стихотворениях А. Волкова, — это его тяжелая судьба в XX веке.

Известно, что с 1980-х годов коренные народы Республики Карелии — карелы и вепсы — начинают свое национальное возрождение. Этот процесс связан в первую очередь с восстановлением письменности, возобновлением издательской деятельности на карельском и вепсском языках и их преподаванием. Однако как карельский народ, имеющий государственность с 1920 года, остался «бесписьменным» до времен перестройки? [Строгальщикова, 1992, с. 4]. В 1921 году на втором съезде Советов было принято решение ввести культурную и просветительскую деятельность

среди карельского населения на финском и русском языках. Это было связано с отсутствием карельской письменности, наличием трех наречий и, как следствие, невозможностью создания единой карельской литературной нормы [Там же, с. 10]. Именно поэтому «… в качестве якобы объединяющего все диалекты карельского языка письменным и литературным языком был признан финский язык» [Клементьев, 1992, с. 115]. В северной Карелии преподавание велось на финском языке, у карелов-ливвиков и кареловлюдиков — на русском.

В 1937 году было принято решение о создании единого карельского языка. На основе русской графики разработали и утвердили алфавит, началась подготовка учебников и преподавательских кадров. Однако искусственно разработанный единый язык, созданный путем смешения всех наречий, был непонятен большинству населения, в итоге и не принят. На долгие десятилетия вопрос о возрождении карельской письменности был закрыт [Там же, с. 117].

С 1950-х годов процесс русификации стал развиваться еще интенсивнее. Языки коренных народов подверглись сильному влиянию русского языка, в школах прекратилось преподавание на родных (в данном случае — карельском) языках. Вместе с этим возникла своеобразная диглоссия: в быту карелами использовался карельский язык, в общественной жизни — русский [Пустаи, 2014, с. 32].

О необходимости возрождения языков карелов и вепсов заговорили вновь только в конце 1986—1987 годов. В Республике Карелия всегда велась «борьба за язык». Поэт А. Волков считал, что именно финский язык способствовал «отвержению» карельского языка и мешал его развитию [Чикина, 2016, с. 6].

В секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся оригиналы документов 1930-х годов, в которых говорится о деятельности лингвистов, связывавших свою научную и практическую деятельность с карельским языком [Нагурная, 2015, с. 260]. Один их них — доклад Д. В. Бубриха, где он впервые рассуждает не только о лингвистических экспедициях, но и о возможности создания единого литературного карельского языка; см., например: [см. Бубрих, 1930; Бубрих, 1937]. К подобному же решению пришел и поэт А. Волков: «… пока не будет единого письменного языка, никакой парламент не примет закона о его государственном статусе …» [Волков, 2013, с. 210]. В случае отказа от пользования родным языком укрепляются позиции русского языка. Он начинает доминировать.

Воссоздавая топос «Карьяла», А. Волков часто обращается к ретроспективным событиям с целью подчеркнуть приходящую «извне» опасность разру-

шения рожденного в столетиях мудрого языка. В связи с этим в авторской трактовке олонецкий диалект становится символом народа, который, по мнению поэта, уничтожался на протяжении всей его истории. Так, в одном из показательных в этом плане стихотворений «Оставьте наш язык» реконструируется оппозиция «жизнь — смерть», порождающая образный и фактологический ассоциативный ряд и вместе с тем раскрывающая специфику самоидентификации ливвиковских карел. Сопоставим эти два плана [Волков, 2000, с. 12]:

«Жизнь» ливвиков «внутри» ойкумены:	**«Смерть» ливвиков «извне»:**
— «пока еще мы есть на свете», — «у нас есть и разум, и руки», — «жизнью горят наши лики / и души черствее не стали», — «нам чужды обиды и мщенье».	— «деревни раз сорок горели / от шведов, от русских, от финнов», — «исчерпан лимит наш на муки», — «средь миллионов “Великих” нас тысячи только остались».

Стихотворение пронизано отчаянными призывами лирического героя сохранить уникальный менталитет «малого народа»: «в глаза посмотрите карелам», «не проходите же мимо!», «не дайте стереться с планеты», «услышьте наш голос», «оставьте язык наш за нами» [Там же, с. 12]. Завет карела — язык, что «мать тебе дала / как имя донести до смерти» и передать его «детям, внукам своим» как «высший дар бессмертный» [Там же, с. 18].

Карелоязычный дискурс. В карелоязычном пространстве значение понятия «язык» и представление о его роли в целом остаются неизменными. Между тем в связи с родным наречием поэт больше акцентирует внимание на том, что, лишившись языка, человек утрачивает способность мыслить, а значит — жить: *Ilmai kielettäh kuolou miän mieli* (Без языка умирает наш разум)[1] [Там же, с. 11]. Если в русскоязычном дискурсе для лирического героя олонецкий говор «от Бога», то в карелоязычном он, напротив, олицетворяет собой путь «к Богу»: *Kielel puututmo jumalan pieleh* (*Языком мы попадаем к Богу*) [Там же, с. 11]. Сосуществующие в его сознании разные «проекции» в осмыслении происхождения ливвиковского диалекта — от мира горнего к земному (язык как послание Бога) и от земного к горнему (язык как путь к Богу) — не противоречат друг другу. Напротив, таким образом формируется более цельное и глубинное понимание природы олонецкого наречия, шире — истории народа. Согласно видению лирического героя, карелы получили дар языка «от Бога вместе с бытием» и «дополнили» его от себя [Св. Филарет Московский …, 2004, с. 113, 167]. Вместе

1 В этом предложении двойное усиление с помощью предлога «без» и падежная форма у слова язык — тоже дает форму без языка.

с тем проживание подобного бытия, его духовное подкрепление оборачивается для ливвиковских карел богопознанием, а именно: проявлением любви к мирозданию и веры.

4.4. Антропологические категории «Карьялы» — ливвиковское счастье

Русскоязычный дискурс. В картине мира лирического героя отражается родовое представление о таком антропологическом понятии, как ливвиковское счастье. У олонецких карел оно имеет свои «руны» — «летом в волнах, в стужу — в насте» [Волков, 2000, с. 6]. Счастье для ливвиков — жить в согласии с чередованием этих «рун», оказаться в нужном месте-времени в зависимости от сезона, быть соучастником подобных изменений. Лето и зима — «поворотные» точки в жизни олонецких карел. Их ментальность отражает идею цикличности и в то же время «движения». У каждой из «рун» есть свои маркеры — «волны» и «наст». Карелы-ливвики сведущи в их тайных знаках. Они понимают окружающий мир. Благодаря этому топос «Карьяла» подвижен, динамичен и гармоничен. Он насыщен сакральными, только ливвикам понятными ритмами. Язык природы и язык олончан созвучны друг другу. Поэтому жизнь карел природосообразна. Смена «рун» — основа их благополучия. Оно ассоциируется у лирического героя в первую очередь с ветром, плодовитостью рек, озер и леса. Он преклоняется перед ними. В данном контексте вводятся символические для топоса «Карьяла» природные артефакты, трансформирующиеся в иконические знаки: ветер, рыба и северная ягода морошка (*пусть ... свежей рыбою полнятся сети / а болотные кочки — морошкой*). Это своеобразная праоснова бытия олонецких карел [Там же, с. 253].

Карелоязычный дискурс. В карелоязычном дискурсе антропологическая категория «ливвиковское счастье» по своему значению идентична русскоязычному: — *Kusbo lövvät runolangua? / — Где же ты находишь нить руны? — Kezäl allos, talvel — hangel / — Летом в волне, зимой — на снежном покрове* [Там же, с. 7].

5. Заключение

Творчество билингва А. Волкова — это своеобразный «духовный» обмен между русской и карельской культурами, в ходе которого раскрывается своеобразие одного из главных и многозначных в менталитете олонецких карел топосов «Карьяла». Проводником между культурами является лирический герой-билингв, наделенный разными типами этномышления. В лирике А. Волкова русско- и карелоязычное пространство «Карьялы» практически совпадают друг с другом. Это мир закрытый и открытый одновременно со своей мифологической родословной, гипотетической прародиной, праязыком, тотемами и знаками. Билингвизм позволил поэту по-новому концеп-

туализировать важные в бытии ливвиков понятия: язык, память, генотип, счастье. В связи с этим в стихотворениях, параллельно написанных на русском и карельском языках, наблюдается постоянное обращение лирического героя к национальной системе олонецких карел: сакральность наречия, его потенциал, диалогичность, свойственная ливвикам «острая» память предков, ритмы природы и их значимость в организации быта и бытия. В отличие от русскоязычного дискурса, в карелоязычном усилен мотив трагизма судьбы олончан, их избранность и в то же время непонятость и неприятие «большими» этносами. В процессе осмысления понятия «память» происходит семантический «переход» из одной национальной системы в другую (вспоминание предков трансформируется в поминальный плач). Переключение «кода» наблюдается и в осмыслении генезиса ливвиковского наречия (дар от Бога — путь к Богу оборачивается богопознанием). Подобные поликодирования, «наложения» и маркировки позволили поэту создать картину этнической идентичности «малого» народа, архетипы национального сознания, собственно ливвиковское видение мира, взаимно дополнить русско- и карелоязычный мир в контексте мировой истории и культуры. Как убеждает выполненный анализ, в реконструкции топоса «Карьяла» ментальное (карельское) мировидение является основополагающим, русский язык и литература стали связующими звеньями и опорой для формирования региональной поэтической традиции.

Источники

1. *Волков А.* Земля Карелия : [стихи] / А. Волков ; [текст парал. рус., карел.]. — Петрозаводск: Острова, 2013. — 79 с.

2. *Волков А.* Слово о ливах : [стихи] / А. Волков ; [текст карел., рус., лив., эстон., фин., коми]. — Petroskoi: Periodika, 2004. — 23 с.

3. *Волков А.* Вечный огонь. Iguine tuli : [стихи] / А. Волков. — Петрозаводск : Периодика, 2000. — 102 с.

Литература

1. *Алто Э. А.* Финноязычная литература Карелии / Е. А. Алто // История литературы Карелии : В 3 т. — Санкт-Петербург : «Наука», 1997. — Т. 2. — 245 с.

2. *Бубрих В. Д.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология) / В. Д. Бубрих. — Петрозаводск : Карельский научно-исследовательский институт культуры, 1937. — 78 с.

3. *Бубрих В. Д.* Карелы и карельский язык / В. Д. Бубрих. — Москва : Издательство Мособлисполкома, 1932. — 38 с.

4. *Волков А. Л.* У истоков родной речи : Сямозерцы — информаторы и ассистенты финских лингвистов и финские ученые-создатели «Большого словаря карельского языка» / А. Л. Волков // Север. — 2013. — № 5/6. — С. 208—210.

5. *Волков А.* Моя главная задача — сохранение карельского языка / А. Волков, В. Слепаков // Север. — 2010. — № 5/6. — С. 216—218.

6. *Карельские* причитания / издание подготовлено А. С. Степанова. Т. А. Коски. — Петрозаводск, 1976. — 535 с.

7. *Клементьев Е. И.* Языковая ситуация в Карелии : состояние, тенденции развития / Е. И. Клементьева // Материалы к серии «Народы и культуры». Карелы. Финны. — Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. — Выпуск XVI.— С. 112—125.

8. *Кузнецова А. В.* Семантический и коммуникативно-прагматический потенциал топоса в билингвальном художественном тексте / А. В. Кузнецова // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты. — Сочи : СГУТ и КД, 2011. — С. 81—87.

9. *Кузнецова А. В.* Когнитивный потенциал топоса в билингвальном художественном тексте / А. В. Кузнецова // Когнитивные исследования языка. — Тамбов : Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2015. — Выпуск 22. — С. 168—173. ISBN 978-5-94777-385-9.

10. *Нагурная С. В.* Роль Д. В. Бубриха в создании единого карельского языка / С. В. Нагурная // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения : Гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1—2 октября 2015 г. — Петрозаводск : [б. и.], 2015. — С. 259—267.

11. *Писатели* Карелии / составитель Ю. И. Дюжев. — Петрозаводск : Острова, 2006. — 304 с.

12. *Подорога В. А*. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии : С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка / В. А. Подорога. — Москва : Ad Marginem, 1995. — 427 с. ISBN 5-88059-007-0.

13. *Пустаи Я.* Двуязычие — переход к новому одноязычию? / Я. Пустаи // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей. — Сыктывкар : Кола, 2014. — С. 32—33.

14. *Строгальщикова З. И.* Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов / З. И. Строгальщикова // Материалы к серии «Народы и культуры». Карелы. Финны. Выпуск XVI. — Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. — С. 4—16.

15. *Святитель* Филарет Московский (Дроздов). Толкование на Книгу Бытия / Святитель Филарет Московский (Дроздов). — Москва : Русский хронограф, 2004. — 831 с. ISBN 5-85134-034-7.

16. *Чикина Н. В.* Проблемы карелоязычной литературы и творчество Владимира Брендоева : монография / Н. В. Чикина. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2016. — Ч. 1. — 102 с.

17. *Шаховский В. И.* Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства / В. И. Шаховский // Мир русского слова. — 2007. — № 1—2. — С. 40—45.

18. *Mišin A.* Dessoilu sydämessä / A. Mišin // Carelia. — 1998. — № 12. — S. 98—99.

Topos “Karjala” in Bilingual Poetry by A. Volkov

© **Inna N. Mineeva (2020),** orcid.org/0000-0001-9283-1239, PhD in Philology, Associate Professor, Petrozavodsk Presidential Cadet School (Petrozavodsk, Russia), InnaV2003@yandex.ru.

© Tatyana V. Pashkova (2020), orcid.org/0000-0002-0505-4767, Doctor of History, Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University" (Petrozavodsk, Russia), tvpashkova05@mail.ru.

The observations on the specifics of the Karjala topos in the works of the bilingual poet A. Volkov is for the first time presented in the article. It has been proved that in his mind "Karjala" is associated with "native land", the memory of ancestors, native language, Livvik's happiness itself. In Russian and Karelian-language poems, the recreated spaces of "Karjala" are semantically similar. This locus is open (the center of the universe) and closed (the outskirts of Russia) at the same time. Like an archeologist, the author turns to the understanding of the mythological genealogy of "Karjala", its ancestral homeland, proto-language, archetypes of national consciousness, totem signs. The authors found that the bilingual view of the universe allowed the poet to conceptualize in a new way and reveal, in the context of world history and culture, the main concepts in the life of Livvik Karelians: native dialect, memory of tradition, Karelian genotype, Livvik happiness. Particular attention is paid to the analysis of the so-called semantic "transitions" from one ethnic picture of the world to another (remembering is transformed into crying, the genesis of the native language as a gift from God — into the path to God). In the poetic reconstruction of the Karjala topos by A. Volkov, the Karelian worldview is fundamental, the Russian language and literature is a guide in the formation of an original poetic tradition. For the first time, the original poems of A. Volkov and their auto-translations were introduced into scientific circulation.

Key words: Russian-language poetry; Karelian poetry; poetic bilingualism; bilingual poet; Alexander Volkov; self-identification; topos; Karjala; Livvik dialect of the Karelian language.

Material resources

Volkov, A. (2000). *Vechnyy ogon'. Iguine tuli* [Eternal flame]. Petrozavodsk: Periodika. 102 p. (In Russ.).

Volkov, A. (2004). *Slovo o livakh* [The Legend of the "Livs"]. Petroskoi: Periodika. 23 p. (In Russ. In Karel. In Livvik. In Fin. In Eston. In Komi).

Volkov, A. (2013). *Zemlya Kareliya* [Land of Karelia]. Petrozavodsk: Ostrova. 79 p. (In Russ. In Karel.).

References

Alto, E. A. (1997). Finnoyazychnaya literatura Karelii [Finno-Language literature of Karelia]. *Istoriya literatury Karelii* [History of Karelian literature]*, 3 (2).* Sankt-Peterburg: «Nauka». 245p. (In Russ.).

Bubrikh, V. D. (1932). *Karely i karelskiy yazyk* [Karelian and Karelian language]. Moskva: Izdatelstvo Mosoblispolkoma. 38 p. (In Russ.).

Bubrikh, V. D. (1937). *Grammatika karelskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Grammar of the Karelian language (phonetics and morphology)]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchno-issledovatelskiy institut kultury. 78 p. (In Russ.).

Chikina, N. V. (2016). *Problemy kareloyazychnoy literatury i tvorchestvo Vladimira Brendoyeva: monografiya* [Problems of Karelian literature and creativity of Vladimir brandoev. Monograph]*, 1.* Petrozavodsk: PetrGU. 102 p. (In Russ.).

Karelskiye prichitaniya [Karelian lamentations]. (1976). Petrozavodsk. 535 p. (In Russ.).

Klementyev, E. I. (1992). Yazykovaya situatsiya v Karelii: sostoyaniye, tendentsii razvitiya [Language situation in Karelia: state and development trends]. In: *Materialy k serii «Naro-*

dy i kultury». Karely. Finny [Materials for the series "Peoples and cultures". Karelians. Finns], *XVI.* Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. 112—125. (In Russ.).

Kuznetsova, A. V. (2011). Semanticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy potentsial toposa v bilingvalnom khudozhestvennom tekste [Semantic and communicative-pragmatic potential of topos in a bilingual artistic text]. In: *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects]. Sochi: SGUT i KD. 81—87. (In Russ.).

Kuznetsova, A. V. (2015). Kognitivnyy potentsial toposa v bilingvalnom khudozhestvennom tekste [Cognitive potential of topos in a bilingual literary text]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]*, 22*. Tambov: Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov. 168—173. ISBN 978-5-94777-385-9. (In Russ.).

Mišin, A. (1998). Dessoilu sydämessä. *Carelia, 12:* 98—99. (In Fin.).

Nagurnaya, S. V. (2015). Rol' D. V. Bubrikha v sozdanii yedinogo karelskogo yazyka [The Role of D. V. Bubrikh in creating a unified Karelian language]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskiye chteniya: Gumanitarnyye nauki na Evropeyskom Severe* [Materials of scientific conference "Bobrikovskiy of reading: the Humanities in the European North"]. Petrozavodsk : [b. i.]. 259—267. (In Russ.).

Pisateli Karelii [Writers of Karelia]. (2006). Petrozavodsk: Ostrova. 304 p. (In Russ.).

Podoroga, V. A. (1995). *Vyrazheniне i smysl. Landshaftnyне miry filosofii: S. Kirkegor, F. Nitsshe, M. Khaydegger, M. Prust, F. Kafka* [Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka]. Moskva: Ad Marginem. 427 p. ISBN 5-88059-007-0. (In Russ.).

Pustai, Ya. (2014). Dvuyazychiне — perekhod k novomu odnoyazychiyu? [Bilingualism-transition to a new monolingualism?]. In: *Rodnoy yazyk v sovremennykh usloviyakh dvuyazychiya: sbornik statey* [Native language in modern conditions of bilingualism: collection of articles]. Syktyvkar: Kola. 32—33. (In Russ.).

Shakhovskiy, V. I. (2007). Unizheniye yazykom v kontekste sovremennogo kommunikativnogo prostranstva [Humiliation by language in the context of modern communicative space]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]*, 1—2*. 40—45. (In Russ.).

Strogalshchikova, Z. I. (1992). Yazykovaya politika v Karelii i sudba korennykh narodov [Language policy in Karelia and the fate of indigenous peoples]. In: *Materialy k serii «Narody i kultury». Karely. Finny* [Materials for the series "Peoples and cultures". Karelians. Finns]*, XVI.* Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. 4—16. (In Russ.).

Svyatitel' Filaret Moskovskiy (Drozdov). (2004). *Tolkovaniye na Knigu Bytiya* [Interpretation on the Book of Genesis]. Moskva: Russkiy khronograf. 831 p. ISBN 5-85134-034-7. (In Russ.).

Volkov, A. L. (2013). U istokov rodnoy rechi: Syamozertsy — informatory i assistenty finskikh lingvistov i finskiye uchenyye-sozdateli «Bolshogo slovarya karelskogo yazyka» [At the origins of native speech: Syamozertsy-informants and assistants of Finnish linguists and Finnish scientists-creators of the "Big dictionary of the Karelian language"]. *Sever* [Sever]*, 5/6.* 208—210. (In Russ.).

Volkov, A., Slepakov, V. (2010). Moya glavnaya zadacha — sokhraneniye karelskogo yazyka [My main task is to preserve the Karelian language]. *Sever* [Sever], *5/6.* 216—218. (In Russ.).

Нужная Т. В. Ориентальный пейзаж в романе Ж. де Нерваля «Путешествие на Восток» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 242—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253.

Nuzhnaya, T. V. (2020). Oriental Landscape in the Novel "Journey to the Orient" by G. de Nerval. *Nauchnyi dialog, 11:* 242-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253. (In Russ.).

УДК 821.133.1Nerval.07:7.047+82-1
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-242-253

Ориентальный пейзаж в романе Ж. де Нерваля «Путешествие на Восток»

© **Нужная Татьяна Владимировна (2020),** orcid.org/0000-0002-5662-1311, SPIN код 7139-6367, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой французского языка и литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гидрометеорологический университет» (Санкт-Петербург, Россия), ta_nu@mail.ru.

Представленная статья продолжает цикл авторских исследований, выявляющих специфику восприятия и художественного воплощения различных типов пейзажного пространства во французской романтической прозе. Актуальность исследования обусловлена обращением к творчеству несправедливо забытого французского писателя Ж. де Нерваля, который в романе «Путешествие на Восток» одним из первых познакомил читателя со спецификой городского восточного пейзажа, ранее мало известной в европейской литературе XIX века. Анализ романа показывает, что Ж. де Нерваль пытался осмыслить Восток с разных точек зрения: духовной, этнографической и литературно-художественной. Отмечается, что значимость описания городского ландшафта для Ж. де Нерваля свидетельствует о его понимании важности связей между природой, культурой и цивилизацией. Отмечается, что растительный пейзаж имеет в его произведении разнообразные функции: историческую, этнографическую и национальную. В результате установлено, что Ж. де Нерваль в своем романе смог воссоздать достоверную картину Востока: его ориентальный пейзаж насыщен не только экзотическими описаниями флоры и фауны, оживлен звуками местной природы, но и имеет ценные авторские комментарии, дающие представление о национальной специфике сюжета.

Ключевые слова: французская литература; ранний французский романтизм; Ж. де Нерваль; пейзажное пространство, ориентальный пейзаж.

1. Введение

Французские романтики, в частности, Ф. Р. де Шатобриан, Ж. де Сталь, Сенанкур и Ж. де Нерваль, безусловно, стали первыми писателями в национальной литературе, которые создали новые типы пейзажного пространства, воплотив свои идеи в художественном тексте. После путешествия в Новый свет Ф. Р. де Шатобриан (1768—1848) в повести «Атала» (1801) мастерски изобразил неведомую ранее европейскому читателю экзотическую природу

Америки [Нужная, 2016, с. 148—158]. Ж. де Сталь (1766—1817) в романе «Коринна, или Италия» (1809) закладывает основу изображения архитектурного пейзажа и эстетики античных руин и развалин [Нужная, 2018, с. 81—86]. Э. де Сенакур (1770—1846) в романе «Оберман» обращает внимание читателей на красоту природы альпийских предгорий и долин [Нужная, 2019, с. 39—43]. Ж. де Нерваль (1808—1855) в «Путешествии на Восток» (1851) знакомит читателя с особенностями городского восточного пейзажа, которые ранее были мало известны в европейской литературе XIX века. Названные писатели-романтики, несомненно, разработали определенный набор основных форм и типов пейзажных зарисовок, ставших литературными архетипами и новыми мифопоэтическими комплексами, используемыми последующими поколениями художников слова.

Жерар Лабрюни, прославившийся под псевдонимом Жерар де Нерваль, стал известен благодаря своему переводу первой части «Фауста» Гете и немецкой романтической поэзии. Получив в 1834 году наследство, Нерваль решает потратить его на путешествия. Соглашаясь с основными положениями эстетики Ж. де Сталь (трактат «О литературе …», 1796—1799), Нерваль придает большое значение влиянию географических и исторических фактов на национальный характер литературы. Именно поэтому он стремится познать и описать национальную специфику арабских стран в романе «Путешествие на Восток». Интерес Нерваля к Востоку отражен и в его поэзии, в том числе в обращении к цветочной символике, о которой он мог узнать, путешествуя по странам Передней Азии [Горбовская, 2017, с. 117—131]. Восток, так мало исследованный в XIX веке, по мнению романтиков, расширяет горизонты писателя, дает ему нечто новое и необычное. Художники искали в странах Востока подтверждение или опровержение собственных взглядов на основную теорию оппозиций «север / юг» и «восток / запад».

Интерес к Востоку появился во Франции после выхода в свет в 1704 году перевода Галлана книги сказок «Тысяча и одна ночь»: «Когда в 1704 году вышел французский перевод Сказок “Тысячи одной ночи” Галлана (Les Mille et une Nuit. Contes Arabes traduits en francais par Mr. Galland), это было, в известном смысле, целое откровение» [Веселовский, 1938, с. 231]. Несмотря на то, что многие из сказочных сюжетов были известны ранее и даже находили свои отголоски в средневековом творчестве, к концу XVIII века они были забыты. Детальное знакомство Ж. де Нерваля со сборником сказок «Тысяча и одна ночь» подтверждает многократное его упоминание в романе «Путешествие на Восток». Однако очарованного красотой экзотических сказок Ж. де Нерваля по прибытии в Каир в реаль-

ности ждало разочарование: *Неужели это город «Тысячи и одной ночи», столица халифов и суданов? — вопрошал я себя ... И я углубился в переплетение узких, грязных улочек, пробираясь сквозь толпу в лохмотьях, своры собак, минуя верблюдов и ослов* ... [Нерваль, 1986, с. 24].

Тщательная подготовка к путешествию не только помогла писателю избежать множества бытовых проблем, но и сформировала его восприятие восточной культуры и нравов. Нерваль всегда и везде старался вести себя в соответствии с традициями страны пребывания: носил восточную одежду, обрил голову и даже отказался от европейской кухни, наняв местного повара. С сожалением истинного исследователя он отзывается о поведении своих соотечественников: *Мне всегда очень жаль этих чопорных, безукоризненно причесанных, затянутых в перчатки джентльменов, которые опасаются слиться с толпой, чтобы рассмотреть какую-либо любопытную подробность местного колорита, танец или церемонию* ... [Там же, с. 73]. Ж. де Нерваль считал, что настоящий писатель должен не только уметь увлекательно рассказывать о чем-то, но и обладать большой эрудицией. Он со всей серьезностью пополнял свои знания о Востоке, штудируя научные работы, мемуары, записки путешественников и художественные тексты.

Научные и художественные произведения о Востоке мало были известны в то время во Франции. «Ж. де Нерваль черпал информацию из романа Жана Террасона “Сетос” (1731), из романа Томаса Мура “Эпикуреец” (1827), из книги Фредерика Кройцера “Религии древности” и книги англичанина Э. У. Лэйна “Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века”», — отмечает В. А. Никитин в предисловии к русскому изданию «Путешествия …» [Там же, с. 15]. Именно поэтому роман самого Нерваля в то время стал для французов подлинным открытием восточной культуры.

2. Городской ландшафт

Не будучи профессиональным ориенталистом, Ж. де Нерваль мастерски описал в своем романе быт, нравы, традиции и пейзаж Ближнего Востока. Интересно, что в первую очередь писателя привлекла не экзотическая природа жарких восточных стран, а городской, архитектурный пейзаж. Возможно, это связано с тем, что очень мало европейских путешественников осмеливались проникнуть вглубь страны и погрузиться в национальную атмосферу или длительное время прожить среди местного населения, подчиняясь традиционному укладу: *Наши соотечественники согласно светским приличиям даже на Востоке ни за что не осмелятся ни появиться в местах, которые считаются неподобающими для европейцев, ни разговаривать на людях с представителем низшего класса, ни*

прогуливаться в определенное время дня одетыми не столь тщательно, как подобает [Там же, с. 73].

В романе Ж. де Нерваля именно городской ландшафт подчеркивает национальный колорит и взаимосвязь специфики зодчества с географической средой обитания человека. В жарких странах люди вынуждены строить высокие каменные дома с многочисленными галереями и переходами, способными сохранить прохладные уголки под палящими солнечными лучами: *не застекленные затейливые оконные переплеты были открыты вечернему ветру и ночной сырости* [Там же, с. 34]. К таким постройкам вполне приспособились местные жители, а европейские путешественники в подобных условиях часто страдали различными заболеваниями. Специфику строительства домов в южных и северных странах подмечают и другие французские писатели, например, О. де Бальзак в романе «Серафита» описывает деревянную застройку в северной Норвегии начала XIX века. От тяжести снегов дома норвежцев защищают длинные доски, уходящие далеко от крыши и прикрепленные к столбам, благодаря чему вокруг жилища образуется крытая галерея с ведущей к дверям высокой деревянной аркой, покрытой ноеве, кровлей из березовой коры. И внутри такого дома «сцена гармонии и отдыха в комнате, с единственным тщательно закрытым окном, представляет собой райскую картину», — пишет в своем диссертационном исследовании Н. В. Решетняк [Решетняк, 2007, с. 167].

Отмечает Нерваль и влияние жаркого климата на сон человека: здесь обычно снятся тяжелые сны и даже кошмары. Сам автор *видел во сне всех див и вырвавшихся из цепей великанов со времен царя Соломона* [Нерваль, 1986, с. 36] и связывал это явление не столько с разыгравшимся воображением, сколько с влиянием природы, главным образом, воздействием жары.

Культурно-историческая концепция, основанная на признании существенных отличий между нациями и народами, живущими в разных географических, климатических и, соответственно, социально-исторических условиях, оформилась уже в работах Ж. де Сталь. Эти идеи были изложены писательницей в эссе «О Германии» и «О литературе», а сформулированы под воздействием принципов географического детерминизма, выдвинутых Ш. де Монтескье в работе «О духе законов», и идей Д. Вико, представленных в произведении «Основания новой науки об общей природе наций». Вслед за Ж. де Сталь, отчетливо обозначившей влияние погодных условий на характер и психологическое состояние человека, Нерваль замечает, что вечное лето *не делает жизнь неизменно радостной* [Там же, с. 64]. Очень часто дневной свет застилает унылая пелена пыли: *Густая пыль, заволакивающая горизонт, никогда не превращается в облака, несущие свежесть, по-*

добно нашим туманам: красному диску солнца, достигшего зенита, словно вышедшему из ливийской кузницы бога Птаха, с трудом удается пробиться сквозь пепельно-серую пелену [Там же]. В соответствии с той же идеей влияния климата на национальный характер строится высказывание одного из героев романа — Сулеймана-ага, сравнивающего европейских женщин с *чахлыми, бесцветными зимними растениями болезненного вида* [Там же, с. 39].

Топографически точные описания Каира приводит в своем романе Ж. де Нерваль. У него, как и у Шатобрина в произведении «Атала», где можно встретить не только пространственные ориентиры (север / юг, вверх / вниз по течению), но и четкие данные о ширине, длине и глубине речных форм Миссисипи, разворачивается перед читателем реальная панорама Каира и его окрестностей. Автор как будто стремится нарисовать карту города, оживляя этот пейзаж различными звуками: *Голос турка, поющего на минарете соседней мечети; звон колокольчика и тяжелая поступь верблюда, проходящего мимо окон, а иногда его оглушительный рев; неясный шорох и свист, от которых оживают и дерево, и камень, и сам воздух* ... [Там же, с. 63].

Эстетические принципы романтизма, которыми руководствовался писатель: не холодное копирование природы, а следование воображению, фантазии — позволили Нервалю создать именно художественный текст, а не просто записки путешественника. По справедливому замечанию В. А. Никитина, «стремление к художественности явно преобладает у Нерваля над потребностью методично, скрупулезно воспроизводить перипетии собственного, не всегда богатого на яркие события путешествия» [Там же, с. 16]. В описании городского пейзажного пространства Ж. де Нерваль мастерски использует метафоры и олицетворения: *Вдали остался виден лишь Нил, а на нем — тысячи лодок, которые оставляли за собой на водной глади серебряную паутину*... [Там же, с. 95]. С высокой террасы Нерваль разглядывает ночной город, описывая, как в момент праздничной иллюминации «оживают» старые здания, «зажигаются» купола мечетей и «вспыхивают» минареты. Эти приемы возводят «Путешествие на Восток» в ранг художественных текстов, а архитектурный пейзаж не кажется сухим перечислением кварталов, рек, улиц и строений.

Поддался Нерваль и характерному для романтиков очарованию древних руин и развалин старинных зданий. В отличие от романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» в «Путешествии на Восток» обращение к руинам у Нерваля не становится самостоятельным композиционным элементом характерологического или сюжетного уровня, но несет в себе важное культурологическое содержание. Описать городской восточный пейзаж невоз-

можно, не уделяя внимания архитектурным памятникам древности, в изобилии представленным в Египте. Нерваль сожалеет о разрушении столь значимых культурных объектов и *оплакивает еще одно уходящее от нас полное поэзии прошлое* [Там же, с. 95]. Мотив руин в романе Нерваля не только соединяет прошлое и настоящее, но и дает автору возможность рассуждения о будущем восточных стран. В его представлении *Восток былых времен донашивает обветшалые одежды, доживает свой век в древних дворцах, с трудом сохраняя старые нравы* [Там же, с. 154]. Прошлое с его архитектурными памятниками и развалинами привлекает писателя, открывая ему множество тем для осмысления. Древность и восточная мифология выступают для Нерваля как категории прекрасного и расширяют пейзажное пространство романа.

В воспоминаниях о древнем Египте у Нерваля, как и у Шатобриана, присутствует глубокая грусть, навеянная панорамой гробниц и дворцов, которые он называет *вечным обращением к страданиям и могилам, запечатленным в памятниках* [Там же, с. 64]. И здесь в описании развалин «руинизированный» пейзаж оживляется приемом олицетворения: один сохранившийся от разрушенного храма Солнца обелиск, *словно забытый часовой, стоит на равнине, возвышаясь в чаще пальм и смоковниц, притягивая к себе взоры бога, которому некогда поклонялись у его подножия* [Там же, с. 64] (comme une sentinelle oubliée; il se dresse au milieu d'un bouquet touffu de palmiers et de sycomores, et reçoit toujours le premier regard du dieu que l'on adorait jadis à ses pieds [Nerval]).

В городской панораме Каира мягко переплетаются всевозможные виды ландшафта: зеленые сады Шубры гармонично оттеняют *целый город из длинных рядов мусульманских гробниц* [Нерваль, 1986, с. 94] и вид Аравийской пустыни, прерываемый горами, а красноватые воды Нила не скрывают высоты пирамид и развалин древнего Мемфиса.

3. Природное пространство в романе

Ярким восточным колоритом отмечен у Нерваля не только городской архитектурный пейзаж, но и изображение растительного ландшафта. В романе присутствует описание как дикого природного пространства, так и облагороженного садово-паркового. Именно благодаря теплому климату сады на Востоке имеют такую природную роскошь. Нерваль замечает: *Обитателей Востока можно критиковать за отсутствие вкуса в убранстве жилищ, но их сады безукоризненны* [Там же, с. 136]. С ботанической точностью описывает автор мало известные европейскому человеку деревья, не пренебрегая восточными эпитетами и сравнениями: густые кроны

смоковниц и эбеновых деревьев образуют *плотный шатер*, прозрачные листья банановых деревьев *сверкают на солнце, как изумруды* [Там же, с. 137], а самое *любимое Солнцем* [Там же, с. 49] деревце — земляничник — источает немыслимое благоухание. С другой стороны, жаркий климат иссушает землю, и все вокруг покрывается серой пылью. Поэтому создать зеленый сад можно только вблизи водоема. Жители Востока очень берегут такие сады, сооружая в них многочисленные беседки или настилы для отдыха. Рассказывая про Розеттский сад в Каире, Нерваль называет его *цветущим оазисом среди пыльного города* [Там же, с. 59]. Отмечает автор и еще одну восточную особенность: в садах богатых султанов и пашей служители не срывают зрелые фрукты (лимоны или апельсины), чтобы яркие краски этих плодов как можно дольше радовали взор посетителей.

Любопытно рассказывает Нерваль о каирском ботаническом саде, где вместо привычных европейскому глазу теплиц для создания жаркого климата искусственно пытаются создать условия (холод и туман), чтобы вырастить северные деревья. Не без иронии автор замечает: *Правда, пока что удалось вырастить лишь один несчастный дубок, да и у того не бывает желудей* [Там же, с. 120]. Зато с индийскими видами растительности садовники преуспевают гораздо больше. Поражает воображение писателя тропическая часть сада, где *извиваются, переплетаются, вытягиваются и кривляются самые диковинные рептилии растительного мира* [Там же, с. 121] (se tordent, s'enlacent, se hérissent et grimacent les plus étranges reptiles du monde végétal [Nerval]). Экзотические деревья Нерваль сравнивает с мифологическими животными (змеями и драконами), а некоторые из них напоминают ему многоруких индийских богов. Именно богатое воображение истинного художника подсказывает писателю такие необычайные образы.

Благодаря зарисовкам Ж. де Нерваля можно выделить одну важнейшую особенность восточного пейзажного пространства: из-за жаркого климата на Ближнем Востоке практически отсутствует привычное для средней полосы понятие дикой природы. Поскольку оазисы могут появиться только вблизи источников воды, люди селятся рядом, ориентируясь на этот факт, и уделяют большое внимание уходу за природой. Здесь не встретишь пейзажа густых диких европейских лесов, предгорий, зеленых долин или непроходимых тропических американских джунглей. Однако Нерваль находит и описывает необычное дикое природное пространство в этих краях — это каменный лес, который расположен в пустыне неподалеку от Каира. В ущелье раскинулась бескрайняя долина, покрытая неровными столбами серого цвета — это и есть окаменелый лес. Писатель сравнивает эти упавшие засохшие деревья с *конечностями огромных членистоногих* [Нерваль, 1986,

с. 171]. Удивительно, что такой естественный древний пейзаж произвел на Нерваля даже более сильное впечатление, чем архитектурные памятники — пирамиды: *Сорок веков их ничтожно малы перед бесстрастными свидетелями внезапно исчезнувшего древнего мира* [Там же].

Только вдоль берегов реки можно любоваться нерукотворными яркими пейзажами. Здесь появляется и первозданная растительность, и дикие животные и птицы: *пальмы здесь пышнее и раскидистее, фиговые, гранатовые деревья и тамариск отливают всеми оттенками зелени* [Нерваль, 1986, с. 172].

Солнце, луна, вода, ветер, дождь и другие объекты неживой природы всегда входили в культурный мир людей, влияли на национальные традиции, уклад и быт. Без их описания не обходится ни одно художественное произведение. Ж. де Нерваль, как настоящий этнограф, подмечает всю специфику восточных явлений природы: восход и закат солнца, цвет воды в реке, особенности ветра. Опираясь на теорию Г. Башляра, представленную в книге «Поэтика пространства» [Башляр, 2004, с. 376], можно отметить, что Нерваль создает собственные природные образы, наиболее близкие к психологии романтизма. То универсальное, что являет собой природа, совпадает у него с собственным конкретно-чувственным переживанием. Глубокое знакомство с мифологией подсказывает автору «Путешествия на Восток» уместные сравнения и метафоры: *У зари в Египте нет тех изумительных алых оттенков, которыми любуешься на Кикладах или на побережье Кандии; лишь зыбкий свет предвещает появление солнца, которое неожиданно загорается на краю неба; иногда кажется, что оно бессильно сбросить свой тяжелый сероватый саван, и оно предстает бледным, лишенным лучей, словно Осирис из подземного царства* [Нерваль, 1986, с. 64].

В египетской мифологии Солнцу отводится наиглавнейшая функция. Нерваль часто персонифицирует этот природный объект. Солнце выступает у него художником: *теперь дневное светило могло проявить себя в качестве пейзажиста* [Там же, с. 46], более искусным, чем человек. Писатель использует весьма примечательный прием: окружающее природное пространство и солнце сопереживают плачущей женщине, встретившейся автору на узкой улочке: *Безмятежное спокойствие неба и причудливые узоры, которые выписывали во дворе солнечные лучи, тщетно восставали против этого красноречивого отчаяния* [Там же, с. 98]. Такая сакрализация Солнца вызвана у Нерваля общим очарованием восточным колоритом и характерной для романтиков мифологизацией природы [Нужная, 2017, с. 97—104].

Одной из репрезентаций аквамира в романе становится река Нил, по которой писатель отправляется в путешествие. В описании воды Нила

чаще всего присутствуют прилагательные *мутная, темная, бурая, вязкая*. Река как будто бы затягивает, засасывает путешественников, мешая им продвигаться по выбранному маршруту. Необычный для воды красный цвет подмечает любой человек, впервые плавающий по Нилу: *Красноватая волна, принесенная встречным ветром, бросала нам в лицо брызги пены, а след, который тянулся за фелюгой, становился алым, словно отражал всполохи неба* [Нерваль, 1986, с. 158]. Такой цвет воды обусловлен особым составом прибрежной почвы и наличием специфических органических частиц в самой воде. Неподготовленного путешественника зрелище красных волн поражает и вызывает мистическое настроение.

С тоской вспоминает Нерваль о синих водах Босфора и зелени его берегов. Однообразный и выжженный солнцем египетский пейзаж навевает уныние на писателя-романтика, побуждая его отправиться в дальнейшее путешествие и посетить Сирию, Ливан и Турцию. Совсем иную картину видит Нерваль в плавании по Средиземному морю. Море — второй представитель аквамира — в романе наделяется яркими сравнениями: *его прозрачная лазурь соперничала с небесной синевой*, оно *морщинилось волнами ближе к песчаной косе* [Нерваль, 1986, с. 201], а морские волны *нехотя разбивались о скалы* [Там же, с. 204]. Чувства восторга и удивления вызывает у Нерваля вид заснеженных вершин Ливанских гор и глубоких долин, где над многочисленными деревнями возвышаются монастыри. Этот пейзаж скорее напоминает альпийские предгорья и усиливает ощущение отсутствия сильной жары, которая так изнуряет в Азии: *Я наслаждаюсь жизнью в горах, в умеренном климате, среди людей, нравы которых мало чем отличались от нравов обитателей юга Франции* [Там же, с. 249]. Однако не забывает Нерваль и о восточном колорите, описывая европейскому читателю процесс сбора шелковичных коконов и извлечение тонких нитей. Такие «скачки» в представлении пейзажного пространства, от сравнения с европейским ландшафтом до экзотических описаний чисто восточной флоры и фауны, становятся отличительной чертой нервалевского повествования и присутствуют на протяжении всего романа.

4. Заключение

Ж. де Нерваль пытается осмыслить Восток с разных точек зрения — духовной, этнографической и литературно-художественной. Пейзаж для повествователя — это не только описание природы, но и ее гармоничное слияние с цивилизацией: *О природа! О красота и невыразимое изящество приморских городов Востока, волнующие картины кипучей жизни, парад самых красивых представителей человеческих рас, костюмов, скопление ло-*

док и кораблей на лазурной воде ... [Там же, с. 224]. Повествование в романе многомерно охватывает весь спектр взаимодействия природы и человека, от мирного сосуществования до разрушительно-враждебного отношения. Любопытными примерами могут служить, с одной стороны, спасение курицы, упавшей за борт во время плаванья, с другой — жестокая вырубка плодовых деревьев в целом селении в наказание за оскорбление эмира.

Таким образом, Ж. де Нерваль в своем романе смог воссоздать достоверную картину Востока. Его ориентальный пейзаж не только насыщен экзотическими описаниями флоры и фауны, оживлен звуками местной природы, но и сопровождается ценными авторскими комментариями, дающими представление о национальной специфике сюжета. Исследуя разнообразие типов восточных национальных культур, Нерваль сосредотачивается на воссоздании «местного колорита» — центрального понятия романтической поэтики. Значимость описания городского ландшафта для Ж. де Нерваля свидетельствует о том, что он подчеркивает связь между природой, культурой и цивилизацией. Растительный пейзаж имеет разнообразные функции, выступая выразителем личных впечатлений и размышлений автора об истории, этнографической и национальной специфике культурных и природных явлений. Ж. де Нерваль в романе «Путешествие на Восток» создает особый архетипический комплекс, который становится устойчивым образцом для описания своеобразия восточного пейзажа.

Источники

1. *Нерваль Ж. де.* Путешествие на Восток / Ж. де Нерваль. — Москва : Наука, 1986. — 445 с.

2. *Nerval G. de.* Voyage en Orient. Volume 1 : Les femmes de Caire; Druses et Maronites [Electronic resource] / G. de Nerval. — Access mode : www.gutenberg.org (accessed 01.08.2020).

Литература

1. *Башляр Г.* Избранное : Поэтика пространства / Г. Башляр. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 376 с. — ISBN 5-8243-0489-0.

2. *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений / А. Н. Веселовский. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1938. — Т. 16. — 368 с.

3. *Горбовская С. Г.* Флорообраз во французской литературе XIX века / С. Г. Горбовская. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. — 307 с. ISBN 978-5-4469-0746-5.

4. *Нужная Т. В.* Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р. де Шатобриана «Атала» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 148—158.

5. *Нужная Т. В.* Поэтология архитектурного пейзажа в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» / Т. В. Нужная // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2018. — № 1. — С. 81—86.

6. *Нужная Т. В.* Пейзажные соответствия : Э. де Сенанкур и К. Д. Фридрих / Т. В. Нужная // Фундаментальные и прикладные научные исследования : актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Ч 2. — Пенза : НАУКА и просвещение, 2018. — С. 39—43.

7. *Нужная Т. В.* Пейзажное пространство в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 97—104.

8. *Решетняк Н. В.* «Мистическая книга» Бальзака : от истоков — к художественному воплощению теософских идей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Решетняк. — Санкт-Петербург, 2007. — 218 с.

Oriental Landscape in the Novel "Journey to the Orient" by G. de Nerval

© Tatyana V. Nuzhnaya (2020), orcid.org/0000-0002-5662-1311, SPIN code 7139-6367, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of French Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russia), ta_nu@mail.ru.

The presented article continues the cycle of the author's research that reveals the specifics of the perception and artistic embodiment of various types of landscape space in French romantic prose. The relevance of the study is due to the appeal to the work of the unjustly forgotten French writer G. de Nerval, who in the novel "Journey to the Orient" was one of the first to acquaint the reader with the specifics of the eastern urban landscape, previously little known in European literature of the 19th century. Analysis of the novel shows that G. de Nerval tried to comprehend the East from different points of view: spiritual, ethnographic and literary and artistic. It is noted that the importance of describing the urban landscape for G. de Nerval testifies to his understanding of the importance of the links between nature, culture and civilization. It is noted that the floral landscape has various functions in his work: historical, ethnographic and national. As a result, it was established that G. de Nerval in his novel was able to recreate a reliable picture of the East: its oriental landscape is saturated not only with exotic descriptions of flora and fauna, enlivened by the sounds of local nature, but also has valuable author's comments that give an idea of the national specifics of the plot.

Key words: French literature; early French romanticism; G. de Nerval; landscape space, oriental landscape.

Material resources

Nerval', Zh. de. (1986). *Puteshestviye na Vostok* [Journey to the East]. Moskva: Nauka. 445 p. (In Russ.).

Nerval G. de. *Voyage en Orient, 1 : Les femmes de Caire; Druses et Maronites.* Available at: www.gutenberg.org. (accessed 01.08.2020). (In Fren.).

References

Bashlyar, G. (2004). *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Favorites: the Poetics of space]. Moskva: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). 376 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0489-0.

Gorbovskaya, S. G. (2017). *Floroobraz vo frantsuzskoy literature XIX veka* [Floreale in French literature of the nineteenth century]. Sankt-Peterburg: SPbGU. 307 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-0746-5.

Nuzhnaya, T. V. (2016). Mifologizatsiya peyzazhnykh elementov i ikh funktsii v povesti F.-R. de Shatobriana «Atala» [Mythologization of landscape elements and their functions in the story of F.-R. de Chateaubriand "Atala"]. *Nauchny i dialog* [Scientific dialogue]*, 1 (49):* 148—158. (In Russ.).

Nuzhnaya, T. V. (2017). Peyzazhnoye prostranstvo v romane Zh. de Stal' «Korinna, ili Italiya» [The Infinity space in the novel by Germaine de Stael, "Corinne, or Italy"]. *Nauchnyi dialog, 1:* 97—104. (In Russ.).

Nuzhnaya, T. V. (2018). Poetologiya arkhitekturnogo peyzazha v romane Zh. de Stal' «Korinna, ili Italiya» [Poetology of architectural landscape in the novel by J. de Stael "Corinna, or Italy"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2. Iskusstvovedeniye. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Saint Petersburg state University of technology and design. Series 2. Art criticism. Philological science]*, 1:* 81—86. (In Russ.).

Nuzhnaya, T. V. (2018). Peyzazhnyye sootvetstviya: E. de Senankur i K. D. Fridrikh [Infinity matching: E. de Senancour and K. D. Friedrich]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye nauchnyye issledovaniya: aktualnyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Landscape compliance: E. de Senancour and K. D. Frederick. Fundamental and applied research: current issues, achievements and innovation, collection of papers XXIII International scientific-practical conference], *3 (2)*. Penza: NAUKA i prosveshcheniye. 39—43. (In Russ.).

Reshetnyak, N. V. (2007). *«Misticheskaya kniga» Balzaka: ot istokov — k khudozhestvennomu voploshcheniyu teosofskikh idey.* PhD Diss. ["Mystical book" of Balzac: from the origins — to the artistic embodiment of Theosophical ideas. PhD Diss.]. Sankt-Peterburg. 218 p. (In Russ.).

Veselovskiy, A. N. (1938). *Sobraniye sochineniy* [Collected works]*, 16.* Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 368 p. (In Russ.).

Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 254—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268.

Osipova, O. I. (2020). Magical Realism through the Prism of Artistic Conflict. *Nauchnyi dialog, 11:* 254-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268. (In Russ.).

УДК 821.161.1+82-311.2+82-344
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268

Магический реализм сквозь призму художественного конфликта

© **Осипова Ольга Ивановна (2020),** orcid.org/0000-0001-6783-9378, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Владивосток, Россия), fia-fa@mail.ru.

Рассматривается вопрос о конфликте в произведениях магического реализма. Сообщается, что произведения магического реализма получили распространение в XX веке в литературе разных стран и заняли прочное положение в русской литературе последних десятилетий. Уделяется внимание знаковым произведениям в современной русской литературе, написанным в русле магического реализма. Представлены результаты анализа бинарных оппозиций на уровне хронотопа и системы персонажей в произведениях М. Петросян «Дом, в котором …» и Е. Некрасовой «Калечина-Малечина». С помощью сопоставительного и интертекстуального методов доказано, что традиционный неореалистический конфликт двоемирия, характерный для литературы XX века, изображается в произведениях магического реализма, исходя не из принципа противопоставления двух миров, а на основе их взаимопроникновения и доминирования ноуменальной реальности над фантастической. Доказано, что общность антиномий и бинарных оппозиций парадигматически объединяет данные произведения, это позволяет сделать вывод о единстве художественного мира магического реализма как отражения авторской позиции. Типологический подход, поиск интертекстуальных связей определяют актуальность исследования для современного литературоведения. Новизна исследования заключается в том, что сопоставление текстов позволяет увидеть способы моделирования конфликта в его вариантах с учетом специфики произведений магического реализма, кроме того, оба текста еще не становились объектом анализа сквозь призму конфликта.

Ключевые слова: конфликт; магический реализм; двойничество; хронотоп двоемирия; время; пространство; Е. Некрасова; М. Петросян.

1. Введение в проблематику

Существует несколько терминов для обозначения совокупности произведений в мировой и отечественной литературе, в которых в реалистическое повествование вплетаются фантастические, мистические, мифоло-

гические элементы. Наиболее популярным из них является «магический реализм».

Магический реализм обладает набором устоявшихся признаков, что позволяет некоторым исследователям, с одной стороны, говорить о нем как о художественном методе с определенным набором типологических черт: «… должен быть метод магического реализма, который существует как отчетливый и определяемый литературный феномен» [Bortolussi, 2003, p. 280]. С другой стороны, в зарубежном литературоведении магический реализм определяется как «специфический тип повествования, в котором очевидно реалистическое смешивается с неожиданным и необъяснимым и в котором элементы сна, сказки или мифологии сочетаются с повседневным, часто в мозаичной или калейдоскопической форме преломлений и повторов» [Drubble, 2000, p. 630]. Также интересна точка зрения А. А. Гугнина, который при анализе генезиса магического реализма в западноевропейской литературе писал о нем как о течении: «Магический реализм как литературное течение практически ничем не брезговал из арсенала реализма и даже натурализма, когда речь шла об описании деталей и отдельных эпизодов, но использовал в то же время ряд специфических приемов, позволявших увидеть реалистические детали и эпизоды в совершенно новом свете; элементы реализма в рамках магического реализма приобрели роль художественного приема, хотя и важного, но подчиненного более глобальной задаче, встроенного в совершенно иной и с традиционной точки зрения скорее фантастический контекст» [Гугнин, 1998, с. 43]. В целом следует отметить, что магический реализм — это «международное явление, преодолевающее национальные и языковые границы, уходящее корнями во множество литературных традиций» [Цит. по: Schroeder, 2004, p. 4].

Исследователи отмечают, что магический реализм свойствен и русской литературе, причем не только последних десятилетий: « В русской классической прозе есть ряд реалистических произведений с чудесными событийными вкраплениями. Такие чудеса связаны с очевидным нарушением законов природы, не поддаются интерпретации с позиции материализма и не вписываются в «научную картину мира». Подобные мистические события — в авторской модальности — не вымысел, а отражение потустороннего мира, многими нитями связанного с познаваемой реальностью» [Кихней, 2020, с. 19]. Но отметим, что использовать понятие «метод» применительно к современной русской литературе не представляется корректным. В русской литературе последних десятилетий магический реализм — это особый способ мировидения, художественного мышления, безусловно, находящий отражение в структурных и содержательных элементах произведения, но

не позиционирующий себя как «метод». Появление магических элементов в описании реальности обусловлено авторским взглядом на мир под особым углом, что обеспечивает равную валидность проявления в тексте обыденного и сверхъестественного, при этом явления этого и иного мира неразрывно связаны (это может касаться категории времени), взаимопроникают (особенно это проявляется на пространственном уровне), приобретают двукодовую природу (образный уровень). Читатель вынужден примерять в своем сознании две реальности текста, в то время как автор демонстрирует противоречащие друг другу рациональную и иррациональную точки зрения.

Одним из определяющих принципов изображения данного художественного мира является система двоемирия, которая претерпела существенное изменение по сравнению с романтизмом и символизмом. Основной способ изображения действительности в произведениях магического реализма — двойственность. При этом ирреальный пласт в изображаемом может иметь подчиненный характер, то есть вторая реальность, которую писатель должен правдоподобно изобразить, не становится отраженным мистическим светом иного мира, способом бегства от реальности, а оказывается вмонтированной в ноуменальную повседневность. Но такой принцип не всегда реализуется, ему противопоставлен синтетический способ изображения мироустройства, при котором выстраиваемая в произведении вселенная основана на близости двух миров, градация проходит на образном уровне: кто-то из героев способен видеть явления иного мира и сосуществовать с ними, кому-то они недоступны. Исследователи отмечают разные способы взаимодействия магического и реального: «сбалансированность объема магических и реальных феноменов, изображаемых в тексте, “двойная утилизация” отдельных образов, а также фузионность реального и ирреального кодов» [Биякаева, 2017а, с. 70].

Авторская модальность определяет способ изображения конфликта. Мы считаем, что принципы построения художественного мира произведения базируются на конфликте, который хочет изобразить автор.

Мы ставим своей целью выявить некоторые принципы создания конфликта в художественной системе магического реализма. Данная проблема не исследована, кроме того, в область рассмотрения мы включаем произведения, которые не были ранее проанализированы сквозь призму конфликта: роман М. Петросян «Дом, в котором …» и роман Е. Некрасовой «Калечина-Малечина».

Задачи статьи состоят в рассмотрении характерологического конфликта в указанных романах и анализе уровня хронотопа, который моделирует конфликт двоемирия в романах.

Конфликт в литературоведении часто определяется как некое столкновение или борьба разнонаправленных сил во внутреннем мире персонажей и во внешнем пространстве. Мы ориентируемся на представление А. Г. Коваленко о конфликте как единстве антиномий и бинарных оппозиций, проявляющихся на всех уровнях художественного произведения (на уровне хронотопа, идеи, композиции, сюжета, системы персонажей и т. д.) [Коваленко, 2003—2004, с. 8]. Ученый предлагает начать с выявления в тексте «элементарных» оппозиций, которые образуют базовые антитезы, а затем выявлять более сложные антиномические системы, образующие конфликтную напряженность текста. К базовым антитезам А. Г. Коваленко относит пространственные, временные, онтологические и антропологические основы. Как правило, двойственность персонажей в литературном тексте определяет характерологический конфликт.

На наш взгляд, магический реализм базируется на типе онтологического конфликта. Данный тип конфликта определяется в произведениях, в которых есть два мира, иной и реальный, и в которых обнаруживаются пространственные и временные антитезы (день — ночь, прошлое — настоящее, старое — новое и т. д.). Тем не менее конфликт двоемирия в произведениях магического реализма отличается от конфликта двоемирия художественных систем романтизма и символизма.

Роман М. Петросян «Дом, в котором …» пронизан системой антиномий, которые мы можем обнаружить на формальном и содержательном уровнях. Именно противопоставление двух миров становится узловым моментом конфликта и формирует остальные структуры бинарных оппозиций. Наличие магического мира определяет бинарные оппозиции на уровне хронотопа и системы персонажей (характерологический конфликт).

В произведении Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» конфликт строится на противопоставлении мира и «антимира» [Громова, 2019, с. 273], под последним понимается раздробленное и хаотически устроенное бытие, которое способно было усовершенствовать только мистическое существо — Кикимора.

2. Характерологический конфликт

В романах магического реализма широко представлен характерологический конфликт, проявляющийся в двойничестве персонажей. По мысли А. Г. Коваленко, «двойники — это многочисленные персонажи произведения, в которых реализуется одна из граней авторского сознания и которые воплощают те или иные стороны конфликтной напряженности. В узком и специфическом смысле двойник — это “материализованная” “копия” ге-

роя, благодаря которой конфликты из временного ряда переводятся в одновременно-сопоставительный (М. Бахтин) пространственный ряд» [Коваленко, 2003—2004, с. 8].

Отметим, что в романе М. Петросян «Дом, в котором …» характерологический конфликт представлен несколькими семантическими пластами. Двойничество героев, способных жить по ту и эту сторону реальности, перемещаться в пространстве, представлено в мотиве оборотничества (особенно это очевидно в образе Слепого, который в иной реальности превращается в крупное животное). Временные смещения в романе также позволяют говорить о двойничестве, например, параллель Кузнечик и Сфинкс выстраивается читателем только на основе сходства увечья обоих, но изменения характера и внешности героев объясняются лишь в конце повествования. Кузнечик и Сфинкс — две ипостаси героя: светлый, чистый ребенок и взрослый, жестокий, умный, знающий суть человека и разочаровавшийся в мире и жизни. Подчеркивается двойничество этого героя на уровне композиции: основное повествование о взрослом Сфинксе прерывается «интермедиями» о детстве Кузнечика. Многопланов образ Шакала Табаки, который имеет ипостаси в этом и ином мире, а в конце произведения оказывается одним из демиургов мира, «хозяином времени», способным менять судьбу: *Я — Табаки, клеящий клички с первого взгляда. Крестный для многих и многих. В каждом из рождений — сказитель, шут и хранитель времени. Я всегда отличу дракона от человека* [Петросян, 2009, с. 377—378].

Двойственность персонажей возникает за счет особого нарратива: повествование от первого лица одного из персонажей, ограниченного в знании и видящего только современность, сменяется объективированным повествованием от третьего лица. Подобная смена нарратива определяет характеристику главных персонажей: Слепого, Сфинкса, Табаки, — каждый из них на иррациональном уровне повествования имеет «двойника» и предстает в разных воплощениях.

Именно пространство Дома и населяющие его являются носителями магии иного мира. Отмечает это и А. В. Биякаева: «В магическом реализме земля диктует правила, и аборигены, связанные с ней, находятся в привилегированном положении. В “Доме …” аборигенами предстают дети Дома и дети Леса: они отмечены этими территориями как свои, им открыты тайные тропы, неведомые дали, чудесное и ужасное» [Биякаева, 2017б, с. 136].

Характерологический конфликт — одна из граней авторского сознания в романе Е. Некрасовой — строится как многоуровневый в силу семиотической многослойности текста. Первый уровень охватывает всех персонажей романа и проявляется в антиномических связях «выросших» и

«невыросших». На втором уровне проявляются отношения притяжения — отталкивания двух героинь, Кати и Лары. Девочки — противоположности, причем их близость и одновременно различие неоднократно подчеркиваются повествователем. Лара из обеспеченной семьи, у нее мама, которая *радостно улыбалась, красиво одевалась, вкусно готовила, говорила со всеми невыросшими, даже с Катей, как с выросшими и равными ей людьми* [Некрасова, 2020, с. 23]. Лара ближе к миру выросших, чем Катя: *Лара общалась с родителями так, будто она с ними — компания выросших друзей, которые собрались вместе пообщаться* [Там же]. Мир Лары — это не «*катится-колошматится каждый день*», это мир благополучной девочки, из которой воспитывают принцессу. Но именно взрослость Лары приводит к трансформации подруги в сознании героини: *Когда монстр Лары у доски положил мел, учительницезавр проговорил что-то и протянул плоский предмет. Монстр Лары приполз обратно и сунул этот предмет Кате в ладони* [Там же, с. 31]. Одновременно с этим Лара — единственная подруга Кати, и ссора с ней наравне с другими событиями разрушает душевное равновесие героини.

Сложные связи Кати и остальных невыросших — третий уровень характерологического конфликта. Причем здесь намечаются две сюжетные линии: Катя и одноклассники, подвергающие ее травле из-за неуспешности, дети в лагере, преследующие ее из-за того, что она вмешалась и попыталась защитить другую девочку, и Катя и невыросшие во дворе. В первой сюжетной линии образы невыросших и выросших часто сливаются: *Невыросшие превратились в мявкающих монстров. Учительница — в монстра покрупнее* [Там же, с. 30]. Трансформации, которые происходят в сознании героини в момент буллинга, затрагивают всех. Однако сюжет игры с невыросшими во дворе дает возможность говорить о другом уровне характерологического конфликта, в этом эпизоде Катя почувствовала, что *можно быть счастливой, просто делая что-нибудь вместе со всеми* [Там же, с. 259], то есть не быть жертвой травли.

Взаимоотношения между людьми, описываемые в романе, становятся воплощением онтологической безнадежности, в которой живут герои: родители после работы приходят «непригодными для жизни», но все равно не могут заработать достаточно, Катя забыта матерью, отец с ней почти так же жесток, как и другие «выросшие». Конфликт Кати и других героев проецирует возможное развитие событий: травля одноклассниками продолжается, подруга Лара присоединяется к врагам. Героиня в отчаянии, и единственным существом, которое проявит к ней сочувствие, оказывается Кикимора. Почувствовав её поддержку, Катя способна дать отпор: … *Катя*

подошла к нему и с очень выросшей силой толкнула его далеко-далеко, словно пытаясь выпихнуть из одного с собой мира [Там же, с. 193—194].

Внутреннюю антиномичность имеет и характер героини: все движения ее души направлены на стремление повзрослеть, хотя она и не понимает жизнь взрослых. Детство и школа, пока она не станет «выросшей», представляются героине как бесконечное ожидание вечера и наказания: «*Катя катится-колошматится!*» каждый день [Там же, с. 134].

Можно отметить, что Кикимора — это своего рода Альтер-эго Кати, своеобразное воплощение чувств тоски, ненужности и злости, которые испытывает героиня. Но этот образ приобретает характер, Кикимора может строить отношения с людьми, помогает Кате, спасает ее от насилия, но при этом сохраняет свою исконно магическую атрибутику (эпизод с беременной в электричке или наказание дяди Миши, после которого он сошел с ума).

Конфликт во внутреннем мире главной героини предполагает потерю ощущения идентичности вещей и событий внешнего мира, что находит отражение в хронотопе произведения.

Ведущая антиномия «ирреальное — реальное», выявленная в обоих романах, определяет все варианты пространственных и временных антиномий, о которых скажем ниже.

3. Пространственные оппозиции

Ключевую роль в формировании онтологического конфликта в магическом реализме, на наш взгляд, играет пространственный компонент.

Пространственные оппозиции в романе «Дом, в котором …» имеют несколько уровней. Во-первых, пространство дома противопоставлено пространству внешнего мира (мир Расчесок, «наружность»). Во-вторых, для воспитанников существует дневной дом и ночной дом, что можно соотнести с бытовым, реальным миром и мифологическим. Бытовой уровень содержания романа, воплотившийся в линейном сюжете, описывает дом и его воспитанников, но в повествовании о быте проявляется мифологическая составляющая (прежде всего это рисунки на стенах, которые способны повлиять на реальность, отсутствие имен героев, кодекс правил поведения, табу слов, поступков, мест, племенная организация и тотемы у каждого племени, «ночь сказок», «свои мертвецы»). Выпускной приравнивается воспитанниками дома к апокалипсису. Каждый выпуск ознаменован трагическими событиями, которые отчасти повлияли и на жизни, и восприятие мира главных героев (например, убийство воспитателя Лося привело к прыжку на ту сторону, откуда Кузнечик вернулся уже другим).

В пределах дома две реальности могут соприкасаться (например, оборотень Слепой постоянно пересекает границу миров). Можно предположить, что по объему и пространственному наполнению миры равны.

Реальность в романе «Калечина-Малечина» представлена пространством провинциального городка, о котором известно, что от него до «гулливерского» города ехать на электричке. Атрибуты этого города ничем не примечательны. Описание ограничено видением героини: двор (*Ветер выл и смешно стукался о развернутые друг к другу многоэтажки* [Там же, с. 9]), забор по дороге в школу, *длинный как поезд*. Особое значение имеет описание квартиры, в которой героиня проживает свою жизнь, безлюдную и вольную, в ожидании «настоящего вечера», когда возвращаются с работы родители.

Способом создания искаженного пространства часто становится языковая игра. Так, люди жили *в одной лестничной клетке* [Там же, с. 51], *пространство зажевывала кухня со столом* [Там же, с. 128].

В этом неустроенном пространстве за газовой плитой появляется Кикимора. Она незаметна героям, все ее проделки (снеговик из посуды, смешанная крупа) списывают на Катю. Даже сама Катя недоумевает, как из связанной ею варежки получился ком спутанных нитей.

Магические атрибуты появляются в романе не сразу. Кроме того, автору удалось сюжетно балансировать на грани реальности и выпадения из нее. На наш взгляд, в романе атмосфера обыденности происходящего создается с помощью его нарративной структуры, в основном с помощью смены повествовательных точек зрения. Особенность нарративной стратегии автора состоит в использовании образа «ненадежного» нарратора, поэтому у читателя возникает ощущение, что героиня действительно выпадает из реальности, забывает, что делает, пока в конце пятой главы не появляется «созданьице». Но и появляется оно на грани возможных предсмертных видений героини, после того как та открыла газовые конфорки, что может навести на мысль о неких посмертных скитаниях, мир становится как будто аналогом рая, в котором героиня становится более удачливой. Лишь взаимодействие мифологического существа с миром, реальность и видимость последствий этого взаимодействия показывают читателю, что кикимора была.

Субъективность и относительность пространства, антиномичное взаимодействие реального мира и сверхреального — важные черты магического реализма в данных произведениях.

4. Временные оппозиции

Субъективность и относительность времени повествования — также один из способов создания конфликта в романах магического реализма.

Временные планы миров дома и его изнанки в романе М. Петросян не совпадают: так, Кузнечик, «прыгнувший» в изнанку, проживает там довольно долго, что во внешнем равно неделе, но этот промежуток приводит к необратимым изменениям как в его внешности, так и в характере: *Со мной это случилось в то самое утро. Впервые и сразу на шесть лет. Когда я пришел в себя и мне дали зеркало, я не лысины своей испугался, как все подумали. А того, что в зеркале отразился мальчишка. Которым я уже не был* [Петросян, 2009, с. 593].

При характеристике оппозиций, по которым выстроено время в романе «Дом, в котором …», также следует отметить его многоуровневость. Прежде всего, наблюдается оппозиция дневное — ночное: днем пространство Дома организовано по принципам реального мира, подчиняется администрации; ночью пространство Дома меняется, ирреальное становится доступным, Слепой становится оборотнем, Лес, который *не знал солнца и не пропускал ветер* [Там же, с. 141], осязается в коридорах. Символом ирреального ночного мира в дневном рациональном становятся закрашенные окна коридора и стены с рисунками, причем рисунки обладают магической силой (например, эпизод рисования дракона на стене и последующего возвращения Лорда). Особую магическую ценность имеет «Ночь сказок», во время которой даже непосвященные могут приобщиться к изнанке Дома.

Еще одна оппозиция времени: цикличность — линейность. Время магическое циклично, в отличие от относительной линейности времени реальности. Табаки так говорит о магическом времени Дома: *Время в Доме течет не так, как в Наружности. Об этом не говорят, но кое-кто успевает прожить две жизни и состариться, пока для другого проходит какой-нибудь жалкий месяц. Чем чаще ты проваливался во вневременные дыры, тем дольше жил ...* [Там же, с. 813]. Кроме указанной цикличности, можно отметить еще одну особенность магического времени, о которой говорит Хранитель времени, — время как круг, который проходит герой в изнанке Дома: *Принято думать, что время, в котором ты, — новенькое, с иголочки, только что вытканное. А в природе всегда повторяется один и тот же узор. Их на самом деле совсем немного, этих узоров* [Там же, с. 773]. То есть здесь важен один из принципов изображения цикличного времени, который повторяется в произведениях и других современных авторов, например, у Е. Водолазкина в романе «Лавр» герой средневековья идет по лесу и видит под ногами пластиковую бутылку.

Временная линейность реального мира нарушена на композиционном уровне. Интересный композиционный ход предложен автором в «Доме, в котором …»: основное повествование прерывается интермедиями — вставка-

ми из прошлого героев. Обращение к прошлому дает читателю возможность увидеть, как герои попали в Дом, как прошло их детство, как они стали причастными тайнам Дома. В силу этого появляется еще одна временная оппозиция реального мира: прошлое — настоящее. Из-за включения интермедий о прошлом в повествование о настоящем возникает возможность пересечения границы прошлого и игра с этими пластами. Это объясняет появление в конце романа взрослого Сфинкса с мальчиком, очень напоминающим Слепого-ребенка. Так, Сфинкс хочет изменить прошлое и не дать Слепому возможности увести всех пожелавших в иной мир без возможности вернуться. Помогает ему в этом Табаки, который сохраняет память о прошлом и пытается предотвратить возможность кровавой развязки.

Экзистенциальное восприятие времени и пространства — важная черта мировоззрения героя магического реализма. Центральное место в экзистенциальном мировоззрении занимает идея о хаотичности, абсурдности бытия. Человек экзистенциализма сам формирует мир вокруг, законы, по которым этот мир живет, и смыслы, важные для этого мира. Такая позиция в полной мере отражена в романе М. Петросян.

В романе Е. Некрасовой также представлена оппозиция «ночь — день», причем ночь в данной оппозиции с точки зрения героини *самое хорошее и интересное* время: *Ничего не приходилось делать или притворяться, что делаешь* [Некрасова, 2020, с. 16].

Линейное время в романе занимает вечер, когда мама плетет Кате косу, и два последующих дня, полных событиями. Время, как и пространство в романе, зависит от мировосприятия героини, например, существует вечер, когда с работы приходит мама, и «настоящий вечер», когда возвращается отец и проверяет дневник. Чаще всего время неоправданно растянуто (*Проползло какое-то время* [Там же, с. 161]), потому что героиня находится в постоянном ожидании плохого. Замедленность времени и его пустота рефреном звучат в романе: *Катя хотела подтолкнуть время, чтобы оно быстрее катилось до вечера, чтобы перестать чувствовать ужас надвигающегося* [Там же, с. 38]. Почти то же чувствует героиня и на уроках, которые плывут, «как обычно, мимо …». Время становится насыщенным событиями с появлением Кикиморы: она помогла связать варежки, Катя побежала в школу, чтобы показать их, потом поехала с Кикиморой на электричке за город забирать украденные деньги, они успели вернуться домой до прихода родителей Кати. Тем не менее время в романе линейно и определено законами реальности. События выстроены последовательно, исключение составляют воспоминания Кати о прошлом: книгах, лагере, о том, как она застряла в лифте.

Интересен с точки зрения описания времени эпилог произведения, который предлагает описание будущего героини, после того как *Катин колтун распутался*. В этой жизни Катя и ее мама *выкраивали отрывки времени, чтобы разговаривать и рассказывать друг другу, как прошел их день* [Некрасова, 2020, с. 278]. Но в этой новой жизни нет места Кикиморе, и даже воспоминания о ней стерлись.

5. Заключение

В нашем случае анализ конфликта в двух произведениях магического реализма, а также рассмотрение системы бинарных оппозиций, которые определяют конфликт, дают возможность в итоге охарактеризовать отдельные произведения с точки зрения целостности создаваемого в них мирообраза и вписать их в единую систему. Хотя в каждом романе заложена своя система бинарных оппозиций, все они объединены в более сложную систему, которая свойственна художественному миру магического реализма в целом. Конфликт как текстовая составляющая дает возможность увидеть общность других категорий в романах.

Новый принцип построения конфликта двух миров в романах основан на взаимопроникновении мира-морока, антимира, которым часто представлен реальный мир, и мира-изнанки, построенного по принципам мифологического мира. Но это не мифологизация действительности, как это было у художников начала XX века, у которых миры представлены с точки зрения мифологического сознания героев (например, у Ф. Сологуба). В произведениях магического реализма мифологическое и обыденное выдерживаются в таком соотношении, которое позволяет видеть в реальном мире элементы иного мира. Если говорить об авторской валентности в данных произведениях, то ее скорее можно охарактеризовать как дуализм точек зрения на происходящее: два существующих мира не исключают друг друга, а взаимопроникают. Читателю предлагается оценить реальность, которой не чужд миф или сказка.

Конфликт определяет уровни хронотопа в произведениях. В целом время и пространство фундаментально определяют картину мира любого произведения, являются ориентирами. Пространство и время этого и иного миров линейны и часто неразделимы, границы между мирами нестабильны, например: коридоры интерната в романе М. Петросян одновременно являются лесом, за которым начинается иной мир; Катя водит Кикимору за руку, переодев в свою одежду, ездит с ней на электричке, и никто не догадывается о ее мифологической сущности, принимая за ребенка.

Пространственная антиномическая пара «здесь — там» играет большую роль в создании конфликта. Но в отличие от других художественных

систем, в которых иной мир представляет большую ценность, в магическом реализме мир «там» создан для того, чтобы разрешить противоречия реальности, которая для автора важнее.

Конфликт двоемирия в романах мифологического реализма определяет и особое построение системы образов, которое проявляется в двойничестве героев на разных уровнях изображаемого мира. Устремленность конфликта от частного к конфликту личности и общества приводит героя к конфронтации с этим миром, после чего герой устанавливает для себя ценность окружающего мира (особенно это проявилось в романе М. Петросян, в котором многие герои предпочли после выпускного не возвращаться в «мир расчесок»). Развитие этого противостояния определяет сюжет романов.

Итак, конфликт двоемирия обусловливает художественное своеобразие романов, написанных в рамках магического реализма. Конфликт строится на неустойчивости границ между социально-бытовым и мифологическим мирами. Наличие фантастических элементов становится жанровой константой. Читатель же переключается между регистрами восприятия, при этом доверяет повествователю, наблюдая за многогранностью художественных образов и языковой игрой в тексте.

Источники

1. *Некрасова Е.* Калечина-Малечина / Е. Некрасова. — Москва : АСТ. 2020. — 284 с. ISBN 978-5-17-110425-2.

2. *Петросян М.* Дом, в котором ... / М. Петросян. — Москва : Livebook/Гаятри, 2009. — 960 с.

Литература

1. *Биякаева А. В.* Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма / А. В. Биякаева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017а. — № 2 (15). — С. 70—73.

2. *Биякаева А. В.* Роман М. Петросян «Дом, в котором …» в контексте современной магической прозы : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Биякаева. — Омск, 2017б. — 186 с.

3. *Громова А. В.* Образ антимира в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» / А. В. Громова // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : Материалы XXIV международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2019. — С. 269—278.

4. *Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века : феномен и некоторые пути его осмысления / А. А. Гугнин. — Москва : НЦ славяно-германских исследований ИСл РАН, 1998. — 117 с.

5. *Злочевская А. В.* Три лика «Мистического реализма» XX в : Г. Гессе — В. Набоков — М. Булгаков [Электронный ресурс] / А. В. Злочевская // Богослов.ru. — Режим доступа : http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6. (дата обращения 24.08.2020).

6. *Калимуллина Е. В.* Интерпретация образов народной демонологии в творчестве / Е. В. Калимуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10 (40). — С. 65—70.

7. *Кихней Л. Г.* Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX—XXI веков : монография / Л. Кихней, В. Гавриков. — Москва, Амстердам : Тардис, 2020. — 240 с.

8. *Коваленко А. Г.* Антиномизм и бинарный архетип в структуре художественного конфликта / А. Г. Коваленко // Вестник РУДН. Серия. Литературоведение. Журналистика. — 2003—2004. — № 7—8. — С. 5—14.

9. *Кофман А.* Магический реализм [Электронный ресурс] / А. Кофман // Культурология. XX век. Энциклопедия. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — Режим доступа : http://www.вокабула.рф/энциклопедии/культурология-xx-век-энциклопедия/магический-реализм. (дата обращения 24.08.2020).

10. *Лебедушкина О.* «Дом, в котором …» Мариам Петросян как «итоговый текст» десятилетия / О. Лебедушкина // Журнал «Филологический класс». — 2011. — № 1 (25). — С. 20—21.

11. *Маслова Е.* Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества / Е. Маслова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — Челябинск : Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2012. — С. 254—269.

12. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с.

13. *Bortolussi M.* Introduction : Why We Need Another Study of Magical Realism / M. Bortolussi // Canadian Review of Comparative Literature. — 2003. — Pp. 179—293.

14. *Magic* realism // Drubble M. The Oxford Companion to English Literature. 6th edition. — Oxford university press, 2000. — Pp. 629—630.

15. *Fluck A.* Magischer Realismus in der Malerei des 20 / A. Fluck. — Bern, Berlin : Jahrhundsrts, 1994. — 500 p.

16. *Schroeder Sh.* Rediscovering Magical Realism in the Americas / Sh. Shroeder. — Westport : Greenwood Publishing Group, 2004. — 183 p.

Magical Realism through the Prism of Artistic Conflict

© **Olga I. Osipova (2020),** orcid.org/0000-0001-6783-9378, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “The Far Eastern State Technical Fisheries University” (Vladivostok, Russia), fia-fa@mail.ru.

The question of the conflict in the works of magic realism is considered. It is reported that works of magical realism spread in the twentieth century in the literature of different countries and took a strong position in Russian literature in recent decades. Attention is paid to iconic

works in modern Russian literature, written in the mainstream of magical realism. The results of the analysis of binary oppositions at the level of the chronotope and the system of characters in the works of M. Petrosyan "House in which ..." and E. Nekrasova "Kalechin-Malechin" are presented. With the help of comparative and intertextual methods, it has been proved that the traditional neorealistic conflict of two worlds, characteristic of the literature of the twentieth century, is depicted in works of magical realism, proceeding not from the principle of opposing two worlds, but on the basis of their interpenetration and the dominance of noumenal reality over the fantastic. It is proved that the commonality of antinomies and binary oppositions paradigmatically unites these works, this allows us to conclude about the unity of the artistic world of magic realism as a reflection of the author's position. The typological approach, the search for intertextual connections determine the relevance of the study for modern literary criticism. The novelty of the research lies in the fact that the comparison of texts allows one to see the ways of modeling the conflict in its variants, taking into account the specifics of works of magical realism, in addition, both texts have not yet become an object of analysis through the prism of conflict.

Key words: conflict; magical realism; duality; chronotope of the bi-worldness; time; space; E. Nekrasova; M. Petrosyan.

Material resources

Nekrasova, E. (2020). *Kalechina-Malechina* [Kalechina-Malechina]. Moskva: AST. 284 p. ISBN 978-5-17-110425-2. (In Russ.).

Petrosyan, M. (2009). *Dom, v kotorom* ... [The house in which ...]. Moskva: Livebook / Gayatri. 960 p. (In Russ.).

References

Biyakayeva, A. V. (2017a). Vzaimosvyaz' urovney khudozhestvennoy realnosti v tekstakh sovremennogo magicheskogo realizma [Interrelation of levels of artistic reality in texts of modern magic realism]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Omsk state pedagogical University. Humanities research]*, 2 (15):* 70—73. (In Russ.).

Biyakayeva, A. V. (2017b). *Roman M. Petrosyan «Dom, v kotorom…» v kontekste sovremennoy magicheskoy prozy.* PhD Diss. [Roman M. Petrosyan "The House in which ..." in the context of modern magical prose. PhD Diss.]. Omsk. 186 p. (In Russ.).

Bortolussi, M. (2003). Introduction: Why We Need Another Study of Magical Realism. In: *Canadian Review of Comparative Literature*. 179—293.

Fluck, A. (1994). *Magischer Realismus in der Malerei des 20.* Bern, Berlin: Jahrhundsrts. 500 p.

Gromova, A. V. (2019). Obraz antimira v romane Evgenii Nekrasovoy «Kalechina-Malechina» [The image of the anti-world in Yevgenia Nekrasova's novel "Kalechina — Malechina"]. *Pushkinskiye chteniya — 2019. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: Materialy XXIV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Pushkin readings — 2019. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XXIV international scientific conference]. Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. S. Pushkina. 269—278. (In Russ.).

Gugnin, A. A. (1998). *Magicheskiy realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotoryye puti yego osmysleniya* [Magic realism in the context of literature

and art of the twentieth century: the phenomenon and some ways of understanding it]. Moskva: NTs slavyano-germanskikh issledovaniy ISl RAN. 117 p. (In Russ.).

Kalimullina, E. V. (2014). Interpretatsiya obrazov narodnoy demonologii v tvorchestve [Interpretation of the images of the folk demonology in the works]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*, 10 (40):* 65—70. (In Russ.).

Kikhney, L. G., Gavrikov, V. (2020). *Proza Lva Naumova v kontekste «misticheskogo realizma» v russkoy literature XX—XXI vekov: monografiya* [Prose of Lev Naumov in the context of "mystical realism" in Russian literature of the XX—XXI centuries: monograph]. Moskva, Amsterdam: Tardis. 240 p. (In Russ.).

Kofman, A. (1998). Magicheskiy realizm [Magic realism]. In: *Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Cultural studies. XX century. Encyclopedia]. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. Available at: http://www.vokabula.rf/entsiklopedii/kul'turologiya-khkh-vek-entsiklopediya/magicheskiy-realizm. (In Russ.). (accessed 24.08.2020).

Kovalenko, A. G. (2003—2004). Antinomizm i binarnyy arkhetip v strukture khudozhestvennogo konflikta [Antinomism and binary archetype in the structure of artistic conflict]. *Vestnik RUDN. Seriya. Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [RUDN Bulletin. Series. Literary study. Journalism], *7—8:* 5—14. (In Russ.).

Lebedushkina, O. (2011). «Dom, v kotorom …» Mariam Petrosyan kak «itogovyy tekst» desyatiletiya ["The house in which ..." Mariam Petrosyan as the "final text" of the decade]. *Zhurnal «Filologicheskiy klass»* [Journal "Philological class"]*, 1 (25):* 20—21. (In Russ.).

Magic realism. (2003). In: Drubble, M. *The Oxford Companion to English Literature. 6th edition.* Oxford university press. 629—630.

Maslova, E. (2012). Magicheskiy realizm kak paradigma kulturno-khudozhestvennogo soznaniya sovremennogo obshchestva [Magic realism as a paradigm of cultural and artistic consciousness of modern society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University]. Chelyabinsk: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 254—269. (In Russ.).

Schroeder, Sh. (2004). *Rediscovering Magical Realism in the Americas.* Westport: Greenwood Publishing Group. 183 p.

Todorov, Ts. (1999). *Vvedeniye v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to fantastic literature]. Moskva: Dom intellektualnoy knigi. 144 p. (In Russ.).

Zlochevskaya, A. V. *Tri lika «Misticheskogo realizma» KhKh v: G. Gesse — V. Nabokov — M. Bulgakov* [The Three faces of "Mystical realism" of the twentieth century: Hermann Hesse, V. Nabokov, M. Bulgakov]. In: Bogoslov.ru. Available at: http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6. (In Russ.). (accessed 24.08.2020).

Устиновская А. А. Перевод как форма литературной коммуникации в поэзии Серебряного века: три лирических версии стихотворения Поля Фора / А. А. Устиновская // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 269—280. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-269-280.

Ustinovskaya, A. A. (2020). Translation as a Form of Literary Communication in Poetry of Silver Age: Three Lyrical Versions of a Poem by Paul Fort. *Nauchnyi dialog, 11:* 269-280. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-269-280. (In Russ.).

УДК 82-1+821.133Fort.032+821.161.1+82.02“1903/1913”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-269-280

Перевод как форма литературной коммуникации в поэзии Серебряного века: три лирических версии стихотворения Поля Фора

© Устиновская Алена Александровна (2020), кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» (Долгопрудный, Московская область, Россия), alyonau1@yandex.ru.

Рассматриваются три перевода небольшого стихотворения Поля Фора “Cette fille, elle est morte”, выполненные Константином Бальмонтом, Валерием Брюсовым и Михаилом Кузминым. Представлены результаты сопоставительного анализа этих трех текстов с привлечением анализа оригинала. Поднимается вопрос об оригинальности использованной Полем Фором формы: написанный им текст представляет собой деформированный триолет, и эта деформация должна быть узнаваемой для его потенциального читателя. Утверждается, что смысловая сторона текста амбивалентна: в первой половине текста превалируют негативные настроения, во второй — позитивные, что показано не только лексически, но и ритмически. Актуальность исследования обусловлена подробным анализом трех переводов с привлечением материала о биографии и творчестве самих переводчиков. Новизна исследования видится в том, что ранее не проводилось подобного анализа вариантов перевода текста Фора и его формальных, ритмических и звуковых особенностей. Автор останавливается на характерных чертах каждого из трех переводов, отмечая как их связь с оригиналом, так и опору на перевод предшественника либо, напротив, его игнорирование. Особое внимание уделяется грамматическим и лексическим особенностям оригинала, позволяющим амбивалентно трактовать смысл текста.

Ключевые слова: художественный перевод; Брюсов; Бальмонт; Кузмин; Поль Фор; диалог; коммуникация; декаданс.

1. Введение

Небольшое стихотворение Поля Фора «Cette fille, elle est morte» [Fort], включенное автором в сборник «Ballade au Hameau», написанное в 1897 году, неоднократно переводилось на русский язык разными по-

этами. В 1903 году появился перевод К. Д. Бальмонта [Бальмонт, 1990, с. 244], в 1909, в антологии «Французские лирики XIX века. Переводы и характеристики», вышел перевод Валерия Брюсова [Брюсов, 1977, с. 159], а в 1913 году, в рамках перевода эссе Реми де Гурмона «Поль Фор», вышел перевод М. А. Кузмина [Кузмин, 1913, с. 261]. Все три поэта, обратившиеся к тексту Поля Фора, являются признанными мастерами перевода, при этом небольшая баллада об умершей девушке у Брюсова и у Кузмина является единственным переведенным текстом Поля Фора в их творческом наследии. Бальмонт перевел цикл из 8 баллад, в который в том числе включено данное произведение.

Поль Фор был чрезвычайно популярен в поэтической среде начала XX века: в 1912 году он получил титул «Принца поэтов» («Князя поэтов»), присуждавшийся по результатам опроса. «В 1912 году, после смерти Леона Дирикса, Поль Фор, всеобщее признание и славу которому принесли его “Французские баллады”, избирается “Принцем поэтов” (этот не слишком остроумный титул когда-то придумали для Малларме). В этом звании ему предстояло оставаться почти пятьдесят лет» [Креспель, 2001, с. 77]. В 1914 году Поль Фор посетил Россию, и в ироническом описании Дон-Аминадо отмечено, что «все притворяются, что знают принца чуть не с колыбели. На самом деле никто о нем понятия не имеет» [Дон-Аминадо, 2018, с. 108]. Переводы текстов Поля Фора Бальмонтом и Брюсовым предшествовали его визиту в Россию и получению им титула «Принца поэтов», перевод М. А. Кузмина появился уже после этого события. Как отмечает А. В. Луначарский, большинство читателей познакомились с творчеством Поля Фора только после присуждения ему данного титула: «Против десятков голосов, отданных гениальнейшему современнику нашему, тому, кого я считаю гордостью нашего поколения — Эмилю Верхарну, против десятка голосов, отданных все еще таинственному, но уже приобретающему могучее влияние, далекому и странному Полю Клоделю, против десятка голосов, отданных чеканщику слова, ювелиру образов, брату и “перу” Мореаса, Вилье Гриффену, против десятка голосов, отданных прелестному, к сожалению, зарвавшемуся в своем кокетстве с католицизмом, Жамсу — сотни голосов с энтузиазмом, сразу, не раздумывая, возвели на трон Поля Фора. Кто такой Пол Фор? Это спросил, можно сказать, весь Париж. И ему ответили: прочтите шесть томов его стихотворений. Он их, однако, не читает» [Луначарский, 1913, с. 341].

Переводы, выполненные русскими поэтами, таким образом, были сделаны до того момента, как Поль Фор прославился: парадоксальным обра-

зом его «коронование» было не следствием его поэтической славы, но ее началом. Небольшая баллада об умершей девушке получила в переводах трех поэтов три разных прочтения, по-разному соотносящиеся как с подстрочником, так и с поэтическими концепциями и творчеством самих поэтов.

Для удобства дальнейшего сравнения приведем оригинал и три анализируемых перевода в сопоставительной таблице:

Таблица 1

Оригинал Поля Фора [Fort] (1895)	**Перевод Константина Бальмонта [Бальмонт, с. 244] (1903)**
Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours. Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour. Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en sesatours. Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en son cercueil. Ils sont rev'nus gaîment, gaîment avec le jour. Ils ont chanté gaîment, gaîment: «Chacun son tour. Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours». Ils sont allés aux champs, aux champs comme tous les jours…	Она умерла, умерла, она умерла от любви. С рассветом ее унесли, и за гробом немногие шли. Ее схоронили одну, одну, как она умерла, Ее схоронили одну, как она перед смертью была. И с песней вернулись они: «Кому суждено — так умрет». И пели, и пели они: «Для каждого есть свой черед. Она умерла, умерла, она умерла от любви». Ее унесли — и опять работать, работать пошли.
Перевод Валерия Брюсова (1909) [Брюсов, с. 159]	**Перевод Михаила Кузмина (1913) [Кузмин, с. 261]**
Она умерла, умирая в расцвете счастливой любви. Они ее гроб зарывали при первом сияньи зари. Теперь ей лежать одиноко, в богатом наряде своем. Теперь ей лежать одиноко, под тяжким могильным холмом. Они возвращались беспечно, беспечно встречая восход. Они возвращались и пели с беспечностью: «Всем свой черед!» Она умерла, умирая в расцвете счастливой любви! Они на охоту спешили, спешили, как в прошлые дни.	Вот девушка скончалась, скончалась от любви, Несут ее в могилу, в могилу понесли. Кладут ее одною, одной в ее чести, Кладут ее одною, одною в тесный гроб; Потом уходят весело, так весело ушли. Они запели весело, запели «на земли Теперь скончалась девушка, скончалась от любви»; И на поле по-прежнему, по-прежнему пошли.

2. Оригинал Поля Фора: амбивалентная трактовка и деформированная форма триолета

Текст Фора, состоящий из восьми строк, характеризуется повторением в каждой строке: *Elle est morte, est morte dans ses amours. / ... Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour* [Fort] и пр. Первая строка также полностью повторена в предпоследней в качестве песни тех, кто хоронил девушку; помимо этого, присутствует повтор и первой части третьей и четвертой строк (*Ils l'ont couchée toute seule, toute seule*) и средней части пятой и шестой строк (в итоге четырежды в тексте повторяется слово *gaîment* — «весело»). Использованная Полем Фором форма стихотворения напоминает триолет: в этой форме, возникшей во Франции в Средние века, предполагается повтор первого стиха в четвертой и седьмой строке (у Фора только в седьмой) и второго — в восьмой (у Фора не соблюдено). Также в триолете предполагается всего две рифмы (у Фора есть тройная повторяющаяся рифма *jour — amour — tour* и однокоренное к *tour atours* и выбивающееся из ряда слово «гроб», *cercueil*) [Гаспаров, 1993, с. 311]. Несмотря на нарушения, форма, выбранная Фором, однозначно ассоциируется с триолетом, что приводит к ряду имплицитных умозаключений, к которым должен прийти читатель.

Автор описывает смерть девушки. Она умерла «среди своих любовей» и была похоронена на рассвете. Первая и седьмая строка гласят «Эта девушка умерла, она умерла среди своих любовей». Четвертая строка, которая, теоретически, также должна совпадать с первой и седьмой, звучит как *Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en son cerueil* [Fort] — «Ее похоронили совсем одну, совсем одну в гробу». Ожидая повторения первой строки и видя четвертую, не совпадающую с ней, читатель невольно проводит сопоставление и приходит к выводу, что умершая от любви девушка брошена, оттого она и похоронена в своем гробу совсем одна (а с кем бы она должна была бы там быть? — вероятно, ее возлюбленный именно оставил ее, а не умер: иначе речь шла бы об их воссоединении). Возможно также, что умершая от любви девушка — самоубийца, чем и объясняется ее посмертное одиночество: ее хоронят за пределами территории кладбища, и после смерти она остается одна, рядом с ней нет других захоронений.

Отсутствующий повтор второй строки в восьмой также приводит к сопоставлению информации: *Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour* [Fort] («Ее положили в землю, в землю на рассвете») и *Ils sont allés aux champs, aux champs comme tous les jours* [Fort] («Они пошли в поля, в поля, как каждый день») — то есть смерть девушки и ее похороны никак не нарушили привычного уклада жизни, те «они», которые ее похоронили, после

похорон пошли в поля работать, как и делают это ежедневно (хотя по форме триолета в конце оплакивание похороненной должно было бы повториться).

Поль Фор, таким образом, создает амбивалентный текст — с одной стороны, смерть влюбленной девушки никак не нарушила привычного уклада жизни, похоронившие ее шли с похорон с веселой песней (не случайно четырежды он использует слово «весело» — они весело шли и весело пели о ее смерти), слова песни утверждают, что «всякому свое время» (*chacun son tour* [Fort]). Смерть не трагична, она привычна и не мешает работе в полях, возможно даже воспринимается как некое развлечение, отвлекающее от рутинной работы. Если главная героиня стихотворения покончила с собой, то текст утверждает, что самоубийство не нарушает логики судьбы, рока: каждый все равно умрет в свой черед, даже если совершит самоубийство.

С другой стороны, в оригинале использована интересная грамматическая конструкция: пять строк подряд, со второй по шестую, начинаются со слова *ils* «они» и следующего за ним глагола в 3 лице множественного числа: «они положили», «они уложили», «они уложили», «они вернулись» и «они пели». Первые три фразы — «они положили» и «они уложили» воспринимаются как типичная русская конструкция с неопределенно-личным сказуемым — «ее положили в землю», «ее уложили в гроб», где как бы не упоминается о субъекте действия: это были некие условные, безличные «они». В то же время две последующие строки «они вернулись» и «они запели» погружают читателя в иной контекст: оказывается, это были некие конкретные «они» — крестьяне, жители деревни, возможно, друзья или семья умершей. Стихотворение делится на два четырехстишия, которые условно можно обозначить как «грустную половину» — первые четыре строки, посвященные смерти и похоронам», и «веселую половину» — указание на возвращение в поля и веселую песню. Переход от «грустной» части к «веселой» осуществляется именно в момент осознания, что «они» — не фигура речи, а вполне конкретные люди. Иными словами, посыл стихотворения заключается в том, что девушка умерла, но жизнь продолжается. И хотя нарушенная Фором рифмовка явно выделяет слово «гроб», не вписывающееся в схему триолета (и именно на этом слове заканчивается «грустная» часть), общий настрой позитивный (весь текст стихотворения оканчивается словом «день»).

3. Перевод Константина Бальмонта как декадентское «эхо» оригинала

В переводе Бальмонта [Бальмонт, 1990, с. 244] произведены некие важные упущения, которые превращают амбивалентный текст Фора в ско-

рее негативный, чем позитивный. Во-первых, в переводе отсутствует слово «весело», характеризующее действия «их» во второй части, и даже какой бы то ни было его эквивалент:

И с песней вернулись они: «Кому суждено — так умрет».
И пели, и пели они: «Для каждого есть свой черед» [Бальмонт, 1990, с. 244]

Отпевающие девушку словно настойчиво повторяют мысль, что ей суждено было умереть, что все случившееся закономерно. Помимо этого, в первой части стихотворения Бальмонт допускает следующее искажение:

Ее схоронили одну, одну, как она умерла,
Ее схоронили одну, как она перед смертью была [Бальмонт, 1990, с. 244].

В оригинале нет ни слова об ее одинокой смерти: как было указано выше, за счет деформаций, внесенных в форму триолета, Фор показывает, что девушка, возможно, была брошена, однако не говорит об ее одинокой смерти: ее могли оплакивать и родители, и друзья. Вероятнее всего, Бальмонт воспринял описание смерти девушки как описание самоубийства, и усилил этот элемент: она была одна перед смертью, так как покончила с собой.

Бальмонт также не учитывает рифмовку, использованную Фором: он использует три пары рифм: «любви — шли», «умерла — была», «умрет — черед» и «любви — пошли», прибегая к парной рифмовке по две строки. Это отдаляет стихотворение от формы триолета.

Таким образом, в переводе Бальмонта усилен негативный настрой, не соблюдена амбивалентность текста и более размыта аллюзия к классической форме поэзии, чем это было в оригинале текста. Как отмечают П. Куприяновский и Н. Молчанова [Куприяновский, 2014, с. 108—112], раннему творчеству Бальмонта, приблизительно до рубежа веков, свойственны декадентские настроения, уныние и безнадежность. Неудивительно, что в стихах Фора Бальмонт увидел прежде всего пессимистическую составляющую. Кроме этого, Бальмонт и сам предпринимал попытку суицида в 1890 году из-за разногласий со своей супругой (выбросился из окна), однако не погиб, а лишь остался хромым на всю жизнь. Стихотворение Фора как бы обращается к нему лично: если самоубийца довел свое действие до конца, значит, так было суждено (следовательно, если нет — значит, и это было предусмотрено судьбой).

4. Перевод Валерия Брюсова как полемический диалог с оригиналом

Брюсов, по замечанию М. Л. Гаспарова, был приверженцем буквализма в переводе, и многие свои ранние переводы в поздние годы переделывал, стремясь приблизить их к оригиналу. «Переводческая программа молодого Брюсова — это программа «золотой середины»; программа позднего Брюсова — это программа “буквализма” именно в том смысле, в каком мы его обрисовали: это борьба за сокращение “длины контекста” в переводе, за то, чтобы в переводе можно было указать не только каждую фразу или каждый стих, соответствующий подлиннику, но и каждое слово и каждую грамматическую форму, соответствующую подлиннику» [Гаспаров, 1988, с. 60].

Перевод текста Фора, выполненный Брюсовым, значительно отличается от оригинала за счет внесенных им в текст эпитетов: прежде всего, девушка у Брюсова умирает *в расцвете счастливой любви* [Брюсов, 1977, с. 159], в гробу она лежит *в богатом наряде своем*, а хоронившие ее уходят не *в поля*, как в оригинале, а *на охоту*, причем нет ни намека на рутинную работу: *Они на охоту спешили, спешили, как в прошлые дни* [Брюсов, 1977, с. 159]. Этими несколькими штрихами Брюсов создает картину смерти девушки-аристократки, которую хоронят такие же праздные аристократы, развлекающие себя охотой. Этот образ усилен использованием слова *беспечно*:

Они возвращались беспечно, беспечно встречая восход,
Они возвращались и пели с беспечностью: «Всем свой черед!» [Брюсов, 1977, с. 159]

Причем девушка не брошена возлюбленным, как у Фора, а умирает от трагической случайности или болезни: это смерть *в расцвете счастливой любви*. Рифмовка форовского псевдо-триолета также не воспроизведена: использованы четыре различающиеся пары рифм (в отличие от текста Бальмонта, который постарался сохранить форму хотя бы за счет использования однокоренных *шли* и *пошли*).

Таким образом, Брюсов создает текст о трагической смерти пресыщенной жизнью аристократки, которую хоронят ее беспечные друзья. Однако Брюсову в то же время удалось передать важную черту текста Фора: его разделенность на две половины. Первые два двустишия посвящены трагической смерти и могиле, а в третьем и четвертом акцентирована беспечность и тот факт, что похоронившие девушку спешат на охоту, причем Брюсов усилил ощущение спешки, во второй строке упомянув, что умершую хоронят *при первом сияньи зари*, а в пятой похоронившие ее *встречают восход*, то есть похороны прошли очень быстро, буквально за несколько минут. У Фора

похоронившие встречают после похорон не восход, а день, и некое имплицитное объяснение их спешки присутствует: они идут работать в поле, возможно, спешат, чтобы не попасть под гнев хозяина или управляющего. К праздным аристократам Брюсова такое оправдание не относится.

В целом Брюсов, опираясь на текст Фора, вольно или невольно создает социальную сатиру на богатых и праздных людей, настолько спешащих на охоту, что им даже некогда проститься с умершей. При этом ее смерть в переводе Брюсова отнюдь не выглядит как самоубийство, что также отчасти согласуется с фактами биографии самого переводчика: так, он, в отличие от Бальмонта, не пытался совершить самоубийство сам, однако из-за любви к нему пыталась покончить с собой Нина Петровская (что произошло до перевода им текста Поля Фора), а впоследствии из-за любви к Брюсову застрелилась Надежда Львова. Текст Брюсова, в отличие от текста Бальмонта, как бы говорит читателям: «нет-нет, все хорошо, девушка умерла не из-за любви, она умерла в расцвете счастливой любви». Следует отметить, что текст Фора предполагает и такой вариант трактовки: в оригинале девушка умирает не «от», а «в» любви.

5. Перевод М. Кузмина как формалистический экзерзис

Перевод Михаила Кузмина выполнен им в рамках перевода прозаического текста Реми де Гурмона (при этом к моменту опубликования этого эссе уже существовали переводы и Бальмонта, и Брюсова, однако Кузмин предпочел предложить свой, авторский вариант). Как и другие авторы, Кузмин повторяет рефрены там, где они присутствуют у Фора. При этом он пытается воспроизвести «сбой» рифмовки оригинала, что даже нарушает смысл: девушку хоронят *одной в ея чести*, и слово *чести* нарушает рифмовку *понесли — ушли — земли — пошли*. С одной стороны, использование слова *честь* противоречит духу оригинала, но зато соблюдает его букву: присутствует обыгрываемый Фором «обрыв» рифмы».

Кузмин — единственный, кто дословно переводит последнюю строку стихотворения: *И на поле по-прежнему, по-прежнему пошли* [Кузмин, 1913, с. 261], он показывает, что герои — крестьяне, что действие происходит в деревне. Он отчасти соблюдает форовскую амбивалентность, однако нарушает ее синтаксически: между четвертой и пятой строкой — точка с запятой, то есть предложение, начатое в «печальной» половине стихотворения, продолжается в «оптимистической» (у Фора стоит точка).

Стихотворение о девушке приведено в эссе де Гурмона полностью как иллюстрация того факта, что Фор использует старинные формы: «За исключением нескольких страниц, это даже не свободные стихи, а ста-

ринные, “численные” к счастью освободившиеся от тирании немых гласных — этих принцесс, которым никогда не знаешь, как угодить <…> Фор поставил эти гласные на подобающие им места <…> Такие стихи мне по сердцу. Только такие стихи я и люблю: стихи, в которых ритм ни на минуту не исчезает и не обрывается из-за лишнего или недостающего слога» [Кузмин, 1913, с. 261].

Де Гурмон говорит о том, что в тексте Фора для соблюдения напевного ритма должны звучать «немые *e*» в таких словах, как *morte, terre, seule* — эти слова в разговорной речи односложны, а в стихотворении двусложны. Все эти три слова находятся перед цезурой во второй, третьей и четвертой строке соответственно, как бы воспроизводя рыдания оплакивающих девушку: далее, в «позитивной» второй половине стихотворения, эффект этой протяжности исчезает. Кузмин постарался проиллюстрировать эту мысль использованием в своем переводе устаревших форм — *одною* (вместо *одну*), *ея чести́* (вместо *ее чести*):

Кладут ее одною, одной в ея чести,
Кладут ее одною, одною в тесный гроб [Кузмин, 1913, с. 261].

При этом из всех проанализированных переводов только у Кузмина в принципе соблюден ритм оригинала: жертвуя согласованностью речи, он старался передать именно звуковую сторону текста Фора. Это согласуется с главным принципом творчества Кузмина: как указывает Н. А. Богомолов, Кузмин — создатель многочисленных ритмических экспериментов, а также — не только поэт, но и композитор [Богомолов, 2013, с. 21, 166]. Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель подчеркивают также акмеистическую природу творчества М. А. Кузмина с его вниманием к мастерству, ремеслу, вещной семантике [Кихней и др., 2015, с. 130]. Ничего удивительного, что в стихотворении Фора Кузмина привлекает в первую очередь ритмическая и звуковая сторона.

6. Заключение

Поэты и переводчики Серебряного века часто вступали в своеобразное поэтическое состязание, переводя один и тот же текст. Небольшое стихотворение Поля Фора, в котором присутствует игра с формой, амбивалентность смысла и нетривиальная ритмика, переводилось тремя известными поэтами, каждый из которых увидел в этих восьми строках то, что близко лично ему. Так, Бальмонт, первым переведший это небольшое стихотворение, создал печальную балладу о смерти девушки, акцентировав внимание

на судьбе и роке и их связи с суицидом. Брюсов преобразовал тот же текст в некую социальную сатиру, высмеивающую праздных аристократов, при этом указывая на явную смерть от болезни или несчастного случая, но не самоубийство. Михаил Кузмин, не удовлетворившись этими двумя вариантами перевода, встроил в переведенное им прозаическое эссе о Форе свой, авторский, где акцентировал звуковую сторону текста и его вещную семантику. Поскольку восьмистишие Фора использовано как иллюстрация новой, свежей ритмики в старой, средневековой форме, Кузмин постарался передать эту особенность за счет использования архаизмов и точного соблюдения ритма оригинала.

Художественный перевод, таким образом, становится для поэтов Серебряного века способом самовыражения, отзывающимся на их глубинные психологические импульсы и поэтические эксперименты. В небольшом произведении Фора каждый увидел нечто очень личное и близкое ему. Мы видим три разных варианта диалога с традицией, которые воплощают не только личную поэтическую концепцию автора, но и эстетические установки литературных течений, которые воплощают в своем творчестве авторы переводов.

Источники

1. *Fort P.* Cette fille, elle est morte [Electronic resource] / P. Fort // Paradis des albatros. — Access mode : http://paradis-des-albatros.fr/?poeme=fort/la-fille-morte-dans-ses-amours (accessed 7.07.2020).

2. *Бальмонт К. Д.* Она умерла, умерла, она умерла от любви… / К. Д. Бальмонт // Золотая россыпь : Избранные переводы. — Москва : Советская Россия, 1990. — С. 244.

3. *Брюсов В. Я.* Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. — Москва : Прогресс, 1977. — 283 с.

4. *Кузмин М. А.* Вот девушка скончалась, скончалась от любви… / М. А. Кузмин // Гурмон, Реми де. Книга масок : Литературные характеристики. — Санкт-Петербург : Грядущий день, 1913. — С. 261.

Литература

1. *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин / Н. А. Богомолов, Дж. Э. Малмстад. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 400 с.

2. *Гаспаров М. Л.* Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. — Москва : Радуга, 1988. — С. 29—62.

3. *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-х годов в комментариях / М. Л. Гаспаров. — Москва : Высшая школа, 1993. — 360 с.

4. *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути / Дон-Аминадо (А. П. Шполянский). — Москва : ПРОЗАиК, 2018. — 448 с.

5. *Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 1 (33). — С. 129—138.

6. *Креспель Ж.-П.* Повседневная жизнь Монпарнаса в Великую эпоху, 1905—1930 гг. / Ж.-П. Креспель ; пер. с франц. О. В. Карпенко. — Москва : Молодая гвардия : Классик, 2000. — 192 с.

7. *Куприяновский П., Молчанова Н.* Бальмонт / П. Куприяновский, Н. Молчанова. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 347 с.

8. *Луначарский А. В.* Князь поэтов в Народном университете (Письмо из Парижа) / А. В. Луначарский // Современник. — 1913. — № 2. — С. 338—350.

Translation as a Form of Literary Communication in Poetry of Silver Age: Three Lyrical Versions of a Poem by Paul Fort

© Alena A. Ustinovskaya (2020), PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Moscow Region, Russia), alyonau1@yandex.ru.

Three translations of Paul Fort small poem “Cette fille, elle est morte” by Konstantin Balmont, Valery Bryusov and Mikhail Kuzmin are considered. The results of a comparative analysis of these three texts using the analysis of the original are presented. The question is raised about the originality of the form used by Paul Fort: the text he wrote is a deformed trio, and this deformation should be recognizable for his potential reader. It is stated that the semantic side of the text is ambivalent: in the first half of the text negative moods prevail, in the second - positive ones, which is shown not only lexically, but also rhythmically. The relevance of the study is due to a detailed analysis of the three translations using material about the biography and work of the translators themselves. The novelty of the research is seen in the fact that such an analysis of the translation options for the Fort text and its formal, rhythmic and sound features has not been carried out before. The author dwells on the characteristic features of each of the three translations, noting both their connection with the original and the reliance on the translation of the predecessor, or, on the contrary, ignoring it. Particular attention is paid to the grammatical and lexical features of the original, which allow for an ambivalent interpretation of the meaning of the text.

Key words: literary translation; Bryusov; Balmont; Kuzmin; Paul Fort; dialogue; communication; decadence.

Material resources

Fort, P. Cette fille, elle est morte. In: *Paradis des albatross*. Available at: http://paradis-des-albatros.fr/?poeme=fort/la-fille-morte-dans-ses-amours (accessed 7.07.2020) (In French).

Balmont, K. D. (1990). Ona umerla, umerla, ona umerla ot lyubvi… [She died, she died, she died of love]. In: *Zolotaya rossyp’: Izbrannye perevody* [The Gold Placer: Selected translations]. Moskva : Sovetskaya Rossiya. 244 p. (In Russ.).

Bryusov, V. Ya. (1977). *Torzhestvennyy privet. Stikhi zarubezhnykh poetov v perevode Valeriya Bryusova* [Solemn greetings. Poems of foreign poets translated by Valery Bryusov]. Moskva: Progress. 283 p. (In Russ.).

Kuzmin, M. A. (1913). Vot devushka skonchalas’, skonchalas’ ot lyubvi… [Here the girl passed away, died of love]. In: Gurmon, Remi de. *Kniga masok: Literaturnye*

kharakteristiki [Book of Masks: Literary Characteristics]. Sankt-Peterburg: Gryadushchiy den'. 261. (In Russ.).

References

Bogomolov, N. A., Malmstad, Dzh. E. (2013). *Mikhail Kuzmin.* Moskva : Molodaya gvardiya. 400 p. (In Russ.).

Don-Aminado. (2018). *Poezd na tretyem puti* [Train on track three]. Moskva: PROZAiK. 448 p. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (1988). Bryusov i bukvalizm [Bryusov and literalism]. In: *Poetika perevoda* [Translation poetics]. Moskva: Raduga. 29—62. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (1993). *Russkie stikhi 1890-kh — 1925-kh godov v kommentariyakh* [Russian poems of the 1890s — 1925s in the comments]. Moskva: Vysshaya shkola. 360 p. (In Russ.).

Kikhney, L. G., Merkel, E. V. (2015). Aksiologiya povsednevnykh veshchey v poetike akmeizma [Axiology of everyday things in the poetics of acmeism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University Philology], *1 (33):* 129—138. (In Russ.).

Krespel, Zh.-P. (2000). *Povsednevnaya zhizn' Monparnasa v Velikuyu epokhu, 1905—1930 gg.* [Daily life of Montparnasse during the Great Era, 1905—1930]. Moskva: Molodaya gvardiya, Klassik. 192 p. (In Russ.).

Kupriyanovskiy, P., Molchanova, N. (2014). *Balmont.* Moskva: Molodaya gvardiya. 347 p. (In Russ.).

Lunacharskiy, A. V. (1913). Knyaz' poetov v Narodnom universitete (Pis'mo iz Parizha) [Prince of Poets at the People's University. Letter from Paris]. In: *Sovremennik* [Contemporary], 2: 338—350. (In Russ.).

Фарафонова О. А. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 281—295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295.

Farafonova, O. A. (2020). Variants of Liminal Plot Situation in Russian Memoir Texts of 18th Century. *Nauchnyi dialog, 11:* 281-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295. (In Russ.).

УДК 82-312.6+82-94+821.161.1“17”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-281-295

Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века

© **Фарафонова Оксана Анатольевна (2020),** orcid.org/0000-0003-4205-6793, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия), oxana.faroks@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о возможности изучения мемуарных текстов с точки зрения сюжетосложения. Особое внимание уделяется русской мемуаристике второй половины XVIII века. Выполнен обзор основных научных работ по теме исследования. Представлены результаты сопоставительного анализа автобиографических произведений Н. Б. Долгорукой, И. В. Лопухина, Е. Р. Дашковой, Г. Р. Державина и других мемуаристов. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно находится в русле фундаментальной научной проблематики, связанной с вопросами границ документальной и художественной литературы и жанровой идентификацией мемуаров. Новизна представленной работы видится в том, что нехудожественные произведения XVIII века рассматриваются в контексте «мирового археосюжета». Автор подробно останавливается на анализе мемуаров XVIII века с точки зрения вариантов репрезентации его лиминальной фазы. Доказано, что в русских мемуарных текстах второй половины XVIII века «пороговая» сюжетная фаза может быть реализована в таких ситуациях, как болезнь (собственно мемуариста или близкого ему человека) или смерть, свидетелем которой становится автор. Как вариации лиминальной ситуации могут рассматриваться арест, плен и ссылка, во всех этих случаях речь идет о недобровольном оставлении привычного мира.

Ключевые слова: русские мемуары XVIII века; лиминальность; сюжет; сюжетная ситуация.

1. Общие вопросы изучения русских мемуаров XVIII века

Русская мемуаристика XVIII века чаще всего привлекает внимание ученых как источник исторического знания. При этом обращают внимание не только на тематику мемуарных текстов, но и, например, на «социальный портрет» мемуариста, что также дает исследователю возможность глубокой характеристики эпохи, ее культуры и картины мира. Так, говоря об эволюции мемуарного жанра в России XVIII века, А. Г. Тартаковский,

в первую очередь, обращает внимание на сословную принадлежность авторов и тематику мемуарных текстов. Тщательнейшим образом систематизированные в его монографии русские мемуары XVIII — первой половины XIX века описаны прежде всего в историографическом аспекте — с точки зрения «ритма движения русской культуры» [Тартаковский, 1991, с. 27]. Опираясь на исследование мемуарных текстов от эпохи «петровских преобразований» до конца столетия, Тартаковский говорит о том, что подлинный подъем культуры, «который затронул широкий спектр явлений духовной жизни <…> приходится уже на екатерининское время» [Тартаковский, 1991, с. 27—28]. Именно с этим периодом, по справедливому замечанию исследователя, связан мощный рывок в развитии мемуаротворчества в России. Монография Тартаковского интересна и в контексте изучения жанровой природы русских мемуаров XVIII века, поскольку автор подробно останавливается на одном из ключевых жанрообразующих признаков мемуаристики — целеполагании автора воспоминаний. Именно эволюция «изначальных целей мемуаротворчества» [Тартаковский, 1991, с. 76] становится знаком «становления нового типа мемуарно-автобиографических повествований» [Тартаковский, 1991, с. 77] в России XVIII века. То, что именно к началу 80-х годов относятся мемуарные тексты, авторы которых «начинают сознательно относиться к своему труду, задумываться над смыслом и назначением мемуаротворчества», исследователь объясняет пробуждением «исторического самосознания» [Тартаковский, 1991, с. 77], с одной стороны, и ростом самосознания личности, с другой. Последнее обусловлено, прежде всего, сменой эстетической парадигмы — влиянием философских и эстетических установок сентиментализма.

Связь между сменой эстетических парадигм и развитием мемуарного жанра неоднократно отмечалась исследователями. Относительно XVIII века чрезвычайно важным становится переход от классицизма к сентиментализму. Влияние идей последнего на целеполагание мемуаротворчества и на осознание личностью своего права на такого рода высказывание о себе и своем времени несомненно. Но предшествующее сентиментализму классицистическое понимание мира и человека также сыграло важную роль в «процессе жанровой кристаллизации» мемуаров на русской почве [Тартаковский, 1991, с. 69—72].

Эволюция мемуарного жанра в контексте исторического и эстетического развития русской культуры в XVIII веке неоднократно становилась предметом научных изысканий. В этой связи стоит указать, например, работы Г. Г. Елизаветиной [Елизаветина, 1982] и М. Я. Билинкиса [Билинкис, 1995], который, говоря об эволюции мемуарного жанра в XVIII веке, в качестве

точки отсчета избирает соотношение «текст-автор». В последнее время русская мемуаристика XVIII века все более и более привлекает к себе внимание исследователей. Генезис жанра, жанрово-видовое разнообразие мемуарных текстов, фигура автора-мемуариста, соотношение вымышленного с документальным — вот далеко не полный перечень направлений изучения русских мемуаров XVIII века сегодня. Обратим внимание на то, что, много говоря о жанровых признаках и исторической эволюции мемуаров в России, исследователи нечасто обращают внимание на поэтику автобиографических произведений XVIII века. В качестве исключения здесь следует отметить работы А. В. Антюхова [Антюхов, 2003], В. В. Муравьевой [Муравьева, 2004], С. Ю. Антюховой [Антюхова, 2005] и Е. Ю. Приказчиковой [Приказчикова, 2010], в которых мемуарные произведения анализируются с точки зрения соотношения объективного и субъективного начал, образа автора, стилевых особенностей текста, категорий времени и пространства или репрезентации культурных мифов эпохи в мемуарном повествовании.

2. Русская мемуаристика XVIII века и проблема сюжета в нехудожественном тексте

Мемуары традиционно относят «к жанрам документальной литературы» [Местергази, 2007, с. 8], и, как отмечают современные исследователи, проблема художественности таких произведений до сих пор остается одной из «наиболее дискуссионных тем» [Местергази, 2007, с. 9]. Е. Г. Местергази называет мемуары в ряду «первичных» жанров с документальной основой, указывая, что именно подобные «первичные жанры» составляют «некое базовое поле литературы с главенствующим документальным началом» [Местергази, 2007, с. 49]. Проблема художественности мемуаров и, как следствие, вопрос, относить ли мемуары к жанрам литературы, связаны с тем, что в мемуарном тексте совмещается установка на невымышленность повествования, с одной стороны, и субъективная точка зрения мемуариста на описываемые события, с другой. «Такое сочетание невымышленности и субъективности помещает мемуары между историческим повествованием и беллетристикой» [Фрайман]. Повествовательную структуру мемуарных текстов отличают следующие признаки: «прямое авторское высказывание; позиция рассказчика соответствует позиции автора; анализ действительности равен художественному образу этой действительности; субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания; употребление подлинных имен; язык — от совершенно “необработанного” до литературного» [Местергази, 2007, с. 49]. В дополнение отметим, что мемуары, без сомнения, являются текстами,

сюжетными по своей природе. Ю. М. Лотман писал, что сюжет «связан с переживанием времени» [Лотман, 2000, с. 276] и является «мощным средством осмысления жизни» [Лотман, 2000, с. 296]. Реконструируя прошлое, выстраивая свое повествование, как правило, линейно, мемуарист организует сюжет своих воспоминаний. Насколько совершенным он будет, зависит от ряда факторов. Первый, и самый главный, — личность самого мемуариста, второй — изначальная цель написания мемуаров.

Поднимая проблему сюжета в документальных, биографических и автодокументальных произведениях, Ю. В. Матвеева справедливо отметила, что «сюжетный анализ документальной прозы <…> может помочь увидеть в текстах, изначально лишенных установки на вымысел, литературу, а не просто перечень фактов, имен и событий» [Матвеева, 2014, с. 4]. Несмотря на то, что работа Матвеевой посвящена мемуаристике «русского зарубежья» начала XX века, высказанные автором тезисы отражают, как нам представляется, и значимые для русской мемуарной литературы XVIII века черты. История становления и развития последней представляет собой эволюцию от «внеличностных» текстов, фиксирующих исключительно «факты, имена и события», к полномасштабным повествованиям, посвященным осмыслению себя и выражающим собственную точку зрения на события, свидетелем или участником которых является автор. Н. П. Матханова справедливо отмечает, что мемуары «непременно субъективны, основаны на личных впечатлениях, создаются с целью закрепления и сохранения личной информации» [Матханова, 2007, с. 201].

Большинство русских мемуаристов XVIII века «писало свои мемуары или автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности ознакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь на косвенные данные об опытах этого рода» [Кулакова, 2015, с. 169]. В связи с этим нам представляется необходимым отметить две важные тенденции становления и развития мемуаристики в XVIII веке в России. С одной стороны, стремление к самоописанию становится все очевиднее и является общим для русской культуры XVIII века как культуры Нового времени, все больше и больше осознающей самоценность человеческой личности. С другой стороны, каждый русский мемуарист сталкивался с проблемой поиска языка / формы самовыражения / самоописания практически в индивидуальном порядке и искал эту форму самостоятельно, ориентируясь на знакомые модели и «косвенные данные». Насколько осознанно и целенаправленно это происходит, зависит от степени образованности и кругозора автора. Безусловно, записки сенатора и виднейшего русского масона И. В. Лопухина и, скажем, майора М. В. Данилова будут существенно различаться

не только стилистикой, но и композиционной проработанностью текста, выдержанностью сюжетной логики развития мемуарного повествования.

3. Мемуары и мировой археосюжет

В статье «Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов» В. И. Тюпа показал на примере «Слова о полку Игореве», что в «невымышленном повествовании» сюжет может развиваться «в точном соответствии с гипотетической моделью виртуального мирового сюжета» [Тюпа, 1996, с. 22]. Пример мемуарных текстов, «невымышленных» по определению, подтверждает высказанную исследователем гипотезу.

Объясняя, почему именно притча о блудном сыне «оказалась наиболее продуктивной в литературном отношении» по сравнению со всеми другими евангельскими притчами, Тюпа формулирует «четырехфазную единую динамическую инфраструктуру внешне несхожих сюжетов», которая выглядит следующим образом: фаза обособления — фаза искушения — лиминальная фаза — и фаза преображения [Тюпа, 1996, с. 18]. Указанные исследователем фазы мирового археосюжета «обнаруживаются в основе множества самых разнообразных сюжетных текстов» [Тюпа, 1996, с. 20], к которым, как указано выше, относятся, без сомнения, и мемуары. Разумеется, о полной реализации в текстах документального характера описанной Тюпой сюжетной модели говорить не приходится, но позволим себе высказать предположение, что само по себе решение о написание текста о своей жизни уже может быть расценено как фаза обособления и / или искушения. Это, как нам представляется, определено самой интенцией мемуарного жанра. Мемуарист заведомо осознает и обозначает свое право на собственный, отличный, возможно, от других взгляд, как, например, это делает А. Т. Болотов в предуведомлении к своим воспоминаниям [Болотов, 2018, с. 7—8].

Фаза обособления, по словам Тюпы, может быть выражена как «предыстория или хотя бы достаточно подробная характеристика действующего лица, выделяющая его из общей картины мира» [Тюпа, 1996, с. 18]. Подобное в мемуарных текстах при свойственной этому жанру установке на достоверность встречается довольно часто. Это определяется осознанием автором собственной жизни как исключительного события, которое, безусловно, заслуживает презентации и осмысления с точки зрения его места в ряду других подобных событий. Жизнь «всех» в сравнении со своей собственной становится в каком-то смысле подтверждением этой исключительности. «Я» мемуариста оказывается, с одной стороны, вписано в общий процесс, но, с другой стороны, явно отделено от него. Причем это может выражаться не только в неких исторических зарисовках, но даже и в бытовых частностях. Так, например,

Н. Б. Долгорукая, описывая сборы в ссылку с мужем, фиксирует: «Подумайте, каково мне тогда было видить: все плачут суетятца, собираютца, и я суечусь, куда еду, не знаю, и где буду жить — не ведаю, только что слезами обливаюсь» [Долгорукая, 1991, с. 266] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). Соотношение «все — я» здесь весьма показательно для мемуарного жанра в целом. И даже если это соотношение не продемонстрировано напрямую, исключительность, «достойность внимания» автора мемуаров будет выражена иными способами: «Я родилась в 1744 г. в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III» [Дашкова, 1990, с. 68]; «Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей. В 1743 г. июля 3 числа» [Державин, 1860, с. 5]. Даже когда А. Т. Болотов пишет, предваряя свои мемуары, что «не тщеславие и не иные какие намерения побудили» его написать «историю его жизни», а только то, что ему было досадно, что предки его были настолько «нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь об них <…> некоторое небольшое сведение и понятие», он, сравнивая себя с предками, противопоставляет себя им и самоопределяется как человек, который, «не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность», «рассудил употребить некоторые <…> часы на описание всего» [Болотов, 2018, с. 7], что с ним случилось. То есть он очевидным образом подчеркивает реализацию в своих мемуарах фазы обособления, формулируя при помощи мемуарного текста отличную от предшествующих поколений жизненную позицию.

4. Варианты лиминальной сюжетной ситуации в русских мемуарах XVIII века

Но если фазы обособления и искушения в контексте мемуарного повествования могут быть редуцированы или остаться за его пределами, то лиминальная фаза и фаза преображения зачастую составляют основу сюжета воспоминаний.

Говоря о мировом археосюжете, В. И. Тюпа пишет о лиминальной фазе следующее: «Она может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя, может заостряться до смертельного риска

(в частности, до поединка), а может редуцироваться до легкого повреждения или до встречи со смертью в той или иной форме (например, зрелище смерти другого лица или хотя бы получение известия о таковой)» [Тюпа, 1996, с. 19]. Мемуарные тексты дают порой такой богатейший материал, подтверждающий это, какой редко можно увидеть в тексте художественном. Так, например, в «Похождении прапорщика Климова» обнаруживаются все указанные в работе Тюпы варианты лиминальной фазы.

«Воспоминовения жизни» и «опыт странствования», которые составляют ядро истории Климова, вполне соответствуют сюжетной схеме притчи о блудном сыне. С одной существенной разницей — он не сам решает покинуть отчий дом (Россию), а волею трагических обстоятельств оказывается почти на 30 лет пленником в Пруссии. Прусский плен, растянувшийся на десятилетия, становится причиной невольного «ухода» Климова от семьи, разрыва всяческих связей с Россией. Европа, бывшая для многих русских дворян XVIII века целью путешествия и местом обретения знания, превращается для автора «Похождения» в «лиминальный (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [Тюпа, 2002, с. 28], пребывание в Пруссии описывается почти как пребывание в стране мертвых — такое количество ситуаций со смертельным исходом, свидетелем которых становится автор, там описано. Сам Климов много раз оказывается в ситуации испытания смертью, как, например, после непреднамеренного убийства им прусского вахмистра: «Тут пришел я в великую робость, видя себя подвержена быть штрафу, не зная, что мне на то учинить. Он лежал без дыхания. Я уже думал бежать из Берлина, но куда было можно? <...> То я, напоследок положа себя на власть Всевышнего, пустился на все представляющееся глазам моим несчастие, уповая на Всевышнего. Я оставил его [вахмистра] при камне полумертвого, пошел, не дожидаясь, чтоб кто меня отдал под караул, сам на гауптвахту» [Похождение …, 2011, с. 53]. Смерть вахмистра и выбор, который делает герой (бежать или сдаться), маркируя смену социальной роли (солдат — преступник), одновременно обозначают кульминационный момент лиминальной фазы его «похождения»: «но вдруг переменилась моя надежда. <...> приходит ко мне мой капитан, сказав: “Вахмистр умер, и велено тебя судить как смертоубийцу”. Тут окостенели во мне все мои жилы. Я упал на нары без чувств» [Похождение …, 2011, с. 56].

По большому счету вся история, рассказанная Климовым, может быть представлена как развернутая во времени лиминальная ситуация, так как состоит из целой череды испытаний смертью. Начиная с воспоминаний о детстве, когда герой и вся его семья дважды чудесным образом избегают смерти (первый раз — от пожара, второй — от рук разбойников); испытаний смертью

сначала любимой старшей сестры, а затем и матери; пленения героя пруссаками, как ключевого с точки зрения лиминальности события, весь текст представляет собой словно бы затянувшуюся лиминальную фазу. Вереница ситуаций, которые могут быть обозначены как «встреча со смертью», прекращается только после возвращения Климова на родину. Случайная встреча с младшим братом, узнавание друг друга маркируют конец странствиям героя мемуаров, его выход из лиминального пространства, возвращение к жизни: «Он изливал источники слез, ибо они меня давно уже имели в поминание и считали давно умершим. Я ему также от радости соответствовал» [Похождение …, 2011, с. 163]. Нельзя не отметить совпадение финала «Похождения прапорщика Климова» с финалом притчи о блудном сыне: «Был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Причем практически буквально «мертв» как русский солдат, так как «фальшивым предложением при размене показаны <…> были все умершими» [Похождение …, 2011, с. 43]. Пребывание Климова в прусском плену совершенно эквивалентно в данном случае смерти. Возвращение на родину для автора «Похождения» становится именно воскрешением в своем прежнем статусе, происходит его «второе рождение», которое, как пишет Тюпа, «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых акцентируется его новое жизненное качество» [Тюпа, 1996, с. 19].

Автор «Похождения» возвращается в Россию в возрасте 59 лет, проведя большую часть жизни за границей, которая, несмотря на замечательную способность Климова приспосабливаться к вынужденным обстоятельствам, не становится, тем не менее, для него своим пространством. Учитывая ситуацию плена, это оказывается совершенно невозможно. Пространство, в котором герой мемуаров оказывается не по собственной воле, воспринимается им, как правило, не просто как чужое пространство, но именно как инобытие, как пребывание в мире, где нет и не может быть жизни. Попав в плен или будучи отправленным в ссылку, человек оказывается выхваченным, изгнанным из его обычного бытия. По сути, из жизни вообще. По этой же причине Россия описывается в «Похождении прапорщика Климова» в противоположность Пруссии как земля обетованная, куда он в конечном итоге и совершает пешее паломничество-возвращение через всю Европу.

Пересечение границы между этим (своим) и тем (иным) миром, миром плена, как в случае с Климовым, или ссылки, как, например, в «Записках» Н. Б. Долгорукой, совершается по-разному. Это может произойти внезапно для героя — трагический случай пленения русских солдат по неосмотрительности и беспечности командиров, как это описано у Климова. Или же, напротив, путь в иное, лиминальное, пространство может растянуться на месяцы:

«С апреля по сентябрь были в дороге; всего много было, великие страхи, громы, молнии, ветры чрезвычайные», — так описывает Долгорукая путь в ссылку в Березов [Долгорукая, 1991, с. 278]. Пространство, в котором человек оказывается, преодолев такой тяжелый путь, не может восприниматься иначе как чуждый и враждебный иномир: «С таким великим трудом привезли нас в маленький городок, которой стоит на острову; кругом вода; жители в нем саамы подлой народ, едят рыбу сырую, ездют на собаках, носят оленьи кожи; как с нево сдерут, не разрезавши брюха, так и наденут, передние ноги вместо рукавов. Избы кедровые, окончины леденые вместо стекла. Зимы 10 месяцев или 8, морозы несносные, ничево не родитца, ни хлеба, никакова фрукту, ниже капуста. Леса непроходимые да болоты <…> До таково местечка доехали, что ни пить, ни есть, ни носить нечево <…> Мне казалось, не можно жить в таком дурном месте» [Долгорукая, 1991, с. 278].

Испытание смертью, которое, по словам Тюпы, составляет суть лиминальной фазы, может остаться за пределами текста воспоминаний в том случае, если оно было катастрофичным для мемуариста. Переживание смерти близкого человека в таком случае пронизывает весь текст, но не описываться прямо. В «Своеручных записках» Долгорукой происходит именно так: она пишет свои воспоминания спустя 28 лет после страшной казни мужа, но ни разу об этом ужасном для нее событии не проговаривается, однако финальные слова ее мемуаров отчетливо дают понять, какой катастрофой стала смерть любимого человека. Он был всем, и это все отнято: «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем <…> Он фундатор моему благополучию теперешнему» [Долгорукая, 1991, с. 279].

Возвратившись из ссылки, Долгорукая принимает постриг и воспоминания пишет по просьбе старшего своего сына уже под именем Нектарии. Только таким образом оказалось возможным преодоление лиминальной фазы в глобальном смысле. Фаза преображения, подразумевающая «перемену статуса» [Тюпа, 1996, с. 19], хоть и осталась за пределами повествования «Своеручных записок», но, тем не менее, логично завершила жизненный сюжет Долгорукой.

Как вариант лиминальной ситуации в мемуарном тексте следует рассматривать и болезнь, которая часто самими мемуаристами приравнивается к временной смерти. А. Т. Болотов прямо называет болезнь «порогом» и описывает именно как пограничное состояние между жизнью и смертью: «Несколько недель спустя после нашего приезда принужден я был переходить тот порог, который переступают почти все молодые люди тогдашнего моего возраста и нередко, спотыкаясь, погибают, а именно — слечь и вытерпеть жестокую горячку. <…> Болезнь моя продлилась хотя недолго

<…>, но доводила меня до крайности <…> все почти сомневались о моей жизни и не чаяли мне выздороветь» [Болотов, 2018, с. 267].

Болезнь (своя или близкого автору человека) описывается в автобиографических произведениях довольно часто. Серьезная болезнь, ставящая под угрозу жизнь самого мемуариста, переживается и осмысляется авторами поразному. Если Болотов, делая акцент на своем состоянии во время болезни, комментирует выздоровление кратко: «Крепость натуры и молодость моя преодолели болезнь, или, паче сказать, Богу не угодно было лишить меня жизни» [Болотов, 2018, с. 268], то И. В. Лопухин рассказывает о своем исцелении от болезни в агиографической почти традиции чуда: «Неожиданный перелом болезни оной к совершенному выздоровлению стоит того, чтобы описать его <…> Занемог я в великой пост. <…> в день причастья долго утром пролежал я от болезни в постели. На силу встал. Между тем торопили меня идти к отцу моему <…> Я спешу, а камердинер мой еще и умываться мне не приготовил. Рассердился я до исступления; ругал его, не бил только <…>» [Лопухин, 1990, с. 40—41]. Ужаснувшись всей «мерзости своего поступка», Лопухин «бросился в ноги» своему камердинеру: «Тут мне сказали, что священник пришел с дарами, — пишет Лопухин далее. — Я пошел в слезах ж причащаться, — и — причастился подлинно. Проводя священника лег я отдохнуть. Уснул с час, и проснувшись почувствовал в теле моем такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня в натуре не предполагали. Словом: я проснулся здоров. <…> я совершенно выздоровел от болезни смертельной <…> Поют “дивен Бог в святых своих” — но ежели можно осмелиться сказать, то он еще дивнее в грешниках» [Лопухин, 1990, с. 40—41]. Выздоровление описывается Лопухиным как исцеление не столько физическое, сколько духовное, выздоровление в таком случае приравнивается к воскрешению, связанному с ощущением собственного преображения.

Отметим, что «Записки» Лопухина, конечно, отличаются от большинства мемуарных произведений XVIII века, прежде всего своей композиционной продуманностью и «ярко выраженной основной идеей». Как отмечают исследователи, «литературная деятельность Лопухина — это, скорее, проповедничество» [Драгайкина, 2009, с. 159]. Добавим, что Лопухин — один из немногих мемуаристов XVIII века, писавший с расчетом на публикацию, то есть относившийся к своему тексту не как к запискам для собственных потомков, но для потомков в глобальном смысле слова. Т. А. Драгайкина, говоря о специфике мемуарного повествования Лопухина, подметила: «Считая дидактическую функцию литературы важнейшей, мемуарист предполагает, что наиболее эффективно воздействуют на читателя примеры добродетельного поведения, взятые из современной по-

вседневной жизни» [Драгайкина, 2009, с. 168], он стремится подчеркнуть, что «и в обычной жизни возможны высокая добродетель и нравственный подвиг, для которых не обязательны исключительные условия. <…> Автор в “Записках” <…> предстает в образе “духовного рыцаря”» [Там же]. Изображение собственной болезни как испытания, преодоление которого возможно только через искупительное раскаяние, очевидным образом укладывается в идейный замысел «Записок» Лопухина.

Важно отметить, что, поскольку мемуариста, как правило, отделяет от описываемых событий значительная временная дистанция, осмысление болезни как встречи со смертью и выздоровления как чудесного избавления совершенно не зависит от того, сколько лет было автору, когда он ее пережил, помнит он эту болезнь сам или только со слов своих близких. Так, например, И. М. Долгоруков пишет о перенесенной им в младенческом практически возрасте оспе: «Марта 26-го, сестра моя занемогла оспой; от неё пристала оспа и ко мне с такой силою, что я оглох, ослеп и онемел. Тогда еще не умели прививать сей заразы и смягчать её жестокость. Все лицо мое покрылось корою, и в таком положении оставалось только ожидать смерти. Бог сохранил живот мой, да повем здесь дела Господня. Его великим промыслом натура открыла вспомогательные свои средства, и болезнь уступила её силам. Тут явно совершилось надо мною чудотворение от иконы Смоленской Божией Матери, что в Донском Монастыре, над царскими вратами; когда родители мои, болезнью моей огорченные, с теплою верою прибегнув к Богу, подняли икону к себе в дом и меня к оной приложили — то вдруг получил употребление всех моих умерших чувств: стал видеть и слышать» [Долгоруков, 2004, с. 20].

Лиминальность предполагает временное лишение статуса (добровольное или принудительное). Возвращение в свой привычный статус, к привычной жизни, к жизни в принципе осознается именно как воскресение. Преображение в данном случае подразумевается прежде всего духовное. Переживший лиминальное состояние герой-мемуарист часто фиксирует, что что-то понял / осознал. Вновь обретенное понимается как истинное, желанное, единственно возможное, подлинное.

Основные варианты лиминальной ситуации в русских мемуарных текстах XVIII века можно обозначить следующим образом: прямое столкновение со смертью (смерть близкого человека, свидетелем которой является автор мемуаров, сам мемуарист становится причиной чьей-либо смерти); тяжелая болезнь кого-то из близких или собственная тяжелая болезнь, которая ставит мемуариста на грань жизни и смерти (в последнем случае всегда имеет место преодоление «порога», выздоровление осмысляется

как воскрешение). Как вариации лиминальной ситуации могут рассматриваться арест, плен и ссылка. Во всех этих случаях речь идет о недобровольном оставлении привычного мира, зачастую связанном с угрозой жизни.

Литература

1. *Антюхов А. В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика : дис. … д-ра филол. наук / А. В. Антюхов. — Брянск, 2003. — 451 с.

2. *Антюхова С. Ю.* Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII века : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. Ю. Антюхова. — Орел, 2005. — 22 с.

3. *Билинкис М. Я.* Русская проза XVIII века : док. жанры. Повесть. Роман / М. Я. Билинкис. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1995. — 104 с.

4. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: в 3 т. Т. 1: 1738—1759 гг. / А. Т. Болотов. — Москва : Книжный Клуб Книговек, 2018. — 464 с.

5. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762) / М. В. Данилов // Безвременье и временщики : воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). — Ленинград : Худож. лит., 1991. — С. 281—350.

6. *Дашкова Е. Р.* Записки / Е. Р. Дашкова // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. — Москва : Современник, 1990. — С. 67—280.

7. *Державин Г. Р.* Записки Гавриила Романовича Державина. 1743—1812. — Москва : Типография Александра Семена, 1860. — 502 с.

8. *Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева / Н. Б. Долгорукая // Безвременье и временщики : воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). — Ленинград : Худож. лит., 1991. — С. 255—280.

9. *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни… Т. 1 / И. М. Долгоруков. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 816 с.

10. *Драгайкина Т. А.* Повествовательные стратегии «Записок…» И. В. Лопухина / Т. А. Драгайкина // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. — Новосибирск : Ин-т СО РАН, 2009. — С. 156—169.

11. *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Г. Елизаветина // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. — Москва : Наука, 1982. — С. 235—263.

12. *Кулакова И. П.* История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма / И. П. Кулакова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. — 2015. — № 4. — С. 164—172.

13. *Лопухин И. В.* Записки сенатора И. В. Лопухина / И. В. Лопухин. — Москва : Наука, 1990. — 224 с.

14. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. — С. 150—391.

15. *Матвеева Ю. В.* Проблема сюжета в документальной, биографической и автодокументальной прозе / Ю. В. Матвеева // Сюжетология и сюжетография. — 2014. — № 2. — С. 3—10.

16. *Матханова Н. П.* Авторы сибирских мемуаров XIX века / Н. П. Матханова // Нарративные традиции славянских культур (Средневековье и Новое время). — Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 2007. — С. 200—208.

17. *Местергази Е. Г.* Литература нон-фикшн / non-fiction : экспериментальная энциклопедия : русская версия. — Москва : Совпадение, 2007. — 327 с.

18. *Муравьева В. В.* Традиции русской агиографии в мемуаристике XVIII в. : дис. … канд. филол. наук. — Москва, 2004. — 202 с.

19. *Похождение* прапорщика Климова : (Мемуары XVIII века) / подгот. текста и коммент. Е. Д. Кукушкиной. — Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2011. — 264 с.

20. *Приказчикова Е. Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского просвещения : диссертация … доктора филологических наук / Е. Е. Приказчикова. — Екатеринбург, 2010. — 629 с.

21. *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. — Москва : Наука, 1991. — 288 с.

22. *Тюпа В. И.* Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов / В. И. Тюпа // От сюжета к мотиву : сборник научных трудов. — Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 1996. — С. 16—23.

23. *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском» тексте русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27—35.

24. *Фрайман И.* Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / И. Фрайман. — Режим доступа : https://www.ruthenia.ru/document/422973.html (дата обращения 12.08.2020).

Variants of Liminal Plot Situation in Russian Memoir Texts of 18th Century

© Oksana A. Farafonova (2020), orcid.org/0000-0003-4205-6793, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), oxana.faroks@yandex.ru.

The question of the possibility of studying memoir texts from the point of view of plot composition is considered. Particular attention is paid to Russian memoiristics of the second half of the 18th century. A review of the main scientific works on the research topic is carried out. The results of a comparative analysis of autobiographical works by N. B. Dolgorukaya, I. V. Lopukhin, E. R. Dashkova, G. R. Derzhavin and other memoirists are presented in the article. The relevance of the study is due to the fact that it is in the mainstream of fundamental scientific problems related to the issues of the boundaries of documentary and fictional literature and genre identification of memoirs. The novelty of the presented work is in the fact that non-fiction works of the 18th century are considered in the context of the “world archaeological plot”. The author dwells in detail on the analysis of the memoirs of the 18th century from the point of view of the options for representing its liminal phase. It has been proved that in Russian memoir texts of the second half of the 18th century, the “threshold” plot phase can be realized in situations such as illness (of a memoirist or a person close to him) or death, which the author witnesses. Arrest, captivity and exile can be considered as variations of the liminal situation; in all these cases, we are talking about involuntary abandonment of the familiar world.

Key words: Russian memoirs of the 18th century; liminality; plot; plot situation.

References

Antyukhov, A. V. (2003). *Russkaya memuarno-avtobiograficheskaya literatura XVIII v.: Genezis, zhanrovo-vidovoe mnogoobrazie, poetika: Doct. Diss.* [Russian memoir and autobiographical literature of the 18th century. Genesis, genre and species diversity, poetics, Doct. Diss.]. Bryansk. 451 p. (In Russ.).

Antyukhova, S. Yu. (2005). *Poetika komicheskogo russkoy provintsialnoy memuarno-avtobiograficheskoy prozy vtoroy poloviny XVIII veka: author's abstract of PhD Diss.* [Poetics of the comic Russian provincial memoir and autobiographical prose of second half of the 18th century, author's abstract of PhD Diss.]. Orel. 22 p. (In Russ.).

Bilinkis, M. Ya. (1995). *Russkaya proza XVIII veka: dok. zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century. Documentary genres. The story. Novel]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 104 p. (In Russ.).

Bolotov, A. T. (2018). *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannye im samim dlya svoikh potomkov. 1738—1759 gg.* [Zhizn i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannye im samim dlya of their descendants (1738—1759)]. Moskva: Knizhnyy Klub Knigovek. 3/1. 464 p. (In Russ.).

Danilov, M. V. (2991). Zapiski Mikhaila Vasilievicha Danilova, artillerii mayora, napisannye im v 1771 godu [Notes of Mikhail Vasilyevich Danilov, artillery major, written by him in 1771]. In: *Bezvremenye i vremenshchiki: vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720—1760-e)* [Timelessness and temporary workers: memories of the "era of palace coups" (1720—1760s)]. Leningrad: Khudozh. lit. 281—350. (In Russ.).

Dashkova, E. R. (1990). Zapiski [Notes]. In: *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII — pervoy poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th — first half of the 19th century]. Moskva: Sovremennik. 67—280. (In Russ.).

Derzhavin, G. R. (1860). *Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina. 1743—1812* [Notes of Gavriila Romanovich Derzhavin. 1743—1812]. Moskva: Tipografiya Aleksandra Semena. 502 p. (In Russ.).

Dolgorukaya, N. B. (1991). Svoyeruchnyye zapiski knyagini Natalii Borisovny Dolgorukoy, docheri g. feldmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva [Handwritten notes of Princess Natalia Borisovna Dolgorukaya, daughter of Mr. Field Marshal Count Boris Petrovich Sheremetev]. In: *Bezvremenye i vremenshchiki: vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720-e — 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: memories of the "era of palace coups" (1720—1760s)]. Leningrad: Khudozh. lit. 255—280. (In Russ.).

Dolgorukov, I. M. (2004). *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsey zhizni* [The story of my birth, origin and all my life]. Sankt-Peterburg: Nauka. 1. 816 p. (In Russ.).

Dragaykina, T. A. (2009). Povestvovatelnyye strategii «Zapisok…» I. V. Lopukhina [Narrative strategies of "Notes ..." I. V. Lopukhin]. In: *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur. Povestvovatelnyye formy Srednevekovya i Novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures. Narrative forms of the Middle Ages and modern times]. Novosibirsk: In-t SO RAN. 156—169. (In Russ.).

Elizavetina, G. G. (1982). Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [Formation of genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassitsizm.*

Proza [Russian and Western European classicism. Prose]. Moskva: Nauka. 235—263. (In Russ.).

Frayman, I. *Russkie memuary v istoriko-tipologicheskom osveshchenii: k postanovke problemy* [Russian Memoirs in Historical and Typological Coverage: Towards a Problem Statement]. Available at: https://www.ruthenia.ru/document/422973.html (accessed 12.08.2020). (In Russ.).

Kukushkina, E. D. (ed.). (2011). *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The adventure of warrant officer Klimov: (Memoirs of the 18th century)]. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy dom. 264 p. (In Russ.).

Kulakova, I. P. (2015). Istoriya subyektivnosti i stanovlenie rossiyskikh traditsiy avtobiograficheskogo pis'ma [History of subjectivity and formation of the russian traditions of the autobiographical texts]. *Rus', Rossiya. Srednevekovyye i Novoye vremya* [Rus', Russia. Middle Ages and Modern Times], *4:* 164—172. (In Russ.).

Lopukhin, I. V. (1990). *Zapiski senatora I. V. Lopukhina* [Notes of Senator I. V. Lopukhin]. Moskva: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000). Vnutri myslyashchikh mirov [Inside thinking worlds]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB. 150—391. (In Russ.).

Matkhanova, N. P. (2007). Avtory sibirskikh memuarov XIX veka [Authors of Siberian memoirs of the 19th century]. In: *Narrativnye traditsii slavyanskikh kultur (Srednevekovye i Novoye vremya)* [Narrative traditions of Slavic cultures (Middle Ages and Modern times)]. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN. 200—208. (In Russ.).

Matveeva, Yu. V. (2014). Problema syuzheta v dokumentalnoy, biograficheskoy i avtodokumentalnoy proze [The problem of plot in documentary, biographical and autodocumentary prose]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and plotography], *2:* 3—10. (In Russ.).

Mestergazi, E. G. (2007). *Literatura non-fikshn / non-fiction: eksperimentalnaya entsiklopediya: russkaya versiya* [Literature non-fiction / non-fiction: experimental encyclopedia. Russian version]. Moskva: Sovpadenie. 327 p. (In Russ.).

Murav'eva, V. V. (2004). *Traditsii russkoy agiografii v memuaristike XVIII v. PhD Diss.* [Traditions of Russian hagiography in memoiristics 18th century, PhD Diss.]. Moskva. 202 p. (In Russ.).

Prikazchikova, E. E. (2010). *Kulturnye mify i utopii v memuarno-epistolyarnoy literature Russkogo prosveshcheniya: Doct. Diss.* [Cultural myths and utopias in the memoir and epistolary literature of the Russian education. Doct. Diss.]. Yekaterinburg. 629 p. (In Russ.).

Tartakovskiy, A. G. (1991). *Russkaya memuaristika XVIII — pervoy poloviny XIX v.* [Russian memoiristics of the 18th — first half of the 19th century]. Moskva: Nauka. 288 p. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (1996). Fazy mirovogo arkheosyuzheta kak istoricheskoe yadro slovarya motivov [Phases of the world archaeological plot as the historical core of the vocabulary of motives]. In: *Ot syuzheta k motivu: sbornik nauchnykh trudov* [From plot to motive: collection of scientific papers]. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN. 16—23. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom» tekste russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: on the issue of "Siberian" text of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], *1:* 27—35. (In Russ.).

Исторические науки. Этнография. Этнология
History. Ethnography. Ethnology

Акулина Егоровна Местникова, канд. социол. наук (Якутск)
Александр Александрович Егоров, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Витальевич Кореневский, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Андрей Леонидович Анисимов, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Булат Раднаевич Зориктуев, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Вера Ивановна Федорова, д-р истор. наук (Красноярск)
Вероника Сергеевна Назарова, старший преподаватель (Ростов-на-Дону)
Виктор Викторович Клочков, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Виктор Дмитриевич Бакулов, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону)
Виктория Викторовна Филиппова, канд. истор. наук (Якутск)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Дмитрий Николаевич Белянин, д-р истор. наук (Кемерово)
Ирина Раильевна Третьяк, ассистент (Екатеринбург)
Лилия Иннокентьевна Винокурова, канд. истор. наук (Якутск)
Матвей Федорович Полынов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Наталия Егоровна Захарова, канд. филол. наук (Якутск)
Наталия Ксенофонтовна Данилова, канд. истор. наук (Якутск)
Наталья Дмитриевна Николаева, аспирант (Ростов-на-Дону)
Наталья Юрьевна Власова, д-р экон. наук (Екатеринбург)
Ольга Николаевна Богатырева, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)
Татьяна Леонидовна Кононова, д-р истор. наук (Курск)
Яна Михайловна Санникова, канд. истор. наук (Якутск)

Бакулов В. Д. Политические клубы и пресса в России и Англии в 20—30-е годы XIX века: российское общественное мнение о партии тори / В. Д. Бакулов, А. А. Егоров, В. В. Клочков, В. С. Назарова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 297—314. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314.

Bakulov, V. D., Egorov, A. A., Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2020). Political Clubs and Press in Russia and England in the 20—30s of XIX Century: Russian Public Opinion about the Tory Party. *Nauchnyi dialog, 11:* 297-314. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314. (In Russ.).

УДК 94:328.124(470+410)“1820/1830”+32.019.5(470):329.11(410)“1820/1830”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314

Политические клубы и пресса в России и Англии в 20—30-е годы XIX века: российское общественное мнение о партии тори

© **Бакулов Виктор Дмитриевич (2020),** orcid.org/0000-0004-6103-1600, ResearcherID D-1177-2019, SPIN 8381-3727, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), viktor_bakulov@mail.ru.
© **Егоров Александр Александрович (2020),** orcid.org/0000-0002-4573-3158, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), egorov_1799@mail.ru.
© **Клочков Виктор Викторович (2020),** orcid.org/0000-0003-1850-6096, ResearcherID B-4437-2019, SPIN 6361-9826, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), vicpeel@mail.ru.
© **Назарова Вероника Сергеевна (2020),** orcid.org/0000-0002-2583-121X, SPIN 5033-3231, старший преподаватель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), doord80@mail.ru.

Рассматриваются процессы институционализации таких форм публичной репрезентации в Великобритании и России в первой трети XIX века, как пресса и политические клубы. Исследуется формирование критериев нового типа коммуникации, характерного для клубной культуры: равенство участников, качество аргументации и проблематизация публичной политики применительно к обеим странам. Актуальность исследования видится в проведении сравнительного анализа и определении особенностей становления публичного политического дискурса в России и Великобритании исследуемого периода. Новизна исследования заключается в помещении рассматриваемой в статье проблематики в более широкий исследовательский контекст, а также в использовании методологии критического конвенционализма в процессе анализа роли прессы и политических клубов. Особое внимание уделяется отображению в российской прессе политической ситуации в Великобритании в первой половине 30-х годов XIX века. Представлено авторское видение роли и места прессы в формировании общественного мнения в России по отношению к политике партии тори в 1831—1834 годах. Показано, что представления российского образованного класса о политике тори в этот период были отрывочными и слабо осознанными с точки зрения понимания британских политических реалий.

Подчеркивается, что верность оценки политической ситуации в Великобритании первой половины 30-х годов XIX века в российской прессе вызывает обоснованные сомнения.

Ключевые слова: Великобритания; Россия; тори; консервативная партия; пресса; общественное мнение; политические клубы; Карлтон клуб; Английский клуб; парламентская реформа 1832 года; гражданское общество; просвещенное общество.

1. Введение

В исследованиях по истории Великобритании первой трети XIX столетия, увидевших свет за последние полвека, часто подчеркивается, что именно в этот период, а в особенности — в конце 20-х — начале 30-х годов деятельность политических партий и политический процесс в целом оказались подвержены все большему влиянию общественного мнения, а также прессы и формирующихся в это время политических клубов. В наиболее артикулированном виде этот взгляд был представлен в классической работе А. Аспинолла «Политика и пресса, 1780—1850», составившей целую эпоху в английской историографии проблемы. Именно здесь была впервые представлена стройная концепция, в соответствии с которой первая треть XIX века в Великобритании стала временем, когда сформировался особый способ взаимодействия политической элиты страны и ее общественного мнения, афористически охарактеризованный автором как «government by public opinion» [Aspinall, 1949, p. 205—206]. После появления в конце 80-х годов прошлого века своего рода «ревизионистской школы» в британской историографии характер и способы взаимоотношений политической элиты, партий и прессы с общественным мнением стали оцениваться более осторожно. Однако достигнутый в Англии уровень институционализации таких характерных для нового времени форм репрезентации общественного мнения, как пресса и политические клубы, редко подвергается сомнению. То же самое можно сказать и об объяснительной модели, предложенной указанным выше исследователем, хотя смыслы, вкладываемые сегодня исследователями в некогда предложенную им формулу, становятся все более разнообразными [Хабермас, 2016, с. 122].

Так или иначе, но именно в первой трети XIX века в Великобритании, прежде всего в ходе широкой дискуссии о предоставлении гражданских и политических прав диссентерам и католикам в 1828—1829 годах, а также реформы политического представительства 1832 года, возникают совершенно особые формы и способы репрезентации публичного пространства и соответствующие им институты публичной политики. Кроме того, нельзя не заметить, что само взаимодействие субъектов политического процесса и коммуникация между ними значительно интенсифицируются и усложняются. Такая ситуация становится следствием все возрастающей динамики самих политических отношений, что, в свою очередь, приводило к появлению новых форм и способов взаимодействия их субъектов. В этом смысле

справедливо замечание Ю. Хабермаса, который отметил совершенно особую роль прессы в «новом облике политического и социального порядка» и обратил внимание на возросшую роль прессы и политических клубов в Англии первой трети XIX века [Хабермас, 2016, с. 231].

Однако усложнением форм и способов общественной коммуникации дело не ограничивалось. Принципиально важным было то обстоятельство, что само это усложнение стало катализатором к выработке особых критериев самого акта коммуникации. Немецкий философ показал, что постепенно реальностью стал новый вид дискурса, основанный на равенстве статусов участников, проблематизации правительственной политики, которая раньше не была объектом широкого публичного обсуждения, а также открытой общественной дискуссии. Вопросы, обсуждаемые в ходе последней, отбирались не только потому, что были значимы, но и вследствие доступности информации о них [Хабермас, 2016, с. 95].

Что касается России первой трети XIX века, то там ситуация была иной. Известный российский исследователь И. С. Розенталь в своей примечательной работе, увидевшей свет чуть более десятилетия назад, отметил, что общественное мнение в России указанного периода еще неполноценно и никак не сравнимо с тем, что имело место в Англии. В развитии журнальной и клубной культуры в России тренд к когерентности содержательно-смыслового выражения общественно-политической жизни, все более глубокого проникновения в реальные политические проблемы, — как это происходило в Англии, — непосредственным образом не фиксируется, или, во всяком случае, нуждается в дальнейшем исследовании [Розенталь, 2007, с. 48]. Последнее замечание автора обобщающей работы по истории общественного мнения и клубов в России конца XVIII — начала XX веков, занимающей в отечественной историографии проблемы место, подобное тому, что в британской исторической науке занимает исследование А. Аспиналла, представляется крайне важным.

По мнению отечественного историка, «клубы становились центром влияния на окружающую социальную среду, устанавливая и внушая ей стандарты общественного поведения». Это позволяло «образованному и просвещенному обществу» в определенной степени претендовать на выражение «общественного мнения. Однако сословный принцип делал российские клубы лишь своеобразными и очень редкими островками свободы и самоуправления, к тому же специфично понимаемых с учетом особенностей самого российского общества [Розенталь, 2007, с. 42].

Актуальность сравнительного исследования роли прессы и политических клубов в Великобритании и России первой трети XIX века, а также изучения общественного мнения в России о деятельности одной из ведущих британских политических партий тори (с 1832 года — консерваторов, хотя в обиходной

речи того времени эти названия употреблялись как синонимичные) в качестве весьма показательной иллюстрации специфического восприятия и оценки британских политических реалий в России представляется обусловленной несколькими обстоятельствами. Во-первых, сравнительный анализ места и роли политических клубов в формировании общественного мнения, а также характера взаимоотношений клубов и прессы в Великобритании и России позволяет более рельефно выделить особенности указанных процессов в каждой из стран. Во-вторых, достаточно перспективным оказывается исследование того, насколько использование прессы и апеллирование к общественному мнению стали очевидными средствами мобилизации избирателей и поддержки реализуемого политического курса в Великобритании и насколько адекватно такая практика воспринималась в России. Наконец, обзор материалов российской прессы о политическом процессе в Великобритании и деятельности консервативной партии позволяет определить степень влияния, которую оказывали сведения о политическом противостоянии в Великобритании на общественное мнение в России. Кроме того, появляется возможность оценить адекватность инструментария, применяемого для оценки той информации о политических процессах в туманном Альбионе, которая доходила до российской элиты.

С отмеченной выше актуальностью связана и ключевая проблематика данной статьи. Вопрос заключается здесь не только в том, что сама роль прессы и политических клубов в Великобритании и России первой трети XIX века и степень их влияния на общественное мнение зачастую оценивались неадекватно, без надлежащего учета общественных и политических реалий в каждой из стран. Целью настоящей работы является попытка показать, что именно сравнительное изучение роли политических клубов и прессы в формировании общественного мнения в Великобритании и России первой трети XIX века (учитывая его особенности в каждой из стран) позволяет поместить указанную проблематику в более широкий исследовательский контекст. Это, в свою очередь, даст возможность для более взвешенной оценки исследуемых фактов и обстоятельств, способствуя обретению нового знания в рамках заявленной проблематики.

2. Политические клубы и пресса в Великобритании

Если попросить читателя, сколь-нибудь близко знакомого с литературной классикой, привести наиболее запоминающийся пример британской клубной культуры, то почти наверняка будет упомянут знаменитый Пиквикский клуб. И это не случайно: именно Великобритания по праву считается родиной клубов, первые из которых возникли задолго до описываемых Ч. Диккенсом событий, еще в конце XVI века. После «Славной революции» 1688 года наступает настоящий клубный бум: уже в середине XVIII века

только в Лондоне было до 50 клубов различной направленности, а к началу XIX века в одной только Англии и Уэльсе число клубов подбиралось уже к 7000 [Розенталь, 2007, с. 16—19].

К первой трети XIX века наряду с клубами, подобными Пиквикскому, основной задачей которых было заполнение досуга, стали возникать и клубы интеллектуалов, в которых обилие газетной и журнальной продукции давало пищу к наблюдениям за состоянием общества и способствовало политической рефлексии. Примером такого клуба может быть лондонский «Этениум», описанный в 1824 году (деятельность Пиквикского клуба относится к 1822—1827 годам) редактором журнала «Оригинал» Т. Уолкером следующим образом: «Здание клуба напоминает дворец, и содержится в таком же порядке, как и частный дом. Каждый член клуба — хозяин этого дома, однако без хозяйских забот: он может приходить когда угодно, и… его будут беспрекословно обслуживать. Невозможно представить себе большую степень свободы в образе жизни» [Вайнштейн, 2003, с. 159].

От такого рода заведений оставался лишь один шаг до появления собственно политических клубов, профессиональным занятием членов которых было участие в политической жизни и обсуждение ключевых вопросов политической повестки. Этот шаг был сделан в Великобритании первой половины 30-х годов XIX века главным образом благодаря усилиям лидеров партии тори-консерваторов Р. Пиля и герцога Веллингтона. После отставки кабинета последнего в ноябре 1830 года тори впервые за очень длительный срок переместились на скамьи оппозиции. Это позволило им быстро осознать, что будущее партии зависит не только от выверенной политической стратегии. Нужны были новые механизмы обеспечения единства оппозиции: организационная структура, главным элементом которой станут консервативные клубы в центре и на местах, а также расширение круга и финансирование изданий, освещавших политику тори по ключевым вопросам. В более широком контексте это предполагало выстраивание четкой системы взаимоотношений партии тори с прессой.

Все эти обстоятельства были следствием интенсификации политических отношений в Великобритании конца 20-х — начала 30-х годов XIX века и явного усложнения системы коммуникации субъектов публичной политики. В 1830 году лидеры тори уже вполне осознают необходимость создания партийных ассоциаций [Stewart, 1964, p. 169]. В феврале следующего года принимается решение о приобретении помещения для нужд формирующегося клуба. Уже в марте 1832 года средства были собраны по подписке и был приобретен просторный дом лорда Кенсингтона на Карлтон Террас [PP, f. 372]. По имени этой резиденции центральная партийная организация получила название *Карлтон клуб* [Gash, 1977, p. 393—400]. Следует заметить, что примерно с этого же времени начинает все чаще употребляться новое название партии —

консервативная. Что касается финансового обеспечения деятельности клуба, то вступительный и ежегодный взносы для его членов были определены в размере 10 фунтов стерлингов, а первоначальное число участников составило около 500 человек. К началу парламентской сессии 1832 года количество членов клуба возросло до 800 человек. К 1835 году был создан и ряд консервативных клубов за пределами Лондона, а «Таймс», отмечая новаторство консерваторов в деле организации политических клубов, писала о «быстром распространении» в стране «этих полезных и важных институтов» [Times, 1835, 23 April].

Внимание «Таймс» к консервативным клубам стало свидетельством еще одной важной тенденции — стремления лидеров консервативной партии обеспечить поддержку прессы своим начинаниям. При этом следует понимать, что сделать это было очень сложно хотя бы потому, что даже в Великобритании 30-х годов XIX века отсутствовали представления о политической лояльности прессы к определенной партии. Консерваторы активно пытались оживить партийную прессу, поддерживая ее финансовыми вложениями, но их пресс-фонд еще не был тогда настолько значительным, чтобы эти мероприятия могли принести хоть сколько-нибудь значительный успех [Salmon, 2002, p. 102]. Все ограничилось поддержкой вечерних газет «Стар» и «Морнинг пост», а также еженедельной газеты «Альбион», сбором средств по подписке на содержание поддерживающих консерваторов газет [Dispatches, 1880, p. 500]. Постоянная нужда в средствах была характерной особенностью существования не только Карлтон-Клуба, но и его «пресс-офиса» [Albion, 1834, 22 November].

Стремление консерваторов (пусть и отчасти вынужденное) к созданию системы политических клубов и партийной прессы служит доказательством определенной степени зрелости институтов публичной сферы в Великобритании первой трети XIX века. Однако было бы опрометчиво полагать, что подобная зрелость была обеспечена только стараниями тори. Дело еще и в том, что дискуссии вокруг реформы политического представительства 1832 года не только усложнили и интенсифицировали коммуникацию субъектов публичной политики, но и провоцировали все более широкую апелляцию к общественному мнению. Появились и новые способы коммуникативного воздействия прессы на сам процесс формирования общественного мнения по ключевым вопросам политической повестки. Речь идет о появлении практики публикации не только отчетов о парламентских дебатах, но и выдержек из них в прессе.

В этой практике оказались тесно переплетены два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, постепенно формируется практика публикации официальных отчетов о парламентских дебатах. С другой — складывается традиция широкого освещения деятельности парламента в прессе [Манов, 2014, с. 84]. Это случилось далеко не сразу, поскольку до 1771 года парламентские дебаты не подлежали об-

суждению в прессе [Cobbet, 1816, p. 124]. Только в 1836 году состоялось судебное разбирательство, известное как дело «Стокдейл против Хансардов», имевшее прецедентное значение в процессе установления юридически определенной системы взаимоотношений парламента с прессой. В ходе судебного процесса было установлено, что книгоиздатель У. Стокдейл был упомянут в отчете тюремных инспекторов, рассмотренном палатой общин. Один из этих инспекторов охарактеризовал изданную У. Стокдейлом книгу как неподходящую для тюремного чтения. Тогда У. Стокдейл подал иск против Хансардов как издателей отчета тюремных инспекторов, включенного в документы палаты общин. Хансарды же представили доказательства того, что палата общин приняла постановление, разрешающее публикацию отчета. Однако лорд-верховный судья Дж. Э. Денман оспорил привилегии палаты и высказал мнение, что указание палаты публиковать парламентские отчеты не освобождает издателей подобных отчетов от ответственности по искам о клевете на основании содержания отчетов [Anson, 1922, p. 153].

Таким образом, английский опыт создания политических клубов, коммуникативного воздействия прессы на процесс формирования общественного мнения и апеллирования к нему, а также взаимоотношений парламента с прессой в первой трети XIX века оказывается весьма интересным и противоречивым. С одной стороны, широкое распространение клубной культуры и профессионализация клубов, связанная с появлением организаций, подобных Карлтону, служат неоспоримым доказательством не только достаточной зрелости самой публичной сферы, но и усложнения приемов и способов коммуникации внутри нее. В пользу этого обстоятельства свидетельствует ярко выраженное внимание консерваторов к прессе и признание факта ее значительного влияния на общественное мнение. Все это вместе создает соблазн своего рода «опрокидывания» истории в настоящее в попытке представить английскую публичную сферу и способы репрезентации общественного мнения в ней максимально близкими к тому, что мы видим сегодня.

С другой стороны, очевидно, что максимальная закрытость парламента от публики и сложности, связанные с публикацией парламентских отчетов (равно как и с отражением сути парламентских дебатов в прессе), ставят под сомнение ту тесную связь между парламентским представительством как одним из элементов публичной сферы и открытыми и публичными парламентскими слушаниями. Напротив, создается впечатление, что «элита собравшихся в Вестминстере сановников» вовсе не была заинтересована в том, чтобы «видеть отчетливо публику или своих избирателей» [Hanson, 1967, p. 133]. И это в первой трети XIX века, когда во Франции открытые парламентские слушания и их подробное освещение в прессе давно стали обыденностью. Очевидно, что дело здесь обстоит значительно сложнее. Как представляется, отсутствие публичной открытости парламента имело своей целью его

эмансипацию от королевской власти на основе принадлежащего палате общин комплекса прав и привилегий. В итоге это стало интерпретироваться как средство защиты парламентариев и от шантажа со стороны публики. Палата общин в начале XIX века оберегала свои права и привилегии весьма ревностно, рассматривая парламент как подходящее место для критического анализа действий правительства группировками политической элиты. В этом смысле прямые параллели между палатой общин и политическим клубом в Англии первой трети XIX века вполне очевидны.

3. Политические клубы в России

Если рассматривать публичную сферу и ее ключевые элементы в том виде, как они оформились в исследуемое нами время в России, то следует признать, что здесь и клубная культура, и пресса складывались и развивались в принципиально иной обстановке, нежели в Англии. Эту специфичность следует учитывать при изучении российского общественного мнения и степени его влияния на текущую политическую повестку. Изображенный Ч. Диккенсом Пиквикский клуб (при всей его нарочитой экстравагантности) мог служить художественным подтверждением достаточной зрелости британской клубной культуры, а упомянутый выше клуб «Этениум» фиксировал эту зрелость практически на уровне эмпирического факта. Ничего подобного в России первой трети XIX века еще не появилось. Если продолжить литературные аналогии, то ближайшая — это характерный возглас Чацкого в тот момент, когда главный герой «Горя от ума» узнает о распространяющихся в обществе слухах о своем мнимом сумасшествии: «*Не в смех, а явно в злость, / Все в голос повторяют: Чье это сочиненье! / поверили, глупцы, другим передают, / Старухи вмиг тревогу бьют, / И вот общественное мненье!*».

В свое время именно это восклицание Чацкого с ярко выраженным сочувствием процитировал Пушкин в «Евгении Онегине». Оба великих поэта полагали, что общественного мнения в России второй половины 20-х — начала 30-х годов XIX века просто нет, оно еще не оформилось и уже поэтому неполноценно. Слухи, сплетни, досужие разговоры — все то, что в русском литературном языке объединялось понятием «молва», — ни Грибоедов, ни Пушкин общественным мнением не считали. Однако оба вполне сознавали, что и в современной им России общественное мнение постепенно входит в число показателей состояния не только общества в целом, но и его культуры.

Такое осознание для представителей культурной элиты российского общества первой трети XIX века довольно симптоматично. Если в Великобритании еще со времен Дж. Локка под обществом понималось прежде всего общество гражданское, строго разграниченное с государством и взаимодействующее с ним в рамках традиционного общего права (что и позволяет, собственно, гово-

рить о либеральной модели публичной сферы в этой стране), то в России зачатки такого общества только вызревали. Здесь уже стали говорить об *общественном* мнении, но наряду с этим в качестве синонима часто употреблялся термин *общее мнение* [Розенталь, 2007, с. 5]. Такая подмена понятий симптоматична: культурное единство есть один из основных идеалов эпохи Просвещения, и всеобщность оценки того или иного общественного явления воспринималась как некое идеальное и желательное состояние общества. О разности оценок и принципиальной разобщенности общественного мнения в его европейском понимании в России того времени имелось весьма смутное представление.

При этом следует помнить, что в России первой трети XIX века само общество — не гражданское в европейском смысле этого термина. Это общество образованное («просвещенное», «лучшее»), включающее в себя лишь часть дворянства, интересующегося тем, что мы сегодня назвали бы политической философией, и способное так или иначе рефлексировать по поводу текущей политической повестки. Численность такого «общества» была крайне невелика: после издания Петром III Манифеста о вольности дворянства службу покинули примерно 7,5 тысяч дворян. Не будет преувеличением сказать, что часть из них и составила основу того образованного общества, о котором только и можно говорить в его российском варианте в первой трети XIX века [Фаизова, 1999, с. 107].

В данном контексте не видится случайным то обстоятельство, что местом для досуга и сопровождающей его политической рефлексии просвещенного дворянства в России первой трети XIX века стали клубы, создаваемые по английскому образцу. Такие собрания оказались востребованы частью русского дворянства, которому, по меткому выражению В. О. Ключевского, вдруг «в одно и то же время стало одиноко в обществе и праздно дома» [Ключевский, 1983, с. 83]. Так, Санкт-Петербургский Английский клуб был основан в 1770 году англичанами, которые и в России старались придерживаться образа жизни, характерного для их родины [ОА, 1899, с. 1—6]. Двумя годами позже клуб с аналогичным названием был основан и в Москве. Примечательно, что оба эти клуба формально были всесословными [Завьялова, 2005, с. 93—95].

В 1783 году в Москве возникает и первый собственно дворянский клуб — Благородное дворянское собрание. Об этом клубе мы знаем достаточно много благодаря описанию, оставленному в 1787 году Ф. де Мирандой, будущим лидером войны испанских колоний за независимость и генералиссимусом Венесуэльской республики. Пока же скромный путешественник отметил, что собрание размещалось в «роскошном дворце с огромным парадным залом», располагало отменной кухней и прекрасным винным погребом. От взгляда проницательного наблюдателя не ускользнуло и то, что основным назначением клуба является досуг его членов, с балами и не-

изменными карточными играми. Членство в клубе было фиксированным и сопровождалось уплатой значительного взноса в размере от 10 до 20 рублей [Миранда, 2000, с. 32—33]. Нетрудно заметить, что порядок членства здесь аналогичен консервативному Карлтон клубу.

В 1813 году в Москве был основан и свой Английский клуб, причем, по всей видимости, изначально имела место конкуренция с Благородным дворянским собранием. Дела последнего постепенно приходят в упадок (к середине XIX века этот клуб разорился). Что же касается Английского клуба, то финансовых проблем у него не было. В 1831 году клуб переехал в роскошный дворец графа Разумовского на Тверской, а чистая прибыль клуба за этот год составила 8 тысяч рублей. Общая численность членов московского Английского клуба к этому времени оценивается примерно в 300 человек [Вяземский, 1988, с. 239].

По сравнению с Благородным дворянским собранием Английский клуб в Москве был настолько многочисленным, что перед его членами встала проблема отбора достойнейших из огромного числа желающих попасть в клуб. Принадлежность к дворянскому сословию была обязательным критерием, а вот «просвещенность» кандидатов порой вызывала ожесточенные споры. Здесь следует вспомнить, что проблема допуска в элитарные клубы не была решена и в Великобритании первой трети XIX века. В период интенсивного формирования в стране новой буржуазной элиты на первое место выходило уже не происхождение, а «хороший тон», служащий несомненным признаком джентльмена. Именно это понятие, изначально подразумевавшее безупречную репутацию и хорошие связи, стало в Великобритании определяющим в процессе слияния дворянской и буржуазной элиты в единое целое [Вайнштейн, 2003, с. 157]. В России ничего подобного еще не было, и говорить о «разночинской элите» в каком-либо удовлетворительном контексте применительно к исследуемому времени нельзя.

Таким образом, можно зафиксировать некоторые особенности российской клубной культуры первой трети XIX века. На первое место следует поставить пусть публично не афишируемую, но на практике обычно соблюдаемую сословную замкнутость такого рода заведений. Обращает на себя внимание и обособленное положение столичных Английских клубов с ярко выраженной структурой, оформленным членством и наличием ежегодных взносов. Общая немногочисленность клубов — примерно 20 в Санкт-Петербурге и не более 10 в Москве — была следствием не только количественной ограниченности российского «просвещенного общества», но и слабого развития городской жизни вообще (в России того времени городское население не превышало 7 %). С определенной долей условности можно говорить и о том, что российские клубы, заимствуя в целом формы досуга, характерные для их английских аналогов, оказывали определенное

влияние на стандарты общественного поведения. Однако вопрос о профессионализации российских клубов и о том, насколько их деятельность была связана с обсуждением текущей политической повестки и материалов прессы, до сегодняшнего дня остается слабо изученным.

По всей видимости, невозможно установить, когда именно в российских английских клубах появились «разговорные» комнаты, подобные тем, что были обязательным атрибутом подобных заведений в Великобритании еще с конца XVIII века. Однако точно известно, что уже в 10-е годы XIX века подобные комнаты существовали и именовались *говорильнями*. Сам термин представлял собой вольное переложение английского *parliament* и в ироническом смысле употреблялся лишь отчасти. Скорее имелось в виду иное: свобода высказываний как дворянская привилегия, подразумевающая возможность политической оценки деятельности правительства в узком кругу, отражала и формирующееся у части российского дворянства определенное отношение к английским парламентским учреждениям. Доказательством этого служит неподдельный интерес к событиям в Англии, связанным с реформой политического представительства 1832 года.

При этом следует избегать соблазна проецировать на российские клубы алгоритмы деятельности их английских аналогов. Мы не находим в источниках никаких свидетельств профессионализации российских клубов таким образом, как это происходило в Великобритании: ни один из них так и не стал подобием политического клуба в полном смысле слова так, как это произошло с Карлтон клубом. Более того, известный декабрист Николай Тургенев, бывший членом Санкт-Петербургского Английского клуба в 1817—1818 годах, оставил весьма характерные свидетельства о типичном времяпрепровождении коллег по клубу. Сам Н. Тургенев приходил в клуб обедать и читать газеты, что же касается разговоров между членами клуба, свидетелем которых он был, то он находил их весьма неинтересными. В одном из своих писем брату Сергею он писал о беседах «невинных клубистов» следующее: «Далее Реомюрова термометра и газетных известий (да и то «Северной пчелы») [их разговоры] не простираются. Это даже несносно может быть, когда надобно говорить о чем-нибудь. К тому же и мрак превеликий». Не случайно, что Н. Тургенев называл «клубистов», иногда дающих далекие от реальности оценки различным текущим событиям, «печенегами Английского клоба». Старший брат Н. Тургенева Александр также был настроен скептически в отношении интеллектуальных особенностей членов клуба и полагал, что «Николай убивает много времени в Англинском клобе» [ОА, 1899, с. 253].

Характерно, что Н. Тургенев, известный сторонник введения представительного правления в России, достаточно подробно писал брату Сергею о тех наблюдениях, которыми обогатило его членство в Английском клубе,

оказавших влияние на его размышления о «правлениях представительных»: «Английский клоб доказал мне недавно на опыте, как натурально представительство, и как оно свойственно даже и членам клуба нашего. Дело шло о прибавке цены на обед. Старшины или министры объявили, предложили. Поднялась оппозиция и выбрала своим председателем одного дантиста: он говорил, кричал — точно как и в парламенте — и наконец баллотировали — прибавка утверждена; оппозиция in deroute (разбита), а минестериальные стали пить пунш, кричать ура и дразнить оппозицию. Между тем все обошлось в порядке. Дай только людям средства говорить об их интересах, то всегда они будут говорить дельно». [Завьялова, 2005, с. 40].

Замечания Н. Тургенева интересны в том отношении, что достаточно ярко иллюстрируют не только вторичность общественного мнения в России (даже с поправкой на отмеченные выше особенности этого понятия). Речь идет и о крайне специфическом восприятии и понимании того, что мыслилось отечественному «клубисту» в качестве «парламентских реалий». По-видимому, чтобы увидеть в «Англинском клобе» прообраз парламента, нужно было быть Н. Тургеневым. С позиций же сегодняшнего дня очевидно, что эти два учреждения были столь же схожи друг с другом, как зазеркалье Алисы — с викторианской Англией.

4. Российская пресса о партии тори в 1830—1835 годах

Столь же своеобразным оказывалось в России и представление об английском политическом процессе и деятельности партии тори. И дело здесь не только в том, что сведения обо всем этом в российской прессе были весьма фрагментарными, особенно если сравнить их с отражением, скажем, в британской прессе событий революции 1830 года во Франции. Следует помнить, что английская пресса использовала описание этих событий в обоснование текущей политики, тогда как в России ничего подобного не было [Кузнецова, 2008, с. 274].

Такой же специфичностью отличалась и информация о деятельности британских политических партий, в частности тори, изредка попадавшая на страницы российских газет. Сведения о проигранных тори парламентских выборах 1831 года просочились в российскую прессу из донесений русского посла в Лондоне в 1812—1833 годах Х. А. Ливена [АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 143, лл. 226—227]. Из того же первоисточника российский читатель мог узнать (правда, без особых подробностей) о политическом кризисе 1831 года, связанном с предложением вигов увеличить количество пэров для обеспечения необходимого результата голосования по биллю о реформе парламента 1832 года [АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 143, л. 225]. В подавляющем большинстве прочих случаев источником информации становились прямые

заимствования из французских газет. Освещая события 1832 года, издаваемая Н. Гречем и Ф. Булгариным в Санкт-Петербурге первая частная русская газета «Северная пчела» помещала отрывки из материалов французской «Le Moniteur Universel». [Северная пчела, 1832, 3, 7 и 17 мая]. Среди газет таким же образом поступали и более авторитетные «Московские ведомости» [Московские ведомости, 1832, 11 июня], а среди журналов — «Сын Отечества» [Сын Отечества, 1832, с. 118]. О первом консервативном кабинете Р. Пиля русский читатель мог узнать на страницах все той же «Северной пчелы», но весьма и весьма фрагментарно, без попыток хоть какой-нибудь аналитической оценки этого события [Северная пчела, 1832, 17 сентября; 1834, 12 декабря]. Та же участь постигла в русской прессе маркиза Лондондерри и его неудачную попытку добиться назначения на пост британского посла в Санкт-Петербурге [Clark, 1964, p. 242], хотя здесь основным источником послужил, как представляется ввиду наличия ряда текстуальных совпадений, не слишком известный и популярный среди исследователей сборник речей Р. Пиля от издательства «Roak&Varty» [SRP, p. 133—135].

Таким образом, сведения об английском политическом процессе и деятельности партии тори, попадавшие на страницы российских газет, были крайне фрагментарными. Очевидно, что и влияние этих сведений на общественное мнение в России было минимальным, ограничиваясь не просто «образованным классом», но его наиболее читающей частью. Эта информация могла распространяться в отечественных английских клубах, но не более того. Еще более опрометчиво было бы полагать, что эти сведения, будучи преломленными через российские реалии, получали адекватную оценку [Клочков, 2017, с. 386]. В России можно было составить представление о политическом процессе и деятельности ведущих политических партий в Великобритании конца 20-х — начала 30-х годов XIX века [Борисенко и др., 2008, с. 207]. Однако верность оценки полученных фактов даже в этом случае остается сомнительной [Минаев, 2009, с. 12].

5. Выводы

Таким образом, сравнительный анализ роли прессы и клубной культуры в Великобритании и России первой трети XIX века, а также изучение общественного мнения в России о деятельности консерваторов в качестве иллюстрации специфики восприятия и оценки британских политических реалий в России позволяют заключить, что в обеих странах (хотя и с очень разной степенью определенности) сложились предпосылки для объективизации коммуникативного пространства критически мыслящих людей. В Великобритании превалировала либеральная модель публичной сферы, где ее учреждения были в значительной степени защищены от вторжения со стороны институтов

публичной власти. В России же даже разумная критика (а зачастую и просто рефлексия) по поводу окружающих политических реалий отличалась тем, что публичная дискуссия здесь ограничивалась узким слоем просвещенных интеллектуалов и зачастую отличалась весьма своеобразным восприятием текущей политической ситуации. Характерно и то, что предметом такой дискуссии в России часто становился зарубежный политический дискурс. Происходило так не только в силу очевидной неразвитости собственно российской политической повестки, но и потому, что многие представители российского просвещенного общества имели возможность лично знакомиться с ключевыми вопросами текущей политики в Великобритании, посещая эту страну и наблюдая работу британских политических институтов.

С другой стороны, британский опыт показывает, что само по себе усложнение и интенсификация коммуникации субъектов публичной сферы способны провоцировать все более широкую апелляцию к общественному мнению, равно как и появление новых способов коммуникативного воздействия прессы на процесс формирования общественного мнения по ключевым вопросам политической повестки. Речь идет не только о появлении практики открытой публикации отчетов о заседании палаты общин, но и о размещении выдержек из них в прессе. Однако сложность и развитость этой формы, а в особенности степень ее влияния на процесс принятия значимых политических решений не следует преувеличивать. Общественное мнение могло быть сформировано в политических клубах и даже артикулировано в прессе. Более того, оно могло иметь большое значение и восприниматься в качестве аргумента в политической дискуссии, и до известной степени к нему можно было апеллировать. Но даже в Великобритании первой трети XIX века публичная сфера и ее элементы были лишь фоном, тогда как критический анализ деятельности правительства оставался достоянием политической элиты.

В этом отношении наиболее показательным является именно российский опыт эволюции ключевых элементов публичной сферы, поскольку общественного мнения в общепринятом сегодня значении этого термина в первой трети XIX века в стране не существовало. Не сложились в России и условия, при которых выразителем *общего мнения* (в российском словоупотреблении той эпохи) была бы пресса, а само это мнение стало бы значимым элементом политического дискурса, ввиду крайней ограниченности и специфичности последнего. Критический же анализ деятельности правительства в России, где политического представительства не существовало, а общество продолжало оставаться сословным, был привилегией определенной части элиты. При этом возможность публично высказать свое мнение по ключевым политическим проблемам была фактически ограничена клубной средой. Но и в этом случае очевидно, что такого рода «критицизм» отнюдь не составлял главную особен-

ность клубной культуры в России первой трети XIX века: феномен профессиональных политических клубов оставался здесь неизвестен, он был не понят, а границы дозволенного к обсуждению строго устанавливались свыше. Сама модель коммуникации в публичной сфере в России была пока еще далека от либерального ее образца, сложившегося в Великобритании. Применительно к исследуемому времени можно с определенной долей условности говорить лишь о том, что стали возникать формы такой коммуникации — пресса и политические клубы, — которые при наличии определенных обстоятельств (появления основ гражданского общества и признания правительством прав подданных на самоорганизующиеся политические объединения) могли бы стать основой полноценного дискурса между обществом и государством так, как это (конечно, также с определенной долей условности) уже случилось в Великобритании в первой трети XIX века.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Фонд Канцелярия. Оп. 469. Д. 143.

2. ОА — *Осташковский* архив братьев Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. — Санкт-Петербург, 1899. — Т. 1.

3. *Северная* пчела : газета. — 1832. — 3, 7 и 17 мая.

4. *Сын* Отечества : журнал. — 1832. — № 22.

5. *Albion* : газета. — 1834. — 22 November.

6. PP — *Peel* Papers. British Museum. Additional Manuscripts. — 40279.

7. *The Times*: газета. — 1835. — 23 April.

8. SRP — *Peel R.* Speeches of the Right honorable Sir Robert Peel, Second Baronet, During His Administration 1834—1835 / R. Peel. — Roake and Varty, 1835.

9. Dispatches — *Wellington A.* Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda. — Vol. VIII. — London, 1880.

Литература

1. *Борисенко В. Н.* Политические издания 1830—1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции / В. Н. Борисенко, Ю. И. Кузнецова // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 202—212.

2. *Вайнштейн О.* Храмы вежливости и комфорта : клубная жизнь в Англии XIX в. / О. Вайнштейн // Родина. — 2003. — № 5—6. — С. 156—162.

3. *Вяземский П. А.* Воспоминания. Записные книжки / П. А. Вяземский. — Москва : Литиздат, 1988. — 412 с.

4. *Завьялова Л. В.* Петербургский Английский клуб 1770—1918. Очерки истории / Л. В. Завьялова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 296 с.

5. *Клочков В. В.* Партия тори-консерваторов и «конституционная революция» 1822—1835 гг. в Великобритании / В. В. Клочков. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. — 480 с.

6. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. — Москва : Наука, 1983. — 386 с.

7. *Кузнецова Ю. И.* Реформа или революция: вопросы внутриполитического развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции / Ю. И. Кузнецова // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 270—280.

8. *Манов Ф.* В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / Ф. Манов. — Москва : Канон-Пресс, 2004. — 364 с.

9. *Минаев А. И.* Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII — начало XX вв. : автореф. дис. … д-ра истор. наук : 07.00.03 / А. И. Минаев. — Москва, 2009. — 38 с.

10. *Миранда Ф. де.* Российский дневник = Diario de Rusia / Ф. де Миранда. — Москва — Санкт-Петербург : Наука, 2000. — 342 с.

11. *Розенталь И. С.* «И вот общественное мненье!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. / И. С. Розенталь. — Москва : Новый хронограф, 2007. — 398 с.

12. *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII в. / И. В. Фаизова. — Москва : Зерцало, 1999. — 216 с.

13. *Хабермас Ю.* Структурные изменения публичной сферы / Ю. Хабермас. — Москва : Весь мир, 2016. — 342 с.

14. *Anson W. R.* The law and Custom of the Constitution / W. R. Anson. — Oxford : Oxford University Press, 1922. — Vol. I. — 362 p.

15. *Aspinall A.* Politics and the Press, 1780—1850 / A. Aspinall. — London : Longman, 1949. — 436 p.

16. *Clark G. K.* Peel and the Conservative Party / G. K. Clark. — London : Hodder & Stoughton, 1964. — 392 p.

17. *Cobbet W.* The Parliamentary History of England. From the Norman Conquest to the Year 1803 / W. Cobbet. — London, 1816. — Vol. V. — 412 p.

18. *Gash N.* Politics in the Age of Peel. A Study in the Techniques of Parliamentary Representation, 1830—1850 / N. Gash. — Hassoks : The Harvester Press, 1977. — 388 p.

19. *Hanson L.*Government and the Press, 1695—1763 / L. Hanson. — London : Clarendon P., 1967. — 428 p.

20. *Salmon P.* Electoral Reform at Work. Local Politics and National Parties, 1832—1841 / P. Salmon. — Suffolk : University Press, 2002. — 212 p.

21. *Stewart R.* The Foundation of the Conservative Party, 1830—1867 / R. Stewart. — London : Longman, 1964. — 408 p.

Political Clubs and Press in Russia and England in the 20—30s of XIX Century: Russian Public Opinion about the Tory Party

© Viktor D. Bakulov (2020), orcid.org/0000-0004-6103-1600, ResearcherIDD-1177-2019, SPIN 8381-3727, Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), viktor_bakulov@mail.ru.

© Alexander A. Egorov (2020), orcid.org/0000-0002-4573-3158, Doctor of History, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), egorov_1799@mail.ru.

© Viktor V. Klochkov (2020), orcid.org/0000-0003-1850-6096, ResearcherIDB-4437-2019, SPIN 6361-9826, Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), vicpeel@mail.ru.

© Veronika S. Nazarova (2020), orcid.org/0000-0002-2583-121X, SPIN 5033-3231, Senior Lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), doord80@mail.ru.

The author examines the processes of institutionalization of such forms of public representation in Great Britain and Russia in the first third of the 19th century as the press and political clubs. The formation of criteria for a new type of communication characteristic of club culture is investigated: equality of participants, the quality of argumentation and problematization of public policy in relation to both countries. The relevance of the study is seen in conducting a comparative analysis and determining the features of the formation of public political discourse in Russia and Great Britain during the period under study. The novelty of the research lies in the placement of the problems considered in the article in a broader research context, as well as in the use of the methodology of critical conventionalism in the analysis of the role of the press and political clubs. Particular attention is paid to the presentation in the Russian press of the political situation in Great Britain in the first half of the 30s of the XIX century. The author's vision of the role and place of the press in shaping public opinion in Russia in relation to the policy of the Tory party in 1831—1834 is presented. It is shown that the ideas of the Russian educated class about Tory politics during this period were fragmentary and poorly understood from the point of view of understanding British political realities. It is emphasized that the correctness of the assessment of the political situation in Great Britain in the first half of the 30s of the 19th century raises reasonable doubts in the Russian press.

Key words: Great Britain; Russia; tory; conservative party; press; public opinion; political clubs; Carlton Club; English club; parliamentary reform of 1832; civil society; enlightened society.

Material resources

Albion: newspaper. (1834). 22 November.

AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. Fond Kantselyariya* [Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Foundation Chancery]. (In Russ.).

Dispatches — Wellington, A. (1880). *Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda. VIII*. London.

OA — *Ostashkovskiy arkhiv bratyev Vyazemskikh. Perepiska knyazya P. A. Vyazemskogo s A. I. Turgenevym* [Ostashkovsky archive of the Vyazemsky brothers. Correspondence between Prince P. A. Vyazemsky and A. I. Turgenev]. (1899). Sankt-Peterburg. 1. (In Russ.).

PP — *Peel Papers. Index to the Additional Manuscripts. British Museum.* 40279.

Severnaya pchela [Northern bee]: newspaper. (1832). 3, 7, 17 maya. (In Russ.).

SRP — *Peel, R. (1835). Speeches of the Right honorable Sir Robert Peel, Second Baronet, During His Administration 1834—1835. Roake and Varty.*

Syn Otechestva [Son of the fatherland]: journal. (1832). *22*. (In Russ.).

The Times: newspaper. (1835). 23 April.

References

Anson, W. R. (1922). *The law and Custom of the Constitution*. Oxford: Oxford University Press. 1. 362 p.

Aspinall, A. (1949). *Politics and the Press, 1780—1850.* London: Longman. 436 p.

Borisenko, V. N., Kuznetsova, Yu. I. (2008). Politicheskie izdaniya 1830—1831 gg. O sobytiyakh v Anglii i Iyulskoy revolyutsii vo Frantsii [Political publications 1830—1831. Events in England and the July Revolution in France]. In: *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times of St. Petersburg State University]. 2: 202—212. (In Russ.).

Clark, G. K. (1964). *Peel and the Conservative Party*. London: Hodder & Stoughton. 392 p.

Cobbet, W. (1816). *The Parliamentary History of England. From the Norman Conquest to the Year 1803.* London. *5*. 412 p.

Faizova, I. V. (1999). «Manifest o volnosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII v. [“Manifesto of Liberty” and the service of the nobility in XVIII centuries]. Moskva: Zertsalo. 216 p. (In Russ.).

Gash, N. (1977). *Politics in the Age of Peel. A Study in the Techniques of Parliamentary Representation, 1830—1850.* Hassoks: The Harvester Press. 388 p.

Hanson L. (1967). *Government and the Press, 1695—1763*. London: Clarendon P. 428 p.

Khabermas, Yu. (2016). *Strukturnye izmeneniya publichnoy sfery* [Structural changes in the public sphere]. Moskva: Ves’ mir. 342 p. (In Russ.).

Klochkov, V. V. (2017). *Partiya tori-konservatorov i «konstitutsionnaya revolyutsiya» 1822—1835 gg. v Velikobritanii* [The Tory Conservative Party and the “Constitutional Revolution” of 1822—1835 in Great Britain]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 480 p. (In Russ.).

Klyuchevskiy, V. O. (1983). *Neopublikovannyye proizvedeniya* [Unpublished works]. Moskva: Nauka. 386 p. (In Russ.).

Kuznetsova, Yu. I. (2008). Reforma ili revolyutsiya: voprosy vnutripoliticheskogo razvitiya Anglii i Iyulskaya revolyutsiya 1830 g. vo Frantsii [Reform or Revolution: Questions of the Domestic Political Development of England and the July Revolution of 1830 in France]. In: *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times of St. Petersburg State University]. 2: 270—280. (In Russ.).

Manov, F. (2004). *V teni koroley. Politicheskaya anatomiya demokraticheskogo predstavitelstva* [In the shadow of kings. The political anatomy of democratic representation]. Moskva: Kanon-Press. 364 p. (In Russ.).

Minaev, A. I. (2009). Britanskiy parlamentarizm i ego vliyanie na razvitie gosudarstvenno-pravovykh institutov Rossii. Konets XVIII — nachalo XX vv.: author’s abstract of Doct. Diss. [British parliamentarism and its influence on the development of state and legal institutions in Russia. Late XVIII — early XX centuries, author’s abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 38 p. (In Russ.).

Miranda, F. de. (2000). *Rossiyskiy dnevnik = Diario de Rusia* [Russian diary]. Moskva, Sankt-Peterburg: Nauka. 342 p. (In Russ.).

Rozental, I. S. (2007). *«I vot obshchestvennoye mnenye!». Kluby v istorii rossiyskoy obshchestvennosti. Konets XVIII — nachalo XX vv.* [“And here is the public opinion!” Clubs in the history of the Russian public. End of XVIII — early XX centuries]. Moskva: Novyy khronograf. 398 p. (In Russ.).

Salmon, P. (2002). *Electoral Reform at Work. Local Politics and National Parties, 1832—1841.* Suffolk: University Press. 212 p.

Stewart, R. (1964). *The Foundation of the Conservative Party, 1830—1867*. London: Longman. 408 p.

Vaynshteyn, O. (2003). Khramy vezhlivosti i komforta: klubnaya zhizn’ v Anglii XIX v. [Temples of Courtesy and Comfort. Club Life in 19th Century England]. *Rodina* [Homeland], *5—6:* 156—162. (In Russ.).

Vyazemskiy, P. A. (1988). *Vospominaniya. Zapisnye knizhki* [Memories. Notebooks]. Moskva: Litizdat. 412 p. (In Russ.).

Zaviyalova, L. V. (2005). *Peterburgskiy Angliyskiy klub 1770—1918. Ocherki istorii* [Petersburg English Club 1770—1918. History essays]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 296 p. (In Russ.).

Белянин Д. Н. Медицинская помощь переселенцам во время следования в Сибирь в 1906—1914 годах / Д. Н. Белянин // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 315—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-315-334.

Belyanin, D. N. (2020). Medical Assistance to Migrants on their Way to Siberia in 1906—1914. *Nauchnyi dialog, 11:* 315-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-315-334. (In Russ.).

УДК 94(571)“1906/1914”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-315-334

Медицинская помощь переселенцам во время следования в Сибирь в 1906—1914 годах

© **Белянин Дмитрий Николаевич (2020),** orcid.org/0000-0002-2062-860X, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева» (Кемерово, Россия), bdn73@list.ru.

Рассматривается вопрос о деятельности системы врачебных и фельдшерских путевых переселенческих пунктов в Сибири в период Столыпинской аграрной реформы. Автором выполнен общий обзор историографии вопроса, показывающий его недостаточную изученность и дискуссионный характер. Объект исследования — медицинская помощь крестьянам-переселенцам в 1906—1914 годах. Проанализированы законодательные и нормативные источники по санитарному законодательству России в начале XX века. Сделан вывод, что выработанная государством система мер была призвана препятствовать распространению переселенцами эпидемий в районы аграрной колонизации. Выявлены причины, препятствовавшие эффективной работе этой системы. Доказано, что, несмотря на имевшиеся недостатки, в период Столыпинских переселений государство в целом смогло справиться с оказанием переселенцам медицинской помощи в пути. Автор приходит к выводу о социальном характере медицинской помощи переселенцам. Актуальность работы обусловлена необходимостью использования исторического опыта как в области государственного регулирования миграционных процессов, так и в сфере оказания медицинской помощи в условиях повышенной эпидемиологической опасности. Значение исследований, посвященных данной теме, определяется, во-первых, ростом динамики миграционных процессов в современном мире; во-вторых, актуальностью использования исторического опыта оказания медицинской помощи мигрантам в условиях пандемии.

Ключевые слова: Столыпинские переселения; аграрная колонизация Сибири; медицинская помощь переселенцам; история медицины в России; врачебные пункты; фельдшерские переселенческие пункты.

1. Введение

Проблема крестьянских переселений в период Столыпинских реформ исследуется историками с середины XX века. До настоящего момента историки ввели в научный оборот огромный пласт источников, защитили несколько диссертаций, опубликовали ряд монографий и статей по многим ключевым вопросам темы. В то же время, несмотря на большое количество научных трудов, к началу XXI века проблема Столыпинских переселений далеко не полностью

изучена. Существенным пробелом стало отсутствие работ по некоторым аспектам исследования переселений, которые либо не рассматривались вовсе, либо освещались тенденциозно. К числу таких вопросов относится проблема медицинской помощи переселенцам. Так, в фундаментальном издании «История Сибири» в разделе о крестьянских переселениях в годы Столыпинских реформ про деятельность переселенческих врачебно-продовольственных пунктов не упомянуто совсем [История Сибири, 1968, с. 300—310].

В другом фундаментальном труде — монографии Л. Ф. Склярова — проблема медицинской помощи переселенцам рассматривалась на основе в основном газетной периодики и отчетов ревизора Переселенческого управления П. П. Оленича-Гнененко. Периодика описывала лишь какие-то отдельно взятые казусы в организации переселенческого дела, а не общую картину; отчеты же ревизора содержали лишь перечисление недостатков, поскольку сам смысл ревизии состоял именно в выявлении недостатков. В результате в монографии Склярова вместо обобщенных данных были перечислены отдельные недостатки, имевшие место на некоторых пунктах в определенные годы, а то и месяцы [Скляров, 1962, с. 191—211]. Такие отдельные примеры преподносятся с ярко выраженной эмоциональной оценкой, но не показывают общей картины и не дают оснований для корректного обобщающего вывода. Как верно заметил американский исследователь П. Грегори, существуют ловушки единичных свидетельств, на основе которых опасно делать обобщения [Грегори, 2001, с. 10].

Отмеченные недочеты и пробелы в советской историографии не остались незамеченными российскими историками, и на рубеже XX—XXI веков наметился всплеск интереса к истории оказания медицинской помощи Столыпинским переселенцам. Современными исследователями изучается врачебная помощь новоселам в конкретных районах Азиатской России [Супрунова, 2019, с. 123—140] и на отдельных переселенческих пунктах [Гончарова, 2012, с. 54—55]. Стоит отметить также совместную работу С. Г. Гончаровой и И. В. Егорышевой. Правда, в своей работе они ограничились статистикой врачебной помощи за 1906—1911 годы, что не позволило рассмотреть проблему помощи переселенцам комплексно за весь период Столыпинских переселений [Гончарова и др., 2013, с. 58—60].

Нельзя не отметить диссертацию В. Е. Смирновой, в которой уделено немало места вопросам медицинской помощи переселяющимся [Смирнова, 1998]. Заметный вклад в изучение вопроса врачебной помощи переселенцам внес В. Г. Тюкавкин, который в начале XXI века провел ревизию многих стереотипов и мифологем советской историографии и указал на слабую доказательную базу выводов некоторых советских историков о массовых эпидемиях и смертности среди столыпинских переселенцев [Тюкавкин, 2001,

с. 240—249]. Затрагивался вопрос о медицинской помощи переселенцам в работах А. Ю. Карпинца [Карпинец, 2012, с. 81].

В то же время, несмотря на проделанную современными историками работу, актуальным остается вопрос комплексного анализа медицинской помощи переселенцам в 1906—1914 годах. В настоящей статье мы оставляем за рамками исследования проблему деятельности медицинских переселенческих пунктов в местах постоянного проживания переселенцев и сосредоточиваем внимание только на изучении врачебной помощи переселяющимся по пути в Сибирь.

2. Санитарные и медицинские нормы перевозки переселенцев в 1906—1914 годах

Период массовых крестьянских переселений за Урал совпал со вспышками в России инфекционных болезней: чумы, холеры, тифа. Общий уровень медицины в стране в начале XX века был невысок, и смертность от инфекционных заболеваний была явлением нередким даже в крупных городах. Так, в газете «Барнаульский листок» от 25 апреля 1909 года сообщалось, что даже в Санкт-Петербурге за неделю умерло от чахотки 107 человек и 4 человека от холеры [Русская жизнь .., 1909, с. 2]. Существовала угроза распространения переселяющимися крестьянами эпидемий в восточные районы страны, поэтому в правительстве не могли не придавать особого значения санитарному и врачебному надзору за крестьянами, направляющимися за Урал.

Санитарный надзор за партиями переселенцев был обязателен и прописан во врачебно-санитарном законодательстве России. Он касался передвижения по железным дорогам и по водным путям [Фрейнберг, 1913, с. 662—663]. Врачебно-санитарный надзор и оказание медицинской помощи во время следования переселенцев по железным дорогам возлагались на ведомство железных дорог и его медперсонал. На станциях, где имелись переселенческие пункты, врачебно-санитарный надзор за переселенцами должно было обеспечивать Переселенческое управление [Сборник узаконений ..., 1915, с. 224]. На станциях отправки в Европейской части России переселенцы осматривались медиками. Больные острыми инфекционными болезнями в поезда не допускались, а помещались в ближайшую больницу за счет Переселенческого управления [Правила врачебно ..., 1909, ст. 1582]. С 1908 года на крупных станциях были оборудованы специальные бараки и отделения при больницах для острозаразных больных переселенцев [Всеподданнейший отчет ..., 1911, с. 187].

Для эффективного оказания медицинской помощи законодательно были прописаны особые санитарно-гигиенические нормы. Так, на узловых станциях (Челябинск, Сызрань, Иркутск) производилась пересадка переселенцев для надлежащей очистки вагонов. На станциях Сызрань, Новониколаевск, Ир-

кутск, Маньчжурия и Харбин был обязателен санитарный осмотр подвижного состава переселенческих поездов. До посадки переселенцев вагоны подлежали очистке и тщательной промывке. В пути фельдшеры должны были осматривать переселенческие поезда не менее двух раз в сутки, наблюдать за отоплением вагонов. Если фельдшер обнаруживал больного с неясным диагнозом или нуждающегося в немедленной помощи врача, об этом следовало сообщить ближайшему железнодорожному или переселенческому врачу. Врач в этой ситуации в обязательном порядке должен был лично посетить больного в поезде в любое время суток. В случае обнаружения чумы, холеры, оспы, сибирской язвы, скарлатины, тифа, дифтерии, дизентерии и кори в острой форме больного переселенца следовало немедленно удалить из общего вагона, затем эвакуировать в переселенческую или железнодорожную больницу. Причем вагон, где был обнаружен заболевший, следовало при первой возможности освободить от пассажиров и запломбировать до последующей дезинфекции. В дополнение к общим санитарным правилам были разработаны в 1908 году особые нормы по борьбе с сыпным тифом, холерой и чумой. Эти нормы в 1912 году были дополнены специальными правилами для предупреждения распространения холеры и чумы по железным дорогам, а в 1912—1913 годах отдельными правилами были прописаны меры по предупреждению распространения холеры и чумы по внутренним водным путям [Сборник узаконений ..., 1915, с. 106, 111, 241—242, 247—248, 251—275, 288—300].

Для профилактики простудных заболеваний вагоны на станции посадки больших переселенческих партий надлежало заблаговременно отапливать. С 1 августа до 1 мая переселенцы должны были перевозиться обязательно в отапливаемых теплушках или классных вагонах, а в случае необходимости вагоны следовало отапливать и после 1 мая. В целях врачебно-санитарного надзора за переселенцами на ключевых линиях к составу одного из проходящих в течение суток переселенческих поездов следовало прицеплять по одному санитарному вагону для принятия больных на промежуточных пунктах и транспортировки их в ближайшие больницы. На станциях Полтава, Воронеж, Смоленск, Сызрань и ряде других должны были работать особые медицинские пункты с одним санитарным вагоном и фельдшерским персоналом для осмотра всех проходящих в дневное время переселенческих поездов, приема заболевших в поездах и оказания им медицинской помощи. Хронические больные, выздоравливающие и заболевшие корью переселенцы перевозились отдельно от здоровых, для чего их надлежало помещать в санитарные вагоны или в отдельную теплушку. Питание заболевших переселенцев в санитарных вагонах, как и лечение их, возлагалось на железные дороги, а в дальнейшем компенсировалось из средств Переселенческого управления. На тех же основаниях организовывался врачебно-санитарный

надзор за обратными переселенцами, ехавшими из Сибири [Там же, с. 105—106, 115—117].

Фактически уже с 1908 года по всей линии железной дороги от Пензы до Иркутска был образован ряд медицинских пунктов с санитарными вагонами и необходимым фельдшерским персоналом [Обзор деятельности ..., 1909, с. 174]. Все виды медицинской помощи оказывались переселенцам бесплатно независимо от того, ехали они по проходным свидетельствам или самовольно [Смирнова, 1998, с. 14—15].

Были разработаны и специальные правила по санитарной гигиене для переселенцев [Правила для переселенцев ..., 1909, ст. 1581], а также отдельные санитарные правила для перевозки переселенцев судами по внутренним водным путям Сибири. Эти правила тоже включали нормы санитарной гигиены и оказания медицинской помощи переселенцам на пароходах [Санитарные правила ..., 1911, ст. 735].

Таким образом, в период Столыпинских переселений были разработаны и действовали нормы врачебного и санитарно-гигиенического контроля. Это была продуманная система мер, призванная предотвратить распространение эпидемий и инфекционных болезней вместе с массами переселявшихся за Урал крестьян.

3. Развитие системы путевых врачебных и фельдшерских пунктов в Сибири в 1906—1914 годах

С 1906 года государство возобновило политику массовых крестьянских переселений за Урал. Правительство Столыпина опиралось на опыт переселений, организованных Комитетом Сибирской железной дороги (КСЖД), и к 1906 году имело структуру переселенческих пунктов вдоль основных переселенческих маршрутов и штат сотрудников, обладавших практическим опытом [см.: Белянин, 2019, с. 230—247]. По характеру пункты подразделялись на путевые и поселковые: первые располагались по линии Сибирской железной дороги, вторые — в отдалении от нее. Но поселковые часто строились вдоль сухопутных дорог и совмещали свои функции с функциями путевых. Например, из 22 пунктов в Акмолинской области около 20 были вдоль сухопутных дорог [Массовые аграрные ..., 2010, с. 32—33]. Такие пункты оказывали помощь не только переселенцам и старожилам окрестных селений, но и переселенцам на пути к переселенческим участкам.

Хотя система переселенческих пунктов к 1906 году и существовала, но уже в 1907 году выяснилось, что многие здания на переселенческих пунктах обветшали или требовали капитального ремонта [Сметные предположения …, 1909, л. 103об.]. Кроме того, открытие для колонизации кабинетских земель привело к тому, что ходоки и переселенцы стали направляться в районы, где их раньше либо не было, либо было немного. Один такой мощный

поток переселенцев направлялся в западную часть Барнаульского уезда и проходил через с. Камень. На пристани этого села прибывавшие переселенцы располагались либо по берегу под открытым небом, либо по всему селу. При составлении сметы на 1908 год местные переселенческие структуры попытались учесть опыт 1907 года и заложили в смету суммы на постройку новых бараков, инфекционных больниц на переселенческих пунктах и т. п. Так, на пристани упомянутого с. Камень предполагалось построить врачебный пункт [Смета Томского …, 1907, л. 89об., 92об., 94 об.—95].

Уже с 1907—1908 годов персонал местных переселенческих организаций был вынужден заниматься ремонтом старых и строительством новых зданий на врачебных и фельдшерских пунктах. Рост переселенческого движения в 1907 году привел к увеличению числа больных в больницах и амбулаториях, потребовал сверхсметных расходов на содержание больных, на медикаменты, белье и т. п. [Смета Томского …, 1907, л. 85]. Суточная отправка переселенцев весной 1907 года иногда достигала 11 тыс. человек, и для предупреждения заболеваний среди них был увеличен штат медперсонала на железнодорожных станциях [Современное положение …, 1907, с. 25].

Имевшиеся проблемы не могли быть решены сразу. Развитие системы путевых медицинских пунктов сдерживалось сложностями с финансированием. Многочисленные документы свидетельствуют, что заявленные по сметам переселенческих районов суммы регулярно подвергались сокращению со стороны центральных ведомств и Госдумы. Так, в Томском районе запрошенная по смете сумма на ремонт врачебно-продовольственных пунктов в 1907 году подверглась сокращению на 58 %, в 1908 — на 67, в 1909 — на 51 [Сметные предположения …, 1909, л. 102об., 112]. В результате оборудование на переселенческих пунктах дезинфекционных камер, бань, бараков, больничных помещений было завершено в основном только к 1912 году [Татарникова и др., 2018, с. 151]. Однако в целом на медицинскую помощь переселяющимся были выделены значительные суммы. За 1906—1915 годы на врачебно-продовольственную помощь по всем районам Азиатской России государство выделило 3 342 0000, что составило 15 % от ассигнований на все виды переселенческого дела за этот период [Материалы по земельному …, 1918, с. 4—5]. За счет увеличения ассигнований переселенческие пункты ремонтировались и расширялись. Например, к 1910 году Челябинский пункт представлял собой настоящий городок на 10 десятин, в сутки мог принимать до 10 000 человек [Тюкавкин, 2001, с. 241]. Больничный двор был отделен оградой, обсажен деревьями, состоял из 11 построек, имел отдельные бараки для каждого вида инфекций, аптеки. В дополнение к этому сметой 1910 года планировалось построить дополнительный барак на 500 переселенцев и 2 больничных отделения — для больных тифом и скарлатиной [Челябинский переселенческий …, 1910, с. 4].

Челябинский пункт считался центральным и был «образцово-показательным». Но большая работа была проделана и по реконструкции других пунктов, не считавшихся «показательными». Так, в 1911 году на Барнаульском пункте были отремонтированы больница, дом врача, баня, прачечная, больничная кухня, летний барак и ряд других построек [Акт приемки …, 1911, л. 3, 76—82]. В Томском районе в 1908 году на Каменском врачебном пункте была построена больница [Технический отчет по …, 1908, л. 18], которая в том же году смогла принять 6031, а в 1909 году — 15 260 амбулаторных больных [Смета расходов …, 1910, л. 48—48об.]. В 1908 году на Ново-Кусковском врачебном пункте был достроен барак для инфекционных больных [Технический отчет о …, 1908, л. 1—7]. В 1911 году на Татарском врачебно-переселенческом пункте был проведен капитальный ремонт домов для врача и врачебного персонала, двух теплых бараков для переселенцев, амбулатории-аптеки, больничных бараков № 4 и № 17, новой терапевтической больницы, водогрейки, нового ледника и других строений [Техническая опись …, 1911, л. 38—38об.].

В 1914 году на Татарском и Славгородском переселенческих пунктах для общего благоустройства больничных заведений было решено соорудить специальные оранжереи и теплицы для цветов. Заведующий Томским районом обосновывал это решение необходимостью проложить на врачебных пунктах аллеи, устроить на территории больничных участков парки и сады с клумбами-цветниками, а во внутренних помещениях больниц поставить комнатные растения и цветы. Все это должно было оказывать на больных вспомогательное лечебное действие [Отпуск заведующего …, 1914, л. 8а—8боб.].

4. Деятельность врачебных и фельдшерских путевых переселенческих пунктов в Сибири в 1906—1914 годах

Одна из главных задач врачебно-продовольственных пунктов состояла в препятствии распространению за Урал инфекционных эпидемий. Ключевая роль здесь принадлежала Челябинскому пункту, на котором поезда отводились на отдельную переселенческую ветку, где следовал обязательный для прибывших врачебный смотр, потом — регистрация прибывших и опрос по специально разработанным карточкам. Медперсонал этого пункта в 1912 году состоял из 14 человек, имевших опыт работы на пункте 5—7 лет, а старший врач проработал даже 12 лет. Фельдшерицы, работавшие в поездах, тщательно отбирались, практически все имели стаж работы, специальное образование, многие даже владели двумя специализациями, а при зачислении в штат должны были предоставить рекомендацию. Персонал в весенне-летний период работал круглосуточно, в остальное время года — в две смены. На основе анализа архивных документов В. Е. Смирнова сделала вывод, что в городах, через которые шло интенсивное движение пере-

селенцев и в которых исправно работала медицинская служба (в том числе в Челябинске), число болевших от эпидемий было меньше, чем в других городах [Смирнова, 2000, с. 49—51].

Для более эффективной организации медицинской помощи переселенческие чиновники работали в тесном контакте с местной администрацией городов, расположенных вдоль Сибирской магистрали. Так, в 1907 году из-за угрозы появления холеры в г. Мариинске была образована медицинская комиссия, в состав которой был включен чиновник особых поручений Переселенческого управления В. В. Федосеев. Эта комиссия постановила расширить в Мариинске штат медперсонала и выделить отдельное помещение для холерной больницы [Окс и др., 2012, с. 34]. В Амурском районе, кроме медицинских пунктов переселенческой организации, врачебная помощь переселенцам оказывалась Благовещенской пастеровской станцией, Суражевской железнодорожной больницей и другими учреждениями [Обзор земледельческой ..., 1913, с. 248].

Разумеется, недостатки, связанные с неудовлетворительной организацией врачебной помощи на конкретных пунктах, имели место, это нельзя отрицать. Иногда не выполнялись санитарные нормы. Так, переселенческий агент, сопровождавший партию ходоков из Черниговской губернии на ст. Орел, отметил, что ходокам вместо кипяченой воды предоставили некачественную. Лишь после разговора с помощником начальника станции и одним из жандармских чинов вода в кубе для ходоков оказалась чистой [Деятельность Черниговского ..., 1909, с. 21—23]. Подобные факты были описаны в отечественной историографии советского и постсоветского периодов, см., например: [Тюкавкин, 2001, с. 246]. Развитие инфраструктуры переселенческих пунктов отставало от фактических потребностей, в результате в 1909 году на пути от Челябинска до Омска было только 2 переселенческие больницы — в Челябинске и Омске, а тяжело больных приходилось размещать в земских больницах [Трегубов, 1910, с. 9].

Переселенческие пункты не смогли на 100 % препятствовать распространению инфекций и эпидемий. Причем эффективной деятельности переселенческих пунктов по выявлению больных инфекционными болезнями, как ни парадоксально, препятствовали сами переселенцы. Были факты, когда переселенцы намеренно скрывали больных детей от медперсонала, чтобы не быть оставленными в пунктовых больницах и не задержаться на переселенческих пунктах. Такой случай, например, был отмечен на Сретенском пункте, когда на одной из барж оказался больной оспой, но так как на барже находился фельдшер, больного высадили на берег, а на барже была проведена дезинфекция [Записка старшего …, 1910, л. 386]. В Енисейско-Иркутском районе в 1906 году были отмечены случаи сокрытия переселенцами больных из опасения высадки с поезда. Были примеры, когда больных скарлатиной, едущих в общем

вагоне, удавалось выявить и ссадить с поезда только на втором или третьем пункте после обнаружения болезни, да и то с большим трудом, почти насильно [Сергеев, 1906, с. 111]. Агент Черниговского земства В. П. Косменко-Загорский, наблюдавший, как высаживали целые семьи, в которых обнаруживались больные инфекционными заболеваниями, писал: «Очень жутко видеть такую семью и слышать проклятия своему же ребенку, из-за которого приходится неделями сидеть на месте и с завистью и тоской смотреть, как другие проезжают мимо — в землю обетованную» [Деятельность Черниговского ..., 1910, с. 30].

На наш взгляд, опасность задержки в пути была не единственной причиной, по которой переселенцы не спешили обращаться за врачебной помощью. Среди крестьян имели место предрассудки, недоверие и подозрительность в отношении деятельности медицинских работников. Часто среди крестьян ходили совершенно дикие слухи о работе врачей, и крестьяне шли за медицинской помощью только тогда, когда болезнь совсем мешала работать [Приводится по: Чуркин, 2009, с. 111—112]. Печальным итогом такого отношения является статистика заболеваемости среди переселяющихся: прибывавшие в Благовещенск в 1907 году партии переселенцев имели от 20 до 50 % больных тифом, оспой, скарлатиной и дизентерией [Годовой отчет ..., 1908, с. 37].

Общий уровень санитарной и гигиенической грамотности крестьянства был низким, это снижало эффективность деятельности врачебного персонала переселенческих пунктов по профилактике и ранней диагностике инфекционных заболеваний. Поэтому полностью исключить вероятность распространения инфекций не удалось, болезни проникали в переселенческие поселки, имели место случаи заболеваний холеры и тифа (см., например: [Разгон и др., 2013, с. 105]), и переселенческие врачи были вынуждены реагировать тогда, когда вспышка инфекции приобретала характер эпидемии. Так, в 1908 году в Томской губернии после обнаружения случаев заболевания холерой Обскому пункту были отпущены деньги на приобретение дезинфекционных средств и противохолерной вакцины. В результате в ближайшие к пункту переселенческие поселки эпидемия не распространилась, был отмечен всего один случай заболевания в поселке Тотюшинском сразу четырех переселенцев, из которых трое выздоровели, а общее количество заболевших в губернии составило 121 человек [Докладная записка …, 1908, л. 24об, 62—63]. В 1907 году в Павлограде (Акмолинская область) была зафиксирована вспышка холеры. Благодаря принятым мерам докторов Мартынова и Мошкова эта эпидемия имела локальный характер — количество заболевших составило 21 человек. В 1907 году в поселках Алексеевском, Туполевском, Келлеровском и в г. Кокчетаве также была вспышка холеры. Количество переболевших — 23 человека [Немцов, 1911, с. 10].

П. А. Столыпин в 1910 году во время служебной командировки в Сибирь имел возможность проинспектировать работу врачебно-продовольственных

пунктов в Пензе, Челябинске, Омске, Петропавловске, Новониколаевске и Камне-на-Оби. Без идеализации Столыпин назвал санитарные условия передвижения переселенцев лишь «сносными» [Столыпин и др., 1911, с. 6—7].

Недостатки и просчеты в организации врачебной помощи имели место, это отрицать нельзя. Но при всех недостатках нельзя не сказать об огромном вкладе переселенческих врачей и фельдшеров в дело медицинской помощи переселенцам. Еще с осени 1906 года в Благовещенске и по всем крестьянским селениям области появилась эпидемия оспы, а позднее — скарлатина и дифтерит, поэтому в первые месяцы 1907 года медицинский персонал был занят борьбой с этими болезнями, в том числе путем прививок. В результате к апрелю эпидемиологическая обстановка значительно улучшилась, и процент заболеваемости упал [Годовой отчет ..., 1908, с. 38].

Старалась переселенческая медицина и действовать на опережение в случаях эпидемиологической угрозы. Например, ввиду угрожавшей в 1908 году опасности появления холерной эпидемии на путях следования переселенцев были устроены по линии Сибирской железной дороги специальные холерные бараки, приглашен соответствующий медицинский персонал. Также Переселенческое управление ассигновало из своего кредита средства на организацию противохолерных мероприятий на водных путях в Сибири и в районах водворения согласно предварительно выработанному особым Совещанием плану работ [Обзор деятельности ..., 1909, с. 174—175].

Общее улучшение медицинской помощи переселенцам в период Столыпинской реформы отмечали не только госслужащие в официальных изданиях, но и медицинские работники. Один из них — В. И. Земблинов, авторитетный специалист, врач с большим опытом работы и автор более 50 работ. На XII Пироговском съезде врачей в своем докладе о санитарных условиях перевозки переселенцев по железным дорогам, не скрывая недостатков, он констатировал значительные улучшения в этом деле к 1910 году [Земблинов, 1913, с. 68—73].

5. Заключение

Практическая значимость медицинской помощи переселяющимся была огромной. Медицинская помощь новоселам в пути в целом позволила не допустить массового распространения эпидемий за Уралом. Массовые крестьянские переселения совпали с эпидемией холеры в Европейской части России, и в 1909—1910 годах были обнаружены отдельные случаи заболеваний в переселенческих поездах (по 3 таких случая в 1909 и 1910 годах). Однако развиться эпидемии не дали. В сибирских городах в 1910 году городские холерные бараки были переполнены, но в переселенческих поездах и на врачебно-продовольственных пунктах холерных больных не было [Столыпин и др., 1911, с. 7—8].

Имевшие место отдельные недостатки в деятельности переселенческих пунктов не должны заслонять ту огромную практическую помощь, которую эти пункты оказали ходокам и переселенцам. В 1913 году общее число врачебно-продовольственных пунктов по путям движения переселенцев достигло 62. На этих пунктах за 1906—1915 годы медицинскую помощь амбулаторно получили 169 344 человека, еще 36 199 пролечились стационарно (подсчитано нами по: [Материалы по земельному …, 1918, с. 9, 18—19]). Заметим, что эти данные несколько занижены, так как составлены на основании неполных отчетов. Так, заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии в 1908 году отмечал слабую постановку медико-статистической отчетности и на переселенческих пунктах, и в районном управлении [Сообщение заведующего ..., 1908, л. 58].

Конечно, периодически вспыхивавшие в переселенческих поселках болезни были показателем недостаточно эффективной организации врачебной помощи переселенцам. Если проникновение за Урал эпидемий из Европейской России более-менее эффективно пресекалось медперсоналом переселенческих пунктов по линии Сибирской железной дороги, то с юга такие эпидемии проникали в переселенческие поселки без преград. Так, в Акмолинской области эпидемия оспы обыкновенно заносилась от киргизов, у которых она почти не прекращалась. Среди киргизов были распространены также туберкулез, чесотка, поэтому, находясь в постоянных контактах с переселенцами, киргизы передавали им эти инфекционные болезни [Немцов, 1911, с. 18].

О степени эффективности медицинской помощи переселенцам можно судить по данным смертности среди крестьян по пути в Сибирь. По сведениям Л. Ф. Склярова, в 1910 году по дороге в Сибирь умерло 1743 человека, а в 1909 — 1286 человек [Скляров, 1962, с. 209]. Эти данные Скляров считал преуменьшенными, хотя источник использовал очень серьезный — полицейскую статистику. Полицейские по своим должностным обязанностям должны были фиксировать все случаи смерти людей, не имели никакой заинтересованности скрывать истинную статистику, поэтому в полицейских сводках должны быть данные, максимально близкие к достоверным.

Используя данные монографии Склярова, подсчитаем процент умерших в пути переселенцев. В Сибирь и обратно в 1910 году проследовало 499 895, а в 1909 — 847 370 переселенцев и ходоков (подсчитано нами по: [Турчанинов и др., 1916, с. 72—75]). Сопоставив эти цифры с данными Склярова по количеству умерших, получаем, что смертность среди ходоков и переселенцев в пути составила в 1910 году 0,3 %, а в 1909 — менее 0,2 %. В расчете на 1000 человек ходоков и переселенцев по дороге в Сибирь в 1910 году умерло 3,5, а в 1909 — 1,5 человека. Насколько эти цифры малы, видно из данных средней смертности по стране в целом: в 1906—1910 годах на 1000 человек

населения в 50 губерниях Европейской части России приходилось умерших 29,5 человек, а в Сибири — 32,8 человека [Рашин, 1956, с. 186, 231].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

(1) В период Столыпинских переселений врачебная помощь переселенцам была важнейшим направлением в общем комплексе государственной поддержки переселенцев. Была создана система мер, призванных препятствовать распространению среди переселенцев инфекционных и эпидемиологических заболеваний. Эффективность этих мер отчасти снижалась нежеланием самих переселенцев обращаться за медицинской помощью, незнанием и несоблюдением ими элементарных норм санитарной гигиены. При этом смертность среди переселенцев в пути, как свидетельствуют данные 1909—1910 годов, была низкой.

(2) Политика Столыпинских переселений опиралась на опыт деятельности КСЖД и использовала имевшуюся инфраструктуру врачебных и фельдшерских переселенческих пунктов. Однако масштабы переселений в 1906—1914 годах были намного больше, чем в 1893—1905 годах, поэтому государство проделало громадный объем работы по расширению, ремонту и строительству новых медицинских переселенческих пунктов: инфекционных и терапевтических больниц, аптек, бараков для больных инфекционными болезнями и пр. Наличие недочетов в системе помощи новоселам не должно заслонять положительные результаты той огромной практической работы, которая была проделана правительственными структурами. Медицинская помощь, включая лечение и предоставление медикаментов, переселенцам и ходокам оказывалась бесплатно. Это свидетельствует о ее социальной направленности. В целом можно говорить о том, что государству в 1906—1914 годах удалось справиться с задачей медицинской помощи переселяющимся по пути в Сибирь.

Источники и принятые сокращения

1. *Акт* приемки ремонтных работ на Барнаульском переселенческом пункте от 2 декабря 1911 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 239. Оп. 3. Д. 80.

2. *Всеподданнейший* отчет Государственного контролера за 1909 год. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1911. — 305, II с.

3. *Годовой* отчет по Амурскому переселенческому району за 1907 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1908. — 67, [2] с.

4. *Деятельность* Черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. — Чернигов : Тип. губ. Земства, 1909. — 97, 28 с.

5. *Деятельность Черниговского* губернского земства по переселению за 1909 г. — Чернигов : Тип. губ. Земства, 1910. — 228 с.

6. *Докладная* записка о положении переселенческого дела в Томском районе в 1908 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 759.

7. *Записка* старшего агента Южно-Русской областной земской переселенческой в Амурской области Андрея Николаевича Коссовича по вопросу улучшения условий пере-

возки переселенцев. 1910 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 610.

8. *Материалы* по земельному вопросу в Азиатской России. Выпуск 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. — Петроград : Тип. М. П. Фроловой, 1918. — [2], 41 с.

9. *Обзор* деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1907 и 1908 гг. — Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. — [1], VI, 432 с.

10. *Обзор* земледельческой колонизации Амурской области. — Благовещенск н/Амуре : Типо-литогр. «Благовещенск», 1913. — 423 с.

11. *Отпуск* заведующего землеустройством и переселением в Томском районе в Томскую контрольную палату 15 сентября 1914 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 239. Оп. 2. Д. 65.

12. *Правила* врачебно-санитарного надзора за переселенцами во время их следования по железным дорогам // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1909. Отд. первый. Второе полугодие. — Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1909. — № 157. — Ст. 1582.

13. *Правила* для переселенцев как предохранить себя от заболеваний в пути // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1909. Отд. первый. Второе полугодие. — Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1909. — № 157. — Ст. 1581.

14. *Русская* жизнь (из газет). Не пейте сырой воды // Барнаульский листок : газета. — 1909. — 25 апреля. — С. 2.

15. *Санитарные* правила для судов, перевозящих переселенцев по внутренним водным путям Сибири // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. За первую половину 1911 г. — Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1911. — № 85. — Ст. 735.

16. *Сборник* узаконений и распоряжений по передвижению переселенцев : (По 1 апр. 1914 г.). — Петроград : Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1915. — XXVI, 305 с.

17. *Смета* расходов переселенческого управления на 1911 г. по Томскому району // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 568.

18. *Смета* Томского района на 1908 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 461.

19. *Сметные* предположения по Томскому району на 1910 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 545.

20. *Современное* положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. — Санкт-Петербург : тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. — 96 с.

21. *Сообщение* заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии в Переселенческое управление от 17 июля 1908 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1078. Л. 58.

22. *Столыпин П. А.* Записка председателя совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910. Приложение к Всеподданнейшему докладу / П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1910. — 168 с.

23. *Техническая* опись работ, произведенных по ремонту зданий на Татарском врачебно-переселенческом пункте в 1911 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО).Ф. 239. Оп. 2. Д. 29.

24. *Технический* отчет о работах по достройке инфекционного барака при Ново-Кусковском врачебном пункте в 1908 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО).Ф. 239. Оп. 3. Д. 31.

25. *Технический* отчет по произведенным хозяйственным способом работам по постройке больницы на Каменском врачебном пункте в 1908 г. // Областное государственное казённое учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО). Ф. 239. Оп. 2. Д. 5.

26. *Турчанинов Н.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. / Н. Турчанинов, А. Домрачев. — Петроград : Изд. Переселен. Упр., 1916. — 81 с.

27. *Фрейнберг Н. Г.* Врачебно-санитарное законодательство в России. Изд-е 3, испр. и доп. / Н. Г. Фрейнберг. — Санкт-Петербург : Изд-во «Практическая медицина», 1913. — 1071 с.

28. *Челябинский* переселенческий пункт. — Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. — [1], 8 с.

Литература

1. *Белянин Д. Н.* Деятельность переселенческих пунктов и врачебно-продовольственная помощь переселенцам в Сибири в 1861—1905 годах / Д. Н. Белянин // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 230—247. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-12-230-247.

2. *Гончарова С. Г.* Роль Челябинского переселенческого пункта в медико-санитарном обслуживании переселенцев в конце XIX — начале XX вв. / С. Г. Гончарова // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. — 2012. — № 51. — С. 54—55.

3. *Грегори П.* Экономическая история России : что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста / П. Грегори // Экономическая история России. Ежегодник. — Москва : РОССПЭН, 2001. — С. 7—97.

4. *Егорышева И. В.* Медицинское обеспечение переселения крестьян в Сибирь в ходе Столыпинской реформы / И. В. Егорышева, С. Г. Гончарова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2013. — № 3. — С. 58—60.

5. *Земблинов В. И.* О современном состоянии санитарных условий перевозки переселенцев по железным дорогам / В. И. Земблинов // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Выпуск II. — Санкт-Петербург : Тип. Акц. общ-ва «Слово», 1913. — С. 68—73.

6. *История* Сибири : в 5 т. / Глав. ред. А. П. Окладников. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 3 : Сибирь в эпоху империализма и буржуазно-демократических революций. — 530 с.

7. *Карпинец А. Ю.* К вопросу о реализации и финансового обеспечения процесса перемещения переселенцев в Сибирь в начале XX века (на примере Томской губернии) / А. Ю. Карпинец // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 3 (51). — С. 79—84.

8. *Массовые* аграрные переселения на восток России (конец XIX — середина XX в.) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Д. Д. Миненков, Г. А. Ноздрин. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2010. — 206 с.

9. *Немцов С. Б.* Врачебные и фельдшерские пункты Переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов карточной регистрации за 1906—1910 гг. / С. Б. Немцов. — Омск : Изд. Акмолинского пересел. р-на, 1911. — 23 с.

10. *Окс Е. И.* История санитарного дела в Кузбассе в XIX—XX веках / Е. И. Окс, Ю. С. Чухров, А. Н. Ермолаев. — Кемерово : ООО «Азия-принт», 2012. — 358, [2] с.

11. *Разгон В. Н.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе : переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. — Барнаул : АЗБУКА, 2013. — 348 с.

12. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.) : Статьи. Очерки / А. Г. Рашин ; под ред. акад. С. Г. Струмилина . — Москва : Госстатиздат, 1956. — 352 с.

13. *Сергеев Н. Н.* Переселение в Сибирь в 1906 г. Енисейско-Иркутский район / Н. Н. Сергеев // Вопросы межевания и землеустройства. Книга 9. — Москва : Типо-литогр. В. Рихтер, 1906. — С. 109—116.

14. *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 588 с.

15. *Смирнова В. Е.* Организация перевозки переселенцев в России (1881—1914 гг.) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Е. Смирнова. — Челябинск, 1998. — 17 с.

16. *Смирнова В. Е.* Челябинский переселенческий пункт (конец XIX в. — 1920-е годы) / В. Е. Смирнова // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2000. — № 1 (11). — С. 47—53.

17. *Супрунова Е. П.* Из истории санитарно-гигиенического обеспечения общественного здоровья в г. Владивостоке и Приморской области в условиях модернизации начала XX века / Е. П. Супрунова // Биомедицинская этика : старые проблемы — новые альтернативы сборник статей по материалам «круглого стола» XVI Тихоокеанского медицинского конгресса с международным участием (Владивосток, 18—20 сентября 2019 г.). ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Минздрава России. — Владивосток : ВГУЭС, 2019. — С. 123—140.

18. *Татарникова А. И.* Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX — начале XX в. В санитарно-гигиеническом измерении / А. И. Татарникова, Н. И. Загороднюк // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 437. — С. 148—154. DOI : 10.17223/15617793/437/21

19. *Трегубов А. Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях : Впечатления и заметки члена Гос. думы А. Л. Трегубова по поездке летом 1909 г. / А. Л. Трегубов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1910. — 78 с.

20. *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 303 с.

21. *Чуркин М. К.* Обратные миграции : опыт системного анализа причин дезадаптации переселенцев в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / М. К. Чуркин // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX — начала XX вв. : идентичность и стратегии поведения / под ред. Т. А. Сабуровой. — Омск : Амфора, 2009. — С. 71—112.

Medical Assistance to Migrants on their Way to Siberia in 1906—1914

© Dmitry N. Belyanin (2020), orcid.org/0000-0002-2062-860X, Doctor of History, Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia), bdn73@list.ru.

The issue of the activity of the system of medical and paramedic travel migrant station in Siberia during the Stolypin agrarian reform is considered in the article. The author has made a general review of the historiography of the issue, showing its insufficient study and controversial nature. The object of the research is medical assistance to peasants-migrants in 1906-1914. Legislative and regulatory sources on the sanitary legislation of Russia at the beginning of the XX century are analyzed. It is concluded that the system of measures developed by the state was designed to prevent the spread of epidemics by migrants to areas of agrarian colonization.

The reasons that impeded the effective operation of this system were identified. It is proved that, despite the existing shortcomings, during the period of the Stolypin resettlements, the state as a whole was able to cope with the provision of medical care to the migrants during their travelling. The author comes to the conclusion about the social nature of medical assistance to migrants. The relevance of the work is due to the need to use historical experience both in the field of state regulation of migration processes and in the provision of medical care in conditions of increased epidemiological danger. The importance of research on this topic is determined, firstly, by the growth in the dynamics of migration processes in the modern world; secondly, the relevance of using the historical experience of providing medical care to migrants in a pandemic.

Key words: Stolypin resettlements; agrarian colonization of Siberia; medical assistance to migrants; history of medicine in Russia; medical stations; feldsher resettlement points.

Material resources

Akt priyemki remontnykh rabot na Barnaulskom pereselencheskom punkte ot 2 dekabrya 1911 g. [Act of acceptance of repair works at the Barnaul resettlement point from December 2, 1911]. In: *Oblastnoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (OGKU GATO). F. 239. Op. 3. D. 80* [Regional state state institution State archive of the Tomsk region (OGKU GATO). F. 239. Op. 3. D. 80]. (In Russ.).

Chelyabinskiy pereselencheskiy punkt [Chelyabinsk settlement]. (1910). Sankt-Peterburg: Tip. Yu. N. Erlikh. [1], 8 p. (In Russ.).

Deyatelnost' Chernigovskogo gubernskogo zemstva po pereseleniyu v osenniy sezon 1908 g. [Activity of the Chernihiv provincial Zemstvo on resettlement in the autumn season of 1908]. (1909). Chernigov: Tip. gub. Zemstva. 97, 28 p. (In Russ.).

Deyatelnost' Chernigovskogo gubernskogo zemstva po pereseleniyu za 1909 g [Activity of the Chernihiv provincial Zemstvo on resettlement for 1909]. (1910). Chernigov: Tip. gub. Zemstva. 228 p. (In Russ.).

Dokladnaya zapiska o polozhenii pereselencheskogo dela v Tomskom rayone v 1908 g [Report on the situation of resettlement in the Tomsk region in 1908]. In: *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 759* [Russian state historical archive (RGIA). F. 391. Op. 3.D. 759]. (In Russ.).

Freynberg, N. G. (1913). *Vrachebno-sanitarnoye zakonodatelstvo v Rossii. Izd-e 3, ispr. i dop.* [Medical and sanitary legislation in Russia. Ed-e 3, ISPR. and add.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Prakticheskaya meditsina». 1071 p. (In Russ.).

Godovoy otchet po Amurskomu pereselencheskomu rayonu za 1907 g [Annual report on the Amur resettlement area for 1907]. (1908). Sankt-Peterburg: [b. i.]. 67, [2] p. (In Russ.).

Materialy po zemelnomu voprosu v Aziatskoy Rossii, 6. Itogi pereselencheskogo dela za Uralom s 1906 po 1915 gg. [Materials on the land issue in Asian Russia. Issue 6: Results of the resettlement case beyond the Urals from 1906 to 1915]. (1918). Petrograd: Tip. M. P. Frolovoy. [2], 41 p. (In Russ.).

Obzor deyatelnosti Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya za 1907 i 1908 gg. [Review of the activities of the Main Department of land management and agriculture for 1907 and 1908]. (1909). Sankt-Peterburg: Tip. V. F. Kirshbauma. [1], VI, 432 p. (In Russ.).

Obzor zemledelcheskoy kolonizatsii Amurskoy oblasti [Review of agricultural colonization of the Amur region]. (1913). Blagoveshchensk n/Amure: Tipo-litogr. «Blagoveshchensk». 423 p. (In Russ.).

Otpusk zaveduyushchego zemleustroystvom i pereseleniyem v Tomskom rayone v Tomskuyu kontrolnuyu palatu 15 sentyabrya 1914 g. [Leave of the head of land management and resettlement in the Tomsk region to the Tomsk control chamber on Sep-

tember 15, 1914]. In: *Oblastnoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (OGKU GATO). F. 239. Op. 2. D. 65* [Regional state state institution State archive of the Tomsk region (OGKU GATO). F. 239. Op. 2. D. 65]. (In Russ.).

Pravila dlya pereselentsev kak predokhranit' sebya ot zabolevaniy v puti [The rules for immigrants how to protect themselves from diseases in the way]. (1909). In: *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitelstva, izdavayemoe pri Pravitelstvuyushchem Senate. 1909. Otd. pervyy. Vtoroye polugodiye* [Collection of laws and orders of the Government, issued under The governing Senate. 1909. Otd. the first. Second half], *157:* 1581. Sankt-Peterburg: Senatskaya tip. (In Russ.).

Pravila vrachebno-sanitarnogo nadzora za pereselentsami vo vremya ikh sledovaniya po zheleznym dorogam [Rules of medical and sanitary supervision of immigrants during their journey along the Railways]. (1909). In: *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva, izdavayemoye pri pravitelstvuyushchem Senate. 1909. Otd. pervyy. Vtoroye polugodiye* [Collection of laws and orders of the government, issued under the governing Senate. 1909. Otd. the first. Second half], *157 :* 1582. Sankt-Peterburg: Senatskaya tip. (In Russ.).

Russkaya zhizn' (iz gazet). Ne peyte syroy vody [Russian life (from Newspapers). Dont drink raw water]. (1909). In: *Barnaulskiy listok: gazeta* [Barnaul leaf: newspaper]. 25 aprelya. 2. (In Russ.).

Sanitarnyye pravila dlya sudov, perevozyashchikh pereselentsev po vnutrennim vodnym putyam Sibiri [Sanitary rules for vessels transporting migrants along the internal waterways of Siberia]. (1911). In: *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitelstva, izdavayemoe pri Pravitelstvuyushchem Senate. Za pervuyu polovinu 1911 g.* [Collection of laws and orders of the Government, issued under the Government Senate. For the first half of 1911], *85:* 735. Sankt-Peterburg: Senatskaya tip. (In Russ.).

Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po peredvizheniyu pereselentsev: (Po 1 apr. 1914 g.) [The collection of legalizations and orders for the movement of immigrants: (1 APR. 1914)], *XXVI.* (1915). Petrograd: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z. 305 p. (In Russ.).

Smeta raskhodov pereselencheskogo upravleniya na 1911 g. po Tomskomu rayonu [The estimate of expenses of the resettlement administration for 1911 in the Tomsk region]. In: *Oblastnoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 568* [Regional state state institution State archive of the Tomsk region (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 568]. (In Russ.).

Smeta Tomskogo rayona na 1908 g [Estimate of the Tomsk region for 1908]. In: *Oblastnoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 461* [Regional state state institution State archive of the Tomsk region (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 461]. (In Russ.).

Smetnyye predpolozheniya po Tomskomu rayonu na 1910 g [Estimated assumptions for the Tomsk region for 1910]. In: *Oblastnoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 545* [Regional state state institution State archive of the Tomsk region (OGKU GATO). F. 196. Op. 1. D. 545]. (In Russ.).

Soobshcheniye zaveduyushchego pereseleniyem i zemleustroystvom v Eniseyskoy gubernii v Pereselencheskoe upravlenie ot 17 iyulya 1908 g [Message of the head of resettlement and land management in the Yenisei province to the Resettlement Department of July 17, 1908]. In: *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*

(RGIA). F. 391. Op. 3. D. 1078. L. 58 [Russian state historical archive (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 1078. L. 58]. (In Russ.).

Sovremennoye polozheniye pereselencheskogo dela i yego nuzhdy. Spravka dlya gg. chlenov Gosudarstvennoy Dumy [Current situation of the resettlement business and its needs. Reference for all members of the state Duma]. (1907). Sankt-Peterburg: tip. F. Vaysberga i P. Gershunina. 96 p. (In Russ.).

Stolypin, P. A., Krivoshein, A. V. (1910). *Zapiska predsedatelya soveta ministrov i glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzhe v 1910. Prilozhenie k Vsepoddanneyshemu dokladu* [Note of the Chairman of the Council of Ministers and chief Manager of land management and agriculture on a trip to Siberia and the Volga region in 1910. Appendix to the most Comprehensive report]. Sankt-Peterburg: Tip. A. S. Suvorina. 168 p. (In Russ.).

Tekhnicheskaya opis' rabot, proizvedennykh po remontu zdaniy na Tatarskom vrachebno-pereselencheskom punkte v 1911 g [The technical description of work performed repair of buildings in the Tatar medical-resettlement paragraph in 1911]. *OGKU GATO. F. 239. Op. 2. D. 29* [OGKU GATO. F. 239. Op. 2. D. 29]. (In Russ.).

Tekhnicheskiy otchet o rabotakh po dostroyke infektsionnogo baraka pri Novo-Kuskovskom vrachebnom punkte v 1908 g [Technical report on the completion of the infectious barracks at Novo-Soskovskom medical office in 1908]. *OGKU GATO. F. 239. Op. 3. D. 31* [OGKU GATO. F. 239. Op. 3. D. 31]. (In Russ.).

Tekhnicheskiy otchet po proizvedennym khozyaystvennym sposobom rabotam po postroyke bolnitsy na Kamenskom vrachebnom punkte v 1908 g [Technical report on the work performed by the economic method for the construction of the hospital at the Kamensk medical center in 1908]. *OGKU GATO. F. 239. Op. 2. D. 5* [OGKU GATO. F. 239. Op. 2. D. 5]. (In Russ.).

Turchaninov, N., Domrachev, A. (1916). *Itogi pereselencheskogo dvizheniya za vremya s 1910 po 1914 g* [Results of the migration movement during the period from 1910 to 1914]. Petrograd: Izd. Pereselen. Upr. 81 p. (In Russ.).

Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1909 god [Vsepoddanneyshy report of the State controller for 1909]. (1911). Sankt-Peterburg: Gos. tip. 305, II p. (In Russ.).

Zapiska starshego agenta Yuzhno-Russkoy oblastnoy zemskoy pereselencheskoy v Amurskoy oblasti Andreya Nikolaevicha Kossovicha po voprosu uluchsheniya usloviy perevozki pereselentsev. 1910 g [Note by senior agent of the South Russian regional Zemstvo resettlement service in the Amur region Andrey Kossovich on improving the conditions for transporting migrants. 1910]. In: *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 610* [Russian state historical archive (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 610]. (In Russ.).

References

Belyanin, D. N. (2019). Deyatelnost' pereselencheskikh punktov i vrachebno-prodovolstvennaya pomoshch' pereselentsam v Sibiri v 1861—1905 godakh [Activity of resettlement centers and medical and food aid to migrants in Siberia in 1861—1905]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]*, 12:* 230—247. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-230-247. (In Russ.).

Churkin, M. K. (2009). Obratnyye migratsii: opyt sistemnogo analiza prichin dezadaptatsii pereselentsev v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv [Reverse migrations: experience of system analysis of the causes of disadaptation of mi-

grants in Western Siberia in the second half of the XIX-early XX centuries]. In: *Sibirskoye obshchestvo v usloviyakh transformatsiy kontsa XIX — nachala XX vv.: identichnost' i strategii povedeniya* [Siberian society in the conditions of transformations of the late XIX-early XX centuries: identity and strategies of behavior]. Omsk: Amfora. 71—112. (In Russ.).

Egorysheva, I. V., Goncharova, S. G. (2013). Meditsinskoye obespecheniye pereseleniya krestyan v Sibir' v khode Stolypinskoy reformy [Medical support for the resettlement of peasants in Siberia during the Stolypin reform]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care, and medical history]*, 3:* 58—60. (In Russ.).

Goncharova, S. G. (2012). *Rol' Chelyabinskogo pereselencheskogo punkta v mediko-sanitarnom obsluzhivanii pereselentsev v kontse XIX — nachale XX vv.* [The Role of the Chelyabinsk resettlement point in the medical and sanitary services of migrants in the late XIX-early XX centuries]. *Rossiyskaya akademiya meditsinskikh nauk. Byulleten' Natsionalnogo nauchno-issledovatelskogo instituta obshchestvennogo zdorovya* [Russian Academy of medical Sciences. Bulletin of the National research Institute of public health]*, 51:* 54—55. (In Russ.).

Gregori, P. (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii: chto my o ney znayem i chego ne znayem. Otsenka ekonomista [Economic history of Russia: what we know and dont know about it. Economists assessment]. In: *Ekonomicheskaya istoriya Rossii. Yezhegodnik* [Economic history of Russia. Yearbook]. Moskva: ROSSPEN. 7—97. (In Russ.).

Istoriya Sibiri [History of Siberi]*, 5 (3)*. (1968). Leningrad: Nauka. Sibir' v epokhu imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsiy. 530 p. (In Russ.).

Karpinets, A. Yu. (2012). K voprosu o realizatsii i finansovogo obespecheniya protsessa peremeshcheniya pereselentsev v Sibir' v nachale XX veka (na primere Tomskoy gubernii) [On the issue of implementation and financial support of the process of moving migrants to Siberia in the early XX century (on the example of the Tomsk province)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo state University]*, 3 (51):* 79—84. (In Russ.).

Massovyye agrarnyye pereseleniya na vostok Rossii (konets XIX — seredina XX v.) [Mass agrarian migrations to the East of Russia (late XIX — mid XX century)]. (2010). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. 206 p. (In Russ.).

Nemtsov, S. B. (1911). *Vrachebnyye i feldsherskiye punkty Pereselencheskoy organizatsii Akmolinskogo rayona i zabolevayemost' naseleniya v rayone punktov kartochnoy registratsii za 1906—1910 gg.* [Medical and paramedic centers of the Resettlement organization of the Akmola region and the incidence of the population in the area of card registration points for 1906—1910]. Omsk: Izd. Akmolinskogo peresel. r-na. 23 p. (In Russ.).

Oks, E. I., Chukhrov, Yu. S., Ermolayev, A. N. (2012). *Istoriya sanitarnogo dela v Kuzbasse v XIX—XX vekakh* [History of sanitary Affairs in Kuzbass in the XIX—XX centuries]. Kemerovo: OOO «Aziya-print». 358, [2] p. (In Russ.).

Rashin, A. G. (1956). *Naseleniye Rossii za 100 let (1811—1913 gg.): Stat. Ocherki* [Population of Russia for 100 years (1811—1913): Stat. Essays]. Moskva: Gosstatizdat. 352 p. (In Russ.).

Razgon, V. N., Khramkov, A. A., Pozharskaya, K. A. (2013). *Stolypinskiye migranty v Altayskom okruge: pereseleniye, zemleobespecheniye, khozyaystvennaya i sotsiokulturnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai district: resettlement, land support, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: AZBUKA. 348 p. (In Russ.).

Sergeyev, N. N. (1906). Pereseleniye v Sibir' v 1906 g. Eniseysko-Irkutskiy rayon [Migration to Siberia in 1906. Yenisei Irkutsk district]. *Voprosy mezhevaniya i zemleustroystva* [Issues of land surveying and land management], *9*. Moskva: Tipo-litogr. V. Rikhter. 109—116. (In Russ.).

Sklyarov, L. F. (1962). *Pereseleniye i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. 588 p. (In Russ.).

Smirnova, V. E. (1998). *Organizatsiya perevozki pereselentsev v Rossii (1881—1914 gg.).* Author's abstract of PhD Diss. [Organization of transportation of immigrants in Russia (1881—1914). Author's abstract of PhD Diss.]. Chelyabinsk. 17 p. (In Russ.).

Smirnova, V. E. (2000). Chelyabinskiy pereselencheskiy punkt (konets XIX v. — 1920-e gody) [Chelyabinsk settlement (late XIX century-1920s)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical Sciences and archeology]*, 1 (11):* 47—53. (In Russ.).

Suprunova, E. P. (2019). Iz istorii sanitarno-gigienicheskogo obespecheniya obshchestvennogo zdorovya v g. Vladivostoke i Primorskoy oblasti v usloviyakh modernizatsii nachala XX veka [From the history of sanitary and hygienic provision of public health in Vladivostok and the Primorye region in the conditions of modernization of the beginning of the XX century]. In: *Biomeditsinskaya etika: staryye problem — novyye alternativy sbornik statey po materialam «kruglogo stola» XVI Tikhookeanskogo meditsinskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem (Vladivostok, 18—20 sentyabrya 2019 g.). FGBOU VO «Tikhookeanskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet» Minzdrava Rossii* [Biomedical ethics: old problems — new alternatives collection of articles based on the materials of the round table of the XVI Pacific medical Congress with international participation (Vladivostok, September 18—20, 2019)]. Vladivostok: VGUES. 123—140. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2018). Massovoye pereseleniye krestyan v Zapadnuyu Sibir' v kontse XIX — nachale XX v. V sanitarno-gigiyenicheskom izmerenii [Mass migration of peasants to Western Siberia in the late XIX — early XX centuries. In the sanitary and hygienic dimension]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], *437:* 148—154. DOI: 10.17223/15617793/437/21(In Russ.).

Tregubov, A. L. (1910). *Pereselencheskoye delo v Semipalatinskoy i Semirechenskoy oblastyakh: Vpechatleniya i zametki chlena Gos. dumy A. L. Tregubova po poyezdke letom 1909 g* [Resettlement business in Semipalatinsk and Semirechensk regions: Impressions and notes of a member of the state Duma A. L. Tregubov on a trip in the summer of 1909]. Sankt-Peterburg: [b. i.]. 78 p. (In Russ.).

Tyukavkin, V. G. (2001). *Velikorusskoye krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 303 p. (In Russ.).

Zemblinov, V. I. (1913). O sovremennom sostoyanii sanitarnykh usloviy perevozki pereselentsev po zheleznym dorogam [On the current state of sanitary conditions for transportation of migrants by rail]. In: *Dvenadtsatyy Pirogovskiy syezd. Peterburg, 29 maya — 5 iyunya 1913 g* [The twelfth Congress of the Pirogov. St. Petersburg, may 29-June 5, 1913]*, II.* Sankt-Peterburg: Tip. Akts. obshch-va «Slovo». 68—73. (In Russ.).

Богатырева О. Н. Защита прав беженцев в Латинской Америке: эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984—2014) / О. Н. Богатырева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 335—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361.

Bogatyreva, O. N. (2020). Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984—2014). *Nauchnyi dialog, 11:* 335-361. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361. (In Russ.).

УДК 94:341.43(8=6)“1984/2014”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361

Защита прав беженцев в Латинской Америке: эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984—2014)[1]

© **Богатырева Ольга Николаевна (2020),** orcid.org/0000-0002-9451-4285, Scopus Author ID 57103451900, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), olgabogat.100@gmail.com.

Рассматриваются механизмы регионального сотрудничества стран Латинской Америки и Карибского бассейна по развитию системы приема беженцев и защиты их прав на протяжении 1984—2014 годов. Уделяется внимание региональным традициям, отмечается дуализм моделей убежища в Латинской Америке. Затрагиваются вопросы правового регулирования института убежища в региональных документах. Установлено, что эволюция системы приема беженцев в регионе происходила в рамках сближения международного права, регулирующего вопросы о правах человека, международного гуманитарного права и международного права беженцев. Показано, что совершенствование института убежища не ограничивалось инструментами классической дипломатии. Сообщается, что усилиями неправительственных организаций, академических кругов и официальной дипломатии в ходе переговорной деятельности на регулярных региональных форумах была создана общая система разделения солидарной ответственности за защиту беженцев в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Автор определяет это сотрудничество как многостороннюю гуманитарную дипломатию, направленную на защиту лиц, перемещенных в результате вооруженных конфликтов и массового насилия в регионе, преимущественно в Центральной Америке. Выделены основные вехи развития региональной гуманитарной дипломатии, связанные с установлением принципов и стандартов разрешения кризисных ситуаций с беженцами.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия; беженцы; убежище; политическое убежище; права человека; Латинская Америка; миграция; Картахенская декларация.

1. Введение

В 1980-е годы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна[2] был запущен механизм гуманитарного сотрудничества по совершенство-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

2 В соответствии со сложившейся международной практикой географические рамки настоящей работы включают 33 независимых государства Латинской Америки и Карибского бассейна.

ванию регионального института убежища и развитию системы приема беженцев. Усилиями представителей гражданского общества, неправительственных организаций (далее — НПО), научного сообщества, Управления Верховного комиссара ООН по правам беженцев (далее — УВКБ) и правительств была создана общая система разделения ответственности за защиту беженцев в Латинской Америке и Карибском бассейне.

Конференции, коллоквиумы и консультации, на которых обсуждались возможные пути разрешения гуманитарных кризисов, вызванных массовыми потоками беженцев, являлись первыми шагами к принятию региональных нормативных актов и программ и к разработке единой системы предоставления убежища и защиты прав беженцев [Cantor et al., 2013, p. 690]. Так, основополагающая Картахенская декларация о беженцах 1984 года была разработана на коллоквиуме группой правительственных и научных экспертов из стран Центральной Америки (Гватемала, Белиз, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика) и стран, представляющих Контадорскую группу (Мексика, Панама, Колумбия, Венесуэла) [Cartagena Declaration …].

Сотрудничество представителей официальной дипломатии с негосударственными акторами носило ярко выраженный гуманитарный характер. Вооруженные конфликты, политическая нестабильность, организованная преступность, применение насилия в Центральной Америке, провоцирующие массовое перемещение, серьезные экономические и социальные проблемы в странах, в которые устремлялись беженцы, потребовали от правительств решения гуманитарных задач: облегчить страдания человека в условиях вооруженного конфликта и гарантировать беженцам права, обеспечивающие выживание, а именно: на жизнь, питание, кров, трудоустройство, образование для детей, неотложную медицинскую помощь. В литературе неоднократно подчеркивалась концептуальная связь между международным правом прав человека (далее — МППЧ), международным гуманитарным правом (далее — МГП) и международным правом беженцев (далее — МПБ). По выражению Р. Бретта и Э. Лестера, такой «гуманитарный интернационал» возник из-за необходимости обеспечивать защиту беженцев и других лиц, перемещенных в связи с насилием и вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера [Brett et al., 2001, p. 713—726)].

Представляется, что сотрудничество латиноамериканских государств, УВКБ, НПО и научного сообщества можно определить как многостороннюю гуманитарную дипломатию, направленную на защиту прав беженцев и перемещенных лиц. Большинство авторов определяют гуманитарную дипломатию как переговорную деятельность, осуществляемую государственными и негосударственными акторами с целью вмешаться в ситуации, в которых человечество находится в опасности [Rousseau, 2020, p. 254]. Таким обра-

зом, гуманитарная дипломатия касается создания партнерств, необходимых для достижения гуманитарных целей, основанных на принципах гуманности, беспристрастности, нейтральности и независимости: предоставления помощи, спасения жизней, облегчения страданий, защиты человеческого достоинства во время и после чрезвычайных ситуаций.

В настоящей работе будут рассмотрены основные этапы многосторонней гуманитарной дипломатии в Латинской Америке и странах Карибского бассейна в 1984—2014 годах. В зарубежном научном дискурсе различные аспекты региональной системы приема беженцев в Латинской Америке подробно изучали Д. Кантор, Ст. Боричелло, Т. Харли, Л. Джубилут [Cantor, 2013, 2014, 2016; Barichello, 2015; Harley, 2014; Jubilut, 2011]. Российские ученые в своих исследованиях обращались к вопросам периодизации миграционных потоков в страны Латинской Америки [Кудеярова, 2017, 2020], уделяя внимание миграционным кризисам в латиноамериканских субрегионах и в отдельных странах [Громогласова, 2017: Кудеярова и др., 2020]. Э. Агрба осветила процесс принятия Картахенской декларации и ее роль в обеспечении правового статуса беженцев в Латинской Америке [Агрба, 2015]. Однако процесс регионального сотрудничества по защите прав беженцев, начатый после принятия в 1984 году Картахенской декларации, специально не рассматривался в работах российских исследователей, что предопределяет новизну настоящего исследования.

Исследование основано на концепциях трековой или экспертной дипломатии Дж. Монтвилла [Montville, 1991] и многосторонней и многонаправленной дипломатии [Mapendere, 2005; Multi-Track Diplomacy, 1996], которые выросли из наблюдения, что частные лица в ходе неофициальных встреч могут найти свой путь к общей позиции, что не всегда возможно в официальных переговорах. Многосторонняя дипломатия, обладающая мощным потенциалом для выработки новых идей, обеспечила тесное региональное сотрудничество в Латинской Америке. Можно выдвинуть предположение, что привлечение «внештатной» дипломатии способствовало преодолению либо смягчению гуманитарных кризисов, вызванных вооруженными и социально-политическими конфликтами в Латинской Америке.

Тема защиты прав мигрантов неоднократно поднималась и на таких форумах классической дипломатии, как Иберо-Американские саммиты. Начиная с первой встречи в Гвадалахаре (Мексика) в 1991 году, права человека провозглашались основными ценностями и отличительными чертами Иберо-Американского сообщества. Однако саммиты не ограничивались общей формулировкой, а развивали и конкретизировали различные аспекты прав человека [Arenal, 2013, p. 149]. Так, в Монтевидео (Уругвай) на XVI саммите, посвященном вопросам миграции и развития, было принято специальное коммюнике по беженцам, в котором гарантировались их права, а также

подчеркивалось, что управление миграционными потоками не должно ограничивать доступ беженцев к международной защите [Comunicado …]. Признавалось, что тема миграции должна быть составной частью постоянной Иберо-Американской социальной повестки дня, а защита беженцев и управление миграцией, несмотря на их различный характер, являются взаимодополняющими видами деятельности. Отметим, что на саммитах поднимался вопрос о включении в работу представителей парламентов и гражданского общества для повышения эффективности и легитимности мероприятий [Maihord, 2009, p. 62]. Так, в Пириаполисской Декларации по миграции 2006 года говорилось о необходимости демократизации всех официальных международных и многосторонних дискуссионных форумов и обязательств, а также содействия эффективному участию гражданского общества в принятии решений [Declaración …].

2. Региональные традиции института убежища в Латинской Америке

Защита лиц, подвергающихся преследованиям, действует в Латинской Америке с XIX века и имеет важную особенность: право на убежище здесь поддерживается двумя разными, но взаимодополняющими институтами. Первоначально в регионе был разработан уникальный правовой статус, который применялся к так называемым политическим просителям убежища. В связи с этим возникли концептуальные трудности и терминологическая путаница с понятиями *asilo* — *refugio* [Barichello, 2015, p. 150—155].

Термин *asilo* с XIX века ассоциировался с просителями политического убежища, чей правовой статус основывается на региональных соглашениях, хронологически предшествующих подписанию Женевской Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года. Политическое убежище в Латинской Америке было кодифицировано в таких региональных договорах, как Договор Монтевидео 1889 года об уголовном праве, в котором содержалось самое первое в международном праве положение об убежище [Tratado ..., ar. 16]; Гаванская конвенция об убежище 1928 года; Конвенция о политическом убежище 1933 года; Соглашение о политическом убежище 1939 года и Каракасская конвенция о дипломатическом убежище 1954 года. Согласно этим нормативным актам, просителем политического убежища является лицо, которое в соответствии с квалификацией запрашиваемого государства подвергается преследованию за политические преступления или за общеуголовные преступления, совершенные с политической целью. Кроме того, защита может испрашиваться в дипломатических представительствах и иметь форму дипломатического убежища, которое относится к традиции стран Латинской Америки и предусматривает предоставление убежища лицам, скрывающимся от правосудия, в иностранных посольствах. Поскольку эти лица не пере-

секают границ государства своего гражданства, то они, в соответствии с положениями Конвенции 1951 года, не могут рассматриваться как беженцы, получающие территориальное убежище.

Термин *refugio* означает правовой статус беженца и ассоциируется с нормами Женевской Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года: согласно этому документу, беженцем является лицо, в отношении которого имеются «вполне обоснованные опасения», что оно будет подвергнуто преследованию «по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений» [Конвенция о статусе …]. Отметим, что, согласно УВКБ, убежище — это предоставление государством защиты на своей территории гражданам других государств, которые бегут под страхом преследования или серьезной опасности. Лицо, которому предоставляется убежище, превращается в беженца.

В Латинской Америке территориальное убежище регулируется Американской декларацией прав и обязанностей человека 1948 года и Конвенцией о территориальном убежище 1954 года. Так, в статье 27 Американской декларации прав и обязанностей человека указано, что «каждый человек имеет право в случае преследования, не являющегося результатом обычных преступлений, искать и получать убежище на иностранной территории в соответствии с законодательством каждой страны и международными соглашениями» [American Declaration …].

Объясняя причину возникновения дуализма двух моделей, исследователи указывают на исторический контекст, в котором создавались нормы, связанные с убежищем. Политическая нестабильность и широко распространенная практика применения насилия в отношении политических диссидентов обусловили формирование системы политического убежища, закрепленной в нормативных актах, принятых в XIX — первой половине XX веков. Однако региональные традиции предоставления убежища не базировались на нормах прав человека, поскольку МППЧ как отрасль международного права сложилась только во второй половине XX века. Кроме того, первоначально потоки беженцев не носили массовый характер, они значительно отличались от современных беженцев, относящихся к наиболее уязвимым слоям населения, которые нуждаются в поддержке со стороны принимающего государства. Латиноамериканские соискатели убежища первой половины XX века состояли из представителей интеллигенции и обеспеченных слоев общества, не являющихся «ношей для принимающего государства» [San Juan, 2004, p. 28]. Д. Кантор подчеркнул, что наследие давней традиции предоставления политического убежища заключалось в акценте на суверенном усмотрении государства, а не на юридических обязательствах или ответственности при реагировании правительств латиноамериканских стран на прибытие беженцев [Cantor, 2018].

Таким образом, Латинская Америка задолго до принятия Конвенции 1951 года имела кодифицированный институт убежища, который до середины XX века формировался в рамках классического международного права, создавая «обязательства между государствами региона, но не создавая прав для индивида» [Murillo, 2011]. Инкорпорирование норм МППЧ и МГП в межамериканский институт убежища связано с разработкой и принятием Картахенской декларации 1984 года.

3. Картахенская декларация и формирование инструментов региональной дипломатии

События в странах Латинской Америки во второй половине XX века изменили качественный и количественный состав беженцев в регионе. В результате революции на Кубе в регионе появились массовые потоки беженцев, нуждающиеся в защите и участии со стороны государства. Установление в 1970-е годы авторитарных режимов в Бразилии, Аргентине и Чили, а также события в Центральной Америке в 1980-е годы: гражданские войны в Гватемале и Сальвадоре, революция в Никарагуа — ещё больше усилили нагрузку на традиционный режим убежища, основанный на предоставлении убежища политическим и экономическим элитам, подвергающимся преследованию из-за политических взглядов.

Развитие и диверсификация конфликтов в Центральной Америке привели к массовому исходу людей, которые в результате насилия бежали в соседние страны искать защиты и помощи. Беспрецедентная ситуация с перемещением населения представляла серьезную проблему и стала вызовом прежде всего универсальной защите прав беженцев. Это связано с тем, что в Конвенции 1951 года даётся узкая трактовка понятия «беженец», не учитывающая такие глобальные и региональные вызовы, как вооруженные конфликты, массовые нарушения прав человека, насилие, терроризм, организованную преступность, Стало очевидно, что определение, данное в Конвенции 1951 года, не может быть легко применимо к жертвам новых чрезвычайных ситуаций, имеющих столь же обоснованную потребность в международной гуманитарной защите. Впервые это проявилось на Африканском континенте в период деколонизации, когда в 1960-е годы государства-члены Организации Африканского единства (ОАЕ) при разработке проекта конвенции, регулирующей проблемы беженцев, постарались учесть реалии Африки в период насильственной борьбы за самоопределение и национальное развитие» [Arboleda, 2001]. В результате в Конвенции 1969 года содержится положение о том, что термин «“беженец” применяется к лицу, которое вынуждено покинуть свое обычное место жительства для того, чтобы искать убежище <…> в результате внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок» [Конвенция 1969 года …].

В Латинской Америке также возникла необходимость расширения понятия «беженец», которая в дальнейшем привела к формированию современного режима защиты прав беженцев в регионе, основанного на сочетании существующих универсальных норм и региональных традиций предоставления убежища.

В связи с центральноамериканским кризисом в мае 1981 года при Министерстве иностранных дел Мексики был открыт Институт дипломатических исследований. При его участии в Картахене-де-Индиас в Колумбии был проведен академический коллоквиум, в котором приняли участие представители латиноамериканских правительств и организаций гражданского общества. Форум был организован УВКБ ООН, правительством Колумбии, университетом Картахены-де-Индиас и региональным Центром исследований стран третьего мира и проводился для изучения недостатков в международном праве беженцев и для решения неотложных проблем беженцев. В одном из заключений коллоквиума говорилось о необходимости распространить защиту на всех лиц, которые покидают свою страну по причине агрессии, оккупации, иностранного господства, массовых нарушений прав человека и других событий, серьезно меняющих общественный порядок [El coloquio sobre …]. Межамериканская комиссия по правам человека (далее — МКПЧ) в своем ежегодном докладе за 1981 год также обратила внимание Генеральной Ассамблеи ОАГ на то, что лица, покидающие свои страны из-за того, что «их жизни угрожают насилие, агрессия, иностранная оккупация, массовые нарушения прав человека и другие обстоятельства, разрушающие общественный порядок», не имеют внутренних средств правовой защиты [Informe annual …]. Эта обращение было вновь изложено на Генеральной Ассамблее ОАГ в докладе МКПЧ за 1982—1983 годы. В докладах МКПЧ подчеркивалось количественное и качественное изменение состава лиц, обращающихся за политическим убежищем: «это большие группы людей в подавляющем большинстве без финансовых ресурсов, без образования и работы», с обоснованным страхом из-за условий широко распространенного насилия [Informe annual …; Annual report …]. Комиссия, отметив необходимость изменения давней традиции предоставления политического убежища, обратилась к членам ОАГ с призывом «принять меры по облегчению положения сотен тысяч латиноамериканских беженцев», вынужденных покинуть свои дома и оставшихся без защиты «любого правительства» [Ibid.]. При этом большинство из них пострадали от нарушения основных прав человека — как в условиях проживания в своих странах, так и в процессе поиска безопасного убежища [Ibid.].

С учетом рекомендаций Мексиканского коллоквиума 19—22 ноября 1984 года в ответ на гуманитарный кризис в Центральной Америке под эгидой правительства Колумбии и с помощью УВКБ ООН, университета Картахены

и Регионального центра искусств им. Мундо состоялся Коллоквиум по международной защите беженцев в Центральной Америке, Мексике и Панаме, на котором была принята Картахенская декларация о беженцах.

Декларация внесла важные изменения в МПБ и в систему их защиты в Латинской Америке. Г. С. Гудвин-Гилл в своем классическом труде отметил, что Картахенскую декларацию следует рассматривать как «один из наиболее всеобъемлющих подходов к проблеме беженцев» [Гудвин-Гилл, 1997, с. 35]. Кроме того, он обратил внимание на то, что Декларацию создавала не региональная межправительственная организация, а специальная группа экспертов и представителей государств Центральной Америки.

Картахенская декларация способствовала установлению взаимосвязи регионального института убежища с правами человека, выразившейся в установлении более широкой трактовки понятия «беженец», согласно которой беженцы — это «лица, которые бежали из страны, поскольку их жизни, безопасности или свободе угрожали всеобщее насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка» [Cartagena Declaration …].

Декларация указала, что новые критерии определения статуса беженцев мотивированы Конвенцией ОАЕ, расширившей защиту для людей, ищущих убежище. Возможность признания людей, спасающихся от массовых нарушений прав человека, беженцами позволила обеспечить их защиту в случаях, когда они покинули свои страны в результате гражданских конфликтов и войн, при условии, что все эти ситуации являются нарушениями прав человека. Следует также обратить внимание на то, что региональное определение должно было использоваться наряду с универсальными критериями, поскольку оно не заменяло, а дополняло их [Jubilut, 2007, p. 57].

В качестве отправной точки определения статуса «беженец» рассматривалась необходимость международной защиты индивида и его прав на жизнь, безопасность и свободу, включая право не подвергаться произвольному аресту или пыткам. В расширенном определении понятия «беженец» содержались отсылки к элементам МГП, касающимся вооруженных конфликтов (независимо от того, имеют ли эти конфликты международный или немеждународный характер): широкомасштабное насилие, внешняя агрессия, внутренние конфликты и другие обстоятельства, серьезно нарушающие общественный порядок [Declaration …].

В тексте Декларации также были перечислены основные универсальные стандарты права беженцев: мирный, неполитический и исключительно гуманитарный характер предоставления статуса беженца; императивный характер принципа невыдворения (*non-refoulement)*; минимальный стандарт обращения с беженцами, установленный Конвенцией 1951 года и Протоко-

лом 1967 года. Не менее важным являлось декларирование необходимости «создать механизмы прямого сотрудничества» с УВКБ ООН, а также усилить «программы защиты беженцев <…> в сфере здравоохранения, труда, образования и безопасности» [Cartagena Declaration …].

Декларация была одобрена Генеральной Ассамблеей ОАГ 1985 года, «которая постановила настоятельно призвать государства-члены оказывать поддержку и, насколько это возможно, осуществлять выводы и рекомендации, содержащиеся в Картахенской декларации о беженцах» [Fifteenth Regular Session …]. Несмотря на то, что Картахенская декларация первоначально была центральноамериканским проектом, широкое определение беженца, содержащееся в ней, было имплементировано 15 латиноамериканскими государствами в их национальные законодательства [Cantor, 2016, p. 148]. Некоторые государства оставили первоначальную формулировку Декларации, а другие изменили ее, но при этом сохранили так называемый «дух Картахены», который стал означать иной подход к защите беженцев, более широкий по охвату и более тесно связанный с правами человека. Несмотря на то, что Декларация представляла документ мягкого права, не являясь обязательной, именно она легла в основу региональной политики по отношению к беженцам, означавшей установление связи между правами человека.

Новый расширенный подход к приему беженцев оказал определенное влияние на законодательную деятельность латиноамериканских государств, которые не ограничились лишь имплементацией региональных и универсальных норм. Так, Мексика, Коста-Рика, Гватемала, Никарагуа включили в свое законодательство положения о гендерном насилии как основании для получения статуса беженцев [Cantor, 2016, p. 148].

Таким образом, после Картахены, с одной стороны, защита беженцев стала рассматриваться в контексте прав человека, а с другой стороны, сформировались концепции и инструменты региональной дипломатии, которые «разумно подошли к современным проблемам беженцев, существующим в регионе» [Barichello, 2015, p. 157].

4. Региональная дипломатия и политика в отношении беженцев в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (1984—1999)

Одно из важнейших последствий принятия Картахенской декларации заключалось в создании дискуссионных форумов для обсуждения международного права беженцев с целью его дальнейшего совершенствования в регионе. Так, Декларация легла в основу процесса CIREFCA (Conferencia internacional sobre refugiados Centroamericanos), вытекающего из Международной конференции по беженцам из Центральной Америки, состоявшейся в Гватемале 29—31 мая 1989 года. Конференция разработала принципы

региональной защиты беженцев и перемещенных лиц, внесла их в Декларацию и Согласованный план действий в интересах беженцев и перемещенных лиц из Центральной Америки [Declaration …]. К ним относились: добровольный, индивидуально проявляемый характер возвращения; выбор места назначения возвращения; свобода передвижения и проживания; недискриминация; доступ к средствам существования; стратегии экономического и социального развития; внимание к женщинам и детям; недопущение принудительного возвращения в страну исхода.

Процесс CIREFCA, развивающий основные положения Картахенской декларации, продолжался с 1987 по 1994 годы и был направлен на устранение коренных причин конфликтов, заставляющих население покидать свою страну в поисках защиты. В рамках CIREFCA были разработаны проекты по интеграции беженцев в региональный мирный процесс в Центральноамериканских государствах, а также по развитию долгосрочных решений, таких как добровольная репатриация [Principios y criterios …].

В процессе CIREFCA проявилась еще одна особенность латиноамериканской системы убежища, связанная с интеграцией стран происхождения беженцев в региональное сотрудничество. Страны исхода беженцев, включаясь в их защиту, могли выразить озабоченность в связи с прекращением действия статуса беженца, а также должны были не только участвовать в приеме возвращающихся беженцев, но и решать проблемы внутренне перемещенных лиц (далее — ВПЛ). Д. Кантор высказал предположение, что, возможно, «на включенности страны происхождения в процесс защиты отражается позитивная сторона наследия политического убежища» [Cantor, 2018].

В начале 1990-х годов на фоне сокращения числа «местных» региональных беженцев вырос приток транзитных беженцев из Африки (Ангола, Нигерия, Либерия, Судан), Восточной Европы (бывшая Югославия) и стран Ближнего Востока (Иран и Ирак). Уменьшение вынужденных мигрантов из Центральной Америки во-многом было обусловлено мирным процессом «Эскипулас II», начатым после подписания президентами Центральноамериканских государств одноименного Соглашения 7 августа 1987 года. В его основу был положен мирный план президента Коста-Рики О. Санчеса по урегулированию конфликтов в Коста-Рике, Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе и Никарагуа. План определил ряд мер по содействию национальному примирению, прекращению военных действий, демократизации, свободным выборам, переговорам о контроле над оружием и помощи беженцам. Реализация плана «Эскипулас II» привела к прекращению вооруженных столкновений в Никарагуа (1990) и Сальвадоре (1992), закрытию лагерей беженцев в Мексике и Центральной Америке и добровольной репатриации в Гватемалу, Сальвадор и Никарагуа [Положение в Центральной Америке …].

Процесс переоценки и пересмотра региональных норм по защите беженцев привел к принятию на коллоквиуме в 1994 году Декларации Сан-Хосе, которая расширила сферу охвата Картахенской декларации, обеспечив защиту не только беженцев, но и ВПЛ. Проведение коллоквиума было инициировано правительством Коста-Рики, Верховным комиссаром ООН по правам беженцев и Межамериканским институтом прав человека.

В Декларации признавались новые региональные проблемы, порожденные изгнанием населения из стран Латинской Америки и Карибского бассейна и растущим внутренним перемещением. Указывалось, что причины принудительных миграционных потоков отличались от предусмотренных Картахенской декларацией и были обусловлены нарушениями прав человека. В связи с этим подчеркивалась необходимость конвергенции систем защиты человека, закрепленных в МППЧ, МГП и МПБ, для формирования общей юридической основы института убежища. Авторы Декларации обратились к государствам-участникам Американской конвенции о правах человека 1969 года принять национальные меры для обеспечения полного осуществления и поощрения ее стандартов, полагая, что защита прав и укрепление демократической системы являются наилучшими мерами по предотвращению конфликтов, потоков беженцев и гуманитарных кризисов [San Jose Declaration …].

Декларация Сан-Хосе предложила правительствам продолжить поиск гуманитарных решений на региональных форумах в «духе Картахены». Так, была начата разработка «Постоянной консультации по вопросу о внутренне перемещенных лицах в Северной и Южной Америке» в качестве межучрежденческого регионального форума, посвященного изучению и решению проблем, с которыми сталкиваются перемещенные лица в своих странах [Ibid.]. Отмечалось, что следует поощрять сотрудничество правительств, неправительственных организаций и юристов в интересах развития и реализации МППЧ, МГП и права беженцев.

Авторы Декларации Сан-Хосе дали странам региона следующие рекомендации: осуществлять сотрудничество с УВКБ ООН; укреплять процессы добровольной репатриации и реинтеграции; расширять региональное сотрудничество и поощрять согласованные усилия по решению проблем, порождающих вынужденное перемещение; соблюдать экономические, социальные и культурные права беженцев и ВПЛ; поощрять включение гендерных критериев при рассмотрении заявлений о предоставлении статуса беженца; включать пострадавшее население, особенно женщин и представителей коренных народов, в подготовку и осуществление программ помощи беженцам; осуществлять комплексный подход к принудительному перемещению, добровольному возвращению и репатриации; поощрять деятель-

ности церкви, неправительственных организаций, секторов ГО в обеспечении помощи беженцам и перемещенным лицам [San Jose Declaration …].

Продолжением традиций Картахены стала также Декларация Тлателолко о практических действиях в области права беженцев в Латинской Америке и Карибском бассейне (1999), закрепившая положение о гармонизации региональных и универсальных норм по защите беженцев. Декларация содержала 15 рекомендаций, относящихся к области создания эффективных региональных структур по защите прав беженцев, присоединения всех стран региона к режиму Конвенции 1951 года, а также обеспечения широкого объёма прав беженцев, заложенных универсальными документами, например, Конвенцией ООН о правах трудящихся-мигрантов 1990 года [Tlatelolco Declaration].

Одним из важнейших являлось положение Декларации Тлателолко о синонимичности терминов *asilo* и *refugio*. Декларация попыталась уйти от дуализма терминов убежища, установила их как синонимы, мотивируя это тем, что они оба относятся к обеспечению безопасности иностранцев, нуждающихся в защите на чужой территории, и трактовала убежище как общее учреждение [Tlatelolco Declaration]. Однако некоторые авторы не согласны определять *asilo — refugio* как синонимы, поскольку эти термины различны и термин *refugio* относится к универсальной системе прав беженцев, в то время как термин *asilo* относится к латиноамериканской системе дипломатического и политического убежища [Cantor, 2013; Lambis, 2013; San Juan, 2004].

По оценке исследователей, в 1990-е годы произошел либеральный сдвиг в латиноамериканском законодательстве о предоставлении убежища, которое стало «авангардом в защите прав беженцев» [Freie, 2015, p. 119]. Почти все страны региона, которые в большинстве своем унаследовали от военных диктатур 1970-х и 1980-х годов ограничительное законодательство о предоставлении убежища, расширили права беженцев.

5. Мексиканская декларация и план действий

Новые региональные документы по защите беженцев были разработаны в рамках двадцатой годовщины принятия Картахенской декларации: Мексиканская декларация и Мексиканский план действий (далее — МПД) [Mexico Declaration …].

МПД представляет собой региональную стратегическую и оперативную рамочную программу, принятую в 2004 году двадцатью государствами после совещаний в Сан-Хосе, Бразилиа, Картахене и Боготе. МПД был разработан для решения беспрецедентного гуманитарного кризиса в Колумбии.

Колумбийский кризис беженцев возник в результате активизации внутреннего социально-политического и вооруженного конфликта, длившегося более четырех десятилетий, процесса территориальной фрагментации, крайней бед-

ности населения и политической поляризации. Угрозы, убийства, похищения людей, совершаемые военизированными группами, вынуждали людей совершать бегство в течение нескольких дней или даже часов. Взрывоопасное преступное насилие в Центральной Америке и Мексике привело к таким масштабам перемещения населения, которые не наблюдались со времен гражданских войн 1970-х и 1980-х годов. Вынужденная миграция внутри Колумбии и за ее пределами от 3 до 4 млн мужчин, женщин и детей стала причиной чрезвычайной гуманитарной ситуации и привела к ситуации «переполненности границ». Как описывает Стефания Барричелло, феномен «переполненных границ», связанный со скоплением перемещенных лиц по обе стороны колумбийской границы с соседними странами: Эквадором, Панамой, Венесуэлой — мотивировал поиск долгосрочных решений [Barichello, 2015, p. 192—193].

Инициатива разрешения гуманитарного кризиса исходила от УВКБ ООН, Норвежского совета по делам беженцев, МКПЧ, Межамериканского суда по правам человека, Межамериканского института по правам человека, а также лидеров Бразилии, Коста-Рики и Мексики, которые сумели объединить правительства стран региона, более 100 НПО, экспертов, представителей гражданского общества и научных кругов для разработки новых региональных программ [Routledge Handbook, 2019, с. 32]. На подготовительных совещаниях было установлено существование солидарной традиции защиты в Латинской Америке, характеризующей ее как «регион, который знает, как находить решения для своих собственных беженцев на субконтиненте» [Mexico Declaration …].

Авторы МПД предложили региональный подход к колумбийскому кризису, разработав стратегию, состоящую из двух компонентов: защиты и долговременных решений. В ее основе лежало стремление, во-первых, решить проблему растущего потока беженцев, устремленного в латиноамериканские города, и, во-вторых, улучшить положение колумбийцев в пограничных районах с Эквадором, Коста-Рикой, Панамой и Венесуэлой.

Долговременные решения включали три программы:

1) «солидарность границ» — сосредоточение внимания на безопасности и доступе к безопасным районам на границах;

2) «солидарность городов» — интеграция беженцев в общественную и экономическую жизнь принимающей страны, в частности, путем создания центров для поиска рабочих мест и профессиональной подготовки, поддержки малых предприятий;

3) «солидарное переселение» — переселение колумбийских беженцев.

Последняя программа — «солидарное переселение» — являлась одним из ключевых пунктов МПД и была предложена Бразилией на подготовительной встрече в Бразилиа. Эту инициативу предполагалось рассматривать не в контексте «burden-sharing», а как «долг», вытекающий из межгосудар-

ственного сотрудничества, солидарности и совместной ответственности [Mexico Declaration …], что открывало возможность для любой страны региона присоединиться к Программе.

Реализация МПД дала положительные результаты, например, принятие или пересмотр национального законодательства о беженцах, введение новых форм дополнительной защиты в форме гуманитарных виз, защиту жертв пыток и новые формы законного проживания беженцев в Мексике, Гондурасе, Панаме, Коста-Рике, Бразилии и Аргентине. По оценке исследователей, МПД способствовал новым, более гуманным дискурсам в МПБ, в частности, на смену термину *совместное несение бремени* пришел термин *совместное несение ответственности* [Jubilut et al., 2011, p. 70]. Как подчеркнула Л. Джибилут, это изменение «представляет собой гораздо больше, чем простой сдвиг в семантике, а скорее трансформацию того, как воспринимается защита беженцев: не как проблема и ситуация совместного несения бремени, а как ответственность за защиту жертв нарушений прав человека» [Ibid.].

Таким образом, МПД стал крупным достижением гуманитарной дипломатии в области регионального права беженцев и их защиты в Латинской Америке с теоретическими и практическими последствиями, которые способствовали повышению стандартов защиты беженцев в регионе.

Следующий этап региональной дипломатии начался в 2010 году, когда 18 стран приняли Бразилианскую декларацию о защите беженцев и лиц без гражданства в Северной и Южной Америке. Декларация была принята в связи с годовщинами Конвенции о статусе апатридов 1951 года и Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года, что оправдывало сосредоточение внимания не только на беженцах, но и на апатридах.

Бразилианская декларация, опираясь на предшествующие региональные документы, пыталась их обновить, упоминая о трудностях, которые возникли в связи со смешанными миграционными потоками, а также призывала соблюдать такие ценности, как солидарность, уважение, терпимость, мультикультурализм, а также необходимость предоставления убежища [International Meeting …].

6. «Картахена+30»: Бразильская Декларация и Бразильский план действий

Несмотря на 30-летний опыт регионального сотрудничества по совершенствованию института убежища и защите прав беженцев, к 2014 году в Латинской Америке и в Карибском бассейне насчитывалось более 6 млн перемещенных лиц, беженцев, просителей убежища и лиц без гражданства. Самой нестабильной частью региона являлись государства «северного треугольника» Центральной Америки: Гватемала, Сальвадор и Гондурас, — откуда поступал основной поток беженцев. В 2014 году здесь было перемещено беспрецедент-

ное число лиц в результате транснациональной преступной деятельности. Опасной тенденцией являлся рост численности детей без сопровождения, ищущих убежища в одиночку. По меньшей мере 68 тыс. несопровождаемых детей были задержаны при пересечении границы США — Мексика.

Нестабильная ситуация в регионе, наличие территорий, отличающихся наибольшим насилием и влиянием террористических и криминальных группировок, вызвали продолжение дипломатического диалога в рамках процесса «Картахена+30» и принятие новых стратегических документов, направленных на повышение качества национальных систем предоставления убежища, борьбу со смешанной миграцией, защиту наиболее уязвимых групп населения, спасающихся от транснациональной организованной преступности.

Основой развития диалога стали Бразильская декларация и Бразильский план действий 2014 года, принятые в результате переговорного процесса «Картахена+30», посвященного 30-й годовщине подписания Картахенской декларации. Указанные документы появились в результате обширных консультаций с правительствами, международными и региональными организациями, офисами омбудсменов, а также активным гражданским обществом региона при поддержке УВКБ и Норвежского совета по делам беженцев [Memories …, 2015].

Особое внимание следует обратить на итоги предварительных субрегиональных консультаций 2014 года в Аргентине, Эквадоре, Никарагуа и на Каймановых островах: в Буэнос-Айресе (страны MERCOSUR), на Большом Каймане (страны Карибского бассейна), в Кито (Андское Сообщество) и Манагуа (Мезоамерика). Их проведение было обусловлено разнообразием гуманитарных вызовов и неоднородностью стран региона [Brazil Declaration …].

Проблемы международной организованной преступности и гендерного насилия наиболее активно обсуждались на консультации в Манагуа, в которой участвовали правительства стран Центральной Америки и Мексики, а также представители Бразилии, ЕС, Испании, Кубы и США в качестве наблюдателей. Помимо констатации «перемещения, вызванного транснациональной организованной преступностью» [Mesoamérica Sub-regional …], участники конференции выдвинули ряд рекомендаций по развитию сотрудничества в этой сфере, среди которых внимание к правам человека, разделение ответственности и региональная солидарность, наделение статусом беженца лиц, перемещение которых вызвано деятельностью криминальных группировок; борьба с проблемами, порождающими вынужденное перемещение; сотрудничество государств с международными организациями; развитие соответствующих институтов в рамках Центральноамериканской системы интеграции (SICA); создание механизмов гуманитарной эвакуации в третьи страны; организация постоянного регионального форума по обмену опытом; выдача гуманитарных виз жертвам природных катастроф [Ibid.].

Консультация на о. Большой Кайман отличалась консервативной повесткой дня. Среди основных тем следует отметить «поиск баланса между национальными интересами и защитой лиц, ищущих убежища»; «обеспечение целостности границ» и проблемы смешанных миграционных потоков [Latin America and Caribbean …]. «Сдержанность» принятых решений во многом была связана с неоднородностью стран Карибского бассейна: наличием в регионе франкоязычных, испаноязычных и англоязычных государств [Caribbean Regional …].

Страны MERCOSUR сделали основной акцент на развитии диалога по гармонизации правовых норм, а также на использовании концепта «региональное гражданство», включенного в паспорт MERCOSUR [MERCOSUR …].

В итоговом документе государств Андского сообщества были затронуты вопросы интеграции, переселения как выражения региональной солидарности, разработки индивидуальных документов для беженцев, доступа беженцев к образованию и рынку труда, унификации дипломов, предоставления беженцам возможности одновременно учиться и работать, использования бразильского опыта гуманитарных виз. Последний вопрос был особенно актуален, так как область применения гуманитарной визы была шире, чем в МГП, и включала такие факторы, как «природные катастрофы, массовое насилие и серьезные нарушения прав человека» [Tinker et al., 2015, p. 143].

Таким образом, рекомендации, выдвинутые на субрегиональном уровне, стали основой для формирования новой амбициозной повестки дня в вопросах предоставления убежища на следующие 10 лет, воплощенной в Бразильской декларации и Бразильском плане действий (далее — БПД) — общей дорожной карте для решения проблем беженцев, перемещенных лиц и лиц без гражданства в Латинской Америке и Карибском бассейне в рамках сотрудничества и солидарности. БПД включал 11 стратегических программ, в том числе: «Качественное убежище»; «Границы солидарности и безопасности»; «Добровольное возвращение»; «Местная интеграция»; «Солидарное переселение»; «Трудовая мобильность» и др. В отношении стран Центральной Америки были инициированы следующие программы: «Наблюдение за соблюдением прав человека в отношении перемещённых лиц», «Предотвращение» и «Достойный и безопасный транзит» [Brazil Declaration …].

Программа «Качественное убежище» сосредоточивалась на дальнейшем развитии национального законодательства при содействии УВКБ. В ней предусматривалось техническое усовершенствование системы сбора и хранения данных о лицах, запрашивающих статус беженца.

Программа «Добровольное возвращение» основывалась на признании возвращения беженцев на родину в качестве «наиболее предпочтительного решения». Практические меры в рамках программы основывались на развитии двустороннего сотрудничества между государством происхождения и

государством пребывания. Программа «Солидарное переселение» сохранила преемственность с программой 2004 года, предусматривающей расселение беженцев по странам Латинской Америки при поддержке УВКБ и таких стран, как Норвегия и Австралия.

Программы «Соблюдение прав человека в отношении перемещенных лиц», «Предотвращение» и «Достойный и безопасный транзит» для стран Центральной Америки были сосредоточены на формировании механизмов защиты жертв насилия и разработке качественных процедур получения статуса беженца по причинам преследования со стороны международной организованной преступности [Brazil Declaration …].

Таким образом, изучение региональной дипломатии и политики Латинской Америки позволяет сделать вывод о существенном прогрессе в защите беженцев региона. Страны Латинской Америки проявили готовность к сотрудничеству в гуманитарных, социально-ориентированных направлениях, к которым относится защита беженцев. Межгосударственный диалог носил регулярный и активный характер, были предложены разнообразные региональные и субрегиональные инициативы. Тем не менее начатый в 2014 году десятилетний план все ещё далёк от завершения, а существующие вызовы и изменяющаяся политическая конъюнктура в регионе несут в себе серьезные риски процессу его выполнения.

7. Заключение

Исследование показало, что Латинская Америка сумела выработать особую региональную политику в отношении беженцев, перемещенных лиц и апатридов, основанную на конвергенции МППЧ, МГП и МПБ. Во всех региональных документах особое внимание уделялось устойчивым и долгосрочным решениям. В частности, опыт региональной дипломатии показал, что устойчивые решения лучше всего достигаются в рамках миростроительства и уважения прав человека. Как следствие, в декларациях и стратегических планах прямо или косвенно подчеркивалось, что защита беженцев и перемещенных лиц является неотъемлемой частью миростроительства. Региональное сотрудничество опиралось на два основных компонента: во-первых, основанный на Картахенских принципах открытый инклюзивный и всеобъемлющий диалог между правительством, гражданским обществом, включая академические круги, международными и региональными организациями; во-вторых, способность региона генерировать новаторские идеи и эффективные собственные решения на принципах региональной солидарности и ответственности.

В истории многосторонней дипломатии, направленной на решение проблем беженцев, следует выделить несколько рубежных точек, связанных с принятием Картахенской декларации, Декларации Сан-Хосе, Мексиканской декларации и Бразильской декларации.

Картахенская декларация установила принципы и стандарты разрешения кризисных ситуаций с беженцами, а также отразила способность стран Латинской Америки и Карибского бассейна реагировать на гуманитарные вызовы инновационно и гибко. Несмотря на то, что Декларация не носила юридически обязывающий характер, к концу XX века почти весь регион *de jure* или *de facto* применял концепцию беженцев в том виде, в каком она была определена в Картахенской декларации, а 15 латиноамериканских государств инкорпорировали ее в свои национальные законодательства. Новаторский характер Декларации проявился в расширенном определении понятия «беженец», которое стало важнейшим инструментом их защиты в регионе. Долгосрочные решения Декларации Сан-Хосе 1994 года были связаны принципами, касающимися внутреннего перемещения. Уникальность Мексиканской декларации 2004 года заключается в том, что впервые она сопровождалась планом действий, включавшим три новаторские программы, которые были использованы в качестве механизма сотрудничества. Бразильская декларация включала в себя план действий на период 2015—2024 годов, состоящий из 11 тематических и географических программ. Субрегиональная кооперация являлась одним из самых новых элементов Картахены+30, а предварительные консультации на субрегиональных конференциях придали БПД еще большую легитимность.

Таким образом, традиции проведения региональных форумов, переговоров и диалога государственных и негосударственных акторов можно рассматривать как позитивный инструмент региональной гуманитарной дипломатии по установлению прав просителей убежища, беженцев, ВПЛ и гарантии их защиты. Региональная дипломатия в Латинской Америке является конструктивным примером поиска эффективной системы защиты беженцев, являясь в этом смысле моделью регионализма в международном праве беженцев.

Источники

1. *Конвенция* о статусе беженцев 1951 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения 24.08.2020).

2. *Конвенция* 1969 года по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке [Электронный ресурс] // Regional Refugee Instruments & Related. — Режим доступа : https://www.refworld.org.ru/docid/528634864.html (дата обращения 24.08.2020).

3. *Положение* в Центральной Америке : Угроза международному миру и безопасности и мирные инициативы. Документ A/42/521S/19085. Резолюция 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций Официальный сайт— Режим доступа : https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CR%20HN%20GT%20NI%20SV_870807_EsquipulasII%28ru%29.pdf (дата обращения 24.08.2020).

4. *American* Declaration of the Rights And Duties of Man (Adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 1948) [Electronic resource] // The

Organization of American States. Official website. — Access mode : http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/American_Declaration_Right_Duties_Man.pdf (accessed 26.08.2020).

5. *Annual* report of the Inter-American commission on human rights 1982—1983. Chapter III. Areas in, Which Further Steps Are Needed to Give Effect to the Human Rights Set Forth in the American Declaration of the Rights and Duties of Man and the American Convention on Human Rights [Electronic resource] // OAS. Inter-American Commission on Human Rights. Official website. — Access mode : http://www.cidh.org/annualrep/82.83eng/chap.3.htm (accessed 26.08.2020).

6. *Brazil* Declaration and Plan of Action, 3 December 2014 [Electronic resource] // Regional Refugee Instruments & Related. — Access mode : http://www.refworld.org/docid/5487065b4.html (accessed 28.08.2020).

7. *Caribbean* Regional Consultation, Grand Cayman, Cayman Islands, 10—11 September 2014 [Electronic resource] // UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website. — Access mode : http://www.acnur.org/fileadmin/scripts/doc.php?file=fileadmin/Documentos/BDL/2014/9846 (accessed 28.08.2020).

8. *Cartagena* Declaration on Refugees, Colloquium on the International Protection of Refugees in Central America, Mexico and Panama, 22 November 1984 [Electronic resource] // Regional Refugee Instruments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency (Official website). — Access mode : http://www.refworld.org/docid/3ae6b36ec.html (accessed 28.08.2020).

9. *Declaration* and Concerted Plan of Action in Favour of Central American Refugees, Returnees and Displaced Persons, 30 May 1989, CIREFCA 89/13/Rev.1 [Electronic resource] // Regional Refugee Instruments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website. — Access mode : http://www.refworld.org/docid/3fbb5d094.html (accessed 26.08.2020).

10. *Fifteenth* Regular Session Cartagena de Indias, Colombia December 5—9, 1985. Proceedings Volume I. Ag/Res. 748 (Xv-O/8s) — Ag/Res. 794 (Xv-O/8s) Certified Texts of The Resolutions [Electronic resource] // General Secretariat Organization of American States. Washington, D. C. 20006 1986. — Access mode : http://scm.oas.org/pdfs/agres/ag03799E01.PDF (accessed 26.08.2020).

11. *International* Meeting on Refugee Protection, Statelessness and Mixed Migration Movements in the Americas : Launch of the UNHCR Commemorations in the Americas (Brasilia, Brazil, 11 November 2010) [Electronic resource] // UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website. — Access mode : https://www.unhcr.org/admin/dipstatements/4cdbef6d9/introductory-remarks-mr-volker-turk-director-international-protection-unhcr.html (accessed 27.08.2020).

12. *Latin America* and Caribbean : One year of implementation [Electronic resource] // UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website. — Access mode : http://www.unhcr.org/protection/operations/56601a5f6/brazil-plan-action-year-implementation-report.html (accessed 26.08.2020).

13. *Memories of the* Thirtieth Anniversary of the Cartagena Declaration of Refugees [Electronic resource] // The UN Refugee Agency Official website. UNHCR, 2015. — Pp. 105—111. — Access mode : http://www.refworld.org/docid/568cf7e74.html (accessed 27.08.2020).

14. *MERCOSUR* Sub-regional Consultation Buenos Aires, 18—19 March 2014 [Electronic resource] // UNHCR. The UN Refugee Agency Official website — Access mode : http://www.acnur.org/t3/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9777.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020).

15. *Mesoamérica* Sub-regional Consultation "International Protection Challenges and Opportunities for a New Strategic Framework for Regional Cooperation", Managua, Jul 10—11 2014 [Electronic resource] // UNHCR. The UN Refugee Agency Official website. — Access mode : http://www.acnur.org/t3/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9778.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020).

16. *Mexico* Declaration and Plan of Action to Strengthen International Protection of Refugees in Latin America, 16 November 2004 [Electronic resource] // Regional Refugee Instru-

ments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website. — Access mode : http://www.refworld.org/docid/424bf6914.html (accessed 27.08.2020).

17. *San Jose* Declaration on Refuges and Displaced Persons 5—7 December 1994 [Electronic resource] // Regional Refugee Instruments & Related. — Access mode : https://www.refworld.org/docid/4a54bc3fd.html/ (accessed 27.08.2020).

18. *Tlatelolco* Declaration on Practical Actions in (the Sphere of) Refugee Law in Latin America and Caribbean, 10—11 May 1999 [Electronic resource] // The Organization of American States. Official website. — Access mode : https://www.oas.org/dil/esp/Declaracion_de_Tlatelolco_1999.pdf (accessed 27.08.2020).

19. *Comunicado especial* sobre refugiados [Recurso electrónico] // Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno Montevideo, Uruguay 3, 4 y 5 de Noviembre de 2006 // Organización de Estados Iberoamericanos. Sitio web oficial.. — Access mode : https://www.oei.es/historico/xvicumbrecom.htm#8/ (accessed 27.08.2020).

20. *Declaración de Piriápolis* Migraciones: un mundo sin muros por un desarrollo sostenible para todas y todas. 3 de noviembre 2006, Uruguay [Recurso electrónico] // Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno Montevideo, Uruguay 3, 4 y 5 de Noviembre de 2006 // Organización de Estados Iberoamericanos. Sitio web official. — Access mode : https://www.oei.es/historico/xvicumbre.htm/ (accessed 27.08.2020).

21. *El coloquio sobre* el asilo yla proteccion internacional de refugiados en America Latina, reunido en Mexico, del 11 al 15 de mayo de 1981 [Recurso electrónico] // Asilo y proteccion internacional de refugiados en America Latina P. 205–208. Universidad nacional autónoma de México. México, 1982. — Pp. 205—208. — Access mode : https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/Publicaciones/2014/9547.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020).

22. *Informe* anual de la Comisión Interamericana de derechos humanos 1981—1982. OEA/Ser.L/V/II.57, doc. 6 rev.1 20, septiembre 1982. Capítulo VI. Los refugiados y el sistema interamericano [Recurso electrónico] // OAS. Inter-American Commission on Human Rights. Sitio web official. — Access mode : http://www.cidh.org/annualrep/81.82sp/cap.6.htm#B.%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20Los%20refugiados%20y%20el%20sistema%20interamericano%C2%A0 (accessed 28.08.2020).

23. *Principios* y criterios para la protección y asistencia a los refugiados, repatriados y desplazados centroamericanos en América Latina [Recurso electrónico] // Conferencia internacional sobre refugiados Centroamericanos (CIREFCA). Ciudad de Guatemala, 1989 // The Organization of American States. [itio web oficia]. — Access mode : http://www.oas.org/dil/esp/cirefca_89-9_esp.pdf (accessed 27.08.2020).

24. *Tratado sobre* derecho penal internacional (Firmado en Montevideo, el 23 de enero de 1889, en el Primer Congreso Sudamericano de Derecho Internacional Privado) [Recurso electrónico] // Organization of American States. Sitio web oficial. — Access mode : https://www.refworld.org/docid/4f3d15682.html (accessed 27.08.2020).

Литература

1. *Агрба Э. Л.* Картахенская Декларация : вклад в защиту беженцев в Латинской Америке / Э Л. Агрба // Вопросы экономики и права. — 2015. — № 11. — С. 62—66.

2. *Громогласова Е. С.* Гуманитарный кризис в «северном треугольнике». Взгляд сквозь призму концепции «ответственности по защите» / Е. С. Громогласова // Латинская Америка. — 2017. — № 12. — С. 43—54.

3. *Гудвин-Гилл Г. С.* Статус беженца в международном праве / Г. С. Гудвин-Гилл / Пер. с англ. под ред. М. И. Левиной. — Москва : ЮНИТИ, 1997. — 647 с.

4. *Кудеярова Н. Ю.* Эпоха массовых миграций в Латинской Америке : глобализация vs локализация / Н. Ю. Кудеярова // Латинская Америка. — 2017. — № 2. — С. 76—91.

5. *Кудеярова Н. Ю.* Латинская Америка : демографическая динамика и трансформация миграционных процессов / Н. Ю. Кудеярова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 119—140. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7.

6. *Кудеярова Н. Ю.* Венесуэльский миграционный кризис : демография, нефть и государство / Н. Ю. Кудеярова, Д. М. Розенталь // Латинская Америка. — 2020. — № 6. — С. 42—56.

7. *Arboleda E.* Refugee Definitions in Africa and Latin America : The Lessons of Pragmatism / E. Arboleda // Internatuonal Journal of Refugee Law. — 1991. — Vol. 3. — Iss. 2. — Pp. 185—207. — DOI : 10.1093/ijrl/3.2.185.

8. *Arenal C.* Democracia y derechos humanos en las Cumbres Iberoamericanas: teoría y práctica / C. Arenal // La Cumbre de Cádiz y las relaciones de España con América Latina. Ministero de asuntos exteriors y de cooperación. Gobierno de España. — 2013. — Pp. 147—163.

9. *Barichello S. E.* Refugee protection and responsibility sharing in Latin America : solidarity programmes and the Mexico Plan of Action / S. E. Barichello // The International Journal of Human Rights. — 2015. — Pp. 191—207. — DOI : 10.1080/13642987.2015.1079025.

10. *Barichello S.* The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America / S. E. Barichello // Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges / Ed by J.-P. G. Mariagiulia, G. E. Tsourdi. — Brill Nijhoff, 2015. — Pp. 149—171.

11. *Brett R.* Refugee law and international humanitarian law : Parallels, lessons and looking ahead. A non-governmental organizations view / R. Brett, E. Lester // Sociology. — 2001. — Vol. 83. — № 843. — Pp. 713—726. — DOI : 10.1017/S1560775500119273

12. *Cantor D.* International protection of persons displaced by organized crime : Latin American legal and policy frameworks // D. Cantor, N. Rodríguez Serna // The New Refugees : Crime and Forced Displacement in Latin America. — University of London, 2016. — 196 p.

13. *Cantor D.* Protection of Asylum Seekers under the Inter-American Human Rights System / D. J. Cantor // Regional Approaches to the Protection of Asylum Seekers. An International Legal Perspective / Ed. be Ademola Abass and Francesca Ippolito. — ASHGATE, 2014. — Pp. 267—294.

14. *Cantor D.* Responsibility-sharing in the refugee field : lessons from Latin America [Electronic resource] / D. Cantor // Policy Brief. Observatory on European Migration Law November. 2018, Pisa. — Access mode : http://immigrazione.jus.unipi.it/wp-content/uploads/2018/11/Policy-Brief-LA-responsibility-sharing.pdf (accessed 27.08.2020).

15. *Cantor D. J.* The Inter-American human rights system : a new model for integrating refugee and complementary protection? / D. J. Cantor, S. Barichello // The International Journal of Human Righs. — 2013. — Vol. 17. — Iss. 5—6. — Pp. 689—706. — DOI : 10.1080/13642987.2013.825077.

16. *Freier L. F.* A Liberal Paradigm Shift? A Critical Appraisal of Recent Trends in Latin American Asylum Legislation / L. F. Freier // Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges / Edi. by Jean-Pierre Gauci Mariagiulia Giuffre Evangelia (Lilian) Tsourdi. — 2015. — Pp. 118—148. — DOI : 10.1163/9789004265585_007.

17. *Harley T.* Regional Cooperation and Refugee Protection in Latin America : A 'South-South' Approach / Harley Tr // International Journal of Refugee Law. — 2014. — Vol. 26. — Iss. 1. — Pp. 22—47. — DOI : 10.1093/ijrl/eeu004.

18. *Jubilut L. L.* Resettlement in Solidarity : A New Regional Approach Towards a More Humane Durable Solution / L. L. Jubilut, W. P. Carneiro // Refugee Survey Quarterly. — 2011. — Vol. 30. — Iss. 3. — Pp. 63—86. — DOI : 10.1093/rsq/hdr010.

19. *Lambis L. J.* Asilo y refugio en America Latina. ¿Avances o retrosesos? / L. J. Lambis // Saber-ciencia y libertad. — 2013. — Vol. 8. — № 1. — Pp. 63—68. — DOI : 10.18041/2382-3240/saber.2013v8n1.2480.

20. *Maihold G.* Las Cumbres hemisféricas y su impacto regional — un balance / G. Maihold // América Latina y la Diplomacia de Cumbres / Ed. by C. M. Jarque et al. Secretaría General Iberoamericana. — 2009. — Pp. 61—80.

21. *Mapendere J.* Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks [Electronic resource] / J. Mapendere // Culture of Peace Online Journal. — 2005. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 66—81. — Access mode : https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed 27.08.2020).

22. *Montville J. V.* Track Two Diplomacy : The Work of Healing History / J. V. Montville // Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. — 2006. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 15—25.

23. *Multi-Track* Diplomacy : A Systems Approach to Peace / Ed. by Ambassador John W. McDonald and Louise Diamond. — Kumarian Press Books for a World That Works. — 1996. — 192 p.

24. *Murillo J. C.* El debate entre asiloy "refugio" [Recurso electrónico] / J. C. Murillo // El Universal. — 2011 — 4 de enero. — Access mode : http://archivo.eluniversal.com.mx/editoriales/51216.html (accessed 27.08.2020).

25. *Rousseau E.* Humanitarian Diploma. Global Diplomacy / E. Rousseau, A. S. Pende // Ed. by. T. Balzacq et al. The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy. — 2020. — Pp. 253—266. — DOI : 10.1007 / 978-3-030-28786-3_18.

26. *Routledge* Handbook of South-South Relations / Edited by Elena Fiddian-Qasmiyeh and Patricia Daley. — 2019. — 448 p. ISBN 9781138652002.

27. *San Juan C.* El asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina : Análisis critico del dualismo "asilo-refugio" a la luz del Derecho Internacional de los Derechos Humanos / C. San Juan, M. Manly // El Asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina. — San José, C.R. : EDITORAMA, 2004. — Pp. 23—76.

28. *Tinker C.* New trends in migratory and refugee law in Brazil : the expanded refugee definition / C. Tinker, L. M. Sartoretto // Panorama of Brazilian Law. — 2015. — Vol. 3. — № 3—4. — Pp. 143—169. — DOI : 10.17768/pbl.a3.n3-4.p143.

Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984—2014)[1]

© **Olga N. Bogatyreva (2020),** orcid.org/0000-0002-9451-4285, Scopus Author ID 57103451900, Doctor of History, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), olgabogat.100@gmail.com.

The mechanisms of regional cooperation of the countries of Latin America and the Caribbean on the development of the system of reception of refugees and protection of their rights during 1984—2014 are considered. Attention is paid to regional traditions, the dualism of refuge models in Latin America is noted. The issues of legal regulation of the institution

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-014-00033 "The concept of polymodal humanitarian diplomacy: implementation, tools and civilization models".

of refuge in regional documents are touched upon. It has been established that the evolution of the refugee reception system in the region took place in the framework of the convergence of international law governing human rights, international humanitarian law and international refugee law. It is shown that the improvement of the institution of refuge was not limited to the instruments of classical diplomacy. It is reported that through the efforts of nongovernmental organizations, academia and official diplomacy in the course of negotiations at regular regional forums, a common system of sharing joint responsibility for the protection of refugees in Latin America and the Caribbean was created. The author defines this cooperation as multilateral humanitarian diplomacy aimed at protecting persons displaced as a result of armed conflicts and massive violence in the region, mainly in Central America. The main milestones in the development of regional humanitarian diplomacy related to the establishment of principles and standards for resolving crisis situations with refugees are highlighted.

Key words: humanitarian diplomacy; refugees; refuge; political refuge; human rights; Latin America; migration; Cartagena Declaration.

Material resources

American Declaration of the Rights And Duties of Man (Adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 1948). In: *The Organization of American States. Official website.* Available at: http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/American_Declaration_Right_Duties_Man.pdf (accessed 26.08.2020).

Annual report of the Inter-American commission on human rights 1982—1983. Chapter III. Areas in, Which Further Steps Are Needed to Give Effect to the Human Rights Set Forth in the American Declaration of the Rights and Duties of Man and the American Convention on Human Rights. In: *OAS. Inter-American Commission on Human Rights. Official website.* Available at: http://www.cidh.org/annualrep/82.83eng/chap.3.htm (accessed 26.08.2020).

Brazil Declaration and Plan of Action, 3 December 2014. In: *Regional Refugee Instruments & Related.* Available at: http://www.refworld.org/docid/5487065b4.html (accessed 28.08.2020).

Caribbean Regional Consultation, Grand Cayman, Cayman Islands, 10—11 September 2014. In: *UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website.* Available at: http://www.acnur.org/fileadmin/scripts/doc.php?file=fileadmin/Documentos/BDL/2014/9846 (accessed 28.08.2020).

Cartagena Declaration on Refugees, Colloquium on the International Protection of Refugees in Central America, Mexico and Panama, 22 November 1984. In: *Regional Refugee Instruments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website.* Available at: http://www.refworld.org/docid/3ae6b36ec.html (accessed 28.08.2020).

Comunicado especial sobre refugiados. Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno Montevideo, Uruguay 3, 4 y 5 de Noviembre de 2006. In: *Organización de Estados Iberoamericanos. Sitio web oficial.* Available at: https://www.oei.es/historico/xvicumbrecom.htm#8/ (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

Declaration and Concerted Plan of Action in Favour of Central American Refugees, Returnees and Displaced Persons, 30 May 1989, CIREFCA 89/13/Rev.1. In: *Regional Refugee Instruments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website.* Available at: http://www.refworld.org/docid/3fbb5d094.html (accessed 26.08.2020).

Declaración de Piriápolis Migraciones: un mundo sin muros por un desarrollo sostenible para todas y todas. 3 de noviembre 2006, Uruguay. Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno Montevideo, Uruguay 3, 4 y 5 de Noviembre de 2006. In: *Organización de Estados Iberoamericanos. Sitio web official.* Available at: https://www.oei.es/historico/xvicumbre.htm/ (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

El coloquio sobre el asilo yla proteccion internacional de refugiados en America Latina, reunido en Mexico, del 11 al 15 de mayo de 1981. Asilo y proteccion internacional de refugiados en America Latina P. 205–208. (1982). In: *Universidad nacional autónoma de México*. México. 205—208. Available at: https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/Publicaciones/2014/9547.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

Fifteenth Regular Session Cartagena de Indias, Colombia December 5—9, 1985. Proceedings Volume I. Ag/Res. 748 (Xv-O/8s) — Ag/Res. 794 (Xv-O/8s) Certified Texts of The Resolutions. In: *General Secretariat Organization of American States. Washington, D. C. 20006 1986*. Available at: http://scm.oas.org/pdfs/agres/ag03799E01.PDF (accessed 26.08.2020).

Informe anual de la Comisión Interamericana de derechos humanos 1981—1982. OEA/Ser.L/V/II.57, doc. 6 rev.1 20, septiembre 1982. Capítulo VI. Los refugiados y el sistema interamericano. In: *OAS. Inter-American Commission on Human Rights. Sitio web official*. Available at: http://www.cidh.org/annualrep/81.82sp/cap.6.htm#B.%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20Los%20refugiados%20y%20el%20sistema%20interamericano%C2%A0 (accessed 28.08.2020). (In Spain.).

International Meeting on Refugee Protection, Statelessness and Mixed Migration Movements in the Americas: Launch of the UNHCR Commemorations in the Americas (Brasilia, Brazil, 11 November 2010). In: *UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website*. Available at: https://www.unhcr.org/admin/dipstatements/4cdbef6d9/introductory-remarks-mr-volker-turk-director-international-protection-unhcr.html (accessed 27.08.2020).

Konventsiya o statuse bezhentsev 1951 g. [Convention relating to the status of refugees 1951 g]. In: *Organizatsiya Obedinennykh Natsiy. Ofitsialnyy sayt* [United Nations. Official site]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (accessed 24.08.2020). (In Russ.).

Konventsiya 1969 goda po konkretnym aspektam problem bezhentsev v Afrike [The 1969 Convention on the specific aspects of refugee problems in Africa]. In: *Regional Refugee Instruments & Related*. Available at: https://www.refworld.org.ru/docid/528634864.html (accessed 24.08.2020). (In Russ.).

Latin America and Caribbean: One year of implementation. *UNHCR*. In: *The UN Refugee Agency. Official website*. Available at: http://www.unhcr.org/protection/operations/56601a5f6/brazil-plan-action-year-implementation-report.html (accessed 26.08.2020).

Memories of the Thirtieth Anniversary of the Cartagena Declaration of Refugees. In: *The UN Refugee Agency. Official website*. UNHCR. (2015). 105—111. Available at: http://www.refworld.org/docid/568cf7e74.html (accessed 27.08.2020).

MERCOSUR Sub-regional Consultation Buenos Aires, 18—19 March 2014. In: *UNHCR. The UN Refugee Agency Official website*. Available at: http://www.acnur.org/t3/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9777.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020).

Mesoamérica Sub-regional Consultation "International Protection Challenges and Opportunities for a New Strategic Framework for Regional Cooperation", Managua, Jul 10—11 2014. In: *UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website*. Available at: http://www.acnur.org/t3/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9778.pdf?view=1 (accessed 27.08.2020).

Mexico Declaration and Plan of Action to Strengthen International Protection of Refugees in Latin America, 16 November 2004. In: *Regional Refugee Instruments & Related. UNHCR. The UN Refugee Agency. Official website*. Available at: http://www.refworld.org/docid/424bf6914.html (accessed 27.08.2020).

Polozheniye v Tsentralnoy Amerike: Ugroza mezhdunarodnomu miru i bezopasnosti i mirnyye initsiativy. Dokument A/42/521S/19085. Rezolyutsiya 42-y sessii Generalnoy Assamblei OON [The situation in Central America: threats to international peace and security and peace initiatives. Document A / 42/521S/19085. Resolution of the 42nd session of the UN General Assembly]. In: *Organizatsiya Obyedinennykh Natsiy Ofitsialnyy sayt* [United Nations Official website]. Available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CR%20HN%20GT%20NI%20SV_870807_EsquipulasII%28ru%29.pdf (accessed 24.08.2020). (In Russ.).

Principios y criterios para la protección y asistencia a los refugiados, repatriados y desplazados centroamericanos en América Latina. In: *Conferencia internacional sobre refugiados Centroamericanos (CIREFCA). Ciudad de Guatemala, 1989.* The Organization of American States. Sitio web oficial. Available at: http://www.oas.org/dil/esp/cirefca_89-9_esp.pdf (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

San Jose Declaration on Refuges and Displaced Persons 5—7 December 1994. In: *Regional Refugee Instruments & Related.* Available at: https://www.refworld.org/docid/4a54bc3fd.html/ (accessed 27.08.2020).

Tlatelolco Declaration on Practical Actions in (the Sphere of) Refugee Law in Latin America and Caribbean, 10—11 May 1999. In: *The Organization of American States. Official website.* Available at: https://www.oas.org/dil/esp/Declaracion_de_Tlatelolco_1999.pdf (accessed 27.08.2020).

Tratado sobre derecho penal internacional (Firmado en Montevideo, el 23 de enero de 1889, en el Primer Congreso Sudamericano de Derecho Internacional Privado). In:*Organization of American States. Sitio web oficial.* Available at: https://www.refworld.org/docid/4f3d15682.html (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

References

Agrba, E. L. (2015). Kartakhenskaya Deklaratsiya: vklad v zashchitu bezhentsev v Latinskoy Amerike [Cartagena Declaration: contribution to the protection of refugees in Latin America]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Economic and legal issues]*, 11:* 62—66. (In Russ.).

Arboleda, E. (1991). Refugee Definitions in Africa and Latin America: The Lessons of Pragmatism. *Internatuonal Journal of Refugee Law, 3 (2):* 185—207. DOI: 10.1093/ijrl/3.2.185.

Arenal, C. (2013). Democracia y derechos humanos en las Cumbres Iberoamericanas: teoría y práctica. In: *La Cumbre de Cádiz y las relaciones de España con América Latina. Ministero de asuntos exteriors y de cooperación. Gobierno de España.* 147—163. (In Spain.).

Barichello, S. E. (2015). Refugee protection and responsibility sharing in Latin America: solidarity programmes and the Mexico Plan of Action. *The International Journal of Human Rights.* 191—207. DOI: 10.1080/13642987.2015.1079025.

Barichello, S. (2015). The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America. In: *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges.* Brill Nijhoff. 149—171.

Brett, R., Lester, E. (2001). Refugee law and international humanitarian law: Parallels, lessons and looking ahead. A non-governmental organizations view. *Sociology, 83 (843):* 713—726. DOI: 10.1017/S1560775500119273.

Cantor, D., Rodríguez Serna, N. (2016). International protection of persons displaced by organized crime: Latin American legal and policy frameworks. In: *The New Refugees: Crime and Forced Displacement in Latin America*. University of London. 196 p.

Cantor, D. (2014). Protection of Asylum Seekers under the Inter-American Human Rights System. In: *Regional Approaches to the Protection of Asylum Seekers. An International Legal Perspective.* ASHGATE. 267—294.

Cantor, D. (2018). Responsibility-sharing in the refugee field: lessons from Latin America. Policy Brief. In: *Observatory on European Migration Law*. November. Pisa. Available at: http://immigrazione.jus.unipi.it/wp-content/uploads/2018/11/Policy-Brief-LA-responsibility-sharing.pdf (accessed 27.08.2020).

Cantor, D. J., Barichello, S. (2013). The Inter-American human rights system: a new model for integrating refugee and complementary protection? *The International Journal of Human Righs, 17 (5—6):* 689—706. DOI: 10.1080/13642987.2013.825077.

Fiddian-Qasmiyeh, E., Daley, P. (eds.) (2019). *Routledge Handbook of South-South Relations.* 448 p. ISBN 9781138652002.

Freier, L. F. (2015). A Liberal Paradigm Shift? A Critical Appraisal of Recent Trends in Latin American Asylum Legislation. In: *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges.* 118—148. DOI: 10.1163/9789004265585_007.

Gromoglasova, E. S. (2017). Gumanitarnyy krizis v «severnom treugolnike». Vzglyad skvoz' prizmu kontseptsii «otvetstvennosti po zashchite» [Humanitarian crisis in the "Northern triangle". A look through the prism of the concept of "responsibility to protect"]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]*, 12:* 43—54. (In Russ.).

Gudvin-Gill, G. S. (1997). *Status bezhentsa v mezhdunarodnom prave* [Refugee Status in international law]. Moskva: YuNITI. 647 p. (In Russ.).

Harley, T. (2014). Regional Cooperation and Refugee Protection in Latin America: A 'South-South' Approach. *International Journal of Refugee Law, 26 (1):* 22—47. DOI: 10.1093/ijrl/eeu004.

Jubilut, L. L., Carneiro, W. P. (2011). Resettlement in Solidarity: A New Regional Approach Towards a More Humane Durable Solution. *Refugee Survey Quarterly, 30 (3):* 63—86. DOI: 10.1093/rsq/hdr010.

Kudeyarova, N. Yu. (2017). Epokha massovykh migratsiy v Latinskoy Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The Era of mass migration in Latin America: globalization vs localization]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], *2:* 76—91. (In Russ.).

Kudeyarova, N. Yu. (2020). Latinskaya Amerika: demograficheskaya dinamika i transformatsiya migratsionnykh protsessov [Latin America: demographic dynamics and transformation of migration processes]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, Economics, law]*, 13 (1):* 119—140. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7. (In Russ.).

Kudeyarova, N. Yu., Rozental', D. M. (2020). Venesuelskiy migratsionnyy krizis: demografiya, neft' i gosudarstvo [The Venezuelan migration crisis: demography, oil and the state]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], *6:* 42—56. (In Russ.).

Lambis, L. J. (2013). Asilo y refugio en America Latina. ¿Avances o retrosesos? *Saber-ciencia y libertad, 8 (1):* 63—68. DOI: 10.18041/2382-3240/saber.2013v8n1.2480. (In Spain.).

Maihold, G. (2009). Las Cumbres hemisféricas y su impacto regional — un balance. In: *América Latina y la Diplomacia de Cumbres.* 61—80. (In Spain.).

Murillo, J. C. (2011). El debate entre asiloy "refugio". In: *El Universal.* 4 de enero. Available at: http://archivo.eluniversal.com.mx/editoriales/51216.html (accessed 27.08.2020). (In Spain.).

Mapendere, J. (2005). Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks. *Culture of Peace Online Journal, 2 (1):* 66—81. Available at: https://peacemaker.

un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed 27.08.2020).

Montville, J. V. (2006). Track Two Diplomacy: The Work of Healing History. *Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations, 17 (2):* 15—25.

Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace. (1996). Kumarian Press Books for a World That Works. 192 p.

Rousseau, E., Pende, A. S. (2020). Humanitarian Diploma. Global Diplomacy. In: *The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy*. 253—266. DOI: 10.1007 / 978-3-030-28786-3_18.

San Juan, C., Manly, M. (2004). El asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina: Análisis critico del dualismo "asilo-refugio" a la luz del Derecho Internacional de los Derechos Humanos. In: *El Asilo y la protección internacional de los refugiados en América Latina.* San José, C.R.: EDITORAMA. 23—76. (In Spain.).

Tinker, C., Sartoretto, L. M. (2015). New trends in migratory and refugee law in Brazil: the expanded refugee definition. *Panorama of Brazilian Law, 3 (3—4):* 143—169. DOI: 10.17768/pbl.a3.n3-4.p143.

Данилова Н. К. Ритуальная одежда народа саха: *таҥалай сон* (историческая память и семантика) / Н. К. Данилова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 362—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378.

Danilova, N. K. (2020). Ritual Clothing of the Sakha People: *tangalai son* (Historical Memory and Semantics). *Nauchnyi dialog, 11:* 362-378. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378. (In Russ.).

УДК 391.2(=1.512.157)“16”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-362-378

Ритуальная одежда народа саха: *таҥалай сон* (историческая память и семантика)

© **Данилова Наталия Ксенофонтовна (2020),** orcid.org/0000-0002-3728-5738, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), dan_nataliksen@mail.ru.

В данной статье на основе широкого круга фольклорных, языковых и этнографических материалов рассматривается старинная ритуальная одежда народа саха *таҥалай сон* в широкой исторической ретроспективе через призму «помнящей культуры» (по Я. Ассману). Впервые сделан подробный историографический обзор работ, посвященных ритуальной одежде *таҥалай сон*. Основной целью данного исследования стала реконструкция архаичных элементов, связанных с исторической памятью о ритуале. Предлагается интерпретация семантики слова. Выполняется анализ семиотического кода этого предмета одежды. Установлено, что в данной ритуальной одежде посредством символического кода ярко выражены тотемистические воззрения, связанные с архаическим мировоззрением народа. Семантический анализ названия *таҥалай сон* показал наличие у тюрко-монгольских народов аналогичных представлений, связанных с птичьим культом и восходящих своими истоками к древним тотемистическим и шаманским представлениям. Выявлен образ белой птицы / тотема, который нашел выражение в знаковом оформлении *таҥалай сон*, и проанализирован «пушной код» как элемент ритуала символического перерождения невесты.

Ключевые слова: якуты, ритуальная одежда; таҥалай сон; образы и символы; тотемизм; птичий культ; знаковая функция; семантика.

1. Таҥалай сон: история изучения

Этническая культура самых северных тюрков, народа саха (якутов), своими истоками восходящая к пространству евразийских номадов, всегда вызывала живой интерес и внимание исследователей этно- и культурогенеза народов Сибири. Несмотря на то, что предки якутов рано откололись от основного ядра тюркских народов, они сумели сохранить архетипическую пространственную память о Юге, которая сохранилась не только в духовной сфере, но и в материальной культуре, в частности в одежде.

На всем пути своего эволюционного развития одежда народа саха претерпела значительные изменения, но основные конструкционные элементы, связанные с всаднической культурой и южной прародиной, оставались неизменными. Так, например, А. П. Окладников отметил, что якутские кафтаны *сон*

и меховые шубы *сангыях* с боковыми и задними разрезами, шапки-*чомпой* с наушниками аналогичны длиннополым одеждам и башлыкам древнетюркских племен Сибири и Центральной Азии [Окладников, 1955, с. 250, 253].

Традиционные черты одежды степных племен сохранились и в женском старинном свадебном кафтане *таҥалай сон*, который был реконструирован и воссоздан якутскими мастерицами в конце XX века по материалам археологических раскопок. Следует отметить, что *таҥалай сон* к концу XVIII века исчезает из повсеместного распространения, на смену ему приходит более простая по технике шитья и декорирования, но не менее шикарная шуба *бууктаах сон* с характерным разрезом сзади и боковыми фалдами.

Первые сведения о женском ритуальном кафтане с меховыми короткими ¾ рукавами, с характерным для степных народов разрезом сзади или сбоку и сложным декором из бисера и металлических бляшек встречаются в трудах исследователей дореволюционного периода.

В середине XVIII — начале XIX веков начинается активное изучение Якутского края: путешественники, купцы, служилые люди собирали разного рода материал о языке и культуре якутов; были организованы и отправлены экспедиции для сбора материалов об уникальном тюркоязычном народе саха (якуты). Велико значение наследия политических ссыльных, заложивших основу якутоведения и внесших огромный вклад в его развитие и изучение.

Самые первые сведения об одежде якутов оставил голландский путешественник И. Идес, проезжавший через Сибирь в Китай в конце XVII века: «Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета <…> одежда открыта с обоих боков и сделана вроде бы по немецкой моде» [Идес и др., 1967, с. 230].

Во время работы в составе Второй Камчатской экспедиции в 1730—1740 годах Я. И. Линденау впервые зафиксировал термин *тагалай* в значении ‘верхняя женская одежда с короткими рукавами’ [Линденау, 1983, с. 51]. Позднее И. Г. Георги в своем известном сочинении (1776) привел описание женской одежды и включил его изображение на гравюре, выполненной мастерами гравировальной палаты Академии наук, в иллюстративный материал книги. И. Георги пишет: «Когда наряжаются (женщины. — *Н. Д.*), то надевают душегрейку без рукавов, которая почти на пядень короче кафтана, сверху онаго. Душегрейка сия делается из замши, либо тонкаго краснаго или инаго какого сукна, окладывается как и мужское платье, по краям белым или крашеным конским волосом, или опушается хорошею мягкою рухлядью, по краям же так как и по всем швам разпещряется красивыми вычурами, корольками, так же красными и синими полосами» [Георги, 1799, с. 185].

Участник экспедиции на Северо-Восток Сибири, известной как экспедиция Биллингса-Сарычева (1786—1789), И. Биллингс оставил ценные записи об обычаях народов Сибири. Среди этих записей есть сведения и про

особый вид старинного платья из голубого (зеленого) сукна с короткими до локтя рукавами. По праздникам этот кафтан украшали бисером и металлическими подвесками, по подолу наряда шла меховая опушка шириной 35—40 см, такая же опушка шириной около 7—8 см шла по передним бортам и вдоль боковых швов [Биллингс, 1978, с. 43].

Сведения Н. С. Щукина о длинном женском старинном суконном кафтане *тагалай*, отороченном мехом бобра, тарбагана, котика и т. д., с короткими рукавами до локтей, украшенном корольками и серебряными бляшками, повторяют описания, сделанные В. Биллингсом [Щукин, 1854, с. 6]. Таким образом, в материалах Георги, Биллингса и Щукина зафиксированы пережившие временную трансформацию *таҥалай сон*. Действительно, уже с середины XVII века в Якутию стали проникать различные мануфактурные материалы, поэтому ровдуга (замша) заменяется сукном и хлопком (даба), упрощается декор, но сохраняются основные элементы фасона: короткие рукава и разрез сбоку или сзади, меховая оторочка и короткие меховые рукава.

В 1851 году выходит работа известного ученого XIX столетия О. Н. Бетлингка о языке якутов, где он обратил свое внимание на слово *таҥалай* и отметил его как название «старинной якутской женской одежды» [Бетлингк, 1990, с. 540].

Во второй половине XIX века продолжается интенсивное изучение Якутского края. Так, по инициативе Русского географического общества была снаряжена экспедиция Р. К. Маака в Вилюйский округ. В целом Р. К. Маак собрал большой и разнообразный материал по этнографии вилюйских якутов, свидетельствующий об их заметном отличии от основной группы центральных якутов. Так, он отметил, что вилюйские якуты носили «одежду, по покрою и по украшениям резко отличавшуюся от нынешнего костюма» [Маак, 1886—1887, с. 65].

Особо ценным является то, что Р. К. Маак сделал описание фасона и рисунок с настоящего фамильного *таҥалай сон* богатого якута. Следует отметить, что его рисунок *таҥалай* аналогичен изображению на гравюре из книги И. Георги и соответствует описанию данного женского кафтана предшественниками. Интересно его замечание о том, что в древних захоронениях он часто встречал подобные одеяния — с металлическими украшениями и бисерами белого, черного и голубого цветов. Согласно приведенным им сведениям, в XIX веке *таҥалай сон* уже вышел из комплекса свадебной одежды и представлял собой фамильный раритет [Там же, с. 62]. На это также указывает и другой исследователь якутской культуры В. Л. Серошевский в своем фундаментальном труде «Якуты» (1896)[1] [Серошевский, 1993, с. 321].

1 В конце XIX века ритуальную свадебную одежду заменяет также доставшаяся в наследство от южных предков шуба сангыях, преимущественно сшитая из тарбаганьего меха [Серошевский, 1993, с. 321]. Данный вид старинной шубы по своей конструкции аналогичен меховым шубам западных бурят.

Огромный вклад в изучение и развитие якутоведения внес фундаментальный труд Э. К. Пекарского «Словарь якутского языка» (1927). Примечательно то, что в составлении словаря приняли участие многие известные исследователи-ученые, энтузиасты-краеведы и знатоки старины того времени (В. Л. Серошевский, В. М. Ионов и др.).

В словаре якутского языка Э. К. Пекарского приводятся названия разных видов старинной женской одежды *таҥалай сон*, комментируются значения слова *таҥалай.* Наличие разных как по художественному оформлению, так и по материалу кафтанов доказывает существование локальных вариантов «таҥалай сон» как вида одежды, а также проливает свет на его эволюционный путь и трансформацию [Пекарский, 1927, стлб. 2549—2550].

Труды дореволюционных исследователей были объединены одной концепцией о южном происхождении якутов. Так, с опорой на знания о тюрках Южной Сибири ими были выстроены енисейская и саянская теории происхождения якутов, а также концепция значительного влияния прибайкальских бурят на раннем этапе этно-и культурогенеза якутов. Так, были отмечены различного рода архаические элементы, апеллирующие к исторической памяти о Юге, которые, несмотря на совершенно другие климатические условия, были отражены в одежде (меховая шуба *сангыях*, боа *моойторук*, шапка *чопмой*, шапка с меховым султаном *еллюргэлээх бэргэһэ*, гривны *кылдьыы* и т. д.). В целом дореволюционные исследователи были едины во мнении, что старинная якутская одежда берет свои истоки на южной прародине, а её характерный разрез сзади (сбоку), сделанный для удобства верховой езды, восходит к традициям степных кочевников.

Труды дореволюционных исследователей, посвященные фольклору и этнографии народа саха, вызвали большой интерес у якутской интеллигенции и послужили стимулом к изучению истории и языка своего народа, его духовной и материальной культуры.

Советский период якутоведения начинается с трудов известных представителей якутской интеллигенции: писателей, ученых и краеведов-энтузиастов и др. Огромный пласт собранных ими у знатоков старины и хранителей «живой культуры» материалов по языку, фольклору, этнографии, археологии находится в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН.

В 30—40-ые годы Институтом языка, литературы и истории были организованы экспедиции в отдаленные районы республики, в которых приняли участие А. А. Саввин, С. И. Боло, И. Д. Новгородов. Они собрали уникальный по своему значению и содержанию полевой материал по самым разным аспектам якутской культуры (археология, этнография, фольклор, верования, язык, народная медицина, метеорология). Сегодня эти материалы представляют собой ценный источник для изучения культуры и истории народа саха.

Участниками экспедиции зафиксированы ценнейшие сведения о конструкции и декоре старинного женского кафтана *таҥалай сон* и его связей с религиозными обычаями дохристианского периода. Примечательно то, что этот материал был подтвержден и уникальными находками фрагментов *таҥалай сон* в древних якутских погребениях.

Обнаруженные якутскими археологами Е. Д. Стреловым, И. В. Константиновым, Н. Д. Архиповым фрагменты древнейших видов старинной одежды в погребениях XVII—XVIII веков стали вещественными доказательствами в составе архивных материалов и сведений, оставленных дореволюционными исследованиями. Так, археологами были обнаружены прототипы ровдужных кафтанов *таҥалай сон* с короткими рукавами, обильно декорированными корольками, бусинами, пластинами, бляшками и суконными вставками. Не подлежит сомнению заслуга и М. М. Носова как художника, «который одним из первых приоткрыл завесу над истоками национальной культуры и быта». О М. М. Носове писал известный якутский искусствовед И. А. Потапов [Потапов, 1979, с. 85]. Кроме того, М. М. Носов впервые изучил эволюционное развитие якутской одежды с древности до традиционного времени и изложил свою версию трансформационных механизмов, произошедших с одеждой народа саха, в том числе и с *таҥалай сон* [Носов, 1957]. Отдельно можно отметить значимость иллюстрированных альбомов М. М. Носова (1988, 2010), которые и стали стартовой площадкой для возрождения старинной одежды и в целом культурного наследия народа саха. Именно по его реконструкциям якутскими мастерицами (Е. Аммосова, А. Скрябина, Л. Кривошапкина, А. Зверева, С. Петрова, М. Гаврильева, Н. Андросова и др.) создавались и создаются старинные и традиционные типы костюмного комплекса.

Кропотливое изучение результатов археологических раскопок якутских погребений VII—XIX веков и широкого круга языковых, фольклорных, этнографических материалов позволило известным ученым А. П. Окладникову и А. И. Гоголеву открыть новый этап научного дискурса и заложить основу современного исследования истории и культуры народа саха [Окладников, 1955; Гоголев, 2018]. В их монографических исследованиях прорабатывается концепция южного происхождения народа саха, а одежда, в фасоне и декоре которой сохранились архаичные представления, связанные с исторической памятью о Юге и всадническо культуре, рассматривается как один из элементов культуры жизнеобеспечения.

В постсоветское время с использованием современных методов кросскультурного исследования начинают появляться работы якутских этнографов, в которых рассматриваются не только история зарождения и формирования традиций в якутской одежде, но и семиотическая интерпретация основных элементов и их связей с традиционным мировоззрением. Монография

Р. С. Гаврильевой «Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII вв.» (1998) стала первым исследованием по историко-культурологическому изучению художественных традиций старинной одежды, где особое внимание уделяется *таҥалай сон* и классификации его различных видов.

В дальнейшем одежда народа саха, в том числе *таҥалай сон,* становится предметом научного исследования С. И. Петровой, к тому же обладающей искусным мастерством традиционного шитья и орнаментации и стоявшей у истоков возрождения декоративно-прикладного искусства народа саха [Петрова, 2006].

Большой вклад в изучение истоков и художественных традиций якутского шитья и орнаментального искусства внесли сами народные мастерицы: Е. Аммосова [Аммосова, 1989], А. Н. Зверева [Зверева, 2008], С. Петрова [Петрова и др., 2013] и др.

В последнее время появились статьи молодых этнографов, посвященные как генезису, так и изучению знаковых характеристик одежды народа саха, в частности *таҥалай сон* [Данилова, 2013; Прокопьева и др., 2016 и др.].

Лингвистическое изучение терминологии якутской одежды и сопоставление с обозначением костюма родственных народов отражены в работах Л. М. Готовцевой [Готовцева, 2016], С. А. Иванова [Иванов, 2017].

Уникальные находки якутских археологов из ИГИиПМНС СО РАН и СВФУ подтверждают наличие различных вариаций старинной одежды «таҥалай сон», а также открывают глубокие слои древнейшего наследия народа саха. Отдельно следует сказать об археологических материалах и их публикациях саха-французской экспедиции [Мир древних якутов …, 2012].

Таким образом, в якутской историографии изучение старинной одежды народа саха с древности до современности занимает достойное место. С каждым новым этапом расширяются границы теоретико-методологического изучения традиционной одежды, и данная область обогащается новыми теоретическими и прикладными исследованиями. Несмотря на ряд исследований типологии традиционной одежды, до сих пор не осуществлено исследование, в котором было бы рассмотрено символическое оформление «таҥалай сон» и его связь с архаическими представлениями народа саха.

2. Тотемистические воззрения и символическое значение «таҥалай сон»

У древних народов существовали определенные тотемные животные и птицы, от которых зависели условия жизни и сам факт существования человека. И это обстоятельство не могло не выражаться в костюмном ансамбле древнего человека. Так, в декоре головных уборов, украшениях-талисманах, верхней одежде (шуба) отражены посредством символического кода тотемистические воззрения народа.

Комплекс костюма якутской невесты конца XVII — начала XVIII веков состоял из ровдужного платья, поверх которого надевали меховую безрукавку *кэдьинэ таналай*, родвужные трусы *сыалыйа* и ноговицы *сутуруо*. Свадебная безрукавка шилась из дорогих мехов соболя, бобра, богато украшалась бисером и металлическими бляшками. Несомненным атрибутом такой меховой безрукавки являются натазные украшения *өттүк симэгэ*. Они декорировались бисером, бусами, бляшками или кожаными нашивками и комплексом подвесок, состоящим из трубчатой игольницы (*иннэлик*), кошелька для небольших вещей (*хаппар*), трутницы с огнивицей (*кыалык*) и амулета оберега (*саһыл тумса*) [Гаврильева, 1998, с. 65].

Кээдьи (кэдьинэ, кэдьик) таҥалай сон начинали шить и декорировать задолго до сватовства, в течение длительного времени. Для этого в богатых семьях даже держали шитниц-мастериц. Жених не имел права увозить невесту в отчий дом, пока не будет приготовлен весь комплект приданого. В связи с этим у народа бытовали различные поговорки: *Аата, кээдьи тангалайы тикпиккэ дылы* / Как-будто шить безрукавку кээдьи тангалай (так говорят, когда человек очень долго тянет какое-нибудь дело); *Тангалай тигиитэ буоллаҕай?* / Будто сшить безрукавку *тангалай* (если речь идет о каком-нибудь трудно выполнимом деле).

Исследователи по-разному трактуют значение названия *таҥалай сон.* Если обратиться к семантике языковой единицы, то символический универсум слов *таҥалай / таҥалайдаа* включает следующие значения: ‘нёбо животного, птицы’, ‘движение, путь, полет’. Так, Э. К. Пекарский приводит локальные названия кафтана *таҥалай сон*, которые номинируют его разновидности, чуть отличающиеся как по фасону, так и по материалу, но при этом отмечается их основная особенность: укороченные рукава, разрезы для удобства верховой езды и наличие декора бусинами, металлическими пластинами и подвесками.

Ряд значений *таҥалай сон* связаны с тотемическими представлениями: 1. *Таҥалай, таҕалай* (тюрк.: *таҥлай, таҥдай;*бур.: *taŋalé, taŋalei, taŋalai;* монг.: *таҥлай;* тунг.: *taŋalai*) — ‘нёбо птиц или животных’; 2. *Таҥалай ойуу* — ‘похожий на нёбо узор, т. н. «узор елочкой»’; 3. *Кус таҥалайа* — ‘обороненное уткой на лету яйцо’; 4. *Таҥалайдаа* — ‘оставлять’ (без присмотра и уехать. — *Н. Д.*), согласно сведениям В. Серошевского, данный термин отсылает к свадебной обрядности, когда невеста по пути к жилищу жениха должна была оставлять за каждую остановку по *тангалай сон*.

Вторая группа значений собственно свидетельствует о существовании разновидности кафтана: *Таҥалай, таҕалай* — 1. Старинная почетная одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукава-

ми; свадебная шуба, которая бросалась через каждые девять остановок (олох); длинная суконная или крашеная ровдуная шуба с широким пухом (опушкой). *Сиринэн өттуур таҥалай* ‘достигающая земли безрукавка*’; сарыы таҥалай* ‘ровдужное платье’ [Пекарский, 1927, стлб. 2549—2550].

В дореволюционных исследованиях *таҥалай сон* представлено как ‘старинное одеяние’. Исследователи едины во мнении, что этот уникальный по своему оформлению и декору кафтан является сугубо обрядовой одеждой и входит в состав свадебного костюма якутской невесты. Об этом со всей очевидностью свидетельствует широкий круг языковых, фольклорных, этнографических и археологических материалов.

Как отметил А. П. Окладников, происхождение *таҥалай сон* никак не связано с культурой соседних коренных малочисленных народов Севера, поскольку у них нет подобного фасона и оформления верхней одежды [Окладников, 1959, с. 252]. Зато вид одежды, похожий на безрукавку, распространен у тюрко-монгольских народов. Так, исследователи (А. П. Окладников, Д. С. Дугаров, Р. С. Семенова и др.) зафиксировали безрукавки *дэгэлэй* у эхиритов, *морин уужа* у восточных бурят, *чегедек* у алтайцев, *цегедек* у монголов, *цэгдэк* у калмыков, *сигедек* у хакасов. Все эти виды безрукавок представляют собой верхнюю плечевую распашную одежду с отдельно выкроенными верхней и нижней половинами и с характерными для кочевых народов разрезами сзади или сбоку. Для якутского *таҥалай сон* характерно наличие на линии пояса орнаментированных полосок, подчеркивающих горизонтальный шов и разделяющих кафтан на две половины, а также задние или боковые разрезы. Как отметил А. П. Окладников, этимологически слово *таҥалай (тангалай)* сходно с древнетюркским *дагала*, означающим ‘верхнее платье, шитое золотом’ [Окладников, 1955, с. 251].

В отличие от якутского «тангалай» тюрко-монгольские безрукавки шьются из тканевого материала. Это свидетельствует о том, что предки якутов двинулись на север в довольно раннее этнографическое время, следовательно, ровдужный (меховой) таҥалай сон может представлять собой древнейший тип наплечной одежды кочевников евразийский степей и лесов и напрямую быть связанным с древним тотемистически-промысловым культом и женским шаманством.

Рассмотрим более подробно семантические параллели тотемистических воззрений у тюрко-монгольских народов, так или иначе связанных с мифологическим значением безрукавок. Согласно мнению Д. С. Дугарова, этимология обозначения бурятских безрукавок *хубайси* происходит от древнетюркского *куба* ‘лебедь, лебяжья одежда’; *дэглээ / дэгэлэй* — от слова цапля (стерх? — *Н. Д.*) ‘водоплавающая перелетная птица’; а *уужи* — от древнетюркского *удж* ‘летать, парить, крылья’ [Дугаров, 1983, с. 108—112],

что является ярким подтверждением отражения в древней одежде птичьего культа и тотемных птиц. Следует отметить, что птицы в мифологической картине мира тюрко-монгольских народов выступают как демиурги, медиаторы между мирами, покровители людей, носители особого шаманского словесного текста. В мифоритуальном пространстве образы лебедя / стерха наделены аналогичными характеристиками, связанными как с небесными божествами, так и с женщинами-удаганками.

По своей структуре и ритуальному сценарию очень интересен древний обряд, когда охотник, нечаянно убивший стерха, одевал его в нарядную *таҥалай сон*, вносил его через правое окно балагана и укладывал на стол. Считалось, что только тогда душа птицы смягчалась и прощала охотника. У ряда локальных групп якутов (намские, уоргаларские, еспехские, эльгятские), чей тотем был связан с образом белой птицы, существовало поверье о том, что замужние женщины перед белыми птицами обязательно должны были предстать в таҥалай сон и головном уборе.

Примечательно, что земной ипостасью богини деторождения *Айыысыт Хотун* у якутов считался стерх — белая птица. У северных якутов был распространен обычай: при трудных родах скоблили клюв стерха, разводили в воде и давали пить роженице, тем самым наделяли ее живительной силой божественной птицы [Слепцов, 2017, с. 105].

У многих тюрко-монгольских народов, чьим тотемом выступала белая птица — лебедь, существовали одинаковые по своему содержанию обрядовые действия, связанные с почитанием лебедя. Так, замужняя женщина не должна была показываться перед лебедями без головного убора и безрукавки, в противном случае птицы могли наказать ее и наделить ее недугом «кликушество». Далее, услышав лебединый клич, женщины обязательно надевали безрукавку, шапку и выбегали на улицу для приношения жертвы белой молочной пищей. У тувинцев рода «куу» (букв. лебедь) был обычай дарить убитого лебедя для сватания невесты [Дугаров, 1983, с. 105].

Аналогичные сказочные сюжеты о лебеди-прародительнице существовали у западных бурят и якутов. Согласно бурятским мифологическим текстам, парень по имени Хоридой похищает лебединое одеяние у девушки-оборотня, берет ее в жены и становится родоначальником племени хори [Там же, с. 104]. В якутском варианте боотур *Учугэй Уедюйээн* также похищает лебединые перья небесной девы и женится на ней, а их потомки затем становятся родоначальниками девяти улусов. Интересно то, что в обоих сюжетах лебедица бросает земного человека и улетает к себе в Верхний мир, но не прекращает покровительствовать своим потомкам как праматерь-тотем.

В локальные варианты старинного свадебного ритуала якутов входил следующий обряд, интересный в своем символическом оформлении: богатая и

именитая невеста во время свадебной поездки в дом жениха совершала «ритуальные остановки» — *олох.* Во время этих остановок невеста должна была преподнести в дар духу-хозяйке местности *Аан Алахчын хотун* (*Маган Манхалыын*) особое жертвоприношение. Для этого на заранее установленный навес из молодых березок или на ветвистое дерево невеста укладывала специально сшитый для этого обряда тангалай сон. Считалось, что лучшая невеста делает девять остановок [Кулаковский, 1979, с. 95; Серошевский, 1993, с. 539].

Похожий обряд подношения одежды духам земли был у западных бурят. Бурятская невеста вешала меховой набедренник *бэлэпши* из волчьей шкуры или лапок на березу. Следует отметить, что у западных бурят набедренник *бэлэпши* поверх меховой шубы носили женщины во время охоты в эпоху зегетэ-аба [Хангалов, 1958, с. 270]. Согласно архивным данным, у якутов в старину также существовал древний вид тангалая в форме юбки, сшитый из ровдуги и красиво окаймленный полосами черно-белого жеребячьего меха [Саввин, 1940, л. 10].

Таким образом, данные свадебные обряды с подношением одежды духу — хозяйке земли имплицитно восходят к культу умирающего и воскресающего зверя. Как отмечает В. Е. Васильев, существование образа матери-зверя в тотемистически-промысловом культе подсказывает, что в древности магические обряды промысловой охоты могли совершаться под руководством женщин-жриц (удаганок), исполнявших при этом роль матери-зверя. После смерти удаганок хоронили по всем канонам тотемистического культа на воздушных погребениях *арангасах*. При этом считалось, что души умерших шаманок превращались в белых птиц — стерхов или лебедей [Васильев, 1994, с. 48—49.].

Согласно представлениям, невеста погружается во «временную смерть» перед отправлением свадебного поезда из дома родителей, когда совершается обряд одевания *«сюктэр кыыс танныыта».* Ее буквально завертывают меховой одеждой как саваном. Так, свадебная безрукавка *кэдьинэ таҥалай сон* и семантически, и практически выполняет функцию погребальной одежды (после смерти на женщину обязательно надевают *таҥалай сон*).

Этимология слов *кээдьи, кэдьик, кэдьинэ* восходит к древнетюркскому *кэйим*, *кэдим, кэдьим, кедьулук* — ‘одежда, одеяние’; *кедьут* — ‘одежда, преподносимая в качестве приданого или дара’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 293—295.]; *кежеге* (алт.) — ‘ритуальная занавеска невесты’ [Дьяконова, 2001, с. 122]. Следует отметить, что у древних алтайцев *кежеге* впоследствии становится погребальным атрибутом. В случае смерти супругов верхнюю половину занавески, которая закрывала изголовье постели, клали под мужчину, а нижнюю половину — под женщину [Древнетюркский словарь, 1969, с. 126]. Все эти термины связаны с идеей смерти и воскрешения и выражены через «пушной код». Кроме того, невеста должна была брать с собой несколько свя-

зок шкур пушных зверей (лисицы бурой, рыжей, с белой отметиной — *«кюннээх саһыл»*, белки, горностая, иногда рыси и соболя для подношения в дар духам-иччи двора, загона для скота, хлева, рогатого скота, коновязи (*сэргэ*), почетного столба (*Тойон багана*), матицы (*сегургэнэ*), очага *(аал уот иччитэ*) дома родителей мужа [Саввин, 1938, л. 15; Худяков, 1969, с. 171].

Таким образом, невеста оставляет в качестве подарка *тангалай сон* духу природы, земли в обмен на свое благополучие на новом месте. Кроме того, задабривает домашних духов-иччи аналогами *таҥалая* — шкурками зверей, украшенными бисером, бусами и монетами. В этом случае следует обратить внимание на состав зверей связки. Связка шкурок из «пяти остромордых» (белка, соболь, заяц, лисица, горностай) являлась обязательным атрибутом ритуального одеяния бурятских шаманов и служила оберегом и защитником шамана в путешествиях в мир духов [Михайлов, 1980, с. 154].

Отметим, что «пушной код» в символическом универсуме *таҥалай сон* также имеет огромное значение. Во-первых, мех как креационное сырье связан с наделением невесты продуцирующей силой, выступает как плацента, внутри которой происходит символическое перерождение невесты, но также связывается и с «небесным бестиарием» — сакральными лесными жителями: волком и медведем.

3. Заключение

Охота, будучи основным видом деятельности, на определенном этапе исторического развития определяла и характер мировоззрения людей. Эти проявления прежде всего зафиксированы в тех представлениях, которые сложились вокруг основных объектов охоты — главных промысловых зверей и птиц. Главными объектами охоты были волк и медведь, являвшиеся одновременно центральными фигурами бестиария, в состав которого входили все остальные тотемные звери и птицы. Поэтому древний охотник, связывая себя с теми или другими тотемными животными, старался всячески подражать и угождать ему.

Следует отметить, что вместе с *таҥалай сон* в старину надевали «шапку с рогами» *муостаах бэргэһэ*, о наличии которой есть много упоминаний как в сведениях, оставленных дореволюционными исследователями, так и в фольклорных материалах и в археологических находках.

Главным отличительным знаком *таҥалай сон* является его богатое оформление. Название свадебной шубы *таҥалай* схоже с названием узора *тангалай*. Узор *таҥалай*, по мнению М. М. Носова, скопирован с выпуклых извилин на небной части ротовой полости рогатого скота [Носов, 1957, с. 110—112]. Но если рассмотреть символический универсум и ритуальное назначение *таҥалай сон* и его связь с тотемизмом, то в этом случае узор

копирует скорее *таҥалай* ‘нёбо’ тотемных животных или птиц — медведя, волка, стерха или лебедя, — так как основная семантическая нагрузка этого вида одежды связана с апотропеической функцией. Древний человек интуитивно осознавал свое место в мироздании, ощущал собственную малость перед величием Природы, поэтому оформление *таҥалай сон* выступало в качестве своеобразного «прикрытия» от негативных сил последней. Интересно то, что у северных якутов сохранились предания, в которых сообщается, что в древности ботуры во время военных действий надевали *«кэй тириитин кэдьинэ танаһын»* (досл. одежду (доспехи) *кэдьинэ* из шкуры зверя *кей*) [Васильев, 2006, с. 17]. В этом случае богато расшитые бисерные полоски *тангалай* и медные подвески интерпретируются как противодемонические компоненты, а сам узор представляет собой широко раскрытую пасть медведя или волка, которая могла бы отпугнуть злые силы и негативную энергию. Следует также отметить, что бисер древний человек рассматривал скорее как амулет, нежели как предмет художественного оформления одежды, поскольку бисер, колокольчики, медные подвески почитались им как божественное существо, и он высоко ценился как могучий амулет, нашивание которого на одежду имело целью окружить тело человека великой армадой могучих существ.

Охранительными свойствами обладают также и полосы меха и кожи, так как каждая из этих категорий украшений имеет религиозное значение, то есть связана с древним тотемистическим культом и представляет собой своеобразные доспехи, защищающие от темных сил. А невеста, как известно, находится как раз в таком уязвленном положении, когда она живет между двумя мирами и здесь происходит ее ритуальная «смерть и возрождение».

Таким образом, обрядовая одежда носила двоякую смысловую нагрузку: во-первых, являлась материальной оболочкой человека, медиативным знаком, связывающим его с сверхъестественными силами и окружающим миром; во-вторых — защитой человека и его души-кут от отрицательного влияния, от воздействия различных негативных сил «мира природы». Широкое использование *таҥалай сон* в различных обрядовых ситуациях раскрывает высокий семиотический статус этого вида одежды. Семантический и лингво-культурологический анализ *таҥалай сон* связывает его происхождение с древними архаическими верованиями, когда женщины-жрицы были во главе матриархального общества. В них транслируется отголосок того времени, когда женщины-жрицы считались живыми воплощениями высших небесных божеств. Вполне возможно, что *таҥалай сон* был одеждой удаганки, а затем, по мере трансформации конструкции самой одежды, а также дальнейшей передачи знаковых функций, связанных с женщинами-жрицами, на общий образ женщины, безрукавка становится свадебной одеждой.

Источники

1. *Саввин А. А.* Культ духа-хозяйки земли Аан Алахчын хотун. 1938 г. / А. А. Саввин // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 61. Л. 1—27.

2. *Саввин А. А.* Этнографические заметки. 1940 г. / А. А. Саввин // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 39. Л. 1—48.

Литература

1. *Аммосова Е. Е.* Ремесла предков вчера и сегодня / Е. А. Аммосова. — Якутск : Книжное издательство, 1989. — 48 с.

2. *Бетлингк О. Б.* О языке якутов / О. Б. Бетлингк. — Новосибирск : Наука, 1990. — 646 с.

3. *Биллингс И.* О якутах : журнал, или поденник, флотского капитана / И. Биллингс // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. — Магадан : Книжное издательство, 1978. — 176 с.

4. *Васильев В. Е.* Культ божеств айыы древнеарийского происхождения? / В. Е. Васильев // Этнос : традиции и современность : сборник научных трудов. — Якутск : Издательство ЯНЦ СО РАН, 1994. — С. 77—85.

5. *Васильев В. Е.* Саха тёрют итэгэлэ былыргы сэhэннэргэ / В. Е. Васильев. — Дьокуускай : Бичик, 2006. — 96 с. (на якутском языке). ISBN 5-7696-2480-9.

6. *Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов / Ф. Ф. Васильев. — Якутск : Бичик, 1995. — 220 с.

7. *Идес И.* Заметки о русском посольстве в Китае (1692—1695 гг.) / И. Идес, А. Брамс. — Москва : Наука, 1967. — 404 с.

8. *Гаврильева Р. С.* Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века / Р. С. Гаврильева. — Новосибирск : Наука, 1998. — 144 с.

9. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1799. — Ч. II. — 178 с.

10. *Гоголев А. И.* Происхождение народа саха и его традиционной культуры / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. — 256 с. ISBN 978-5-7513-2474-2.

11. *Готовцева Л. М.* Номинация названий одежды, головных уборов и их элементов в якутском языке / Л. М. Готовцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6 (3). — С. 83—86.

12. *Данилова Н. К.* Одежда и украшения / Н. К. Данилова // Якуты. — Москва : Наука, 2013. — С. 212—235.

13. *Древнетюркский* словарь. — Ленинград : Наука, 1969. — 676 с.

14. *Дугаров Д. С.* Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов / Д. С. Дугаров // Советская этнография. — 1983. — № 5. — С. 104—113.

15. *Дьяконова В. П.* Алтайцы : (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая) / В. П. Дьяконова. — Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2001. — 223 с. ISBN 5-92509-0005-7.

16. *Зверева А. Н.* Олонхо. Этно-Арт : народное и декоративно-прикладное искусство : каталог / А.Н. Зверева. — Якутск : CMYK-Master, 2008. — 101 с.

17. *Иванов С. А.* Лексические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. — Новосибирск : Наука, 2017. — 390 с. ISBN 978-5-02-038692-1.

18. *Кулаковский А. Е.* Научные труды / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Книжное издательство, 1979. — 483 с.

19. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) : историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. — Магадан : Книжное издательство, 1983. — 176 с.

20. *Маак Р. К.* Вилюйский округ Якутской области. В 3 ч. / Р. К. Маак. — Санкт-Петербург : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1886—1887. — 213 с.

21. *Мир* древних якутов : опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А. Н. Алексеева. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 226 с. ISBN 978-5-7513-1594-8.

22. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / Т. М. Михайлов. — Новосибирск : Наука, 1980. — 320 с.

23. *Носов М. М.* Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVII столетия до 1920-х годов / М. М. Носов // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. — Якутск : ЯКМ, 1957. — Выпуск 2. — С. 116—152.

24. *Окладников А. П.* История Якутии / А. П. Окладников. — Якутск : Якутгосиздат, 1955. — Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. — 440 с.

25. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1927. — Выпуск 10. — 26 с.

26. *Петрова С. И.* Свадебный наряд якутов : традиции и реконструкция / С. И. Петрова. — Новосибирск : Наука, 2006. — 104 с. ISBN 5-02-031098-0.

27. *Петрова С. И.* Народный костюм якутов : историко-этнографическое и искусствоведческое исследование / С. И. Петрова, З. М. Заболоцкая. — Новосибирск : Наука, 2013. — 207 с. ISBN 978-5-02-019062-7.

28. *Потапов И. А.* Первые художники советской Якутии / И. А. Потапов. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. — 135 с.

29. *Прокопьева А. Н.* Украшения эпохи позднего средневековья Якутии (по материалам могильника Ат Дабаан) / А. Н. Прокопьева, К. М. Яковлева // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы VII Международной научной конференции. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. — С. 186—191.

30. *Серошевский В. Л.* Якуты : Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — 2-е изд. — Москва : Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. — 736 с.

31. *Слепцов П. А.* Научные труды. Публикации / П. А. Слепцов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2017. — 332 с. ISBN 978-5-7513-2394-4.

32. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений : в 3 т. / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — Т. 1. — 551 с.

33. *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Ленинград : Наука, 1969. — 439 с.

34. *Щукин Н. С.* Якуты / Н. С. Щукин // Журнал Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1854. — Книга VII. — 47 с.

Ritual Clothing of the Sakha People: *tangalai son* (Historical Memory and Semantics)

© **Nataliya K. Danilova (2020),** orcid.org/0000-0002-3728-5738, PhD in History, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), dan_nataliksen@mail.ru.

The ancient ritual clothing of the Sakha *tangalai son* people in a broad historical retrospective through the prism of “remembering culture” (according to Ya. Assman), based on a

wide range of folklore, linguistic and ethnographic materials, is examined in the article. For the first time, a detailed historiographic review of works devoted to the ritual clothing of the *tangalai son* was made. The main goal of this study was the reconstruction of archaic elements associated with the historical memory of the ritual. The interpretation of the semantics of the word is proposed. The analysis of the semiotic code of this garment is carried out. It has been established that in this ritual clothing, through a symbolic code, totemistic views associated with the archaic worldview of the people are clearly expressed. Semantic analysis of the name *tangalai son* showed that the Turkic-Mongol peoples had similar ideas associated with the bird cult and originating in ancient totemistic and shamanistic ideas. The image of a white bird / totem was revealed, which found expression in the symbolic design of the *tangalai son*, and the "fur code" was analyzed as an element of the ritual of the symbolic rebirth of the bride.

Key words: Yakuts, ritual clothing; tangalai son; images and symbols; totemism; bird cult; sign function; semantics.

Material resources

Savvin, A. A. (1938). Kult dukha-khozyayki zemli Aan Alakhchyn khotun. 1938 g [The Cult of the spirit-mistress of the earth Aan Alakhchyn khotun. 1938]. In: *Arkhiv YaNTs SO RAN.* F. 4. Op. 12. D. 61. L. 1–27 [Archive of the YANC SB RAS]. (In Russ.).

Savvin, A. A. (1940). Etnograficheskiye zametki. 1940 g [Ethnographic notes. 1940]. In: *Arkhiv YaNTs SO RAN.* F. 4. Op. 12. D. 39. L. 1—48 [Archive of the YANC SB RAS]. (In Russ.).

References

Ammosova, E. E. (1989). *Remesla predkov vchera i segodnya* [Crafts of ancestors yesterday and today]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 48 p. (In Russ.).

Betlingk, O. B. (1990). *O yazyke yakutov* [About the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka. 646 p. (In Russ.).

Billings, I. (1978). O yakutakh: zhurnal, ili podennik, flotskogo kapitana [About the Yakuts: journal, or day-book, of the naval captain]. In: *Etnograficheskiye materialy Severo-Vostochnoy geograficheskoy ekspeditsii 1785—1795 gg* [Ethnographic materials of the North-Eastern geographical expedition of 1785—1795]. Magadan: Knizhnoye izdatelstvo. 176 p. (In Russ.).

Danilova, N. K. (2013). Odezhda i ukrasheniya [Clothing and jewelry]. In: *Yakuty* [Yakuts]. Moskva: Nauka. 212—235. (In Russ.).

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. (1969). Leningrad: Nauka. 676 p. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1983). Lebed' v ornamente zhenskogo kostyuma tyurko-mongolskikh narodov [Swan in the ornament of womens costume of the Turkic-Mongolian peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]*, 5:* 104—113. (In Russ.).

Dyakonova, V. P. (2001). *Altaytsy: (Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)* [Altaians: (Materials on Ethnography of telengites of the Altai Mountains)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer. 223 p. (In Russ.). ISBN 5-92509-0005-7.

Ides, I., Brams, A. (1967). *Zametki o russkom posolstve v Kitaye (1692—1695 gg.)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692—1695)]. Moskva: Nauka. 404 p. (In Russ.).

Gavrileva, R. S. (1998). *Odezhda naroda sakha kontsa XVII — serediny XVIII veka* [Clothing of the Sakha people of the late XVII — mid. XVIII century]. Novosibirsk: Nauka. 144 p. (In Russ.).

Georgi, I. G. (1799). *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav,*

veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia]*, II.* Sankt-Peterburg. Imperial Academy of Sciences. 178 p. (In Russ.).

Gogolev, A. I. (2018). *Proiskhozhdeniye naroda sakha i yego traditsionnoy kultury* [Origin of the Sakha people and their traditional culture]. Yakutsk: Izdatelskiy dom. SVFU. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-2474-2.

Gotovtseva, L. M. (2016). Nominatsiya nazvaniy odezhdy, golovnykh uborov i ikh elementov v yakutskom yazyke [Nomination of names of clothing, hats and their elements in the Yakut language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*, 6 (3):* 83—86. (In Russ.).

Ivanov, S. A. (2017). *Leksicheskiye osobennosti govorov yakutskogo yazyka* [Lexical features of Yakut dialects]. Novosibirsk: Nauka. 390 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-038692-1.

Khangalov, M. N. (1958). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], *3 (1).* Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 551 p. (In Russ.).

Khudyakov, I. A. (1969). *Kratkoye opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk district]. Leningrad: Nauka. 439 p. (In Russ.).

Kulakovskiy, A. E. (1979). *Nauchnyye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 483 p. (In Russ.).

Lindenau, Ya. I. (1983). *Opisaniye narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskiye materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Knizhnoye izdatelstvo. 176 p. (In Russ.).

Maak, R. K. (1886—1887). *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyuysky district of the Yakut region.], *3.* Sankt-Peterburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya. 213 p. (In Russ.).

Mikhaylov, T. M. (1980). *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshikh vremen po XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the XVIII century)]. Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.).

Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [The World of ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. (2012). Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 226 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-1594-8.

Nosov, M. M. (1957). Evolyutsionnoye razvitiye yakutskoy odezhdy s kontsa XVII stoletiya do 1920-kh godov [Evolutionary development of Yakut clothing from the end of the XVII century to the 1920s]. In: *Sbornik nauchnykh statey Yakutskogo respubliki. krayevedcheskogo muzeya* [Collection of scientific articles of the Yakut Republic. regional museum], *2*. Yakutsk: YaKM. 116—152. (In Russ.).

Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutii* [History of Yakutia], *1.* Proshloye Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu [The Past of Yakutia before joining the Russian state]. Yakutsk: Yakutgosizdat. 440 p. (In Russ.).

Pekarskiy, E. K. (1927). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language], *10.* Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 26 p. (In Russ.).

Petrova, S. I. (2006). *Svadebnyy naryad yakutov: traditsii i rekonstruktsiya* [Wedding dress of the Yakuts: traditions and reconstruction]. Novosibirsk: Nauka. 104 p. (In Russ.). ISBN 5-02-031098-0.

Petrova, S. I., Zabolotskaya, Z. M. (2013). *Narodnyy kostyum yakutov: istoriko-etnograficheskoye i iskusstvovedcheskoye issledovaniye* [Folk costume of the Yakuts: historical, ethnographic and art history research]. Novosibirsk: Nauka. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-019062-7.

Potapov, I. A. (1979). *Pervyye khudozhniki sovetskoy Yakutii* [The First artists of Soviet Yakutia]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. 135 p. (In Russ.).

Prokopeva, A. N., Yakovleva, K. M. (2016). Ukrasheniya epokhi pozdnego srednevekovya Yakutii (po materialam mogilnika At Dabaan) [Jewelry of the late middle ages of Yakutia (based on the materials of the At Dabaan burial ground)]. In: *Drevniye kultury Mongolii, Baykalskoy Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Proceedings of the VII International scientific conference]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. 186—191. (In Russ.).

Seroshevskiy, V. L. (1993). *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: Experience of ethnographic research]. Moskva: Assotsiatsiya «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya». 736 p. (In Russ.).

Shchukin, N. S. (1854). Yakuty [Yakuts]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of internal Affairs], *VII.* Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. 47 p. (In Russ.).

Sleptsov, P. A. (2017). *Nauchnyye trudy. Publikatsii* [Scientific works. Publications]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 332 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7513-2394-4.

Vasilyev, V. E. (1994). Kult bozhestv ayyy drevneariyskogo proiskhozhdeniya? [The Cult of the deities of Aiyy of ancient Aryan origin?]. In: *Etnos: traditsii i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Ethnos: traditions and modernity: collection of scientific papers]. Yakutsk: Izdatelstvo YaNTs SO RAN. 77— 85. (In Russ.).

Vasilyev, F. F. (1995). *Voyennoye delo yakutov* [Military Affairs of Yakts]. Yakutsk: Bichik. 220 p. (In Russ.).

Vasilyev, V. E. (2006). *Sakha teryut itegele bylyrgy sehennerge* [Sakha tarut of idagale bilingu seenega]. Dokuuskay: Bichik. 96 p. (In Yakut.). ISBN 5-7696-2480-9.

Zvereva, A. N. (2008). *Olonkho. Etno-Art: narodnoye i dekorativno-prikladnoye iskusstvo: katalog* [Olonkho. Ethno-Art: folk and decorative arts: catalog]. Yakutsk: CMYK-Master. 101 p. (In Russ.).

Зориктуев Б. Р. К вопросу о двух монгольских государствах в начале XIII века / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 379—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-379-395.

Zoriktuev, B. R. (2020). On the Question of the Two Mongol States in the Early XIII Century. *Nauchnyi dialog, 11:* 379-395. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-379-395. (In Russ.).

УДК 94(517)(571.6)“12”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-379-395

К вопросу о двух монгольских государствах в начале XIII века[1]

© **Зориктуев Булат Раднаевич (2020),** orcid.org/0000-0001-5760-0064, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), enhe_z@mail.ru.

Исследована малоизученная в монголоведении проблема двух монгольских государств в начале XIII века, о которых в 1216 году в своем сочинении «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» сообщил южносунский ученый Ли Синьчуань. Отмечается, что одно государство, основанное Чингис-ханом, находилось в Монголии, другое — в низовье Амура. Использованы результаты новейших исследований этногенеза монголов и истории названий р. Амур. Рассматривается вопрос о первоначальной родине монголов. Выдвигается версия о том, что это местность Эргунэ-кун, находившаяся на правом берегу Аргуни. В качестве исходного варианта для имени *монгол* реконструируется форма *мангол* с семантикой ‘те, которые живут на р. Мангу’. Доказано, что с древности Аргунь и Амур разным народам представлялись одной рекой, называвшейся *Мангу*. Сообщается, что тунгусо-маньчжурские племена нижнего течения Амура по полученному со стороны коллективному прозвищу были известны как *мангуни* — «люди реки Мангу». Определено, что китайцы общности *мангол* и *мангуни* называли одним именем — *мэнгу*, которым обозначались монголы. Подчеркивается, что к существовавшим у них политиям ими также прилагалось общее наименование — *Да мэнгу го*. Установлено, что эти факты и ряд других внешних совпадений у обеих групп ввели в заблуждение Ли Синьчуаня, вынудив его считать политию нижнеамурских мангунов монгольским государством. Утверждается, что это нашло отражение в его сочинении, понуждая к ошибкам современных исследователей.

Ключевые слова: Аргунь; Нижний Амур; первоначальная родина монголов Эргунэ-кун; самоназвание *мангол*; этническое прозвище *мангуни*, государство Yeke Mongγol Ulus; Великое мангунское «государство».

1. Введение

В современном монголоведении одним из наиболее малопонятных, а потому трудно разрешимых является вопрос о двух монгольских государствах в начале XIII века. Одно государство находилось в Монголии и было создано Чингис-ханом, другое располагалось на Нижнем Амуре и выходило на море. Краткие сведения об этих государствах и их жителях содержатся в сочинении южносунского

1 Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4).

ученого Ли Синьчуаня (1166—1243) «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзянь-янь», 1216) (далее кратко — «Цза-цзи»). В нем описаны события, произошедшие после 1127 года, когда сунский двор под напором чжурчжэньских войск бежал на юг и этим положил начало существованию южносунской империи (1127—1279) [Чжао Хун, 1975, с. 93, прим. 9; с. 135, прим. 126].

По-видимому, в том же XII веке (точная дата неизвестна) другим сунским автором Юйвэнь Мао-чжао на основе «Цза-цзи» было создано произведение «Да цзинь го-чжи» («Записки о государстве Великая Цзинь») [Там же, с. 124—125, прим. 99]. В записках собраны сведения об истории династии Цзинь и разных сторонах жизни и культуры чжурчжэней.

В XIII веке, в 1221 году, также на базе «Цза-цзи» китайским послом Чжао Хуном после посещения ставки монгольского главнокомандующего в Яньцзине (совр. Пекин) было написано сочинение «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») [Там же, с. 51]. В нем автор дал обстоятельный рассказ об увиденном в поездке.

Два последних сочинения в середине XIX века, со всеми заимствованиями из «Цза-цзи», были переведены на русский язык китаистом В. П. Васильевым [Васильев, 1859, с. 1—235]. В 1975 году, с учетом недостатков и погрешностей его перевода «Мэн-да бэй-лу», новый высококачественный перевод данного памятника с развернутым комментарием, с примечаниями к тексту выдающегося китайского ученого Ван Го-вэя осуществил крупный монголовед и синолог современности Н. Ц. Мункуев. С выходом этой работы материал Ли Синьчуаня о двух монгольских государствах стал хорошо известен монголоведам не только России, но и многих других стран.

Констатируя это, все же следует откровенно признать, что с середины XIX века, когда с сочинением Ли Синьчуаня, благодаря переводу В. П. Васильева, впервые познакомилась научная общественность России, до сих пор остается неясным вопрос, два каких монгольских государства в разных частях азиатского континента существовали в начале XIII века. На наш взгляд, главная причина отсутствия удовлетворительного ответа на этот вопрос видится в том, что тем исследователям, которые в разное время брались за разрешение этой сложной проблемы, не хватало четкого представления о начальном этапе этнической истории монголов, а именно — знаний о том, где находилась первоначальная родина монголов, когда сформировалась этническая основа их этноса, что значит имя *монгол*, каково его происхождение и т. д. Без знания этого материала понять и показать, каким образом в XIII веке в дальневосточном регионе могло появиться еще одно монгольское государство, было невозможно.

В предлагаемой статье изложены результаты исследования этой непростой и далеко не новой проблемы, которая никогда не подвергалась основа-

тельному критическому анализу. В ходе ее раскрытия последовательно были изучены и решены следующие задачи: установлено первоначальное место обитания предков монголов; определено время, на протяжении которого сформировалось этническое ядро будущего монгольского этноса; выяснен архетип имени *монгол*, выявлена его семантика; прояснен вопрос о древнем тунгусо-маньчжурском названии р. Амур; установлено происхождение и значение издавна бытовавшего у нижнеамурского населения названия *мангуни*; выявлена подоплека того, почему южносунский ученый Ли Синьчуань считал монголов Монголии и нижнеамурских мангунов двумя региональными частями одной монгольской общности, а существовавшую у тунгусо-маньчжурских племен мангунов политию — монгольским государством.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней исследована никогда не становившаяся предметом отдельного изучения в монголоведении проблема двух монгольских государств в начале XIII века.

2. Первоначальная родина монголов и их расселение к началу XIII века. Государство Yeke Mongγol Ulus

Исследование этногенеза монголов прежде всего предполагает раскрытие вопроса о местонахождении их первоначальной родины Эргунэ-кун. Эта проблема по научной значимости является одной из ключевых в мировом монголоведении. В источниках топоним *Эргунэ-кун* впервые упомянут в «Сборнике летописей». В нем сообщается, что в «древности» у племени монгол случилась распря «с другими тюркскими племенами», приведшая к его почти полному физическому истреблению. Остались лишь «две семьи», бежавшие «в недоступную местность» Эргунэ-кун. Когда их потомки «размножились» и им там стало «тесно», они вышли «на простор степи». Вместе с «настоящими монгольскими народами» в Эргунэ-куне возникло имя *монгол* [Рашид ад-дин, 1952а, с. 153—154; Рашид ад-дин, 1952б, с. 9].

Данные труда Рашид ад-дина перекликаются со сведениями китайских источников периода Тан, в которых содержатся первые упоминания имени *монгол*. В «Цзю Тан шу» («Старая история [династии] Тан», составлена в 945 году) оно записано в форме *мэнъу шивэй*, *в* «Синь Тан шу» («Новая история [династии] Тан», составлена в 1045—1060 годах) — в форме *мэнва бу* («племя мэнва»). В обеих хрониках монголы указаны в составе племен шивэй. По «Цзю Тан шу», племя мэнъу жило по правой стороне р. Ванцзяньхэ. Источник гласит: «Ванцзяньхэ вытекает из оз. Цзюйлуньбо. Она течет на восток по краю земель си шивэй. Далее на восток течет южнее да шивэй, захватывая часть их территории. Еще дальше на востоке протекает севернее мэнъу шивэй, южнее лодзюй шивэй. Дальше на востоке сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ» [ЦТШ, 1959, цз. 199, с. 5356]. В приведен-

ном тексте Ванцзяньхэ — это р. Аргунь и Амур, Цзюйлуньбо — оз. Хулун, Нахэ — р. Сунгари, Хуханьхэ — р. Муданцзян.

На исторической карте периода Тан, подготовленной учеными КНР, территория проживания мэнъу показана в виде узкой полосы по южному берегу Верхнего Амура [Тань Цисян ..., 1982, л. 32—33]. Некоторые авторы размещают мэнъу на Среднем Амуре [Кызласов, 1975, с. 173; Кычанов, 1980, с. 139]. Думается, исследователями недооценивается тот факт, что в танское время именем *Ванцзяньхэ* назывался не только Амур, но и Аргунь, исконное название которого *Эргунэ*. Так как обе реки назывались одним именем, то на первый взгляд непонятно, на правобережье какой реки жило племя мэнъу. Но так как в «Сборнике летописей» упоминается топоним *Эргунэ-кун*, в котором *Эргунэ* — это р. Аргунь, то получается, что мэнъу жили на правой, сейчас китайской, стороне этой реки, которая в эпоху Тан, как отмечено выше, считалась верховьем р. Ванцзяньхэ, то есть Амура.

В 2004—2006 годах объединенным отрядом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института истории АН Монголии и Историко-краеведческого музея народов Хулун-Буира Внутренней Монголии Китая была проведена широкомасштабная археолого-этнографическая разведка правобережья Аргуни. Инициатором и руководителем экспедиции был автор настоящей статьи. Перед экспедицией стояла задача обследовать данную территорию и выяснить, имеется ли на ней местность, которую по устройству поверхности, топонимии, наличию археологических памятников и другим параметрам можно было бы соотнести с имеющимся в «Сборнике летописей» описанием Эргунэ-куна.

Правый берег нижнего течения Аргуни называется Шивэй. Протекая через него, в Аргунь впадает стекающий с Большого Хингана его главный приток Цзилюхэ. За 10—12 км до Аргуни, правее устья Цзилюхэ, многочисленные горы и сплошная тайга резко заканчиваются и открывается сравнительно небольшое, открытое степное пространство, местами покрытое небольшими лесками и рощами, прорезаемое неширокой р. Абахэ. Степь прилегает к Аргуни, за которой, на российской стороне, такого открытого пространства нет. Там сразу от берега реки начинаются высокие горы и глухая тайга. Общий вид этой местности, отделенной от внешнего мира многими горами и реками, удивительно похож на описание Эргунэ-куна в «Сборнике летописей».

На этом степном участке, на берегу Абахэ, расположено средневековое поселение. На гребне невысокой с крутыми склонами горы сохранились следы четырех десятков жилищ (диам. западин — 3 м). Поселение, судя по всему, выполняло функции наблюдательного пункта. Оно находилось между двумя высокими плато с расположенными на них городищами, соединяя их в единый комплекс.

Одно плато находится на Аргуни, несколько ниже описанного степного участка по течению реки, другое — выше по Аргуни, в устье Цзилюхэ.

На поверхности обоих плато имеются остатки защитных валов и многочисленные, тянущиеся длинными параллельными рядами, жилищные западины (диам. — 5 м). Некоторые склоны плато напоминают высокие отвесные стены. Ключевое место в комплексе занимало городище на месте впадения в Аргунь Цзилюхэ, где, по всей видимости, находилась ставка предводителя пришлого населения. На это указывает то, что в центре этого городища сохранилась самая крупная на всех памятниках жилищная западина (ее диам. — 10 м), на месте которой, надо полагать, и располагалась ставка вождя. К тому же плато в устье Цзилюхэ отличается гораздо большей недоступностью по сравнению с плато, находящимся на Аргуни. Поэтому лучшего места для ставки вождя невозможно было найти.

Городища и поселение были обнаружены в 1991 году китайскими археологами. Проведенная ими разведка всех трех памятников при помощи шурфов дала совершенно одинаковый материал (фрагменты керамики, изделия из кости), что говорит о том, что на двух плато обитали представители одной этнической группы. Этот материал идентичен артефактам (остатки деревянного гроба-колоды, фрагменты керамики, луков), найденных в 1980-х годах при раскопках двух могильников в местностях Баян-Узур и Шара-Тал на равнинной части Хулун-Буира недалеко от города Хайлара. Так как выявленные захоронения специалистами были определены как раннемонгольские, датируемые концом VII века н. э., то справедливо выдвинутое ими предположение, что городища и поселение на Аргуни и в устье Цзилюхэ тоже принадлежали ранним монголам [Чжао Юэ, 2003, с. 58—62].

Словом *кун* средневековые монголы обозначали одиночные горы с крутыми склонами. О том, как они выглядели, можно составить представление по имеющемуся в «Сборнике летописей» описанию горы Наху-кун, на которой Чингис-хан блокировал противостоявших ему найманов. «Так как была ночная пора и войско Таян-хана было разбито, — сообщает источник, — а войско Чингиз-хана преследовало его, беглецы <…> бросились в трудно проходимые горы. Ночью многие из войска найманов соскальзывали, скатывались, низвергались вниз с крутых гор и *трудно доступного косогора* (курсив мой. — *Б. З.*), название которого Наку-кун, и погибали» [Рашид ад-дин, 1952б, с. 148]. Аналогичная характеристика горы Наху-кун приведена в «Тайной истории монголов» (далее — ТИМ) [Козин, 1941, с. 150].

Такими же отдельными возвышенностями с крутыми склонами являются плато на Аргуни и в устье Цзилюхэ, на которых находятся описанные нами городища. Поскольку подобные возвышенности, как сказано, монголами в прошлом назывались *кун*, то данное слово вместе с названием р. Эргунэ состав-

ляло единый топоним *Эргунэ-кун*, который вошел в сочинение Рашид ад-дина. Это означает, что местность на правобережье Аргуни, где работала трехсторонняя международная экспедиция, является тем самым Эргунэ-куном, где в начале второй половины I тыс. н. э. укрылись предки монголов.

Этот вывод подтверждается другим исключительно важным по научной значимости фактом. Как было отмечено, правый приток Аргуни Цзилюхэ до переименования китайцами назывался Мангу. Это тунгусское слово, имеющее то же значение, что и его китайская калька Цзилюхэ, — «быстрая река». Наличие р. Мангу на правой стороне Аргуни является еще одним, на наш взгляд, важнейшим свидетельством обитания там ранних монголов. Так как в низовье Мангу жил вождь складывавшегося монгольского этноса, название этой реки было положено в основу имени *монгол*. Это доказывается архетипом данного этнонима, в монгольском тексте ТИМ переданного в форме *mangqol*. В живом монгольском языке данное слово, несомненно, произносилось *mangγol*, которое после XIII века приняло современную форму *mongγol*. Поэтому, на наш взгляд, праформой имени *монгол* целесообразно считать слово *mangγol*, которое частью исследователей в ТИМ прочитывается именно так. Оно состоит из двух частей: корня *манго*, соотносимого с названием притока Аргуни р. Мангу, и суффикса множественности *–л*, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение «те, которые живут на реке Мангу».

Вышеизложенный материал убедительно говорит о местонахождении первоначальной родины монголов Эргунэ-кун на правом берегу низовья Аргуни. С этим выводом согласуется предположение Дзицудзо Тамуры, который в начале 70-х годов прошлого века писал, что Цзюйлуньбо — это оз. Хулун, а Ванцзяньхэ — р. Аргунь и Амур. По его мнению, в эпоху Тан монголы обитали по южной стороне Аргуни [Jitsuzo Tamura, 1973, p. 3—4].

Анализ полученного непосредственно на Аргуни материала является тем основанием, которое дает право предположить, что после разгрома в середине VI века тюркскими племенами каганата жужаней остатки последних ушли на р. Эргунэ и обитали в местности Эргунэ-кун, внедрившись в среду шивэйских племен и получив от них имя *мангол*. К этому месту на правобережье Аргуни восходят этногенез монголов и вся их последующая история. Выход монголов из Эргунэ-куна относится к концу VII века. После недолгого обитания на равнинной части Хулун-Буира первые эргунэ-кунские роды в начале IX века, как показывает анализ родословной Чингис-хана, появились в Трехречье — у истоков Онона, Керулена и Толы [Зориктуев, 2010, с. 43—49; Зориктуев, 2011, с. 47—57].

К середине X века в Монголии завершилось формирование начавшего складываться в Эргунэ-куне объединения родов дарлекин, к началу XII века — выделившейся из его состава и доминировавшей в дальнейшем

среди монголов группы родов нирун, к которой относился Чингис-хан. С образованием этих групп, в источниках обобщенно именовавшихся *монголами Трехречья*, возникла этническая основа современного монгольского этноса. Существует мнение, что в начале XII века получившие в Трехречье развитие этнические и социально-политические процессы привели к созданию ближайшим предком Чингис-хана Хабул-ханом государства Qamuq Mongγol Ulus [История Монгольской …, 1983, с. 130]. Хотелось бы здесь возразить, что у монголов не было этнического наименования *хамаг монгол* [Там же, с. 124], которое могло быть использовано в качестве политонима. Они, начиная с Эргунэ-куна, называли себя *монголами*. Кроме того, анализ характерных черт возникшей политии показывает, что она была не государством, а вождеством [Зориктуев, 2007, с. 23—37].

В 1206 году Чингис-хан, используя опыт социополитической организации населения Трехречья, приступил к строительству первого в истории монголов государства. В 1211 году оно стало называться *Великим Монгольским Государством* (*Yeke Mongγol Ulus*). Его столицей стал основанный на берегу Орхона город Каракорум.

3. Племена мангунов на Нижнем Амуре. Великое мангунское «государство»

В сочинении «Цза-цзи» Ли Синьчуаня наибольший интерес у монголоведов вызывает сообщение о двух существовавших в начале XIII века монгольских государствах, в источниках одинаково называемых *Да мэнгу го*. В тексте говорится: «Существовало еще какое-то монгольское государство (кроме государства Чингис-хана. — *Б. З.*). [Оно] находилось к северо-востоку от чжурчжэней. При Тан его называли племенем мэн-у. Цзиньцы называли его мэн-у, а также называли его мэн-гу. [Эти] люди не варили пищи. [Могли видеть ночью]. [Они] из шкур акулы делали латы, [которые] могли защитить от шальных стрел… Но [эти] два государства отстоят друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли. Неизвестно почему [они] объединены под одним именем» [Чжао Хун, 1975, с. 51].

В середине XIX века попытку осмыслить содержание изложенного фрагмента источника предпринял В. П. Васильев. Опираясь преимущественно на «Да Цзинь го-чжи», он предложил необычную гипотезу о двух владениях мэнгу. Ее суть свелась к тому, что те мэнгу, которые жили к северо-востоку от чжурчжэней в Великом Монгуском государстве, были маньчжуры. Это племя обитало в устье Амура и было совсем не тем народом, который стал известен после под именем *монгол* и жил к северо-западу от чжурчжэней под владычеством Чингис-хана. Имя *мэнгу* тождественно наименованию *мангу*, которое однородно с маньчжурским *мукэ* — «вода» или «река». Раньше *мэн-*

гу китайцами было искажено в *мо-хэ*, которое впоследствии, превратившись в первоначальное *мэнгу*, исчезло как общее наименование маньчжуров, но сохранилось за племенами низовья Амура. Когда к Чингис-хану, который вел борьбу с династией Цзинь, явились чжурчжэньские перебежчики, они посоветовали ему дать жителям созданного им государства грозное для цзиньцев имя *мэнгу*, чтобы с его помощью держать тех в страхе [Васильев, 1859, с. 78—80, 134, 159—161, 165—167].

Гипотеза В. П. Васильева была с недоумением встречена в отечественных научных кругах. Удивила постановка вопроса, по которой северо-восточнее чжурчжэней жило племя мэнгу, оно имело свое государство, но эти мэнгу были вовсе не монголы, как те, которые жили в государстве Чингис-хана, а маньчжуры. Выражая общее настроение, И. Н. Березин заметил: «…Сопоставление мусульманских известий с китайскими приводит нас положительно к тому результату, что Мэнгу китайских писателей суть Монголы, жившие на северо-запад от Кэлурэна, а не Маньчжуры, жившие на устье Амура, как того хочет одна из китайских летописей, а за ней и профессор Васильев» [Рашид-Эддин, 1868, с. 186].

В начале XX века неприятие тезиса о двух монгольских государствах и двух группах монголов по разные стороны от чжурчжэней высказал Г. Е. Грумм-Гржимайло. Эта теория, подчеркнул он, опровергается данными источника «Тун-цзянь-ган-му», базирующегося на «Да Цзинь-го-чжи». В них говорится, что в 1147 году чжурчжэни уступили шивэй мэнгу (монголам) земли к северу от Керулена. Монголов к северо-востоку от чжурчжэней не было [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 383].

В 70-х годах М. В. Воробьев, касаясь вопроса о северо-восточной от чжурчжэней этнической группе, которую Ли Синьчуань относил к монголам, отметил полное отсутствие письменных свидетельств о сношениях цзиньцев с жившими в том направлении племенами. В источниках, указал он, имеется лишь одно упоминание о принесении чжурчжэням в 1186 году дани 11 племенами восточных варваров дунъи. На его взгляд, южносунский автор, указывая северо-восток как место пребывания мэнгу, ориентировался не от Маньчжурии — родины чжурчжэней, а от Китайской равнины, завоеванной Цзинь. Для чжурчжэней реальная угроза исходила с северо-запада, где жили монголы [Воробьев, 1975, с. 209—210].

В. Е. Медведев, критически рассмотрев имеющиеся труды, пришел к выводу, что оснований «поместить» мэнгу на Нижнем Амуре нет. Единственно верной является точка зрения об идентичности имен *мэнгу* и *монгол* и, следовательно, о проживании монголов на северо-западе от чжурчжэней [Медведев, 1984, с. 162—165].

Эффективность рассмотренных работ была бы намного выше, если бы в них был дан ответ на очень важный для понимания исследуемой темы

вопрос: конкретно за счет чего Ли Синьчуань жившую к северо-востоку от чжурчжэней общность, которую он в своем произведении назвал *монгольской*, сближал с монголами Монголии? Так как авторами такой материал не был предоставлен, то им было непросто доказать потенциальным оппонентам правильность своей точки зрения. Поэтому не удивительно, что в конце XX — начале XXI веков произошел новый всплеск интереса к теме о монголах как обитателях нижнеамурского региона. В вышедших работах, со ссылкой на «Цза-цзи», проводится мысль, что монголы были коренными жителями тихоокеанского побережья.

Э. В. Шавкунов считал, что если мэнгу (монголы) жили к северо-востоку от чжурчжэней, то тогда местом их обитания был Нижний Амур. Из шкур добытых в море акул ими изготавливались прочные латы. Во второй половине XII века они потерпели тяжелое поражение от родственных татар. Значительная часть мэнгу была уведена в Восточную Монголию, где благодаря им распространилось имя *монгол*. Оставшиеся в низовье Амура соплеменники поддерживали некогда зародившееся здесь монгольское начало, что зафиксировано в сочинении Ли Синьчуаня. Свидетельством проживания мэнгу в этом районе является оставленная ими покровская археологическая культура IX—XIII веков [Шавкунов, 1987, 166—169].

Эти же аргументы (фрагмент «Цза-цзи» об охоте на акул и покровская культура») в пользу своих выдвинутых положений привел Б. Б. Дашибалов. По его мнению, Южная Маньчжурия и берег Ляодунского залива были древним центром этногенеза монголов. Во второй половине I тыс. до н. э. монголы с Ляохэ перешли на Корейский полуостров и сыграли видную роль в образовании этноса Когурё. В Монголию и в районы, прилегающие к Байкалу, монголы пришли с Нижнего Амура [Дашибалов, 2005, с. 29, 35, 46, 78, 97, 159].

Покровская культура, к которой для обоснования своих гипотез обращались Э. В. Шавкунов и Б. Б. Дашибалов, имела не монгольское, а мохэское происхождение. Культура мохэсцев выросла из польцевской (III в. до н. э. — III в. н. э.), ее носителем была племенная группа илоу [Васильев, 2006, с. 6, 347, 360]. Илоу, в свою очередь, были потомками тунгусоязычных сушэней [Воробьев, 1994, с. 28, 105, 107]. Покровская культура коррелируется со стройно выстроенной схемой, в соответствии с которой низовье Амура и расположенные от него к югу прибрежные районы, включая часть Корейского полуострова, с древности были зоной компактного расселения племен дунъи, в состав которых входили прототунгусские и палеоазиатские этнические группы. Монголов на тихоокеанском побережье не было.

Но в таком случае о каком втором монгольском государстве и второй группе монголов к северо-востоку от чжурчжэней в начале XIII века говорится в «Цза-цзи» Ли Синьчуаня, к мнению которого апеллируют авторы гипотезы о дальне-

восточном происхождении монголов? Выше, при рассмотрении вопроса о первоначальной родине монголов, отмечалось, что в эпоху Тан китайцами р. Аргунь и Амур обозначались одним наименованием *Ванцзяньхэ*. Тунгусо-маньчжурские народы в то время Аргунь и Амур также объединяли общим именем — *Мангу.* Об этом говорит тот факт, что данным именем назывался основной приток Аргуни Цзилюхэ. Другие крупные притоки Аргуни (Гэньхэ, Мордога и др.), подобно притокам нижнего течения Амура, вначале, вероятно, также назывались *Мангу*. Что касается гидронима *Эргунэ*, то его могли дать Аргуни шивэйские племена, поселившиеся на его берегах в досуйское время. Это имя бытовало параллельно с формой *Мангу* и в конечном итоге вытеснило ее после того, как Эргунэ стала считаться отдельной от Амура рекой. На том этапе переименование не коснулось притока Мангу, оставшегося под своим исконным именем. Китайское название *Цзилюхэ* ему было дано значительно позже XIII века.

Именем *Мангу* соответственно назывались средняя и нижняя части великой сибирской реки. В ее нижнем течении притоки Сунгари и Уссури, подобно собственно Амуру до его впадения в Охотское море, тоже назывались *Мангу* [ССТМЯ, 1975, с. 526; Суник, 1985, с. 9]. Окружающие народы жившие по долинам этих рек племена именовали *мангунами* (от слова *мангуни*: *мангу* — гидроним *Мангу*, *ни* — «народ»), что значит «люди реки Мангу» [Суник, 1985, с. 9].

В. Е. Ларичев был склонен считать, что предками мангунов были обитавшие в бассейне Нижнего Амура племена кэму, цилеми, цихэйми, цзилэны и др. Они, по его мнению, были известны как мангуны в X—XII веках в эпоху ляоской империи [Ларичев, 1990, с. 79]. Не подлежит сомнению, что к мангунской группе относились общности мангуцзы и вацецзы, известные из источников любовью к употреблению в пищу сырого мяса и каннибализмом, которых отдельные авторы, не выяснив точную локализацию их местообитания, относят к монголам Монголии [Кычанов, 1980, с. 143, 144, 145]. По имеющимся сведениям о расселении нижнеамурских этносов в XIX веке можно предположить, что из современных народов потомками тех мангунов являются ульчи, нанайцы, орочи, ороки и удэгэйцы. Кроме общности территории обитания, эти группы характеризуются определенным сходством в культуре и языке, составляя, в частности, южную нанайскую ветвь тунгусо-маньчжурской семьи языков [История и культура ульчей, 1994, с. 75].

Таким образом, известный к сегодняшнему дню материал говорит о том, что по меньшей мере с танского периода р. Амур тунгусо-маньчжурами именовалась *Мангу*. От этого гидронима возникли два этнических наименования: *мангол* и *мангуни*. Первое из них на западе, на Аргуни, стало именем возникшего в местности Эргунэ-кун этнического ядра современных монголов; второе на востоке, в нижнеамурском регионе, — общим названием зна-

чительной части тунгусо-маньчжурских племен. Оба наименования, несмотря на то, что обозначали разные по происхождению общности, имели идентичное содержание. Основное различие между ними заключалось в том, что имя *мангол* со временем было принято его носителями как самоназвание, то есть оно стало этнонимом. Название *мангуни*, также будучи полученным от соседних народов, в этноним не превратилось, так и оставшись на уровне коллективного прозвища, и со временем постепенно вышло из употребления. В начале XX века последним племенем на Нижнем Амуре, у которого сохранялось прозвище *мангуни*, были ульчи. Исконное самоназвание данной группы — *нани* («местные», «здешние») [Смоляк, 1975, с. 10—11; История и культура ульчей, 1994, с. 15].

Следует особо подчеркнуть, что в тот период, когда жил Ли Синьчуань, наименования *мангол* и *мангуни* китайцами записывались одинаково — *мэнгу*. Это имя с самого своего возникновения обозначало только монголов. О них южносунский ученый, разумеется, в первую очередь благодаря широкой известности Чингис-хана, обладал определенными знаниями. Это видно из приводившейся выше его фразы из «Цза-цзи», что «при Тан его (то есть монголов. — *Б. З.*) называли племенем *мэн-у*». Что касается имевших тунгусо-маньчжурское происхождение мангунов, то о них Ли Синьчуань, как позволяет судить материал, конкретного представления не имел. Но так как мангуны, подобно монголам, в источниках назывались *мэнгу*, то он, основываясь на этом факте, посчитал мангунские племена Нижнего Амура такими же монголами, которые жили на западе, в Монголии, под предводительством Чингис-хана.

Сказанное всецело проецируется на политоним *Да мэнгу-го*, которым в «Цза-цзи», наравне с государством Чингис-хана, названа находившаяся к северо-востоку от чжурчжэней нижнеамурская полития. Его основатели мангуны, судя по всему, составляли союз племен, который, на наш взгляд, в сочинении Ли Синьчуаня со значительной долей преувеличения, что характерно для китайских источников раннего и среднего периодов, назван «*государством*», а его лидер — «*первым августейшим императором-родоначальником*» [Чжао Хун, 1975, с. 51]. Это «государство», как небезосновательно утверждал В. Е. Ларичев, самими мангунами называлось *Великим мангуским государством* (на наш взгляд, поскольку основателями политии были мангуны, то в ее названии второе слово, определение, правильнее было бы сформулировать *мангунское*, то есть — *Великое мангунское государство*. — *Б. З.*) [Ларичев, 1990, с. 80]. Но в связи с тем, что китайцами данный политоним записывался *Да мэнгу го*, то Ли Синьчуань, что вполне понятно, следовал буквальному переводу китайского наименования — «Великое монгольское государство». Он, сопрягая перевод политонима с приводившимися выше внешними совпадениями в реальной истории монголов и

мангунов, о которых не мог не быть наслышан, назвал мангунское государство *монгольским* и под этим наименованием ввел его в свое произведение, создав таким образом иллюзию существования еще одного монгольского государства в низовье Амура. Таковы обстоятельства появления в «Цза-цзи» Ли Синьчуаня фразы о двух монгольских государствах начала XIII века на востоке и западе. Она, являясь отражением ошибочной трактовки вопроса о происхождении нижнеамурской политии, допущенной южносунским ученым, спорадически становясь причиной бесплодных дискуссий, на протяжении длительного времени создает исследователям немалые трудности в изучении монгольской истории.

Нужно заметить, что сложный и запутанный вопрос о мангунском «государстве» в свое время был правильно понят и интерпретирован В. Е. Ларичевым [История Сибири, 1968, с. 334—335; Ларичев, 1990, с. 78—84]. Он пишет, что в XII веке, в период противостояния чжурчжэней с нижнеамурскими племенами, последние, как и прежде, назывались *мангунами*. Кидани именовали их *мэнгу*. Вождь мангунов Аоло «самозванно объявил себя императором Цзуюанем, а свои земли назвал *Великим мангуским государством*». Сведения о мангу в источниках, указал В. Е. Ларичев, предельно скудны, отчего их «государство выглядит своего рода потерянным царством, интригующим и загадочным в истории Дальнего Востока» [Ларичев, 1990, с. 80].

4. Заключение

Изучение вопроса о двух монгольских государствах в начале XIII века, о котором исследователям известно из сочинения южносунского ученого Ли Синьчуаня «Цза-цзи», показало, что эта трудноразрешимая проблема сложилась в современной монголоведной науке в результате редкого совпадения ряда факторов. Во второй половине I тыс. н. э. р. Аргунь и Амур назывались одним общим именем Мангу. На правобережье ее верховья (Аргуни) в местности Эргунэ-кун сформировалось этническое ядро современного монгольского этноса, его самоназвание — *мангол* («те, которые живут на реке Мангу»). После выхода монголов из Эргунэ-куна и прибытия в начале IX века на территорию Монголии Чингис-ханом в 1206 году на базе вождества Трехречья было основано государство, названное *Yeke Mongyol Ulus* (в китайских источниках — *Да мэнгу го*). В бассейне нижнего течения Мангу (Амура) жили тунгусо-маньчжурские племена, которых соседние народы по месту их обитания прозывали *мангунами* (*мангуни* — «жители реки Мангу»). Мангуны представляли собой союз племен, который в социально-политическом плане в сочинении Ли Синьчуаня назван *«государством»*. В китайских источниках, подобно государству Чингис-хана, оно также упомянуто как *Да мэнгу го*. Так как китайцы словом *мэнгу* именовали монголов, то Ли Синьчуань, не располагая конкретными и

точными сведениями о тунгусо-маньчжурских племенах Нижнего Амура как этносах, ошибочно назвал связываемую с ними политию вторым монгольским «государством» к северо-востоку от чжурчжэней. Эта ошибка, оказывая значительное влияние на исследователей, включая современных, долгое время является серьезной помехой в изучении разных этапов средневековой истории монголов. «Государство» нижнеамурских мангунов (Великое мангунское «государство»), будучи самостоятельно возникшей политией, к государству Yeke Mongγol Ulus да и вообще к монголам Монголии никакого отношения не имело.

Источники и принятые сокращения

1. *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах / В. П. Васильев // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Часть IV. — Санкт-Петербург, 1859. — С. 1—235.

2. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. — Ленинград : Учен. ком. Монгол. респ., 1926. — Т. 2. — 893 с.

3. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / С. А. Козин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — Ч. 1. — 619 с.

4. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей : т. 1, кн. 1 / Рашид-ад-дин ; пер. с перс. А. А. Хетагурова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — 221 с.

5. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей : т. 1, кн. 2 / Рашид-ад-дин ; пер. с перс. О. И. Смирновой ; примеч. Б. И. Панкратова, О. И. Смирновой ; ред. проф. А. А. Семенова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — 315 с.

6. *Рашид-Эддин.* Сборник летописей. История монголов. История Чингиз-хана до восшествия его на престол / Рашид-Эддин ; пер. с перс. с предисл. И. Н. Березина // Записки Восточного отделения Российского археологического общества: Часть 13. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1868. — 335 с.

7. ССТМЯ — *Сравнительный* словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. И. Цинциус. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1975. — 672 с.

8. *Суник О. П.* Ульчский язык. Исследования и материалы / О. П. Суник. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1985. — 262 с.

9. ЦТШ — *Лю Сюй.* Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан) / Лю Сюй. — Пекин : Чжонхуа шуцзюй, 1959. — 5356 с. (刘昫。舊唐書 — 北京 ：中华书局，1959. — 5356 页。).

10. *Тань Цисян*. Чжунго лиши диту цзи. Ди у цэ: Суй, Тан, Удай шиго шици = Исторический атлас Китая периодов Суй, Тан, Удай шиго : т. 5 / Тань Цисян. — Пекин : Чжунго диту чубаньшэ, 1982. — 150 л. (谭其骧。中国历史地图集。第五册：隋，唐，五 代十国时期 — 北京 ：中国地图出版社，1982 — 150 页。).

11. Чжао Хун. *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар) / Чжао Хун ; пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. — Москва : Наука, 1975. — 286 с.

Литература

1. *Васильев Ю. М.* Погребальный обряд покровской культуры (IX—XIII вв. н. э.) / Ю. М. Васильев. — Владивосток : Дальнаука, 2006. — 370 с.

2. *Воробьев М. В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в.) / М. В. Воробьев. — Владивосток : Дальнаука, 1994. — 409 с.

3. *Воробьев М. В*. Чжурчжэни и государство Цзинь (X век — 1234 год). Исторический очерк / М. В. Воробьев. — Москва : Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1975. — 447 с.

4. *Дашибалов Б. Б.* На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б. Б. Дашибалов. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2005. — 200 с.

5. *Зориктуев Б. Р*. Эргунэ-хун хаана буй тухай асуудалд (Олон улсын «Эргунэ-хун» хэрийн судалгааны дунгээс) / Б. Р. Зориктуев // Монголын нууц товчоон ба дундад зууны монголын түүхийн судалгаа. Монголын нууц товчоон — 770. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. 2010. XI.07—10. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг ХХК, 2010. — 43—49 т. (Зориктуев Б. Р. К вопросу о местонахождении Эргунэ-куна (По результатам международной экспедиции “Эргунэ-кун”) / Б. Р. Зориктуев // Тайная история монголов и исследования по истории средневековой Монголии : сборник докладов международной научной конференции, посвященной 770-летию ”Тайной истории монголов“. 2010.XI.07—10. — Улан-Батор : Соёмбо принтинг ХХК, 2010. — С. 43—49).

6. *Зориктуев Б. Р*. Об этимологии этнонима *монгол* / Б. Р. Зориктуев // Восток (Oriens). — 2011. — № 1. — С. 47—57.

7. *Зориктуев Б. Р*. О политии, созданной Хабул-ханом и восстановленной позже Тэмуджиным / Б. Р. Зориктуев // Монголоведные исследования : сборник научных статей. Выпуск пятый. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 2007. — С. 23—37.

8. *История* и культура ульчей в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки / [редкол.: Л. Я. Иващенко (отв. ред.) и др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 176 с.

9. *История* Монгольской Народной Республики / отв. ред. А. П. Окладников, Ш. Бира. — Изд. 3-е, перераб. — Москва : Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1983. — 661 с.

10. *История* Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 1: Древняя Сибирь / [ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1968. — 451 с.

11. *Кызласов Л. Р*. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) / Л. Р. Кызласов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Сер. III. История и культура востока Азии. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. — С. 140—177.

12. *Кычанов Е. И*. Монголы в VI — первой половине XII в. / Е. И. Кычанов // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. — С. 136—148.

13. *Ларичев В. Е*. Народы среднего и нижнего Амура в эпоху средневековья / В. Е. Ларичев // Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1990. — С. 78—84.

14. *Медведев В. Е*. К вопросу о средневековой народности мэнгу / В. Е. Медведев // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск : Наука, 1984. — С. 162—166.

15. *Смоляк А. В*. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX—XX в. / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 1975. — 231 с.

16. *Шавкунов Э. В*. Еще раз об этимологии этнонима монгол / Э. В. Шавкунов // Древний и средневековый Восток. — Москва : Наука, 1987. — С. 165—171.

17. *Чжао Юэ*. Кай у со тан (Сокровенный разговор) / Чжао Юэ. — Хайлар : Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2003. — 296 с. (赵越。开物琐谈 — 海拉尔 ： 内蒙古文化出版社，2003 — 296 页。).

18. *Jitsuzo Tamura*. The Legend of the origin of the Mongols and problem concerning their migration / Jitsuzo Tamura // Acta Asiatica : Bulletin of the Institute of Easten Culture (Tokio). — 1973. — Vol. 24. — P. 1—19.

On the Question of the Two Mongol States in the Early XIII Century[1]

© **Bulat R. Zoriktuev (2020),** orcid.org/0000-0001-5760-0064, Doctor of History, Chief Researcher, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), enhe_z@mail.ru.

The problem of the two Mongol states in the early XIII century, which is little researched in Mongolian studies, was reported about in 1216 in the work "Jianyan yi lai chao ye za ji" by the South Sun scientist Li Xinchuan. It is noted that one state founded by Genghis Khan was located in Mongolia, the other in the lower streams of the Amur. The results of the latest studies of the ethnogenesis of the Mongols and the history of the names of the r. Amur are used in the article. The issue of the original homeland of the Mongols is being considered. An assumption has been put forward that this is the Ergune-kun area, located on the right bank of the Argun. As an initial variant for the name *mongol*, the form of *mangol* is reconstructed with the semantics 'those who live on the river "Mangu". It is proved that since ancient times Argun and Amur were represented by different peoples as one river, called *Mangu*. It is reported that the Tungus-Manchu tribes of the lower stream of the Amur, by the collective nickname received from the outside, were known as *manguni* — "people of the Mangu River". It is determined that the Chinese of the community of *mangol* and *manguni* called the same name — *mengu*, which designated the Mongols. It is emphasized that they also applied a common name to the polities that existed among them — *Da mengu go*. It was established that these facts and a number of other external coincidences in both groups misled Li Xinchuan, forcing him to consider the polity of the Lower Amur Manguns as a Mongol state. It is stated that this was reflected in his work, forcing modern researchers to make mistakes.

Key words: Argun; Lower Amur; the original homeland of the Mongols Ergune-kun; self-name *mangol*; the ethnic nickname of the *manguni*, the state of Yeke Mongγol Ulus; Great Mangun "state".

Material resources

Zhao Hung. (1975). *Meng-da bei-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar)* [Full description of the Mongol-Tatars]. Moskva: Nauka. 286 p. (In Russ.).

Grumm-Grzhimaylo, G. E. (1926). *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai Territory]. Leningrad: Uchen. kom. Mongol. resp. 2. 893 p. (In Russ.).

Kozin, S. A. (1941). *Sokrovennoe skazanie. Mongolskaya khronika 1240 g. Vvedenie v izuchenie pamyatnika, perevod, teksty, glossarii* [Secret legend. Mongolian Chronicle 1240 Introduction to the study of the monument, translation, texts, glossary]. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 1. 619 p. (In Russ.).

Rashid ad-din. (1952a). *Sbornik letopisey* [Collection of annals]. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 1 (1). 221 p. (In Russ.).

Rashid ad-din. (1952b) *Sbornik letopisey* [Collection of annals]. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 1 (2). 315 p. (In Russ.).

Rashid-Eddin. (1868). Sbornik letopisey. Istoriya mongolov. Istoriya Chingiz-khana do vosshestviya ego na prestol [Collection of annals. History of the Mongols. History of Genghis Khan before his accession to the throne]. In: *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern

1 The work was carried out within the framework of the state assignment (project XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, № AAAA-A17-117021310264-4).

Branch of the Russian Archaeological Society]. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. 13. 335 p. (In Russ.).

SSTMYa — Tsintsius, V. I. (ed.) (1975). *Sravnitelnyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages. Materials for the Etymological Dictionary]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 2/1. 672 p. (In Russ.).

Sunik, O. P. (1985). *Ulchskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [Ulchi language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 262 p. (In Russ.).

JTSh — Liu Xu. (1959). *Jiu Tang shu* [Old history of the Tang Dynasty]. Beijing: Zhonghua shujiuyu. 5356 p. (In Chin.).

Tan Qixiang. (1982). *Zhongguo lishi ditu ji. Di wu jie: Sui, Tang, Wu-dai shi guo shiji* [Historical Atlas of China of Sui, Tang, Wudai Shi guo periods]. Beijing: Zhongguo ditu chubangshe. 5. 150 p. (In Chin.).

Vasiliev, V. P. (1859). Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii, ot X do XIII veka, s prilozheniem perevoda kitayskikh izvestiy o Kidanyakh, Dzhurdzhitakh i Mongolo-Tatarakh [History and antiquities of the eastern part of Central Asia, from the X to XIII centuries, with the application of the translation of Chinese news about the Qidans, Zhurzhits and Mongolo-Tatars]. In: *Trudy Vostochnogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. [Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society]. Sankt-Peterburg. 4: 1—235. (In Russ.).

References

Zhao Yue. (2003). *Kai wu suo tang (Sokrovennyy razgovor)* [Intimate conversation]. Khaylar: Neymengu ven'khua chuban'she. 296 p. (In Russ.).

Dashibalov, B. B. (2005). *Na mongolo-tyurkskom pogranich'e (etnokulturnye protsessy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v srednie veka)* [On the Mongol-Turkic borderland (ethnocultural processes in Southeast Siberia in the Middle Ages)]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 200 p. (In Russ.).

Ivashchenko, L. Ya. (ed.). (1994). *Istoriya i kultura ulchey v XVII—XX vv. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Ulchi in XVII—XX centuries. Historical and ethnographic essays]. Sankt-Peterburg: Nauka. 176 p. (In Russ.).

Jitsuzo Tamura. (1973). The Legend of the origin of the Mongols and problem concerning their migration. In: *Acta Asiatica: Bulletin of the Institute of Easten Culture (Tokio).* 24: 1—19.

Kychanov, E. I. (1980). Mongoly v VI — pervoy polovine XII v. [Mongols in the VI — first half of the XII century]. In: *Dalniy Vostok i sosednie territorii v srednie veka. Istoriya i kultura vostoka Azii* [Far East and neighboring territories in the Middle Ages. History and culture of East Asia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie. 136—148. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1975). Rannie mongoly (k probleme istokov srednevekovoy kultury) [Early Mongols (on the problem of the origins of medieval culture)]. In: *Sibir', Tsentralnaya i Vostochnaya Aziya v srednie veka. Istoriya i kultura vostoka Azii* [Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages. History and culture of the east of Asia.]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie. 140—177. (In Russ.).

Larichev, V. E. (1990). Narody srednego i nizhnego Amura v epokhu srednevekov'ya [The peoples of the middle and lower Amur in the Middle Ages]. In: *Tsentralnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka. Istoriya i kultura vostoka Azii* [Central Asia

and neighboring territories in the Middle Ages. History and culture of East Asia]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie. 78—84. (In Russ.).

Medvedev, V. E. (1984). K voprosu o srednevekovoy narodnosti mengu [On the question of the medieval Mengu people]. In: *Arkheologiya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka* [Archeology of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. 162—166. (In Russ.).

Okladnikov, A. P., Bira, Sh. (eds.). (1983). *Istoriya Mongolskoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. (3rd ed.). Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. 661 p. (In Russ.).

Okladnikov, A. P., Shunkov, V. I. (eds.). (1968*). Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Drevnyaya Sibir'* [History of Siberia from ancient times to the present day. Ancient Siberia]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 5 (1). 451 p. (In Russ.).

Smolyak, A. V. (1975). *Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Seredina XIX—XX v.* [Ethnic processes among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Middle XIX—XX centuries]. Moskva: Nauka. 231 p. (In Russ.).

Shavkunov, E. V. (1987). Eshche raz ob etimologii etnonima mongol [Once again about the etymology of the ethnonym Mongol]. In: *Drevniy i srednevekovyy Vostok* [Ancient and Medieval East]. Moskva: Nauka. 165—171. (In Russ.). (In Russ.).

Vasiliev, Yu. M. (2006). *Pogrebalnyy obryad pokrovskoy kultury (IX—XIII vv. n. e.)* [The funeral rite of the Pokrovsk culture (IX—XIII centuries AD)]. Vladivostok: Dalnauka. 370 p. (In Russ.).

Vorobyov, M. V. (1975). *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X vek — 1234 god). Istoricheskiy ocherk* [Jurchen and the Jin state (X century — 1234). Historical sketch]. Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. 447 p. (In Russ.).

Vorobyoev, M. V. (1994). *Manchzhuriya i Vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevneyshikh vremen do IX v.)* [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century)]. Vladivostok: Dalnauka. 409 p. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2007). O politii, sozdannoy Khabul-khanom i vosstanovlennoy pozzhe Temudzhinym [On the polity created by Khabul Khan and later restored by Temujin]. In: *Mongolovednye issledovaniya: sbornik nauchnykh statey* [Mongolian Studies: Collection of Scientific Articles]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo. *5*: 23—37. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2010). K voprosu o mestonakhozhdenii Ergune-kuna (Po rezultatam mezhdunarodnoy ekspeditsii "Ergune-kun") [On the location of Ergune-kun (Based on the results of the international expedition "Ergune-kun")]. In: *Taynaya istoriya mongolov i issledovaniya po istorii srednevekovoy Mongolii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 770-letiyu «Taynoy istorii mongolov»* [Secret history of the Mongols and research on the history of medieval Mongolia: collection of reports of the international scientific conference dedicated to the 770th anniversary of the "Secret history of the Mongols"]. Ulan-Bator: Soembo printing XXK. 43—49. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2011). Ob etimologii etnonima mongol [On the etymology of the ethnonym Mongol]. *Vostok (Oriens)* [East], *1:* 47—57. (In Russ.).

Кононова Т. Л. Земские сельские народные библиотеки Курской губернии и их читатели (конец XIX — начало XX веков) / Т. Л. Кононова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 396—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-396-409.

Kononova, T. L. (2020). Zemsky Rural Public Libraries of Kursk Province and their Readers (Late XIX — Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog, 11:* 396-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-396-409. (In Russ.).

УДК 94:021.2(470.323)“188/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-396-409

Земские сельские народные библиотеки Курской губернии и их читатели (конец XIX — начало XX веков)

© **Кононова Татьяна Леонидовна (2020),** orcid.org/0000-0002-6437-2431, доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет» (Курск, Россия), kononova55@mail.ru.

Статья посвящена становлению и развитию земских сельских народных библиотек в Курской губернии в конце XIX — начале XX веков. Проанализированы документы Государственного архива Курской области и материалы, опубликованные в «Текущей школьной статистике» Курского губернского земства. Представлены сведения об учредителях бесплатных народных библиотек. Выявляются факторы, влиявшие на становление и развитие библиотек. Уделяется внимание половозрастному составу читателей, их образованию и занятиям, интенсивности чтения, читательским предпочтениям и запросам. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмыслить социальное и культурное значение деятельности земских сельских библиотек. Прослеживается динамика роста числа народных сельских библиотек, их распределение по уездам. Уделяется внимание тематике книг и авторам, которым сельские жители отдавали предпочтение. Делается вывод о том, что благодаря совместным усилиям земства, общественных организаций, местной интеллигенции и инициативе крестьянских общин сельские народные библиотеки стали жизнеспособным социальным институтом и сыграли значительную роль в приобщении крестьян к книге.

Ключевые слова: народная библиотека; земство; Курская губерния; крестьянство; чтение.

1. Введение

Для того чтобы представить культурный уровень населения России, необходимо изучить его отношение к книге, читательские интересы и вкусы. Русский книговед и библиограф Н. А. Рубакин в конце XIX века писал: «Ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики» [Рубакин, 1975, с. 35].

Общественный подъем 1860-х годов отразился и на библиотечном деле: сильнее стала проявляться потребность в знании, осознаваться необходимость библиотек, которые стали заметным общественным явлением в жизни России. Одним из признаков этого времени стало нарастание потребности в книге.

Н. А. Рубакин связывал оживление книжного рынка во второй половине XIX века в России прежде всего с выступлением на сцену «в качестве действующего элемента новой, весьма многочисленной и все более и более нарастающей толпы читателей, — читателей из широких слоев трудящегося народа, прежде всего фабричных и крестьян» [Рубакин, 1903, с. 161].

Долгое время книга проникала в крестьянскую среду в основном через офеней, ярмарочных торговцев и монастыри. Низкий уровень грамотности среди крестьянского населения не способствовал развитию чтения и созданию библиотек. Отметим, что в первой половине 1880-х годов процент грамотных составлял в Курской губернии 7,8 % [Рашин, 1956, с. 291]. По данным статистического исследования, проведенного в 1886 году, в среднем по всей губернии на 1000 человек приходилось 47 грамотных, не считая учащихся; причем из 100 грамотных 96 мужчин и 4 женщины [Курская губерния …, 1887, с. 196—201]. По переписи 1897 года, в Курской губернии грамотных среди сельского населения — 14 % (из них 23,95 % среди мужчин и 4,34 % среди женщин), городского — 39,4 %, отдельно в Курске — 43,6 % [Первая всеобщая …, 1904, с. 12—33].

Поэтому своей главной задачей курское земство, учрежденное в 1864 году, считало создание школ, распространение грамотности, приобщение к чтению. Если до 1863 года в Курской губернии действовало 25 школ, то с 1864 по 1896 годы благодаря усилиям земских органов самоуправления насчитывалось уже 503 школы [Белоконский, 1897, с. 17]. Как видим, более 90 % школ были учреждены земством. А к декабрю 1913 года курское земство фактически ввело всеобщее обучение детей в 9 из 15 уездов губернии.

К истории земских библиотек мы уже обращались в предшествующих статьях, где подробно остановились на библиотечном законодательстве, составе фондов ученических, учительских и пришкольных библиотек, расходах земства на народные библиотеки, проследили динамику их роста [Кононова, 2013, с. 106—111; Кононова, 2013, с. 89—95]. Однако тема библиотек для сельских жителей в России заслуживает пристального внимания, поскольку крестьянство составляло основную часть населения губерний Центрального Черноземья, где основным занятием оставалось сельское хозяйство. Актуальность темы определяется также необходимостью понять, каким образом почти на пустом месте происходило становление такого канала распространения книги, как «сельская народная бесплатная библиотека», и осмыслить социальное и культурное значение деятельности земских библиотек.

Цель данной статьи — рассмотреть, каким образом происходило приобщение к книге самой многочисленной группы населения Курской губернии — крестьянства, как происходило становление и развитие сельских народных библиотек, а также формирование читательских интересов крестьянства.

Возникает закономерный вопрос — существовала ли у крестьян, основная часть которых оставались неграмотными, потребность в чтении и, следовательно, в библиотеках? Проведя опрос среди сельского населения губернии, курские земцы отмечали, что среди массы отрицательных ответов наблюдались и нижеследующие: «Местное население охотно читает книги, получаемые из училищной библиотеки <…>. Потребность в чтении замечается. Книги и журналы передаются и перечитываются крестьянами. Население с интересом посещает народные чтения <…>. В книге население ищет сведений, касающихся общественной жизни народа и практических бытовых знаний <…>. Крестьяне покупают в городах книги различного содержания и любят их читать, только грамотных еще мало <…>. Потребность в чтении среди населения большая. Выписывается ими “Биржевая газета”, “Свет”, “Курский листок”. Ими пользуется все население. Население покупает книжки у офеней, но книги эти большею частью бессодержательны» [Белоконский, 1897, с. 296—298].

2. Учредители народных библиотек и факторы, влиявшие на их развитие

В конце XIX века в России повсеместно появляется новый тип общедоступной библиотеки — народная бесплатная библиотека, которая создавалась по правилам 15 мая 1890 года [Звягинцев, 1916, с. 17—21]. Кроме Московского и Петербургского комитетов грамотности, в Курской губернии создание и финансирование народных библиотек взяли на себя земства — губернское и уездные. Начиная с 1896 года губернское земство выделяло 200 руб. каждому уезду на открытие народных библиотек и 25 руб. на приобретение новых книг [Обзор состояния …, 1902, с. 127]. К этому времени в губернии было всего лишь две бесплатные народные библиотеки — в селе Мелехино Щигровского уезда, учрежденная в 1892 году по инициативе крестьян, и народная библиотека в заштатном городе Мирополье, учрежденная Суджанским уездным земством в 1895 году [Обзор состояния …, 1902, с. 128]. В 1897 году Грайворонское уездное земство открыло 14 бесплатных народных библиотек в селах, обратившись с просьбой к волостным сходам о выделении помещений и мебели, оплате отопления и освещения. Библиотеками заведовали местные жители, окончившие народное училище, наблюдение возлагалось на учителей. Члены уездной земской управы считали, что «потребность в просвещении среди сельского населения очевидно растет быстрее возможности удовлетворить ее <…> поэтому пусть проектированные библиотеки хотя бы отчасти возместят недостающее число училищ и дадут возможность грамотному крестьянству с пользой провести в читальне время своего досуга» [ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 5492, л. 1—3 об.].

Среди других факторов, которые способствовали открытию народных библиотек, стоит назвать инициативу самого сельского населения и деятельность местной интеллигенции. Сами крестьянские общества выступали ини-

циаторами учреждения библиотек, собирали денежные средства на их открытие и содержание, выделяли помещения. Существует немало свидетельств сочувствия местного населения библиотеке, что выражалось не только в пожертвованиях. Например, Головчанское общество Грайворонского уезда «встретило открытие библиотеки с восторгом, о чем свидетельствуют цифры: за первые 10 с половиной месяцев было 460 подписчиков и 3293 выдачи». [Текущая школьная …, 1898, с. 47]. Бесплатная народная библиотека в поселке возле станции Коренево Рыльского уезда была открыта по прошению участкового врача М. И. Протасова, начальника станции Коренево А. А. Клименко, учителя М. Я. Мирошникова, фельдшера И. Д. Богдановского, купца А. М. Сикерина и др. По уставу библиотеки предусматривалось бесплатное пользование книгами: «Библиотека не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку, порчу, утрату книг» [ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 5225, л. 4].

Сельские народные библиотеки располагались в училищах, волостных и сельских правлениях, наемных помещениях, церковных сторожках, земских амбулаториях, иногда в собственных помещениях. Вот как описывает земский врач Копытов, заведующий Никольской библиотекой, одно из первых собственных зданий для библиотеки: «Осенью 1896 г. губернская управа по ходатайству заведующего библиотекой пожертвовала для библиотеки старый дубовый сруб, предназначавшийся для холерного барака в минувшую холерную эпидемию, а уездное земское собрание 1895 г. разрешило поставить здание на больничной усадьбе. С помощью пожертвований материалом со стороны соседних землевладельцев и одного лица, пожелавшего остаться неизвестным, принявшего на себя денежные расходы по постройке, из пожертвованного губернской управой сруба выстроено довольно удовлетворительное здание для помещения библиотеки. Снаружи стены его обмазаны по драни глиной и побелены, внутри обмазаны глиной, оклеены картоном, сверх картона — бумагой и окрашены клеевой краской. Покрыто здание пока соломой под глину. Помещение снабжено мебелью: книжный шкаф, стол и табуреты; большая висячая лампа». [Текущая школьная …, 1898, с. 48—49].

Еще одним фактором, благодаря которому деятельность курского земства по учреждению библиотек оказалась довольно успешной, был состав Комиссии по народному образованию и его справочно-педагогического бюро. Комиссией по народному образованию в данный период руководил князь Петр Дмитриевич Долгоруков (1866—1951), землевладелец Суджанского уезда, глава уездной управы и гласный губернского земства. Он участвовал в создании Конституционно-демократической партии, возглавлял работу комиссии по местному самоуправлению и др. Члены Комиссии занимались не только учреждением библиотек и выделением средств на их содержание и пополнение фонда, но также собирали сведения из всех сельских народных бесплатных библиотек и

анализировали их работу, состав фондов, возраст и занятия читателей, их предпочтения в выборе книг. Данные сведения ежегодно публиковались в «Текущей школьной статистике» Курского губернского земства.

В конце XIX века к созданию библиотек присоединилось Общество содействия начальному образованию, а в 1901 году — Попечительство о народной трезвости. Общество содействия начальному образованию создал В. И. Долженков, общественный деятель и земский врач, учредивший Общество курских врачей и медико-статистическое бюро, председатель санитарной комиссии в I и II Государственной думе (1906—1907). К 1913 году на средства созданного им общества было открыто 64 сельские библиотеки [ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 10652, л. 8]. Попечительство о народной трезвости создавало читальни при народных чайных на пожертвования, ассигнования земских собраний, общественных, волостных и сельских учреждений [ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9636, л. 5].

Часть библиотек была открыта по завещанию известного книгоиздателя Флорентия Федоровича Павленкова. На предложение душеприказчиков Павленкова откликнулись земские собрания Белгородского, Грайворонского, Тимского, Льговского, Фатежского и Щигровского уездов. Губернское земство планировало в 1901 году открыть 24 Павленковские библиотеки.

3. Количество библиотек, состав читателей, интенсивность чтения

Итак, благодаря деятельности курских земских деятелей, местной интеллигенции и самих крестьянских обществ к концу 1900 года в губернии насчитывалось уже 82 сельские бесплатные народные библиотеки [Текущая школьная …, 1900, с. 62]. Судя по сведениям, присланным из 45 библиотек, по их количеству лидировали Грайворонский и Суджанский уезды. Число подписчиков (бравших на свое имя книги) составляло 6792. В среднем по губернии женщины составляли 10 % от общего числа подписчиков. По возрастному составу самая большая группа (около 50 %) — до 20 лет. Основная часть подписчиков (около 78 % среди мужчин и 63,4 % среди женщин) — учащиеся или окончившие земскую школу. Сельская интеллигенция (священники, дьяконы, псаломщики, учителя, фельдшеры, волостные писари, конторщики, а также их жены и дети) составляла 5,1 % подписчиков, интенсивность чтения — 8,5 наименований книг в год на одного подписчика. Среднее число книг, выданных в год одному читателю, колебалось от 4,2 до 14,7 [Текущая школьная …, 1900, с. 70].

В следующем отчетном году (точнее, с 1 мая 1900 по 1 мая 1901 года), по сведениям, полученным уже из 77 сельских библиотек, число подписчиков составляло 10776, а на каждую библиотеку их приходилось 144,6 [Текущая школьная …, 1901, с. 88]. К 1 мая 1902 года из 97 сельских библиотек сведения подали 79. Посмотрим, каким образом они распределялись по уездам, каково было общее число подписчиков, сколько среди них мужчин и женщин (табл. 1).

Таблица 1

Данные о числе подписчиков и распределении их по полу и по уездам

Уезды	Число библиотек	мужчин	женщин	всего
Грайворонский	14	2300	190	2490
Дмитриевский	6	842	61	903
Корочанский	3	368	40	408
Курский	5	976	160	1136
Льговский	1	80	5	85
Новооскольский	2	258	27	285
Обоянский	3	316	25	341
Путивльский	1	41	-	41
Рыльский	1	145	68	213
Старооскольский	12	1390	188	1578
Суджанский	12	1242	137	1379
Тимский	11	1065	184	1249
Фатежский	4	705	48	753
Щигровский	4	294	25	319
Всего:	79	10022	1158	11180

Как видим, общее количество подписчиков достигло 11180, женщины составляют чуть более 10 %, а на каждую библиотеку приходится 141,5 подписчик. Небольшое количество библиотек в некоторых уездах (Дмитриевский, Льговский, Обоянский, Путивльский, Рыльский) объясняется, возможно, тем, что их уездные земства отдавали предпочтение не народным библиотекам, а пришкольным публичным.

При распределении подписчиков по занятиям, за исключением учащихся, оказалось, что среди мужчин земледельцы составляют 49 %. Интенсивность чтения немного упала по сравнению с предыдущим периодом и составила в среднем 6,9 наименований книг на одного подписчика.

С увеличением количества библиотек, подававших сведения, данные о библиотечных учреждениях становятся более представительными и подробными. Анализ сведений из 93-х библиотек-читален позволяет установить, что к 1 мая 1903 года количество сельских народных библиотек увеличилось до 134-х, число подписчиков составило 11732, в среднем на каждую библиотеку их приходилось 126. Уменьшение числа подписчиков земцы объясняли неудовлетворительностью каталога и недостатком материала для чтения [Текущая школьная …, 1903, с. 79—81].

К числу инициаторов учреждения библиотек (кроме земств, общественных организаций и сельских обществ) прибавились частные лица. Так, библиотека-читальня в слободе Хворостянка Старооскольского уезда была устроена на

пожертвование господина Четверикова и названа в честь его отца «Алексеевская» [ГАКО, ф. 54, оп. 1, д. 584, л. 1—8]. Несмотря на то, что по-прежнему наблюдалось преобладание среди подписчиков детей и подростков, земцы заметили небольшое увеличение числа взрослых читающих и отметили это как положительное явление. Так же, как и в предыдущие годы, среди мужчин основная часть (48,5 %) занимались земледелием, а 34,5 % женщин — домашним хозяйством и земледельческими работами. 69,2 % подписчиков получили образование в земской школе. В 11 библиотеках-читальнях существовали попечительства, что значительно облегчало работу библиотек.

К 1 мая 1904 года насчитывалось 163 сельские народные библиотеки, из них большая часть была открыта земством. Открытие новых библиотек тормозилось из-за отсутствия наблюдателей (обычно это были священники). Администрация губернии считала, что священнослужители не могут совмещать должность наблюдателя со своими прямыми обязанностями. Основные показатели по составу читателей оставались прежними, земцев порадовало небольшое увеличение числа женщин: «Грамотная женщина-мать, да еще находящая досуг для чтения, редкое явление в крестьянской семье, где вся тяжесть ежедневных работ круглый год лежит на ней» [Текущая школьная …, 1904, с. 57].

В 1905 году в Курской губернии было 213 сельских народных библиотек. Лидеры по количеству библиотек — Суджанский (33), Тимский (25), Старооскольский (24), Грайворонский (17) уезды [Текущая школьная …, 1905, с. 44]. Сельское население составляло в губернии более двух миллионов человек, поэтому земские деятели решили подсчитать количество населения на одну библиотеку. Только в четырех уездах (Льговском, Старооскольском, Суджанском и Тимском) на одну библиотеку приходилось от 5 до 10 тысяч человек. В остальных уездах эта цифра увеличивалась более чем в два раза, что свидетельствовало о недостаточном количестве библиотечных учреждений. Большинство библиотек работало в послеобеденное время, а также почти «всегда, когда требуется». Библиотеки функционировали все учебное время, в некоторых местах круглый год. Общее количество подписчиков составляло 14 960 человек, по роду занятий они распределялись следующим образом (табл. 2).

Как видим, основную часть читателей народных библиотек составляли мужчины, по роду занятий — учащиеся и земледельцы. Такое соотношение остается и в последующие годы. В начале 1913 года в губернии было 299 народных библиотек (подсчитано вместе с городскими народными). Самое большое количество — в Суджанском уезде (68), в остальных — от 1 до 38. В среднем по губернии одна библиотека приходилась на 136,5 кв. верст и на 9271 человек. Самые хорошие показатели наблюдались в Суджанском уезде — одна библиотека приходилась на 36,2 кв. версты на 2498 человек. Самые скромные — в Путивльском уезде: одна библиотека приходилась на

Таблица 2

Распределение подписчиков по занятиям и полу

	Мужчины (в %)	**Женщины (в %)**
Учащиеся	20,9	31,2
Земледельцы	42,7	9,2
Ремесла и торговля	11,3	5,6
Рабочие на фабриках	0,4	—
Служащие на ж/д	0,3	—
Интеллигенция	1,8	8,6
Домашнее хозяйство	2,4	16,2
Прислуга	0,2	0,3
Прочие занятия	1,9	0,4
Неизвестно	17,8	25,8
Без занятий	0,3	2,6
Служащие в экономии	—	0,1

2518 кв. верст и на 193780 человек [Текущая школьная …, 1913, с. 12—14]. Данные о возрасте, образовании и занятиях подписчиков почти не изменялись. Деятельность курского земства по учреждению библиотек была прервана Первой мировой войной и событиями 1917 года.

4. Чтение в сельских народных библиотеках

Каковы же были предпочтения в чтении у крестьянского населения? На первом месте — беллетристика (около 50 %), на втором — духовно-нравственная литература (от 26 до 16 % в разные годы), затем следовали русская история (7 %), сказки (6,8 %), география (6,4 %), естествознание (около 5 %).

По данным за 1900—1901 годы, наибольшим спросом у населения пользовались следующие авторы (приводим дословно) [Текущая школьная …, 1901, с. 92—93] (табл. 3).

На первом месте — Бахметева, очевидно, Александра Николаевна, известная писательница XIX века, автор распространенных книг и брошюр для народного и детского чтения. Острогорский — очевидно, Виктор Петрович, русский педагог, литератор, общественный деятель, издавал ряд статей и брошюр для народа. Одно из них — «Из мира великих перемен (рассказы по Шекспиру и Т. Гердеру)». Поучения Путатина — очевидно, проповеди Родиона Тимофеевича Путятина, русского богослова, проповедника, педагога, протоиерея Русской православной церкви. Земцы отмечали запросы читателей на «книжки почувствительней», чтобы «слезу прошибло» и «душа усладилась».

Земские деятели обращали внимание на то, что книги по сельскому хозяйству и юриспруденции пользуются большим спросом у читателей, но их со-

Таблица 3

Авторы, пользующиеся наибольшим спросом
(с указанием числа требований)

Автор	Число требований		Автор	Число требований
Бахметева	1576		Бичер-Стоу	236
Тургенев	1434		Меч	234
Л. Н. Толстой	1297		Князь Серебр. А. Толстого	229
Гоголь	1173		Лермонтов	213
Пушкин	1022		Острогорский «Из мира вел. пр.»	210
Жуковский	700		Достоевский	210
Е. Водовозова	510		Петрушевский	196
Диккенс	354		Лажечников	185
Григорович	344		Загоскин (Юр. Мил.)	183
Островский	322		Гончаров	159
Дм. Ростовский	134		Додэ	84
А. Чехов	116		Шиллер	74
Г. Данилевский	111		Мильтон	61
В. Скотт	109		Шекспир	46
Ауэрбах	87		Лонгфелло	37
В. Гюго	86		Поучения Путатина	29

вершенно недостаточно, потому и выдача книг этих разделов составляла 0,8 % и 0,2 % соответственно. В 1905 году среди наиболее популярных авторов оказались Д. В. Григорович, Н. В. Гоголь, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Немирович-Данченко, А. Н. Бахметева, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин. По данным за 1912—1913 годы, книговыдача составила 75 253 экз. книг, и они распределялись следующим образом (табл. 5).

Как видим, соотношение между беллетристикой и духовно-нравственной литературой не претерпевает больших изменений, но увеличивается количество выдач из разделов истории, географии, естествознания, сельского хозяйства, медицины и юриспруденции, что свидетельствовало об изменении читательских интересов крестьян.

Большой интерес представляет не только репертуар книг, которые читало крестьянское население, но и их запросы. Например, в 1905 году читателей народных библиотек интересовала литература о ремеслах, русско-японской войне, истории литературы, древних философах, правовом положении крестьян, «История России» В. Соловьева, роман Л. Толстого «Воскресение». Они запрашивали произведения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, А. М. Скабичевского, Н. А. Некрасова, А. М. Горького, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, В. В. Вересаева, Г. И. Успенского [Текущая школьная …, 1905, с. 56].

Таблица 5

Процентное соотношение книг, выданных по отделам

Беллетристика	44,8 %
Духовно-нравственная литература	15,1 %
Русская история	8,6 %
География и путешествия	8,1 %
Естествознание	6,9 %
Сельское хозяйство	4,9 %
Газеты	3,9 %
История всеобщая	2,8 %
Журналы	2,3 %
Медицина	1,4 %
Юридический	1,2 %

Почти в каждом выпуске «Текущей школьной статистики» отмечался спрос на газеты и журналы. Среди наиболее распространенных периодических изданий — «Нива», «Живописное обозрение», «Вокруг света», «Всходы», «Родник», «Юный читатель», «Воскресный день», «Русский паломник», «Народное здравие», «Пчеловодный листок», «Беседа», «Садоводство и огородничество», «Сельский вестник», «Крестьянское хозяйство», «Свет» и др. Самыми распространенными журналами в 1904 году были «Нива» и «Русский паломник» (получали 27 и 25 библиотек соответственно). Газет выписывалось в недостаточном количестве, несмотря на то, «спрос на газету огромный всегда, и усиливается в последнее время» [Текущая школьная …, 1904, с. 64—65].

Отношение к библиотеке в основном «сочувственное», «симпатичное», оно характеризовалось словами «дело хорошее». В обзорах подчеркивалось, что читатели любят поговорить о прочитанных книгах, их беседы с заведующими библиотеками показывают интерес к знаниям. «Взрослые охотно беседуют по поводу прочитанного, непонятное просят разъяснить, особенно в книгах научного содержания <…> Обращаются за советами по вопросу о переселении, климате вообще, о природе Сибири и юга России <…> Просят совета, что именно надо читать по известной отрасли знания: по сельскому хозяйству, по садоводству, огородничеству, по литературе, по истории, по вопросам религии и др. <…> Обращаются за разъяснением книг исторического и географического содержания, просят объяснить непонятные выражения, помочь сделать общее заключение о прочитанном» [Текущая школьная …, 1903, с. 92]. В качестве недостатка в работе библиотек земцы отмечали необходимость комплектования по министерским каталогам Ученого комитета, что значительно ограничивало состав фондов и не удовлетворяло запросы читателей, а также недостаточное пополнение библиотек новыми изданиями.

5. Заключение

Таким образом, можно заключить, что зафиксированный в Курской губернии в конце XIX — начале XX веков рост числа сельских народных библиотек и их читателей свидетельствует о жизнеспособности данного социального института. Их возникновение в Курской губернии связано с деятельностью земства, уделявшего большое внимание библиотекам для народа, их созданию и финансированию, обеспечению их книгами. Забота о культурном развитии населения была приоритетным направлением деятельности курского земства. Имела место консолидация земских деятелей, общественных организаций и местной интеллигенции, они стремились воздействовать на крестьян путем просвещения, распространения грамотности, приобщения к чтению. Благодаря их деятельности сельская народная библиотека вошла в быт курского села, стала постоянной составляющей сельского образа жизни. Курские земцы считали, что «только из книг и газет, взятых в библиотеке, деревенский житель приходит в соприкосновение со всем остальным миром и получает более достоверные сведения о совершающихся событиях» [Текущая школьная …, 1904, с. 66].

Важно отметить, что среди крестьянского населения существовал запрос на чтение, о чем свидетельствует тот факт, что многие библиотеки создавались по инициативе местных крестьянских обществ и поддерживались ими. Показательно сочувственное отношение крестьян к библиотеке.

Интересно, что крестьянское население отдавало предпочтение художественной литературе, а не религиозной. Запросы читателей на литературу по сельскому хозяйству, юриспруденции, истории, а также на периодическую печать, свидетельствуют о росте их интереса к современной ситуации в стране и мире.

Создание сети сельских народных бесплатных библиотек в Курской губернии проходило довольно успешно, несмотря на небольшой охват населения. В заслугу курскому земству нужно поставить отработку форм статистической отчетности, методику анализа фондов и чтения, формирование группы постоянных читателей.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКО — *Государственный архив* Курской области. Ф. 54 (Курское губернское по земским и городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 584. Л. 1—8.

2. ГАКО — *Государственный архив* Курской области. Ф. 1 (Канцелярия курского губернатора). Д. 5225, 5492, 9636, 10652.

3. *Курская губерния*. Итоги статистического исследования. — Курск : Тип. губ. земства, 1887. — 488 с.

4. *Обзор состояния* начального народного образования в Курской губернии за пять лет (1895/96 — 1900/01 учебн. год). — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1902. — 183 с.

5. *Первая всеобщая* перепись населения Российской империи 1897. Т. XX: Курская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург, 1904. — 311 с.

6. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1897—1898 г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1898. — 99 с.

7. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1899—1900 г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1900. — 119 с.

8. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1900—1901 г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губерн. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1901. — 104 с.

9. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1901—1902 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1902. — 106 с.

10. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1902—1903 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1903. — 109, 81 с.

11. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1903—1904 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1904. — 81, 103 с.

12. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1904—1905 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1906. — 113 с.

13. *Текущая* школьная статистика Курского губернского земства: 1912—1913 учебн. г. / справочно-педагогич. бюро Курск. губ. земства. — Курск : Тип. Курск. губ. земства, 1914. — 113 с.

Литература

1. *Белоконский И. П.* Начальное народное образование в Курской губернии / И. П. Белоконский. — Курск : Тип. губерн. земства, 1897. — 500 с.

2. *Звягинцев Е. А.* Правовое положение народных библиотек за 50 лет / Е. А. Звягинцев. — Москва : Тип. Моск. Городского дома трудолюбия и работного дома, 1916. — 56 с.

3. *Кононова Т. Л.* Земские народные библиотеки в Курской губернии: становление и развитие (конец XIX — начало XX века) / Т. Л. Кононова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5—1 (31). — С. 106—111.

4. *Кононова Т. Л.* Участие земства в организации библиотек в Курской губернии (конец XIX — начало XX вв.) /Т. Л. Кононова // Научное мнение. —2013. — № 6. — С. 89—95.

5. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913) : статистические очерки / А. Г. Рашин. — Москва : Госстатиздат, 1956. — 352 с.

6. *Рубакин Н. А.* Избранное / Н. А. Рубакин. — Москва : Книга, 1975. — Т. 1. — 221 с.

7. *Рубакин Н. А.* Книжный поток. Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет / Н. А. Рубакин // Русская мысль. — 1903. — № 12. — С. 161.

Zemsky Rural Public Libraries of Kursk Province and their Readers (Late XIX — early XX Centuries)

© **Tatyana L. Kononova (2020),** orcid.org/0000-0002-6437-2431, Doctor of History, Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kursk State University” (Kursk, Russia), kononova55@mail.ru.

The article is devoted to the formation and development of zemsky rural folk libraries in the Kursk province in the late 19th — early 20th centuries. The documents of the State archive of the Kursk region and materials published in the "Current school statistics" of the Kursk provincial zemstvo are analyzed. Information about the founders of free public libraries is presented. The factors that influenced the formation and development of libraries are identified. Attention is paid to the age and sex of the readers, their education and occupations, reading intensity, reading preferences and requests. The relevance of the study is due to the need to comprehend the social and cultural significance of the activities of zemsky rural libraries. The dynamics of growth in the number of rural folk libraries and their distribution by counties are traced. Attention is paid to the subject of books and authors, preferred by the villagers. It is concluded that thanks to the joint efforts of the zemstvo, public organizations, local intellectuals and the initiative of peasant communities, rural national libraries have become a viable social institution and played a significant role in introducing peasants to the book.

Key words: people's library; zemstvo; Kursk province; peasantry; reading.

Material resources

GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti. (Kurskoe gubernskoe po zemskim i gorodskim delam prisutstvie)* [State Archives of the Kursk Region. (Kursk provincial presence on zemstvo and city affairs)]. (In Russ.).

GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti. (Kantselyariya kurskogo gubernatora)* [State Archives of the Kursk Region. (Office of the Kursk Governor)]. (In Russ.).

Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskogo issledovaniya [Kursk province. Results of statistical research]. (1887). Kursk: Tip. gub. zemstva. 488 p. (In Russ.).

Obzor sostoyaniya nachalnogo narodnogo obrazovaniya v Kurskoy gubernii za 5 let (1895/96 — 1900/01 uchebn. god) [Review of the state of primary public education in the Kursk province for five years (1895/96 — 1900/01 academic year)]. (1902). Kursk : Tip. Kursk. gub. zemstva. 183 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1897—1898 g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1897—1898]. Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva, 1898. — 99p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1899—1900 g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1899—1900]. (1900). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 119 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1900—1901 g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1900—1901]. (1901). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 104 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1901—1902 uchebn. g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1901—1902]. (1902). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 106 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1902—1903 uchebn. g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1902—1903]. (1903). Kursk : Tip. Kursk. gub. zemstva. 109 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1903—1904 uchebn. g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1903—1904]. (1904). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 81, 103 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1904—1905 uchebn. g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1904—1905]. (1906). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 113 p. (In Russ.).

Tekushchaya shkolnaya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: 1912—1913 uchebn. g. [Current school statistics of the Kursk provincial zemstvo 1912—1913]. (1914). Kursk: Tip. Kursk. gub. zemstva. 113 p. (In Russ.).

Troinitskiy, N. A. (ed.). (1904). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897. Kurskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kursk province]. Sankt-Peterburg. 20: 311 p. (In Russ.).

References

Belokonskiy, I. P. (1897). *Nachalnoe narodnoe obrazovanie v Kurskoy gubernii* [Primary public education in the Kursk province]. Kursk: Tip. gubern. zemstva. 500 p. (In Russ.).

Kononova, T. L. (2013). Zemskie narodnye biblioteki v Kurskoy gubernii: stanovlenie i razvitie (konets XIX — nachalo XX veka) [Zemstvo public libraries in Kursk province: formation and development (the end of the XIX th — the beginning of the XX th century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], *5—1 (31):* 106—111. (In Russ.).

Kononova, T. L. (2013). Uchastie zemstva v organizatsii bibliotek v Kurskoy gubernii (konets XIX — nachalo XX vv.) [Participation of the zemstvo in the organization of libraries in the Kursk province (late 19th — early 20th centuries)]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], *6:* 89—95. (In Russ.).

Rashin, A. G. (1956). *Naselenie Rossii za 100 let (1811—1913): statisticheskie ocherki* [Population of Russia for 100 years (1811—1913): statistical essays]. Moskva: Gosstatizdat. 352 p. (In Russ.).

Rubakin, N. A. (1903). *Knizhnyy potok. Fakty i tsifry iz istorii knizhnogo dela v Rossii za poslednie 15 let* [Book stream. Facts and figures from the history of book business in Russia over the past 15 years]. In: *Russkaya mysl* [Russian thought], *12*: 161. (In Russ.).

Rubakin, N. A. (1975). *Izbrannoye* [Favorites]. Moskva: Kniga. *1*: 221 p. (In Russ.).

Zvyagintsev, E. A. (1916). *Pravovoye polozhenie narodnykh bibliotek za 50 let* [The legal status of public libraries for 50 years]. Moskva: Tip. Mosk. Gorodskogo doma trudolyubiya i rabotnogo doma. 56 p. (In Russ.).

Кореневский А. В. Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «переяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого / А. В. Кореневский, Н. Д. Николаева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 410—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422.

Korenevskiy, A. V., Nikolaeva, N. D. (2020). Russian-Polish Relations at the Turn of the "Long XII Century": from the "Pereyaslavl Crisis" to the Death of Roman Galitsky. *Nauchnyi dialog, 11:* 410-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422. (In Russ.).

УДК 94(47).027+94(438.11)"1132/1204"
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422

Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «переяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого[1]

© **Кореневский Андрей Витальевич (2020),** orcid.org/0000-0002-0617-121X, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), koren@sfedu.ru.

© **Николаева Наталья Дмитриевна (2020),** orcid.org/0000-0002-0841-3294, аспирант третьего года обучения Института истории и международных отношений, ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), natp@sfedu.ru.

Данная статья является продолжением работы «Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников: от Любечского съезда до "переяславского кризиса"», опубликованной в предыдущем номере. Рассматривается вопрос о системе русско-польских отношений в период наступления политической раздробленности Руси (с 1132 года) и кардинального изменения расстановки сил относительно Киевского княжества. Представлены доказательства того, что тезис о религиозном факторе как о решающем в русско-польских взаимоотношениях не соответствует реалиям 30—90 годов XII века. Показано, что внутренние и внешние политические обстоятельства 30—40 годов XII века заставили Киев и Краков пойти на сближение. Подчеркивается, что тенденция на сближение сохраняется на протяжении второй половины XII столетия. Особое внимание уделяется характеру русско-польских отношений рубежа XII—XIII веков. Авторы отмечают, что ситуация в русско-польских отношениях начинает кардинально меняться в первом десятилетии XIII века. Приводятся доказательства того, что причины кардинальных изменений были связаны с политическим курсом галицко-волынского князя Романа Мстиславича и результатами IV крестового похода, который положил начало цивилизационному расколу в Европе.

Ключевые слова: Русь; Польша; XII век; политическая раздробленность; имперская идея; «латинская» Европа; цивилизационный раскол; Роман Мстиславич.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.

1. Враги врагов, друзья друзей… (1139—1154)

После смерти Мстислава Великого в 1132 году в Киеве утвердился его младший брат Ярополк Владимирович (1132—1139), который практически сразу предпринял попытку перераспределения княжеских столов. В частности, старший сын Мстислава Великого, Всеволод, княживший до этого в Новгороде, был переведен в Переяславль, на который неожиданно предъявил свои претензии ростово-суздальский князь, сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий. Он изгнал Всеволода Мстиславича из Переяславля [ПСРЛ, т. 2, стб. 295]. Не удержался на этом престоле и Изяслав Мстиславич, которого киевский князь Ярополк пытался посадить в городе вместо Всеволода [ПСРЛ, т. 2, стб. 295]. В 1134 году, «не послушавъ брата своего Ꙗрополка» [ПСРЛ, т. 2, стб. 295], покинул Переяславль и вернулся княжить в Туров «преемник» Изяслава Вячеслав Владимирович, следствием чего стал факт признания киевским князем прав Юрия Долгорукого на Переяславское княжение.

Ситуация «переяславского кризиса» со всей очевидностью продемонстрировала тот факт, что политическому и династическому единству клана Мономашичей пришел конец [Котышев, 2016, с. 39]. При этом раскол клана на две группировки — старших Мономашичей и младших Мстиславичей — был очень выгоден для черниговского князя Всеволода Ольговича. Еще в результате решений Любечского съезда его отец, Олег Святославич, получил Чернигов, но при этом черниговские князья были исключены из системы киевского столонаследия [Назаренко, 2009, с. 93]. Однако претензии на занятие киевского престола с определенной долей условности они предъявлять могли. В 1073—1076 годах в Киеве утвердился дед Всеволода Ольговича, Святослав Ярославич, который изгнал оттуда старшего брата, князя Изяслава. Безусловно, с точки зрения лествичной системы наследования Святослав не имел никакого права совершать подобный поступок и юридически не являлся легитимным правителем Киевского княжества, что влекло за собой последствия и для его потомков. Однако крайне спорная легитимность утверждения самого Владимира Мономаха на киевском престоле в сочетании с расколом в клане Мономашичей, наступившим после смерти Мстислава Великого, давало возможность предъявить претензии на власть в Киеве Всеволоду Ольговичу. Это, собственно, и произошло в 1139 году, когда этот князь, нарушив все устои, утвержденные на Любечском съезде, захватил власть в Киевском княжестве.

Характер русско-польских отношений кардинально меняется после потери Мономашичами контроля над Киевом и утверждения там в 1139 году династии Ольговичей. Разумеется, было бы неоправданным упрощением считать приход к власти новой династии единственной причиной завершения конфронтации. Однако в условиях, когда обе страны вступили в эпоху политической раздробленности, вероятность формирования альянсов по принципу «враг

моего врага…» закономерно возросла. Борьба с Мономашичами подталкивала Ольговичей к союзу с преемниками их противника Болеслава Кривоустого. В первый же год своего княжения в Киеве Всеволод прибег к помощи поляков в борьбе с Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем [ПСРЛ, т. 2, стб. 306], а в 1141 году этот союз был закреплен брачными узами: «ѿда Всеволодъ дчѣрь свою Звѣниславоу в Лѧхъı за Болеслава» [ПСРЛ, т. 2, стб. 313] — сына польского князя-принцепса Владислава II Изгнанника. В 1142 году русские отряды оказали поддержку Владиславу в борьбе с его младшими братьями Болеславом и Мешко: противники встретились возле г. Черска, однако до военных действий дело не дошло [Miskiewicz, 1970, p. 367]. Усобица в Польше достигла пика после смерти мачехи Владислава II Саломеи в связи с тем, что младшие Болеславичи воспротивились присоединению ее удела к владениям князя-принцепса. Тот обратился за помощью к Всеволоду Ольговичу и незамедлительно получил ее. Великий князь собрал войско во главе со своим братом Игорем, незадолго до этого провозглашенным наследником киевского престола [ПРСЛ, т. 1, стб. 312]. Ольговичам, видимо, удалось собрать достаточно внушительное войско, поскольку Болеслав и Мешко не рискнули вступать с ними в бой. Они приняли условия Владислава, продиктованные Игорем, уступив брату четыре города, а его русским союзникам — город Визну.

Описанные события могут показаться возвратом к той ситуации, которая сложилась в русско-польских отношениях на рубеже XI—XII веков с той лишь разницей, что место Изяславичей заняли Ольговичи. Тем не менее последующие события свидетельствуют в пользу того, что никакой последовательной стратегии в отношении Польши у русских князей в то время не было, а мотивация их действий была сугубо ситуативной.

Несмотря на все усилия Всеволода Ольговича ему так и не удалось закрепить киевский стол за своим кланом. Вскоре после смерти князя киевляне, недовольные правлением Игоря, переметнулись на сторону Изяслава Мстиславича. Мономашичи вновь утвердились на великокняжеском престоле, но за этим не последовало возврата к той политике, которую проводили в отношении поляков Владимир Мономах и Мстислав Великий. Очевидно, главную роль сыграло то обстоятельство, что ни Изяслав, ни Болеслав IV Кудрявый, занявший краковский престол в 1146 году, не обладали той властью, которой располагали их предки. Изяслав враждовал с Юрием Долгоруким, а Болеслав вынужден был отражать атаки на польские рубежи прусских племен. Таким образом, обе стороны были вынуждены пойти на сближение. Кульминацией этого курса стал совместный русско-польский поход в Прибалтику против пруссов, досаждавших Польше. Благодаря немецким хронистам этот поход вошел в историю как часть Второго крестового (1147—1149 года), широко разрекламированного Римом: хронист с особым чувством замечал, что

«с огромнейшим войском выступила даже Русь, хотя и не совсем правоверная, но все же отмеченная званием христианским» [Древняя Русь …, 2010, с. 189]. Вопрос о том, какому именно русскому князю принадлежало войско, участвовавшее в походе, остается дискуссионным, вплоть до полного отрицания возможности определения его состава [Wlodarski, 1959, p. 27.]. Однако мы склонны согласиться с точкой зрения А. Б. Головко, считающего, что речь идет о дружинах Изяслава Мстиславича. Это подтверждается сведениями источников о дружественных связях князя с младшими Болеславичами в конце 40-х годов XII века [Головко, 1983, с. 78].

Таким образом, в ситуации политического полицентризма, почти синхронно установившейся на Руси и в Польше, верховные правители обеих стран оказались остро заинтересованы во взаимной поддержке и поэтому готовы были вступать в альянсы, едва ли возможные ранее. Острая нужда в союзниках побуждала к большей гибкости: таковыми могли теперь стать не только враги врагов, но и друзья друзей — даже если ранее их числили в стане противников. Так, Болеслав IV был вынужден примириться не только с Мономашичами, но и с союзной им Империей, которая ранее поддерживала Владислава II, свергнутого Болеславом. Более того, польский князь принял участие в крестовом походе, инициированном немецкими князьями и направленном не только против пруссов, но и против балтийских славян, чьи земли всегда были яблоком раздора между Германией и Польшей. В свою очередь, в изменившихся обстоятельствах клан Мономашичей, ранее придерживавшийся антипольского курса, также вынужден был сменить приоритеты. В то же время мы можем наблюдать определенную преемственность в идеологическом обрамлении этой политики. Подобно Владимиру Всеволодовичу, проявлявшему интерес к крестоносному движению и облекавшему предпринятые им походы против «поганых» в соответствующие символические формы, его внук поступал таким же образом. Более того, западные союзники Изяслава были в этом с ним полностью солидарны, поэтому совместные действия русских и польских полков вошли в анналы как часть Второго крестового похода.

2. Вперед, в прошлое! (1154—1205)

Во введении к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс высказал мысль, которая может служить ключом к дешифровке многих исторических головоломок: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые <…> даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс, 1957, с. 115]. Слова эти имеют прямое отношение и к событиям, развернувшимся на Руси во второй половине XII века.

К тому времени в политическом ландшафте страны произошли разительные перемены, в сравнении с которыми эпоха Ярослава Мудрого и времена Владимира Мономаха были, казалось, овеяны легендарным величием. После смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году киевский стол занял Изяслав Давыдович, сделав это не без помощи Глеба Юрьевича, сына ростово-суздальского князя. Таким образом, полная зависимость Киева от амбициозных суздальских князей становилась лишь вопросом времени. По сути, конечной точкой в этом вопросе стало взятие Киева сыном Андрея Боголюбского Мстиславом в 1169 году, после чего город окончательно потерял свое былое политическое значение.

Эпицентр русско-польских взаимоотношений в этот период практически полностью переместился в Южную Русь, где традиционно «союз был обусловлен взаимопомощью в противоборстве с внутренними противниками» [Головко, 1983, с. 80]. В этом ключе действовал галицкий князь Ярослав Осмомысл, которому помогали поляки в разгоревшемся конфликте с Изяславом Давыдовичем Киевским в 1158 и 1159 годах. В династическом кризисе в Галичине 80-х годов XII века, возникшем после смерти Ярослава, поляки также принимали участие на стороне Романа Мстиславича Волынского.

В 90-х годах XII века вектор польской политики с Галича перемещается на Волынь. В 1191 году Роман Мстиславич помог краковскому князю Казимиру II в междоусобной борьбе с Мешко Старым [Щавелева, 1990, с. 107]. В 1195 году он содействовал наследникам Казимира II Лешку и Конраду в борьбе за власть [Щавелева, 1990, с. 109]. В свою очередь Лешек помог Роману в 1199 году захватить Галич [ПСРЛ, т. 2, стб. 708], что привело к первому объединению Галицкого и Волынского княжеств. Но в 1205 году «Роман <…> неожиданно вторгся в пределы Польши» [Великая хроника …, 1987, с. 145], начав войну против бывшего союзника.

Молчание источников относительно мотивов, которыми руководствовался Роман, идя на Польшу, спровоцировало целую историографическую дискуссию. Зачастую историки обращаются к французской хронике Альбрика, пытаясь доказать, что Роман не собирался воевать с Лешком, потому что его поход не был направлен против Польши, но — через Польшу, в Саксонию [Котляр, 2003, с. 127; Майоров, 2008, с. 36—49; Пашуто, 2019, с. 441]. Действительно, в хронике четко указана конечная цель похода: «Король Руси по имени Роман <…> намеревался через Польшу достичь Саксонии, <…> был разбит и убит по Божьему промыслу на реке Висле двумя братьями, польскими князьями Лешком и Конрадом» [Albrici monachi …, p. 885]. Однако возникает закономерный вопрос: если конечной целью похода Романа была Саксония, то чем обусловлены мотивы поступков его недавних союзников? Прямые ответы, как было сказано выше, дают только польские источники, где

в памяти потомков сохранилась версия об агрессии Романа непосредственно против Польши. Тем не менее даже польские историки сомневаются в ее достоверности [Wilkiewicz-Wawrzynczykowa, 1937, p. 20].

Поиск ответов на поставленные выше вопросы следует начать с самого простого — с личности Романа Мстиславича, и отправной точкой может послужить летописный панегирик первому галицко-волынскому князю: «Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци» [ГВЛ, стб. 625]. В этой похвале особенно примечательно сравнение Романа с Владимиром Мономахом, заставляющее вспомнить слова Маркса о великой власти традиции над умами людей.

Очевидно, летописец высказывал не только свое мнение, и столь же очевидно, что его читатели не видели оснований не соглашаться с ним. Параллели напрашивались сами собой. Действительно, в 1200—1203 годах Романом Мстиславичем была осуществлена целая серия походов против половцев. К 1203 году Роман сформировал широкую коалицию русских князей против Степи, среди участников которой летопись упоминает Рюрика Ростиславича Киевского, Ярослава Всеволодовича Переяславского и племянников Рюрика — Мстиславичей. Поход завершился грандиозной победой: «И взяша Рускии князи полону много, и стала и заяша и возвратиша во свояси с полоном многим» [ГВЛ, стб. 626].

Следует отметить и иные параллели. На сохранившихся печатях Владимира Мономаха он именуется всеобъемлющим титулом «Архонт всея земли Русской» [Янин, 1970, с. 16], который отражает «генетическую связь линии Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом» [Литаврин и др., 1962, с. 217] и указывает на него как продолжателя имперских притязаний деда. Роман Мстиславич входит в летописи с титулом «самодержец Всея Руси», «царь в Руския Земли». Причем, как убедительно доказал А. В. Майоров, в случае с первым галицко-волынским князем царский титул выступал исключительно в своей светском (имперском) значении: Роман Мстиславич был царем, потому что не просто княжил в Русской земле, но и был победителем и завоевателем других стран [Майоров, 2009, с. 256]. На геополитический масштаб деяний этого князя указывали и другие историки. Б. А. Рыбаков писал: «Волынь и Галич <…> составили большое и могущественное княжество, равное крупным европейским королевствам. Когда же Роман овладел и Киевом, то в его руках оказался огромный компактный кусок Русских земель, равный Священной Римской империи Фридриха Барбароссы» [Рыбаков, 2012, с. 262].

В заслугу Владимиру Мономаху историками ставится то, что «именно ему пришлось вырабатывать те принципы, которые легли в основу нового

политического устройства Руси» [Карпов, 2015, с. 6]. Но и Роману Мстиславичу в историографии приписано установление нового политического порядка: это была «новая система коллективного патроната, когда два мощнейших властителя Руси (Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и Роман Мстиславич), не претендуя лично на киевский стол, договорились об общем над ним контроле» [Головко, 2006, с. 320].

Получается, что и в источниках, и в историографической традиции Владимир Мономах и Роман Мстиславич наделены характеристиками политиков широчайшего масштаба. Правда, Владимир Мономах вошел в историю с позитивным имиджем, в то время как Роман предстает крайне противоречивой фигурой: одни историки видят в нем титаническую личность [Горовенко, 2011; Рыбаков, 2012], другие — одиозную фигуру [Толочко, 1997]. В данном контексте следует вспомнить о том, что Владимир Всеволодович был непревзойденным мастером политической рекламы, оставив после себя ряд идеологических произведений и отредактировав Повесть временных лет. Более того, после него этот пропагандистский проект продолжали его потомки. Но в отличие от Владимира Мономаха и Мономашичей у Романа Мстиславича на подобное просто не было времени: лишь в 1199 году ему удалось объединить Волынь и Галич, затем на протяжении нескольких лет пришлось сочетать борьбу с половцами и внутриполитические распри и, в итоге, нелепо погибнуть в 1205 году.

Параллели, проводимые между Романом и Владимиром, наталкивают на мысль о возможном сходстве причин конфликтов обоих князей с поляками. Рубеж XII—XIII веков — время, когда «Старая Русь умирала, потому что умерло единство интересов, поддерживающих объединительную политику Киева: интересов южной торговли и национальной самообороны против Степи» [Пресняков, 1993, с. 470]. Эти тенденции Роман Мстиславич ощутил на собственном примере, пытаясь утвердиться на Галицком престоле в разгар междоусобицы 80-х годов XII века и конфликтуя с киевским князем Рюриком в 90-х годах XII века. Слабость киевских правителей выражалась в том, что Владимир Ярославич, вернувшийся на галицкий престол в 1190 годах благодаря внешним силам, ощутил свое шаткое положение и обратился не к киевскому князю, а к владимиро-суздальскому, фактически уйдя под его протекторат: «посла ко Всеволодоу ко оуеви своемоу в Соуждаль и молѧсѧ емоу ѡчѣ гс҃не, оудержи Галичь подо мною» [ПСРЛ, т. 2, стб. 667]. В 1195 году киевский князь Рюрик вынужден был отнять волости, принадлежавшие Роману, в пользу все того же Всеволода Большое Гнездо [ПСРЛ, т. 2, стб. 683]. Военные действия Мстислава против Рюрика закончились неудачей, поверженный князь вынужден был некоторое время скрываться в Польше [ПСРЛ, т. 2, стб. 687].

Комплекс вышеуказанных обстоятельств заставил князя выработать четкую политическую стратегию, которая была бы эффективна как для управ-

ления и сохранения собственной волости, так и для обоснования своих экспансионистских притязаний. Удачным примером такой стратегии был политический курс Владимира Мономаха, который Роман Мстиславич во многом у него и позаимствовал. После объединения при помощи поляков Галича и Волыни в 1199 году «мономаховские» политические мотивы проявили себя в полной мере, выразившись в целой серии походов против Степи, участии Романа Мстиславича в разработке новой системы государственного устройства Руси в условиях феодальной раздробленности и наделении князя всеобъемлющим титулом «самодержец Всея Руси». Таким образом, к 1203 году Роман продемонстрировал, что действует в соответствии со всеми вышеозначенными политико-идеологическими паттернами. Но это не могло не обеспокоить поляков: еще свежи были в памяти воспоминания о русско-польском конфликте времен Владимира Мономаха.

Однако столь жесткая реакция на действия восточного соседа объясняется не только этими причинами, но еще и тем, что роль мощного катализатора сыграли последствия IV крестового похода. Известно, что взятие и разграбление «воинами Христа» Константинополя вызвало небывалый шок не только на Востоке, но и на Западе. Первоначальная реакция курии была столь жесткой, что рыцарям всерьез грозило отлучение от церкви. Однако в скором времени позиция папского престола кардинально поменялась, и все его пропагандистские ресурсы были задействованы для внедрения в сознание католиков убежденности в справедливости кары, постигшей «схизматиков». Разумеется, в условиях, когда обозначился цивилизационный разлом христианского мира, это не могло не влиять на мотивы политических действий по обе стороны этого разлома.

Согласно «татищевским известиям», в том же 1204 году к Роману Мстиславичу приходили послы от папы Иннокентия III с предложением королевского титула в обмен на принятие католичества, что было с презрением им отвергнуто. А. В. Майоров считает данные сведения достоверными [Майоров, 2010]. Не сомневался в этом и М. Н. Карамзин, достаточно избирательно относившийся к «Истории Российской» В. Н. Татищева [Карамзин, 1818, с. 111]. В любом случае, проявившие себя «мономаховские» политические паттерны в сочетании с последствиями IV крестового похода и наглядный пример противостояния Романа «латинству» сделали не только возможным, но и вполне закономерным устранение польскими правителями своего вчерашнего союзника, даже если допустить, что целью Романа действительно была не Польша, а Саксония. В новых обстоятельствах, когда по обе стороны русско-польской границы все большую значимость приобретало осознание своей религиозной принадлежности, Роман Мстиславич в глазах западных соседей представал не только и, быть может, даже не столько

амбициозным политиком и удачливым полководцем (что опасно уже само по себе), сколько «схизматиком».

3. Исторический эпилог

В русско-польских отношениях XII века большую роль играл личностный фактор. Точнее — политическая стратегия, избранная тем или иным князем, находившимся у власти. Более того, огромную роль играла конкретная расстановка сил, которая становилась все более изменчивой и непредсказуемой, когда обе страны погрузились в пучину усобиц. Этим и была обусловлена ситуативность, преобладавшая в русско-польских отношениях. Поэтому представляется совершенно неоправданной трактовка отношений этих двух государств в XII веке как наглядной иллюстрации нарастания противоречий между двумя христианскими мирами. Более того, зачастую религиозный фактор играл не разделяющую, а консолидирующую роль. Лишь в конце правления Романа Мстиславича это фактор начинает негативно сказываться на отношениях Руси и Польши, что было эхом одной из величайших катастроф в истории средневековой Европы — взятия крестоносцами Константинополя в 1204 года.

Расстановка политических сил, сложившаяся после гибели Романа, «облегчила западным соседям возможность вмешиваться во внутренние дела Галичины и Волыни и даже предпринимать шаги по разделу между собой богатого наследия князя» [Котляр, 2003, с. 126]. В сочетании с фактором цивилизационного раскола стало возможным разделение сфер влияния в Южной Руси между западно-христианскими странами — Польшей и Венгрией. Как следствие, сложилась ситуация, датируемая Галицко-Волынской летописью 1214 годом: «Король угроски посади своего сына в Галиче, а епископа и попы прогна, а свое попы приведе латинские на службу» [ПСРЛ, т. 25, л. 135]. Знаком дальнейшей эскалации конфликта стало решение польского князя Конрада в 1237 году отдать не принадлежавший ему волынский город Дорогичин рыцарям основанного им Добринского ордена. Крестоносное движение, за которым в предыдущее столетие на Руси следили с интересом и сочувствием, становится орудием экспансии и борьбы с вчерашними союзниками, а ныне — «схизматиками» и еретиками.

Таким образом, лишь в первом десятилетии XIII века религиозные противоречия между Западом и Востоком окончательно превратились в фактор эскалации политического конфликта между Русью и Польшей, тогда как на более ранних этапах конфликты между этими странами, если и случались, то не представляли собой долговременной тенденции и не носили идеологического характера, а принадлежность к разным церковным юрисдикциям не перевешивала чувства общей причастности к христианскому миру.

Источники и принятые сокращения

1. *«Великая* Хроника» о Польше, Руси и их соседях. — Москва : Издательство Московского университета, 1987. — 260 с.

2. ГВЛ — *Галицко*-Волынская летопись. — Санкт-Петербург : Алатейя, 2005. — 424 с.

3. *Древняя* Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — Том 4. Западноевропейские источники. — 512 с.

4. ПСРЛ — *Полное* собрание русских летописей. — Ленинград : Академия наук СССР, 1926—1928. — Том 1. Лаврентьевская летопись. — 379 с.

5. ПСРЛ — *Полное* собрание русских летописей. — Ленинград : Академия наук СССР, 1949. — Том 25. Московский летописный свод конца XV века. — 462 с.

6. ПСРЛ — *Полное* собрание русских летописей. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — Том 2. Ипатьевская летопись. — 648 с.

7. *Щавелева Н. И.* Хроника магистра Винцентия Кадлубка / Н. И. Щавелева // Польские латиноязычные средневековые источники. — Москва : Наука, 1990. — С. 76—140.

8. *Albrici* monachi Triumfontium Chronikon // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae. — 1874. — T. 23. — P. 631—950.

Литература

1. *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. / А. Б. Головко. — Киев : Наукова думка, 1983. — 134 с.

2. *Головко А. Б.* Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI — первая половина XIII в.) / А. Б. Головко // Rossica antiqua: исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. — С. 314—330.

3. *Горовенко А.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах / А. Горовенко. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. — 480 с.

4. *Карамзин М. Н.* История государства Российского / М. Н. Карамзин. — Санкт-Петербург : Типография Н. Грача, 1818. — Том 3. — 220 с.

5. *Карпов А. Ю.* Великий князь Владимир Мономах / А. Ю. Карпов. — Москва : Молодая гвардия, 2015. — 386 с.

6. *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси / Н. Ф. Котляр. — Санкт-Петербург : Алатейя, 2003. — 300 с.

7. *Котышев Д. М.* Переяславский кризис 1130-х годов и политическое развитие Южной Руси / Д. М. Котышев // Вестник Удмуртского университета. Серия. История и Филология. — 2016. — № 4. — С. 31—41.

8. *Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха / Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин // Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию. — Москва : МГУ, 1962. — С. 204—221.

9. *Майоров А. В.* Поход Романа Мстиславича в Саксонию или в Польшу? / А. В. Майоров // Вопросы истории. — 2008. — № 11. — С. 36—49.

10. *Майоров А. В.* Рассказ В. Н. Татищева о посольстве римского папы к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу: происхождение и атрибуция / А. В. Майоров // Вспомогательные исторические дисциплины. — 2010. — Том 31. — С. 267—281.

11. *Майоров А. В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков / А. В. Майоров // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2009. — № 1/2 (5/6). — С. 250—262.

12. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. — Том 8. — С. 15—227.

13. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. — Москва : Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2009. — 514 с.

14. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. — Москва : Квадрига, 2019. — 496 с.

15. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси : лекции по русской истории / А. Е. Пресняков. — Москва : Наука, 1993. — 635 с.

16. *Рыбаков Б. А.* Рождение Руси / Б. А. Рыбаков. — Москва : Эксмо, 2012. — 352 с.

17. *Толочко А. П.* Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: опыт источниковедческого исследования / А. П. Толочко // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 1995 г. — Москва : Наука, 1997. — С. 240—262.

18. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. / В. Л. Янин. — Москва : Наука, 1970. — Том 1. —324 с.

19. *Miskiewicz B.* Walki wewnetrzne w Polsce w latach. 1142—1146 / B. Miskiewicz // Europa — Slowianszczyzna — Polska. — Poznan, 1970. — S. 365—374.

20. *W1odarski B.* Problem jacwinski w stosunkach polsko-ruskich / B. W1odarski // Zapiski historyczne Towarzystwa naukowego w Toruni. — 1959. — T. XXIV. — S. 7—35.

21. *Wilkiewicz-Wawrzynczykowa A.* Ze studiyw nad polityka polska na' Rusi na przelomie XII i XIII w. / A. Wilkiewicz-Wawrzynczykowa // Ateneum WileAskie. — 1937. — T. 3. —S. 1—33.

Russian-Polish Relations at the Turn of the "Long XII Century": from the "Pereyaslavl Crisis" to the Death of Roman Galitsky[1]

© **Andrey V. Korenevskiy (2020),** orcid.org/0000-0002-0617-121X, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), koren@sfedu.ru.
© **Natalia D. Nikolaeva (2020),** orcid.org/0000-0002-0841-3294, postgraduate student, Institute of History and International Relations, assistant, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), natp@sfedu.ru.

This article is a continuation of the work "The Polish Vector in the Politics of Vladimir Monomakh and His Successors: from the Lyubech Congress to the "Pereyaslavl Crisis", published in the previous issue. The question of the system of Russian-Polish relations during the period of the onset of political fragmentation of Russia (since 1132) and a radical change in the balance of power relative to the Kiev principality is considered in the article. It is proved that the thesis of the religious factor as decisive in Russian-Polish relations does not correspond to the realities of the 30—90s of the 12th century. It is shown that the internal and external political circumstances of the 30—40s of the XII century forced Kiev and Krakow to come closer. It is emphasized that the trend towards rapprochement continues throughout the second half of the 12th century. Particular attention is paid to the nature of Russian-Polish relations at the turn of the XII-XIII centuries. The authors note that the situation in Russian-Polish relations begins to change dramatically in the first decade of the 13th century. Evidence is given that the reasons for the cardinal changes were associated with the political course of the Galician-Volyn prince Roman Mstislavich and the results of the IV Crusade, which marked the beginning of the civilizational split in Europe.

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-39-90057.

Key words: Rus; Poland; XII century; political fragmentation; imperial idea; 'Latin' Europe; civilizational split; Roman Mstislavich.

Material resources

«Velikaya Khronika» o Polshe, Rusi i ikh sosedyakh [«Great Chronicle» about Poland, Russia and their neighbors]. (1987). Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 260 p. (In Russ.).

Albrici monachi Triumfontium Chronikon. (1874). *Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae*, 23: 631—950.

Dzhakson, T. N., Konovalova, I. G., Podosinov, A. V. (eds.). (2010). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya, 4. Zapadnoevropeyskiye istochniki* [Ancient Russia in the light of foreign sources: anthology, 4. Western European sources]. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. 512 p. (In Russ.).

GVL — *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galicia-Volyn Chronicle]. (2005). Sankt-Peterburg: Alateyya. 424 p. (In Russ.).

PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1. Lavrentyevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 1. Laurentian Chronicle]. (1926—1928). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 379 p. (In Russ.).

PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 2. Ipatevskaya letopis* [Complete collection of Russian chronicles, 2. Ipatiev Chronicle]. (1998). Moskva: Yazyki russkoy kultury. 648 p. (In Russ.).

PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete collection of Russian chronicles, 25. Moscow chronicle collection of the late 15th century]. (1949). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 462 p. (In Russ.).

Shchaveleva, N. I. (1990). Khronika magistra Vintsentiya Kadlubka [Chronicle of Master Vincent Kadlubka]. In: *Polskiye latinoyazychnyye srednevekovyye istochniki* [Polish Latin-speaking medieval sources]. Moskva: Nauka. 76—140. (In Russ.).

References

Golovko, A. B. (1983). *Drevnyaya Rus' i Polsha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X — pervoy treti XIII v.* [Ancient Russia and Poland in political relations X — first third of the XIII century]. Kiev: Naukova dumka. 134 p. (In Russ.).

Golovko, A. B. (2006). Slavyane Vostochnoy Evropy i krestovyye pokhody (XI — pervaya polovina XIII v.) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI — first half of the XIII century)]. In: *Rossica antiqua: issledovaniya i materialy* [Rossica antiqua: research and materials]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 314—330. (In Russ.).

Gorovenko, A. (2011). *Mech Romana Galitskogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [Roman Galitsky sword. Prince Roman Mstislavich in history, epic and legends]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 480 p. (In Russ.).

Karamzin, M. N. (1818). *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian Goverment], *3*. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. Gracha. 220 p. (In Russ.).

Karpov, A. Yu. (2015). *Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moskva: Molodaya gvardiya. 386 p. (In Russ.).

Kotlyar, N. F. (2003). *Diplomatiya Yuzhnoy Rusi* [Diplomacy of South Russia]. Sankt-Peterburg: Alateyya. 300 p. (In Russ.).

Kotyshev, D. M. (2016). Pereyaslavskiy krizis 1130-kh godov i politicheskoye razvitie Yuzhnoy Rusi [Pereyaslavl crisis of 1130s and political development of South Russia]. *Vest-*

nik Udmurtskogo universiteta. Seriya. Istoriya i Filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series. History and Philology], *4:* 31—41. (In Russ.).

Litavrin, G. G., Yanin, V. L. (1962). Novyye materialy o proiskhozhdenii Vladimira Monomakha [New materials about the origin of Vladimir Monomakh]. In: I*storiko-arkheologicheskiy sbornik. A. V. Artsikhovskomu k 60-letiyu* [Historical and archaeological collection. A. V. Artsikhovsky on the occasion of his 60th birthday]. Moskva: MGU. 204—221. (In Russ.).

Marks, K. (1957). Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta [Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In: *Sochineniya* [Essays], *8*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 15—227. (In Russ.).

Mayorov, A. V. (2008). Pokhod Romana Mstislavicha v Saksoniyu ili v Polshu? [Roman Mstislavich's hike to Saxony or Poland]. *Voprosy istorii* [History questions], *11:* 36—49. (In Russ.).

Mayorov, A. V. (2009). Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov [Royal title of Galicia-Volyn prince Roman Mstislavich and his descendants]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, *1/2 (5/6)*: 250—262. (In Russ.).

Mayorov, A. V. (2010). Rasskaz V. N. Tatishcheva o posolstve rimskogo papy k galitsko-volynskomu knyazyu Romanu Mstislavichu: proiskhozhdeniye i atributsiya [V. N. Tatishchev's story about the Pope's embassy to the Galicia-Volyn prince Roman Mstislavich: origin and attribution]. *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny* [Ancillary historical disciplines], *31*: 267—281. (In Russ.).

Miskiewicz, B. (1970). Walki wewnetrzne w Polsce w latach. 1142—1146. In: *Europa — Slowianszczyzna — Polska*. Poznan. 365—374. (In Pol.).

Nazarenko, A. V. (2009). *Drevnyaya Rus' i slavyane: (istoriko-filologicheskiye issledovaniya)* [Ancient Russia and the Slavs: (Historical and Philological Studies)]. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 514 p. (In Russ.).

Pashuto, V. T. (2019). *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Kvadriga. 496 p. (In Russ.).

Presnyakov, A. E. (1993). *Knyazhoye pravo v Drevney Rusi: lektsii po russkoy istorii* [Princely Law in Ancient Rus: Lectures on Russian History]. Moskva: Nauka. 635 p. (In Russ.).

Rybakov, B. A. (2012). *Rozhdeniye Rusi* [The birth of Russia]. Moskva: Eksmo. 352 p. (In Russ.).

Tolochko, A. P. (1997). Konstitutsionnyy proekt Romana Mstislavicha 1203 g.: opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya [Roman Mstislavich's Constitutional Project of 1203: the Experience of Source Study]. In: *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy: materialy i issledovaniya. 1995 g*. [The most ancient states of Eastern Europe: materials and research. 1995 year]. Moskva: Nauka. 240—262. (In Russ.).

W1odarski, B. (1959). Problem jacwinski w stosunkach polsko-ruskich. *Zapiski historyczne Towarzystwa naukowego w Toruni*, *XXIV:* 7—35. (In Pol.).

Wilkiewicz-Wawrzynczykowa, A. (1937). Ze studiyw nad polityka polska na Rusi na przelomie XII i XIII w. *Ateneum WileAskie, 3:* 1—33. (In Pol.).

Yanin, V. L. (1970). *Aktovyye pechati Drevney Rusi X—XV vv.* [Act seals of Ancient Russia X-XV centuries], *1*. Moskva: Nauka. 324 p. (In Russ.).

Мамяченков В. Н. Денежные доходы и расходы колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы) / В. Н. Мамяченков, Н. Ю. Власова, А. Л. Анисимов // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 423—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-423-435.

Mamyachenkov, V. N., Vlasova, N. Yu., Anisimov, A. L. (2020). Financial Income and Expenses of Collective Farmers of the Molotov Region in the First Post-War Five Years (1946—1950). *Nauchnyi dialog, 11:* 423-435. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-423-435. (In Russ.).

УДК 94(470.53)“1946/1950”+316.343.723:[330.566.63+330.567.22]
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-423-435

Денежные доходы и расходы колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы)

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2020),** orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

© **Власова Наталья Юрьевна (2020),** orcid.org/0000-0002-0472-671X, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), nat-vlasova@yandex.ru.

© **Анисимов Андрей Леонидович, (2020),** orcid.org/0000-0002-5787-3975, кандидат экономических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Институт финансов и права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), 13051957@bk.ru.

Рассматриваются вопросы, связанные с денежными доходами и расходами семей колхозников Молотовской области. Актуальность исследования обусловлена общественным интересом, проявляемым к изучению различных сторон материальных условий жизни населения. Научная новизна работы видится в том, что в оборот вводятся не публиковавшиеся ранее архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Представлены результаты сопоставительного анализа среднедушевых денежных доходов колхозников Молотовской области и других территорий Уральского региона. Особое внимание уделяется рассмотрению представленных автором таблиц, содержащих цифровые данные по теме статьи. Констатируется, что поступательное повышение качества материальных условий жизни граждан в наши дни является одной из приоритетных целей политики любого государства, позиционирующего себя как социальное. Акцентируется внимание на том, что в первое послевоенное пятилетие на денежные доходы колхозников оказывали влияние два основных фактора: последствия Второй мировой войны и отношение властей к колхозному крестьянству. Доказывается, что денежные доходы колхозников Молотовской области уступали доходам колхозников экономически более развитой Свердловской области, но были вполне сравнимы с доходами колхозников других регионов Урала.

Ключевые слова: колхозники; Молотовская область; денежные доходы; денежные расходы; 1946—1960 годы; бюджетные обследования.

1. Введение

Поступательное повышение качества материальных условий жизни граждан в наши дни является одной из приоритетных целей политики любого государства, позиционирующего себя как социальное. Поэтому исследование вопросов роста благосостояния населения остается важным направлением научных изысканий ученых-обществоведов: экономистов, социологов и историков. В свою очередь, степень материального благосостояния определяется, прежде всего, уровнем доходов населения. В развитых странах под термином *доходы* понимаются денежные поступления в семейные бюджеты, в развивающихся — еще и натуральные. Сумма же денежных и натуральных доходов составляет совокупный доход, который, в конечном счете, и определяет уровень их расходов, то есть потребления.

Настоящая статья посвящена денежным доходам и расходам ведущей категории сельского населения СССР в первые послевоенные годы — колхозного крестьянства — в границах Молотовской области (так назывался этот регион, выделившийся из Свердловской области, в 1940—1957 годы). И, хотя удельный вес данной категории в общей численности населения постепенно снижался уже едва ли не с 1930-х годов, но даже в 1959 году колхозники еще составляли 57,2 % численности сельского населения СССР [Абдулин, 1973, с. 7] и 51,9 % — Урала [Уральская …, 2000, с. 296].

Базовыми источниками при написании статьи выступили материалы бюджетных обследований, проводившиеся в СССР с 1919 года. При этом нельзя не отметить, что указанные материалы — это уникальный источник, дающий достаточно полное представление об уровне материального благосостояния крестьянской семьи. Сошлемся на мнение такого авторитетного исследователя крестьянской жизни, как О. М. Вербицкая, которая отмечала, что «лишь материалы бюджетных обследований крестьянских семей <...> наиболее бесстрастно и адекватно раскрывают картину использования труда в колхозах» [Вербицкая, 1992, с. 15].

С высокой долей уверенности можно утверждать, что качественно проведенный анализ материалов бюджетных обследований населения позволяет сделать вполне обоснованные выводы об уровне его материальной обеспеченности, в том числе его доходов, расходов и потребления. Что касается последних трех элементов, то один из авторов настоящей статьи уже имеет в своем активе посвященные им исследования в рамках Свердловской области, см. например: [Мамяченков, 2017; Мамяченков, 2018]. Предлагаемая статья, посвященная уже Молотовской области, как нам представляется, по-

служит весомым дополнением в деле исторической реконструкции материальных условий жизни советских людей.

2. Первая послевоенная пятилетка: тяжелое наследство войны

В исследуемый нами период — первое послевоенное пятилетие — общее состояние экономики страны определялось последствиями недавно закончившейся Второй мировой войны. Если говорить о стране в целом, то достаточно будет напомнить, что в ходе войны, по официальным данным, погибло 26,6 млн советских граждан [Россия …, 2001, с. 227], а прямые потери народного хозяйства СССР составили 679 млрд руб. в довоенных ценах, что в 5,5 раза превышало национальный доход 1940 года.

В аграрно-колхозном секторе экономики страны резко сократились посевные площади колхозов: в 1946 году по сравнению с 1940-м они составили только 76 %. При этом обеспеченность колхозов основными производственными фондами составила 75 %, а трудовыми ресурсами — 68 %. Поголовье крупного рогатого скота (КРС) в ЛПХ (личных подсобных хозяйствах) колхозников в СССР сократилось в сравнении с 1940 годом на 13 %, овец и коз — на 24 %, свиней — на 61 % [Чернявский, 1964, с. 47 (расчеты авторов)]. Что касается общей численности крестьян-колхозников, то она уменьшилась на 11,4 млн человек [Вербицкая, 1992, с. 80].

За 1941—1945 годы произошли глубокие изменения в состоянии буквально всех отраслей экономики Уральского региона. При этом, что не менее важно, значительно ухудшились материальные условия жизни населения. Напомним, что в первом же периоде войны области и республики Урала были вынуждены разместить на своей территории, по некоторым данным, 703 промышленных предприятия, передислоцированных из западных районов СССР, в том числе в Свердловскую область эвакуировались 212, Челябинскую — 200 и Молотовскую — 124 предприятия [Мотревич, 2004, с. 404]. Но этого мало — существенно было то, что вместе с этими структурами прибыло и около 2 млн человек. Понятно, что такой наплыв эвакуированных предприятий и контингента создал огромные трудности: прибывших оборудование и людей необходимо было как-то разместить и обеспечить всем необходимым для работы и жизни.

По сельскому хозяйству Молотовской области можно привести такие цифры: за годы войны общие посевные площади области уменьшились на 13 %, а поэтому (в том числе) если в 1940 году в регионе было получено 1226,7 тыс. т зерна, то в 1945-м — 767,7 тыс. т. Правда, объёмы выращенного картофеля, наоборот, увеличились: самый большой его урожай был получен в 1942 году — 1079,6 тыс. т. И, хотя в последующие годы валовые сборы этой культуры снизились, но в первом послевоенном — 1946-м — году его урожай

снова был рекордным — 1319,3 тыс. т. При этом на долю колхозов приходилось 36—50 % выращенного картофеля, совхозов — не более 1 %, подсобных хозяйств предприятий — 5—10 %. Остальное же (то есть до половины и более сбора картофеля) давали личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения [Аграрное …, 2020, с. 124—126; Мотревич, 1993, с. 133].

Насколько сильно повлияла война на колхозное производство Молотовской области, можно судить по таким цифрам: парк грузовых автомобилей колхозов с 751 (на 3340 колхозов!) в 1940 году сократился до 271 единиц в 1946-м (то есть почти втрое), парк тракторов в МТС — с 5019 до 3998, комбайнов — с 2289 до 2154. В результате, например, размер площадей зерновых, убираемых комбайнами, с 377 тыс. га в 1940 году уменьшился до 207 в 1946-м, а валовая стоимость продукции сельского хозяйства колхозов области — с 153,6 до 105,9 млн руб. [Мотревич, 1993, с. 32, 47, 51, 62, 70].

Естественно, что война сказалась и на материальном положении колхозников, их доходах, расходах и потреблении. Поскольку подробное рассмотрение материального положения колхозников в военные годы не входит в задачи работы, то мы ограничимся несколькими цифрами, касающимися ЛПХ колхозников Молотовской области, точнее — «живности» крестьянского подворья, численность которой с началом войны резко снизилась. Так, численность КРС составила (на начало года): в 1940 году — 211, 1942-м — 169, 1944-м — 177 и даже в 1950-м — 166 тыс. голов. Поголовье овец и коз составило соответственно 459, 346, 278 и 198 тыс., а свиней — 75, 16, 11 и 9 тыс. голов [Аграрное …, 2020, с. 74, 79, 82; Мотревич, 1993, с. 173]. Резкое сокращение поголовья скота автоматически означало столь же резкое снижение доходов колхозников, в том числе — денежных.

Кроме того, об ухудшении материального положения колхозников говорило и снижение стоимости одного трудодня. В первом военном году за один выработанный трудодень пермский колхозник в среднем получил: зерном — 1,2 кг, а деньгами — 51 коп., что никак нельзя счесть большим доходом. Но за годы войны и эта плата уменьшилась: в 1945 году аналогичные цифры составили всего лишь 0,9 кг и 48 коп. [Корнилов, 1990, с. 163]. Цены же на товарном рынке за годы войны повысились в разы, соответственно снизив денежные доходы населения.

Наверное, единственным позитивным (хотя и относительным и к тому же очень скромным) показателем на этом фоне за те же 1940—1946 годы выглядит увеличение количества электрифицированных колхозов — с 54 (из 3340) до 78 (из 3369). Сразу после окончания войны эта цифра стала быстро расти, но затем к 1950 году составила всего лишь 71 колхоз (из 2312) [Мотревич, 1993, с. 236].

Причина такой странной динамики, на наш взгляд, состояла в том, что власти всячески стремились завысить процент электрификации без учета от-

вратительного состояния ее материальной базы, устаревшей и предельно изношенной. В результате — огромное количество аварий, несанкционированных отключений электричества, ограничений в обеспечении электроэнергией и насущная потребность в модернизации электрохозяйства.

Такую тяжелую дань принесли люди и экономика Молотовской области на алтарь Победы. При этом следует учесть, что в годы войны валовая продукция ее промышленного сектора росла темпами 15 % в год, а производительность труда в нем — 10 [Пермская …, 1970, с. 24]. За счет этого (хотя и не только) за военные годы область дала фронту 48,6 тыс. артиллерийских орудий, 31 тыс. авиационных моторов [Информация о вкладе …], более 13 млн минометных снарядов, 3 млн реактивных снарядов для «Катюш», более 10 млн касок, 10 млн пар сапог и много другого оружия и военной амуниции [Какой вклад внес Пермский край …].

3. Денежные доходы колхозников: бедность по определению

Полный валовой (или суммарный) доход крестьянина-колхозника состоял из двух частей: натуральной и денежной. При этом в разные периоды советской истории они соотносились между собой неодинаково. В исследуемом нами периоде преимущество первой составляющей было огромным, так как и значительная часть второй составляющей получалась опять же путем «трансформации» из первой — попросту говоря, значительную часть денег колхозная семья получала от продажи продукции своего ЛПХ (табл. 1), а также от реализации продукции лесопользования, охоты и рыболовства (эти доходы в таблице включены в строку «прочие»). Для возможности сравнения мы составили также таблицу 2, в которой представили среднедушевые денежные доходы колхозников соседней, но более промышленно развитой Свердловской области за тот же период.

Сравнительный анализ упомянутых двух таблиц дает интересные результаты. Конечно, первое, что бросается в глаза при сравнении таблиц — это более высокий уровень денежных доходов колхозников Свердловской области. Но если в 1946 году их доходы превышали доходы пермяков на 44 %, то в 1950 году — только на 14.

Невозможно также не заметить удивительное сходство цифровых табличных рядов, которые мы проранжировали по их значимости. Из таблиц со всей очевидностью следует, что доходы от своей основной работы — в колхозе и машинно-тракторной станции (МТС) — фактически не играли никакой роли, составляя лишь несколько процентов общей суммы денежных доходов. На наш взгляд, одного этого факта вполне достаточно для осознания явного дефицита стимулов к общественному труду у колхозников (пусть даже у свердловчан данные доходы были несколько выше, чем у пермяков).

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы колхозников Молотовской области в 1946—1950 годы, *руб.*

№№ п/п	Источники доходов	Годы				
		1946	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**
1	Продажа продуктов сельского хозяйства	486	475	218	198	219
2	Наемный труд	108	126	140	231	242
3	Государственные поставки	119	146	116	126	120
4	Различные пенсии и пособия	74	112	96	103	108
5	Работа в колхозе и МТС	52	56	78	68	73
6	Прочие доходы	149	166	104	114	131
	Итого	988	1081	752	840	893

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1838, л. 52, 137, д. 2235, л. 64, 149, д. 2663, л. 64, 149, д. 3177, л. 63, 148, д. 3714, л. 64, 166] (расчеты авторов).

Таблица 2

Среднедушевые денежные доходы колхозников Свердловской области в 1946—1950 годы, *руб.*

№№ п/п	Источники доходов	Годы				
		1946	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**
1	Продажа продуктов сельского хозяйства	664	632	300	339	318
2	Наемный труд	135	160	191	199	210
3	Государственные поставки	189	196	158	147	126
4	Различные пенсии и пособия	89	111	107	118	119
5	Работа в колхозе и МТС	118	153	128	106	95
6	Прочие доходы	217	283	129	140	154
	Всего доходов	1420	1535	1013	1049	1022

Источник: [ГАСО, ф. Р1813, оп. 1, д. 518, л. 20—21; оп. 14, д. 47, л. 4, 11, д. 290, л. 39, д. 401, л. 5, 13, д. 657, л. 13, 25, д. 914, л. 18—19, д. 1403, л. 6—7, д. 1916, л. 4, 9, д. 2236, л. 57, 67, д. 2743, л. 31, д. 2744, л. 18, д. 2756, л. 85—86, д. 2818, л. 95—96, д. 2936, л. 2—21] (расчеты авторов).

Обе первые таблицы наглядно демонстрируют, что подавляющую долю своих денежных доходов колхозники имели от продажи продуктов своего ЛПХ, от платы (кстати, не очень большой) за сдачу и продажу продуктов по государственным поставкам (то есть обязательным поставкам, мясопоставкам и контрактации), а также от реализации собранных ягод, грибов и продукции охоты и рыбной ловли. На этом фоне пенсии и некоторые пособия, выплачиваемые государством, как и доходы от общественного сектора, выглядели лишь несущественной добавкой.

Таким образом, повседневная жизнь колхозников представляла собой «перевернутый мир» по сравнению, например, с жизнью городских рабочих: у последних, наоборот, доходы от ЛПХ были вторичными по отношению к зарплате по основному месту работы. Так, в 1946 году среднедушевой денежный доход семей рабочих промышленных предприятий Свердловской области составил около 4280 руб., то есть в 4,3 раза больше, чем аналогичный показатель у семей пермских колхозников. В 1950 году эта цифра составила уже около 5340 руб., а упомянутая разница доходов составила 6,4 раза [ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2789, л. 5—6, 35] (расчеты авторов).

Наконец, при изучении таблиц 1 и 2 нетрудно заметить, какой сильнейший удар нанесла по доходам колхозников конфискационная денежная реформа декабря 1947 года — даже в 1950 году их денежные доходы не достигли уровня 1946-го. Тому было две основные причины: во-первых, утрата (обесценение) наличных денег, а во-вторых, — резкое снижение цен на сельскохозяйственную продукцию.

4. Денежные расходы колхозников: приоритет промтоваров и налогов

Уровень денежных расходов колхозников Молотовской области в исследуемом периоде определялся (что естественно) низким уровнем денежных же доходов. Для проведения объективного анализа мы опять же сформировали две таблицы — № 3 и № 4, в которых представили денежные доходы колхозников все тех же Молотовской и Свердловской областей в исследуемый нами период. Как и предыдущие две таблицы, эти также во многом схожи, прежде всего — в плане приоритетов направлений расходов и динамики цифровых рядов.

Из представленных таблиц очевидно следует, что наиболее значимой статьей расходов для колхозных семей было приобретение различных промтоваров, в том числе продовольственных — хлеба и хлебных изделий. Именно «промтоварная» составляющая принципиально отличала структуры денежных расходов семей колхозников и рабочих промышленных предприятий — у последних основными были расходы на приобретение продуктов питания. Например, в 1946 году семьи промышленных рабочих Свердловской области направили на питание 38 % своих денежных расходов [ГАСО, ф. Р1813, оп. 1, д. 227, л. 84] (расчеты авторов). Нам думается, нет серьезных оснований сомневаться, что у рабочих Пермской области эта цифра сколько-нибудь серьезно отличалась от приведенной.

Таблицы № 3 и № 4 позволяют также оценить степень тяжести налогообложения колхозников. При этом, мы считаем, расходы по приобретению облигаций государственных займов также могут быть причислены к своеобразному налогу. С учетом этих расходов на уплату налогов у колхозных семей Молотовской области в 1946 году ушло 15 % денежных расходов, а

Таблица 3

Среднедушевые денежные расходы колхозников Молотовской области в 1946—1950 годы, *руб.*

№№ п/п	Направления расходов	Годы				
		1946	1947	1948	1949	1950
1	Покупка промтоваров (кроме хлеба и продуктов первичной переработки)	361	387	233	288	343
2	Покупка продуктов сельского хозяйства и первичной переработки	173	259	75	79	85
3	Уплата налогов	88	85	50	157	161
4	Покупка скота, птицы, пчел	60	92	44	56	53
5	Покупка хлеба печеного и хлебных изделий	71	56	79	75	59
6	Приобретение облигаций госзаймов	52	31	29	39	39
7	Прочие расходы	137	233	222	136	150
	Всего расходов	942	1143	732	830	890

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1838, л. 52, 137, д. 2235, л. 64, 149, д. 2663, л. 64, 149, д. 3177, л. 63, 148, д. 3714, л. 64, 166] (расчеты авторов).

Таблица 4

Среднедушевые денежные расходы колхозников Свердловской области в 1946—1950 годы, *руб.*

№№ п/п	Направления расходов	Годы				
		1946	1947	1948	1949	1950
1	Покупка промтоваров (кроме хлеба и продуктов первичной переработки)	636	632	365	446	440
2	Покупка продуктов сельского хозяйства и первичной переработки	204	189	126	91	98
3	Уплата налогов	109	113	157	178	154
4	Покупка скота, птицы, пчел	78	107	57	55	53
5	Покупка хлеба печеного и хлебных изделий	40	36	45	38	49
6	Приобретение облигаций госзаймов	46	46	36	38	33
7	Прочие расходы	296	516	200	205	191
	Всего расходов	1409	1619	986	1051	1018

Источник: [ГАСО, ф. Р1813, оп. 1, д. 518, л. 20—21, оп. 14, д. 47, л. 4, 11, д. 290, л. 39, д. 401, л. 5, 13, д. 657, л. 13, 25, д. 914, л. 18—19, д. 1403, л. 6—7, д. 1916, л. 4, 9, д. 2236, л. 57, 67, д. 2743, л. 31, д. 2744, л. 18, д. 2756, л. 85—86, д. 2818, л. 95—96, д. 2936, л. 2—21] (расчеты авторов).

в 1950-м — даже 22. По Свердловской области аналогичные цифры составили соответственно 11 и 18 %.

Наконец, небезынтересно будет оценить покупательную способность «расходных» денег колхозников. Для этого мы сформировали таблицы № 5 и № 6, в которых представлены цены на промышленные и продовольственные товары в исследуемом периоде.

Таблица 5

Государственные розничные цены в СССР на некоторые виды промышленных товаров в 1947 и 1949 годах, *руб./шт.*

Виды товаров	**Годы**	
	1947	**1949**
Брюки х/б	84	84
Телогрейка ватная	102	102
Кепи	107	91
Галоши мужские, I сорт	45	45
Полотенце льняное	14	14
Стул	34	34
Кровать	600	600
Часы наручные «Звезда»	900	500
Кастрюля алюминиевая	18	18
Тарелка глубокая	11	11
Чашка чайная	9	9

Источник: [Алексеев и др., 1980, с. 99—100].

Таблица 6

Государственные розничные цены в СССР на основные продукты питания в 1947 и 1949 годы, *руб./кг*

Виды продуктов	**Годы**	
	1947	**1949**
Мука ржаная (обойная, I с.)	4,8	4,4
Мука пшеничная (обойная, I с.)	8	7,2
Хлеб ржаной	3	2,7
Хлеб пшеничный	4,4	4
Пшено и крупа гречневая*	9	8,1
Макароны (из пшеничной муки, I с.)	10	9
Масло растительное (нерафинир., I с.)	29	29
Сахар*	14,25	14,25
Конфеты (фруктово-ягодная смесь)	23	23
Печенье (из муки в/с)	22	20
Чай (грузинский, I с.)	160	160

* Средняя цена на сахар-рафинад и сахарный песок.

Источник: [Алексеев и др., 1980, с. 97—98].

Исходными данными для расчетов (помимо двух приведенных последних таблиц) могут послужить данные о среднедушевых доходах колхозников (табл. 1) и средняя численность колхозной семьи (в исследуемом периоде она находилась в пределах 3,6–4,0 чел.) Из этого следует, что среднестати-

стическая колхозная семья Молотовской области имела в 1946—1950 годах денежный доход не более 250—300 руб. в месяц. Поэтому почти любая покупка промтоваров являлась для колхозной семьи событием.

5. Выводы

Подводя итоги, необходимо, прежде всего, ответить на главный вопрос: чем объяснялись явно недостаточные материальные условия жизни колхозного крестьянства Молотовской области и всего СССР, что выражалось в низком уровне денежных доходов и расходов? На наш взгляд, причинами такого положения в исследуемом периоде выступали два детерминирующих фактора. Первое — это последствия только что закончившейся Второй мировой войны, которые не нуждаются в комментариях. Второй же фактор менее очевиден, по крайней мере — для ряда отечественных историков.

Дело в том, что марксистско-ленинская классовая теория основывалась на догмате, рассматривающем крестьянство, прежде всего, как класс собственников (в отличие от пролетариата, которому, как известно «нечего было терять»). Отсюда неизбежно делался вывод о «реакционности» значительной части крестьянства, за исключением беднейшей его части. Вышеупомянутым догматом была пронизана, в сущности, и вся аграрная политика советского государства. Направленность этой политики определялась одной главной целью — пресечь формирование пусть даже небольшого сообщества зажиточных крестьян.

Что же касается повседневной жизни принудительно (во многих случаях) «собранных» в колхозы крестьян, то их материальное обеспечение власти осуществляли в соответствии с известным принципом: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». При этом колхозники должны были обеспечивать продовольствием не только свои семьи, но и все городское население, а также поставлять государству сырье для нужд ряда отраслей промышленности. Понятно, что такая политика заведомо обрекала хозяйства колхозников на низкую доходность и перманентную дефицитность, предопределявших невысокий уровень материального обеспечения сельского населения в целом.

Что касается конкретных показателей денежных доходов и расходов колхозников, то Молотовская область в этом плане уступала экономически более развитой Свердловской области (табл. 1 и 2), но была вполне сравнима с другими регионами Урала. Если среднедушевые денежные доходы ее колхозников в 1946 и 1950 годах составили соответственно 988 и 893 руб. (табл. 1), то в Оренбургской области эти цифры достигли 1200 и 843, а в Башкирии — 1193 и 750 руб. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, л. 54, 56, 139, 141].

При этом денежные доходы и расходы семей колхозников были в разы меньше, чем у семей промышленных рабочих, хотя эта разница в извест-

ной степени сглаживалась за счет натуральных доходов от ЛПХ колхозников (у рабочих они были заведомо меньше).

Источники и принятые сокращения

1. *Аграрное* производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. : справочник / автор.-сост.: Ю. Б. Шувалова, Т. С. Волкова, О. В. Ярома, А. В. Хованская, В. И. Тетерин. — Пермь : Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, 2020. — 218 с. — ISBN 978-5-600-02757-2.

2. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Оп. 1. Д. 518. Л. 20—21; Оп. 14. Д. 47. Л. 4, 11. Д. 290. Л. 39. Д. 401. Л. 5, 13. Д. 657. Л. 13, 25. Д. 914. Л. 18—19. Д. 1403. Л. 6—7. Д. 1916. Л. 4, 9. Д. 2236. Л. 57, 67. Д. 2743. Л. 31. Д. 2744. Л. 18. Д. 2756. Л. 85—86. Д. 2818. Л. 95—96. Д. 2936. Л. 2—21.

3. *Информация* о вкладе Пермского края (Молотовской области) в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. — Режим доступа : http://pfo.gov.ru/pobeda75/pk (дата обращения: 27.08.2020).

4. *Какой* вклад внес Пермский край в Победу в ВОВ? Инфографика [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : Perm.Air.Ru. — Режим доступа : https://perm.aif.ru/infographic/memo/kakoy_vklad_vnes_permskiy_kray_v_pobedu_v_vov/ (дата обращения: 27.08.2020).

5. *Пермская* область в цифрах : статистический сборник. — Свердловск : Статистика, 1970. — 248 с.

6. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 324. Д. 1830. Л. 54, 56, 139, 141. Д. 1838. Л. 52, 137. Д. 2235. Л. 64, 149. Д. 2663. Л. 64, 149. Д. 3177. Л. 63, 148. Д. 3714. Л. 64, 166.

7. *Россия* и СССР в войнах XX века: статистическое исследование / рук. авт. кол. Г. Ф. Кривошеев. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 607 с. — ISBN 5-224-01515-4.

8. *Уральская* историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 637 с. — ISBN 5-7691-0795-2.

Литература

1. *Абдулин Р. Г.* Потребление продуктов питания сельским населением / Р. Г. Абдулин. — Москва, 1973. — 25 с.

2. *Алексеев В. В.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. — Новосибирск : Наука, Сибиркое отделение, 1980. — 216 с.

3. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов — начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. — Москва : Наука, 1992. — 222 с.

4. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 226 с.

5. *Мамяченков В. Н.* Денежные доходы и расходы одиноких колхозников Свердловской области (по данным бюджетных обследований 1960 года) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 221—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-221-235.

6. *Мамяченков В. Н.* Денежные доходы и расходы полных (нуклеарных) семей колхозников Свердловской области (по данным бюджетных обследований 1960 года) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 174—185. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-174-185.

7. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука, 1993. — 306 с.

8. *Мотревич В. П.* Экономическая история России / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2004. — 712 с.

9. *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великой Отечественной войне / У. Г. Чернявский. — Москва : Наука, 1964. — 208 с.

Financial Income and Expenses of Collective Farmers of the Molotov Region in the First Post-War Five Years (1946—1950)

© **Vladimir N. Mamyachenkov (2020),** orcid.org/0000-0001-6070-8746, Doctor of History, Professor, Department of State and Municipal Administration, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.
© **Natalia Yu. Vlasova (2020),** orcid.org/0000-0002-0472-671X, Doctor of Economics, Professor, Department of State and Municipal Administration, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), nat-vlasova@yandex.ru.
© **Andrey L. Anisimov (2020),** orcid.org/0000-0002-5787-3975, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Institute of Finance and Law, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), 13051957@bk.ru.

The issues related to the financial income and expenses of the families of collective farmers in the Molotov region are considered. The relevance of the study is due to the public interest shown in the study of various aspects of the material living conditions of the population. The scientific novelty of the work is seen in the fact that previously unpublished archival materials stored in the Russian State Archive of Economics (RSAE) are introduced into circulation. The results of a comparative analysis of the average per capita financial income of collective farmers in the Molotov region and other territories of the Ural region are presented. Particular attention is paid to the consideration of the tables presented by the author containing numerical data on the topic of the article. It is stated that the progressive improvement of the quality of the material living conditions of citizens today is one of the priority goals of the policy of any state that positions itself as social. Attention is focused on the fact that in the first post-war five years, the income of collective farmers was influenced by two main factors: the consequences of the Second World War and the attitude of the authorities to the collective farm peasantry. It is proved that the incomes of collective farmers in the Molotov region were lower than those of collective farmers in the economically more developed Sverdlovsk region, but were quite comparable with the incomes of collective farmers in other regions of the Urals.

Key words: collective farmers; Molotov region; financial income; financial expenses; 1946-1960 years; budget surveys.

Material resources

GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti* [State Archives of the Sverdlovsk Region]. F. R1813. (In Russ.).

Informatsiya o vklade Permskogo kraya (Molotovskoy oblasti) v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941—1945 godov [Information on the contribution of the Perm Territory (Molotov Region) to the Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945]. In: *Ofitsialnyy sayt polnomochnogo predstavitelya prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Privolzhskom federalnom okruge* [Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District]. Available at: http://pfo.gov.ru/pobeda75/pk (accessed: 27.08.2020). (In Russ.).

Kakoy vklad vnes Permskiy kray v Pobedu v VOV? Infografika [What contribution did the Perm Territory make to the Victory in the Second World War? Infographics]. In: *Argumentyy i faktyy: Perm.Air.Ru* [Arguments and facts: Perm.Air.Ru]. Available at:

https://perm.aif.ru/infographic/memo/kakoy_vklad_vnes_permskiy_kray_v_pobedu_v_vov/ (accessed: 27.08.2020). (In Russ.).

Krivosheev, G. F. (ed.). (2001). *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: statisticheskoye issledovaniye* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: a statistical study]. Moskva: OLMA-PRESS. 607 s. ISBN 5-224-01515-4. (In Russ.).

Permskaya oblast' v tsifrakh: *statisticheskiy sbornik* [Perm region in figures: statistical compilation]. (1970). Sverdlovsk: Statistika. 248 p. (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [Russian State Archives of Economics]. F. 1562. (In Russ.).

Shuvalova, Yu. B., Volkova, T. S., Yaroma, O. V., Khovanskaya, A. V., Teterin, V. I. (eds.). (2020). *Agrarnoye proizvodstvo Permskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941—1945 gg.* [Agrarian production of the Perm Territory during the Great Patriotic War: 1941—1945]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy agrarno-tekhnologicheskiy universitet imeni akademika D. N. Pryanishnikova. 218 p. ISBN 978-5-600-02757-2. (In Russ.).

Uralskaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural Historical Encyclopedia]. (2000). Ykaterinburg: Akademkniga. 637 p. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).

References

Abdulin, R. G. (1973). *Potrebleniyye produktov pitaniya selskim naseleniyem* [Rural food consumption]. Moskva. 25 p. (In Russ.).

Alekseev, V. V., Bukin, S. S. (1980). *Rost blagosostoyaniya rabochikh Sibiri v usloviyakh stroitelstva razvitogo sotsializma* [The growth of the welfare of workers in Siberia in the conditions of the construction of developed socialism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirkoye otdeleniye. 216 p. (In Russ.).

Chernyavskiy, U. G. (1964). *Voyna i prodovolstviye: snabzheniye gorodskogo naseleniya v Velikoy Otechestvennoy voyne* [War and food: supplying the urban population in the Great Patriotic War]. Moskva: Nauka. 208 p. (In Russ.).

Kornilov, G. E. (1990). *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941—1945 gg.)* [Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945)]. Sverdlovsk: UrGU. 226 p. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2017). Denezhnyye dokhody i raskhody odinokikh kolkhoznikov Sverdlovskoy oblasti (po dannym byudzhetnykh obsledovaniy 1960 goda) [Monetary Income and Expenditures of Single Farmers of Sverdlovsk Region (according to Budget Surveys of 1960)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *10*: 221—235. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-221-235. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2018). Denezhnyye dokhody i raskhody polnykh (nuklearnykh) semey kolkhoznikov Sverdlovskoy oblasti (po dannym byudzhetnykh obsledovaniy 1960 goda) [Incomes and Expenses of Farmers' Intact (Nuclear) Families of Sverdlovsk Region (according to 1960 Budget Surveys)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *3*: 174—185. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-174-185. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (1993). *Selskoye khozyaystvo Urala v pokazatelyakh statistiki (1941—1950 gg.)* [Agriculture of the Urals in statistics (1941—1950)]. Yekaterinburg: Nauka. 306 s. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (2004). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii* [Economic history of Russia]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. 712 p. (In Russ.).

Verbitskaya, O. M. (1992). *Rossiyskoye krestyanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh godov — nachalo 60-kh godov* [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid 40s — early 60s]. Moskva: Nauka. 222 p. (In Russ.).

Нестеров А. Г. «Одноглазый дракон» Ли Кэюн в исторической и художественной литературе Китая эпохи Сун (X—XIII века) / А. Г. Нестеров, И. Р. Третьяк // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 436—447. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-436-447.

Nesterov, A. G., Tretyak, I. R. (2020). "One-Eyed Dragon" Li Keyong in the Historical and Fictional Literature of China in the Song Era (X—XIII Centuries). *Nauchnyi dialog, 11:* 436-447. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-436-447. (In Russ.).

УДК 94(510)"887/908"+821.581"9/12"+82-94
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-436-447

«Одноглазый дракон» Ли Кэюн в исторической и художественной литературе Китая эпохи Сун (X—XIII века)

© **Нестеров Александр Геннадьевич (2020),** orcid.org/0000-0002-3349-6204, доктор исторических наук, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), Alexander.Nesterov@urfu.ru.
© **Третьяк Ирина Раильевна (2020),** orcid.org/0000-0002-9549-6736, ассистент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), irina.arzamazova@urfu.ru.

В статье рассматривается вопрос о том, как в китайской литературе эпохи Сун (X—XIII века) представлена деятельность правителя тюрок шато Ли Кэюна (856—908, правитель в 887—908 годах). Показано, что деяния Ли Кэюна нашли подробное отражение в исторических хрониках и трактатах, посвященных периоду Пяти династий и десяти царств (907—979), прежде всего «Цзю У-дай ши» и «Цзы чжи тунцзянь». Отмечается, что подробно описывает деятельность Ли Кэюна и автор наиболее известного художественно-исторического произведения «Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий»: он показывает тюрок шато как народ, поддерживающий китайские культурные и политические традиции и во многом защищающий китайскую традиционную государственность. Указывается, что Ли Кэюн фактически стал основателем тюркско-китайской империи Поздняя Тан и рассматривался в исторической и в художественной литературе как последовательный защитник китайской государственности. Доказано, что Ли Кэюн воспринимался автором пинхуа, вслед за авторами исторического произведения «Цзы чжи тунцзянь», как защитник китайской государственности и китайской политической традиции, а не как чужак, несмотря на его тюркское происхождение.

Ключевые слова: история Китая; литература Китая; Пять династий; тюрки шато; империя Тан; империя Поздняя Тан; Ли Кэюн; пинхуа.

1. Введение

В китайской, особенно средневековой литературе очень редко встречаются образы иностранцев. Как правило, все неханьские народы воспринимались в китайской традиции как дикие, варварские, отсталые племена,

в лучшем случае способные воспринять китайскую культуру. Естественно, что в китайской литературе положительный образ не-китайца встречается чрезвычайно редко, как правило, такой положительный герой должен лишь оттенять величие китайской культуры.

Исторически сложилось, что в прозаической литературе на китайском языке, появившейся в древности и средневековье, очень значимым элементом является обращение к истории. Отметим, что китайская культурная традиция предельно исторична: исторический опыт, исторические события являются основой для создания не только исторических трактатов, но и философских произведений, сборников рассказов и т. п. Для китайской традиции важен не только сюжет, но и где и когда происходило событие. Любая, даже миниатюрная новелла, как правило, содержит указание на хронологию событий. Так, Гань Бао, автор известного произведения IV—V веков «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов»), почти каждую новеллу начинает так: *Во время Луского Янь гуна …* (VI.111); *В 21 году правления Циньского Сяо гуна …* (VI.114); *Во времена Ханьского У ди …* (XI.267) — таких примеров можно привести множество [Гань Бао, 1994, с. 152, 153, 259].

Естественно, что особое внимание сочинителей привлекали те исторические периоды, которые были связаны с великими потрясениями. Не случайно особого внимания удостоились времена распада империи Хань и эпоха Троецарствия (III век н.э.), смутные времена распада Китая на Север и Юг — период Южных и Северных династий (IV—VI века), а также эпоха Пяти династий и десяти царств, наступившая после гибели великой империи Тан (618—907) и продлившаяся до установления империи Сун (960—1279). Именно в эту эпоху и выходят на передний план тюрки шато.

Исследования китайской средневековой литературы выявили особый жанр народно-исторической литературы эпохи Сун (960—1279) — пинхуа, своего рода художественный пересказ исторических источников. До настоящего времени дошло девять таких произведений, хронологически охватывающих историю Китая с XII века до н. э. вплоть до XII века н. э. Как правило, сюжет пинхуа был связан с ключевыми событиями истории китайской государственности: войной между царствами Шан и Чжоу (XII век до н. э.), объединением Китая империей Цинь (228—221 годы до н. э.), гибелью империи Хань, распадом государства в III веке н. э. и другими периодами, в которых гибли династии и шла борьба за власть над китайскими землями.

Исследователи произведений жанра пинхуа обращали внимание прежде всего на лингвистические особенности произведений данного жанра и активно сопоставляли язык исторических трактатов и династийных историй, пинхуа и более поздних китайских исторических романов. Среди исследований, посвященных данной проблематике, необходимо отметить работы

Л. К. Павловской [Павловская, 1977; Павловская, 1985] и И. С. Гуревич [Гуревич, 2009; Гуревич, 2010; Гуревич, 2014 и др.].

Одно из произведений жанра пинхуа — народных исторических романов, посвященных периоду Пяти династий (907—960), — «Заново составленное пинхуа по истории пяти династий» — было обнаружено лишь в 1901 году. Как отмечают исследователи, указанное пинхуа является единственным сохранившимся до нашего времени повествовательным художественным произведением, посвященным истории Пяти династий. Естественно, произведение (к сожалению, сохранившееся не полностью) вызвало большой интерес исследователей, было несколько раз переиздано, а в 1984 году переведено на русский язык Л. К. Павловской [Заново составленное …, 1984]. В 2003 году пинхуа (разделенное на отдельные цзюани, каждая из которых рассматривалась как отдельный исторический роман) было переиздано Т. И. Виноградовой [Китайские пинхуа …, 2003]. Обширные исследования, посвященные данному источнику, тем не менее не затрагивают аспект, связанный с тюрками шато, хотя шато являются одним из значимых действующих народов данного периода.

2. Тюрки шато в истории Китая IX—X века

Шато — один из тюркских народов, сформировавшихся после распада Тюркского каганата. На исторической сцене тюрки шато появились в IX веке, в период резкого ослабления и начала распада империи Тан. Выступая в качестве танских конфедератов, шато использовались императорами Китая прежде всего для защиты собственных границ и подавления волнений внутри страны, за что вождь шато Чжуе Чисинь (朱邪赤心, ум. 887) был в 869 году пожалован императорской фамилией Ли и именем Гочан (李國昌, имя переводится как «Процветание Государства») [Нестеров, 2016, с. 59—60].

После смерти Ли Гочана верховным правителем шато стал один из наиболее ярких персонажей китайской истории конца IX века Ли Кэюн (李克用), получивший прозвище «одноглазый дракон» (獨眼龍, Дуянь Лун) за то, что один глаз у него был чуть меньше другого [Заново составленное …, 1984, с. 137]. Ли Кэюн отказался признать установление новой династии Лян, заявил о верности дому Тан и фактически декларировал полную независимость своего владения Цзинь (907). Правящий дом династии Цзинь был очень многочисленным: семья Ли Кэюна насчитывала 10 родных сыновей, не менее 4 родных дочерей и 15 приемных сыновей, принадлежавших в основном к боковым ветвям правящего шатоского рода Чжуе. После смерти Ли Кэюна (908) новым правителем шато стал его старший сын Ли Цуньсюй (李存勖).

Весной 923 года Цзинь ван Ли Цуньсюй изменил название государства Цзинь на Тан и при поддержке киданьского государства Ляо начал войну против импе-

рии Лян. К осени 923 года войска Поздней Лян были разгромлены, ее столица пала, а территория полностью вошла в состав «восстановленной» империи Тан. Чтобы подчеркнуть преемственность государственности, Ли Цуньсюй перенес столицу в историческую танскую столицу Лоян. Так возникло первое государство тюрок шато в Китае — империя Поздняя Тан [Нестеров, 2013, с. 42].

Признавая огромную роль своего отца Ли Кэюна в создании империи Поздняя Тан, Ли Цуньсюй посмертно присвоил Ли Кэюну императорские титулы и имена — посмертное имя У хуанди (武皇帝, Воинственный император) и храмовое имя Тай цзу (太祖, Великий предок), которое обычно присваивается императорам — основателям династии.

Восстановленная тюрками шато Танская империя просуществовала до 936 года, когда в империи произошел переворот и к власти пришел Ши Цзинтан — также шато по происхождению. Он переименовал государство в Цзинь (Поздняя Цзинь, 936—947) и признал зависимость империи от киданей. Именно поэтому Ши Цзинтан в китайской исторической традиции всегда рассматривался как предатель. Эта недолговечная империя сменилась еще более недолговечной империей Поздняя Хань (947—950, как Северная Хань просуществовала до 978 года), созданной еще одним выходцем из шато — Лю Чжиюанем. Империя была свергнута этническим ханьцем Го Вэем, создавшим на ее месте империю Поздняя Чжоу (951—960). Остаточное шатоское государство Северная Хань продолжало существовать при поддержке киданей и было в 978 году уничтожено империей Сун, сменившей Позднюю Чжоу [Нестеров, 2018, с. 242].

3. Ли Кэюн: от главы тюрок шато к Императору — основателю династии

Превращение правящего рода тюрок шато в императорскую династию Китая неразрывно связано с именем Ли Кэюна. Биография Ли Кэюна, с учетом его значимости для истории Китая, достаточно подробно отражена в исторических произведениях, посвященных эпохе Пяти династий: прежде всего в «Цзы чжи тунцзянь», «Старой истории пяти династий» и «Новой истории пяти династий». В «Старой истории пяти династий» Ли Кэюну, Воинственному императору — Основателю династии (У хуанди Тай цзу, 武皇帝太祖, титулы были присвоены посмертно в 923 году), была посвящена отдельная (25) глава «Основных записей» — первого раздела династийной истории [ЦЧТЦ].

Ли Кэюн родился 24 октября 856 года, уже в юном возрасте проявил себя выдающимся воином. В 869 году в 14-летнем возрасте Ли Кэюн получил прозвище «Сын Летающего Тигра» (飛虎子) [Там же]. В это время Ли Кэюн сопровождал своего отца Ли Гочана, который был назначен наместником Чжэн-у на территории современной Внутренней Монголии. В 878 году Ли Кэюн возглавил войска шато в округе Датун (современная провинция Шаньси), где и

принял участие в войне против повстанцев, возглавленных Хуан Чао [ЦЧТЦ, p. 254]. Для того чтобы привлечь шатоских лидеров к войне против повстанцев, императору Тан Ли Сюаню (李儇, храмовое имя Си цзун, 僖宗, правил в 873—888 годах) пришлось официально заявить об амнистии для вождей шато, которых подозревали в стремлении к захвату власти, и призвать их к войне против созданного Хуан Чао государства Ци [Там же]. Ли Кэюн возглавил поход на имперскую столицу Чанъань, где укрепился Хуан Чао; Хуан Чао стремился переманить его на свою сторону и высылал подарки лидерам шато, но Ли Кэюн раздавал их своим офицерам, формально декларируя верность империи Тан. Летом 883 года армия Ли Кэюна и его союзников одержала победу над войсками Хуан Чао и заняла Чанъань. Император Ли Сюань присвоил Ли Кэюну звание тунпинчжанши (同平章事), соответствующее званию государственного канцлера. Вскоре после победы под Чанъанем Ли Кэюн, которому исполнилось 26 лет, был назначен наместником провинции Хэдун. После этого Ли Кэюн в союзе с другими военачальниками, по крайней мере формально поддерживавшими империю Тан, продолжили войну с Хуан Чао. Война продолжилась и после гибели Хуан Чао в 884 году. Когда император Ли Сюань не смог сдержать центробежных тенденций в империи, держава фактически распалась на регионы, управляемые отдельными военачальниками. Новая вспышка гражданской войны привела к тому, что один из принцев дома Тан — Сян ван Ли Юнь (襄王李熅) — был провозглашен при поддержке военачальника Чжу Мэя императором в противовес Ли Сюаню и формально сохранял власть на протяжении около двух месяцев на рубеже 886 / 887 года, пока не был низложен и казнен. Ли Кэюн сохранил верность законному императору Ли Сюаню и способствовал разгрому Чжу Мэя и свержению Ли Юня.

В этот период основным соперником Ли Кэюна стал Чжу Вэнь (猪瘟, второе имя Чжу Цюаньчжун, 朱全忠), военачальник, сначала выступавший на стороне Хуан Чао, но в 882 году перешедший на сторону империи Тан. Именно против Чжу Вэня чаще всего выступали войска шато, и именно Чжу Вэнь способствовал провозглашению нового императора Ли Е (李曄, храмовое имя 昭宗 Чжао цзун, император Тан в 888—904 годах). Тем не менее император Ли Е официально даровал в начале 889 года Ли Кэюну новый почетный титул шичжун (侍中), рассчитывая на поддержку Ли Кэюна в борьбе империи с другими цзедуши (военными наместниками провинций). Несколько побед Ли Кэюна над другими военачальниками привели к тому, что в 891 году император Ли Е даровал Ли Кэюну новый почетный титул чжуншулина (中書令), что на тот момент вполне удовлетворило амбиции шатоского лидера. В 896 году Ли Кэюн получил от императора титул Цзин вана (金王), который он и носил до самой смерти. В то же время император Ли Е активно интриговал, стремясь не допустить чрезмерного усиления Ли Кэюна, и пытался противопоставить ему других военных лидеров.

В то же время Ли Кэюн выступал в качестве защитника законного императора, которого унижали другие цзедуши (доходило до того, что в 897 году цзедуши Ли Маочжэнь фактически арестовал императора Ли Е) [Old History …].

Перипетии гражданской войны привели к тому, что танский двор фактически оказался под полным контролем Чжу Вэня, который в 904 году низложил, а вскоре и убил императора Ли Е. Престол формально занял Ли Чжу (李柷, посмертное имя 哀帝 Ай ди, храмовое имя 景宗 Цзин цзун, царствовал в 904—907 годах). В 907 году Чжу Вэнь вынудил юного императора Ли Чжу передать ему престол (в традициях передачи мандата неба более достойному правителю); Чжу Вэнь был провозглашен императором новой империи Лян (Поздняя Лян, 907—923). Ли Кэюн не признал установления новой династии, но в то же время и отказался принимать императорский титул, заявляя о верности династии Тан. Он продолжил войну против Чжу Вэня, но 24 февраля 908 года умер. Ему наследовал старший сын Ли Цуньсюй [Там же]. Семья Ли Кэюна была многочисленна: у него было 11 родных сыновей, не менее 4 родных дочерей, а также 15 приемных сыновей, в основном из числа шатоской аристократии и младших ветвей рода Чжуе [ЦЧТЦ, с. 265—266]), кроме того, в войнах Ли Кэюна активно участвовали три его младших брата.

Необходимо отметить, что ни в одном из источников тюркское (варварское) происхождение Ли Кэюна не подчеркивается: он рассматривается фактически как один из военачальников, участвовавших в гражданских войнах последних 50 лет истории империи Тан.

4. Образ Ли Кэюна в «Заново составленном пинхуа по истории Пяти династий»

«Заново составленное пинхуа по истории пяти династий» как литературное произведение представляет собой достаточно подробный пересказ посвященных данному историческому периоду глав «Цзи чжи тунцзянь» — исторического сочинения, созданного на рубеже XI—XII веков историком Сыма Гуаном [Там же]. Отсутствующие в историческом сочинении, но необходимые для художественного произведения диалоги, сведения о детстве и юности персонажей и т. п. дописывались анонимным автором пинхуа. При этом интересно, что отношение к тюркам шато в авторских частях работы не вполне стандартное по сравнению с принципиально негативным отношением ханьцев к «варварским» народам.

Происхождение народа шато описано в 1-й цзюани раздела «Заново составленного пинхуа по истории пяти династий», посвященной империи Поздняя Хань. В пинхуа указано, что Шато — это название большой пустыни, а племена, проживавшие южнее гор Цзиньшашань и восточнее озера Пулэйхай, назывались *тюрки шато* [Заново составленное …, 1984, с. 132]. Таким образом, *шато*,

или *пустынные люди* (от кит. 沙shā — «песок»), — это имя, непосредственно данное этому племени китайцами, в то время как изначально род правителей шато носил фамилию *Чжусе*, совпадающую с исконным названием их племени (первым упомянутым в пинхуа правителем шато был Чжусе Цзиньчжун, 朱邪盡忠). Из перешедших под покровительство Поднебесной тюрок шато, насчитывавших 30 тысяч кибиток, в Шаньси (Хэдун) были сформированы десять пограничных округов, а 1200 шатоских воинов составили конный корпус «Шатосцы по северную сторону хребта Иньшань» [Там же, с. 133]; верховным вождем шато в первой трети IX века был Чжуе Чжии (朱邪執宜). Сменивший его Чжии Чисинь получил от императора Тан фамилию Ли, а его преемник Ли Кэюн сыграл существенную роль на завершающем этапе истории Тан.

Описание в пинхуа событий, связанных с рождением Ли Кэюна, соответствует скорее описанию предзнаменований, связанных с рождением истинного китайского императора. Традиционно для китайской литературы такие предзнаменования описаны в форме вещего сна Чжии Чисиня, отца Ли Кэюна: *Перед тем как родиться Кэюну, его отцу Чисиню ночью приснился сон: попал он куда-то и увидел дворец — величественные, крепкие ворота, светлые, высокие строения — такой же, как в мире людском дворец. Некто с короной на голове, сидевший в дворцовом зале, был одет в одежды вана. Более десяти сановников выстроились слева и справа от него, а перед залом стояли воины в золотых панцирях. Когда Чисинь вошел в зал, люди в золотых панцирях приказали ему поклониться. Чисинь согнулся в поклоне, потом опустился на колени и отвесил земной поклон. Человек, восседавший в зале, заговорил: «Война дракона и свиньи закончится, чоу-коу проявится, четырнадцать лет будет восседать в золотом дворце. Десять старших братьев возьмут оружие, не восстав против господина. Четыре господина, фамилий три». Сказав это, он умолк. Чисинь откланялся и вышел. Тут он проснулся, а жена его уже рожает. Родился мальчик богатырской внешности, со звонким голосом. Вспомнив слова сна «десять старших братьев возьмут оружие», Чисинь решил назвать ребенка Кэюном* [Там же]. Автор пинхуа подчеркивает, что вещий сон Чисиня излагает историю империи Поздняя Тан с начала и до конца, причем во сне даже указано название государства (соединенные иероглифы «чоу», 抽 и «коу», 口 образуют иероглиф «тан», 唐).

Автор пинхуа ссылается на древнюю традицию, обосновывая привлечение Ли Кэюна к борьбе с восставшими против империи Тан войсками Хуан Чао, излагая указ царствовавшего императора: *Мой великий предок, закладывая основы государства, прибег к помощи тюрок …, и я, недостойный его потомок, когда пришла великая беда, обратился за поддержкой к шато …* [Там же, с. 137]. Период подъема могущества тюрок шато в Китае и создания империи Поздняя Тан описывается автором пинхуа как положительное явление, способствующее возрождению китайской государственности в период

великой смуты. При этом во всех документах, которые автор создает от имени Ли Кэюна, последний именуется «старейшина шато», чем подчеркивается сего тюркское происхождение [Там же, с. 140, 141, 145].

Описание деяний Ли Кэюна в пинхуа полностью соответствует биографическим данным, зафиксированным в «Цзи чжи тунцзянь» Сыма Гуана, откуда автор пинхуа и черпал информацию [ЦЧТЦ, p. 263—266]. Однако автор пинхуа существенно дополняет текст исторического источника: он дописывает реплики персонажей, фактологическую основу дополняет эмоциональными образами для придания тексту художественной достоверности. Примером может служить описание событий, связанных с конфликтом между Ли Кэюном и Чжу Цюаньчжуном (будущим основателем империи Поздняя Лян) в 884 году (полужирным курсивом выделены фрагменты, отсутствующие у Сыма Гуана): *На следующий день утром Ли Кэюн решил поднять войско, чтобы расправиться с Чжу Цюаньчжуном.* ***Если самовольно поднять войско, откуда в Поднебесной будут знать, кто прав, кто виноват? — принялась увещевать Ли Кэюна госпожа Лю*** (жена Ли Кэюна. — *Авт.*). ***— Не лучше ли обратиться с жалобой к императору, тогда Чжу Цюаньчжуну сказать будет нечего.*** *Ли Кэюн* ***послушал совета жены и*** *отправил Чжу Цюаньчжуну полное укора письмо* [Там же, с. 139]. Вслед за этим автор пинхуа приводит текст доклада, направленного императору с сообщением об этих событиях. Автор пинхуа на основании краткого упоминания в «Цзи чжи тунцзянь» этого доклада и обозначенной информации о его содержании создает подробный текст документа [Там же, с. 140]. Упоминание о последующих восьми докладах Ли Кэюна автор пинхуа раскрывать не стал, ограничившись созданием текста ответного указа императора Ли Сюаня (Си цзун, 873—888) [Там же, с. 140—141]. Подобные документы от имени Ли Кэюна автор пинхуа создает неоднократно, ориентируясь на сам факт их написания, зафиксированный Сыма Гуаном [Там же, с. 145, 146—147, 148—149 и др.]. Кроме того, автор пинхуа продолжает фиксировать «прозрения будущего». Так, Ли Кэюн дает характеристику своему сыну Ли Цуньсюю: «*Это удивительный мальчик! Через двадцать лет он непременно сменит меня и будет сражаться в этих местах*» [Там же, с. 143]. Описывая события 908 года, автор пинхуа вкладывает в уста Ли Кэюна развернутую предсмертную речь, обращенную к его брату Ли Кэнину и посвященную сыну Ли Цуньсюю. В завершение этой речи Ли Кэюн дал брату и сыну несколько инструкций, посвященных конкретным необходимым военным действиям, и, *проговорив это, Ли Кэюн умер* [Там же, с. 151]. Необходимо отметить, что автор пинхуа существенно сократил текст «Цзи чжи тунцзянь», убрав драматические сцены, в которых Ли Кэнин отказывается от захвата власти, к которому его побуждали другие ближайшие сановники Ли Кэюна, и вынуждает всех признать переход власти к Ли Цуньсюю [ЦЧТЦ, p. 266]: для автора пинхуа эти подробности были лишними, поскольку он стре-

мился построить четкую и логическую схему передачи власти в шатоской династии, соответствующей конфуцианским принципам: власть должна переходить достойнейшему наследнику, именно такому, кому можно передать мандат неба.

Деяния Ли Кэюна постоянно оказываются связанными с различными предзнаменованиями. Даже нападение врагов из засады сопровождалось предзнаменованием: *Конь Ли Кэюна оступился, Ли Кэюн спешился, за узду потащил его в чащу леса и спрятался. Конь заржал. С тайной мольбой Ли Кэюн обратился к нему: Если мне на моем веку суждено владеть Тайюанем, перестань ржать! Ржание прекратилось. Мятежники не смогли найти Ли Кэюна и он остался жив* [Заново составленное …, 1984, с. 149—150]. Через некоторое время армия Ли Кэюна овладела Тайюанем.

Ли Кэюн предстает в тексте пинхуа как удачливый полководец, энергичный правитель, не чуждый многим солдатским пристрастиям: так, автор упоминает его склонность к выпивке, честолюбие, мстительность, но в то же время стремление к защите «подлинной» государственной власти, воплощенной в императорах династии Тан. Поэтому автор пинхуа практически никогда не упоминает о «варварском» происхождении Ли Кэюна. Фактически «иноземное» происхождение героя удостоверяют только документы, представленные в пинхуа от его имени: *Я — Одноглазый дракон, сын шатоского шэ* [Там же, с. 137], *подданный Ли Кэюн, старейшина шато* [Там же, с. 140], *бывший старейшина шато Ли Кэюн доклад представил* [Там же, с. 145], причем постепенное повышение статуса Ли Кэюна привело к тому, что упоминание о шатоском происхождении Одноглазого дракона исчезает даже из документов. После присвоения Ли Кэюну титула Цзинь вана в начале 896 года в написанных от имени Ли Кэюна документах, обращенных к императору, он именуется только *Ваш покорный слуга* [Там же, с. 147]. При этом автор пинхуа не использует сведения «Цзи чжи тунцзянь» о семье Ли Кэюна, поскольку они не имеют существенного значения для развития сюжета о великом полководце, который открыл для шатоских правителей путь к императорскому престолу. Из многочисленных родственников Ли Кэюна — детей, как родных, так и приемных, а также трех младших братьев — в пинхуа упоминается только его сын и преемник Ли Цуньсюй и младший брат Ли Кэнин, сыгравший существенную роль в передаче власти Ли Цуньсюю.

5. Заключение

Рассмотренный материал показывает, что правителю тюрок шато Ли Кэюну уделяется достаточно внимания не только в исторических источниках (что вполне естественно, учитывая его роль в развитии политических событий на территории Китая в конце IX — начале X веков), но и в художественных произведениях, где образ «Одноглазого дракона» занял существенное место в ранней китайской художественной литературе на историческую тему. При этом необходимо подчер-

кнуть, что Ли Кэюн рассматривается скорее как положительный герой и в исторических, и в художественных произведениях, и, следуя логике старокитайской этнической и политической мысли, нигде не подчеркивается некитайское происхождение Ли Кэюна. В итоге перед нами в описаниях предстает военачальник — лидер тюркского племени шато, но при этом глубоко инкорпорированный в китайскую политическую и культурную традицию, наоборот, готовый защищать эту традицию даже от этнических ханьцев, стремящихся ее нарушить.

Источники и сокращения

1. *Гань Бао.* Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Гань Бао ; перевод с древнекитайского, предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. — 576 с.

2. *Китайские* пинхуа : романы / сост. Т.И. Виноградова, пер., предисловие, комментарии и приложения Л. К. Павловской. — Санкт-Петербург : Северо-Запад Пресс, 2003. — 493 с. ISBN 5-93699-126-1.

3. *Заново* составленное пинхуа по истории пяти династий (Синь бянь У-дай ши пинхуа) / перевод с китайского, исследование и комментарий Л. К. Павловской. — Москва : Наука, 1984. — 447 с.

4. ЦЧТЦ — [= Цзы чжи тун цзянь] — 資治通鑑。西安: 西安交通大学出版, 2014. 第4卷. (*Цзы* чжи тун цзянь. = Помогающее в управлении всепронизывающее зерцало: в 4-х томах. — Сиань : Издательство Сианьского университета транспорта, 2014). ISBN 978-7-5605-5671-0.

5. *Old* History of the Five Dynasties 舊五代史 [Electronic resource]. — Access mode : http://chinesenotes.com/jiuwudaishi/jiuwudaishi025.html.

Литература

1. *Гуревич И. С.* «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и роман «Возвышение в ранг духов» (предварительные мысли) / И. С. Гуревич // Письменные памятники Востока. — 2009. — № 1 (10). — С. 131—141.

2. *Гуревич И. С.* «Пинхуа по истории Трех царств» и роман «Троецарствие» : сравнение языковой структуры текста / И. С. Гуревич // Письменные памятники Востока. — 2010. — № 1 (12). — С. 126—137.

3. *Гуревич И. С.* Грамматическая стилистика текстов пинхуа (на материалах «Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий») / И. С. Гуревич // Письменные памятники Востока. — 2014. — № 1 (20). — С. 89—99.

4. *Нестеров А. Г.* Тюрки шато и создание империи Поздняя Тан в Китае в первой трети X века / А. Г. Нестеров // Мир Евразии. — 2013. — № 4. — С. 41—44.

5. *Нестеров А. Г.* Тюрки шато и тюркская империя Поздняя Тан в Китае в первой трети X века / А. Г. Нестеров // Türkologiya. — 2016. — № 1. — С. 58—67.

6. *Нестеров А. Г.* Империя Поздняя Хань (947—979) — последняя империя тюрок шато в Китае / А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 231—244. — DOI : 10.24224/2227-1295-2018-11-231-244.

7. *Павловская Л. К.* Из истории текста «Пинхуа по истории пяти династий» / Л. К. Павловская // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. — Москва : Наука, 1977. — С. 231—240.

8. *Павловская Л. К.* О создании художественного персонажа в китайском народном историческом романе — пинхуа (изображение Хуан Чао в «Заново составленном пинхуа

по истории Пяти династий») / Л. К. Павловская // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю). Ч. 3. — Москва : Наука, 1985. — С. 21—29.

"One-Eyed Dragon" Li Keyong in the Historical and Fictional Literature of China in the Song Era (X—XIII Centuries)

© **Alexander G. Nesterov (2020),** orcid.org/0000-0002-3349-6204, Doctor of History, Head of the Department of Foreign Regional Studies, Ural Humanitarian Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg), Alexander.Nesterov@urfu.ru.
© **Irina R. Tretyak (2020),** orcid.org/0000-0002-9549-6736, Assistant, Department of Foreign Regional Studies, Ural Humanitarian Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg), irina.arzamazova@urfu.ru.

The features of the reflection of the ruler of the Turks Shatuo Li Keyong (856—908, ruler in 887—908) activities in the Chinese literature of the Song era (X—XIII centuries) are examined in the article. It is shown that the deeds of Li Keyong found a detailed reflection in the historical chronicles and treatises dedicated to the period of the Five Dynasties and Ten Kingdoms (907—979), primarily "Jiu Wu-dai shi" and "Zizhi tongjian". It is noted that the author of the most famous art-historical work "The newly compiled pinghua on the history of the Five Dynasties" describes in detail the activities of Li Keyong: he shows the Shatuo Turks as a people supporting Chinese cultural and political traditions and in many respects defending the Chinese traditional statehood. It is indicated that Li Keyong actually became the founder of the Turkic-Chinese empire of the Late Tang and was considered in the historical and fiction literature as a consistent defender of the Chinese statehood. It is proved that Li Keiong was perceived by the author of pinghua, following the authors of the historical work "Zizhi tongjian", as a defender of Chinese statehood and Chinese political tradition, and not as a stranger, despite his Turkic origin.

Key words: history of China; literature of China; Five dynasties; Turks Shatuo; Tang Empire; Li Keyong; pinghua.

Material resources

Gan Bao. (1994). *Zapiski o poiskakh dukhov (Sou shen ji)* [Notes on the search for spirits (Sou Shen Ji)]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 576 p. (In Russ.).

Old History of the Five Dynasties. Available at: http://chinesenotes.com/jiuwudaishi/jiuwudaishi025.html. (In Chin.).

Zanovo sostavlennoye pinkhua po istorii pyati dinastiy (Xin bian Wu-day shi pinghua) [Newly compiled pinghua on the history of the five dynasties (Xin bian Wu-Dai Shi pinghua)]. (1984). Moskva: Nauka. 447 p. (In Russ.).

ZZhTJ — [= Zizhi tongjian] — *Comprehensive Mirror to Aid in Government, 4*. (2014). Xian: Xian jiaotong daxue chubanshe. ISBN 978-7-5605-5671-0. (In Chin.).

References

Gurevich, I. S. (2009). «Pinkhua o pokhode U-vana na Chzhou» i roman «Vozvysheniye v rang dukhov» (predvaritelnyye mysli) ["Pinghua about Wu-Wang's campaign on Zhou" and the novel "Elevation to the rank of spirits" (preliminary thoughts)]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 1 (10): 131—141. (In Russ.).

Gurevich, I. S. (2010). «Pinkhua po istorii Trekh tsarstv» i roman «Troetsarstviye»: sravneniye yazykovoy struktury teksta [“Pinghua on the history of the Three kingdoms” and the novel “three kingdoms”: comparison of the language structure of the text]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 1 (12): 126—137. (In Russ.).

Gurevich, I. S. (2014). Grammaticheskaya stilistika tekstov pinkhua (na materialakh «Zanovo sostavlennogo pinkhua po istorii Pyati dinastiy») [Grammatical stylistics of pinghua texts (based on the materials of the “Newly compiled pinghua on the history of the Five dynasties”)]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 1 (20): 89—99. (In Russ.).

Nesterov, A. G. (2013). Tyurki shato i sozdaniye imperii Pozdnyaya Tang v Kitaye v pervoy treti Kh veka [The Shato Turks and the creation of the Late Tang Empire in China in the first third of the X century]. *Mir Evrazii* [World of Eurasia], *4*: 41—44. (In Russ.).

Nesterov, A. G. (2016). Tyurki shato i tyurkskaya imperiya Pozdnyaya Tang v Kitaye v pervoy treti X veka [The Shato Turks and The late Tang Turkic Empire in China in the first third of the X century]. *Türkologiya* [Türkologiya], *1*: 58—67. (In Russ.).

Nesterov, A. G. (2018). Imperiya Pozdnyaya Khan’ (947—979 — poslednyaya imperiya tyurok shato v Kitaye [Later Han Empire (947—979) — the Last Empire of Shatuo in China]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], *11*: 231—244. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-231-244. (In Russ.).

Pavlovskaya, L. K. (1977). Iz istorii teksta «Pinkhua po istorii pyati dinastiy» [From the history of the text “Pinghua on the history of the five dynasties”]. In: *Pismennyye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskiye issledovaniya. Yezhegodnik 1972* [Written monuments of the East. Historical and philological research. Yearbook 1972]. Moskva: Nauka. 231—240.

Pavlovskaya, L. K. (1985). O sozdanii khudozhestvennogo personazha v kitayskom narodnom istoricheskom romane — pinkhua (izobrazheniye Khuan Chao v «Zanovo sostavlennom pinkhua po istorii Pyati dinastiy») [On the creation of an artistic character in the Chinese folk historical novel — pinghua (image of Huang Chao in “Newly compiled pinghua on the history of the Five dynasties”)]. In: *Pismennyye pamyatniki i problemy istorii kultury narodov Vostoka. XVIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya po Tanskomu Kitayu)* [Written monuments and problems of the cultural history of the peoples of the East. XVIII annual scientific session of the USSR Academy of Sciences (reports and reports on Tang China)], *3*. Moskva: Nauka. 21—29.

Полынов М. Ф. Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984—1985 годы) / М. Ф. Полынов // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 448—465. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465.

Polynov, M. F. (2020). Konstantin Ustinovich Chernenko as the Leader of the CPSU and the Soviet Union (1984—1985). *Nauchnyi dialog, 11:* 448-465. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465. (In Russ.).

УДК 929Черненко+94(47)“1984/1985”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-448-465

Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984—1985 годы)

© Полынов Матвей Федорович (2020), orcid.org/0000-0002-6842-8930, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), m.polynov@spbu.ru.

Анализируется деятельность Константина Устиновича Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Автор раскрывает объективные и субъективные факторы, повлиявшие на его приход к власти. Актуальность исследования обусловлена необходимостью получения объективного знания и представления о содержании внутренней политики Черненко на высшем посту в партии. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа разных исторических источников освещается вопрос о том, на каких направлениях политики КПСС было сосредоточено внимание Черненко на посту Генсека в течение 13 месяцев. Утверждается, что Черненко оставил заметный след в политике, несмотря на то, что он не смог предложить политику, которую можно было идентифицировать с его именем и определить как «политику Черненко». Доказано, что он в целом продолжал политику, проводимую Андроповым, и не стремился «заморозить» проводившиеся преобразования. Показано, что у него существовало отчетливое понимание необходимости реформирования не только экономики, но и некоторых сфер общества, особенно образования. Подчеркивается, что он также ставил вопрос о необходимости повышения роли Советов. Показано, что в высшем руководстве СССР Черненко воспринимали как временного лидера, что обостряло борьбу за власть внутри Политбюро.

Ключевые слова: СССР; КПСС; Генеральный секретарь ЦК КПСС; К. У. Черненко; Ю. В. Андропов; М. С. Горбачев; Г. В. Романов.

1. Введение

До прихода к вершинам власти К. У. Черненко не был самым известным и авторитетным человеком ни в партии, ни в стране. Анализ предшествующей его деятельности показывает, что он никогда не занимал крупных хозяйственных должностей и не был руководителем обкома или крайкома. Его довоенная деятельность была связана с комсомольской и партийной работой в Красноярском крае. В послевоенный период он находился на различных партийных должностях, занимался в основном вопросами идеологической и пропагандистской деятельности партии (в 1945—1948 годах — секретарь Пензенского обкома ВКП(б) по идеологии; в 1949—1955 — заведующий от-

делом пропаганды и агитации ЦК компартии Молдавии). В 1956 году по рекомендации Л. И. Брежнева Черненко был переведен в аппарат ЦК КПСС заведующим отделом массовой агитации при отделе пропаганды и агитации ЦК. В течение 17 лет (1965—1982) он возглавлял Общий отдел, сумев превратить его в структуре ЦК КПСС в особенно заметный, влиятельный и элитный [Волкогонов, 1995, с. 219]. О влиянии и значении этого отдела говорит тот факт, что только после рассмотрения в нем принятые решения превращались в постановления ЦК КПСС [Коммерсант Власть, 2001, с. 42]. На XXV съезде Черненко избрали секретарем ЦК. В 1977 году он стал кандидатом, а в 1978 — членом политбюро ЦК КПСС.

13 февраля 1984 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов от имени Политбюро рекомендовал К. У. Черненко на пост Генерального секретаря, и он был избран единогласно [Правда, 1984].

А. С. Черняев, присутствовавший на этом Пленуме, так передал его атмосферу: *Свердловский зал был уже почти полон … Где-то без двадцати одиннадцать зал замолк. Ровно в одиннадцать в проеме двери показалась голова Черненко. За ним Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачев и другие.*

Зал отреагировал молчанием. Не встали, как это было, помнится, когда также вошел Андропов после смерти Брежнева [Черняев, 2010, с. 550].

Помощник нескольких Генеральных секретарей, в том числе и Черненко, А. М. Александров-Агентов позднее писал: *… Я не раз задавал себе вопрос: как же все-таки получилось, что на высшем руководящем посту огромного государства оказался этот слабый и физически, и во многих других отношениях человек, не имевший для этого ни достаточной эрудиции, ни опыта настоящей государственной работы, ни знания экономики? Ведь не могли же этого не видеть избравшие его коллеги! Да и сам Константин Устинович, если уж на то пошло?* [Александров-Агентов, 1998, с. 283].

Нужно заметить, что приход к власти Черненко нельзя объяснить случайностью. При Андропове ему официально было поручено в период отсутствия Андропова вести заседания не только секретариата ЦК КПСС, но и Политбюро, что способствовало серьезному укреплению его позиций. Кроме того, ветераны, имевшие уже преклонный возраст (Устинов, Громыко, Тихонов, Кунаев, Гришин), а также партийная элита на местах, имевшая такой же возраст, стремились как можно дольше сохранить свои позиции и влияние. А этого можно было добиться только в том случае, если Генеральным секретарем будет избран представитель старой когорты. Не следует забывать и то, что немало партийных и хозяйственных деятелей, смещенных при Андропове, продолжали еще быть членами ЦК. Они считали себя незаслуженно обиженными и теперь свои предпочтения отдавали Черненко. Поэтому при той расстановке сил,

которая сложилась после смерти Андропова, в избрании Черненко Генсеком было больше закономерного, чем случайного.

Среди руководителей КПСС и Советского государства К. У. Черненко меньше других удостоился внимания исследователей. Специальных монографических исследований, посвященных его жизни и деятельности, в том числе и на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, до сих пор не существует. Некоторые аспекты жизни и деятельности Черненко затрагивались в работах [Волкогонов, 1995, кн. 2; Земцов, 1999, кн. 1; Шубин, 2001, с. 302—317; 2008, с. 281—307; Пихоя Р. Г., 2007, с. 697—699; Островский, 2010, с. 362—410]. Среди специальных работ следует выделить книгу мемуарного характера В. В. Прибыткова [Прибытков, 2009].

2. Основные направления деятельности Черненко

Можно с полным основанием утверждать, что у К. У. Черненко своей, присущей новому Генеральному секретарю ЦК КПСС политики по развитию страны не было. За 13 месяцев пребывания у власти сформировать такую политику было просто невозможно, тем более если учитывать то, какое он имел здоровье. Его секретарь О. А. Захаров вспоминал: *Когда Черненко приезжал на работу, то охрана, усадив его в кресло, сразу применяла кислородный аппарат, иначе он задыхался. Уезжая после работы домой и выйдя из кабинета, он не мог одолеть расстояние до лифта и вынужден был присаживаться на стоящие в коридоре стулья. Только после этого поднимался с помощью охраны и шел дальше к лифту* [Гласность, 1993]. При таком здоровье он, конечно, серьезно вникать в проблемы развития страны не мог.

Ошибочно также полагать, что во внутренней политике Черненко пытался «заморозить» или обратить вспять преобразования, осуществлявшиеся при Андропове. Историк А. В. Шубин отмечает, что «начатая Андроповым политика не прекращалась», сам он политику периода правления Черненко определяет как «курс Черненко-Горбачева» [Шубин, 2008, с. 87].

В области экономической политики новый Генеральный секретарь постоянно подчеркивал преемственность прежнего курса. При нем продолжался экономический эксперимент, начатый при Андропове 1 января 1984 года. На новые условия работы переводились предприятия тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности СССР; министерства пищевой (Украины), легкой (Белоруссии) и местной промышленности (Литвы). Предприятия получили право вводить частичный хозрасчет, самостоятельно увеличивать размер заработной платы от 25 до 50 %. Для них также сокращались плановые показатели [КПСС в резолюциях, т. 14, с. 443—448].

Однако Черненко экономической политикой не занимался, сфера экономики его интересовала мало, она по-прежнему была прерогативой других

людей. Как известно, еще при Андропове экономической политикой поручено было заниматься Горбачеву и заведующему Экономическим отделом ЦК КПСС и секретарю ЦК Н. И. Рыжкову. В этот период активизировалась работа, направленная на создание концепции по совершенствованию системы управления народным хозяйством.

Правительство также уделяло серьезное внимание этой проблеме. 27 февраля 1984 года под председательством Н. А. Тихонова прошло совещание, рассмотревшее вопрос «О подготовке предложений по принципиальным направлениям совершенствования управления народным хозяйством» [ГАРФ, ф. 5446, оп. 144, д. 1493, лл. 1—2].

О серьезности намерений в этой области говорит тот факт, что была даже создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления. Ее возглавил председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов. В состав Комиссии вошли Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, Г. В. Романов, Н. И. Рыжков. Первое заседание состоялось 6 марта 1984 года [Там же, л. 20]. Присутствовали все пять членов Комиссии. Они обсудили подготовленный проект записки ЦК КПСС «О принципиальных направлениях совершенствования управления». Члены Комиссии говорили о необходимости сократить плановые показатели, расширить хозяйственную самостоятельность предприятий с учетом осуществляемого в промышленности и некоторых отраслях народного хозяйства экономического эксперимента. Отмечалась целесообразность включения в состав производственных объединений (ПО) проектно-конструкторских и технологических организаций. Одобрив записку в целом, приняли решение произвести ее доработку до 20 марта [Там же].

Второе заседание Комиссии Политбюро состоялось 16 апреля. Оно одобрило проект записки ЦК КПСС. После обсуждения документ получил название «Об основных направлениях дальнейшего совершенствования управления» [Там же, д. 1494, л. 18]. Было решено внести в документ окончательные правки до 20 апреля [Там же, л. 20].

Третье заседание Комиссии состоялось 15 мая. В ее состав были включены также секретари ЦК КПСС В. И. Долгих и И. В. Капитонов. Было принято решение о создании при Комиссии Политбюро Рабочей группы и Научной секции. В Рабочую группу включили 12 человек, ее возглавил первый заместитель заведующего Экономическим отделом ЦК КПСС Б. И. Гостев [Там же, д. 1495, лл. 17—18]. Руководителем Научной секции был назначен заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ), директор Всесоюзного научно-исследовательского института (ВНИСИ) Д. М. Гвишиани [Там же]. Научная секция состояла из 16 человек. Среди них были академики А. Г. Аганбегян,

Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, директор ИМЭМО А. Н. Яковлев и др. [Там же, лл. 18—19]. Как видно, в нее были включены либерально мыслящие ученые, что говорило о том, что концепция совершенствования управления экономикой создавалась как либеральная.

По утверждению академика С. С. Шаталина, «волею судеб ВНИСИ все больше становился идейным центром по трансплантации “чужих” методов в советскую экономику», причем «руководство СССР целенаправленно не мешало этому» [Шаталин, с. 136]. В комиссии Гвишиани рассматривались вопросы о кооперации, об индивидуально-трудовой деятельности, о децентрализации экономики, об изменении планирования, о хозрасчете и т. д. [Там же, с. 139].

К осени 1984 года концепция по совершенствованию управления была подготовлена, и после ее доработки документ получил одобрение Политбюро и лег в основу дальнейшей работы по составлению программы экономических реформ [Рыжков, 1992, с. 69—70].

Немало внимания уделялось проблемам интенсификации и научно-технического прогресса. На Всесоюзной конференции по идеологии в декабре 1984 года выступил М. С. Горбачев: *Курс на интенсификацию, — говорил он, — диктуется объективными условиями, всем ходом развития страны. Альтернативы ему нет. Только интенсивная экономика, развивающаяся на новейшей научно-технической основе <…> позволит стране достойно вступить в новое тысячелетие как великой и процветающей державе* [Правда, 1984].

Данная конференция рассматривалась как подготовка к очередному Пленуму ЦК, на котором предполагалось рассмотреть проблемы научно-технического прогресса. Подготовка к этому Пленуму шла высокими темпами. В ноябре 1984 года была создана рабочая группа во главе с Н. И. Рыжковым [Рыжков, 1992, с. 73]. *В декабре по поручению Горбачева,* — вспоминает А. Г. Аганбегян, — *вместе с коллегами я участвовал в подготовке пленума по научно-техническому прогрессу, и меня даже не отпустили встретить Новый год в Новосибирск* [Аганбегян, 2000, с. 24—25]. Решение о проведении Пленума по вопросам научно-технического прогресса было принято в октябре 1984 года, он должен был состояться 23 апреля 1985 года [Рыжков, 1992, с. 73—74].

Но этот Пленум так и не был созван. Неожиданно главный куратор подготовки Пленума Горбачев по согласованию с Черненко на Политбюро выступил с предложением о его переносе на более позднее время [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 261—262].

Столь резкий поворот в позиции Горбачева, который был одним из решительных сторонников данного Пленума, Н. И. Рыжков объясняет тем, что *«уже шла, по-видимому, закулисная работа по подготовке замены Черненко, еще не умершего, но на глазах угасавшего»* [Рыжков, 1992, с. 73—74].

В преобразованиях нуждалось и сельское хозяйство. Абсолютные показатели производства зерна и мясных продуктов фактически не увеличивались. Горбачеву, курировавшему эту сферу экономики, не удалось добиться перелома. Пустые полки магазинов, приписки, поездки в столицу за колбасой, мясом и другими товарами превратились в каждодневное явление советской жизни.

В 1984 году Советский Союз закупил на Западе 45,5 миллиона тонн зерна и зернопродуктов, 484 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, свыше одного миллиона тонн масла животного и растительного, других продовольственных товаров на свободно конвертируемую валюту. Страна для этого отправила за рубеж более 300 тонн золота, огромные валютные суммы, вырученные за продажу газа, нефти, леса, другого сырья [Волкогонов, 1995, кн. 2, с. 267].

Панацею от всех бед в сельском хозяйстве теперь видели в мелиорации. По инициативе Горбачева в октябре 1984 года по этому вопросу был проведен специальный Пленум, в постановлении которого подчеркивалось: *В своей аграрной политике Коммунистическая партия исключительно большое значение придает повышению устойчивости сельскохозяйственного производства как важнейшему условию планомерного развития всего народного хозяйства. В достижении этой цели решающая роль принадлежит мелиорации — мощному средству интенсификации и повышения продуктивности земледелия* [Правда, 1984].

В мелиоративные работы закапывались немалые деньги, но эффект, на который рассчитывали, получен не был.

При Черненко продолжался андроповский курс, направленный на борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. Он не пошел на компромисс по «делу Щелокова», своего давнего знакомого, на которого было заведено уголовное дело. 6 ноября 1984 года Щелоков был лишен звания генерала армии. Сообщение об этом было опубликовано в печати 9 ноября — накануне Дня милиции [Известия, 1984]. 7 декабря КПК при ЦК КПСС исключил его из рядов КПСС. Затем Президиум Верховного Совета СССР лишил его всех наград, кроме боевых и Звания Героя Социалистического Труда [Кедров, 2016, с. 230].

«Узбекское дело», начатое при Андропове, было продолжено при Черненко. Он дал согласие на арест первого секретаря Бухарского обкома КПСС А. К. Каримова и других партийных и государственных работников. Как вспоминают следователи Т. Гдлян и Н. Иванов, *«это был очень важный прецедент — за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга»* [Гдлян и др., 1996, с. 33]. Действительно, партийный руководитель столь высокого ранга за коррупцию не арестовывался со времен смерти Сталина. Во время обысков изымалось большое количество денег и ценностей. В частности, 11 ноября 1984 года у Каримова было обнаружено ценностей на сумму в 6 млн рублей, в том числе 110 кг ювелирных изделий [Иванов, 1995, с. 126—127].

9 июля 1984 года состоялось собрание аппарата ЦК КПСС, на котором Лигачев ознакомил всех со сложившимся положением в этой республике. Присутствовавший на собрании А. С. Черняев запечатлел в своем дневнике: *Ужас, полное разложение. Урожай хлопка рос, а выход волокна снижался из года в год <...> взятки брали десятками тысяч, государство обкрадывали на миллионы. В Ташкенте понастроили дворцов, площадей <...> В Самарканде все начальство обзавелось роскошными особняками <...>, а между тем люди живут, не имея канализации, водопровода, газа, а то и без электричества. В ЦК КПСС за три последних года поступило обо всем этом 30 000 писем, однако <...> никто не придал этому значения <...> Освобождено от работы несколько тысяч партработников всех рангов, около 1500 из них отдано под суд* [Черняев, 2010, с. 569].

Продолжалось расследование дел, связанных с московской «торговой мафией». 24 июня 1984 года был арестован начальник главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубов, занимавший этот пост с 1970 года и считавшийся человеком, близким к первому секретарю МГК КПСС, члену Политбюро В. В. Гришину, а десятью днями раньше был расстрелян бывший директор «Елисеевского» магазина Ю. К. Соколов. К этому времени было арестовано 7,5 % штатной численности работников Главторга, включая 2121 руководителя [Раззаков, 1996, с. 239].

Как отмечают современники, самого Черненко не подозревали ни в каких коррупционных делах. Е. К. Лигачев отмечает: *Особенно обязан сказать о том, что Черненко, который был необычайно близок к Брежневу и обладал колоссальным в ту пору влиянием, умудрился не запачкать свое имя коррупцией. Вокруг Брежнева фактов злоупотреблений было немало, а Черненко возможности на этот счет имел немыслимые, он мог бы грести не только пригоршнями, но и ворохами. Только мигни, только намекни — и его завалили бы «сувенирами», отблагодарили бы превелико за помощь. Чтобы не оказаться втянутым в злоупотребления, Константину Устиновичу действительно надо было проявить твердость. Он был весьма скромным в быту и житейских делах* [Лигачев, 1992, с. 66].

Черненко пытался выглядеть реформатором. При нем прозвучала идея о необходимости повышения роли местных Советов в решении хозяйственных и культурных вопросов. Такой подход соответствовал политике разумной децентрализации управления и согласования интересов министерств и ведомств с интересами местных Советов. *У нас принят ряд решений,* — говорил Черненко, — *призванных повысить роль местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве. Рассчитывали — и правильно рассчитывали, — что это поможет обеспечить комплексное развитие экономики на местах, выставит более прочный заслон против ведомствен-*

ности, позволит полнее удовлетворять многообразные запросы населения, улучшить его обслуживание.

Многие министерства все еще пытаются действовать в обход местных Советов [Черненко 1984, с. 418].

Многие преобразования, осуществлявшиеся при Черненко, были начаты еще при Андропове и по инерции продолжались. Однако школьную реформу, принятую в то время, можно без преувеличения назвать черненковской. Он внес большой персональный вклад в ее разработку, начатую еще в доандроповский период. Реформа была принята на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984 года. Сам Генсек был убежден в несомненной полезности и перспективности предложенной реформы: *Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям, каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, — подчеркивал на Пленуме Черненко. — Таков, можно сказать, закон социального прогресса.*

В условиях научно-технической революции лавинообразного роста информации этот закон предъявляет небывало высокие требования и к тем, кто учится, и к тем, кто учит, — от рядового педагога до министра. Реформа и призвана создать все необходимые предпосылки для выполнения этих требований [Правда, 1984].

Однако содержание, которое вкладывалось в школьную реформу, не позволяло новым поколениям «подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры». Предполагалось общеобразовательную школу превратить в политехническую, а также увеличить количество учащихся, направляемых после окончания восьмилетки для получения среднего образования в профессионально-технические училища. Ставилась задача создать прямые производственные связи между школой и предприятиями, с тем чтобы дети еще со школьной скамьи начали заниматься трудовой деятельностью. *Министерствам и ведомствам СССР и союзных республик создавать необходимые условия для трудового обучения учащихся на подведомственных предприятиях, в организациях и учреждениях. Для этой же цели выделять оборудование, рабочие места, квалифицированные кадры, сырье и материалы, обеспечить четкую организацию труда учащихся* [Там же].

Реализация этой реформы должна была привести к созданию вместо общеобразовательной школы некоего симбиоза «школа — ПТУ»: реформу предполагалось реализовать в течение двух пятилеток. Школа ориентировалась на подготовку подрастающего поколения не для поступления в вузы, теперь она должна была стать источником пополнения заводских коллективов.

Формальной стала общеобразовательная подготовка учащихся и в средних ПТУ. Функции общеобразовательной школы, как показала практика,

профессиональная школа выполнять не могла. В 1987 году председатель Государственного комитета по профессионально-техническому образованию А. Думачев вынужден был признать, что превращение всех училищ в средние не имело реальных оснований [Там же, 1987]. Кроме приписок контингента ПТУ, процентомании и выдачи многим выпускникам «липовых дипломов» о среднем образовании, это ни к чему хорошему не привело [Там же].

Большую озабоченность вызывали правонарушения среди учащихся. С каждым годом их количество увеличивалось. Этому способствовало также и то, что немало подростков перед поступлением в ПТУ уже состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. По данным 1985 года, среди принятых в ленинградские училища таких было 20 % [ЦГА СПб, ф. 5016, оп. 6, д. 785, л. 9]. Не случайно поэтому многие профтехучилища превращались в рассадник молодежной преступности.

Предложенная обществу школьная реформа с самого начала ее реализации встретила неприятие у значительной части родителей, интеллигенции и учительской общественности. Программа производственного обучения школьников превратилась в полную формальность, а вот общеобразовательной подготовке учащихся ущерб был нанесен серьезный.

3. Обострение борьбы за власть

На постоянно болеющего Черненко смотрели как на временную фигуру, что не могло не усилить борьбу за власть внутри Политбюро. В завуалированной форме это выразилось уже на первом заседании Политбюро, которое вел Черненко в качестве Генерального секретаря 23 февраля 1984 года, когда он предложил, чтобы Горбачев вел секретариат, а в отсутствие Генсека и Политбюро. Е. К. Лигачев вспоминает: *Черненко был избран генеральным секретарем, как говорится, без проблем. Заминка произошла несколько позднее, когда на организационном заседании Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение секретариата ЦК Горбачеву* [Лигачев, 1992, с. 27].

Н. А. Тихонов сразу же выступил против: *А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, — продолжал он, — обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, ведь В. И. Ленин вел заседания Политбюро не будучи секретарем* [Воротников, 1995, с. 39—40]. Тихонову возразил не менее влиятельный член Политбюро Устинов: *Но ведь Горбачев уже имеет опыт ведения секретариата, да и вся предыдущая практика говорит, что ведущий секретариат всегда имел какой-то участок работы, и это не оказывало негативного влияния на работу секретариата* [Медведев, 1994, с. 17].

Возникшую дискуссию сумел остановить своим предложением Громыко: *Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться и позднее к этому вопросу вернемся* [Прибытков, 2002, с. 135].

Окончательного решения по этому вопросу принято не было. Позднее, встретившись с Черненко, Горбачев говорил ему, что *«позиция Тихонова несет разлад в Политбюро <...> Можно ли допускать такое, чтобы к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой, и — это же хаос, — рассказывал сам Горбачев об этом разговоре* (Воротникову. — *М. П.*). — *Разговор повлиял на Черненко, позиция де ясная, не переживай»* [Там же, с. 40].

До самой смерти Черненко Горбачев так и не получил столь желаемого им решения Политбюро, — пишет Н. И. Рыжков. *Иными словами, он был "вторым" вроде как нелегально, де-факто, но не де-юре. Старая брежневская гвардия побаивалась его и не доверяла ему.*

Не скрою, его это очень мучило. Каждый четверг по утру он сидел сироткой в своем кабинете и нервно ждал телефонного звонка Черненко: приедет ли тот на Политбюро сам или попросит Горбачева заменить его и в этот раз [Рыжков, 1992, с. 60].

То, что Горбачев официально не получил право вести заседания Секретариата и Политбюро, совершенно не означало, что его звезда закатилась. При всем противоречивом отношении Черненко к Горбачеву, тем не менее, он способствовал укреплению позиций последнего. Горбачев вел заседания Секретариата ЦК, а в период болезни Генсека вел и заседания Политбюро. В сентябре 1984 года в положении Горбачева произошло второе важное изменение: за столом заседаний Политбюро он занял место неформального «второго» секретаря ЦК КПСС, которое занимал Романов. По свидетельству В. А. Печенева, *«на одном из заседаний* (Политбюро. — *М. П.*)*, когда Романов находился в отпуске, Черненко, показав на место справа от себя, которое обычно занимал второй секретарь, сказал: "Михаил Сергеевич, ты садись сюда"»* [Коммерсант Власть, 2001, с. 44].

Таким образом, Горбачеву удалось добиться права в период болезни Черненко вести заседания двух высших руководящих инстанций партии — Секретариата и Политбюро, что превращало его в человека № 2 в партии.

При Черненко не прекращалось соперничество между двумя вероятными претендентами на власть — между Горбачевым и Г. В. Романовым.

Член Политбюро М. С. Соломенцев, хорошо знавший взаимоотношения между коллегами, позднее напишет: *В 1983 году Романова пригласили в Москву, Ю. В. Андропов поручил курировать военно-промышленный комплекс. Романов пользовался явной поддержкой и К. У. Черненко. Все это вызывало недовольство М. С. Горбачева, который уже тогда, видимо, "примеривался" к роли Генерального секретаря. Отношения между Горбачевым и Романовым*

были натянутыми. Горбачев использовал разные методы, чтобы представить его в негативном виде [Соломенцев, 2011, с. 203].

Однако повышению авторитета Романова мешали существовавшие слухи о том, будто бы на свадьбе его дочери использовали сервиз Екатерины Второй, взятый из Эрмитажа, который был побит. В реальности ничего подобного не было.

Подобные слухи были настолько распространены и воспринимались как правдивые, что историк И. Г. Земцов даже в 1999 году пишет об этих сплетнях как о достоверном факте: «Романов <…> отличался самодурством, любил устраивать шумные попойки, а однажды распорядился (на свадьбе дочери) сервировать стол царским сервизом, от которого по окончании торжества остались лишь осколки как свидетельство его необузданного нрава» [Земцов, 1999, кн. 2, с. 312].

Между тем средства массовой информации становились все более прогорбачевскими. Тон и стиль газетных публикаций задавала «Правда» — с нее моделировались материалы всей печати. Ее главный редактор, академик В. Г. Афанасьев, отождествлял себя с Горбачевым. Он первым высказал недопустимую мысль о наличии в Политбюро «второго» генерального секретаря и запустил этот неофициальный титул в политическое обращение — с тех пор он прочно утвердился за Горбачевым. Намеренно допускалась утечка информации с заседаний правительства (Политбюро) — с тем, чтобы показать слабость и нерешительность Черненко [Там же, с. 317].

До конца своей жизни Черненко не смог преодолеть своего противоречивого отношения к Горбачеву, которого это очень беспокоило. Проблему налаживания доверия между ними взял на себя Лигачев, по инициативе которого состоялся конфиденциальный телефонный разговор. Он вспоминает: *... та памятная телефонная беседа была непривычно долгой, <...> я рассказал, что точно — с девяти утра до девяти вечера — трудится Горбачев, сказал о том, что мы не хотим и не можем подвести генерального секретаря.*

— Константин Устинович, — говорил я, — вы знаете, что я из Сибири, Горбачев с Северного Кавказа, к тому же я совсем недавно работаю в ЦК. Старых связей у нас не было. Да, мы с Горбачевым работаем дружно, но эта работа основана на интересах дела, только на интересах дела. Никаких других мотивов у нас нет.

Говорил в основном я. Черненко вопросов не задавал. А выслушав мой горячий монолог, ответил просто и коротко:

— Верю, Егор Кузьмич. Будем считать, что наш разговор состоялся [Лигачев,1992, с. 46—47].

Помощник Горбачева В. И. Болдин считает, что при посредничестве Лигачева отношения Черненко и Горбачева наладились [Болдин, 1995, с. 63]. Но и

после этого разговора Черненко лишь в последний момент сообщал Горбачеву о том, что в этот день ему поручается вести заседание Политбюро: *Нередко случалось так,* — пишет Горбачев, — *заседание назначено, но Константин Устинович прибыть не в состоянии, и за 15—30 минут до начала — звонок мне с поручением председательствовать* [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 259].

В сентябре-октябре 1984 года состояние здоровья Черненко резко ухудшилось. На этом фоне соперничество между Горбачевым и Романовым усилилось. Оба активизировали свою деятельность, касающуюся особенно внешней политики. Романову было поручено возглавить советскую делегацию в Финляндию 15 октября по случаю 40-й годовщины Договора о перемирии между СССР и Финляндией.

В своем выступлении в присутствии президента Койвисто он подверг критике политику Рейгана по размещению ракет в Западной Европе [Правда,1984].

Горбачев же в декабре, возглавив делегацию Верховного Совета СССР, отправился в Великобританию. Известно, что выбор Горбачева в качестве главы делегации был не случаен. На Западе хотели более близко познакомиться с ним как с одним из претендентов на высшую власть в СССР: *М. Тэтчер познакомилась с Горбачевым в феврале 1984 года, когда приехала в Москву на похороны Андропова,* — вспоминает заведующий отделом международной информации ЦК КПСС Л. Замятин. — *Осенью того же года, после длительного охлаждения англо-советских отношений — делегацию Верховного Совета СССР пригласили посетить Лондон с официальным визитом. Через британского посла в Москве дали понять, что премьер-министр могла бы встретиться с главой делегации, если таковую будет возглавлять Горбачев* [Замятин, 1995, с. 17—18]. *Британцы тонко вмешались,* — пишет А. В. Шубин, — *в соотношение сил в Кремле, позволив Горбачеву осуществить удачную дипломатическую миссию, блеснуть дипломатическими способностями* [Шубин, 2001, с. 324—325].

Горбачеву предоставили возможность выступить в британском парламенте. Он также был принят Маргарет Тэтчер, на которую произвел благоприятное впечатление. Не случайно поэтому в интервью с журналистами она произнесла свою знаменитую фразу: *С этим человеком можно иметь дело ... Ему можно верить* [Замятин,1995, с. 20—21].

Между тем здоровье Черненко стремительно ухудшалось: *С декабря,* — отмечает его помощник В. А. Печенев, — *он находился в больнице почти безвыездно* [Коммерсант Власть, 2001]. Борьба за власть вступила в решающую фазу. Именно в период с января по март 1985 года окончательно выяснился вопрос, кому возглавить великую страну.

Черненко очевидно и сам понимал, что с таким здоровьем нормально работать невозможно. 9 января 1985 года он обсуждал этот вопрос с некоторыми

членами Политбюро. В. И. Воротников вспоминает: *«Возникают вопросы, решение которых нельзя отложить <…> Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может уйти?». Тихонов, Гришин, Громыко подали протестующие реплики: «Зачем торопиться? Надо подлечиться и все»* [Воротников, 1995, с. 53—54]. Услышав это, Черненко сразу же добавил: *До слез обидно. Так хочется работать* [Там же, с. 54]. Из сказанного им вытекает, что искреннего желания уйти в отставку у Черненко, конечно, не было.

7 февраля 1985 года Черненко последний раз вел заседание Политбюро и на следующий день оказался в ЦКБ [Там же, с. 71].

Второй раз Черненко вопрос о своей отставке обсуждал с Громыко по телефону 7 марта. В своих мемуарах он пишет*: За три дня до кончины, почувствовав себя плохо, он* (Черненко. — *М. П.*) *позвонил мне:*

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо … Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку? Советуюсь с тобой …

Мой ответ был кратким, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить?

— Да, спешить не надо, — ответил я.

Мне показалось, что он определенно доволен моей реакцией.

— Что же из этого и буду исходить …

На этой фразе мы и закончили телефонный разговор [Громыко, 1988, кн. 2, с. 392—393].

Горбачев внимательно следил за состоянием здоровья Черненко. Об этом свидетельствует Чазов: *Он интересовался здоровьем Черненко чаще других* [Чазов, 1992, с. 210]. И поэтому лучше всех остальных представлял себе реальное состояние его здоровья. За четыре дня до смерти Черненко Горбачев и Лигачев посетили его в Кунцевской больнице. 7 марта на Политбюро Горбачев об этом говорил следующее: *Вчера мы с Егором Кузьмичом были у Константина Устиновича, чувствует себя неплохо. Побеседовали, ввели его в курс дел* [Горбачев, 1995, кн. 1, с. 261]. Из сказанного видно, что он пытается сформировать представление о том, что в ближайшие несколько месяцев с Генеральным секретарем ничего не случится. Это нужно было Горбачеву для того, чтобы члены Политбюро не отменяли заранее намеченные планы. Щербицкий готовил визит в США, и он его осуществил. Кунаев спокойно продолжал руководить Казахстаном, а Романов ушел в отпуск.

Кроме Горбачева и Романова, называют и других претендентов на пост Генсека: членов Политбюро, первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина, первого секретаря Компартии Украины В. В. Щербицкого, председателя Сове-

та Министров СССР Н. А. Тихонова [Островский, 2010, с. 496—514; Шубин, 2000, с. 317—325]. Однако в той ситуации лучшие шансы были у Горбачева, поскольку каждый из его противников примеривал на себя «шапку Мономаха», не было заранее оговоренной кандидатуры, в то время как М. С. Горбачев получил поддержку не только Громыко, но и большой группы членов ЦК, о чем он хорошо был осведомлен [Лигачев, 1992, с. 62—63; Громыко Анат., 1997, с. 95].

4. Заключение

Среди Генеральных секретарей ЦК КПСС Константин Устинович Черненко оказался самым «рядовым». За короткий период его правления в Советском Союзе не произошло заметных перемен. Оказавшись на вершине власти в силу сложившейся после смерти Ю. В. Андропова расстановки сил в Политбюро, Черненко не смог предложить политику, которую можно было идентифицировать с его именем и определить как «политику Черненко». Однако, несмотря на физическую немощность, что, конечно, не позволяло ему вести активную деятельность, он не был ретроградом. У него присутствовало понимание объективной необходимости осуществления реформ в нашей стране. Подтверждением этому является его стремление продолжить преобразования, начатые при Андропове. Не без его одобрения была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления народным хозяйством. Он также способствовал усилению положения Горбачева в Политбюро, что позволило ему стать после его смерти Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Источники и принятые сокращения

1. *Аганбегян А.* «Мне очень повезло в жизни». Ректор Академии народного хозяйства «о времени и о себе» / А. Агенбегян // Элитное образование. — 2000. — № 8 (15). — С. 24—25.

2. *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева / А. М. Александров-Агентов. — Москва : Международные отношения, 1994. — 299 с.

3. *Болдин В. И.* Крушение пьедестала : Штрихи к портрету М. С. Горбачева / В. И. Болдин. — Москва : Республика, 1995. — 445 с.

4. *Воротников В. И.* А было это так … Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС / В. И. Воротников. — Москва : Совет ветеранов книгоиздания : SLMAR, 1995. — 473 с.

5. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1493. Л. 1—2, 20 ; Д. 1494. Л. 18 ; Л. 20 ; Д. 1495. Л. 17—18, 19.

6. *Гдлян Т. Х.* Кремлевское дело / Т. Х. Гдлян, Н. В. Иванов. — Москва : Грамота, 1996. — 443 с.

7. *«Голова* у Черненко оставалась светлой» // Коммерсант Власть. — Москва : [б. и.], 2001. — № 38. — С. 42—45.

8. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. В 2 книге. — Москва : Новости, 1995. — Книга 1. — 656 с.

9. *Громыко А. А.* Памятное / А. А. Громыко. В 2 книге. — Москва : Политиздат, 1988. — Книга 2. — 414 с.

10. *Громыко Анат. А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля : Воспоминания и размышления сына / Анат. А. Громыко. — Москва : Автор, 1997. — 257 с.

11. *Думачев. А.* А ломать — то легче … Что ждет профтехшколу / А. Думачев // Правда. — 29 декабря 1987. — № 363.

12. *Живое* творчество народа. Доклад товарища М. С. Горбачева // Правда. — 11 декабря 1984. — № 346.

13. *Замятин Л. М.* Горби и Мегги. Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер / Л. М. Замятин. — Москва : Б. М. : Б. И., 1995. — 182 с.

14. *Захаров О.* Записки секретаря трех Генсеков / О. Захаров // Гласность. — 14—20 января 1993. — № 2.

15. *Иванов Н. В.* Следователь из провинции / Н. В. Иванов. — Санкт-Петербург : Шанс, 1995. — 384 с.

16. *Известия*. — 9 ноября 1984. — № 314.

17. *Информационное* сообщение о Пленуме Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 14 февраля 1984. — № 45.

18. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 14. — Москва : Политиздат, 1987. — 638 с.

19. *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева / Е. К. Лигачев. — Новосибирск : Интербрук, 1992. — 302 с.

20. *Лигачев Е. К.* Предостережение. Воспоминания / Е. К. Лигачев. — Москва : Газета «Правда»,1999. — 431 с.

21. *Медведев В. А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри / В. А. Медведев. — Москва : Былина, 1994. — 239 с.

22. *Постановление* Пленума ЦК КПСС // Правда. — 24 октября 1984. — № 289.

23. *Прибытков В. В.* Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко / В. В. Прибытков. — Москва : Молодая гвардия, 2002. — 194 с.

24. *Речь* товарища К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984 года // Правда. — 11 апреля 1984. — № 102.

25. *Речь* Г. В. Романова // Правда. — 15 октября 1984. — № 289.

26. *Рыжков Н. И.* Перестройка : история предательств / Н. И. Рыжков. — Москва : Новости, 1992. — 397 с.

27. *Соломенцев М. С.* Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов» перестройки / М. С. Соломенцев. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 224 с.

28. ЦГА СПБ — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 5016. Оп. 6. Д. 785. Л. 9.

29. *Чазов Е. И.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача» / Е. И. Чазов. — Москва : Новости, 1992. — 221 с.

30. *Черненко К. У.* Народ и партия едины. Избранные речи и статьи / К. У. Черненко. — Москва : Политиздат, 1984. — 496 с.

31. *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы / А. С. Черняев. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 1047 с.

32. *Шаталин С. С.* Прерванный диалог / С. С. Шаталин. — Тверь : Обл. кн.-журн. изд-во, 1998. — 287 с.

Литература

1. *Волкогонов Д. А.* Семь вождей : в 2 книгах / Д. А. Волкогонов. —. Москва : Новости, 1995. — Книга 2. — 280 с.

2. *Земцов И. Г.* Крах эпохи : в 2 книгах / И. Г. Земцов. — Москва : Наука, 1999. — Книга 1. – 380 с.

3. *Кедров С. А.* Щелоков / С. А. Кедров. — Москва : Молодая гвардия, 2016. — 319 с.

4. *Островский А. В.* Кто поставил Горбачева? / А. В. Островский. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 544 с.

5. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945—1985 / Р. Г. Пихоя. — Москва : Русь-Олимп : Астрель : АСТ, 2007. — 715 с.

6. *Раззаков Ф. И.* Бандиты времен социализма / Ф. И. Раззаков. — Москва : Эксмо, 1996. — 515 с.

7. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 768 с.

8. *Шубин А. В.* Золотая осень или период застоя / А. В. Шубин. — Москва : Вече, 2008. — 348 с.

Konstantin Ustinovich Chernenko as the Leader of the CPSU and the Soviet Union (1984—1985)

© Matvej F. Polynov (2020), orcid.org/0000-0002-6842-8930, Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), m.polynov@spbu.ru.

The activity of Konstantin Ustinovich Chernenko as the General Secretary of the Central Committee of the CPSU is analyzed. The author reveals the objective and subjective factors that influenced his coming to power. The relevance of the study is due to the need to obtain objective knowledge and understanding of the content of Chernenko's internal policy at the highest post in the party. The novelty of the research lies in the fact that, based on an analysis of various historical sources, the question of which areas of the CPSU policy was focused on Chernenko's attention as General Secretary for 13 months. It is stated that Chernenko left a noticeable mark on politics, despite the fact that he was unable to propose a policy that could be identified with his name and defined as "Chernenko's policy". It has been proved that he, on the whole, continued the policy pursued by Andropov, and did not seek to "freeze" the ongoing reforms. It is shown that he had a clear understanding of the need to reform not only the economy, but also some spheres of society, especially education. It is emphasized that he also raised the issue of the need to enhance the role of the Soviets. It is shown that in the top leadership of the USSR Chernenko was perceived as a temporary leader, which exacerbated the struggle for power within the Politburo.

Key words: USSR; The Communist Party; General Secretary of the CPSU Central Committee; K. U. Chernenko; Yu. V. Andropov; M. S. Gorbachev; G. V. Romanov.

Material resources

Aganbegyan, A. (2000). «Mne ochen' povezlo v zhizni». Rektor Akademii narodnogo khozyaystva «o vremeni i o sebe» ["I was very lucky in my life". The rector of the Academy of national economy "about time and myself"]. *Elitnoye obrazovaniye* [Elite education]*, 8 (15):* 24—25. (In Russ.).

Aleksandrov-Agentov, A. M. (1994). *Ot Kollontay do Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 299 p. (In Russ.).

Boldin, V. I. (1995). *Krusheniye pedestala: Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* [The collapse of the pedestal: Strokes to the portrait of M. S. Gorbachev]. Moskva: Respublika. 445 p.

Chazov, E. I. (1992). *Zdorovyye i vlast'. Vospominaniya «kremlevskogo vracha»* [Health and power. Memoirs of the "Kremlin doctor"]. Moskva: Novosti. 221 p. (In Russ.).

Chernenko, K. U. (1984). *Narod i partiya yediny. Izbrannyye rechi i statyi* [The People and the party are United. Selected speeches and articles]. Moskva: Politizdat. 496 p. (In Russ.).

Chernyayev, A. S. (2010). *Sovmestnyy iskhod. Dnevnik dvukh epokh. 1972—1991 gody* [Joint outcome. Diary of two epochs. 1972—199]. Moskva: ROSSPEN. 1047 p. (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 5446. Op. 144. D. 1493. L. 1—2, 20; D. 1494. L. 18; L. 20; D. 1495. L. 17—18, 19* [GARF-State archive of the Russian Federation. F. 5446. Op. 144. D. 1493. L. 1—2, 20; D. 1494. L. 18; L. 20; D. 1495. L. 17—18, 19]. (In Russ.).

Gdlyan, T. Kh., Ivanov, N. V. (1996). *Kremlevskoye delo* [Kremlevskoe Delo]. Moskva: Gramota. 443 p. (In Russ.).

«Golova u Chernenko ostavalas' svetloy» ["Chernenko's Head remained light"] (2001). In: *Kommersant Vlast'* [Kommersant Power], *38:* 42—45. (In Russ.).

Gorbachev, M. S. (1995). *Zhizn' i reformy* [Life and reforms], *2 (1).* Moskva: Novosti. 656 p. (In Russ.).

Gromyko, A. A. (1988). *Pamyatnoye* [Memorable], *2.* Moskva: Politizdat. 414 p. (In Russ.).

Gromyko Anat., A. (1997). *Andrey Gromyko. V labirintakh Kremlya: Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko. In the labyrinths of the Kremlin: Memories and reflections of the son]. Moskva: Avtor. 257 p. (In Russ.).

Dumachev, A. (29 dekabrya 1987). A lomat'-to legche … Chto zhdet proftekhshkolu [And it's easier to break ... What awaits the vocational school]. In: *Pravda* [Truth], *363.* (In Russ.).

Ivanov, N. V. (1995). *Sledovatel' iz provintsii* [Investigator from the province]. Sankt-Peterburg: Shans. 384 p. (In Russ.).

Izvestiya [Izvestia], *314.* (1984). 9 noyabrya (In Russ.).

Informatsionnoye soobshcheniye o Plenume Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Information message about the Plenum of the Communist party of the Soviet Union]. (1984). In: *Pravda* [Truth], *45.* 14 fevralya. (In Russ.).

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 9-e izd [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 9-e ed], *14.* (1987). Moskva: Politizdat. 638 p. (In Russ.).

Ligachev, E. K. (1992). *Zagadka Gorbacheva* [The Riddle of Gorbachev]. Novosibirsk: Interbruk. 302 p. (In Russ.).

Ligachev, E. K. (1999). *Predosterezheniye. Vospominaniya* [Warning. Memoirs]. Moskva: Gazeta «Pravda». 431 p. (In Russ.).

Medvedev, V. A. (1994). *V komande Gorbacheva. Vzglyad iznutri* [In Gorbachevs team. View from the inside]. Moskva: Bylina. 239 p. (In Russ.).

Postanovleniye Plenuma TsK KPSS [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU]. (1984). In: *Pravda* [Truth], *289.* 24 oktyabrya. (In Russ.).

Pribytkov, V. V. (2002). *Apparat. 390 dney i vsya zhizn' genseka Chernenko* [Apparatus. 390 days and the whole life of General Secretary Chernenko]. Moskva: Molodaya gvardiya. 194 p. (In Russ.).

Rech G. V. Romanova [Speech of G. V. Romanov]. (1984). In: *Pravda* [Truth], *289.* 15 oktyabrya. (In Russ.).

Rech' tovarishcha K. U. Chernenko na Plenume TsK KPSS 10 aprelya 1984 goda [Speech of comrade K. U. Chernenko at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on April 10, 1984]. (1984). In: *Pravda* [Truth], *102.* 11 aprelya. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (1992). *Perestroyka: istoriya predatelstv* [Restructuring: history of betrayals]. Moskva: Novosti. 397 p. (In Russ.).

Shatalin, S. S. (1998). *Prervannyy dialog* [Interrupted dialogue]. Tver: Obl. kn.-zhurn. izd-vo. 287 p. (In Russ.).

Solomentsev, M. S. (2011). *Zachistka v Politbyuro. Kak Gorbachev ubiral «vragov» perestroyki* [Cleaning in the Politburo. How Gorbachev removed the "enemies" of restructuring]. Moskva: Eksmo: Algoritm. 224 p. (In Russ.).

TsGA SPB — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga. F. 5016. Op. 6. D. 785. L. 9* [TSGA SPB-Central state archive of Saint Petersburg]. (In Russ.).

Vorotnikov, V. I. (1995). *A bylo eto tak ... Iz dnevnika chlena Politbyuro TsK KPSS* [And it was so … From the diary of a member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moskva: Sovet veteranov knigoizdaniya: SLMAR. 473 p. (In Russ.).

Zakharov, O. *Zapiski sekretarya trekh Gensekov* [Notes of the Secretary of the three General Secretaries]. (1993). In: *Glasnost'* [Publicity], *2*. 14—20 yanvarya. (In Russ.).

Zamyatin, L. M. (1995). *Gorbi i Meggi. Zapiski posla o dvukh izvestnykh politikakh — Mikhaile Gorbacheve i Margaret Tetcher* [*Gorbi i Meggi*. Ambassadors notes on two famous politicians — Mikhail Gorbachev and Margaret Thatcher]. Moskva: B. M.: B. I. 182 p. (In Russ.).

Zhivoye tvorchestvo naroda. Doklad tovarishcha M. S. Gorbacheva [Live creativity of the people. Report of comrade Mikhail Gorbachev]. (1984). In: *Pravda* [Truth], *346.* 11 dekabrya. (In Russ.).

References

Kedrov, S. A. (2016). *Shchelokov.* Moskva: Molodaya gvardiya. 319 p. (In Russ.).

Ostrovskiy, A. V. (2010). *Kto postavil Gorbacheva?* [Who put Gorbachev?]. Moskva: Eksmo: Algoritm. 544 p. (In Russ.).

Pikhoya, R. G. (2007). *Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945—1985* [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945—1985]. Moskva: Rus'-Olimp: Astrel': AST. 715 p. (In Russ.).

Razzakov, F. I. (1996). *Bandity vremen sotsializma* [Bandits of the times of socialism]. Moskva: Eksmo. 515 p. (In Russ.).

Shubin, A. V. (2001). *Ot «zastoya» k reformam. SSSR v 1917—1985 gg.* [From "stagnation" to reforms. In the USSR, 1917—1985 gg]. Moskva: ROSSPEN. 768 p. (In Russ.).

Shubin, A. V. (2008). *Zolotaya osen' ili period zastoya* [Golden autumn or the period of stagnation]. Moskva: Veche. 348 p. (In Russ.).

Volkogonov, D. A. (1995). *Sem' vozhdey: v 2 knigakh* [Seven leaders: in 2 books], *2*. Moskva: Novosti 280 p. (In Russ.).

Zemtsov, I. G. (1999). *Krakh epokhi: v 2 knigakh* [Collapse of the epoch: in 2 books], *2*. Moskva: Nauka. 380 p. (In Russ.).

Райнхардт Р. О. Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824—1825) / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 466—476. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476.

Reinhardt, R. O. (2020). Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain J. M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824—1825). *Nauchnyi dialog, 11:* 466-476. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476. (In Russ.).

УДК 94:341.76(47)“1824/1825”+341.71(460)“1824/1825”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476

Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824—1825)

© **Райнхардт Роман Отмарович (2020),** orcid.org/0000-0002-0890-8844, кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), don.reinhardt@mail.ru.

Рассматривается вопрос о периодизации и установлении хронологических рамок первого этапа работы Х. М. Паэса де ла Кадена в качестве главы испанского посольства в Санкт-Петербурге после Реставрации монархии в Испании в 1823 году. Проведен анализ имеющихся материалов, в ходе которого выявлено отсутствие точной датировки аккредитации и вступления в должность названного дипломата как полноценного члена дипломатического корпуса. Показано, что ряд исследований гуманитарной направленности относит начало его миссии к 1825 году, в то время как в отечественных исторических трудах данный вопрос освящается слабо и лапидарно. С целью уточнения данной информации проведена работа с документами государственных архивов Мадрида и Севильи. Методом анализа депешей, хранящихся в соответствующих фондах, которые до настоящего времени не вводились в оборот в рамках российского научного дискурса, установлено, что Паэс де ла Кадена прибыл в Санкт-Петербург не позднее 1824 года. Доказано, что к началу 1825 года он уже находился в российской столице и корреспондировал с центральным аппаратом внешнеполитического ведомства в Мадриде. Освещены ключевые вопросы, которых касалась данная корреспонденция.

Ключевые слова: российско-испанские отношения; история дипломатии; Паэс де ла Кадена; посольство Испании в России; дипломатический корпус.

1. Введение

В начале 1820-х годов в отношениях между Испанией и Россией наблюдался определенный кризис вследствие событий Испанской революции 1820—1823 годов, также называемых «Свободным трехлетием». На последнем конгрессе Священного союза, прошедшем в Вероне в конце 1822 года, его участники, включая Российскую Империю, одобрили французскую военную интервенцию в Испанию. Такой шаг подразумевал разрыв дипломатической коммуникации Санкт-Петербурга с буржуазно-либеральным правительством

Мадрида. Французские войска перешли Пиренеи и вступили в Испанию в начале апреля 1823 года, а осенью в стране был восстановлен абсолютистский режим. Декретом от 1 октября 1823 года король Фердинанд VII отменил все законы, принятые кортесами в течение предшествовавших трех лет, и начал ускоренно восстанавливать дореволюционные порядки во всех сферах жизни страны. Во внутренней политике закрепление итогов контрреволюции включало жестокое преследование левых либералов («эксальтадос») и, в частности, казнь их лидера Р. дель Риего-и-Нуньес. Во внешней — налаживание связей с европейскими великими державами, в том числе с Россией.

Нормализация двусторонних отношений на уровне дипломатических представительств последовала в апреле 1824 года. Послом России при дворе Фердинанда VII был назначен П. Я. Убри, ранее занимавший должность посланника в Нидерландах (1823—1824 годы) и одновременно с этим — управляющего Коллегией иностранных дел. Интересно, что в 1817—1820-е годы под его руководством начинал свою карьеру во внешнеполитическом ведомстве А. С. Пушкин [Черейский, 1988, с. 452]. К началу своей миссии в Испании П. Я. Убри имел богатый опыт дипломатической службы на ответственных постах как в центральном аппарате МИД, так и в его представительствах за рубежом. Такое назначение свидетельствовало о стратегической значимости испанского направления для России с учетом сложившейся конъюнктуры. В качестве главы посольства он сменил М. Н. Булгари, который в 1821—1824 годах, после отзыва Чрезвычайного посланника и полномочного министра (1812—1821 годы) Д. П. Татищева, исполнял обязанности поверенного в делах [Главы].

Со своей стороны, испанский монарх в конце июня 1824 года назначил полномочным представителем в Санкт-Петербурге Хуана Мигеля Паэса де ла Кадена [Фернандес Санчес, 1991, с. 128]. По изначальному плану эту позицию должен был занять Ф. Сеа Бермудес, который ранее (1810—1820 годы) уже имел опыт дипломатической работы в России. Паэс де ла Кадена, в свою очередь, был кандидатом на пост посла Испании в Лондоне, однако отказался от этого назначения, сославшись на свою недостаточную компетентность для данной миссии [Юрчик, 2018, с. 170—171]. В результате Фердинанд VII произвел «рокировку», направив Сеа Бермудеса в Великобританию, а Паэса де ла Кадена в Россию. Однако уже в июле 1824 года последовала очередная кадровая перестановка: Сеа Бермудес был отозван из Лондона и назначен Государственным секретарем (глава исполнительной власти при «старом режиме» в 1714—1841 годы). Данный пост он занимал по октябрь 1825 года, став фактически куратором Паэса де ла Кадена, который именно ему направлял свои первые депеши из Санкт-Петербурга [AHN Estado. 5918]. Таким образом, испано-российская дипломатическая коммуникация к июлю 1824 года была восстановлена. Тем не менее вопрос о прибытии и начальном этапе деятельности

первого дипломатического агента испанского короля после Реставрации при российском Императорском дворе остается мало освещенным в историографии двусторонних отношений и вызывающим споры, причем в среде не только профессиональных историков, но и специалистов в области других гуманитарных наук [Белоусов, 2020, с. 358—359].

2. Датировка прибытия Х. М. Паэса де ла Кадена в Россию

Материалы, посвященные как самой личности Паэса де ла Кадена, так и его дипломатической работе в России, немногочисленны и носят фрагментарный характер. Что касается отечественных работ, то до недавнего времени они практически исключительно относились к корпусу пушкиноведческой литературы. Данное обстоятельство связано с его упоминанием в восьмой главе романа в стихах «Евгений Онегин» в описании светского приема, где происходит встреча главных героев после долгой разлуки. Евгений замечает Татьяну беседующей с главой зарубежного дипломатического представительства. Онегин интересуется у своего приятеля, который, как выясняется в той же строфе (глава 8, строфа XVII), уже успел стать ее супругом:

Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит? [Пушкин, 1960, с. 162].

Данная строка послужила объектом критики со стороны именитых комментаторов, упрекавших А. С. Пушкина в анахронизме. Так, например, В. В. Набоков утверждал, что дипломатические отношения между Испанией и Россией наладились лишь к зиме 1824—1825 годов, а посол был назначен не ранее 1825 года [Набоков, 1998, с. 554]. Эпизод же встречи пушкинских героев литературовед хронологически относил к августу 1824 года, приходя на основании этого к выводу, что Татьяна не имела возможности беседовать с Паэсом де ла Кадена, который на тот момент еще в принципе не мог пребывать в российской столице. В том же комментарии В. В. Набоков, ссылаясь на сочинение «Рукою Пушкина», обвиняет в ошибке Н. О. Лернера, который, по его мнению, ввел в оборот информацию, позволяющую ассоциировать собеседника Татьяны с Паэсом де ла Кадена.

Стоит отметить, что, во-первых, Н. О. Лернер не имел отношения к названному сочинению, которое было подготовлено М. А. Цявловским, Л. Б. Модзалевским и Т. Г. Зенгер. Во-вторых, пассажи этого сочинения, в которых речь идет об испанском после, совершенно не касаются «Евгения Онегина» как художественного произведения. Они описывают исторические источники — изложение А. С. Пушкиным рассказа «О 18 брюмера» со слов Паэса де ла Кадена во время их совместного обеда у И. А. Мусина-Пушкина 10 августа 1832 года (в дипломатических терминах — «запись беседы») [Рукою …, 1935,

с. 208—210] и список лиц, которым А. С. Пушкин намеревался направить свои визитные карточки к новому 1830 году [Рукою …, 1935, с. 322]. Среди последних фигурирует «гишпанский посланник», коим на тот момент действительно был Паэс де ла Кадена [Рукою …, 1935, с. 326]. Иными словами, противоречия нет: авторы критикуемого В. В. Набоковым сочинения описывают исторические источники личного происхождения (мемуары, дневниковые записи), к тому же относящиеся к более позднему этапу (1829—1832 годы), в то время как сам он рассуждает о периодизации заведомо вымышленного произведения — пусть и имеющего под собой основу, хронологически соотносимую с реальностью [Баевский, 1983].

Похожую неточность допускает Ю. М. Лотман, утверждая, что «в 1824 году, когда происходит встреча Онегина и Татьяны в Петербурге, Россия не поддерживала дипломатических отношений с Испанией, прерванных во время испанской революции. Испанский посол Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена появился в Петербурге в 1825 году <…> Анахронизм появления этого персонажа совпадает с общей тенденцией Пушкина к изображению фона седьмой-восьмой глав на основании реальных впечатлений последекабристской эпохи» [Лотман, 1995, с. 718]. Архивные источники, о которых будет сказано ниже, опровергают приводимые Ю. М. Лотманом сведения и, следовательно, вывод об анахронизме. Добавим, что, помимо этого, комментатор отмечает возможность соотнесения Паэса де ла Кадена с «путешествующим испанцем» из неоконченного пушкинского текста «Гости съезжались на дачу…». Подобная прототипизация, как и в случае с «Евгением Онегиным», вполне может оказаться валидной, однако должна анализироваться с позиций литературоведения, но не истории.

Наряду с комментариями к «Евгению Онегину» фигуре Паэса де ла Кадена посвящена работа Х. Фернандеса Санчеса «Испанский знакомый Пушкина» [Фернандес Санчес, 1991]. В ней автор называет точную дату назначения посла — 25 июня 1824 года, однако не уточняет, когда именно тот физически прибыл в Санкт-Петербург [Фернандес Санчес, 1991, с. 128]. Как и авторы сборника «Рукою Пушкина», Х. Фернандес Санчес останавливается главным образом на эпизоде с рассказом Паэса де ла Кадена А. С. Пушкину своих воспоминаний о Наполеоне во время обеда у И. А. Мусина-Пушкина, а также о продаже главой испанской миссии Эрмитажу картин из своей частной коллекции. Аналогичные описания представлены в двух работах искусствоведческой направленности [Алексеев, 1985, с. 151—152; Каганэ, 2003, с. 507]. Краткое упоминание о знакомстве дипломата с А. С. Пушкиным также находим в главе монографии Р. Г. Скрынникова, посвященной общению литератора с представителями Императорского двора и дипломатического корпуса [Скрынников, 1999, с. 229]. Фигурирует испанский посол и в биографических справочниках знакомых (со-

временников) А. С. Пушкина — например, в известном труде Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» [Черейский, 1988, с. 324].

При этом, как ни странно, до недавнего времени персона дипломатического агента Паэса де ла Кадена практически не попадала в поле зрения ни зарубежных (в первую очередь, испанских), ни отечественных историков. В работе Л. В. Выскочкова описывается его присутствие на коронации Николая I, а также впечатления от нее со ссылкой на упомянутую работу Л. Л. Каганэ [Выскочков, 2012, с. 22—23]. По словам автора, полномочный посланник был аккредитован в Санкт-Петербурге в ноябре 1824 года [Выскочков, 2012, с. 22].

В историческом контексте внимания также заслуживают два недавно опубликованных материала, посвященных описанию Паэсом де ла Кадена восстания декабристов в депешах, направляемых из посольства в Мадрид. Первая — глава Е. Э. Юрчик в коллективной монографии «Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений» [Юрчик, 2018]. Вторая — статья М. С. Белоусова, в которой автор приводит подробный анализ документов Национального исторического архива Мадрида, содержащих донесения дипломата о периоде междуцарствия [Белоусов, 2020]. Отметим, что наряду с фундированным анализом избранной проблематики, новацией, причем достаточно дискуссионной, последнего труда представляется уточнение написания фамилии посла как *Паес* [Белоусов, 2020, с. 359]. Полагаем, что с точки зрения норм транскрипции, иберийской фонетики и ономастики устоявшийся вариант передачи (*Паэс*), используемый во всех цитируемых выше материалах, предстает более корректным. Более того, даже А. С. Пушкин имплицитно придерживался подобного мнения, ставя диерезис (Paëz) в рукописи на французском языке «О 18 брюмера» [Рукою …, 1935, с. 208]. С учетом этого полагаем, что именно приводимую здесь классическую орфографию следовало бы использовать в рамках последующей научной разработки описываемого сюжета.

Таким образом, уместно заключить, что начало дипломатической миссии Х. М. Паэса де ла Кадена в России (1824—1825 годы) до настоящего времени крайне слабо освещено в отечественной историографии. В этом состоит отличие указанного периода от последующих этапов работы дипломата в Санкт-Петербурге вплоть до его отъезда в 1835 году, нашедших пусть и не исчерпывающее, но вполне детализированное отражение в рассмотренных выше материалах. Остается открытым вопрос о его прибытии в столицу Российской Империи, временные рамки которого до сих пор не конкретизировались. Данное обстоятельство обусловливает научную новизну настоящей работы.

3. Анализ и интерпретация архивных документов

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос была проведена работа с относящимися к рассматриваемому периоду материалами ис-

панских архивов, а именно: Национального исторического архива Мадрида (Archivo Histórico Nacional — AHN) и Общего архива Индий в Севилье (Archivo General de Indias — AGI).

Был изучен фонд AHN Estado. 5918, состоящий из четырех описей, которые условно допустимо разделить на две части по критерию авторства документов. Первая часть содержит донесения поверенного в делах испанского диппредставительства в Санкт-Петербурге П. Алькантара Аргаис (предшественник Паэса де ла Кадена), адресованные министрам иностранных дел революционного правительства Э. Бардажи Азара и Р. Лопесу-Пелегрину (02 января — 27 марта 1822 года), министру иностранных дел Ф. Маритинесу де ла Роса, министру юстиции Н. Гарелли, поверенному в делах испанского посольства в Лиссабоне С. Усос-и-Моси, министру иностранных дел Е. Фернандесу де Сан Мигель и государственному секретарю Х. М. Пандо (27 марта 1822 года — 26 мая 1823 года). Вторая часть включает переписку собственно Паэса де ла Кадена с Государственными секретарями графом де Офалия и Ф. Сеа Бермудес (03 июля — 29 декабря 1824 года).

В отличие от хронологически последующего фонда (AHN Estado. 5919), частичный анализ которого был проведен М. С. Белоусовым [Белоусов, 2020, с. 359—362], элементы, составляющие вторую часть рассмотренного нами фонда, не поддаются объединению как депеши аналогичного типа. Среди них присутствуют как перечни путевых документов, так и отчеты о получении распоряжений Государственного секретаря [AHN Estado. 5918. Correspondencia de Juan Miguel Páez de la Cadena con el Conde de Ofalia y con Francisco Zea Bermúdez (1824, julio, 03 — diciembre, 29)]. При этом точная дата прибытия посла на территорию России в данной описи не обнаруживается. Вместе с тем бумаги, относящиеся ко второй половине октября 1824 года, содержат упоминание адресов корреспондентов или собеседников дипломата в Санкт-Петербурге.

Далее столица Российской Империи указывается в качестве места отправления депешей Паэса де ла Кадена в адрес Сеа Бермудес [AHN Estado. 5919. Despachos (nn. 31—120) de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro en Rusia, a Francisco Zea Bermúdez, Primer Secretario de Estado (03/01/1825—18/11/1825)], в которых докладывается об общем положении дел в стране пребывания, нравах Двора и дипкорпуса. Сопоставительный анализ содержания названных материалов позволяет заключить, что к концу 1824 года Паэс де ла Кадена уже фактически вступил в должность. Скорее всего, это произошло в конце октября — первой половине ноября.

Присутствие посла в январе 1825 года в Санкт-Петербурге подтверждается материалами Общего архива Индий [AGI Estado. 91. N.12]. В апреле 1825 года Паэс де ла Кадена подтвердил получение экземпляра королевского

циркуляра, ранее (21 января) направленного послам в Вене, Лондоне и России, и передал в центр заверения русского правительства в том, что оно проинструктирует своего посла в Лондоне [AGI Estado. 91. N.44]. Речь шла о ситуации вокруг войны за независимость в испанских колониях. Итог битвы при Аякучо (Перу) 09 декабря 1824 года ознаменовал собой переломный момент в схватке роялистов с национально-освободительным движением, которая в конечном счете завершилась победой последнего. Россия и Великобритания пристально следили за развитием событий, получая соответствующую информацию в том числе по дипломатическим каналам. Непосредственным участником такой коммуникации был Паэс де ла Кадена, который к началу 1825 года уже успел полностью «включиться» в работу.

Сопоставляя данную информацию с материалами фонда AHN Estado 5929, содержащего документы, которыми обменивались русская миссия в Мадриде и Государственный секретарь, допустимо сделать вывод о том, что данная тема была одной из центральных в рамках двусторонней дипломатической корреспонденции [AHN Estado. 5929. Correspondencia]. Вопрос русских поселений в Калифорнии (крепость Форт-Росс), который в 1813—1823 годах был также одним из важных пунктов русско-испанской повестки [AHN Estado. 5929. Expediente], по сути отошел на второй плане в связи с появлением на политической карте Мексики в 1821 году [Райнхардт, 2020, с. 86], с одной стороны, и ослаблением Испании в ходе «Свободного трехлетия», с другой стороны.

Таким образом, на первом этапе работы Паэса де ла Кадена в России (конец 1824 — начало 1825 года) американский вектор внешней политики Испании во многом находился в центре внимания полномочного представителя Фердинанда VII. Деятельность посла на последующих этапах (междуцарствие 1825 года, период правления Николая I) частично описана в приведенных выше сочинениях [Юрчик, 2018; Белоусов, 2020], хотя и может быть еще более детализирована на основании введенных в оборот архивных материалов.

4. Выводы

Анализ приведенных документов позволил установить, что Х. М. Паэс де ла Кадена прибыл в Санкт-Петербург не позднее 1824 года. Следовательно, вопреки мнениям В. В. Набокова и Ю. М. Лотмана и в соответствии с используемой ими хронологией «Евгения Онегина», он теоретически вполне мог встретить на приеме пушкинскую Татьяну. Другой вопрос заключается в том, почему Евгений узнал прибывшего, как и он, «с корабля на бал» [Пушкин, 1960, с. 160] и еще широко не известного петербургскому бомонду дипломата быстрее, чем свою давнюю знакомую. Впрочем, рассмотрение данного сюжета уже не относится к истории, но может быть предметом литературоведческих изысканий.

Период, последовавший за кончиной российского Императора Александра I в ноябре 1825 года, был более богатым на события по сравнению с рассмотренным этапом, что, разумеется, отразилось и на деятельности Паэса де ла Кадена в качестве посла. Тем не менее первые месяцы его пребывания в Санкт-Петербурге позволили ему к тому моменту уже «обжиться» в части установления контактов со Двором и дипломатическим корпусом. Именно поэтому они были достаточно важными и заслуживающими внимания в контексте исследования двусторонних межгосударственных отношений. Не исключено, что, если бы Паэс де ла Кадена прибыл в российскую столицу позднее, его наблюдения периода междуцарствия не были бы такими точными и не представляли бы столь высокую историческую ценность [Белоусов, 2020]. Ведь, несмотря на положительные стороны «свежего взгляда» только что оказавшегося на месте дипломата, в данном случае накопленный почти за год опыт работы позволил более четко сформировать мнение относительно событий, свидетелем которых он стал, и с большей объективностью отразить свои впечатления о них. В этом смысле его назначение на соответствующую должность оказалось своевременным и полезным не только для испанского внешнеполитического ведомства, но и для историков.

В свою очередь, с точки зрения историографии, наиболее реалистичная, судя по всему, датировка начала миссии Паэса де ла Кадена (ноябрь 1824 года) была обнаружена в труде Л. В. Выскочкова [Выскочков, 2012, с. 22]. Материалы, которые могут способствовать ее дополнительному уточнению (возможно, содержащие сведения о вручении им оригиналов или копий верительных грамот или участия в протокольных мероприятиях), следует искать в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ). В отличие от описанных документов испанских архивов, часть из которых оцифрована, в настоящее время, в связи с продолжающейся пандемией, обращение к фондам АВПРИ представляется затруднительным. Однако, как только действующие ограничения, диктуемые сложной эпидемиологической обстановкой, будут сняты, работа с ними позволит заняться дальнейшей разработкой настоящей темы.

Источники и принятые сокращения

1. AGI Estado. 91. N.12 — *Archivo General de Indias*. R.O. a los Embajadores en París, Viena y Rusia. Madrid, 21 enero 1825.

2. AGI Estado. 91. N.44 — *Archivo General de Indias*. Embajador en Rusia acusa recibo oficio. San Petersburgo, 13 abril 1825.

3. AHN Estado. 5918 — *Archivo Histórico Nacional*. Despachos de la Legación de España en Rusia a la Primera Secretaría de Estado. Enero 1822 — diciembre 1824.

4. AHN Estado. 5919 — *Archivo Histórico Nacional*. Despachos de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro en Rusia, a la Primera Secretaría de Estado. Enero 1825 — junio 1826.

5. AHN Estado. 5929. Correspondencia — *Archivo Histórico Nacional*. *Correspondencia* entre la Legación de Rusia en España y la Primera Secretaría de Estado. Correspondencia de los

representantes diplomáticos de Rusia en España con la Primera Secretaría de Estado: Tatischeff (1816—1818), el conde Bulgari (1820—1823) y el conde Oubril (1825—1826).

6. AHN Estado. 5929. Expediente — *Archivo Histórico Nacional*. *Expediente* relativo a los establecimientos rusos en California (1813—1823).

7. Главы — *Главы* Дипломатических представительств России и СССР в Испании [Электронный ресурс] / Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания. — Режим доступа : https://spain.mid.ru/web/spain_ru/galerea-poslov (дата обращения 13.08.2020).

8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения. — Москва : ГИХЛ, 1960. — 595 с.

9. *Рукою* Пушкина : Несобранные и неопубликованные тексты / подгот. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. — Москва ; Ленинград : Academia, 1935. — 926 с.

10. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение / Л. А. Черейский. — Ленинград : Наука, 1988. — 544 с.

Литература

1. *Алексеев М. П.* Очерк истории русско-испанских литературных отношений / М. П. Алексеев // Русская культура и романский мир. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—272.

2. *Баевский В. С.* Время в «Евгении Онегине» / В. С. Баевский // Пушкин : исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — Т. 11. — С. 115—130.

3. *Белоусов М. С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия / М. С. Белоусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2020. — Т. 65, Вып. 2. — С. 357—374.

4. *Выскочков Л. В.* Будни и праздники Императорского двора / Л. В. Выскочков. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 496 с.

5. *Каганэ Л. Л.* Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге / Л. Л. Каганэ // Из истории мирового искусства и культуры : сб. ст. к 75-летию Юрия Александровича Русакова (1926—1995). — Санкт-Петербург : Сад искусств, 2003. — С. 495—553.

6. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий : пособие для учителя / Ю. М. Лотман // Пушкин : биография писателя ; статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин» : Комментарий. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1995. — С. 472—762.

7. *Набоков В. В.* Комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. — 928 с.

8. *Райнхардт Р. О.* Россия и Мексика : 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии / Р. О. Райнхардт // Ибероамериканские тетради. — 2020. — № 1 (27). — С. 84—96. — DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-1-84-96.

9. *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина / Р. Г. Скрынников. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. — 368 с.

10. *Фернандес Санчес Х.* Испанский знакомый Пушкина. Вып. 24 / Х. Фернандес Санчес ; пер. с исп. В. Е. Багно // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР ОЛЯ ; Пушкин. комис. — Санкт-Петербург : Наука, 1991. — С. 128—129.

11. *Юрчик Е. Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена / Е. Э. Юрчик // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / ред. О. В. Волосюк. — Москва : Индрик, 2018. — С. 169—174.

Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain J. M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824—1825)

© **Roman O. Reinhardt (2020),** orcid.org/0000-0002-0890-8844, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Diplomacy, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), don.reinhardt@mail.ru.

The question of the periodization and establishment of the chronological framework of the first stage of the work of J.M. Paez de la Cadena as head of the Spanish embassy in St. Petersburg after the Restoration of the monarchy in Spain in 1823 is considered. An analysis of the available materials, during which it was revealed that there was no exact dating of accreditation and the assumption of office of the named diplomat as a full-fledged member of the diplomatic corps, was carried out. It is shown that a number of humanitarian studies date the beginning of his mission to 1825, while in Russian historical works this issue is poorly and lapidarily covered. In order to clarify this information, work with the documents of the state archives of Madrid and Seville was carried out. By analyzing the dispatches stored in the corresponding funds, which have not yet been put into circulation within the framework of the Russian scientific discourse, it was established that Paez de la Cadena arrived in St. Petersburg no later than 1824. It is proved that by the beginning of 1825 he had already arrived to the Russian capital and corresponded with the central office of the Foreign Ministry in Madrid. Key issues that this correspondence dealt with are highlighted.

Key words: Russian-Spanish relations; history of diplomacy; Paez de la Cadena; Spanish Embassy in Russia; diplomatic corps.

Material resources

AGI Estado. 91. N.12 — Archivo General de Indias. R.O. a los Embajadores en París, Viena y Rusia. Madrid, 21 enero 1825. (In Span.).

AGI Estado. 91. N.44 — Archivo General de Indias. Embajador en Rusia acusa recibo oficio. San Petersburgo, 13 abril 1825. (In Span.).

AHN Estado. 5918 — Archivo Histórico Nacional. Despachos de la Legación de España en Rusia a la Primera Secretaría de Estado. Enero 1822 — diciembre 1824. (In Span.).

AHN Estado. 5919 — Archivo Histórico Nacional. Despachos de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro en Rusia, a la Primera Secretaría de Estado. Enero 1825 — junio 1826. (In Span.).

AHN Estado. 5929. Correspondencia — Archivo Histórico Nacional. Correspondencia entre la Legación de Rusia en España y la Primera Secretaría de Estado. Correspondencia de los representantes diplomáticos de Rusia en España con la Primera Secretaría de Estado: Tatischeff (1816—1818), el conde Bulgari (1820—1823) y el conde Oubril (1825—1826). (In Span.).

AHN Estado. 5929. Expediente — Archivo Histórico Nacional. Expediente relativo a los establecimientos rusos en California (1813—1823). (In Span.).

Glavy — Glavy Diplomaticheskikh predstavitelstv Rossii i SSSR v Ispanii [Heads of Diplomatic Missions of Russia and the USSR in Spain] In: *Posolstvo Rossiyskoy Federatsii v Korolevstve Ispaniya* [Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain]. Available at: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/galerea-poslov (accessed 13.08.2020). (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1960). Evgeniy Onegin. Roman v stikhakh [Eugene Onegin. Novel in verse]. In: *Poln. sobr. soch. Evgeniy Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya* [Full composition of writings. Eugene Onegin. Dramatic works]. Moskva. 10/4: 595 p. (In Russ.).

Tsyavlovskiy, M. A., Modzalevskiy, L. B., Zenger, T. G. (eds.). (1935). *Rukoyu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty* [By the hand of Pushkin. Uncollected and unpublished texts]. Moskva; Leningrad: Academia. 926 p. (In Russ.).

Chereyskiy, L. A. (1988). *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his entourage]. Leningrad: Nauka. 544 p. (In Russ.).

References

Alekseev, M. P. (1985). Ocherk istorii russko-ispanskikh literaturnykh otnosheniy [Essay on the history of Russian-Spanish literary relations]. In: *Russkaya kultura i romanskiy mir* [Russian culture and the Romanesque world]. Leningrad: Nauka. 5—272. (In Russ.).

Baevskiy, V. S. (1983). Vremya v «Evgenii Onegine» [Time in «Eugene Onegin»]. In: *Pushkin: issledovaniya i materialy* [Pushkin: research and materials]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 11: 115—130. (In Russ.).

Belousov, M. S. (2020). Depeshi ispanskogo posla kak istochnik po istorii politicheskoy kultury mezhdutsarstviya [Spanish Ambassador's Despatches as a Source on the History of the Political Culture of the Interregnum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint-petersburg university. History], *65 (2):* 357—374. (In Russ.).

Fernandes, Sanches, Kh. (1991). Ispanskiy znakomyy Pushkina [Spanish acquaintance of Pushkin]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Sankt-Peterburg: Nauka. 24: 128—129. (In Russ.).

Kagane, L. L. (2003). Kabinet kartin Huana Migelya Paesa de la Kadeny, ispanskogo poslannika v Sankt-Peterburge [Cabinet of paintings by Juan Miguel Paez de la Cadena, the Spanish envoy in St. Petersburg]. In: *Iz istorii mirovogo iskusstva i kultury: sb. st. k 75-letiyu Y. A. Rusakova (1926—1995)* [From the history of world art and culture: collection of articles. Art. to the 75th anniversary of Yuri Alexandrovich Rusakov (1926—1995)]. Sankt-Peterburg: Sad iskusstv. 495—553. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1995). Roman A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin»: kommentariy [Alexander Pushkin's novel "Eugene Onegin": commentary]. In: *Pushkin: biografiya pisatelya; statyi i zametki, 1960—1990; «Evgeniy Onegin»: Kommentariy* [Pushkin: biography of the writer; articles and notes, 1960—1990; "Eugene Onegin": Commentary]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB. 472—762. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (1998). *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin»* [Comments on the novel by Alexander Pushkin "Eugene Onegin"]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, Nabokovskiy fond. 928 p. (In Russ.).

Raynkhardt, R. O. (2020). Rossiya i Meksika: 130 let otnosheniy skvoz' prizmu diplomatii i russkoy poezii [Russia — Mexico: 130 years of relations through the lens of diplomacy and russian poetry]. In: *Iberoamerikanskie tetradi = Cuadernos Iberoamericanos* [Iberoamerican notebooks], *1 (8):* 84—96. (In Russ.).

Skrynnikov, R. G. (1999). *Duel Pushkina* [Duel of Pushkin]. Sankt-Peterburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs. 368 p. (In Russ.).

Vyskochkov, L. V. (2012). *Budni i prazdniki Imperatorskogo dvora* [Weekdays and holidays of the Imperial Court]. Sankt-Peterburg: Piter. 496 p. (In Russ.).

Yurchik, E. E. (2018). Svidetel vosstaniya dekabristov: ispanskiy poslannik Huan Miguel Paes de la Kadena [Witness of the Decembrist uprising: Spanish envoy Juan Miguel Paez de la Cadena]. In: *Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kultur. Tri stoletiya otnosheniy = España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones* [Spain and Russia: diplomacy and dialogue of cultures. Three centuries of relationships]. Moskva: Indrik. 169—174. (In Russ.).

Федорова В. И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков: социально-демографическая динамика / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 477—494. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494.

Fedorova, V. I. (2020). Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX—XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics. *Nauchnyi dialog, 11:* 477-494. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494. (In Russ.).

УДК 94:314.8(571.5)“18/19”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494

Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков: социально-демографическая динамика

© **Федорова Вера Ивановна (2020),** orcid.org/0000-0003-2514-9728, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» (Красноярск, Россия), vi-fedorova@yandex.ru.

Выявляется динамика количественных и качественных изменений в сельском населении Приенисейского края с позиций теории демографической модернизации. Выявляются этапы и особенности демографических процессов в субрегионе, обусловленные его геоэкономическим положением, влияние колонизационного фактора на рождаемость, смертность, брачность, темпы роста населения, изменения демографического поведения крестьянства, его этнический состав. На основе анализа текущей административной статистики, опубликованной губернским статистическим комитетом в ежегодных «Обзорах» губернии и «Памятных книжках», а также материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 года автор приходит к выводам, что аграрные миграции в крае в начале XX века приобрели взрывной характер, в отличие от аналогичного процесса в Западной Сибири, который был растянут во времени. Это привело к тому, что формирование новой демографической модели, характерной для общества модерна, проходило специфично, так как в переселенческой среде доминировали признаки традиционной модели: высокая рождаемость и смертность, большая людность крестьянской семьи, более молодой возрастной состав, интенсивная брачность, редкие семейные разделы.

Ключевые слова: история России; демография России; Енисейская губерния; сельское население; крестьянская колонизация; переселенческая политика.

1. Введение

Изучение взаимовлияния социальных и демографических процессов признается в современной науке одной из актуальных проблем, которая лежит на стыке таких гуманитарных наук, как история, историческая демография, новая социальная история. Динамика численности, структура населения, рождаемость, смертность и миграции являются мощными факторами социальных изменений, формирования особенностей тех или иных социальных феноменов и процессов. Особую остроту эта проблема имеет для изучения общества в переходном состоянии, когда внутри старых социальных структур постепенно

вызревают новые институты, социальные и моральные нормы, определяющие стереотипы поведения различных социальных групп.

В отечественной исторической демографии обозначенная проблема рассматривается через призму теории демографического перехода, получившей фундаментальную разработку в трудах А. Г. Вишневского, Б. Н. Миронова [Вишневский, 1998; Миронов, 2014]. На сибирском материале социально-демографические проблемы на рубеже XIX—XX веков с позиций демографического перехода анализировались в исследованиях В. А. Зверева А. Н. Сагайдачного, Ю. М. Гончарова, В. А. Скубневского, В. А. Исупова [Гончаров и др., 2007; Зверев, 2014; Сагайдачный, 2000]. Однако их утверждения о синхронности этого процесса с европейской частью страны в большей мере основываются на данных по Западной Сибири. Надо отметить, что демографические исследования этого субрегиона очень сильно продвинулись вперед по сравнению с изучением Восточной Сибири. Между тем они имеют весьма существенные различия в динамике и результатах демографических процессов. Поэтому возникает вопрос, насколько обоснованно распространять эти выводы на губернии Восточной Сибири.

В настоящей статье рассматриваются особенности социально-демографической динамики сельского населения Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков под влиянием миграционного фактора. Губерния занимала пограничное положение между западным и восточным субрегионами Сибири, но была слабо связана с ними транспортными и экономическими связями, представляя вполне автономный кластер. Специфика ее положения во многом определяла ее роль и место в колонизационном освоении Сибири русским населением. Территория края долгое время оставалась слабо заселенной, имея после Якутской области самый низкий коэффициент плотности населения в Сибири. Огромный колонизационный потенциал края оставался не раскрытым. Лишь проведение Транссиба резко изменило ситуацию. Начавшееся массовое переселение стало триггером глубоких количественных и качественных изменений в социально-демографической структуре населения губернии.

Их изучению посвящена солидная научная литература. Одним из первых исследований, в котором был дан анализ численности и структуры сельского населения, стала коллективная работа «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» [Материалы…, 1893]. Очерк о сельском населении губернии был написан действительным членом Енисейского губернского статистического комитета В. Ю. Григорьевым. Материалы не утратили своего значения как достоверный источник по социально-экономической проблематике и демографии, несмотря на ряд недостатков методологического характера, свойственных дореволюционной статистике.

В советский период к изучению проблемы обратился известный статистик А. Р. Шнейдер, сделав очерк истории формирования, размещения, динамики численности и этно-социальной структуры населения, начиная с образования губернии и заканчивая 1926 годом. Шнейдер, оперируя данными губернского статистического комитета, убедительно доказал, что рождаемость сельского населения в течение всего пореформенного периода и вплоть до 1926 года имела тенденцию к повышению, обосновав это влиянием миграций [Шнейдер, 1928, с. 19].

В последующие годы советские историки уделяли большое внимание изучению колонизационных процессов в Сибири, однако рассматривали их, главным образом, под углом влияния на социальную дифференциацию крестьянства. В трудах Л. М. Горюшкина, В. А. Степынина, Л. Ф. Склярова, В. Г. Тюкавкина были выявлены различные социальные группы крестьян по обеспеченности землей и рабочим скотом, степень и масштабы применения наёмного труда в различных социальных типах крестьянских хозяйств [Горюшкин, 1976; Скляров, 1962; Степынин, 1962; Тюкавкин, 1966]. Авторы попутно касались вопросов численности и условий демографического воспроизводства крестьянства, заложив предпосылки для более углубленного специального изучения крестьянского населения как предмета исторической демографии.

Следует также отметить исследования В. В. Воробьева, В. М. Кабузана, В. В. Покшишевского, В. И. Пронина, в которых аграрные миграции рассматривались в рамках общих закономерностей социально-демографических процессов на общесибирском материале [Воробьев, 1975; Кабузан, 1979; Покшишевский, 1951; Пронин, 1981].

В последние годы под влиянием актуализации историко-демографической проблематики историки всё чаще обращаются к различным аспектам изучения населения Приенисейского края. В работах Т. А. Кискидосовой, В. И. Федоровой, А. С. Шилиной рассматриваются отдельные социальные, этнические и гендерные группы населения края, но они пока являются лишь фрагментами общей картины социально-демографического развития края, которую еще только предстоит описать [Кискидосова, 2010; Федорова, 2016; Шилина, 2015].

Основным источником исследования является текущая административная статистика численности и естественного движения населения Енисейской губернии, собранная губернским статистическим комитетом, материалы которого фигурировали в ежегодных печатных «Обзорах» губернии и «Памятных книжках». Исключительное значение имеют данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года, опубликованные в 1904 году.

В статье ставится задача выявления динамики количественных и качественных параметров сельского населения Приенисейского края, поскольку именно оно, а не городское определяло ведущие тренды демографии, по которым мож-

но судить об их направленности. Во-первых, потому что крестьянство благодаря активизации аграрных переселений с конца 1890-х годов являлось наиболее динамично растущей группой, составившей к концу изучаемого периода 82,1 % населения края. Во-вторых, оно через внутреннюю миграцию, усилившуюся в начале XX века, оказывало решающее воздействие на численность, структуру и демографическое поведение городского населения.

2. Динамика численности сельского населения

Основной контингент сельского населения Енисейской губернии составляло крестьянство. Близко к нему по образу жизни и ментальности стояли казаки и мещане, которые в общей массе сельского населения составляли 2—3 %. Можно считать оправданным мнение В. А. Зверева о перенесении на эти социальные группы определения «крестьянское население» и рассматривать их в рамках общего типа «демографического и социализирующего поведения» [Зверев, 2014, с. 6].

Анализ динамики численности населения в губернии показывает, что среднегодовой прирост в первые два пореформенных десятилетия составлял 4—5 тыс. человек. Происходил он, главным образом, за счет естественного прироста, колонизационный фактор в первые пореформенные десятилетия не имел решающего значения для воспроизводства населения, давая всего лишь 1/12 часть населения [Материалы …, 1893, с. 98]. Динамика движения переселенцев в губернию в первые пореформенные десятилетия выглядела следующим образом: с 1865 по 1870 годы прибыли — 6867 человек; 1870—1875 — 4408; 1875—1880 — 3562; 1880—1885 — 6045; 1885—1890 — 9028 [Там же, с. 35]. Таким образом, вольные переселенцы в среднем ежегодно увеличивали население края на 1100—1200 человек. Лишь к концу XIX века в связи со строительством Транссиба роль колонизационного фактора заметно возрастает. В итоге доля переселенцев из других губерний выросла в округах, составив мужчин — 30,05 %, женщин — 20,11 %. В целом доля уроженцев других губерний обоего пола составила 26,95 % [Первая Всеобщая перепись …, 1904, т. 73, с. VI].

Гораздо более многочисленную прибавку на раннем этапе давали ссыльнопоселенцы — 2—2,5 тыс. человек в год. Однако большая их часть, как правило, ненадолго оставались на одном месте. При подворных переписях неизменно выявлялось, что на местах оставалась лишь 1/5 ссыльнопоселенцев. Остальные либо уходили по отпускным билетам на прииски, либо пускались в бега или нищенствовали.

Ссыльные слабо влияли на воспроизводство населения, так как не имели моральной мотивации к семейной жизни, да и по своим физическим качествам мало к ней были способны. Смертность среди них вдвое превышала показатель

средней смертности местного населения. Лишь немногие обзаводилась семьями, но, как правило, такие семьи были малодетными. Средняя людность семей ссыльнопоселенцев составляла 1,5 человека [Материалы …, 1893, с. 73].

Активизация переселенческого движения в 1890-е годы резко ускорила темпы роста населения. Ежегодный прирост населения увеличился почти в 4 раза, достигнув 17,5 тыс. человек, или более 3 %, что было существенно выше общероссийских — 1,8—2 % [Рашин, 1956. с. 21]. При этом особенно динамично росло именно крестьянство.

Если сравнивать темпы роста населения в округах (вместе с городами) и крестьян в округах, то мы видим, что там, где доля крестьян в структуре населения выше, там и темпы роста населения округа выше — Ачинский, Канский, Минусинский (табл. 1). Это именно те округа, куда направлялся основной поток переселенцев. Если численность населения в губернии выросла на 76 %, то крестьянское увеличилось на 152,3 %. В целом доля крестьян в составе населения выросла за 1863—1897 гг. с 56 % до 80,12 % в структуре губернского населения.

Таблица 1

Динамика численности населения округов Енисейской губернии*

Округа	1863	1890	1897	Рост %
Енисейский				
Население в округе	44711	54448	67536	51,0
Крестьян в округе	30546	40476	58253	90,7
Красноярский				
Население в округе	64170	92638	99156	54,5
Крестьян в округе	32975	49593	81835	148,2
Канский				
Население в округе	54794	79047	96202	75,5
Крестьян по округу	31735	51206	82410	159,7
Ачинский				
Население в округе	56391	85995	111466	97,7
Крестьян по округу	31177	49957	94229	202,2
Минусинский				
Население в округе	90252	120325	182733	102,5
Крестьян по округу	43786	80897	135729	209,9
Население в губернии	323014	447448	570161	76,0
Крестьян в губернии	181068	272059	456862	152,3

* С учетом городского населения в округах.

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии [по годам] 1871—1897 гг.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г.].

3. Рождаемость и смертность как факторы роста населения

В начале пореформенного периода динамика естественного прироста населения носила консервативный характер: рождаемость и смертность

годами держались в пределах незначительных колебаний. Резкие скачки имели место, но, как правило, они были связаны с форс-мажором: эпидемиями, неурожаями. В целом в 1860—1880 годы рождаемость колебалась в пределах 48—50 на 1 тыс., а смертность составляла 34—36 %. Ежегодно сельское население прибывало в среднем на 3—5 тыс. человек. Такая же консервативная динамика наблюдалась и в первой половине 1890-х годов. Если в Западной Сибири в это время заметно возрастает переселенческий поток, то до Енисейской губернии он доходил лишь слабыми отголосками. При сравнении динамики демографических коэффициентов в Томской и Енисейской губерниях отчетливо видно, что на западе наблюдается резкий всплеск рождаемости, превысивший обычную в 1,3 раза (табл. 2). Его давали переселенцы, которые стремились к увеличению людности семьи, игравшей свою роль в распределении земельных наделов и в перспективе повышавшей обеспеченность крестьянского хозяйства рабочими руками. Но одновременно повышается и смертность. В то время как в Енисейской губернии стрелки демографического барометра как бы застыли на одном уровне.

Таблица 2

Естественное движение сельского населения
в Томской и Енисейской губерниях в конце XIX века

Томская губерния			
Годы	**Рождаемость**	**Смертность**	**Естественный прирост**
1887—1889	48,6	25,5	23,1
1890—1892	48,6	30,0	18,6
1893—1895	63,6	37,1	26,5
Енисейская губерния			
1887—1889	55,1	39,1	16,0
1890—1892	52,1	36,6	15,5
1893—1895	53,9	38,9	15,0

Подсчитано по: [Зверев, 2014, с. 233; Обзор Енисейской губернии [по годам] 1871—1897 гг.].

Анализ данных смертности по возрастным группам показывает, что наибольший ее процент приходился на две группы детского возраста: до 1 года — 40,9 % и от 1 года до 5 лет — 18,7 % [Материалы …, 1893, с. 70]. Таким образом, в зоне риска оказывалось 2/3 всех детей до пяти лет. Основной причиной являлось бедственное положение здравоохранения и крайне низкий санитарный уровень населения. В губернии почти полностью отсутствовала медицинская профилактика, единственной формой которой было оспопрививание, но оно охватывало всего лишь 53 % населения губернии.

4. Половозрастная структура населения

На динамику естественного прироста несомненное влияние оказывал физический тип и половозрастная структура населения. Для Енисейской губернии, как и для всей Сибири, было характерно устойчивое преобладание мужчин. В начале пореформенного периода в губернии на 100 мужчин приходилась 90,2 женщин (табл. 3). При этом довольно большой разброс отмечается по округам: в Красноярском — 86,7; Енисейском — 94,8; Канском — 86,7; Ачинском — 103; Минусинском — 92,9. Это можно объяснить влиянием ссыльнопоселенцев. В тех округах, где их доля была довольно внушительной, гендерный дисбаланс был сильнее выражен. Среди ссыльного контингента на 100 мужчин приходилось 54,7 женщин.

Таблица 3

Соотношение мужчин и женщин в сельском населении Енисейской губернии

Округ	1863			1890			1897		
	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.
Красноярский	28981	25142	86,7	48968	27398	55,9	53182	45974	86,4
Енисейский	19201	18680	94,8	26031	21769	87,6	36044	31492	87,3
Канский	28199	24364	86,7	44185	28883	65,4	53430	42772	80,0
Ачинский	26124	27090	103	45088	79,2	79,2	57293	54173	94,6
Минусинский	44756	41604	92,9	66745	53580	80,2	92174	90559	98,2
В округах губернии	155749	140910	90,5	236621	170762	72,2	265194	242083	91,3
В губернии в целом	169856	153158	90,2	261702	193056	73,8	298968	271193	90,7

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии. [по годам] 1871—1897; Памятная книжка Енисейской губернии 1863—1865].

На понижение доли женщин в 1880-е годы в структуре населения сыграло и увеличение переселенческого потока. После принятия в 1881 и 1889 годах законов, существенно облегчавших условия переселения крестьян из европейской части страны на восточные окраины, переселенческое движение активизировалось. Однако до строительства Транссиба в составе переселенцев в основном преобладал мужской контингент, семейных было мало, так как многомесячное путешествие по Сибирскому тракту требовало от переселенцев невероятного напряжения физических и моральных сил.

Определенное влияние на соотношение полов оказывал сословный состав населения округа. Там, где преобладало крестьянство, отмечается самое сбалансированное соотношение полов. Дело в том, что именно среди крестьянства наблюдалось практически равное соотношение полов, а кое-где женский контингент даже превосходил мужской. Так, в Енисейском, Канском и Ачинском округах оно выражалось в следующей пропорции: на сто крестьян мужского пола приходилось соответственно 101, 102 и 112 женщин. Однако в целом коэффициент соотношения полов в Енисейской губернии был ниже общесибирского — 93,7.

Возрастной состав населения губернии также имел специфику в сравнении как с общероссийскими, так и общесибирскими показателями. Из таблицы видно, что в сельском населении губернии было меньше представителей младшего детского и юношеского возраста (45,65 %) по сравнению с европейскими губерниями, где они составляли практически половину населения — 49,9 % (табл. 4). Зато по доле среднего возраста, среди представителей которого явно лидировали мужчины, жители губернии опережали своих собратьев из коренной России. Это означает, что в структуре населении трудоспособный контингент (от 20 до 49 лет) был выше (37,8 % против 36,3 %, соответственно), что не могло не сказаться положительно на хозяйственном потенциале сибирских крестьян. Более весомой была старшая группа (пятьдесят +), составлявшая 16,42 % против 13,7 % в губерниях Европейской России. Это может рассматриваться как косвенный показатель более высокого уровня жизни сибиряков.

Таблица 4

Распределение населения в сельской местности по возрастам

Возрастные группы	**В округах без городов**				**В сельской местности в 50 губерниях Европейской России %**
	Муж.	**Жен.**	**Обоего пола**	**%**	
От 0 до 1 года	9434	9600	19034	3,75	3,7
От 1года до 9 лет	56580	56730	113310	22,3%	24,6
От 9 до 19 лет	50061	49520	99581	19,6	21,6
От 20 до 29 лет	37000	36263	73263	14,6%	14,9
От 30 до 39 лет	34386	29738	64124	12,6%	12,1
От 40 до 49 лет	29579	24382	53961	10,6%	9,3
От 50 до 59 лет	22999	17380	40379	7,9%	6,7
От 60 до 69 лет	14920	10768	25688	5,14	4,5
От70 до 79	6903	5354	12437	2,45	2,0
80+	3163	2239	5402	1,06	0,5

Подсчитано по: [Первая Всеобщая перепись …, 1904, с. 6—7; Рашин, 1956, с. 265].

Если рассматривать возрастную структуру в гендерном аспекте, то мы видим, что в двух первых возрастных группах (до года и от 1 года до 9) девочки с небольшим отрывом преобладают, но начиная с 3-й когорты идет постепенный разрыв. Сначала небольшой — в 541 человек в группе от 10 до 19 лет, потом он начинает возрастать (737) и держится на максимуме, достигнув 5619 чел. в когорте 50—59 лет. Таким образом, разрыв в самой многочисленной группе среднего возраста между мужчинами и женщинами составляет в среднем 4,5—5,5 тыс. В старших возрастных группах он хотя и сохраняется, но практически сходит на нет. К социальным причинам, объясняющим эту разницу, о которых говорилось выше, можно добавить, что нарастание разрыва в численности между мужчинами и женщинами приходится на то время, когда на женщину падали нагрузки, связанные с рождением детей и ведением семейного хозяйства. Смертность женщин этих возрастов была существенно выше, чем у мужчин.

5. Брачность, семья

Демографическое поведение крестьянства определялось традиционным типом, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных стереотипов. Обычным явлением была ранняя брачность — до 30 лет. На возрастные группы от 15 до 30 лет приходилось браков у мужчин — 83,5 %, а у женщин — 93,2 % [Материалы …, 1893, с. 72]. В среднем на 1 тыс. человек браков в сельской местности приходилось в 1861 году — 8,3; 1870 — 8,4; 1886—1890 годах — 7,3; 1891—1895 — 8,2. Это ниже, чем в европейской части России (8,8), что объясняется отмеченными гендерными диспропорциями. Существенными были различия между мужчинами и женщинами по возрастным группам. Так, почти половина девушек (47,99 %) выходила замуж, не достигнув 20 лет, а семейных мужчин из этой возрастной группы было только 28,4 %. [Обзор …, 1875, с. 50].

Главным мотиватором, побуждавшим крестьян к браку, являлась хозяйственная необходимость, поскольку крестьянское хозяйство носило семейный характер, ведение которого было невозможно без естественного разделения труда между мужчиной и женщиной. Во-вторых, семейная жизнь — важнейшее условие продолжения рода и одновременно увеличения рабочей силы, на которой держалось крестьянское хозяйство. Как сообщал бытописатель Г. Пейзен, минусинские крестьяне старались как можно раньше женить сыновей «для того, чтобы размножить семейство и увеличить работников» [Пейзен, 1903, с. 333]. Не последнюю роль играли аскриптивные нормы поведения, доминировавшие в крестьянстве, согласно которым считалось, что иметь семью означало быть добрым христианином, поскольку брак был освящен церковью.

Хотя преобладающей формой семьи в Сибири, как и по всей России, являлась патриархальная, однако к концу пореформенного периода ее активно начинает вытеснять нуклеарная модель. Несмотря на циркуляр МВД 1886 года, ограничивавший семейные разделы среди крестьян, их количество возрастает. Так, в девяти волостях Минусинского округа в 1874 году ежегодно производилось по 172 раздела, 1875 — уже 182, 1876 — 176, 1877 — 217 [Долидович и др., 2008, с. 54]. Лишь в удаленных уголках губернии, изолированных от внешнего влияния, сохранялись многопоколенные семьи.

Таким образом, социально-демографическая ситуация в Енисейском субрегионе вплоть до конца 1890-х годов характеризовалась относительной стабильностью. Динамика численности населения определялась преимущественно естественным приростом, который слабо регламентировался социально-культурными нормами и был близок к биологическому максимуму. Особенно динамично росло крестьянское население, его темпы роста превышали общегубернские. Высокая рождаемость стимулировалась потребностью в рабочих руках для крестьянского хозяйства, поскольку возможности других способов увеличения производительности крестьянского хозяйства были ограничены. Миграционный фактор на этом этапе пока слабо влиял на демографические процессы.

6. Изменения в демографии под влиянием массовых переселений в начале XX века

Положение меняется на рубеже XIX—XX веков. На этом этапе решающими факторами, определявшими интенсивность переселенческого потока, становятся нарастание аграрного перенаселения в центре страны и проведение Транссиба, заметно облегчившего условия передвижения. Не последнюю роль сыграли голодные 1891 и 1901 годы. Голод 1901 года охватил 17 центральных губерний, миллионы людей. Однако даже и в относительно благоприятные годы земледельческое население постоянно испытывало продовольственный дефицит вследствие неспособности крестьянского хозяйства в условиях малоземелья и низкой агрикультуры обеспечить собственное воспроизводство. Это и гнало миллионы крестьян в Сибирь.

Роль Енисейской губернии как территории, куда направляется переселенческий поток, в начале XX века заметно возрастает, так как в западносибирских губерниях колонизационный фонд уже был близок к исчерпанию. Если в 1891 году в губернию водворились только 1,4 % всех переселенцев, прибывших в Сибирь, то в 1903 году их уже было 16,3 % [Степынин, 1962, с. 95]. По числу прибывших Енисейская губерния занимала третье место, уступая Томской и Тобольской.

Вторая волна переселений обрушилась на губернию в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. За 1906—1914 годы в Енисейской губернии во-

дворились 223 376 переселенцев. Пик переселенческого движения пришелся на 1909—1910 годы, за эти два года водворилось 45 % от общего числа прибывших в губернию. В годы Первой мировой войны интенсивность переселенческого потока резко упала, в целом за 10 лет реформы в губернию переселилось 274 516 человек, что составляет 66,5 % от числа всех переселившихся за 1861—1916 годы [Там же, с. 322].

Массовые переселения привели к резкому росту численности населения губернии. Если в пореформенное время среднегодовой прирост составлял 5—6 тыс. человек, то в последнее десятилетие он превысил 50 тыс. в год. Если главным источником роста населения в 1860—1890 годы являлся естественный прирост, то на завершающем этапе решающим стал миграционный фактор. Механический прирост превысил естественный. В среднем ежегодно в губернии водворялось около 20 тыс. человек. К 1917 году переселенческий контингент составил 56,4 % сельского населения, превысив, таким образом, старожильческое население.

Одновременно выросла рождаемость. В 1910 году в сельской местности она достигла своего пика, составив 60,3 %, что совпадает с пиком притока переселенцев. Максимальных значений достигает естественный прирост, составивший в сельской местности в 1910—1914 21,9 %, что выше обще сибирского показателя — 20,4 %, а также в Западной и Восточной Сибири — 20,9 и 19,0, соответственно [Зверев, 2014, с. 244]. На его увеличение оказало влияние снижение смертности: с 38,2 % до 35,6 % по сравнению с предшествующим периодом. Однако она всё равно превышала общий сибирский показатель — 32,2 %. По-прежнему в XX веке сохранялась высокая детская смертность: до года — 47,4 %, от 0 до 5 лет — 63,7 %.

Таблица 5

Движение населения в Енисейской губернии 1910—1914 годов

Годы	**Численность сельского населения**	**Рождаемость %**	**Смертность %**	**Прирост населения %**
1910	842838	60,3	37,5	22,8
1911	887057	57,2	32,8	24,4
1913	971975	55,5	35,6	19,9
1914	980786	56,8	36,4	20,4
Средняя		57,2	35,6	21,9

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии [по годам] 1910—1915].

Массовое переселение привело к заметному возрастанию доли крестьянства в социальном составе с 56 % (194790) в 1863 году до 82,1 % (931242) в 1915 году, что связано с увеличением масштабов крестьянской колонизации.

Под влиянием массовых переселений к началу Первой мировой войны сокращается диспропорция между мужчинами и женщинами, хотя и незначительно. Если на 1897 году по уездам губернии она составляла 91,3 женщин на 100 мужчин, то к 1913 — 93,0 [Обзор …, 1913, с. 35]. Дело в том, что среди переселенцев на этом этапе стало больше семейных. В годы Первой мировой войны в результате массового призыва мужчин на фронт произошел своеобразный реверс гендерной диспропорции — стало больше женщин и меньше мужчин. В уездах губернии на 100 мужчин в 1915 году насчитывалось 105,7 женщин [Обзор …, 1915, с. 33].

Приток переселенцев положительно повлиял и на брачность, если в предыдущий период она отставала от общероссийских показателей, то в 1905—1910 годах она делает резкий скачок с 8,2 в 1896—1900 годах до 9,7 браков на 1000 человек.

Качественные изменения произошли в этническом составе сельского населения. До начала массовых миграций среди сельского населения преобладали близкородственные в этническом и конфессиональном отношении группы русских, украинцев и белорусов, составлявших 4/5 всего населения. Второй по численности группой являлось коренное тюркоязычное население, социальный облик которого был близок к крестьянскому, хотя и существенно отличался по типу хозяйственной культуры.

Иноэтнический элемент в селе в основном представляли потомки ссыльнопоселенцев, часть которых компактно проживала в ряде поселений. Это поселения финнов, эстонцев, латышей, немцев в Минусинском уезде, водворенных сюда еще в 1850-х годах. В своих селах они сохраняли протестантскую общину, образование на родном языке, некоторые культурные традиции.

Довольно представительную по численности группу составляли поляки, являвшиеся потомками высланных за участие в польском восстании 1863—1864 годов. Среди них преобладали выходцы из литовских и белорусских земель, часть которых ассоциировала себя с католиками и старалась поддерживать свою идентичность. Они в основном проживали в городах, однако значительная их часть, проживавшая в сельской местности, полностью русифицировалась и слилась с сибирскими крестьянами.

Весьма незначительным в сельской местности был контингент еврейского населения. Его представители, как правило, селились в крупных трактовых селах, занимаясь торгово-ростовщическими операциями. Но в целом иноэтнический элемент в сельской местности в XIX веке был настолько незначительным, что не влиял сколько-нибудь существенно на формирование сибирской идентичности местного крестьянства. Выходцы из коренной России уже в первом поколении осознавали себя сибиряками, проводя четкую грань между собой и «рассейскими лапотонами».

Начавшееся массовое движение в Сибирь в годы аграрной реформы привело к усилению доли русского элемента, так как среди переселенцев преобладали в основном выходцы из коренной России. Доля русских в общей массе населения губернии выросла с 82,99 % в 1897 году до 86,8 % в 1913 году. Немного снизилась по сравнению с 1897 годом с 1,04 % до 1 % доля поляков. Незначительно вырос процент еврейского населения: с 0,88 % в 1897 до 0,9 % в 1911 году. Среди столыпинских переселенцев заметную долю стали составлять выходцы из Прибалтики и западно-русских земель, их доля выросла до 1,3 % [Памятная книжка, 1913, с. 187]. В конфессиональном отношении преобладало православное население (95,88 %), на другие христианские конфессии приходилось 1,76 %, на мусульман — 0,88 %, иудеев — 1,08 %.

К важнейшим аспектам социально-демографической динамики относятся показатели грамотности населения. Уровень грамотности сельского населения в губернии в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно. К началу 1890-х годов по четырем округам (Красноярский, Канский, Минусинский и Ачинский) он составил 6,5 %. Среди мальчиков — 11,2 %, девочек — 1,6 %. Это было меньше, чем в соседней Иркутской губернии — 8,1 % [Материалы …, 1893, с. 3]. На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось — 43, Ялуторовском округе Тобольской губернии — 38, Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии — 44, а в Енисейской губернии — 31. К концу XIX века грамотность крестьян в губернии выросла, составив 10,3 %, превысив общесибирский показатель (9,5 %), но в то же время заметно уступая уровню грамотности сельского населения в европейской части — 19,1 % (в целом по России 17,4 %). Старожилы губернии уступали в грамотности новоселам и переселенцам. Так, среди первых уровень грамотности составлял 9,8 %, тогда как у новоселов — 12,1 %, переселенцев — 14,3% [Памятная книжка, 1913, с. 186].

7. Заключение

Подводя итоги социально-демографических изменений в сельском населении Енисейской губернии в XIX—XX веках, можно выделить два этапа: 1) от отмены крепостного права до постройки Транссиба; 2) с конца 1890-х до 1917 года. Первый характеризуется устойчивой динамикой демографических процессов, характерной для традиционного крестьянского уклада. На втором наблюдается резкое их ускорение под воздействием массового переселенческого движения. В переселенческой среде формируется специфическая демографическая модель, для которой характерна высокая рождаемость и высокая смертность, большая людность крестьянской семьи, более молодой возрастной состав, интенсивная брачность, редкие семейные разделы, то есть она ближе к традиционной демографической модели. В по-

следнее десятилетие рождаемость в губернии превышала средние показатели по Сибири (52,6 %), составив 57,2 %, так же, как превышала общие сибирские показатели и смертность в губернии — 35,8 %, против сибирского — 32,9 % [Зверев, 2014, с. 237].

Демографическая модель, характерная для переселенцев, распространялась и на старожилов. Поэтому можно говорить об определенной архаизации социально-демографических трендов в деревне. Стремление ряда современных исследователей усмотреть признаки демографического перехода в Сибири в начале XX века можно квалифицировать как попытку выдать желаемое за действительное. Факт снижения рождаемости и смертности имел место преимущественно в Западной Сибири, но и там он не стал необратимой тенденцией, потому что не был связан с глубокими качественными изменениями в социально-экономическом положении крестьянского хозяйства. Чтобы они произошли, необходимо было кардинальное изменение материально-технической базы крестьянского хозяйства, что позволило бы меньшими трудовыми затратами поддерживать необходимый жизненный уровень для крестьянской семьи и привело бы к снижению ее людности. Вторым условием был рост грамотности и культуры населения. И то и другое как тенденция имело место в царской России, но динамика этих процессов была очень слаба даже в центре страны, не говоря об ее окраинах, к которым относилась Сибирь. России как стране периферийного капитализма была свойственна своеобразная асимметрия модернизации и архаизации, и динамика процессов, в том числе и социально-демографических, развивалась по формуле «шаг вперед, два шага назад».

Источники

1. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.

2. *Обзор* Енисейской губернии за 1875 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1876. — 52 с.

3. *Обзор* Енисейской губернии за 1887 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1888. — 39 с.

4. *Обзор* Енисейской губернии за 1887 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1889. — 38 с.

5. *Обзор* Енисейской губернии за 1890 г. – Красноярск: Типография губернского правления, 1891. — 48 с.

6. *Обзор* Енисейской губернии за 1910 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1911. — 84 с.

7. *Обзор* Енисейской губернии за 1911 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1912. — 68 с.

8. *Обзор* Енисейской губернии за 1913 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1914. — 81 с.

9. *Обзор* Енисейской губернии за 1914 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1915. — 82 с.

10. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1865. — 314 с.

11. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Т. 73 : Енисейская губерния. 1904. — 185 с.

Литература

1. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — Москва : ОГИ, 1998. — 432 с.

2. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, 1975. — 259 с.

3. *Гончаров Ю. М.* Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири / Ю. М. Гончаров // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. — Усть-Каменогорск : Либриус, 2009. — 432 с.

4. *Горюшкин Л. М.* К характеристике народонаселения Сибири периода империализма / Л. М. Горюшкин // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Новосибирск : Наука, 1975. — С. 75—89.

5. *Долидович О. М.* Женщины Сибири во второй половине XIX — начале XX века (демографический, социальный, профессиональный аспекты) / О. М. Долидович, В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2008. — 232 с. ISBN 978-5-85984-288-2.

6. *Зверев В. А.* Люди детные : воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода : монография / В. А. Зверев. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2014. — 278 с. ISBN 978-5-00023-048-0.

7. *Исупов В. А.* К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири / В. А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 1. — С. 12—16.

8. *Кабузан В. М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX вв. / В. М. Кабузан // История СССР. — 1979. — № 3. — С. 22—38.

9. *Кискидосова Т. А.* Смертность городского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / Т. А. Кискидосова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : [б. и.], 2010. — С. 537—540.

10. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2014—2015. — Т. 1. — 896 с.

11. *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии / Г. Пейзен // Живая старина. — Санкт-Петербург, 1903. — Выпуск 3. — С. 297—357.

12. *Покишишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Покишишевский. — Иркутск : Иркутское обл. гос. издательство, 1951. — 208 с.

13. *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) / В. И. Пронин // История СССР. — 1981. — № 4. — С. 50—69.

14. *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / А. Н. Сагайдачный. — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии, 2000. — 142 с. ISBN 5-7803-0056-9

15. *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. — 588 с.

16. *Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2003. — 359 с. ISBN 5-7904-0291-7

17. *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. — Красноярск : [б. и.], 1962. — 565 с.

18. *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. — 471 с.

19. *Федорова В. И.* Енисейская губерния 1861—1917 : Экономика. Общество. Культура / В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2016. — 342 с.

20. *Шилина А. С.* Население Восточной Сибири накануне и во время Первой мировой войны : гендерное соотношение / А. С. Шилина // Вестник Крас. ГАУ. Социально-экономические и гуманитарные науки. — 2015. — № 3. — С. 24—28.

Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX—XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics

© **Vera I. Fedorova (2020),** orcid.org/0000-0003-2514-9728, Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), vi-fedorova@yandex.ru.

The dynamics of quantitative and qualitative changes in the rural population of the Yenisei region is revealed from the standpoint of the theory of demographic modernization. The stages and features of demographic processes in the subregion, due to its geo-economic position, the influence of the colonization factor on fertility, mortality, nuptiality, population growth rates, changes in the demographic behavior of the peasantry, and its ethnic composition are revealed. Based on the analysis of the current administrative statistics published by the provincial statistical committee in the annual “Reviews” of the province and “Commemorative books”, as well as the materials of the First All-Russian Population Census of 1897, the author comes to the conclusion that agrarian migrations in the region at the beginning of the 20th century acquired an explosive character, in contrast to a similar process in Western Siberia, which was extended over time. This led to the fact that the formation of a new demographic model, characteristic of modern society, took place in a specific way, since the features of the traditional model dominated in the resettlement environment: high birth rates and mortality, a large population of the peasant family, a younger age composition, intensive marriage, rare family divisions.

Key words: history of Russia; demography of Russia; Yenisei province; rural population; peasant colonization; resettlement policy.

Material resources

Materialy po issledovaniyu zemlepolzovaniya i khozyaystvennogo byta selskogo naseleniya Irkutskoy i Yeniseyskoy guberniy. Yeniseyskaya guberniya [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province]*, IV (2)*. (1893). Irkutsk: Tipografiya K. I. Vitkovskoy. 129 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1875 g [Review of the Yenisei province for 1875]. (1876). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 52 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1887 g [Review of the Yenisei province for 1887]. (1888). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 39 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1887 g [Review of the Yenisei province for 1887]. (1889). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 38 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1890 g [Review of the Yenisei province for 1890]. (1891). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 48 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1910 g [Review of the Yenisei province for 1910]. (1911). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 84 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1911 g [Review of the Yenisei province for 1911]. (1912). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 68 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1913 g [Review of the Yenisei province for 1913]. (1914). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 81 p. (In Russ.).

Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1914 g [Review of the Yenisei province for 1914]. (1915). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 82 p. (In Russ.).

Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii na 1865 i 1866 gg [Memorial book of the Yenisei province for 1865 and 1866]. (1865). Sankt-Peterburg: Tipografiya K. Vulfa. 314 p. (In Russ.).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g [The First General population census of the Russian Empire in 1897], *73*. (1904). Sankt-Peterburg: izdaniye Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del: Yeniseyskaya guberniya. 185 p. (In Russ.).

References

Dolidovich, O. M., Fedorova, V. I. (2008). *Zhenshchiny Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka (demograficheskiy, sotsialnyy, professionalnyy aspekty)* [Women of Siberia in the second half of the XIX — early XX century (demographic, social, professional aspects)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astafeva. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-85984-288-2.

Fedorova, V. I. (2016). *Eniseyskaya guberniya 1861—1917: Ekonomika. Obshchestvo. Kultura* [Yenisei province 1861—1917: Economy. Society. Culture]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astafyeva. 342 p. (In Russ.).

Goncharov, Yu. M. (2009). Nachalnyy etap demograficheskogo perekhoda v gorodakh Zapadnoy Sibiri [Initial stage of demographic transition in the cities of Western Siberia]. In: *Etnodemograficheskiye protsessy v Kazakhstane i sopredelnykh territoriyakh* [Ethnodemographic processes in Kazakhstan and neighboring territories]. Ust'-Kamenogorsk: Librius. 432 p. (In Russ.).

Goryushkin, L. M. (1975). K kharakteristike narodonaseleniya Sibiri perioda imperializma [To the characteristics of the population of Siberia during the imperialist period]. In: *Voprosy istorii sotsialno-ekonomicheskoy i kulturnoy zhizni Sibiri* [Questions of the history of socio-economic and cultural life of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 75—89. (In Russ.).

Isupov, V. A. (2010). K voprosu o nachale protsessa demograficheskogo perekhoda v Zapadnoy Sibiri [On the issue of the beginning of the demographic transition process in Western Siberia]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], *1:* 12—16. (In Russ.).

Kabuzan, V. M. (1979). Zaseleniye Sibiri i Dalnego Vostoka v kontse XVIII — nachale XX vv. [Settlement of Siberia and the Far East in the late XVIII-early XX centuries]. *Istoriya SSSR* [USSR history], *3:* 22—38. (In Russ.).

Kiskidosova, T. A. (2010). Smertnost' gorodskogo naseleniya Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Mortality of the urban population of the Yenisei

province in the second half of the XIX-early XX centuries]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy yezhegodnik* [Irkutsk historical and economic Yearbook]. Irkutsk: [b. i.]. 537—540. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2014—2015). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]*, 1*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 896 p. (In Russ.).

Peyzen, G. (1903). Etnograficheskiye ocherki Minusinskogo i Kanskogo okrugov Yeniseyskoy gubernii [Ethnographic sketches of the Minusinsk and Kansk districts of the Yenisei province]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], *3*. Sankt-Peterburg. 297—357. (In Russ.).

Pokshishevskiy, V. V. (1951). *Zaseleniye Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Settlement of Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk: Irkutskoye obl. gos. izdatelstvo. 208 p. (In Russ.).

Pronin, V. I. (1981). Naseleniye Sibiri za 50 let (1863—1913 gg.) [Population of Siberia for 50 years (1863—1913)]. *Istoriya SSSR* [USSR history]*, 4:* 50—69. (In Russ.).

Sagaydachnyy, A. N. (2000). *Demograficheskiye protsessy v derevne Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v* [Demographic processes in the village of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arkheologii i etnografii. 142 p. (In Russ.). ISBN 5-7803-0056-9.

Shilina, A. S. (2015). Naseleniye Vostochnoy Sibiri nakanune i vo vremya Pervoy mirovoy voyny: gendernoye sootnosheniye [Population of Eastern Siberia before and during the First world war: gender ratio]. *Vestnik Kras.GAU. Sotsialno-ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Krasnoyarskogo GAU. Socio-economic and humanitarian Sciences]*, 3:* 24—28. (In Russ.).

Sklyarov, L. F. (1962). *Pereseleniye i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 588 p. (In Russ.).

Skubnevskiy, V. A., Goncharov, Yu. M. (2003). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Cities of Western Siberia in the second half of the XIX-early XX centuries]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 359 p. (In Russ.). ISBN 5-7904-0291-7

Stepynin, V. A. (1962). *Kolonizatsiya Yeniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: [b. i.]. 565 p. (In Russ.).

Tyukavkin, V. G. (1966). *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of October]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 471 p. (In Russ.).

Vishnevskiy, A. G. (1998). *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble: Conservative modernization in the USSR]. Moskva: OGI. 432 p. (In Russ.).

Vorobyev, V. V. (1975). *Formirovaniye naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Formation of the population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 259 p. (In Russ.).

Zverev, V. A. (2014). *Lyudi detnyye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda: monografiya* [Children's People: reproduction of the population of the Siberian village at the end of the Imperial period: monograph]. Novosibirsk: Izdatelstvo NGPU. 278 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00023-048-0.

Анабарский регион Якутии в XX — в начале XXI веков: особенности этнокультурного ландшафта / В. В. Филиппова, Л. И. Винокурова, Я. М. Санникова, Н. Е. Захарова, А. Е. Местникова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 495—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-495-508.

Filippova, V. V., Vinokurova, L. I., Sannikova, Ya. M., Zakharova, N. E., Mestnikova, A. E. (2020). Anabar Region of Yakutia in the XX — Early XXI Centuries: Characteristics of the Local Cultural Landscape. *Nauchnyi dialog, 11:* 495-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-495-508. (In Russ.).

УДК 911.53(571.56-17)“19/20”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-495-508

Анабарский регион Якутии в XX — в начале XXI веков: особенности этнокультурного ландшафта

© **Филиппова Виктория Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0002-3900-918X, Researcher ID M-6988-2016, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), filippovav@mail.ru.
© **Винокурова Лилия Иннокентьевна (2020),** orcid.org/0000-0002-5779-6893, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), lilivin@mail.ru.
© **Санникова Яна Михайловна (2020),** orcid.org/0000-0002-7430-8783, Researcher ID J-5862-2018, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), sannikowa@mail.ru.
© **Захарова Наталия Егоровна (2020),** orcid.org/0000-0002-5354-6862, Researcher ID K-1573-2018 кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), zakharova_nataly@mail.ru.
© **Местникова Акулина Егоровна (2020),** orcid.org/0000-0003-4973-8375, Researcher ID E-9989-2019, кандидат социологических наук, доцент кафедры социокультурных инноваций и технологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта» (Чурапча, Россия), linamestnikova@gmail.com.

Рассматриваются особенности этнокультурного ландшафта Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса Республики Саха (Якутия). Уделено внимание основным составляющим культурных ландшафтов: локальным сообществам и традиционному хозяйству. На исследуемой территории проведенный ретроспективный анализ позволил выявить динамику численности и расселения жителей, констатировать современное функционирование двух сельских локальных сообществ: Саскылахского и Юрюнг-хаинского. Утверждается, что устойчивость и сохранность традиционных отраслей хозяйства обусловлены адаптацией местного населения к природным ландшафтам. Отмечается, что на протяжении XX — начала XXI веков традиционные хозяйственные занятия коренного населения, представленного разными этносами, исконно заселявшими

территорию улуса, остались неизменными и, несмотря на все социально-экономические трансформации, остаются жизненно важными и едиными для анабарцев. Представлены результаты анализа социологического опроса и ассоциативного эксперимента, выявивших особенности лингвистического ландшафта рассматриваемого района в зависимости от разных пластов самосознания: внешнего, с преобладанием русскоязычного текста в лингвистическом облике исследуемых поселений; индивидуального, с преобладанием якутского языка в межгрупповом общении; и подсознательного, выявившего доминирование долганских культурных кодов. Установлено, что культурный ландшафт Анабарского улуса представляет собой результат многовекового взаимодействия коренных этносов, населяющих данный район: долган, эвенков, якутов и русских.

Ключевые слова: культурный ландшафт; долганы; эвенки; якуты; русские; Анабарский улус; Якутия.

1. Введение

Особая актуальность анализа природно-исторических, социально-экономических и культурных процессов, осмысления эволюции и состояния региональных сообществ в Российской Арктике обусловлена стратегическими приоритетами современной государственной политики. В этом свете несомненны важность антропологического измерения геокультурного пространства арктических территорий Федерации и необходимость изучения, с проекцией на практическое применение, успешного опыта адаптации коренных народов к экстремальным условиям северных широт. Проводимые исследования должны носить комплексный междисциплинарный характер, что позволит оценить современное состояние локальных этнических сообществ, потенциал и перспективы их устойчивого развития в новых условиях.

Исследования особенно актуальны для регионов, характеризующихся разнообразием этнокультурных ландшафтов. Одним из таких регионов является Хатанго-Анабарский регион, состоящий из одноименных районов двух субъектов РФ: Красноярского края и Республики Саха (Якутия). Исторически сложившаяся уникальность данного региона, по мнению авторов, связана с происхождением долганского этноса и особенностями взаимодействия культур многих народов, освоивших эту северную периферию: эвенков, якутов, нганасан, русских и т. д. Здесь мы рассматриваем характеристики этнокультурного ландшафта Анабарского улуса, являющегося частью Хатанго-Анабарского региона. Учитывая особенности данного пространства, в котором репрезентируется историко-культурная среда нескольких этносов, мы используем термин регион в отношении территории улуса.

В настоящей статье изложены результаты исследования, проводимого при поддержке РФФИ (проект 20-09-00257А). Территория бассейна реки Анабар до сих пор остается малодоступным, но притягательным объектом для научных исследований. Своеобразие региона обусловлено не только географическим положением у берегов Северного Ледовитого океана, природными ландшафтами тундры и лесотундры, но и этническим составом

населения. Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район) является единственным ареалом, а с. Юрюнг-Хая — единственным населенным пунктом компактного проживания долганского этноса на территории Республики Саха (Якутия). Долганы на рассматриваемой территории официально появились только после переписи 1989 года, вопрос их происхождения дискутируется до настоящего времени. Коренными этносами района, кроме долган, считаются эвенки, якуты, русские. Они составляют особую группу этносов, сформировавших в ходе адаптации к местным суровым условиям и взаимодействия друг с другом на протяжении веков особенный культурный ландшафт региона.

Материалами для исследования послужили неопубликованные материалы, выявленные в государственных и региональных архивах, текущих архивах учреждений и организаций; опубликованные источники представлены данными статистического учета населения, отчетов и информации, размещенной на официальных сайтах; картографические материалы, состоящие из топографических карт, карт оленьих пастбищ и внутрихозяйственного охотустройства, карт особо охраняемых природных территорий и т. п.; а также полевые материалы, собранные в Анабарском районе во время экспедиции в сентябре 2020 года, включающие результаты социологического опроса и психолингвистического ассоциативного эксперимента.

2. Локальные этнокультурные сообщества Анабарского региона

В 1920-е годы в результате образования Якутской АССР рассматриваемый район был в составе Хатанго-Анабарского района Булунского округа и состоял из трех наслегов: Якутского, Дулганского и Хатангского. Всего на этой территории в середине 1920-х годов проживало 1444 чел. Современная территория Анабарского улуса охватывала территорию так называемого “Якутского” наслега, в котором проживало 669 чел. в 123 хозяйствах. В этническом составе жителей наслега преобладали якуты — 90,6 %, долганы — 6,4 % и русские — 3,0 % [НА РС(Я), ф. 50, оп. 1, д. 2212, л. 2]. В итоговых результатах переписи населения 1926—1927 годов долганы Хатанго-Анабарского региона были учтены как якуты и включены в состав якутов. Общая численность якутов и долган составила 1097 чел. [Там же, ф. 70, оп. 1, д. 427, л. 21].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в результате изменений внешней границы Якутской АССР из Хатанго-Анабарского района бассейн реки Хатанга отошел Красноярскому краю, а в составе республики остался Анабарский район в составе трех наслегов: Анабарского, Джессейского и Саскылахского. В 1934 году в районе проживало 923 чел. Интересно, что в этническом составе по сравнению с данными 1920-х годов здесь преобладали эвенки — 92,5 %. Удельный вес якутов составлял 5,0 % [Там же, ф. Р-499, оп. 3, д. 121, л. 17]. По данным

переписи 1939 года, крупными населенными пунктами были современный районный центр, село Саскылах — 393 чел., пос. Нордвик-строй — 493 чел., село Тостуя — 125 чел., село Буор-Юрях — 87 чел. В нынешнем центре Юрюнг-Хаинского наслега в одноименном селе проживало 46 чел. В других 33 поселениях людность населения колебалась от 2 до 39 чел. Всего в 1939 году в Анабарском районе проживало 1783 чел., в том числе в Анабарском наслеге — 1039, Джессейском — 206, Саскылахском — 538 [РГАЭ, ф. 9570, оп. 5, д. 166, л. 6].

Перепись 1959 года зафиксировала в рассматриваемом районе 1413 чел. в двух наслегах — Анабарском и Саскылахском. Джесейский наслег (центр с. Уджа) был ликвидирован в 1954 году. Подавляющее большинство населения записано якутами. Это связано с тем, что в 1950-е годы в результате развернувшейся научной дискуссии об этнической принадлежности населения Северо-Западной Якутии, в состав которой территориально входит и Анабарский район, было установлено, что население региона представлено особой этнической группой якутов, основным хозяйственным занятием которой являлось оленеводство [Гурвич, 1950, с. 150—168]. Результаты научных исследований об этнической принадлежности района также повлияли и на записи последующих переписей населения: в Списках народностей СССР, составленных АН СССР для Всесоюзных переписей населения, территорией проживания долган был указан толькоТаймырский национальный округ Красноярского края [ГАРФ, ф. 7523, оп. 9, д. 179, л. 48].

Всесоюзные переписи населения 1970-х годов также фиксировали на территории двух наслегов Анабарского района якутов, удельный вес которых составлял более 90 % от общей численности населения. Численность всего населения на территории района в 1970 году была 1902 чел., в 1979 — 2180 чел. Процесс укрупнения населенных пунктов и создание совхозов повлияли и на количество населенных пунктов. На территории Анабарского района население сконцентрировалось в районном центре, селе Саскылах — 863 чел. (1970), 1534 чел. (1979); в с. Юрюнг-Хая — 329 чел. (1970) и 668 чел. (1979). В рассматриваемый межпереписной период исчезли такие населенные пункты, как Халганнах, Халанча, Коча, Доруоха, в которых располагались отделения совхоза.

Перепись 1989 года впервые зафиксировала долган на территории Якутской АССР в количестве 408 чел., при этом в опубликованных результатах данной переписи в Анабарском районе долганы не были показаны вовсе. Это тем более странно, так как в материалах 1986 года в районе было отмечено 46 долган. Впоследствии численность долган улуса только увеличивалась: в 1991 году — 934, 1995 — 875 чел., 1999 — 893 чел. [Некоторые …, 1999]. Появление долган на этнической карте Якутии было состоялось в контексте работ по восстановлению национальности «долган», начавшихся еще в начале 1980-х годов. Данный период также характеризуется увеличением

численности населения Анабарского района. За 1979—1989 межпереписной период численность возросла почти в 2 раза и составила 3954 чел. Рост населения произошел за счет появления в 1984 году нового наслега — Эбеляхского, где проживало 216 чел. В состав наслега входили два населенных пункта: Амакинский и Эбелях. Оба поселения были связаны с геологоразведкой и добычей алмазов. Поселок Амакинский упразднили в 1999 году в связи с фактической утратой функций и значения поселений, отсутствием постоянных жителей. Причиной ликвидации села Эбелях стало закрытие действовавшего в селе в 1999—2007 годах Анабарского ГОК. Позднее территория с. Эбелях вошла в состав Саскылахского наслега.

Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 годов в Анабарском улусе зафиксировали дальнейший рост удельного веса долган (24,5 % и 42,3 %) и эвенков (14,0 % и 22,7 %) в общей численности населения. Этому способствовали присвоение району (улусу) статуса «национальный (долгано-эвенкийский)», а наслегам: Саскылахскому — национальный эвенкийский, Юрюнг-Хаинскому — национальный долганский. За период с 2002 по 2010 годы наблюдалось сокращение численности населения улуса с 4024 чел. до 3501 чел., что было связано с ликвидацией с. Эбелях. В двух других сельских поселениях, наоборот, наблюдался рост численности населения: в райцентре с. Саскылах в 2002 году проживало 1985 чел., а в 2010 году — 2353 чел.; в с. Юрюнг-Хая 1051 и 1148 чел., соответственно.

Анализ данных, собранных в ходе полевых работ 2020 года, также показал рост численности населения за последние десять лет. Так, количество жителей села Саскылах увеличилось на 67 чел. и составило 2420 чел., села Юрюнг-Хая — на 68 чел. и составило 1216 чел. В удельном весе саскылахцев преобладают коренные малочисленные народы Севера — 69,3 %. Их распределение по этническому составу выглядит следующим образом: эвенки — 30,9 %, долганы — 27,7 %, эвены — 10,3%, юкагиры — 0,4 %. Доля якутов в общей численности населения с. Саскылах составляет 25 %. В этнической структуре с. Юрюнг-Хая преобладают долганы — 74,2 % и якуты — 19,7 %, удельный вес тунгусоязычных представителей (эвенков и эвенов) составляет всего 2,5 %.

Таким образом, в Анабарском улусе можно выделить два сельских локальных сообщества: Саскылахское и Юрюнг-Хаинское. Данные сообщества характеризуются внутрирайонной идентификацией по этнической принадлежности как эвенкийский и долганский.

3. Традиционные хозяйственные занятия коренного населения

Связь традиционного природопользования коренных народов Севера с географическим ландшафтом — одно из важнейших направлений иссле-

дований в отечественной науке, где подчеркивается важность его сохранения. Исследователи обращают внимание на то, что с постепенным исчезновением традиционного природопользования уходит бесценный исторический опыт экологической культуры, как следствие, распадаются социальные структуры, формирующие традиционное общество.

Традиционные хозяйственные занятия коренного населения Анабарского улуса Якутии, один из показателей в системе исследуемого культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона, являются исторически сложившейся основой традиционного образа жизни коренных этносов. Естественными хозяйственными занятиями для природных условий этой арктической территории со времен заселения были тундровое разведение оленей, рыболовство и охота. Регион населяли исконные оленеводы, они содержали оленей в большом количестве, использовали их как средства передвижения для перекочевок, для охоты на пушных зверей, для рыболовства на многочисленных озерах и реках анабарской тундры. Летом собирали дикоросы (голубицу и морошку), птичьи яйца, добывали гусей и уток, а зимой — куропаток [Анабарский улус, 2005, с. 66]. По данным экспедиции П. В. Слепцова, в современных границах Анабарского района в конце 1920-х годов у местного населения в 123 хозяйствах было более 8000 голов оленей [НА РС(Я), ф. 50, оп. 1, д. 2212, л. 11, 14, 16]. В рыболовстве преобладала добыча озерного чира, и на реках добывали муксун, омуль, нельму, также чир и др. Ко времени создания Анабарского района Якутии коренное население, ведущее кочевой образ жизни тогда еще на территории единого края, жило благодаря исторически сложившейся промыслово-оленеводческой деятельности комплексного северного хозяйства.

В советский период государственная политика экономического развития Севера, в том числе Анабарского района, вынуждала традиционное хозяйство испытать все трансформационные процессы как в самой организационной системе хозяйствования, так и в целом в исконно сложившемся укладе жизни коренного населения. В начале 1930-х годов местное население кочевало тремя локальными группами: Джессейской, Саскылахской, Анабарской — в пределах выделенных территорий наслегов. С 1932 года в районе начался процесс реализации политики коллективизации. Были вначале организованы четыре товарищества, объединившие кочевые личные хозяйства, занимающиеся разведением домашних оленей. В 1940 году товарищества были реорганизованы в колхозы: в Анабарском наслеге — «Красная звезда» и имени Ворошилова, в Саскылахском — «Кузница оленевода», в Джессейском — имени Челюскина. В военные годы результаты традиционной хозяйственной деятельности, как и по всей стране и республике, служили приближению мирной жизни, например, были сданы государству

17 166 шкурок белого песца, и в 1942 году по заказу Дальстроя в Аллах-Юнь Усть-Майского района были перегнаны 9000 голов оленей, что было сверхдальним перегоном в условиях Крайнего Севера. В 1950-е годы традиционные отрасли развивались в рамках двух укрупненных колхозов — имени Ленина и имени Ворошилова, — именно в это колхозное десятилетие анабарские труженики стали известны на весь Советский Союз [Анабарский улус, 2005, с. 107—109]. В 1954 году бригадир Илья Спиридонов стал первым в Союзе оленеводом, получившим звание Героя Труда.

В совхозный период, начиная с 1961 года и до 1983, традиционные отрасли развивались в системе совхоза «Анабарский». Поголовье оленей с 21 700 голов увеличилось до 23 000 голов. В 1983 году произошло разукрупнение совхоза района, Юрюнг-Хаинское отделение стало самостоятельным совхозом «Северный». В 1991 году общее поголовье оленей составляло 25 024 головы [Там же].

В первый постсоветский период трансформации традиционное хозяйство Анабара оставалось, по сравнению с другими арктическими районами Якутии, относительно благополучным в том плане, что спад поголовья оленей был одним из низких в республике. Тем не менее анабарские хозяйства потеряли 28,9 % поголовья оленей, в основном в двух муниципальных унитарных предприятиях — «Арктика» и имени Героя Труда И. К. Спиридонова, организованных на базе двух совхозов [Санникова, 2020, с. 234—242].

В так называемый модернизационный период 2000-х годов были закреплены концептуально на районном уровне хозяйственные позиции коренного населения и ценность традиционных отраслей Севера в лице муниципального руководства и активно настроенной общественности коренных малочисленных народов Севера. И в 2010-е годы в муниципальных программных документах Анабарского улуса достаточно четко утверждается, что хозяйственное значение представляют только традиционные отрасли — домашнее оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы — первооснова выживания, возрождения и развития малочисленных народов Севера; подчеркнуто, что базовая отрасль экономики улуса является основой традиционного уклада жизни и сферой занятости коренных народов улуса [Муниципальная программа …, 2019].

На данном этапе можно говорить о том, что главное направление традиционного хозяйства коренного населения Анабара — домашнее оленеводство — занимает ведущее место в социально-экономическом развитии района. По состоянию на 2019 год общее поголовье оленей в улусе насчитывается 18050 голов. На сегодня хозяйствующими субъектами оленеводческого направления являются МУП «Арктика» и МУП имени Героя Спиридонова, кочевые родовые общины «Большой Бегичев», «Сэдэмэ», «Балыксыт». В улусе рыбопромысловые участки получили 3 хозяйства: Родовая община

«Уелэ», ММУП имени Н. Е. Андросова, ИП Корякин А. А.; охотничьим промыслом занимаются все 14 хозяйств улуса: 3 муниципальных предприятия, 5 кочевых родовых общин и 4 индивидуальных предпринимателя в сельском хозяйстве [Там же].

В целом коренному населению удалось сохранить и продолжать развивать традиционные отрасли хозяйства и землепользование Анабарского улуса, за исключением песцового промысла. На сегодня местное население сумело сохранить оленьи пастбища и охотничьи угодья, которые на фактическом уровне распределены между хозяйствующими субъектами. Дополнительной защитой выступает оформление территории Анабарского улуса в качестве территории традиционного природопользования и наличие особо охраняемых природных территорий.

Традиционные хозяйственные занятия коренного населения, представленного разными этносами, исконно заселявшими территорию улуса, остались неизменными и, несмотря на все социально-экономические трансформации, остаются жизненно важными и едиными для анабарцев. При этом в пределах выделенных локальных сообществ юрюнгхаинцев и саскылахцев наблюдаются свои уникальные особенности в сохранении и развитии традиционного хозяйственного уклада жизни, что станет предметом дальнейшего исследования.

4. Лингвистический ландшафт и этнокультурная самоидентификация населения Анабарского региона

Изучение лингвистического ландшафта как способа выявления особенностей сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве полиэтнического района, каковым является Анабарский улус, является одним из эффективных способов исследования динамики национально-культурной самоидентификации населяющих данный район этносов. Объектом исследования, результаты которого представлены в данном разделе, является лингвистический ландшафт двух населенных пунктов: Анабарского улуса — с. Саскылах и с. Юрюнг-Хая, — этнокультурная специфика которых обусловлена многовековым сосуществованием долган, эвенков, якутов, русских и др.

На первом этапе исследования проведен анализ лингвистического ландшафта данных поселений через идентификацию информативных и символических функций лингвистических знаков в публичном пространстве. Лингвистический облик обоих поселков характеризуется преобладанием русского языка, если принимать во внимание эргонимы, вывески, указатели улиц, рекламные щиты, режим работы магазинов: *Алмаз, Лидер, Карат, Фаворит* и др. Тексты вывесок с наименованиями органов местного само-

управления и государственных учреждений оформлены на государственных языках Республики Саха (Якутия) — якутском и русском. В результате полевых исследований в Анабарском районе выявлено, что якутский в качестве языка общения используется здесь большинством населения (69,7 %), однако было обнаружено только два названия вывесок на якутском языке: *Астык, Кэскил*, а также несколько постеров и объявлений рекламного характера. Языковой дисбаланс (преобладание русскоязычной информации в якутоязычном обществе, отсутствие наименований на языках местного населения, ср. ситуацию с функционированием названия этнокультурного центра, единственного наименования на долганском языке — *Хейро*[1]) частично восполняется другой визуальной этноинформацией. Все общественные места, детские образовательные учреждения, культурные центры оформлены в национальном стиле: везде можно встретить северные орнаменты, изображения символов Арктики — северного сияния и оленей, которые можно отнести к положительным факторам в формировании этнической идентичности.

Второй этап исследования включает результаты проведенного социологического опроса среди населения Анабарского района. На вопрос «Что прежде всего определяет Вашу национальность?» ответы респондентов распределились следующим образом: культура и традиции моего народа — 60,2 %, родной язык — 26,9 %, история и территория — 10,4 %. Маркер «родной язык» на первое место поставили только представители якутской национальности — 61,7 %; «культура и традиции» — 56,7 % эвенков, 73,8 % долган, 69,2 % эвенов. На основе данных проведенного социологического исследования можно сделать вывод, что в Анабарском районе Якутии роль культуры и традиций в процессе этнической самоидентификации личности занимает лидирующие позиции этноидентификатора.

При выборе родного языка большинство респондентов указали более двух языков, что коррелирует и с выбором этнической принадлежности в зависимости от национальности матери и отца: 96,7 % эвенков, 71,8 % долган, 92,3 % эвенов в качестве родного языка указали якутский язык, что составляет 83,1 % всех респондентов; 57,3 % долган, 2,1 % саха указали долганский язык (30,3 % всех респондентов); 3,3 % эвенков, 2,1 % саха; 7,7 % эвенов указали эвенкийский язык (2 % всех респондентов).

При анализе этих данных мы выделили две самостоятельные переменные: уровень языковой ассимиляции и приверженность людей своей этничности. Приверженность людей языку, выраженная во владении им, не

1 Хейро — название этнокультурного центра в с. Юрюнг-Хая. В соответствии с нормами русского языка слово написано правильно, но в долганском языке оно пишется — hейро. Работники культурного центра рассказали, что были вынуждены заменить букву h на X, так как во многих официальных источниках, отчетах писали неправильно название центра.

тождественна стремлению подчеркнуть свою этническую принадлежность через декларативное определение «родного языка» как этнического маркера. Мы разделяем выводы М. Э. Когана, считающего, что «знание национального языка, признание или непризнание его родным прямо определяются этническими условиями социализации личности: в своей или иноэтнической среде вырос респондент, учился ли он в национальной или русской школе, в моно- или межнациональной семье он воспитывался» [Коган, 1995, с. 72]. Так, часть респондентов, указавших долганский язык в качестве родного, отметили отсутствие его преподавания в школе (32,8 %), неиспользование родного языка в семье (8,2 %), а также отсутствие в нем потребности (6,6 %); половина респондентов, указавших эвенкийский язык в качестве родного, отметили, что не было в нем потребности (50 %). В качестве основных причин невладения родным языком 46,7 % эвенков, 17,5 % долган, 23,1 % эвенов отметили, что в их семьях никто не говорил на родном языке; 23,3 % эвенков, 5,8 % долган, 6,4 % саха, 23,1 % эвенов сказали, что не было потребности во владении родным языком; 20 % эвенков, 30,1 % долган, 6,4 % саха, 7,7 % эвенов указали на отсутствие его преподавания в школе.

Таким образом, подтверждается тезис, что декларация «считаю родным языком» отражает скорее не языковую компетенцию и не факт владения родным языком, но приверженность человека определенной культурной ценности, какой предстает язык. Для функциональных полилингвов, владеющих долганским, якутским, русским языками и идентифицирующих их в качестве родных, язык действительно есть часть культуры, а «полилингвизм есть термин, по существу адекватный поликультурности» [Фомин, 1998, с. 36].

На третьем этапе исследования была выявлена языковая картина мира индивида, связанная с языковым сознанием, сформированным в условиях среды обитания. Ассоциативный эксперимент был проведен с целью выяснения общего и специфического в языковом сознании населения полиэтничных сел Анабарского района. Предварительные результаты ассоциативного эксперимента следующие: реакции на слова-стимулы, отражающие якутскую культуру, имеют свою специфику, к примеру, *ыһыах* (традиционный летний якутский обрядовый праздник) отождествляется с летним праздником долган *Байанай*. На якутское слово *алаас* (круглое поле или круглый луг в лесу) встречаются реакции *от* (трава), *хонуу* (поляна), которые в якутском языковом сознании являются высокочастотными, но у анабарцев занимают низкие позиции, а часто встречающейся является реакция *киэҥ* (широкая, просторная). Также на эти слова-стимулы имеются реакции, которые указывают на инокультурный компонент: *сахалыы понятие* (якутское понятие), *сахалар* (якуты). Также один респондент использует несколько языков для своих ответов, что показательно для носителей двух и более языков: рус-

ские — *запомни, на веки, лес, вечер*; русские заимствования: *чиэһинэй* (честный), *буурҕа* (пурга), *быраах ынньык* (праздник), *куорат* (город); примеры смешения языков: *быстро гын* (сделай быстро); долганские: *һака* (саха), *дьактар (*женщина), *күөгэ* (удочка); якутские слова с эвенкийскими суффиксами: *нэлэмэй* (от як. *нэлэгэр* широкий, просторный).

Проанализировано языковое сознание билингвов и полилингвов разных национальностей, имеющих одно место совместного проживания, которое можно трактовать, с одной стороны, как частное, то есть как узкую локализацию: (1) с. Саскылах; (2) с. Юрюнг-Хая, с другой — как общее: Анабарский район. Нами выявлено, что население района является якутоязычным и поликультурным, имеющим больше общего в сознании с якутской и долганской культурой, нежели с эвенкийской или русской. В каждом из социумов — с. Саскылах (эвенкийский национальный) и с. Юрюнг-Хая (долганский национальный) — присутствуют схожие, адаптированные в связи со специфическими условиями жизни образы, что можно рассматривать как объединяющий два поселка фактор. Исходя из того, что численность долган является доминирующей в данном районе, можно с уверенностью описывать полученные нами результаты как специфику долганского языкового сознания.

5. Заключение

В рамках статьи Анабарский регион Якутии впервые рассмотрен как уникальное пространство этнической адаптивности и мобильности и, вероятно, недооцененных этнокультурных ресурсов в свете сохранности традиционных хозяйственных занятий и самоидентификации. Этнокультурный ландшафт Анабара сегодня представляет собой результат многовекового взаимодействия коренных этносов: долган, эвенков, якутов и русских крестьян. К настоящему времени некогда разрозненные по всей территории региона локальные сообщества укрупнены в два: Саскылахское и Юрюнг-Хаинское. Результатом адаптации местного населения к природным ландшафтам рассматриваемого региона являются традиционные отрасли хозяйства, которые, несмотря на трансформации в течение XX века, сохранены и функционируют, являясь жизненно важными и едиными для анабарцев. Лингвистический ландшафт района выявлен на основе трехэтапного исследования, раскрывающего разные пласты самосознания: внешнего — с преобладанием русскоязычного текста в лингвистическом облике исследуемых поселений, индивидуального — с преобладанием якутского языка в межгрупповом общении — и подсознательного, выявившего доминирование долганских культурных кодов.

Таким образом, на данном этапе исследования мы можем говорить об этнокультурном ландшафте Анабарского региона как о пространстве долганского феномена, обусловленного синтезом эвенкийской, якутской и

русской культур. Для данного ландшафта также характерно функционирование регионального консолидирующего маркера под названием *анабарцы*.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 9. Д. 179. Л. 48.

2. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 9570 (Учреждения Северного морского пути). Оп. 5. Д. 166. Л. 6.

3. НА РС(Я) — *Национальный* архив Республики Саха (Якутия). Ф. 50 (Президиум Верховного Совета ЯАССР). Оп. 1. Д. 2212. Л. 2; Оп. 3. Д. 121. Л. 18 ; Ф. 70 (Статистическое управление ЯАССР). Оп. 1. Д. 427. Л. 21 ; Ф. Р-499 (Северо-Якутское речное пароходство Главного управления Северного морского пути при Совете Министров СССР). Оп. 3. Д. 121. Л. 17.

4. *Муниципальная* программа «Развитие сельского хозяйства и продовольствия Анабарского улуса на 2020—2024 годы» // Текущий архив Управления сельского хозяйства МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район). — Саскылах : [б. и.], 2019. — 21 с.

5. *Некоторые* показатели экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов Севера и Арктических районов : статистический сборник / Госкомстат Республики Саха (Якутия). — Якутск : [б. и.], 1999. — 96 с.

Литература

1. *Анабарский* улус : История. Культура. Фольклор. — Якутск : Бичик, 2005. — 232 с.

2. *Гурвич И. С.* К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР / И. С. Гурвич // Советская этнография. — 1950. — № 4. — С. 150—168.

3. *Коган М. Э.* Язык в структуре национального самосознания / М. Э. Коган // Этническое и языковое самосознание : материалы конференции (Москва, 13—15 декабря 1995 г.) / Институт народов России ; редкол. : В. П. Нерознак. — Москва : ТОО «ФИАН-фонд», 1995. — С. 72—73.

4. *Санникова Я. М.* Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях постсоветских трансформаций конца XX в. / Я. М. Санникова // Язык Севера. Материалы Всероссийской научной конференции. 18 марта 2020 г. — Москва : Политическая энциклопедия, 2020. — С. 234—242.

5. *Фомин М. М.* Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия) : монография / М. М. Фомин. — Москва : Мир книги, 1998. — 213 с.

Anabar Region of Yakutia in the XX — Early XXI Centuries: Characteristics of the Local Cultural Landscape

© **Viktoriya V. Filippova (2020)**, orcid.org/0000-0002-3900-918X, Researcher ID M-6988-2016, PhD in History, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), filippovav@mail.ru.

© **Liliya I. Vinokurova (2020)**, orcid.org/0000-0002-5779-6893, PhD in History, Lead Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), lilivin@mail.ru.
© **Yana M. Sannikova (2020)**, orcid.org/0000-0002-7430-8783, Researcher ID J-5862-2018, PhD in History, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), sannikowa@mail.ru.
© **Natalya E. Zakharova (2020)**, orcid.org/0000-0002-5354-6862, Researcher ID K-1573-2018, PhD in Philology, Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS) (Yakutsk, Russia), zakharova_nataly@mail.ru.
© **Akulina E. Mestnikova (2020)**, orcid.org/0000-0003-4973-8375, Researcher ID E-9989-2019, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociocultural Innovations and Technology, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Churapcha state institute of physical education and sport" (Churapcha, Russia), linamestnikova@gmail.com.

The features of the ethnocultural landscape of the Anabar national (Dolgan-Evenk) ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) are considered. Attention is paid to the main components of cultural landscapes: local communities and traditional economy. In the study area, the retrospective analysis made it possible to identify the dynamics of the number and settlement of residents, to state the modern functioning of two rural local communities: Saskylakh and Yuryung-khainsky. It is argued that the sustainability and preservation of traditional sectors of the economy are due to the adaptation of the local population to natural landscapes. It is noted that during the XX — early XXI centuries, the traditional economic activities of the indigenous population, represented by different ethnic groups that originally inhabited the territory of the ulus, remained unchanged and, despite all the socio-economic transformations, remain vital and common for the Anabarians. The article presents the results of the analysis of a sociological survey and an associative experiment, which revealed the features of the linguistic landscape of the area under consideration, depending on different layers of self-awareness: external, with a predominance of Russian-language text in the linguistic appearance of the settlements under study; individual, with a predominance of the Yakut language in intergroup communication; and the subconscious, which revealed the dominance of the Dolgan cultural codes. It has been established that the cultural landscape of the Anabar ulus is the result of centuries-old interaction of indigenous ethnic groups inhabiting this area: Dolgans, Evenks, Yakuts and Russians.

Key words: cultural landscape; Dolgans; Evenki; Yakuts; Russians; Anabar ulus; Yakutia.

Material resources

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 7523 (Verkhovnyy Sovet SSSR). Op. 9. D. 179. L. 48* [GARF-State archive of the Russian Federation. F. 7523 (Supreme Soviet of the USSR). Op. 9. D. 179. L. 48]. (In Russ.).

Munitsipalnaya programma «Razvitiye selskogo khozyaystva i prodovolstviya Anabarskogo ulusa na 2020—2024 gody» [Municipal program "Development of agriculture and food of Anabar ulus for 2020—2024"]. In: *Tekushchiy arkhiv Upravleniya selskogo khozyaystva MO «Anabarskiy natsionalnyy (dolgano-evenkiyskiy) ulus (rayon)* [Current archive Of the Department of agriculture of the MO "Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus (district)"]. (2019). Saskylakh: [b. i.]. 21 p. (In Russ.).

NA RS(Ya) — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F. 50 (Prezidium Verkhovnogo Soveta YaASSR). Op. 1. D. 2212. L. 2; Op. 3. D. 121. L. 18; F. 70 (Statisticheskoye upravleniye YaASSR). Op. 1. D. 427. L. 21; F. R-499 (Severo-Yakutskoye rech-*

noye parokhodstvo Glavnogo upravleniya Severnogo morskogo puti pri Sovete Ministrov SSSR). Op. 3. D. 121. L. 17 [National archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 50 (Presidium of the Supreme Soviet of the YASSR). Op. 1. D. 2212. L. 2; Op. 3. D. 121. L. 18; F. 70 (statistical office of the YASSR). Op. 1. D. 427. L. 21; F. R-499 (North Yakut river shipping company of the Main Directorate of the Northern sea route under the Council of Ministers of the USSR). Op. 3. D. 121. L. 17]. (In Russ.).

Nekotoryye pokazateli ekonomicheskogo i sotsialnogo razvitiya rayonov prozhivaniya malochislennykh narodov Severa i Arkticheskikh rayonov: statisticheskiy sbornik [Some indicators of economic and social development of areas where small-numbered peoples live in the North and Arctic regions: statistical collection]. (1999). Yakutsk: [b. i.]. 96 p. (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 9570 (Uchrezhdeniya Severnogo morskogo puti). Op. 5. D. 166. L. 6* [Russian state archive of Economics. F. 9570 (Institutions of the Northern sea route). Op. 5. D. 166. L. 6]. (In Russ.).

References

Anabarskiy ulus: Istoriya. Kultura. Folklor [Anabar ulus: History. Culture. Folklore]. (2005). Yakutsk: Bichik. 232 p. (In Russ.).

Fomin, M. M. (1998). *Obucheniye inostrannomu yazyku v usloviyakh mnogoyazychiya (dvuyazychiya): monografiya* [Teaching a foreign language in the conditions of multilingualism (bilingualism): monograph]. Moskva: Mir knigi. 213 p. (In Russ.).

Gurvich, I. S. (1950). K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya severo-zapada Yakutskoy ASSR [On the issue of ethnicity of the population of the North-West of the Yakut ASSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], *4:* 150—168. (In Russ.).

Kogan, M. E. (1995). Yazyk v strukture natsionalnogo samosoznaniya [Language in the structure of national identity]. In: *Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye: materialy konferentsii (Moskva, 13—15 dekabrya 1995 g.)* [Ethnic and linguistic self-awareness: materials of the conference (Moscow, December 13—15, 1995)]. Moskva: TOO “FIANfond”. 72—73. (In Russ.).

Sannikova, Ya. M. (2020). Traditsionnoye khozyaystvo korennykh narodov Severa Yakutii v usloviyakh postsovetskikh transformatsiy kontsa XX v [Traditional economy of the indigenous peoples of the North of Yakutia in the conditions of post-Soviet transformations of the late twentieth century]. In: *Yazyk Severa. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. 18 marta 2020 g* [Language of The North. Materials of the all-Russian scientific conference. March 18, 2020]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 234—242. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2020), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника,

номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.

10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

Contents

Linguistics

Griber Yu. A. Russian Conservation Terms for the Wall Paintings and Architectural Surfaces in the Multilingual Lexicographic Representation of the Dictionary "EwaGlos" 9

Enina L.V., Gramatchikova N. B. Almost "Direct Route": Ideological Meanings in the Construction of the Factory Identity of Uralmashplant Workers 31

Zhukova O. Yu., Zaitseva N. G. "Forest Nose", "Nose of Wind", "Curse of Water": Mythology at the Service of the Nomination (Vepsian Names for Diseases Emanating from Forest Spirits, Water and Wind) 53

Ilyina Yu. N. Verbs with the Meaning 'Change Facial Expression to Denoting Negative Emotions' in Dictionary of Dialect Speaker 67

Nikonova E. A. Genre Typology of Media Texts 79

Semenova N. V., Grigorieva N. O., Polezhaeva Zh. Yu. Grammatical Semantics of a Complex Sentence with an Immediate Succession Conjunction "yedva" [hardly] 98

Shulezhkova S. G., Mikhina O. V. Bulgarian yesterday, today, tomorrow (to the publication of the book Slawistik. —Band 8: Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik: Standpunkte — Innovationen — Herausforderungen der Bulgaristik: Festschrift für Prof. Dr. h. c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags / M. Henzelmann (Hg.). — Berlin : Frank & Timme GmbH, 2020. — 342 S.) 112

Yurieva N. M. Mediating Speech Actions of an Adult in Telling a Story by a Child: Hypothesis about the Interactive Nature of Narration in a Child's Speech Activity 132

Literary Studies. Journalism. Folklore

Ai Huirong. Reception of Dostoevsky's Creativity in Chinese Translations, Works of Art and Scientific Research 154

Amineva V. R. Topos of Kazan in Russian Poetry of the Late XX — Early XXI Centuries: Features of Functioning and Poetics 177

Vlasova O. A. "Point of View" in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue 193

Gimranova Yu. A., Sedova E S. Intertextual References to the Story of A. K. Doyle "A Study in Scarlet" in Modern Literature (N. Gaiman "A Study in Emerald" and Ya. Wagner "A Study in Purple") 211

Mineeva I. N., Pashkova T. V. Topos "Karjala" in Bilingual Poetry by A. Volkov 228

Nuzhnaya T. V. Oriental Landscape in the Novel "Journey to the Orient" by G. de Nerval 242

Osipova O. I. Magical Realism through the Prism of Artistic Conflict 254

Ustinovskaya A. A. Translation as a Form of Literary Communication in Poetry of Silver Age: Three Lyrical Versions of a Poem by Paul Fort 269

Farafonova O. A. Variants of Liminal Plot Situation in Russian Memoir Texts of 18th Century 281

History. Ethnography. Ethnology

Bakulov V. D., Egorov A. A., Klochkov V. V., Nazarova V. S. Political Clubs and Press in Russia and England in the 20—30s of XIX Century: Russian Public Opinion about the Tory Party 297

Belyanin D. N. Medical Assistance to Migrants on their Way to Siberia in 1906—1914 315

Bogatyreva O. N. Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984—2014) 335

Danilova N. K. Ritual Clothing of the Sakha People: ***tangalai son*** (Historical Memory and Semantics) 362

Zoriktuev B. R. On the Question of the Two Mongol States in the Early XIII Century 379

Kononova T. L. Zemsky Rural Public Libraries of Kursk Province and their Readers (Late XIX — early XX Centuries) 396

Korenevskiy A. V., Nikolaeva N. D. Russian-Polish Relations at the Turn of the "Long XII Century": from the "Pereyaslavl Crisis" to the Death of Roman Galitsky 410

Mamyachenkov V. N., Vlasova N. Yu., Anisimov A. L. Financial Income and Expenses of Collective Farmers of the Molotov Region in the First Post-War Five Years (1946—1950) 423

Nesterov A. G., Tretyak I. R. "One-Eyed Dragon" Li Keyong in the Historical and Fictional Literature of China in the Song Era (X—XIII Centuries) 436

Polynov M. F. Konstantin Ustinovich Chernenko as the Leader of the CPSU and the Soviet Union (1984—1985) 448

Reinhardt R. O. Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain J. M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824—1825) 466

Fedorova V. I. Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX—XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics 477

Filippova V. V., L. I. Vinokurova , Sannikova Ya. M., Zakharova N. E., Mestnikova A. E. Anabar Region of Yakutia in the XX — Early XXI Centuries: Characteristics of the Local Cultural Landscape 495

TO AUTHORS 509

ПОДПИСКА

на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 30.11.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,09. Тираж 500 экз. Заказ 30/11-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020

Свободная цена